

Памятники
исторической
мысли
Украины

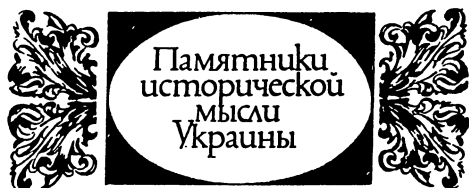

М.С.
ГРУШЕВСКИЙ

Очерк
истории
украинского
народа

М. Трубецкой

М.С.
ГРУШЕВСКИЙ

Очерк
истории
украинского
народа

КИЕВ
«ЛЫБИДЬ»
1990

Библиотека
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ УКРАИНЫ»
основана в 1989 г.

Редакционная коллегия библиотеки:
Ю. П. Дьяченко, В. А. Замлинский, Л. Г. Мельник, Ю. М. Мушкетик,
В. Г. Сарбей, В. А. Смолий, В. П. Тараник,
Ф. П. Шевченко (председатель)

Составители и авторы историко-биографического очерка
Ф. П. Шевченко, В. А. Смолий

Примечания *В. М. Рычки, А. И. Гуржия*

Рецензент *Ю. А. Пинчук*
Редактор *Ю. Г. Медюк*

I

СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ; ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ; УКРАИНСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ ТИП

В настоящее время украинская колонизация¹ в сплоченных массах (т. е. не считая изолированных и удаленных от общей массы колоний) окружает широкою полоскою северное побережье Черного моря приблизительно между 44 и 53° северной широты и 38—62° восточной долготы*. Она обнимает горную область по обеим сторонам Карпат от Магуры до Трансильванских гор и, огибая нижнее Подунавье, занятое теперь румынской колонизациею, охватывает бассейны Днестра и Южного Буга, верхнее и среднее течение Западного Буга со смежными частями бассейна Сана, среднее и нижнее течение Днепра, почти весь бассейн Донца, простираясь в среднее течение Дона, и, наконец, значительные части бассейнов Кубани, Кумы и Маныча, местами проникая глубоко в горную область Кавказа и прикаспийские степи. Северною границею приблизительно служит линия р. Припяти, за которую украинская территория выдвигается к северу двумя выступами, разделенными белорусским клином верхнего Днепра: в бассейне Западного Буга она простирается до области р. Нарева, в бассейне Десны приблизительно до области р. Судости, и эти поречья дают крайние контуры украинской территории на севере**. Южную границу составляют берега Черного и Азовского морей².

* Долгота указана от первого меридиана (это соответствует 20—44° долготы от Гринвича и 10—14° от Пулкова); восточную границу можно обозначить только условно: я беру область средней Кумы, крайнюю территорию, где украинское население составляет большинство (Новогригорьевский уезд, где при переписи 1897 г. насчитано 54 % украинского населения); но многие исследователи принимают крайним пределом Каспийское побережье, так как в ослабленном виде украинская колонизация продолжается до самого побережья. (Здесь и далее звездочками обозначены примечания М. С. Грушевского; примечания составителей имеют сквозную нумерацию и расположены в конце книги.— Ред.)

** Здесь затруднение представляет существование средних, переходных украинско-белорусских говоров, большею частию не исследованных достаточно, и это вносит известную неясность в наши представления об этнографической границе.

В политическом отношении эта территория входит в состав России, Австрии и Венгрии. Она включает в себе: в Австрии — всю Восточную Галицию, горную подкарпатскую область Западной Галиции до «Руської ріки» (притока Дунайца) на западе и северо-западную часть Буковины; в Венгрии — соседнюю с украинской территории Галиции горную область (к югу от Карпат) в комитатах Спишском, Шаришском, Землинском, Ужском, Бережском и Мармарошском; в России — губернии: Волынскую со смежными частями Люблинской, Седлецкой, Гродненской и Минской, Киевскую, Подольскую, значительную часть Бессарабской, всю Херсонскую, Екатеринославскую и материковую часть Таврической, всю Полтавскую и Харьковскую, большую часть Черниговской, юго-западные части Курской, восточную часть Воронежской губернии и Донской области, значительные части Кубанской и губерний Черноморской (Новороссийской) и Ставропольской (к которой примыкают затем более изолированные колонии Астраханской и Саратовской губерний).

Чтобы установить с совершенной точностью украинскую территорию, т. е. область, в которой украинское население является преобладающим, нужны точные, объективно и научно собранные этнографическо-статистические данные. Их в настоящее время очень мало, так как официальные статистические данные России и Австро-Венгрии (каждые в своем роде) оставляют желать очень много; поэтому украинская территория может быть установлена пока только приблизительно *. В Австро-Венгрии она занимает около 85 тыс. кв. километров с общей численностью населения около 7 миллионов. В России — свыше 750 тыс. кв. километров с населением свыше 33 миллионов. Всего около 850 тыс. кв. километров, или 15 тыс. кв. миль, с населением свыше 40 миллионов.

Общее число собственно украинского населения на этой территории нужно считать около 33 миллионов — цифры опять-таки не могут быть вполне точны, так как при нынешних условиях переписи цифры народностей, находящихся в менее благоприятных условиях, всегда выходят ниже действительности, а перепись России 1897 г., на которой приходится главным образом основывать свои выводы, составлена притом довольно небрежно. На очерченной выше территории России она насчитывает около 21 400 000 украинского населения, но, несомненно, цифра эта гораздо ниже действительного числа: счетчики не включили некоторые переходные типы украинского населения на этнографических пограничьях; городское население в более значительных городах и представители высших сословий почти поголовно вошли в категорию великорусского населения, хотя, несомненно, не принадлежат к таковому. Несомненно, что в общей слож-

* Результатами переписи 1897 г. в России для исправления старых этнографических карт почти нельзя было воспользоваться, так как она дала лишь общие поуездные цифры.

ности недочет был гораздо больше миллиона, так что современное украинское население указанной территории России, принимая в расчет тринадцатилетний прирост (колеблющийся обыкновенно между 1,5 и 1,75 %), нужно считать не менее 28 миллионов. Украинское население указанной выше территории Австро-Венгрии в настоящее время нужно считать около 4,5 миллионов, а именно: в Восточной Галиции — свыше 3,5 млн., на смежном подгорье Западной Галиции — около 70 тыс., в Буковине — свыше 300 тыс., в Северной Венгрии — около 500 тыс.* Таким образом, общая численность украинского населения на очерченной выше территории достигает 32—33 млн. Вне ее украинское население встречается, во-первых, в пограничных полосах с преобладающим инородным населением, во-вторых, в более или менее значительных колониях (иногда в виде целых групп поселений) в других местностях Европейской и Азиатской России, Австро-Венгрии, Румынии, Североамериканских Штатов, Канады и Бразилии, в общей сложности достигая, вероятно, не менее 2,5—3 млн., так что общую численность украинского населения нужно предполагать не ниже 35 млн. **

Из украинской территории особенно однородностью состава населения и преобладанием украинского элемента отличается среднее Поднепровье (губерния Полтавская, южная часть Черниговской, восточная Киевской и смежные части Екатеринославской), где украинское население составляет в общем не менее 90 % населения, колеблясь между 80 и 98 % даже по официальной переписи. В западной части оно разрежено элементом польским и еврейским (Галиция со смежными местностями), мадьярским (в Венгрии) и румынским (в Буковине и Бессарабии) и в общем составляет около 70 % всего населения (хотя и здесь встречаются местности с сплошным украинским населением, напр., некоторые горные поветы Галиции и Венгрии, насчитывающие 80—90 % украинского элемента даже по

* Перепись 1900 г. насчитала в Галиции (Восточной и Западной) украинского (русинского) населения 3074 тыс.; к ним нужно присоединить: а) весьма значительное количество украинского населения, исповедующего католичество и в силу этого при галицких переписях зачисляемого в категорию поляков; б) не поддающийся учету, но довольно значительный процент, при переписи причисляемый к господствующей народности; в) естественный прирост (около 1,1 % ежегодно). В Буковине та же перепись насчитывала 298 тыс. (ежегодный прирост около 1,3 %). В Северной Венгрии в 1900 г. украинского населения насчитано 409 тыс., а с военным контингентом — 411 тыс. (при приросте около 1,16 %), но это число, несомненно, было значительно ниже действительности.

** Значительные группы украинских поселений существуют, напр., в Терской обл., в Астраханской, Саратовской, Самарской и Оренбургской губ., в Акмолинской и Семиреченской обл., в Уссурийском крае и т. п. Статистики этих колоний, собственно говоря, не существует вовсе. Выходцы из украинской территории Австро-Венгрии направлялись в большом числе в Соед. Штаты и Бразилию, в последнее время в Канаду, образуя в последней отдельные группы украинских поселений.

официальной статистике). Так же разрежено украинское население Черноморья и восточной окраины, колонизированной украинским племенем совместно с великорусским и другими элементами в течение последних столетий, хотя и здесь мы встречаем местности с весьма однородным украинским населением, достигающим даже по официальным исчислениям 80—90 %. В общем можно считать украинское население в 80—90 % в центральных частях украинской территории и 50—70 % на ее окраинах.

На большей части этой территории украинское население является исконным в том смысле, что оно, или, точнее, та южная группа восточнославянских племен, от которой ведет свое происхождение нынешняя украинская народность (в этом смысле употребляем термин «украинский», говоря о фактах древнейших периодов), основывается на этой территории уже в эпоху великого славянского расселения, создавшего основы нынешнего размещения народностей Восточной Европы *. Конечно, за двенадцать-тринадцать столетий, отделяющих нас от эпохи расселения этих племен, колонизация претерпевала весьма сильные пертурбации, но в общем этнографическая украинская территория не изменилась значительно, так как в конце концов украинская колонизация овладела своею старою територією и если понесла некоторые утраты на западных границах, то взамен этого раздвинула свои границы на юго-восток и, вероятно, также на восток.

На западе украинская колонизация выступает теперь клином в Карпатах, сжатая между польскою и словацкою колонизациею; на севере к ней здесь примыкает пространство между Вислоком и Саном, с преобладающею польскою колонизациею и слабыми только остатками украинской, а на юге, на южных склонах Карпат, видим смешанное украинско-словацкое или совсем ословаченное украинское население. Уцелевшее на крайнем западе в горной области Карпат украинское население — это обглоданный скелет более значительной древней колонизации. Еще на наших глазах продолжается здесь процесс поглощения поляками и словаками ослабленных остатков украинского элемента в местностях со смешанным населением — поглощение, которое объясняется не только укоренившимся полити-

* Среди великорусских ученых, правда, высказывались предположения, что Киевская область (земля полян) и земли на левой стороне Днепра в древнейшие времена, до XIV—XV вв., были заселены племенами не украинской, а великорусской группы, и эта старая колонизация, ослабевшая после монгольского погрома XIII в., была покрыта более новою украинскою колонизациею, шедшею с запада (так наз. теория Погодина). Но эти предположения не имеют под собою никаких положительных данных. Более умеренные представители этих взглядов признают теперь неосновательность их относительно Киевской области, а если допускают еще относительно земель заднепровских, то больше по традиции, не решаясь сразу расстаться со старыми воззрениями.

ческим преобладанием поляков, но и вековым отливом украинского населения на восток и юго-восток.

Еще в XVII в. этнографическая украинская граница проводилась современниками гораздо далее на запад и на север до Вислы, в окрестности Люблина, который еще в XVII в. считался городом почти украинским. В планах отделения Украины от Польши XVII в. Висла обыкновенно выступает как этнографическая граница украинцев и поляков *, хотя, конечно, здесь нельзя видеть границы точной.

На юге от Карпат, кроме словацкого пограничья, украинская колонизация в тех же пограничных, смешанных областях и по тем же причинам понесла утраты также в сторону мадьяр и румын. Стойкое вообще там, где оно живет в сплошных массах, украинское население подвергается денационализации особенно в равнинных пространствах карпатского подгорья со смешанным населением.

В Трансильвании теперь уже нет украинского населения; его остатки окончательно исчезли в начале XIX в., и только следы его остались в многочисленных хоро- и топографических именах на всем пространстве Трансильвании. Из одной папской буллы (1446) видим, что еще в XV в. здесь была значительная украинская колонизация. Она покрыта теперь колонизацией румынской, как и старая украинская колонизация Подунавья (в области Прута и северного побережья Дуная), ослабленная нашествиями тюркских орд (особенно половцев).

Взамен этих утрат на западе украинская колонизация расширила, как можно думать, свои пределы несколько на север, оттеснив или ассимилировав литовскую и белорусскую колонизацию, хотя вообще проследить исторически границу украинской и белорусской колонизации очень трудно, ввиду неоднократных колебаний ее. Так же трудно определить новые приобретения украинской колонизации на востоке, в бассейне Донца и Дона. Нынешняя украинская колонизация этой территории — нового происхождения: она развилась главным образом в XVII в., когда после неудачных восстаний против Польши выходили сюда массы переселенцев из Левобережной Украины. Но по большей части эта колонизация только возвращала украинской народности пространства, утраченные ею во время движения тюркских орд X—XIII вв., и если можно в общем догадываться, что колонизация XVII в. не только возвратила, но и раздвинула старые границы на восток, в область среднего Дона, то все-таки размер этих приобретений установить невозможно. Область нижнего Дона, теперь занятая великорусским населением, наоборот, можно считать ее утратою, так как в древнейшее время (VI—VII вв.) она была занята тою же группою племен, что и область нижнего Днепра, т. е., по

* Хмельницкий грозил в 1649 г. прогнать поляков за Вислу. В проекте раздела Польши 1657 г. и в договоре Дорошенка с Турцией Висла также выступает границей православной веры и украинской народности.

всему судя, южною украинскою колонизациею (византийские источники VI в. называют их антами).

Несомненно новым приобретением украинской колонизации является область Кубани, колонизированная остатками запорожцев в конце XVIII в. и потом заселявшаяся в продолжение XIX в. добровольными и недобровольными украинскими выходцами, поселявшимися в большом числе также в области Кумы и Терека. То же нужно сказать об украинской колонизации Крымского полуострова, развившейся в XIX веке. Украинская же колонизация степной полосы, от Донца до Днестра, и соседних частей Бессарабии, начавшаяся в XVIII веке запорожцами и продолжавшаяся в течение большей половины XIX беглыми крестьянами-крепостными, только овладела старою терририею, занятою упомянутою группою «антских» племен еще в первые века славянского расселения и затем утраченную со времени движения тюркских орд.

Вообще колонизационные пертурбации имели место главным образом в восточных и южных частях украинской территории, преимущественно равнинных и безлесных. Когда кочевые тюркские орды двигались из Средней Азии степными пространствами Восточной Европы, украинскому населению приходилось очень тяжело в открытых, ничем не защищенных восточных и южных местностях, в бассейне Дона и среднего Днепра и в степных пространствах Черноморья, и оно отливало отсюда в лесистые и болотистые местности Северной Украины и в гористые области Карпат. В лесные и болотистые пространства, так же как и в горы, степные хищники заглядывали редко и лишь мельком — в таких местностях передвижение для них было затруднительно, между тем как в степных, безлесных областях они чувствовали себя дома, и если не располагались на кочевку, то появлялись для грабежей охотно и часто. Если мы примем во внимание, что начиная с незапамятных времен и до XVIII в. эти степи от Урала и до равнин нижнего и среднего Дуная служили постоянно большою дорогою для разных кочевых орд, то нам будет ясно, какое важное значение имели эти свойства поверхности в истории украинской колонизации.

Составляя естественное продолжение среднеазиатских степей, степная область Восточной Европы образует клин, захватывающий область среднего и нижнего Дона, нижнего Днепра и Днестра. Более или менее параллельно границе степи идет с юго-востока на юго-запад линия леса *. Она совпадает с границею песчаной, малопригодной для земледелия полосы и полосы хлебородной. Лесная область охватывает песчаные, неплодородные поречья Десны, Тетерева, Припяти с ее притоками и Западного Буга; лес теперь тут уже разрежен, прежде был несравненно гуще. Полоса предстепья, между областю леса и степью, богато орошенная, с волнистою поверхностью и пло-

* Приблизительно по линии Козелец — Кременец.

дородную почву, с значительной лесной растительностью, менее открытая, опирающаяся о линию леса,— была областью наиболее интенсивной жизни и культуры³. Наибольшее значение в первые века нашей истории имела центральная, поднепровская ее часть, потому что восточная была более доступна кочевникам, а западная не имела таких удобных водных дорог, как Поднепровье. Но предстепное Поднепровье временами так же много терпело от кочевников; население принуждено было уходить отсюда в более безопасные местности, и потому в историческом развитии этого центра Украины видим большие перерывы.

Западная часть — земли Галицкая и Перемышльская, где лесной пояс сходится с горною областью Карпат, Волынь средняя и северная и лесные и болотистые пространства окрестностей Киева, где линия леса довольно далеко выступает на юг,— играли роль резервуаров, куда украинское население менее защищенных пространств отливало под натиском тюркских орд, чтобы через некоторое время, когда напор кочевников ослабевал, снова двигаться отсюда в опустевшие пространства на юг и восток. Поэтому культурные и общественные традиции лучше сохранились в западной части украинских земель, хотя центр их жизни лежал на Днепре, и только здесь она развивалась могущественно и хорошо. Степная приморская полоса вследствие тюркской иммиграции не играла в жизни украинских племен выдающей роли.

От времен, когда украинская группа племен впервые овладела своею нынешнею терри­ториею, и до XVIII в., когда была окончательно сломлена сила кочевых орд и положен конец их движению в Европу *, на глазах истории несколько раз происходили массовые отливы и приливы украинского населения в указанном направлении. Сначала они происходят в связи с движением тюркских орд; так в IX в. движение венгров, в X в.— напор печенегов, в конце XI в.— натиск половцев, в XIII в.— поток монгольско-татарских орд, в конце XV — набеги новосформировавшейся Крымской орды вызывают такие отливы украинского населения, и затем, несколько десятилетий спустя, обыкновенно видим новое поступательное движение последнего, более или менее успешное. Пока не прекратилось движение кочевых орд с востока, такие движения украинской колонизации на восток и юг не приводили к прочным успехам. Только с конца XVI в. под влиянием разных причин, какими были массовое движение крестьян из западных и северных провинций, развитие казачества, ослабление, а затем и полное уничтожение Крымской орды, прекращение движения кочевников из Азии,— развивается успешная и все более и более прочная украинская колонизация в восточном и южном направлении, продолжающаяся затем в течение XVII, XVIII и даже XIX веков.

* Последнею ордою, двигавшеюся в XVIII в. из Азии, были калмыки, но они уже не проникли в черноморские степи.

Затем, кроме движения тюркских орд, колонизационные пертурбации вызывали и иные причины,— напр., развитие крепостной зависимости в XVI и XIX вв. имело своим следствием переход огромных масс крестьянского населения с насиженных мест на восток и юг; народные движения XVII в. вызывали передвижения народных масс на восток и юг, в малозаселенные пространства, дальше от театра войны. Последнее передвижение украинского населения на восток в XVII в. было особенно велико.

Борьба со степными ордами, служившая в течение столетий причиной колонизационных передвижений украинского населения, составляет славу и заслугу украинского народа пред историей европейской культуры, защищенной от потоков кочевых орд украинским бруствером, принявшим на себя те удары, которые упали бы иначе на западные народы с их культурой и благосостоянием. Но эта борьба дорого обошлась украинской народности и поглотила огромную массу ее энергии. Опустошения, производимые азиатскими кочевниками, причиняли ужасные потери в людях и имуществе. Только разоренное вконец население решалось покинуть насиженные места, переходить в сравнительно бедные и негостеприимные горные или лесистые местности и устраиваться там вновь. Когда же колонизационная волна двигалась обратно, в соседство степи, экономические средства и силы населения поглощались этим рассеянием экономической энергии: приходилось вкладывать массу энергии и средств в культивирование, приобщение этих одичавших пространств к оседлой жизни. Таким образом, эти приливы и отливы поглотили огромную массу народного капитала; массы народа в течение столетий не могли подняться выше элементарных забот о поддержании своего существования, создания самых примитивных условий хозяйства.

Народ не мог собрать свободных средств и сил для удовлетворения высших культурных интересов. Борьба со степью в течение веков поглощала энергию народа, его правящих классов и правительств. Колонизационные и экономические пертурбации не давали возможности общественным и политическим условиям отвердеть, выйти из «жидкого состояния». Имея пред собою неугомонного врага по всей юго-восточной линии степного пограничья, политические организации Украины не могли держаться, если в тылу их, по линии северо-западной границы, формировались какие-либо значительные конкурирующие политические организации. Политический же упадок имел своим следствием поглощение всего, что составляло национальное достояние, чужими господствующими классами, а в народных массах это поглощение вызывало реакцию, народные войны, в свою очередь поглощавшие в продолжение ряда дальнейших столетий все силы и энергию народа.

Географические, в дальнейшей последовательности — колонизационные и экономические условия украинской территории, таким образом, в значительной степени обусловили историческую эволю-

цию украинского народа. С другой стороны, они весьма существенно повлияли на эволюцию его этнического типа.

Многочисленные массовые передвижения имели весьма важное значение для формирования украинского национального типа и языка. Только западная окраина и северное Полесье сохранили в более чистом и нетронутым виде первоначальную колонизацию. Хотя приливы населения из более открытых мест в периоды отступлений вносили и сюда движение и новые элементы, все-таки гористая и лесная полоса законсервировались лучше. Это обнаруживается и в сохранившихся здесь диалектах, весьма разнообразных и мелких, отмеченных многими архаическими чертами и такими же архаизмами в традиции и быте. На всем остальном пространстве многочисленные массовые передвижения, сравнительно недавно только закончившиеся, перетасовав и перемешав этнический материал (и без того принадлежавший к одной и той же группе племен), сообщили народному типу и языку чрезвычайное и редкое, сравнительно с таким огромным пространством, единство, однородность и сознание своей одноплеменности. Народные говоры с их более новыми, вторичными образованиями и этнографический тип украинского населения представляют на всем пространстве от Львова до Кумы (почти 2000 верст) только сравнительно слабые различия и вариации.

Этот смешанный центральный тип и служит представителем украинской народности. Если на некоторых этнографических границах (как, например, на украинско-словацком пограничье на западе или на севере — на рубеже украинской и белорусской колонизаций) украинские говоры связаны малозаметными переходами с говорами соседей, и самый этнический тип здесь не выделяется резко, то центральный тип, представляющий собою преобладающее большинство, отмечен целым рядом характеристических черт, отличающих его от соседних славянских племен — великороссов, белорусов, поляков и словаков.

Если филологи спорят о том, самостоятельный ли язык составляют украинские диалекты или только наречие русского языка, обнимающего также диалекты великорусские и белорусские, то это, собственно, спор больше формальный, спор о словах: понятия языка и наречия — понятия относительные, и едва ли можно установить, какие количественные и качественные признаки дают группе говоров право на титул самостоятельного языка. Гораздо существеннее, — и здесь не может быть спора, — что группа украинских говоров представляет отдельный, более или менее самостоятельный лингвистический тип, связанный известными чертами, объединяющими разнообразие украинских говоров в одно целое, — все равно, назовем ли его языком или наречием. Эти черты особенно заметны в вокализме и резко отличают украинские диалекты, прежде всего их центральную группу, сообщая им своеобразную физиономию. Их отличия проявляются уже в древнейшую эпоху письменности, в старейших местных

памятниках XI—XII вв., что, впрочем, вполне понятно, так как главные диалектические группы у славян ведут свое начало, несомненно, еще из праславянской эпохи.

Но языком, хотя он служит наиболее ярким и существенным показателем национальной особенности, дело не ограничивается. Украинский этнический тип отличается от своих ближайших родственников — великороссов и белорусов — также и в других отношениях: особенностями антропологическими в тесном смысле, т. е. физическим устройством тела (формой черепа, ростом, соотношениями частей тела) ⁴ и чертами психофизическими, проявляющимися в народном характере, психологии, складе семейных и общественных отношений. В сфере фольклора и этнографии, формах частного и общественного быта украинская народность запечатлена многими характеристическими особенностями, и эти последние, как физические, так и духовные черты, также имеют за собою не во всем одинаковую, но весьма значительную давность.

Как в лингвистическом, так и в психофизическом отношении обособление народностей украинской, белорусской и великорусской выходит далеко за пределы истории. Выходя из своей прародины, эти группы племен, уже там отмеченные известными отличиями, попадали в различные физические, экономические и культурные условия, в различную этнографическую среду. Так, великорусская народность формируется преимущественно на финской почве, белорусская — в близком общении с литовскою группой, украинская — в вечном соседстве с тюрками ⁵. Культурные влияния были совершенно иные в Приднепровье и Поднестровье, чем в Поволжье, и т. д. История вела эти народности большею частью совершенно различными дорогами, представлявшими больше отличий, чем схожестей. В результате образовалось народное самочувствие, которое отличает теперь даже совершенно инстинктивно украинца, белоруса и великоросса, «хохла», «литвина» и «кацапа» * и дает себя чувствовать уже на первых страницах истории.

С особою отчетливостью обозначались в истории эти две народности — великорусская и украинская, две наиболее крупные разновидности среди славянских племен. Историческая судьба не раз сводила их вместе, причем в первых веках их исторической жизни роль зиждущего, культурно и политически преобладающего, первенствующего в Восточной Европе элемента играла народность украинская, в последних — народность великорусская. Вне этих соприкос-

* Хохол — насмешливое название у великороссов для украинцев; оно ведет свое начало от прически украинцев XVII в., когда они, подбравая волосы, оставляли их только на середине головы. Название литвина ведет свое начало от В. кн. Литовского в его границах XVII—XVIII вв. Происхождение слова «кацап», которым презрительно прозывают украинцы великороссов, не так ясно: его производят теперь довольно правдоподобно от тюркского *casar* — мясник, живорез.

новений и одновременно с ними историческая жизнь той и другой развивалась самостоятельно и своеобразно, все более увеличивая сумму отличий всего склада их жизни и отделяя их национальные типы все более резкою чертою. Внешние условия, правда, не благоприятствовали уяснению их особенности. Внешние формы, в которых кристаллизировалось обыкновенно в минувших веках неясное само по себе понятие национальности, — политические, религиозные и культурные связи, не совпадали обыкновенно с нашими национальными группами: то связывали их воедино, то разделяли по живому телу (особенно народность украинскую). Много неясностей вносило само национальное имя, по традиции Киевской державы принятое всеми тремя племенами и сохранившееся затем у них более или менее устойчиво в качестве национального имени (из украинских областей) особенно в Галиции оно сохранилось, по старой традиции, для обозначения имени украинской народности в отличие от великорусской, и только в последнее время уступает место названию «Украина», «украинский», принятому современным украинским обществом повсеместно, чтобы раз навсегда покончить с путаницей, вытекающей из такого употребления одного и того же имени в разных значениях). Но если мы обратимся от имени и внешних оболочек к реальным народностям, жившим под их покровом, перед нашими глазами с полной отчетливостью выступают вполне определенные этнические индивидуальности, запечатленные совершенно ясными чертами особенности. Перед нами, несомненно, две народности, две истории.

II

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ. РАССЕЛЕНИЕ УКРАИНСКИХ ПЛЕМЕН

История народа теряется «во мраке времен», как говорили в доброе старое время, — в зачаточных стадиях обособления и формирования народности в отдельную географическо-этнографическую, а затем национальную особь. История старается проследить этот процесс, изучить те условия, в которых происходила эволюция этой особи, проникая так глубоко в ее прошедшее, как только можно проникнуть. Еще недавно история народов начиналась с первых исторических, писанных известий о них; теперь молодые науки — археология с антропологиею, сравнительная этнология и социология и сравнительное языковедение (глоттика) — расширили исторический горизонт далеко за эту границу. Правда, при современном состоянии этих дисциплин нелегко выбрать из сообщаемого этими науками то, что должно быть введено в историю украинского или иного народа для разъяснения ее первых стадий: слишком много здесь еще шаткого, не установившегося; но, несмотря на эти трудности,

историк никак не может пренебречь результатами этих наук там, где дело идет о темных и без них вовсе недоступных доисторических периодах эволюции народа и его территории.

Порогом исторических времен для украинского народа можно принять IV в. нашей эры, когда мы располагаем известиями, которые можем приложить к нему специально. До этого времени мы можем говорить об украинских племенах лишь как о части славянской группы племен, а их эволюцию можем изучать не в ее развитии, а в результатах, до которых дошли они в момент окончательного обособления отдельных славянских групп⁶. Сравнительное языковедение изучает эти результаты длинного ряда веков доисторической жизни по лингвистическим данным, а факты археологии и этнографии и более поздние исторические известия дают возможность контролировать и дополнять его выводы.

Расселение украинских племен на их нынешней территории совпадает с началом их исторической жизни. Столетия, непосредственно следующие за расселением, готовят государственную организацию, история которой составляет главное содержание первого периода исторической жизни украинского народа. Усилиями киевской династии и дружины были соединены воедино, в один политический организм, хотя на недолгое время, все украинские племена, все части украинской территории, и это политическое единство сообщило новые общие черты культуре и общественным отношениям всего украинского населения. Наиболее важное значение имели распространение христианства, в продолжение последующих столетий постепенно проникавшего в массу народа и влиявшего на быт и мировоззрение народа, и распространение принесенной вместе с христианством византийской образованности и культуры, киевского права и пр. В сфере экономических и общественных отношений этот период обозначается такими чертами, как разделение общества на дружину и общину, образование купеческо-боярского капиталистическо-землевладельческого класса, сильное развитие (а затем упадок) торговли и промышленности и т. п.

В средних десятилетиях окончательно замирает самостоятельная государственная жизнь в украинских землях, и они входят в состав двух соседних государств: Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Этот факт открывает собою второй, переходной период. В сфере культурных отношений западные влияния берут решительный перевес над византийскими, в сфере экономической все более ускоренным темпом идет формирование высшего, привилегированного класса и полное экономическое и юридическое порабощение им массы. Вместе с тем этот привилегированный класс все решительнее отделяется от массы народа в культурном и национальном отношении; антагонизм массы в отношении к правительственному и привилегированному меньшинству, существовавший, конечно, и в предшествующее время, теперь обостряется национальной и религи-

озною рознью. Все это приготовляет конфликт, прорывающийся с концом XVI в. в Юго-Восточной Украине благодаря ее колониционным условиям.

История борьбы народа с ненавистным общественным и экономическим строем, стремящейся к ниспровержению его и реформе общественных отношений сообразно народным идеалам общественной справедливости, составляет содержание третьего периода. Борьба экономического и общественного характера объединяется с борьбой религиозною и национальною; благодаря этому она захватывает собою необыкновенно широкий круг интересов и проникает сверху донизу все общественные классы. Ее ареною служит главным образом Восточная Украина. Тут политический, общественный и экономический уклад подвергается полной перестройке. Национальное сознание доходит до небывалого еще напряжения; чрезвычайного развития достигают религиозные интересы, в значительной степени совпадающие с национальными и даже покрывающие их в силу этого совпадения. В Западной же Украине, по реакции, ускоренным темпом идет в прежнем направлении общественный и культурный процесс. В конце концов борьба проиграна народом и в Восточной Украине, и под всеобщую реакцию затихают в конце XVIII в. ее последние отклики.

Говоря старою историософскою терминологиею, это был тезис и антитезис, синтезирующиеся в истекшем столетии украинского возрождения, вызвавшего к новой жизни народные стремления и уяснившего их в освещении прогрессивных идей современного культурного движения. Усвоенные новою украинскою интеллигенциею, вырастающею под влиянием прогрессивных влияний Запада, они синтезируются с национальными, политическими и общественными традициями бурных столетий предшествующего периода, и место старой вооруженной борьбы заступает борьба культурная, во имя осуществления общественных и национальных идеалов, связывающих в одно целое массы народа с этою новою интеллигенциею.

Таково в коротких словах содержание украинской истории. Оно само собою дает руководящие идеи ее исследованию и изложению. Если в современной исторической науке вообще центр тяжести исследования передвигается на историю общественно-правовых, экономических и культурных отношений, а внешняя политическая история имеет главным образом значение лишь постольку, поскольку она влияла на эти отношения,— то в отношении украинской истории эти принципы диктуются самим ее содержанием.

Самостоятельную государственную жизнь украинский народ жил сравнительно недолго, в древнем периоде своей истории и затем, уже урывками только, в позднейших столетиях. Начиная с XIV века он входит в состав иных, чужих государств,— то служа пассивным объектом их управления, то стоя в более или менее определенной и резкой оппозиции этому управлению. Если и в столетия самостоя-

тельного политического существования украинского народа государственную жизнь руководило правительственное меньшинство, правившее народом часто без его воли и против его воли, то в дальнейших столетиях государственная жизнь развивалась большей частью без всякого влияния на нее не только низших, но и высших слоев украинского общества. Поэтому внешние политические и государственные отношения этого времени могут интересовать нас лишь постольку, поскольку они — непосредственно или посредственно — влияли на национальную, экономическую и культурную жизнь украинского населения. Экономическая, общественная и культурная история украинского населения для некоторых периодов — единственно возможная история украинского народа, а вследствие этого, даже независимо от общих руководящих принципов современного исторического исследования, в истории украинского народа вообще на первый план должны быть выдвинуты явления экономической и культурной эволюции и прослежены на всем протяжении, доступном исследованию. Если не по другим соображениям, то хотя бы для самого лишь уяснения процесса развития его истории мы должны уделить особое внимание общественной, экономической и культурной жизни украинского народа в первых веках его исторического существования и по возможности даже — его существования доисторического.

В этом общественном и культурно-экономическом процессе мы имеем то основание народной жизни, которое проводит нас чрез все стадии существования украинского народа и связывает в одно органическое целое его историю. Ее особенности, таким образом, совпадают с руководящим направлением современной исторической науки, зато стоят в резком противоречии с обычной, привитою школой схемой исторических руководств. Последние, как по векам, двигаются за политическими организациями, возникающими в Восточной Европе, переходя от одной к другой по мере их усиления и значения. Сама по себе нерациональная, эта система искажает историческую перспективу, насильственно разрывая живую нить народной жизни и не давая понятия об истинном развитии ее. Необходимо отрешиться от привычных точек зрения этой схемы, чтобы уяснить себе историческую жизнь какого-либо из народов Восточной Европы, в том числе и украинского.

Исходною точкою нашею будет обособление южной группы восточнославянских племен, из которой сформировалась украинская народность: изучение ее географическо-этнографической и культурной эволюции и той культурной среды, в которой проходило ее развитие.

Как я уже сказал, своею нынешнею територією украинская группа племен овладевает во время славянского расселения, двигаясь из своей прародины на юг и запад.

В настоящее время в науке все глубже проявляется сознание,

что прародину индоевропейских племен нужно искать не в Передней Азии, где предполагали ее прежде, а в Восточной Европе: отсюда в весьма раннее время, которое приблизительно определяют двумя тысячелетиями до нашей эры, отдельные группы начали распространяться на запад, юг и юго-восток; литовская и восточнославянская группы племен были бы в таком случае теми, которые остались на старом пепелище или в ближайшем его соседстве.

Впрочем, как бы ни обстояло дело с индоевропейскою прародиной, во всяком случае группы славянская и литовская, наиболее близкие между собою среди прочих индоевропейских племен, уже по выделении прочих групп прожили долгое время в близком соседстве и общении несомненно в Восточной Европе⁷. С движением германских племен на запад обозначилась западная граница этих литовско-славянских обиталищ — в бассейне Вислы. Южная обозначалась с расселением иранских племен в черноморских степях: из исторических источников о черноморской колонизации видим, что кочевое (иранское, по всей очевидности) скифско-сарматско-аланское население степей не выходило за пределы областей нижнего Днепра, Южного Буга и Днестра, и далее на север мы должны предположить колонизацию славянскую. На юго-западе во II в. до нашей эры Карпатское подгорье покрывает германская (или кельтско-германская) колонизация бастарнов⁸; перед их приходом, а также и после ослабления их славянская колонизация могла простирались до Карпат, в бассейнах верхнего Днестра, Сана и Вислы, прорываясь временами и дальше на юго-запад. Горную же область Карпат занимала группа мелких народов неясного, по всей вероятности фракийского, происхождения. Все это были народы той же индоевропейской семьи. Только по линии, перерезывавшей Восточноевропейскую равнину с северо-запада на юго-восток (точнее обозначить ее не можем), границы славяно-литовской колонизации встречались с вовсе чужою — финскою колонизациею.

В этом треугольнике, который ограничивается линиею Вислы на западе, Балтийским морем на севере, на юге занимает области среднего Днепра и Днестра, а на востоке бассейн Днепра (кроме, может быть, его больших восточных притоков), с наибольшим правдоподобием нужно искать славяно-литовскую территорию пред расселением. Литовская группа занимала ее северную часть, в соседстве Балтийского побережья, и, вероятно, также земли между Двиной и Неманом; славянская — остальное пространство от Карпатского подгорья до Алаунской (Валдайской) возвышенности и бассейна Волги, постепенно расширяя свою территорию по мере того как подвигались на запад и юго-восток соседние группы — иранцы, фракийцы, германцы. Юго-восточная, украинская группа племен уже тогда, пред расселением, могла занимать северную и северо-восточную часть своей позднейшей территории, распространившись потом только на юг и запад.

В указанной территории в тесном соседстве и общении славянские племена прожили ряд столетий, достигнув довольно высокого уровня культуры. Говорю о славянских племенах, а не о едином славянском племени, потому что племенная дифференциация — зачатки отличий в племенном составе, языке и складе жизни — должна была в известной степени проявляться уже в этом периоде, хотя мы и не можем следить за процессом этого обособления. Об общем уровне культуры можно судить по лингвистическим данным (по существованию у отдельных славянских племен общих названий, восходящих ко временам их совместной жизни). Видим у них уже довольно развитое земледелие, начатки огородничества и садоводства, довольно широкий круг ремесел, обработку металлов и т. д. Если затем в период своего расселения славяне изображаются своими более культурными соседями как население малокультурное, с преобладанием пастушеского и охотничьего быта, то это нужно пояснить отчасти исключительными условиями, в которых происходили эти международные соприкосновения (сведения касаются передовых кадров движения, воинственных, пренебрегавших условиями хозяйственности и культуры), отчасти нужно видеть здесь временное падение культуры, весьма обычное в периоды передвижения и экспансии.

Расселение славян должно было начаться не позже III века нашей эры. За движением германских племен должно было последовать движение славян на запад. Ослабление иранских орд Черноморья открывало дорогу на юг; гуннский поток, разрушивший остатки иранской колонизации и погнавший на запад готские племена Черноморья, окончательно открыл эти земли для славянской колонизации⁹.

Движение на юг восточнославянских племен (южной, украинской группы) дает себя знать появлением в Черноморье упомянутых уже антов¹⁰. На крайнем юго-востоке, в бассейне Дона и соседстве Азовского моря, мы видим их в половине VI в., и в то же время они выступают на левом берегу нижнего Днестра, составлявшем тогда крайний предел их расселения на западе*. В VII в. уходят окончательно за Дунай южные славяне (предки балканских племен), и восточнославянская (украинская) колонизация занимает земли до северного берега Дуная. На западе открылись для нее, после движения славян на запад и юго-запад, прикарпатские земли и горная область Карпат, колонизировавшаяся украинским населением, впрочем, только постепенно, в продолжение ряда столетий. Во второй половине VII в. украинская колонизация могла уже овладеть своей позднейшей территорией, по крайней мере в главных чертах (так как этнографические границы не установились, конечно, сразу прочно).

Более подробные сведения о ней мы имеем, однако, лишь позже, для X—XI веков. Более всего данных сообщают этнографические

* О них говорят Прокопий, Иордан, Феофилакт, Иоанн Эфесский, писатели VI и начала VII вв.

обзоры и замечания, собранные во вступительной части к древнейшей киевской летописи (так наз. Нестора); хотя они составлены во второй половине XI в., но дают указания и относительно более ранних колонизационных отношений, до тех перемен, какие произвело во второй половине X в. движение Печенежской орды. На основании этих обзоров и других исторических источников (так наз. Географа Баварского, Константина Порфирородного и др.¹¹), а также археологического и диалектологического материала, восточнославянская колонизация представляется в следующем виде: области верхнего Днепра и верховьев Западной Двины и Волги занимают племена северной группы — кривичи, дреговичи, радимичи, вятичи, предки нынешних белорусов и великороссов; они распространяются последовательно на восток, колонизируя финские земли, где вырастают затем настоящие центры великорусского племени. Племена южной (украинской) группы располагаются в бассейне среднего и нижнего Днепра, простираясь на запад в область Карпат, на восток — в область Дона.

В центре украинской колонизации на правом берегу Днепра, в окрестностях Киева расположилось племя *полян*. В конце X и в XI в. оно занимает небольшой треугольник между реками Днестром, Ирпеном и Росью. Может быть, раньше, до печенежского натиска, область полян простиралась далее на юг, за Рось, и здесь в более открытых, безлесных пространствах «чистого поля», давшего им имя, расселялись они первоначально, а только позже были оттиснуты в северный угол своей территории — лесистые и холмистые окрестности Киева¹².

Этот небольшой треугольник представляет собою не только географический, но и исторический центр украинских племен; впрочем, не только последних, — в продолжение целого ряда столетий он был политическим и культурным центром для всей Восточной Европы. Отсюда, очевидно, распространилось имя Руси, хотя мы и не можем удовлетворительно объяснить его происхождение¹³. Древнейшие источники прилагают имя Руси специально к земле полян, название русина к полянам, хотя с образованием Киевского государства это имя прилагалось также, в более широком смысле, и к целому этому государству, и ко всему восточному славянству, входившему в состав Русского, Киевского государства. Правда, редактор древнейшей киевской летописи держался того мнения, что это имя было принесено в Киев варягами (норманнами), но это, по всем соображениям, была неудачная, псевдоученая догадка его; в действительности имя Руси связано с Полянскою землею и выступает на юге гораздо раньше, чем предполагали киевские книжники.

В непосредственном соседстве полян на западе жили *древляне*. Летопись поясняет, что они назывались так потому, что жили в лесах, но не указывает точнее пределов их колонизации. Вероятно, они жили в области Тетерева и Случи, до Припяти — на севере и Днепра — на северо-востоке.

Восточными соседями полян, за Днестром, были *северяне*, *севера*, — кажется, самое большое из украинских племен: летопись говорит, что они занимали область Десны, Сейма и Сулы.

Какие племена жили дальше на юго-востоке, за побережьем Сулы, летопись не говорит. В то время, когда она слагалась, побережье Сулы уже сильно запустело под натиском тюркских орд, но раньше, до второй половины X в., славянская колонизация занимала бассейн Дона, простираясь до Азовского моря. Об этом весьма определенно говорят арабские географы IX и X вв. — они даже называют Дон, а иногда и нижнюю Волгу, которую считают частью той же реки — «Славянской рекою». Тмуторокань на устье Кубани (над Керченским проливом), остававшаяся во владении киевских князей в X и XI вв., в IX—X вв. не представляла собою такого острова, отделенного тюркским морем, каким мы видим ее в XI в., а примыкала к украинской колонизации области Дона. Но какое именно племя жило тут, как оно называлось, этого мы не можем сказать.

На нижнем Днепре сидело первоначально племя *уличей* (или *угличей*), вероятно, на правом берегу его. Позже, должно быть, под натиском печенегов в середине X в., они передвинулись дальше на запад, в область Южного Буга. Тогда же покинули они и Черноморское побережье; летопись сохранила только воспоминание об их поселениях на черноморском берегу, так же как и их западных соседей — *тиверцев*, занимавших земли по Днестру и дальше до Дуная. Под натиском тюркских орд эта украинская колонизация в конце концов должна была отступить на север и северо-запад, оставив на Черноморском побережье и в степях только слабые остатки свои, известные в XII—XIII вв. под именем «бродников», «берладников».

На север от тиверцев, на запад от древлян жило племя *дулебов*. Это старинное племенное название, как поясняют заметки Начальной летописи, вытеснено было затем позднейшими именами, — очевидно, терминами политическими, происходившими от политических центров, возникших на территории племени: *волынян* (от города *Воляня*) и *бужан* (от города *Бужска*). Границ расселения племени летопись не указывает, поясняя только, что оно жило по Бугу (Западному).

Далее на запад, в нынешней Галиции, обыкновенно помещают племя хорватов, но существование такого племенного имени среди украинских племен очень сомнительно: хотя оно в летописи и названо один раз между украинскими племенами, но это упоминание не особенно надежно¹⁴, и мы, собственно, не знаем, к какому племени принадлежала старая украинская колонизация верхнего Днестра и карпатских земель, — были ли это *дулебы* или иное украинское племя.

Эта первоначальная колонизация претерпевает ряд перемен вследствие движения турецко-финских кочевых орд, составлявших настоящую историческую язву украинского народа, тормоз его экономического и культурного развития, разрушение его колонизации,

как ни почетна для украинского населения была эта тысячелетняя борьба с ордами, по большей части не вышедшими на запад из черноморских степей и истощившими свои силы и энергию в этой борьбе с украинским народом.

Гуннская орда была передовым полком смешанного турецко-финского потока, который двигался за нею. Медленно и долго, то задерживаясь и ослабевая, то прорываясь сразу, как извержение вулкана, изливался этот поток среди непрестанных войн с оседлым населением и ожесточенной борьбой среди самих этих орд, в которой некоторые из них исчезают бесследно.

В период расселения украинских племен проходят через черноморские степи орды болгар и аваров¹⁵. По их следам земли нижнего Дона занимают хазары, орда неясного этнографического состава (вероятно, смешанная, финско-турецкая)¹⁶. Она не имела разрушительного характера других кочевых орд и даже была полезным культурным фактором, сдерживая натиск турецких орд Передней Азии. Более тяжело для оседлой колонизации Черноморья было движение мадьяр (угров), перешедших через черноморские степи в IX в. В конце этого столетия их вытеснили в свою очередь печенеги, прорвавшиеся через хазарский оплот под натиском напиравших на них с востока других турецких орд — узов и кипчаков.

Между тем как предшествовавшие финско-турецкие орды большей частью только переходили через черноморские степи в земли среднего и нижнего Дуная, чисто турецкая миграция, открываемая печенегами, не выходила из черноморских степей и вследствие этого имела чрезвычайно тяжелые последствия для украинской жизни.

Печенеги (пацинаки — византийских писателей, баджнак — арабских) прорываются из-за Волги в 70—80-х годах IX в., а в 890-х уже появляются, по следам мадьяр, над нижним Дунаем и, овладев черноморскими степями от Дона до Дуная, располагают здесь свои кочевья. Соседство этой многочисленной, воинственной и хищной орды оказалось невыносимым для оседлого, земледельческого украинского населения черноморских степей, уже отвыкшего от разбойничьих походов эпохи расселения, когда оно само принимало деятельное участие в набегах болгар и аваров. Оно начинает отступать на север и северо-запад; некоторые племена — как уличи и тиверцы — исчезают вовсе в этой миграции. Во второй половине X в. печенеги начинают нападать и на земли среднего Поднепровья, открытые для их нападений после отступления черноморского населения. Окрестности Киева в конце X в. подвергаются непрерывным нападениям. В результате земли на юг от Киева сильно опустели, и Владимир Великий принужден был заняться устройством новой оборонительной линии по рекам Стугне, Остру и Трубежу, в ближайшем соседстве Киева, созидавая укрепленные города и населяя их колонистами из других земель.

Лишь полный упадок Печенежской орды во второй четверти XI в. остановил это отступление украинского населения за линию леса, куда не проникали набеги кочевников.

Печенежская орда, растрчивая свои силы в войнах с украинским населением, одновременно выдерживала натиск тюркских орд, двигавшихся по ее пятам в Европу. Когда пала в 960-х годах под ударами Святослава Хазарская орда, движение тюрков в черноморские степи усилилось. Впереди шла орда узов (огуз), называемая в киевских летописях торками (т. е. тюрками). За нею двигалась гораздо более сильная орда кипчаков, называемых в наших летописях половцами, или куманами. Нападение печенегов на Киев в 1036 г., окончившееся для них очень неудачно, было последнею конвульсией Печенежской орды: она отступает за Дунай. Черноморские степи на короткое время занимают узы, но, имея с фронта печенегов, а с тылу половцев, они не были страшными врагами для украинских земель. Поход на них южных князей в 1060 г. окончательно сломил силы узов, и они вслед за тем отступают также за Дунай. После этого черноморские степи от Урала до Дуная перешли в нераздельное владение половцев более чем на полтора столетия.

Эта дикая и воинственная орда кочевала главным образом в донских степях, хотя встречаем половецкие кочевья даже на правом берегу Днепра, особенно позже (в XII—XIII вв.). Она dokonчила процесс вытеснения украинской колонизации из степей Черноморья. Только над морем, на больших торговых дорогах, держались поселения с славянским или смешанным населением, как Тмуторокань, «Русский порт» у устья Дона, Олешье на нижнем Днепре и другие, менее известные. В степях и на Черноморском побережье мы встречаем ватаги наших промышленников и пиратов, предшественников позднейших казаков: бродников (от «бродити»), берладников (от города Берладь у нижнего Дуная, служившего одним из сборных мест этих «бродяг»), галицких рыболовов на нижнем Дунае. Дружины их достигают иногда значительных размеров: напр., в одном случае выступает отряд из 6000 берладников; но в сумме — это только жалкие остатки старой украинской колонизации, вытесненной турками из Черноморья.

Обжившись в черноморских степях, половцы в 80-х годах XI в. все чаще и чаще начинают предпринимать набеги на земли, лежащие по среднему течению Днепра; в 1090-х годах их беспрестанные нападения на окрестности Киева и Переяслава воскрешают самые тяжелые времена печенежского натиска и снова разрушают колонизацию южной Киевщины и Переяславщины, восстановившуюся было в течение короткого затишья.

Но эти страшные опустошения в конце концов вызывают отпор: по инициативе переяславского князя Владимира Мономаха южные князья соединенными силами предпринимая ряд походов в глубину половецких кочевьев. Эти походы в первой четверти XII в. действи-

тельно подрывали силы Половецкой орды и ослабили ее агрессивность. Но сами князья затем помогли ей возобновить свои нападения, пользуясь половецкими ордами в своих междоусобицах в качестве вспомогательных отрядов. Во второй половине половцы снова начинают часто нападать на земли Киевского и Переяславского княжеств, хотя эти нападения и не имеют прежней интенсивности.

Для обороны пограничных земель от половцев и колонизации их князья селили здесь остатки печенегов, торков и других племен, добровольно переходившие под власть князей Украины после того как степями завладели половцы. В летописях это разноплеменное тюркское население *, подвластное русским князьям, носит общее название Черных клобуков (т. е. черных шапок — перевод тюркского имени каракалпаков). В них пробовали видеть предков позднейших казаков, но это ошибочный взгляд. Во время монгольского нашествия XIII в. тюркская колонизация Руси, несомненно, была увлечена этим новым вихрем: она вернулась в степи, не успев ассимилироваться с украинским населением и не оставив никаких значительных следов в украинском этническом типе.

III

КУЛЬТУРА И БЫТ

Если период расселения сопровождался временным понижением культурного уровня славянских, в том числе и украинских племен, то столетия по расселении — VIII, IX и X, эпоха начатков государственной организации, была, несомненно, временем весьма интенсивного культурного развития их. Данные лингвистики, играющие главную роль при исследовании славянского быта пред расселением, для этого последующего времени могут комбинироваться с современным или несколько более поздним историческим материалом (XI—XII вв.) и данными археологическими, почерпнутыми из содержания раскопок и находок, и в сумме эти данные рисуют нам довольно обстоятельный образ того культурно-бытового фона, на котором развиваются общественные и политические отношения в период формирования Киевского государства (IX—X вв.).

Общий культурный уровень наших племен в это время стоит уже довольно высоко. Земледелие, начатки которого восходят еще ко временам общеарийским, выступает теперь у них уже в полном развитии как главная статья хозяйства ¹⁷. Даже в наименее культурных землях, как, напр., у древлян, земледелие служит обычным занятием;

* Среди него были и половцы из колен, разгромленных во внутренних войнах Половецкой орды.

в языческих могилах древлян и северян были находимы серпы и зерна нескольких родов хлеба. Памятники XI в. дают уже очень большой ассортимент хлебных и огородных растений (пшеница, овес, рожь, ячменный солод, просо, горох, мак, лен — для волокна и масла), равно как и земледельческих орудий. Существовало собирание сена, огородничество и садоводство. Скотоводство, охота, рыболовство, хотя весьма развитые как средства пропитания, отходят все более и более на второй план. Охота имеет главною целью добывание ценных мехов или становится развлечением высших классов. Разводится домашняя птица — явление очень поздней культуры; в тепу¹⁸ княжеского агента времен Ярослава (первой половины XI в.) курица является таким же обычным блюдом, как хлеб и каша.

В лесистой полосе с ее песчаной, малоплодородной почвой чрезвычайно развито было и имело большое значение в хозяйстве пчеловодство в форме бортничества (бортни — деревья с выдолбленными для пчел дуплами; гораздо реже встречаются указания на пасечничество, т. е. разведение пчел в ульях). «Мед и меха», «меха, воск, мед и рыба» — это главные продукты земель Киевского государства X в., предметы их богатства: ими население дает дань правительству и торгует с соседними землями. Мед широко употреблялся и в домашнем обиходе, особенно в виде хмельного напитка, одинаково у низших и высших классов. Даже нищим Владимир в летописном рассказе посылает мед.

Из ремесл и вообще форм промышленности обрабатывающей в полном развитии видим обработку кожи и волокна, дерева, глины и металла — плотничество, гончарство, кузнечество. В глухой Древлянской земле археологические исследования не только обнаружили следы обработки железа, но и заставляют предполагать добывание его на месте из болотной руды. Вообще металлические изделия из железа, меди и бронзы, серебра, реже — золота весьма часто встречаются в украинских могилах из времен славянской колонизации (особенно в земле полян и северян); в большинстве они вышли из рук местных ремесленников — даже некоторые произведения более художественной, ювелирной техники.

Пища этого времени также вышла из стадии примитивной безыскусственности дикаря. Хлеб, каша, вареные овощи и мясо (вероятно, в большем количестве, чем теперь) служили пищею народа. Хлеб замешивали на дрожжах и пекли в печи; мясо большею частью ели вареное. Наиболее распространенным напитком был мед; в большем употреблении были также пиво и квас; вино было редкостью. Пищу высших классов характеризует такса для содержания княжеских агентов XI века: агент («вирник»¹⁹) получает от обывателей для себя и своего слуги ежедневно хлеб, пшено и горох на кашу, сыр, пару курей, комок («головажень») соли; теленка и ведро солоду на пиво на неделю; в постные дни вместо мяса — рыбу.

Одежда отличалась еще большею простотою; названия ее еще

очень мало специализированы. Ее составляли сорочка, штаны, свита, у богатых поверх ее — плащ; на ногах — род плетеных чулок и кожаные сапоги или поршни; на голове — кожаная или вязаная шапка. Предметом щегольства служили парчевые материи византийской и восточной работы, дорогие меха и золотые украшения (цепи, медальоны, серьги, височные привески). У небогатых классов были в широком употреблении украшения из серебра, часто низкопробного (шейные обручи, браслеты, кольца, височные привески и т. п.), а также украшения стеклянные, привозимые с Востока.

Более богатые дома устраивались высоко, в виде двух этажей; комнаты были отапливаемые и холодные. Жилье окружали хозяйственные постройки и кладовые. Все это делалось из дерева (а в степных местностях, вероятно, как и теперь, — из обмазанного глиною плетня) *. Вся каменная постройка — позднейшего, чужого происхождения, и терминология ее состоит из заимствованных греческих и немецких слов.

В сфере психофизической, в характере славян вообще и украинских племен в частности чужеземные известия отмечают, с одной стороны, добродушие и приветливость, с другой — воинственность, свободолюбие и отсутствие солидарности и общественной дисциплины. Радужие и гостеприимство Руси, как и вообще славян, было общеизвестно, так же как и строгость семейных отношений — верность славянских жен.

Радужию и искренности, отмеченным еще Прокопием, соответствовали черты характера — поэтического, веселого, падкого на развлечения. Песня и музыка были неразлучными товарищами всех выдающихся моментов жизни наших предков. «С плясанием, гудением и плесканием» справлялись свадьбы. «Долгими песнями» прощается с жизнью русинка в описанном Ибн-Фадланом погребении русского купца. «Игрища межю селы», на них игры и танцы и «вся бесовская песни» были общераспространенною принадлежностью народного быта.

Такою же непременно принадлежностью всякого праздника было бражничанье. «Руси есть веселие пити, не можем без того жити» — такой афоризм вкладывает киевский книжник XI в. в уста Владимира Великого; его оправдывали веселые Владимировы пиры, где меды лились рекой. Языческие церемонии не обходились без попойки; «через год после смерти покойника, — рассказывает арабский источник IX века, — берут кувшинов двадцать меду, несут на могилу, там собираются родственники, едят и пьют». Это ритуальное бражничанье перенесено было потом и на христианские праздники.

В общем, всеми этими чертами определяется характер мягкий, веселый, украшенный поэзией. Характеристика полян, данная древ-

* Такие глиняные жилища здесь существовали еще до эпохи славянского расселения, на рубеже каменной и металлической культуры (так наз. домикенская культура).

нейшею летописью, — «обычай имяху тих и кроток», — находит себе подтверждение и в других известиях. Но этой «кротости», конечно, не нужно преувеличивать. Разбойничьи походы Руси IX—X вв. сопровождаются совсем иными отзывами о ее характере. «Они отважны и смелы: напав на чужой народ, не отступают, пока не уничтожат его вовсе»; «народ жестокий и немилосердный, без тени жалости к людям» — так характеризуются военные дружины Руси у современных арабских и греческих писателей, и никак нельзя относить этих характеристик исключительно к варяжским контингентам русских дружин.

Религиозное мирозерцание дохристианских времен имело в своей основе культ природы в довольно примитивной, слабо разработанной форме. Русско-славянская мифология вообще довольно бледна и неясна, не только вследствие скудости известий, а и вследствие собственной бедности: судя по всему, славянское племя не имело особенной склонности к религиозному творчеству.

Наиболее ранний источник — Прокопий — говорит о «славянах» и «антах», т. е. о племенах южнославянской и украинской группы, что они чтили одного бога, владыку вселенной, обнаруживающего себя в метеорических явлениях, и рядом с ним второстепенные божества и различные сверхъестественные существа, говоря нашим языком. В позднейших упоминаниях памятников к первоначальному главному богу наиболее близко подходит Перун, бог грома (от *пърати* — поражать); но это уже вместе с тем и специализация первоначального общего понятия, как и Дажьбог-Хорс — божество солнца *, Сварожич — огонь и т. д. Несомненно, что в этом направлении от «единого» бога неба и света к специальным натуралистическим божествам шло развитие мифологических идей. Параллельных божеств — представителей светлых и темных сил мы не видим: сколько-нибудь определенного дуализма в религиозном мировоззрении украинских, как и вообще славянских племен, не заметно.

Главные божества носят определенные черты индивидуализации; летописное описание идола Перуна, поставленного в Киеве, или рассказ Ибн-Фадлана о человекообразных идолах русских божеств указывают и на начатки антропоморфизма. Но это были только слабые начатки, и индивидуальность славянских богов выступает еще очень слабо; мы не находим надежных указаний на генеалогию богов ²⁰; интересный также в этом отношении факт — отсутствие богинь в украинской и вообще славянской мифологии **.

Затем вся окружающая природа — воды, леса, болота — в глазах

* Эти два имени — Дажьбог и Хорс — фигурируют как два отдельных божества; ошибка ли это позднейшего книжника или солнечное божество действительно специализировалось в два отдельных представления, трудно сказать категорически.

** Разные Весны, Лады, Мораны, Живы и т. п. опираются отчасти на недоразумения, отчасти на известия ненадежных или вовсе апокрифических.

обитателя были населены разными таинственными существами, вызывавшими к себе страх и почитание. Нынешний украинец, особенно в более глухих местностях, сохраняет еще вполне эти представления о русалках, водянике, лисовых или полисунах и разных родах «дидькив» — домовых, болотных, лесных и т. п.

Расположение высших и низших божеств предок нынешнего украинца, как и все другие народы, снискивал молитвами и жертвами. Арабский источник IX в. сообщает нам одну такую молитву: во время жатвы, говорит он, они берут корец проса, поднимают к небу и говорят: «боже, дающий нам пропитание, ущебри нас им и теперь». Предметами жертвоприношений являются главным образом различные виды пищи; летописный рассказ о человеческой жертве Перуну в Киеве довольно сомнителен.

Для молитв и жертвоприношений, вообще для культа служили те места, где человек особенно живо чувствовал веяние таинственной силы, проникавшей природу в его представлениях и, собственно, служившей предметом обожания. В приведенном арабском рассказе наш предок X в. молится небу; туземные памятники XI в. говорят о молитвах и жертвоприношениях в лесу, около рек, ручьев и болот. Местами существовали человекообразные идолы; но о существовании храмов мы не имеем никаких достоверных известий. Их, очевидно, и не было, как не было и специальных жрецов: общественные жертвы приносил князь или представители общины, бояре и старцы; от себя и от своей семьи молитвы и жертвы приносил каждый глава семейства. Это и вполне понятно при слабо развитых формах религии и культа. Были, впрочем, люди, считавшие себя специалистами во всякого рода религиозных вопросах, — это волхвы-знахари, «ведущии», предки позднейших «чаривныкив» и ведьм. Они знали, как повлиять на таинственные силы природы, приобрести их расположение и предотвратить беду. Однако и сами они не свободны от влияния этих сил. Судьба одинаково тяготеет над всеми. Представление о ней существовало очень определенное — о нем говорит еще Прокопий, а великий поэт XI в. Боян выразил его в афоризме:

ни хытру, ни горазду,
ни птичю горазду
суда божия не минути...

Представления о загробной жизни умерших и самостоятельном существовании души независимо от тела выступают вполне определенно. Они выражаются в похоронном ритуале, в культе предков, в верованиях о переходе души по смерти в новые существа, возможности ее появления между живыми и т. п.

Ибн-Фадлан подробно описал виденный им (в 922 г., вероятно, в Итиле, над Волгою) обряд погребения богатого русского купца: после предварительных церемоний сжигают этого купца в его лодке, в богатой обстановке, с одной из наложниц. Этот рассказ близко соот-

ветствует ритуалу X в., обнаруженному раскопками в окрестностях Чернигова. Сожжение покойников вообще было очень распространено на левом берегу Днепра; в X в. оно, вероятно, господствовало здесь в некоторых областях. В земле полян и древлян, наоборот, чаще погребали покойников в земле вместе с предметами вооружения или хозяйства.

Сведения о культе предков вообще бедны; в почитании «рода» и «рожаницы» мы, возможно, имеем этот культ, но о нем очень мало нам известно. Интересно, что домовые духи, «дидьки» — первоначально духи предков, покойников — позже, смешавшись с низшими божествами природы, являются в народном представлении под влиянием христианства духами злыми, аналогичными с «бесами».

Формы семейного союза, насколько можем проникнуть в прошлое украинских племен, являются уже весьма выработанными. Родство по жене, слабо обозначающееся в общеарийской эпохе²¹, приобретает полное значение в период общеславянский: несомненно, жена уже не разрывает своих отношений к своему роду, вступая в род мужа. Старые формы умычки (похищения) и покупки перешли в чисто ритуальные, церемониальные обряды, и в таком значении они существовали рядом у разных украинских племен *. Обычай сожигания жены как одного из предметов собственности покойника перешел уже в добровольное доказательство любви и верности мужу. Он практиковался еще в X в., хотя едва ли был явлением общим.

Этот обычай много повлиял на репутацию необыкновенной верности славянских жен; но и в действительности семейные отношения у славян вообще и у украинских племен в частности оправдывали эту репутацию. Наоборот, мужчине предоставлялась большая свобода половых отношений; конкубинат и многоженство, как и легкий развод, остались обычными явлениями даже и после распространения христианства.

Основую общественных отношений древнейшая киевская летопись представляет «род». Это слово в ней означает, однако, не род в собственном смысле, а семью **, и семья, несомненно, и была основной формой общественной организации наших племен этого времени. Только это была семья более широкая и сложная, чем нынешняя, состоящая лишь из родителей и малолетних детей. Из славянских народов такая архаическая семья наиболее сохранилась у сербов, в их «задруге». В горных округах Галичины и Угорской Руси сохранились местами большие семьи, подобные «задруге» (но менее многочисленные, достигающие самое большее 25-ти душ); они владеют нераздельным имуществом под управлением «газды», или «завидци», которым бывает чаще всего (но не исключительно) стар-

* Судя по описаниям летописца, форма умычки существовала у древлян и северян, форма покупки за «вено» (собственно — цена) — у полян.

** В других случаях это слово употребляется в значении поколения, а также и народа²².

ший в семье. В других местностях Украины такие семьи весьма редки теперь, но в XVIII в. встречались гораздо чаще. Кроме того, известны формы, развившиеся из этой старой сложной семьи; в основании их лежит кровная связь семьи, но она не исключает участия чужеродцев, и формы, первоначально родовые, в них переходят постепенно в организации экономические, причем первоначальная общность имущества отступала все более и более перед имуществом индивидуальным, раздельным. Такими были так наз. «дворища», «себровства»; «хутор» Левобережной Украины также был сначала не чем иным, как тем же «дворищем».

Ни «дворище», ни «газдивство», так же как и «задруга», не вырастают до размеров целого села. Кровная и экономическая связь держится лишь до известного предела, и из первоначального «рода» с течением времени выделяются новые, самостоятельные. Село — это уже группа родов-«дворищ». Первоначальная кровная связь часто оставалась в памяти долго и оставляла след в патронимических названиях (такие названия сел очень распространены на украинской территории); но связь эта внутри села уже гораздо слабее, чем внутри «дворища». Селом правит уже не старейшина, а сходка «старцев». Это уже не род, а община. Так должно представлять себе сельскую общину «Русской Правды» — «вервь».

Первоначально известная родовая традиция (ослабленная, конечно) должна была лежать и в основе племенной организации: популярные патронимические формы племенных названий, сообщавшиеся даже названиям географического или политического характера, остались отголоском этого *. Но для IX—X вв. это был только неясный отголосок прошлого; следов более широких родовых организаций в наших памятниках мы уже не видим. Описывая расселение украинских племен в X—XI вв., киевский книжник со всею определенностью, на какую он был способен, объясняет, что племенная группировка была этнографическою: племена отличались этнографическими различиями, имели свои «обычаи, законы отец своих и предания», свой «норов». Археологические, а отчасти и диалектологические данные до известной степени подтверждают взгляд киевского летописца, хотя нет надобности эти племенные отличия представлять очень значительными.

Территориальный, а не родовой принцип лежит и в основе дальнейшего развития общественных отношений. Исходною точкою общественной организации служит город, система городов.

Колонизационные и общественные условия делали необходимым для группы сел устройство общего убежища от врага; «город», т. е. огороженное, укрепленное место, удовлетворял прежде всего этой цели. Его постройка и содержание создавали известную связь между

* Такой же смысл имеет употребление слова «род» в значении племени, народа и т. п.

устраивавшими его селами — связь чисто территориальную. Рядом с этим возникали постепенно новые связи: общая защита против врага, охрана общественного спокойствия, преследование его нарушителей²³.

Специальные географические условия, выгоды сообщения и т. п., выдвигая отдельные города из группы соседних, делали их центрами более широких округов и давали их общинам преимущественное влияние во всякого рода делах. Такой центр делался «городом» *par excellence*²⁴ для соседних, последние же становились его «пригородами» и подчинялись его гегемонии: «что же старейшии (т. е. граждане «города») сдумают, на томже пригороде станут». С внешней стороны возникновение такого центра давало себя знать и в том, что население группы округов, тянувших к центральному городу, принимало часто его имя, и это последнее вытесняло старое племенное название. Так явились волыняне, бужане и червляне на территории дулебов; черниговцы, переяславцы и новгородцы на территории северян и т. п.

Эти системы городов были чрезвычайно важным фактором в дальнейшем развитии политических и общественных отношений среди украинских племен. Развивались они не у всех племен одинаково, в зависимости от более или менее интенсивной культуры, от большего или меньшего развития самой городской жизни. Тогда как у полян, северян, дулебов городская жизнь была сильно развита и уже в самое раннее время городские организации заступают у них место старых племенных отношений, у древлян, радимичей, вятичей не развились крупные городские центры, эти земли долее удерживают первоначальный аморфный племенный строй, и сами племенные имена живут дольше.

Этнографическая племенная группировка комбинировалась таким образом с территориальной. Племенная дифференциация лежала, несомненно, в основе позднейших политических отношений, но на этой первоначальной основе новые комбинации создавал город, то есть принцип территориальный. Из старых географическо-этнографических территорий — земель — формируются новые территории — «волости» *. Территории племен со слабо развитой городской жизнью, без сильных городских центров притягиваются чужеплеменными центрами: древляне — Киевом, радимичи и вятичи — Черниговом. С другой стороны, сильное развитие городских центров приводит к распадению племенной территории на несколько княжеско-земель: так Северщина делится на земли Черниговскую и Переяславскую, в земле дулебов появляются земли Владимирская, Червенская, Белзская и т. п.

Что касается первоначальных форм управления в этих племенных и городских организациях, то об этом мы имеем очень мало прямых

* Волость — власть, территория и административная зависимость.

указаний. Прокопий и Маврикий говорят о славянах и антах, что они не знают монархического правления, живут в племенной раздробленности и всякого рода дела решает воля народа. Изображая киевские порядки пред образованием позднейшего государства, автор древнейшей киевской летописи представляет, что дела решало тогда совещание «полян», т. е. то, что называется позже вече́м, народное собрание. В истории о восстании древлян в половине X в. хотя и упоминаются древлянские князи с комплиментом, что они «добры» и «распасли древлянскую землю», но решают важнейшие вопросы все-таки сами древляне. Очевидно, что и в тех племенных и городских организациях, где существовали князья-старейшины, главную роль играло все же совещание «старцев», или «лучших людей», т. е. старейшин наиболее сильных и влиятельных родов. Но местами князей могло и вовсе не быть, и правила общиной в таком случае одни «старцы», совет старейшин.

Мы не знаем, выработалась ли где-нибудь на украинской территории, кроме Киева, более сильная княжеская власть, и не можем вследствие этого сказать, достигли ли те политические организации, на которые указывают нам такие имена, как волыняне, лучане и т. д., значительной внутренней силы и концентрации, прежде чем вошли они в сферу влияния княжеско-дружинного уклада Киевского государства.

Несомненно, на скрепление связей города с пригородами, на переход этих связей в настоящую зависимость пригородов от города, какую мы наблюдаем позже, княжеско-дружинный строй повлиял очень сильно, и мы уже на первых страницах киевских памятников видим городские отношения такими, какими они сложились уже в период развития этого нового политического фактора. Без него гегемония города над пригородами едва ли была бы очень осязаемой. Вполне реальною эта зависимость стала лишь тогда, когда в городе сел князь или его наместник с большим или меньшим отрядом дружины для поддержания своего престижа.

Но и этот княжеско-дружинный элемент был сам продуктом развития городской жизни, тех же условий, какие оживляли эту жизнь.

IV

ТОРГОВЫЕ СНОШЕНИЯ; НАЧАЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ; ЛЕТОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ О НАЧАЛЕ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Сношения, торговля — как и в истории других народов, так и в истории украинских племен — были весьма важными факторами культурного и общественного развития государственной организации.

Следы торговых дорог, обмена и торговли на украинской территории можем следить до эпохи ранней металлической или даже неолитической культуры. Торговые сношения, красноречивыми доказательствами которых служат чужеземные раковины и различные стеклянные, глиняные и металлические изделия, таким образом, завязались здесь еще задолго до славянского расселения. Медная и бронзовая фабрикация вся опиралась на ввозе из-за границы; железные изделия и железо также, несомненно, в значительной степени ввозились, так как своего железа, конечно, не хватало на все потребности. Формы и мотивы изделий так наз. домикенской культуры указывают довольно ясно на чужеземное происхождение, и еще более определенно — произведения так наз. скифской и готской эпохи и т. д.

Уже в эти времена можно с полной определенностью указать главные направления сношений, которые потом с некоторыми изменениями продолжали существовать и в период славянской колонизации, — южный, восточный и западный путь.

Южный путь, выходявший из финикийских, карийских, позже — греческих факторий и колоний Черноморского побережья, оставил документальные следы в виде греческих металлических и керамических изделий и монет; эти следы идут в глубь среднего Поднепровья, а сфера влияния этих сношений шла еще дальше на север.

В черноморских степях южный путь встречался с восточным: иранская колонизация степей служила живым мостом, связывавшим эти степи с Переднею Азией. Если я скажу, что слова «курица», «чобот», «топор» несомненно иранского происхождения, то это даст понятие о том, как разнообразны были культурные заимствования, проникавшие этою дорогой с Востока. Археология дает также многочисленные указания на сношения с Востоком. Если оставим даже в стороне такие следы, как раковины *supra moneta* неолитических могил Украины (раковины эти водятся в Красном море и Индийском океане) или предметы так называемой домикенской культуры (так как нельзя наверное сказать, приходили ли они на Украину с Черноморского побережья или из Передней Азии), то с полной определенностью можем указать на так называемый скифский тип в метал-

лических изделиях (особенно бронзовых): заходя в район среднего Поднепровья, он с другой стороны глубоко проникает в Переднюю и Центральную Азию и служит непререкаемым доказательством широкого обмена, захватывавшего своими культурными влияниями, между прочим, и окраины славянской прародины. Позднейший, так называемый меровингский, или готский, стиль в ювелирных изделиях, представленный кладами на всем протяжении от Западной Европы до Передней и Центральной Азии, служит доказательством обмена, продолжавшегося и в период славянского расселения. Для позднейшего времени мы имеем уже обильные письменные и нумизматические указания в том же смысле.

С Запада культурные влияния шли сначала от кельтов, позже от римлян, непосредственно или при посредстве германских племен. Латинские и кельтские названия в большом числе встречаются в общеславянском запасе культурных слов; германские заимствования, в недавнее время обратившие на себя особенное внимание, — также. Археология дает доказательства широких сношений с Западом и Юго-Западом в эпоху пред славянским расселением в виде чрезвычайно многочисленных находок римских монет — преимущественно серебряной монеты конца I, затем II и III веков по Р. Х.; особенно часты и богаты такие находки в среднем Поднепровье (по обоим сторонам Днепра), а также на Волыни и в области Днестра. Торговые сношения приносили эту римскую монету с Запада, с Черноморья и из балканских провинций. Колонизационные передвижения II—III вв., очевидно, не остановили этих сношений, и только в IV—V вв. они ослабевают: монеты этого времени встречаются лишь изредка.

Украинские племена, расселившись в новой территории, овладели и этими извечными торговыми дорогами. Данные IX—X вв. дают нам довольно полный обзор торговых сношений, как они развились уже в руках наших племен.

Первою торговою артериею в этот период выступает, как называет ее киевский летописец, «путь из Варяг в Греки» — Днепр. Известный с именем Константина Порфирородного византийский трактат «Об управлении государством» (средины X в.) описывает купеческие караваны, ежегодно снаряжавшиеся из Киева в Константинополь: жители лесных приднепровских областей строят зимою лодки и с первою водою спускают их в Киев и другие торговые города, где продают русским купцам. Эти последние из разных торговых пунктов системы Днепра и соседних — из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода и др. — съезжаются затем со своими товарами в Киев. В этом последнем, пока снаряжались суда и стягивались из разных мест купцы и товары, можно представить огромную ярмарку, на которой сводились счета, перепродавались товары, устанавливались цены. В июне караваны двигаются из Киева; последний сборный пункт — под Витичевом, ниже Киева, где собираются все суда, чтобы плыть одним большим вооруженным караваном далее: в это время

черноморские степи были в руках печенегов, и нужно было вооруженною рукою охранять от них караваны, особенно в некоторых более опасных местах. Выйдя в Черное море, суда плыли вдоль его берега в Константинополь, который в X в. был главным рынком в этом «греческом» пути.

Перед славянским расселением эту роль играла Ольвия²⁵, у Днепровского лимана. Затем, с упадком ее, значение перешло к подунайским (до их упадка) и еще более к крымским городам; первое место среди последних занимал Херсонес (Корсунь киевских памятников), оставивший по себе заметную традицию в Восточной Европе (разные «корсунские» предметы в старых церковных и иных собраниях). Позже украинские племена, минуя этих посредников, вошли в непосредственные сношения с Константинополем. Несомненно, военные походы Руси на Черном море, известные нам с начала IX в., имели большое значение в этом смысле, расширив торговые сношения, проторив дороги русским купцам и доставив им выгодные условия торговли. В IX—X вв. Русь господствовала на Черном море. Арабский географ Масуди, писавший во второй четверти X в., поясняет, что Черное море называется морем Русским «потому, что, кроме Руси, никто на нем не плавает». Конечно, здесь есть преувеличение, но несомненно: имя Русского моря для Черного было действительно весьма популярно в X—XI и даже XII веках.

В начале X в. заморская торговля с Константинополем была уже очень значительна. Купцов из Руси там бывало по несколько сот, считая со слугами. Они приходили, очевидно, с весенними караванами и оставались в Константинополе месяцами: оставаться на более продолжительное время не позволяло им византийское правительство, вообще очень тяготившееся русскою колониєю и окружавшее ее всяческими стеснениями полицейского характера, опасаясь, чтобы под именем купцов не проникали в Константинополь разные военные авантюристы.

На торговлю с более отдаленными краями может указывать известие еврейского путешественника XII в. Вениамина из Туделы, видевшего русских купцов в Александрии. С другой стороны, торговля с Константинополем не исключала также торговли с подунайскими и крымскими городами; с ними велись оживленные сношения, и после того как тюркские орды окончательно оттеснили славянскую колонизацию от Черноморского побережья, сношения с Константинополем должны были ослабеть, крымские рынки получили тем больше значения (в XII—XIII вв.).

Предметы южной торговли можно установить довольно точно: из греческих городов шли фабрикаты — «паволоки» (шелковые узорчатые ткани), парча и другие дорогие материи, произведения греческого ювелирного искусства («всяко узорочье»), стеклянные изделия, пряности, вино и южные фрукты. Все это ввозилось для продажи в северные и западные земли и для собственного обихода: в украин-

ских находках встречаем очень часто византийские фабрикаты, особенно изделия из золота и драгоценных камней, эмалированные и филигранные украшения, узорчатые шелковые и златотканые материи. Влияние византийских художественных изделий на туземную, особенно киевскую, промышленность, усиленно подражавшую им в XI—XII вв., также свидетельствует, как распространены были (среди более богатых классов) и как ценились эти византийские изделия. Взамен их русские купцы предлагали грекам дорогие меха, невольников, воск. Все это добывалось князьями и их дружиною в виде добычи или дани с подвластных племен, или выменивалось и покупалось на ярмарках от скупщиков и бродячих менял.

Система Днепра, собиравшая со всех концов сырые произведения для вывоза в Византию, взамен распространяла византийские товары не только в землях Русского государства, но и за пределы его. В глазах киевлянина XI в. днепровская дорога была прежде всего путем из Византии к варягам, в северноскандинавские и севернонемецкие земли. Путь этот разделяется на две ветви: одна шла с верхнего Днепра двинскими притоками через озеро Ильмень, Ладожское и Неву в Балтийское море; другая выводила в то же море Западную Двиною. Киевский летописец имеет в виду первую ветвь: она более длинна, но на ней лежал главный этап русской северной торговли — Новгород, между тем как двинская дорога была большею частью в чужих руках. На север киевские купцы посылали византийские и арабские товары, а позже, вероятно, и свои собственные; отсюда получали сырые продукты, металлы, соль, впоследствии — и западноевропейские фабрикаты, при посредстве немецких и скандинавских купцов.

На запад главная дорога шла через Галицию и Чехию в Южную Германию²⁶. Уже арабский географ первой половины IX в. Ибн-Хордадбег упоминает о еврейских купцах, говорящих «по-арабски, персидски, римски, французски, испански и славянски»; по его словам, они ездят с запада на восток и с востока на запад морем и материком (через Центральную Европу) и привозят евнухов, невольниц и невольников, дорогие меха и мечи. О купцах из Ругии (как называли по созвучию Русь), приезжающих в города среднего и верхнего Дуная, говорит местный Раффельштетский таможенный устав, изданный около 904 г. Путешественник второй половины X в. Ибн-Якуб рассказывает о русских купцах в Праге и т. д. И в этой торговле украинские купцы, кроме экспорта восточноевропейских товаров, служили также посредниками в торговле Центральной Европы с Византией и Переднею Азией, перепродавая туда византийские и арабские товары. Важную роль в этой торговле в качестве посредников играли также упоминаемые Ибн-Хордадбегом и другими писателями еврейские купцы.

Торговлю украинских земель с Востоком по монетным находкам можно констатировать уже с VI в. (монеты Сасанидов). Ибн-

Хордадбег представляет эту торговлю уже в полном развитии: русские купцы ездят по Каспийскому морю и торгуют в побережных городах или из южных портов Каспийского моря везут товары на верблюдах в самый Багдад. Прежде чем украинская торговля достигла такой активности, восточными рынками для нее служили хазарский Итиль на нижней Волге и более, вероятно, поздний Булгар — на средней (около Казани). Эти города и в X в., когда украинские купцы вели уже самостоятельно торговые сношения с восточными землями, оставались важными торговыми пунктами: Булгар служил главным торжищем Северной Европы с Востоком и едва ли не главной ярмаркой для наиболее ценного товара северных земель — дорогих мехов. Итиль был восточным рынком для земель южных. Тут был целый квартал, заселенный «славянами и Русью». Через Итиль шли караваны русских купцов, направлявшихся в каспийские порты и далее на восток ²⁷.

Товары, покупавшиеся арабскими купцами от восточноевропейских, очень подробно перечисляет арабский писатель конца X в. Мукадесси: на первом плане стоят и тут дорогие меха и невольники, а также кожи, дерево и янтарь. От арабов покупались шелковые материи, металлические и специально ювелирные изделия, пряности и южные фрукты; одним словом, характер торговли тот же, что и с Византией. Судя по находкам восточных монет (очень частым и богатым), наибольший расцвет этой торговли падает на первую половину X в. * Походы киевского князя Святослава 960-х годов, разрушившие главные рынки — Итиль и Булгар, очень тяжело отразились и на торговле. Итиль после этого удара захирел среди тюркского потопа; Булгар же, не терпевший так сильно от тюркских орд, довольно скоро оправился. Но восточная торговля ослабела и от внутренних невзгод, начавшихся в Туркестане с концом X в.

Сердцем, где сходились эти главные торговые артерии Восточной Европы и второстепенные дороги, был Киев, одно из самых старых культурных гнезд Европы, где уже начиная с эпохи палеолитической культуры сохранились следы интенсивной колонизации и культуры, а от эпохи создания государства — и интенсивных торговых и культурных сношений.

Стоя на главной торговой дороге — Днепре, ниже устьев его главных притоков Припяти и Десны, он был сборным пунктом и складом для всего, что шло со всей системы Днепра, а эта последняя, в свою очередь, собирала товары с соседних, тесно примыкавших к ней систем: Припять сближала ее с системою Западного Буга и Вис-

* Состав этих находок дает также интересные указания относительно направления торговли. Главная масса монет (около двух третей) — из Туркестана: монеты династии Саманидов, чеканенные в Самарканде, Бухаре, Балхе, Шаше (ныне Ташкент), и т. п. Затем в большом числе встречаются монеты южного Каспийского побережья и Багдадского калифата. Довольно часты также североафриканские монеты.

лы, верхний Днепр — с Западной Двиною, Волгою и системою озер, Десна — с системою Оки, Сейм — с системою Дона, а с нижнего Дона через небольшой перешеек переходили в бассейн Волги. Небольшие водоразделы тогда не представляли больших затруднений — легкие суда просто переволакивались, а товары переносились на плечах рабов *. С водным путем соединялись в Киеве и сухопутные дороги: северо-западная — с Волыни и «из Ляхов»; юго-западная — через Галицию в Венгрию и Чехию; северо-восточная — на Курск, в бассейн верхнего Дона и средней Волги; юго-восточная — на Переяславль, в область среднего Дона и нижней Волги, и три южные пути, упоминаемые в киевской летописи XII в., — «Греческий, Солоный и Залозный», ведущие в разные пункты Черноморского и Азовского побережья. В Киеве кипел торговый обмен, коммерческое и промышленное движение; здесь был нервный центр великой Восточноевропейской равнины в продолжение целого ряда столетий после славянского расселения.

Созданные благоприятными географическими условиями и скрепленные старыми традициями, оживленные торговые сношения накаплиют здесь культурный опыт и материальные средства. Здесь скопляются запасы товаров и капиталы и формируется могущественное сословие купцов-воинов. При тогдашних условиях купец, держа одной рукой кошельки, в другой должен был держать меч для обороны его; торговля требовала вооруженной охраны, купеческие караваны отправлялись в путь с оружием в руках, как военные экспедиции, и в каждую минуту караван таких купцов-воинов был одинаково готов открыть торг или завязать битву, вступить в выгодную сделку или поискать добычу, взять контрибуцию, наловить невольников. Здесь было гнездо той Руси, которую арабский источник IX в. так характерно описывает: «Русь не имеет ни недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен; единственный промысел ее — торговля соболями; она нападает на земли славян и захватывает там невольников, которых продает потом в Итиле и Булгаре; добыча в земле славян — ее единственное пропитание. Когда у русина рождается сын, отец новорожденного кладет пред ребенком обнаженный меч и говорит: я не оставляю тебе никакого имущества; ты будешь иметь только то, что приобретешь этим мечом».

Этот киевский патрициат, сословие богатых купцов-воинов, расширяя район своих торговых сношений, закладывая свои фактории и поселения на главнейших торговых путях, должен был в своих видах стремиться к образованию военных сил, к созданию политической организации для охраны торговых интересов. Затем охрана дорог и сношений переходила сама собою в покорение племен, расположенных по этим торговым дорогам; собиравшие контрибуций давали ценное

* Так трактат Константина Порфирородного описывает обход днепровских порогов киевским караваном.

подспорье торговле и обращалось в цель политической организации, созданной этими купцами-воинами и поддерживаемой ими же. Недаром имя Руси, т. е. специальное имя Киевской области, прежде чем стать именем государства, становится у иностранных писателей IX—X вв. (арабы, Константин Порфирородный) именем класса купцов-дружинников, державших в своих руках торговлю и сношения Восточной Европы и связавших в государственную организацию свою систему торговых дорог и факторий. Киевская область была очагом этого класса купцов-воинов и сообщила ему свое имя Руси, а последний, будучи представителем государственной организации, созданной киевским патрициатом, передал имя Руси всей государственной системе — системе племен и земель, входивших в ее состав.

Так представляется происхождение Русского, Киевского государства на основании изучения общественных отношений X в. в их современных источниках и ретроспективных выводах²⁸. Но в древнейшей киевской летописи мы имеем иную традицию о происхождении Киевского государства, и об этой традиции нужно сказать несколько слов, прежде чем обратиться к его истории.

Когда киевский книжник в половине XI в. взялся за перо, чтобы выяснить себе происхождение и первые моменты развития Киевского государства*, процесс его формирования был стариною достаточно отдаленною, о которой в памяти современников сохранились очень слабые воспоминания: отрывочные имена, стертые и расцвеченные сказочными, легендарными мотивами предания, наконец, разные догадки и комбинации заменяли реальные сведения. Отрывки или упоминания об этих преданиях и догадках сохранились в древнейшей киевской летописи. Тут имеем легенду о трех киевских братьях Кие, Щеке и Хориве, якобы построивших город Киев, названный

* Это произведение в своей первоначальной редакции кратко описывало события, кончая, по всей вероятности, половиною X в. (Игорем) и носило тот титул, который перешел затем к его позднейшим переработкам: «Се повести временных лет (вероятно, перевод греческого слова «хронограф»), откуда есть пошла Русская земля (т. е. Киевское княжество, Русь в тесном смысле), кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть». Эта первоначальная «Повесть» была затем расширена и продолжена и, перейдя через руки нескольких редакторов во второй половине XI в., вошла в состав исторической компиляции, древнейшей киевской летописи, по традиции называемой часто Нестеровой летописью, хотя Нестору она, несомненно, не принадлежит²⁹. Одна редакция ее (сохранившаяся в северных великорусских списках, как Лаврентьевский и ему подобные) составлена была в Киеве в 1116 г. и доведена до 1110 г.; другая редакция, дошедшая до нас вместе с южнорусскими продолжениями, не имеет такой точной даты, но, несомненно, также принадлежит второму десятилетию XII в. Летописание продолжалось затем, и в конце XII в. из разных записок и исторических сказаний в Киеве было составлено продолжение древнейшей летописи, доходившее до 1199 г. Позже к этому была присоединена хроника событий 1205—1289 гг., составленная отчасти на Волыни, отчасти в Галиции. Эта коллекция летописей дошла до нас в кодексе Ипатьевском (первой четверти XV в.) и ему подобных.

по имени старшего брата; эти братья представлялись родоначальниками полянского племени и предками киевской княжеской династии (следы этих рассказов остались и в дошедшем до нас тексте летописи). Это, конечно, не что иное, как так наз. этимологический миф: из названий местностей сделаны имена героев-эпонимов, основателей города. Другая легенда рассказывает иначе: на месте Киева существовал перевоз на Днепре, перевозчиком на нем был некто Кий, поэтому место называлось Киевским перевозом, а город, возникший здесь благодаря оживленным сношениям, получил имя Киева.

Автора «Повести» эти легенды и комбинации не удовлетворили, и он предложил собственную, очень сложную теорию. По его мнению, Русь — это народ скандинавский (варяжский); его привели в Новгород три брата конунги в конце IX в. * по приглашению самих новгородцев и их соседей, так как последние, освободившись от власти завоевавших их перед тем варяжских дружин, не умели установить порядка у себя собственными силами и в конце концов порешили призвать себе правителей из варяжских же вождей. Из Новгорода эти варяжские конунги овладели Днепровским путем и самим Киевом и положили начало киевской княжеской династии.

Основания, на которых оперлась эта теория, довольно ясны. Это, во-первых, традиция о завоеваниях варягов в северных, финских и славянских землях и контрибуциях, которые они тут собирали. Далее, память о том, что в X и начале XI в. в Киеве были большие дружины скандинавов — варягов (*Vaeringiar* скандинавских *car*) **, игравших очень важную роль на княжеском дворе, особенно в X веке, и придававших ему до некоторой степени даже варяжскую окраску. Наконец, тот факт, что эти варяги, входившие в состав дружины Киевского государства, принимали имя Руси и под этим именем переходили из русских земель в Византию: в Византии, в памятниках второй половины XI в. Русь благодаря этому даже является как бы другим именем варягов — *Βαράγγοι Ρῶς*. Это должен был знать автор «Повести», и это обстоятельство также могло повлиять на образование его теории.

Под влиянием этих фактов и традиций и сложилась у автора «Повести», вообще очень склонного к гипотезам и комбинациям (которые он, конечно, передает вполне категоричным тоном), его теория, весьма долгое время затем принимавшаяся за непреложную истину. Очень долго усилия ученых направлялись только на разъяснение летописного рассказа, соглашение с ним исторических фактов, не укладывавшихся в его рамки. Но после того как обнаружились существенные

* Общепринятая хронология этих событий была скомбинирована при одной из последующих редакций «Повести» и несколько отодвинула назад исходную точку ее — призвание варягов, приняв для нее 862 год, чтобы согласовать с датой «первого похода» Руси на Константинополь (865).

** Это слово производят обыкновенно от староскандинавского *vár* — вера, обет, т. е. дружина присяжников.

неверности в этой теории, как стал ясным общий характер «Повести», представляющей собою не безыскусственный пересказ традиций и фактов, как представляли себе прежде, а ученое (для своего времени) построение, теорию, полную собственных комбинаций ее авторов и редакторов *, — стало невозможным принимать на веру ее сообщения.

В самом деле, напр., хронология «Повести» не выдерживает критики даже в ее исправленном виде. Появление варяжских конунгов в Киеве «Повесть» относит к 860 -м годам, ввиду того, что в 860-х годах в Византии уже знали Русь, а автор «Повести» считал эту Русь Киевскою. Но в действительности византийцы знают Русь уже в начале IX в., — конечно, Русь, приходившую не из Скандинавии, а из украинских земель. Проторили дорогу через Восточную Европу в Византию варяги, уже бывшие на службе у киевских князей, главным образом с конца X в., когда Владимир Великий послал варяжский корпус на помощь византийскому императору, у которого он и позже остался на службе; с тех пор Днепр стал для этих скандинавских авантюристов путем «из Варяг в Греки», как называет его автор «Повести». В туземной традиции имя Руси связано ближайшим образом с землею полян и, очевидно, было ее исконным именем; все старания отыскать следы существования Руси в скандинавских землях не привели ни к каким положительным результатам. Скандинавские саги, хорошо знающие своих земляков, ходивших на Русь на службу к здешним князьям, ничего не знают о скандинавском происхождении киевской княжеской династии, вовсе не подозревают о нем. Весь арсенал доказательств, собранный защитниками летописной теории о варяжском происхождении Киевского государства (так наз. норманистами), доказывает только (что мы и без того знаем), что в IX—X вв. в дружинах киевских князей было много варягов и что вследствие этого, напр., в Византии не умели иногда отличить варягов от славянской Руси. Рассказ «Повести» о переселении целого скандинавского народа, покрывшего собою в разных местах первоначальное славянское население, совершенно невероятен, хотя бы потому, что этот скандинавский элемент не оставил ни в языке, ни в быте, ни в праве настолько заметных следов, как можно бы в таком случае ожидать.

В конце концов можно верить рассказу «Повести» о варяжском происхождении киевских князей или не верить, видеть здесь верную догадку книжника или старую традицию, или оставлять ее под сомнением, но во всяком случае нельзя класть рассказов «Повести» в основание истории Киевского государства, принимать ее теорию о том, что это государство обязано своим возникновением скандинавским конунгам и т. д.

Имя Руси указывает на Полянскую землю и ее старый центр —

* Эти комбинации в некоторых местах «Повести» мы можем видеть *in statu nascendi*³⁰ и проверять их с фактами в руках.

Киев. Географические, культурные и экономические условия подтверждают это указание, поясняя, что здесь скорее, чем где бы то ни было на Восточноевропейской равнине вообще и в украинских землях в частности должна была почувствоваться нужда в образовании постоянных военных сил, более прочной и интенсивной государственной организации, и были налицо материальные средства к ее созданию.

В «Повести» сохранилась память о том, что перед образованием Киевского государства поляне «быша обидими Деревляны и инеми окольными». Действительно, Киев, расположенный на границе Полянкой земли, на узком клине между землями северян и древлян, открытый для нападений днепровских пиратов, должен был много терпеть от соседей, и богатые патрицианские роды Киева и их представители, «лепший мужи», «державшие» киевскую общину и Русскую (Полянскую) землю, рано должны были подумать об организации военных сил.

Может быть, следы первоначальной, еще докняжеской военной организации Полянкой земли уцелели в остатках десятичной организации, по тысячам, сотням и десяткам; она известна и позже, в княжеско-дружинный период, в виде должностей тысяцких, сотских и десятников и некоторых довольно слабых указаний на существование подразделений населения на такие десятичные округа. Интересно, что между тем как в других землях тысяча обыкновенно совпадала с землею, на маленькой полянской территории мы видим несколько отдельных таких организаций: центром одной тысячи был Киев, другой — Белгород, третьей — Вышгород (а могли быть еще и в южной части земли). Позже военная организация земли была объединена, и во главе ее стал киевский князь. Можно ставить различные предположения; старый ли киевский князь обзавелся, вместо земского ополчения, своей особой, непосредственно от него зависевшей дружиной для более верной и надежной обороны, явился ли чужой вождь — кондотьер, взятый со своим полком на службу киевскими патрициями, или действительно овладел Киевом посторонний узурпатор, — во всяком случае в Киеве явился вождь военных сил всей земли.

Успешное развитие военных сил Киева могло начаться только с появлением специального, постоянного войска — «дружины» вместо старого земского ополчения, и это развитие началось гораздо раньше, чем представлял себе автор «Повести»³¹. Далекие морские походы Руси, известные нам из иностранных источников уже с начала IX в., указывают, что переход к организации постоянного войска совершился еще раньше, и в VIII в. Киев обладал уже значительными военными силами; стадия пассивной охраны киевской торговли и торговых путей была оставлена позади, и Киевская Русь начала пускаться в смелые и далекие экспедиции для приобретения невольников и добычи.

В начале IX в. «губительный именем и делами своими народ Русь» (οι Ρῶς) под предводительством какого-то не названного по имени воеводы опустошал Малоазиатское побережье от Пропонтиды до Синопа, как сообщает житие Георгия Амастридского, рассказывающее о чуде, совершившемся над этою Русью в Амастре, около Синопа. К тому же времени — началу IX или концу VIII в. — относятся опустошения южного берега Крыма «русскою ратью» под предводительством «князя Бравлина»³². Таким образом, известный поход Руси на Константинополь в 860 г. не был сам по себе чем-либо новым. Пользуясь тем, что имп. Михаил со всем войском отправился в Малую Азию, Русь явилась тогда на двухстах кораблях пред безоружною столицею; русское войско опустошило предместья Константинополя и привело в ужас его жителей, но весть о возвращении императора с войском принудила его к отступлению.

Несколько позже имел место поход Руси на южное побережье Каспийского моря: от позднейшего историка Табаристана (южного берега Каспийского моря) узнаем, что во время правления Гасана-abu-Зейда (862—884) Русь приходила походом на Абесгун (славная в то время пристань в юго-восточном углу Каспийского моря), но войско abu-Зейда отразило их.

Эти случайно записанные, случайно сохранные для нас известия дают возможность судить, какие далекие экспедиции предпринимала Русь. В действительности походов этих в течение IX в., конечно, было гораздо больше. Они могли предприниматься частью населением черноморских земель, подвластных Киевской Руси, и частью этой последней или вообще дружинами, так или иначе связанными с Киевом. Автор «Повести» без колебания приурочивает известные ему сказания византийцев о походе 860 г. к Киеву и Руси Киевской, и это приурочение также имеет ценность исторического документа*.

В IX и особенно X в. ценный материал для киевского войска давали отряды скандинавских выходцев, «варягов». Это были отличные воины, а как элемент чужеземный, он был очень кстати и там, где киевским князьям нужен был верный, с Киевом ничем не связанный, союзник — именно в отношениях к киевскому патрициату и его «старцам», политическое значение которых должно было умалаться с возрастанием значения князя. В X в. мы видим норманнов в большом

* По всей вероятности, к Киевской Руси относится записанное под 839 г. известие Бертинских анналов³³ (собственно, их продолжения), что в этом году к Людовику Благочестивому прибыли послы византийского императора Феофила и с ними люди, называвшие себя послами русского короля, посланными к Феофилу. Феофил просил Людовика переслать их от себя на родину, так как из Византии путь им был прегражден какими-то враждебными народами. Вероятно, эти дипломатические сношения Византии с русским правительством были результатом нападений Руси на византийские земли в первых десятилетиях IX в., подобно тому, как и после похода 860 г. византийское правительство высылало на Русь посольства и богатыми подарками старалось удержать русских князей от новых походов.

числе между боярами киевского князя и его наместниками, и варяжское влияние на княжеском дворе было очень сильно вплоть до первой половины XI в., когда в Киеве проходит мода на варягов. Память об этой многочисленности и влиятельном положении варягов в Киеве в прежние времена, как я сказал, оказала несомненное влияние на создание историческо-генеалогической теории «Повести временных лет».

V

КИЕВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В IX И X вв.— ПРОЦЕСС СОЗИДАНИЯ

Далекie, большие походы Руси IX в. свидетельствуют не только о значительном развитии военных сил *, но и заставляют предполагать существование значительной сферы политического влияния Киевской Руси. Патриарх Фотий, впрочем, в своих проповедях, произнесенных во время осады Русью Константинополя в 860 г., дает и прямое указание в этом смысле: он говорит, что Русь дерзнула напасть на Константинополь после того как покорила своих соседей и вследствие этого стала много о себе думать. Источники первой половины X в., позволяющие заглянуть внутрь этой политической организации, вполне подтверждают факт существования уже в IX в. широкой сферы влияния и власти киевских князей.

Из первой половины X в. мы имеем целиком и в отрывках три договора киевских князей с Византиею (907, 911, 944). Сами по себе весьма содержательные, они — в связи с современными арабскими и византийскими известиями и позднейшими воспоминаниями «Повести» — дают нам довольно ясное представление о государственной системе, созданной к этому времени киевскими князьями.

В договоре 944 г. одновременно с послами киевского великого князя выступают послы не менее двадцати зависевших от него «светлых и великих князей и великих бояр» (как называет их договор 911 г.). Такое же приблизительно число послов видим тридцать лет спустя в Константинополе с княгиней Ольгою: очевидно, эта система княжеств и провинций держалась в середине X в. довольно устойчиво ³⁴.

Уже одно число этих зависимых княжеств дает представление об обширной сфере влияния киевских князей. Действительно, тщательное изучение исторического материала приводит к выводу, что в продолжение IX и начале X в. (т. е. кончая княжением Олега) Киев уже успел включить в сферу своего влияния почти всю ту территорию,

* Из известных нам походов только для 860 г. источники дают кое-какие указания относительно численности русского войска: на 200 лодках их нужно считать 6—8 тыс. человек. Другие походы, конечно, предпринимаемы были также со значительными силами.

которая входила и позже в состав Киевского государства *. Все восточнославянские племена вместе с некоторыми финскими соседями стояли уже в большей или меньшей зависимости от Киева.

В начале X в. вся днепровская артерия на севере от Киева с главнейшими своими разветвлениями была, несомненно, уже в руках киевских князей. Крайняя торговая станция на этой дороге — Новгород — стоит под властью киевского князя, и князь Игорь, вероятно, по ранее установившемуся обычаю посылает туда князем своего малолетнего сына Святослава во второй четверти X в.³⁵ Нижнее течение Днепра было в руках киевских князей уже в конце VIII в. — об этом свидетельствуют черноморские походы Руси в начале IX в. Несмотря на натиск Печенежской орды, на устье Днепра Русь держалась еще в середине X в.: договор 944 г. обязывает Русь не препятствовать корсуниям в рыболовстве на устье Днепра.

Сухопутные и речные дороги, ведущие на восток через земли северян и вятичей, были также в руках киевских князей уже в IX в. Подчинение этих племен Киеву требовало охраны их от хазар, державших перед тем их в своей зависимости; но в IX в. Хазарская орда, видимо, приходит в упадок и борьба с нею не была затруднительна. В начале X в. в главных центрах Северной земли сидят уже наместники киевского князя, а Русь держит в своих руках и область Дона. На это указывают походы ее на Каспийское побережье, которым не сочувствовали, но не могли, очевидно, воспрепятствовать хазарские каганы, и совершенно ясные указания договора 944 г.: киевский князь обещает не пропускать Черных болгар, живших на кавказском побережье Азовского моря, на крымский берег, где они разоряли византийские владения. Очевидно, старая Фанагория, в наших памятниках называемая Тматороканью, находилась в это время уже во власти киевского князя. Другой параграф того же трактата, обязывающий русских князей не касаться греческих городов в области Херсонеса и не иметь на них притязаний, дает понять, что власть тматороканских князей переходила и на крымский берег Керченского пролива.

Не столько, может быть, торговые интересы, сколько желание обезопасить себя от пограничных нападений обратило оружие киевских князей на покорение западных соседей, старых обидчиков Полянской земли — древлян. В первой половине X в. они, несомненно, были уже данниками киевских князей. Лучан, жителей южной Волыни, между подвластными Киеву племенами называет трактат Константина Порфирородного. Дулебов и тиверцев «Повесть» называет вассалами Олега, «толковинами» (так назывались автономные племена, обязанные только давать военную помощь киевскому князю), и эта зависимость вполне вероятна.

* Более или менее такое представление имеет и автор «Повести», но, располагая известными ему факты на прокрустовом ложе своей теории, он принужден был втиснуть этот вековой процесс в несколько лет, приурочив его к началу правления Олега.

Конечно, различные части этой огромной территории, простиравшейся от верхней Волги и бассейна великих озер до Черного моря и нижнего Дона, стояли на очень различных степенях зависимости от киевского князя, как то видно отчасти уже и из вышеприведенных примеров, да и вообще вся эта политическая система не отличалась прочностью. В наиболее тесную зависимость были приведены, судя по нашим сведениям, славянские волости по главным торговым путям и славянские колонии в финских землях, имевшие также большое торговое и экономическое значение (они собирали контрибуции сырыми продуктами, прежде всего мехами, и вели торг с туземцами). Тут расположены были гарнизоны из «русской» дружины и сидели «светлые и великие князья и великие бояры» — родственники киевского князя или его наместники³⁶. Эта система городов и факторий на торговых дорогах с находящимися в них «русскими» князьями и «русскими» гарнизонами составляли, так сказать, скелет Киевского государства IX—X вв. Целые же округа и племена, более удаленные от торговых дорог, не представлявшие торгового и стратегического интереса, были представлены сами себе, управлялись своими домашними князьями, и зависимость их от киевского князя ограничивалась уплатою дани, контрибуций или даже только обязанностью посылать войска в киевские походы.

Вообще как начатки киевской государственной организации были, несомненно, тесно связаны с интересами киевской торговли, так и позже государственные интересы тесно сплетались с торговыми, а купеческий класс — с правительственным. Цитированный уже выше рассказ Константина Порфирородного о Русском государстве первой половины X в. иллюстрирует это очень ярко: русская торговля и управление, княжеская дружина и купеческий класс сливаются здесь совершенно. Князи со всею «Русью» (т. е. со всею дружиною) выходят на зиму «на полюдь»³⁷ в подвластные славянские земли и там остаются целую зиму, собирая дань; весною «Русь» стягивается в Киев и отсюда снаряжает торговые караваны (конечно, не только в Константинополь, но и на другие рынки) с предметами, собранными в виде даней и приобретенными торговлею. Эта картина слияния правительственной деятельности с торговлей и торговыми интересами находит себе полное подтверждение в договорах киевских князей с Византиею: их главное содержание, альфу и омегу дипломатических переговоров составляет обеспечение торговых интересов. Русские князья и бояре — одновременно правительство и негоцианты; киевская правительственная политика состоит на службе у торговли, как, в свою очередь, торговля составляет ту экономическую основу, на которую опираются князья и правительство.

Как и в нынешней организации милитарных государств, внутренняя политика сводилась к вопросу о содержании возможно большего количества войска — княжеской дружины. Расширение подвластной территории, увеличение района, платящего дани, и умно-

жение даней давало возможность содержать более многочисленную дружину. Напр., передавая своему боярину Свенельду дань уличей, а потом древлян, Игорь обеспечивает этим содержание целого отряда дружины, содержимого Свенельдом на эту дань³⁸. Создавая новые дружинные гарнизоны, содержащиеся из даней и доходов, собираемых в их округах, князь получает новые военные кадры, которые в случае надобности могли быть мобилизованы и двинуты на театр войны, оставив на месте только существенно необходимую часть, и в конце концов это увеличение военной силы давало князю возможность не только расширять сферу своего политического влияния, но и углублять ее, скрепляя свое положение и относительно киевского патрициата, и в отношениях к подвластным «светлым и великим князьям» и воеводам.

Эволюция Русского государства X—XI вв. шла именно в этом направлении — расширения и разветвления системы «русских» наместников и их гарнизонов, проникавшей все далее и далее в глубь волостей. В рассказе Константина Порфирородного земли новгородских славян, кривичей, дреговичей, древлян, северян — это территории, куда только временно, зимою, приходят русские дружины с князьями «на полюдье»; картина совершенно верная, с тою только поправкою, что князья и дружины приходили не только из Киева, как говорит Константин, но также из провинциальных центров, где сидели князья, посаженные киевским князем. Во внутренние отношения земель эти князья еще не вмешиваются: земля обязана только дать положенную дань и содержать князя с дружиною во время сбора «на полюдье». Только постепенно к сбору дани начинают присоединяться разные административные и судебные функции. Это очень хорошо иллюстрирует позднейший рассказ киевской летописи (под 1071 г.): в Белоозеро, в землю Финской веси, приходит боярин князя Святослава Ян Вышатич для собирания дани; пользуясь этим, жители приносят ему жалобу на волхвов, очевидно, пользовавшихся покровительством домашних властей и обижавших население; Ян производит следствие, судит и казнит волхвов. Порядки, существовавшие в XI в. только в глухих финских краях, в X в. имели место и в землях славянских.

В первой половине X в. на целых этнографических территориях, подвластных Киеву, — у древлян, вятичей, вероятно, и у дреговичей — не было никаких киевских резидентов, ни гарнизонов. «Примучив», напр., древлян и принудив их давать дань, Игорь отдает эту дань Свенельду на содержание его дружины, но ни Свенельд, ни его агенты не жили в Древлянской земле. Очевидно, он собирал эту дань во время осеннего полюдья, а в остальное время находился со своею дружиною при Игоре; в Древлянской же земле правили по-старому местные «добрые князья», «иже распасли суть Деревьскую землю», как говорят о них древляне в летописном рассказе. Но после нового восстания древлян в середине X в. в их земле появляется

уже киевский князь, при нем гарнизон, а кроме того такие гарнизоны были, очевидно, расставлены и в других центрах Древлянской земли.

Управление и суд были источниками доходов. Каждый выезд княжеского наместника или его агента на территорию округа сопровождался поборами на содержание его и его спутников и сбором разных пошлин. Поэтому увеличение числа княжеских наместников, учреждение новых военно-административных квартир давало новые доходы, возможность содержания новых отрядов дружины, а прирост дружины, в свою очередь, давал возможность, увеличивая число гарнизонов и административных пунктов, расширять и усиливать административную сеть государства.

Этот процесс, конечно, не развивался ровно, без скачков и колебаний. Государственная машина была еще слишком первобытна и неуклюжа, чтобы действовать ровно и правильно. Личные отношения киевского князя к его подручникам и наместникам значили слишком много, и перемены лишь на киевском столе, политические и всякие иные передраги непосредственно отражались на политической системе Русского государства, расшатывая и ослабляя ее связи и деятельность. «Великие бояре», от себя содержавшие целые корпуса дружины, как упомянутый Свенельд, и провинциальные, подручные князя становились иногда слишком сильны, и киевский князь должен был тщательно следить за ними и соразмерять силы своей собственной дружины так, чтобы они держали этих провинциальных князей в должном почтении. Эти князья и наместники имели тенденцию обращать свои княжества в потомственное владение и ослаблять свою зависимость от киевского князя. Так как это бывали родственники киевского князя или люди, ему лично обязанные, то смерть киевского князя ослабляла в них сознание зависимости, и этим ослаблением государственной связи пользовались покоренные племена и их туземные князья, чтобы освободиться от зависимости Киеву или по крайней мере ослабить ее. Поэтому по смерти киевского князя первые годы правления его преемника обыкновенно проходят в домашних войнах, походах на непокорные племена и непокорных «русских» князей и наместников.

С течением времени если новый киевский князь оказывался на высоте своего положения, он упрочивал свою власть и наново укреплял расшатанное здание Русского государства; непокорные племена бывали «примучены» и при этом приведены в еще более тесную зависимость от Киева: на место «дани легкой» налагалась «дань тяжкая»; непокорные князья и воеводы заменялись более надежными подручниками; состав дружины обновлялся, и среди внутренних войн вырабатывались в ней известные чувства привязанности и преданности новому князю. Реставрация, таким образом, сопровождалась более или менее значительным движением в развитии и укреплении государственного здания, и в конце концов эти успехи обыкновенно за-

вершались более или менее значительную серию далеких походов в богатые, культурные страны — восточные или византийские.

В этих далеких походах находила исход военная энергия, накопленная предшествующими походами и стараниями князя и не находившая уже приложения дома, а потому небезопасная для прочности самой государственной машины. В случае удачи поход приносил богатую добычу, т. е. большие материальные средства, покрывал славою своего предводителя — киевского князя — и поднимал его престиж в глазах дружины и подвластных князей. Он оживлял государственную организацию, собирая воедино разбросанную по всему пространству государства массу дружины, и давал чувствовать единство государственного организма. Поэтому походы эти постоянно повторялись от времени до времени, пока государственная организация не отяжелела, утратив свой наезднический, чисто дружинный характер (что случилось во второй половине XI в.).

Но снарядить такой поход было делом нелегким: нужно было приноровить и мобилизовать значительные военные силы и, кроме того, нужно было иметь много уверенности в прочности своей власти и государственной системы и не опасаться, что поход киевского князя с войсками за пределы государства будет сигналом ко всеобщему восстанию подручных князей и покоренных народов. Потому мы и видим, что эти походы обыкновенно предпринимаются киевскими князьями после долгого правления, под конец их княжений.

Так представляется в общих чертах процесс развития Киевского государства в IX—X вв. В IX в. мы не имеем возможности приурочить его к каким-либо именам: до нас дошли только оторванные от фактов и даже от хронологии имена, как «русский князь Бравлин» (конец VIII или начало IX в.), Аскольд и Дир, насильственно соединенные автором «Повести» в пару соправителей и приуроченные к походу 860 г. *; можно догадываться, что был где-нибудь в первой половине IX, что ли, еще другой князь Олег (в Киеве были две могилы Олега), традиция которого была перенесена на позднейшего, исторического Олега и обогатила такую массу событий и легенд память об этом последнем.

Исторический князь *Олег*, правивший в Киеве в конце IX и начале X в., является первым из киевских князей со своею определленною физиономиею. Его время — это эпоха необыкновенных успехов Киева, увенчанных далекими походами, особенно популярным, изукрашенным легендами походом на Византию. Если связанные в «Повести» с именем Олега приобретения Киевского государства являются в значительной степени ученою комбинацией киевского книжника (и мы рассматривали поэтому их просто как результаты эво-

* Дира называет также арабский географ Масуди, писавший в 40-х годах X в., как первого между современными славянскими королями. В действительности Дира тогда между князьями не было, но это анахронистическое упоминание подкрепляет существование такого князя в Киеве в конце IX в.

люции Киевского государства на протяжении IX в.), то этот «вещий» князь Олег, подъезжающий под стены Константинополя в поставленных на колеса кораблях, заказывающий своей дружине шелковые паруса для кораблей и в конце концов умирающий от собственного коня, как живая иллюстрация афоризма Бояна о непреодолимой силе рока,— этот образ — не мертвая концепция позднейшего книжника, а живое произведение народного творчества, и с ним нужно с этой стороны считаться.

Единственная прочная хронологическая дата и исторический документ из времени Олега — это его договор с византийским правительством, заключенный в 911 г. и целиком приведенный в древнейшей киевской летописи. По хронологии ее Олег умирает непосредственно за своим походом на Константинополь, законченным этим договором (осенью 911 г.), но в действительности он, должно быть, умер позже, судя по тому, что вокруг этого 911 г. мы видим ряд далеких походов Руси, предпринятых, очевидно, одним и тем же князем.

Судя по широким торговым льготам, признанным за Русью со стороны византийского правительства в договоре 911 г. и в другом, сохраненном в летописном пересказе с датой 907 г., этим льготам должны быть действительно предшествовать какие-нибудь очень чувствительные удары со стороны Руси. В это время мог действительно иметь место поход Олега на Византию, описанный с легендарными подробностями в «Повести». Затем в 909/10 гг. Русь ходила на Абесгун³⁹, но на этот раз поход окончился неудачей. Но в конце 913 г. Русь предприняла новый поход на Восток с большими силами (на 500 кораблях, как говорит, может быть, преувеличивая, Масуди). Пользуясь местными неурядицами, она в продолжение нескольких месяцев беспрепятственно грабила земли южного Каспийского побережья и с огромною добычей двинулась назад, но на возвратном пути, если верить Масуди, хазары отобрали у Руси добычу и истребили значительную часть войска. Эти восточные походы, обойденные молчанием в «Повести», оставили, вероятно, память в народной былинах о походе Вольги (Вольга — Олег) в Индийское царство, обставленное еще более сказочными подробностями, чем летописная повесть о походе на Византию.

После Олега в «Повести» непосредственно следует *Игорь* *. Принадлежал ли он к одной династии с Олегом — мы не знаем. По контрасту с его блестящим предшественником Олегом и другим излюбленным героем легенды — его сыном Святославом личность и деятельность Игоря в «Повести» представлены в тонах тусклых, вероятно, преувеличенно тусклых. В начале своего княжения он ведет

* По хронологии древнейшей летописи Игорь княжит в 912—945 гг. В действительности же он, вероятно, начал княжить позже (может быть, даже значительно позже) и умер, вероятно, тоже позже, по крайней мере год-два спустя после 945 г.

войны с восставшими племенами — «Повесть» знает его войны с древлянами и уличами. Из византийских источников известен нам его неудачный поход на Византию. Флот Игоря подошел к Константинополю, но греческая эскадра не пропустила его чрез Босфор; тогда Игорь направился к малоазийскому побережью и занялся здесь грабежом, но подоспевшие за это время морские силы Византии разгромили корабли Игоря. Эта неудача отразилась на торговых льготах русских купцов в Византии: новый договор, заключенный в 944 г., значительно ограничивал льготы, данные им прежде, и, кроме того, ставил известные пределы завоевательной политике киевских князей в землях, соседних с крымскими владениями Византии.

Очень удачен был зато поход Руси на Восток, предпринятый в 943/4 гг. Поход этот описан несколькими восточными писателями, почему очень хорошо известен; кроме того, он воспет персидским поэтом XII в. Низами — в совершенно, впрочем, фантастическом виде. Русь проникла сухим путем до Дербента, увлекая за собою шайки авантюристов, пристававшие к ней по дороге; отсюда отправилась на кораблях к устью Куры и по этой реке проникла до большого и богатого города Бердаи, овладела им и производила отсюда набеги на соседние земли. Пробыв здесь полгода, русские полки беспрепятственно с богатою добычею ушли назад на кораблях.

Но конец Игоря был очень печален и вместе с тем очень характерен для отношений того времени. Богатая дань с Древлянской земли, отданная Игорем Свенельду, возбудила зависть собственной дружины Игоря, и, возбуждаемый дружиною, Игорь отправился к древлянам, чтобы сверх собранной Свенельдом дани вынудить у них контрибуцию еще и для себя. Его вымогательства и насилия вывели древлян из себя, и они убили Игоря во время этого «полюдья». Как рассказывает Лев Диакон, византийский писатель конца X в., они разорвали Игоря, привязав к наклоненным вершинам двух деревьев.

Вследствие малолетства сына Игоря, Святослава, по смерти Игоря некоторое время правила его жена *Ольга* с боярами своего мужа. Из ее времени летопись знает два события. Первое — война с древлянами, закончившаяся приведением восставшей земли в тесную зависимость от Киева; население было наказано избиением и обращением в рабство наиболее провинившихся общин. Другое событие — принятие Ольгою христианской веры⁴⁰; эти факты переданы в летописи в густой легендарной оболочке, представляющей известный параллелизм с легендами об Олеге. Из византийских источников известен нам дипломатический визит Ольги в Константинополь в 957 г. Дипломатический же характер, вероятно, имела и ее миссия к императору Оттону в 959 г., истолкованная в Германии в том смысле, будто бы Ольга присылала просить присылки епископа и священников на Русь; известие это невероятно уже тем, что крещение Ольги имело характер ее личного дела, и только после крещения Руси Владимиром получило большое значение в глазах позднейших поколений⁴¹.

В начале 60-х годов вступил в управление государством *Свято-слав*. Несмотря на кратковременность своего правления, он принадлежит к наиболее характерным и сильно обрисованным фигурам среди киевских князей. Это, так сказать, тахітум дружинности среди них; роль князя-правителя, главы государства в деятельности Святослава вполне отступает на второй план перед ролью предводителя дружины, странствующего рыцаря, и он блестяще обрисован с этой стороны в классическом, основанном на живой народной традиции рассказе «Повести».

После нескольких походов, направленных на расширение и укрепление политической системы Киевского государства (из них «Повесть» знает походы, предпринятые для расширения и укрепления восточных пределов: походы на Оку и Волгу, на хазар, на кавказских ясов и касогов, т. е. осетин и кабардинцев и покорение вятичей). Святослав очень скоро обратился к далеким военным предприятиям. Очевидно, регентка передала Святославу государственный механизм в очень хорошем состоянии, и от нового князя больших хлопот в данном отношении не требовалось. Прелюдией к более смелым предприятиям был поход на хазар, загораживавших русским походам дорогу на Восток. За этим походом, окончившимся полным разгромом Хазарской орды *, нужно было ожидать какого-нибудь грандиозного похода на Восток вроде Игорева, но внимание Святослава было неожиданно отвлечено в другую сторону: император Никифор Фока подослал к нему своего агента херсонесца Калокира с богатыми подарками, приглашая напасть на Болгарию и завоевать ее. Со стороны Никифора это был ловкий маневр, имевший целью натравить Святослава на Болгарию для ее ослабления, но перспектива завоевания Болгарии показалась Святославу очень заманчивой. Может быть, он строил в дальнейшем еще более смелые планы относительно самой Византии; во всяком случае со всею энергиею взялся за покорение Болгарии. Но когда он готов был действительно прочно овладеть Болгарией, византийское правительство переменило фронт, вошло в союз с болгарами и обратилось против Святослава. Новый император Иоанн Цимисхий обложил его в Доростоле (Силистрии), и в конце концов Святослав принужден был капитулировать. На возвратном пути, на нижнем Дрепре он попал в засаду, устроенную печенегами (быть может, не без инициативы греков), и был ими убит (972 г.).

Старший сын Святослава *Ярополк*, получивший Киев еще во время болгарской кампании, должен был занять место отца, но не оказался на высоте своего положения, и его попытки объединения земель Русского государства встретили противодействие со стороны другого

* Этот разгром Хазарской орды был, впрочем, большой ошибкой со стороны Святослава, потому что Хазария, хотя и сильно ослабленная уже в то время, все-таки сдерживала тюркскую миграцию в черноморские степи. Ввиду этого тюркского потопа все приобретения политики Святослава на юго-восточной границе и на Кавказе были совершенно эфемерны.

сына Святослава, *Владимира*, сидевшего в Новгороде. Несколько лет спустя по смерти Святослава, около 980 г., Владимир выгнал Ярополка из Киева и овладел Киевским государством.

Первые годы княжения Владимира в Киеве уходят на укрепление расшатанной в период разделения и междоусобной борьбы системы Киевского государства. Несомненно, это потребовало от Владимира сильного напряжения энергии; ряд походов его записан в летописи, но они, конечно, не дают полного понятия об этой кипучей военной деятельности нового киевского князя. Из летописных известий видно, что в то время как Святослав обращал особенное внимание на восточные границы государства, Владимир очень много внимания уделял западным. Современный польский документ дает нам указание на западную границу Русского государства, установленную этими походами Владимира: на северо-западе она доходила до границы пруссов, на юго-западе подходила под Краков. Здесь, на западной границе, завязалась борьба за политическое влияние с Польшею, во главе которой стал тогда талантливый князь Болеслав; но при Владимире перевес был, очевидно, на стороне Руси.

Весьма важную и трудную реформу произвел Владимир во внутренних отношениях: он не только привел в зависимость от себя земли, входившие прежде в состав Русского государства, но и поставил их в более тесную связь с Киевом, посадив во всех главнейших пунктах их, на место прежних князей и наместников, своих многочисленных сыновей. Отсюда берет начало династический принцип, получающий свое полное развитие в последующих столетиях⁴². Еще более важное значение имели культурные элементы, введенные Владимиром во внутренние отношения государства. Созданное внешнею силою и не имевшее внутренней связи, кроме экономических интересов создавшего и поддерживавшего его военно-торгового класса, это государственное здание получает при Владимире новые устои, культурного и морального характера, в виде новой, заимствованной из Византии, религии и связанных с нею просвещения, книжности и культуры.

Исходною точкою этого чрезвычайно важного в культурной эволюции не только украинских племен, но и всей Восточной Европы явления были прежде всего политические планы Владимира: стремление поднять престиж своей власти, пришед его византийским ореолом. Это было общее стремление основателей новых государств средневековой варварской Европы, искавших средств укрепить свою власть и с прискорбием чувствовавших, как незначителен их авторитет в глазах товарищей-вассалов и соратников подданных. Между киевскими князьями Владимир не был первым на этом пути; в своих поучениях сыну император Константин Порфирородный дает ему наставление относительно того, как следует отделяться, когда владетель хазар, венгров, *Руси* или какой-нибудь иной варварский народ, *как то часто бывает*, обратится к нему с просьбой прислать ему

корону или иные императорские регалии или же породниться с ним. С такими просьбами разные варварские владетели действительно часто обращались к императорам Рима, как западного, так и восточного — Константинополя; этим путем они стремились позаимствоваться обаянием «вечной» империи и ее ореолом усилить свой престиж. Обращались к ним, судя по словам Константина, и предшественники Владимира на киевском столе. С таким предложением обратился к византийскому императору и Владимир, с тем различием, что его планы привели к чрезвычайно важным последствиям, значение которых он, очевидно, сумел оценить по достоинству.

Повод к тому дал сам император. Византия переживала трудные времена вследствие очень опасного восстания, поднятого племянником покойного императора Никифора, Вардою-Фокою, и император Василий обратился за помощью к Владимиру, как то не раз делали и его преемники, до Никифора Фоки включительно *. Владимир не отказал в помощи, но поставил свои условия: император Василий и его брат-соправитель выдадут за него свою сестру и — можем со значительною вероятностью дополнить рассказ нашего историка — пришлют ему императорские регалии **. Император потребовал, чтобы Владимир в таком случае крестился. Владимир согласился и действительно принял крещение.

Условие было заключено в начале 988 г.; русский шеститысячный вспомогательный отряд был послан и сыграл важную роль в подавлении восстания; но императоры не спешили исполнить свое обещание. Несмотря на свое могущество, русский князь в византийских придворных кругах ценился невысоко: из собрания формул императорской канцелярии знаем, что грамоты к киевским князьям писались с меньшим этикетом, чем к хазарскому кагану, не говоря уже о болгарском царе. Выдать «порфирородную дочь порфирородного византийского императора» за этого северного варвара было весьма тягостным унижением, и византийский двор, очевидно, уклонялся от него. Тогда, чтобы принудить его к исполнению обещаний, Владимир обратился к ахиллесовой пяте русско-византийских отношений — крымским владениям Византии, которые она так боязливо охраняла трактатами (944 и 971) от притязаний киевских князей. Владимир отправился походом в Крым и взял столицу византийских владений — Херсонес. Это оказало действие, тем более что империя была снова в весьма затруднительном положении. Император Василий поспешил отправить сестру Анну в Херсонес. Там обвенчали ее с Вла-

* Обстоятельство взаимной помощи Руси и Византии даже включено было в трактат 944 г.

** Весьма вероятно, что отсюда ведет начало очень популярная легенда о присылке императорских регалий Владимиру, но эта позднейшая легенда приурочивает это к правнуку Владимира Великого — Владимиру Мономаху. На своих монетах Владимир Великий действительно изображен в императорских регалиях.

димиром, еще раньше (очевидно, до крымского похода) принявшим крещение ⁴³, и Владимир возвратил Византии Херсонес — «за вено», в качестве выкупа за жену.

Будучи выдающимся политиком (о чем красноречиво свидетельствует вся предшествующая его политическая деятельность), Владимир умел оценить политическое значение христианства для своей государственной системы, хотя самого его, как видим, к крещению привели чисто политические комбинации *. Христианство было важнейшей составной частью византийской культуры, общественной и государственной организации Византии, и Владимир, стремясь к сближению, к уподоблению своего государства византийскому, естественно, пожелал уподобить его и с этой важной стороны как можно ближе. Он, очевидно, понимал, какое огромное политическое значение будет иметь распространение среди народов его государства, с их разнообразными, примитивными и незаконченными религиозными верованиями, новой культурной религии с богатым внутренним содержанием и внешним блеском искусства, с вполне законченными формами и выработанною иерархией; распространяемая и покровительствуемая правительством, эта новая религия и в дальнейшем должна была держаться княжеской власти как своей опоры и, связывая новым, культурным узлом племена русской политической системы, должна была укреплять их зависимость от Киева и киевской династии ⁴⁴. Не отрицая вполне мотивов нравственных, так как Владимир, несомненно, и сам стоял под нравственным воздействием новой религии, мы все же в этих политических мотивах прежде всего должны искать объяснения той энергии, с которою Владимир занялся насаждением в землях Русского государства новой религии и неразрывно связанной с нею византийской культуры, употребляя для этого все влияние своего княжеского авторитета и не останавливаясь перед принуждением.

Перелом, впрочем, не был резок, так как христианство было издавна хорошо известно в более значительных городах Русского государства, где группировалось военно-торговое сословие, имевшее возможность близко знакомиться с христианской религией в своих торговых путешествиях по византийским и западноевропейским землям. После похода 860 г. из Константинополя была выслана на Русь миссия, обратившая многих в христианство, так что туда был затем послан особый епископ. Вероятно, сам тогдашний князь Аскольд был христианином. В первой половине X в. была в Киеве церковь Св. Илии, и в трактате 944 г. христиане выступают уже значительною группой

* Старые киевские памятники представляют стремление к христианству у Владимира исходным пунктом в его отношениях к Византии, но при этом путаются в неловких противоречиях. Свидетельства современных восточных писателей (Яхи, Асохика), дополняя наши памятники, дают точное представление о том, как сложились обстоятельства крещения.

среди дружины Игоря *. Благодаря этому старания Владимира распространить христианство имели полный успех в более значительных, особенно южных, городах; вне же их оно распространялось, конечно, медленно и туго.

Владимиром заложены были начатки организации русской церкви: основана митрополичья и несколько епископских кафедр. Создано было несколько монументальных памятников церковного зодчества (как Десятинная церковь в Киеве). Привезенные из Херсонеса и поставленные в Киеве бронзовые фигуры коней и статуи обнаруживают во Владимире желание приобщить Русь и к светскому византийскому искусству. Об интересе к распространению византийского образования свидетельствует приведенное в летописи известие о том, что Владимир забирал детей у лиц высших сословий и отдавал их «на учение книжное», — очевидно, с целью приготовить не духовных, а вообще образованных людей. Эти стремления его — ввести Русь в круг интересов тогдашнего культурного византийского мира — не были напрасны: уже среди первых поколений киевских учеников мы видим человека, стоящего вполне на высоте современной византийской культуры, в лице митрополита Илариона, автора похвального слова Владимиру.

Так полагались основы новых элементов, связавших разноплеменные провинции Киева новою, культурною, могущественною связью, пережившею и самое Киевское государство. Рука об руку с нею шла другая могущественная связь, также еще только зарождавшаяся тогда, — в виде единства политико-общественного уклада, общественных отношений и права, впоследствии тоже глубоко проникавших в жизнь земель государства. С Владимира начинается этот заметный в эволюции Киевского государства переход от князей-наездников, сбивавших свое государство вооруженною силою, к князьям с более выраженным характером правителей. Дед Владимира погиб, как хищный наездник, «яко волк въсхищая и грабя»; отец сложил свою голову в далеком походе, как странствующий рыцарь; Владимир умирает в своей столице, и люди оплакивают его: «бояре акы заступника земли их, убозии акы заступника и кормителя». За князьями-насильниками пришел князь, обративший свою деятельность на подведение культурных фундаментов под здание, воздвигнутое его предшественниками; в этом его историческое значение.

Занятый этою внутреннею созидательною работою во вторую половину своего продолжительного правления **, Владимир, очевидно, менее внимания обращал на экстенсивную, внешнюю политику, представив последнюю сыновьям, рассаженным именно в наиболее небезопасных, требовавших особенного внимания пунктах государства.

* Последние раскопки в ограде Десятинной церкви, судя по некоторым сведениям, тоже дали указания на существование христианского кладбища здесь, в непосредственном соседстве княжеского двора, в эпоху до крещения.

** Он умер в 1015 г. (14 июля) ⁴⁵.

В народной памяти (в былинах) он сохранился в виде «ласкового» князя, занятого пирами в своей столице; вокруг этого образа группируются рассказы Владимирова цикла о подвигах бояр Владимира, занятых походами и трудами на пользу Русской земли, между тем как сам он в этих рассказах играет пассивную роль изнеженного сибарита. Народная память не сумела оценить по достоинству значения мирной деятельности Владимира.

VI

КИЕВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XI И XII вв.— ПРОЦЕСС РАЗЛОЖЕНИЯ

Время Владимира Святого, или Великого, было кульминационным пунктом во внешнем процессе образования Киевского, или Русского, государства — в его, так сказать, механической эволюции. Процесс, который можно в противоположность ему назвать химическим,— процесс проникновения и углубления в жизнь провинций этого государства выработанных им политических, общественных, правовых и культурных форм,— развивался еще интенсивнее в течение последующих столетий. Но самый организм государства, очевидно, разрушался, ослабевала сила его внутреннего сцепления, его жизненная энергия и экстенсивная способность. Это процесс разложения, такой же медленный, как и процесс созидания: с периодами ослабления и остановками он растянулся почти на два столетия.

Два момента обозначаются в этом процессе: обособление отдельных земель, входивших в состав Киевского государства, и ослабление самого центра — Киева. Следствием был полный упадок значения киевских князей ⁴⁶. В этом направлении агония старого Киевского государства закончилась уже в первой половине XIII в., но благодаря созданию нового политического центра, притянувшего к себе часть украинских земель (Галицко-Волинское государство), государственная жизнь в украинских землях продлилась с лишком столетие.

Остановки или задержки в процессе разложения киевской государственной системы были результатами более или менее счастливых усилий отдельных членов киевской династии восстановить старую государственную систему. Эти усилия почти в продолжение целого столетия по смерти Владимира задерживают или ослабляют процесс разрушения, но вернуть Киевское государство ко временам Владимира не удавалось никому — как вообще не удаются такие попытки повернуть назад колесо исторической эволюции.

Сам Владимир умер перед заревом семейной усобицы, собираясь походом на непокорного сына Ярослава. Его смерть была началом кровавой борьбы за власть среди его сыновей, продолжавшейся не-

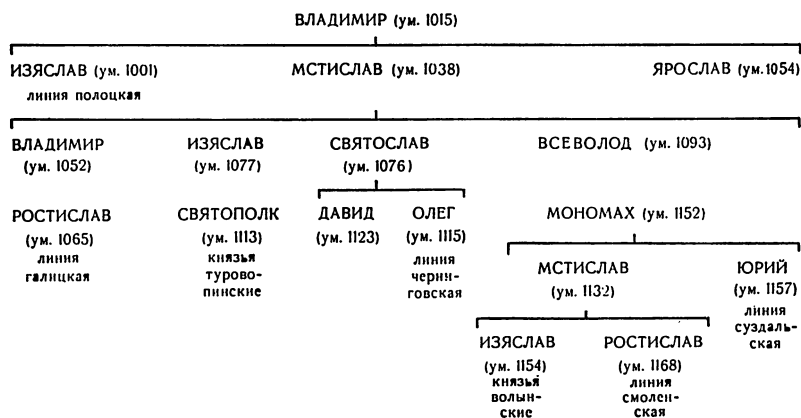
сколько лет. Победа в ней достается тому же *Ярославу* *, правление которого представляет ослабленное повторение правления его отца, характеризуясь тем же вниманием к западным границам государства, тою же борьбою с кочевниками и усиленными заботами, посвященными развитию культурных начинаний, выдвинутых его отцом. Однако Ярославу не удастся объединить в своих руках все земли, принадлежавшие к Киевскому государству при его отце. Прежде всего ему пришлось поделиться отцовскими землями с братом Мстиславом, победившим его в решительной битве: Ярослав уступил ему землю по левой стороне Днепра. Смерть Мстислава, не оставившего наследников, вернула Ярославу эти земли обратно (1036), но и после этого осталась одна из значительных волостей вне владений Ярослава — Полоцкая земля Изяслава Владимировича.

По смерти Ярослава (1054) собранные им земли разделились на шесть частей между его потомством, и уже никому из его сыновей и внуков, несмотря на все их старания, не удалось собрать земли старого Киевского государства даже в той мере, в какой удалось это Ярославу. Династия все разрасталась, а вместе с тем все больше раздроблялось наследие Владимира. Из семьи Святослава Игоревича уцелел только один Владимир, из сыновей Владимира — уже два (был и третий, но он был лишен владений); от сыновей Ярослава пошло уже целых пять династий! Распространение христианских понятий делало невозможным простое избиение претендентов, практиковавшееся прежде, и число князей возрастает непрерывно **.

С другой стороны, и земли, входившие в состав Русского государства, перестают быть безучастными зрителями княжеских отношений. По мере того как государственная организация проникала глуб-

* Утверждается прочно на киевском столе с 1019 г.

** Вот таблица важнейших (для истории Украины) линий и ветвей потомства Владимира:

же в жизнь земель, земли все более и более проявляют стремление не только приноровиться к новым государственным отношениям, но и приноровить их к своим интересам и на почве нового, княжеско-дружинного уклада возобновить свою отдельную жизнь, обособиться в автономные политические тела. Княжеско-дружинный строй локализуется, из потомства Владимира Великого образуются местные, земские династии, которые, не имея возможности опереться исключительно на свои, сравнительно небольшие дружины, ищут опоры в самом населении, в земле, прислушиваются к голосу ее веча, стараются приобрести симпатии ее и часто действительно успевают в этом. В результате киевским князьям, собирателям наследства Владимира Великого приходилось вести борьбу не только с князьями отдельных земель, но и с самими землями, отстаивающими свою обособленность, и центростремительная энергия старой государственной машины ослабляется также и этими центробежными стремлениями земель.

На первых порах энергия собирателей все-таки преодолевала эти препятствия до некоторой степени, достигая от времени до времени значительных успехов. Из трех сыновей Ярослава (Изяслав, Святослав, Всеволод), занимавших киевский стол, особенно младший, *Всеволод* (1078—1093), ловкою и осторожною политикою успел собрать значительную часть отцовских земель: ему принадлежали княжества Киевское, Черниговское и Переяславское (ядро Киевского государства), Смоленск и Поволжье, т. е. большая часть наследства Ярослава. Но это не было спокойное и прочное владение: Всеволоду до самой смерти приходилось выдерживать борьбу с младшими родственниками, по наследству претендовавшими на те или другие волости, захваченные Всеволодом, и призывавшими на помощь орды половцев.

Сын Всеволода, *Владимир Мономах*, продолжал осторожную политику отца. Уступив по смерти отца Киев своему старшему двоюродному брату Святополку, он получает этот стол по его смерти (1113) и, утратив одни земли из отцовского наследства, приобретает ряд других. В общем его владения были все же меньше отцовских; наиболее чувствительна для киевского стола была утрата Черниговской земли; политическое единство среднего Поднепровья было утрачено безвозвратно. Зато господство Мономаха над оставшимися за ним землями было более прочным сравнительно с отцовским, так как рядом походов, предпринятых по его инициативе, была сломлена сила половцев, у которых искали помощи обезземеленные претенденты (изгои). Он пользовался, как киевский князь, большим влиянием, держал в повиновении прочих князей и сумел передать Киев после себя непосредственно своему старшему сыну Мстиславу.

Мстислав (1125—1132) также умел поддержать отцовский престиж. Это последний князь на киевском столе ⁴⁷, поддерживавший старые традиции, умевший держать если не в повиновении, то в границах почтения прочих князей. Полоцких князей, когда они не при-

слали ему своих полков в помощь против половцев, Мстислав лишил владений и послал в Византию. Его личные владения, однако, были уже сравнительно вовсе невелики: кроме Киева, он владел Новгородом, Смоленском и после упомянутого инцидента — также Полоцком. Авторитет этого князя опирался больше на его личных качествах и на почтительном отношении к нему братьев, получивших остальные земли из наследства Мономаха.

Брат *Ярополк* (1132—1138), заменивший Мстислава на киевском столе, не имел уже этого престижа. Вопрос о преемстве киевского стола посеял раздор между потомством Мономаха и вызвал борьбу между детьми Мстислава и младшими его братьями. Пользуясь этою распрей, черниговская династия — потомство Святослава Ярославича — поднимает голову после долговременного подчинения авторитету династии Всеволода и предъявляет также притязания на киевский стол, который династия Мономаха хотела сохранить исключительно для себя. По смерти Ярополка черниговский князь *Всеволод Ольгович* действительно успел захватить Киев и сохранить его за собою до смерти.

По смерти Всеволода (1139—1146) начинается еще более ожесточенная борьба князей за Киев. С линией Мстислава соперничают потомки младшего Мономаховича — Юрия (линия суздальская) и черниговская династия. Очень деятельное участие, особенно сначала, пока была надежда распутать эту усобицу, принимает в борьбе и само киевское население, желая помочь утвердиться на киевском столе династии Мстислава: Изяславу Мстиславичу, потом его брату Ростиславу и сыну Мстиславу. Население хотело превратить Киевскую землю под владением этой династии в такое же обособленное и замкнутое государство, в какие превратились уже некоторые другие земли.

Но исключительное значение Киева как самого большого и богатого города, старой столицы, с которой связывались традиции о первенстве и власти над прочими князьями, препятствовало этим стремлениям: другие династии не хотели допустить, чтобы Мстиславичи обратили Киев в свое исключительное владение. Положение запутывалось еще более вследствие отсутствия выработанного и признанного порядка преемства: принцип наследования в прямой линии (от отца к сыну) сталкивался с принципом родового старшинства (преемства от брата к брату и только после младших дядей к старшим племянникам). Тридцать пять лет (1146—1181) проходят в беспрепятственных сменах князей и почти непрерывных войнах за Киев, чрезвычайно тяжело отражающихся на благосостоянии города и земли, тем более что некоторые претенденты (из династий суздальской и черниговской) призывали в качестве союзников половецких ханов в свои походы на Киев, и эти нападения половецких полчищ страшно разоряли землю. Несколько раз подвергается более или менее сильным погромам самый Киев.

Киев и Киевская земля вообще в продолжение XII в. быстро приходят в упадок. Много причин способствовало этому. Тюркская миграция подорвала благосостояние Полянской земли; за исключением северного угла она несколько раз превращалась в пустыню; население отливало, хозяйство было в расстройстве; и этот упадок благосостояния земли отражался, конечно, очень сильно на ее старой столице. Торговля очень терпела от упадка южных и восточных торговых дорог, на которых движение было если не прекращено вовсе, то сопряжено с большими трудностями и вообще ослабело после того как тюркские орды утвердились в степях и вытеснили оттуда славянское население. Обособление земель — бывших провинций Киева, развивших в себе свои собственные центры и оттянувших значительную часть военно-торгового класса, этой «Руси», безраздельно тяготевшей прежде к Киеву, влияло тоже на ослабление последнего. И к довершению всего — полстолетия непрерывных смут, войн за киевский стол, разорений земли и самого города. Богатство и блеск Киева начали исчезать, а это, в свою очередь, отражалось и на его политической роли ⁴⁸.

Младшая, суздальская, линия Мономаховичей, сыновья Юрия, которые, как младшие дядья, по родовым счетам имели старшинство перед старшими племянниками из династии Мстислава, начинают пренебрегать Киевом. Они претендуют на старейшинство, требуют покорности от южных, украинских князей, но в Киеве княжить не желают. Они остаются в своих великорусских владениях — земле Ростово-Суздальской — и стремятся поднять до значения нового политического центра эту свою волость и ее новую столицу — Владимир-на-Клязьме. Предоставляя Киев разным младшим родственникам, они стараются всячески держать их и Киев в подобающем почтении и умышленно содействуют упадку Киева *. В 1169 г. войско Андрея Юрьевича во время войны с киевским князем Мстиславом жестоко разорило Киев, очевидно, умышленно — чтобы еще более подорвать его значение. Когда в 1180—90-х годах после бесконечных войн установился компромисс между династией Мстислава и черниговскими князьями и в Киевской земле водворилось на некоторое время спокойствие, брат и преемник Андрея, Всеволод, умышленно перессорил южных князей, очевидно, опасаясь, чтобы Киев и его князья не усилились и не вышли из-под его влияния. Его старания увенчались успехом, началась новая смута, новая борьба за Киев, и среди нее, в начале XIII в., Киев подвергся снова сильнейшему разорению.

В первой половине XIII в. Киев уже совершенно отходит на второй план. Сильнейшие и более дальновидные князья, как упомянутый

* Это первые исторически известные проявления соперничества с формировавшейся народностью украинскую ее младшей сестры, народности великорусской (возникавшей тогда), в лице ее князей — первые случаи, где последняя начинает показывать ей свою силу.

Всеволод или Роман, сын Мстислава Изяславича, уже пренебрегают им как позицию безнадежною и создают новые политические центры: Всеволод — в Ростово-Суздальской земле, Роман — в Галицко-Волынском княжестве, о котором будет речь ниже. Борьба за Киев идет дальше, но борются за него только менее значительные князья; из черниговской династии и потомства Изяслава Мстиславича. Наконец, новое азиатское нашествие — монгольско-татарской орды в середине XIII в. — окончательно подрывает всякое значение Киева и разрушает государственную организацию земли, дезорганизуя княжеско-дружинный уклад на всем пространстве предстепного среднего Поднепровья.

Новое нашествие вышло из самой глубины Центральной Азии, где в начале XIII в. зарождается монгольское государство Темуджина. Конфликт его с Ховарезмом (ныне Хива) обратил (в 1219 г.) его завоевательные планы на запад. Полководцы Темуджина⁴⁹ выступили с проектом завоевания черноморских степей (Кипчак) — проектом вполне естественным, так как географически и этнографически эти степи представляли продолжение только что покоренного Туркестана. Проект был принят, монгольское войско⁵⁰ через Кавказский перешеек прошло в донские степи и здесь в 1222 г. разгромило Половецкую орду. Старый половецкий хан Котян обратился к украинским князьям с просьбою о помощи; убеждения и подарки расположили в его пользу князей, среди которых большое влияние имел князь Мстислав галицкий, женатый на дочери Котяна. Князья порешили помочь половцам против новой орды, более могущественной и дикой*, и двинули свои войска в донские степи. На реке Калке (теперь Калец, около Мариуполя) произошла битва, где половцы и украинские князья потерпели страшное поражение (1223). Монголы прошли затем до Днепра, опустошая встречные поселения; потом прошли в Поволжье и отсюда по северному берегу Каспийского моря вернулись в Туркестан. Этот поход ввел западный Кипчак в завоевательные планы Темуджина, и его завоевание стало только вопросом времени. По смерти Темуджина осуществление этого плана выпало на долю его внука Бату.

С большим войском, составленным главным образом из тюркских народностей (в украинских, вообще восточноевропейских источниках они называются татарами)**, Бату двинулся в Поволжье и, пройдя в продолжение 1236—38 гг. опустошительным походом все пространство до верховьев Волги, повернул затем в черноморские степи — покончить с половцами. В том же 1238 г. окончательно были разбиты половецкие орды; некоторая часть их осталась в степях, под властью

* Половцы в эти последние годы их жизни в черноморских степях теряют свою агрессивность и подчиняются некоторому влиянию славянской культуры (напр., два современных Котяну хана, убитые в битве с монголами 1222 г., носят христианские имена Юрия и Даниила).

** Восточные источники исчисляют силы Бату в 150 тыс.

Татарской орды, большая же эмигрировала — в балканские земли и в Венгрию. В той последней половцы, заняв сплошную территорию, долго сохраняли свой быт и даже кочевой образ жизни, пользуясь большим значением у правительства.

Более мелкие походы — на Кавказ и на пограничные украинские земли на левой стороне Днепра — заняли Бату на некоторое время после половецкого погрома (1238—39 гг.). Во время этих походов разорены были Чернигов и Переяслав и опустошены соседние местности. Затем осенью 1240 г. Бату двинулся со всеми силами на запад, за Днепр, и в начале декабря обложил и взял Киев, несмотря на очень энергичное сопротивление киевлян. Потеряв довольно много времени под Киевом, Бату затем не хотел уже останавливаться около других городов. Татары брали города, какие могли взять сразу, и обходили те, которые, не сдаваясь, требовали более продолжительной осады. Столицы Галицко-Волынской земли, Галич и Владимир, были также взяты и страшно опустошены. Весною 1241 г. Бату был уже в Венгрии и намеревался здесь прочно устроиться, но известие о смерти главного хана Огодая заставило его поспешить в Азию. Весною 1242 г. он прошел снова через украинские земли, но, вероятно, спешил еще более и не тратил поэтому сил и времени на завоевания.

Бату рассчитывал занять великоханский престол, но не успел в этом и остался в Кипчаке. Его столицей сделался Сарай на нижней Волге, и здесь расположилась главная орда. Другие три орды — в нисходящем порядке силы и значения — кочевали на Подонье и по обеим сторонам Днепра. Так описывает их размещение известный путешественник Плано Карпини, проезжавший здесь в 1246 г.

В литературе часто преувеличивали значение этого нашествия Бату для украинской колонизации. Дело представлялось так, что татарское нашествие обратило Киевскую землю и вообще среднее Поднепровье в совершенную пустыню, истребив огромную массу населения и разогнав, принудив к выселению остальное, так что эти земли надолго запустели и позже наново колонизировались, что Киев совершенно запустел и т. д. В действительности до такой крайности не дошло; хотя опустошение было очень значительно и подорвало еще более экономический быт Поднепровья и вообще Украины, но до настоящего запустения оно, несомненно, не довело. Подобные погромы и даже более тяжелые, длящиеся, повторяющиеся переживало украинское население и раньше; здешние города подвергались неоднократным разгромам, но ни к какому запустению это не приводило, и как только гроза проходила, старые жители и новые колонисты являлись из своих убежищ и тех более защищенных природою местностей, на которые эти погромы не распространялись. И последующее соседство Татарской орды не было чем-либо более страшным или тяжелым, чем соседство орды Печенежской или Половецкой. В качестве несколько организованного государства, считавшего восточноукраинские области своими подвластными землями, Татарская

орда имела причины быть сравнительно сдержанною по отношению к ним — насколько, разумеется, хватало на это дисциплины внутри самой орды.

Важнее было влияние нового фактора на политические и общественные отношения Украины. Киев еще более падает после погрома 1240 г.; Переяслав и Чернигов, соседние центры — также. Жизнь здесь отодвигается на север, в леса Северной Украины. Это особенно заметно в Северной земле. Экономический упадок и разложение государственного строя, о котором речь ниже, упадок княжеской власти и придворной жизни вызывают понижение культуры и духовной жизни в среднем Поднепровье, служившем очагом культурной жизни в прежнее время. Перенесение митрополичьей резиденции из Киева в великорусские земли, в соседство нового государственного центра (1299 г.) служит симптомом этого упадка. Подробность о том, как Данило галицкий выбирал наиболее выдающиеся вещи из киевских церквей для своих новых резиденций, — другая мелкая, но характерная черта. Культурная жизнь, отливала на север и на запад.

Пользуясь всеобщей паникой, произведенной татарами в 1240 г., население и в особенности городские общины начинают разбивать рамки княжеско-дружинного уклада. Они предпочитают зависеть непосредственно от татар, чем от князей, давать дань татарам («орать пшеницу и просо татарам», как иронически говорит о них враждебный этому движению галицкий летописец), чем нести тяготы княжеской администрации, платить дани князю, принимать участие в утомительных войнах князей между собою и терпеть вечные разорения во время княжеских усобиц⁵¹. Ни угрозы, ни разорения от князей, испуганных этим грозным для них движением, не могли повлиять на население и возвратить его к прежним отношениям. Земля разлагалась на отдельные общины, управлявшиеся своими мелкими князьями или советом старцев, возвращалась к старому состоянию общественной раздробленности, предшествовавшей образованию централизованного Киевского государства.

Сколько-нибудь определенные указания относительно этого интересного движения мы имеем только для киевских земель, пограничных с Волынью: тут оно интересовало современного автора галицкой летописи — единственной, какую мы имеем для этого времени из украинских земель; и в связи с борьбою Данила с этим движением он сообщил о нем некоторые сведения. Летописец упоминает о «людях татарских» или «людях, сидящих за татарами» на большом пространстве в бассейне Случи, Тетерева и верхнего течения Южного Буга, но эти данные им мимоходом указания, конечно, не обнимают всего района упомянутого движения. По всем соображениям оно охватило также всю южную часть Киевской земли, вероятно, с окрестностями самого Киева, Переяславскую, может быть — южную часть Черниговской земли. Этим объясняется, почему в Киеве и Переяс-

лаве после татарского нашествия 1240 г. мы уже не видим и не знаем никого из князей династии Владимира Великого — их здесь и не было по всей вероятности, по крайней мере довольно долгое время.

В Черниговской земле княжеско-дружинный строй уцелел особенно в северных, полесских его частях, но здесь он очень измельчал. Вследствие большой многолюдности династии земля раздробилась на огромное множество мелких княжеств, из которых почти никому из князей не удавалось образовать более значительных и прочных владений, значительного государства; может быть, и татарская политика влияла в этом же направлении, не позволяя кому-либо из князей усилиться и образовать более значительное владение *. Государственная жизнь в традиции княжеско-дружинного уклада во второй половине XIII в. в полной силе сохранились почти исключительно в Западной Украине, в государстве Галицко-Волынском.

VII

КНЯЖЕСТВА-ЗЕМЛИ. XI—XIII вв. ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ ГОСУДАРСТВО XIII—XIV вв.

Разложение киевского государственного организма проявлялось, как было сказано, в ослаблении значения Киева и киевских князей и в обособлении земель под властью отдельных династий, выделившихся из потомства Владимира Великого.

Сама *Киевская* земля стремилась к обособлению, имея свою излюбленную династию в потомстве Мстислава Мономаховича и перенося в ней свои симпатии обыкновенно от отца к сыну, то есть предпочитая преемство по прямой линии наследованию родовому. Но этому препятствовали исторические традиции Киева: каждый князь, воссев на киевском столе, в силу этих традиций хотел быть старейшим между князьями, иметь на них влияние и увеличивать свои владения для скрепления этого влияния. Поэтому князья не хотели уступить Киева в исключительное владение потомства Мстислава и признать его первенство, позволив ему превратиться в настоящую киевскую династию. Поэтому борьба за Киев не прекращается все время, и до самого татарского погрома политические отношения в Киевской земле не устанавливаются прочно ⁵². По этой же причине Киевская земля сохранила свое политическое единство: здесь не выработались мест-

* Только в Брянске (в северной Черниговщине, старой земле вятичей), который делается теперь сравнительно выдающимся центром в Черниговских землях, бывали временами довольно сильные (опять-таки сравнительно) и влиятельные князья в XIII и XIV вв.

ные династии, не обособились второстепенные центры в отдельные княжества, потому что перемены на киевском столе встряхивали слишком часто всю политическую систему земли.

В состав Киевской земли, кроме старой Полянской земли, входила еще земля древлян, так что территория Киевской земли занимала, кроме нынешней Киевской губернии (исключив ее южный край), еще значительную часть губернии Волынской (восточную)⁵³. Жизнь культурная и политическая сосредоточивалась на старой полянской территории, преимущественно в ее северной части, около Киева, так как южная часть, слишком часто разоряемая кочевниками, пустела и в XII—XIII вв. заселена была в значительной степени тюркскими военными колонистами, малокультурными и чуждыми местной жизни. Население Древлянской земли также жило особняком и не принимало деятельного участия в политической жизни Киева, в его стремлениях и симпатиях. Политические стремления этого последнего мы отчасти знаем: они были направлены к тому, чтобы дать утвердиться в земле симпатичной Киеву династии Мстислава и установить прочный порядок и спокойствие в земле; но эти стремления не осуществились. Жизненный интерес для Киева представляла также организация обороны и наступательной борьбы с тюрками, так страшно подрывавшими благосостояние земли, и князья, обращавшие в эту сторону свою энергию, пользовались особенными симпатиями населения.

Из городов земли (Вышгород, Белгород, Юрьев, Канев, Торческ, Овруч) ни один не выдвинулся настолько, чтобы играть какую-нибудь самостоятельную роль⁵⁴. Киев даже и остатками своего богатства, культуры и славы вполне доминировал над ними. Только погром 1240 г. надолго подорвал его значение, и, как было сказано, Киевская земля в значительной части разложилась тогда на ряд обособленных общин, и связь земли разрушилась.

Иначе сложились отношения в старой земле северян. Ее наибольший центр Чернигов, подобно Киеву, также притянул территории с слабо развитой политической жизнью — земли радимичей и вятичей, которые, также не играя выдающейся роли в политической жизни земли, остаются прочно связанными с Черниговом в продолжении ряда столетий. Но на самой северской территории, кроме Чернигова, развился другой старинный политический и культурный центр — Переяслав, и он оттянул к себе южную часть этой территории, так что последняя разделилась на два княжества — Черниговское и Переяславское. Это раздвоение восходит к очень давним временам: вероятно, оно предшествовало влиянию киевской государственности и исходило из старинных городских организаций. Уже в рассказах о событиях и отношениях начала X в., в договорах с Византией Переяслав выступает как равнозначный с Черниговом пункт, а тот и другой — как наиболее важные после Киева центры в русской государственной системе на Юге, как политические и культурные очаги

украинских земель. При всяких политических комбинациях они получают своих особых князей, и если черниговские князья проявляют стремление присоединить к черниговским владениям Переяславское княжество, то переяславское население, очевидно, не имеет ни малейшего желания примкнуть к единоплеменной Черниговской земле, хотя колонизационные условия земли заставляли его тяготеть к Северу, к более защищенным естественными условиями местностям Черниговщины: стремление к политической самобытности берет верх над интересами экономическими и колонизационными.

Переяславскому княжеству историческая судьба вообще очень не благоприятствовала. Расположенное вне линии леса, оно было совершенно открыто со стороны Подонья, и со времени миграции тюркских орд, после того как украинское население степей отлило отсюда и открыло предстепную полосу нападениям тюрков, положение Переяславской земли стало тяжелее, чем какого-либо другого княжества. Значение Переяслава и Переяславской земли, очевидно, выросло в совершенно иных, более благоприятных колонизационных условиях, а с X в., когда эти благоприятные условия исчезли, видим лишь постепенный упадок Переяслава. Временами Переяславское княжество подвергалось таким сильным разорениям, что пустело почти совершенно (напр., в конце XI в.). Поэтому борьба с тюрками составляла тут еще более жизненный вопрос, чем для Киева, и переяславские князья особенно заметны на этой арене.

Само по себе небольшое * и ослабленное тюркским натиском, Переяславское княжество не могло играть выдающейся роли. Ему приходилось держаться настороже, с одной стороны, от притязаний черниговских князей, с другой стороны — отделяться от киевских князей, которые тоже хотели держать его в зависимости от себя; и в первой половине XII в. Переяслав действительно поставлен был в положение киевской провинции. Избегая сферы влияния как тех, так и других, переяславская община предпочитает брать князей из далекой ростово-суздальской династии, которая в силу отдаленности своих владений не могла превратить ее в свою провинцию. Но превратиться в замкнутый политический организм Переяславской земле не удалось до самого татарского погрома 1240 г., а после этого исчезают здесь всякие следы сколько-нибудь заметной государственной жизни.

Черниговское княжество, наоборот, обособилось очень скоро. Земля была достаточно велика и сильна для этого **, а династия (потомство Святослава Ярославича) попала в талантливую и достаточно энергичная. Пользуясь несдержанностью Святослава, узурпи-

* Если исключить слабонаселенные окраины, пограничные со степью, Переяславское княжество занимало северо-западную половину нынешней Полтавской губернии и южный край Черниговской.

** Она занимала нынешнюю Черниговскую губернию (кроме южной ее части), почти всю Орловскую и значительные части Могилевской, Калужской, Тульской и Курской.

ровавшего Киев, другие линии, правда, попробовали было лишить сыновей Святослава отцовских земель по его смерти, но Святославичи, особенно талантливый и энергический Олег, родоначальник последующей черниговской династии, опираясь на сочувствие земли и беззастенчиво пользуясь тюркскими ордами как союзниками против князей-обидчиков, так упорно боролись, причиняли такое беспокойство и такие опустошения своими союзными ордами, что в конце концов Черниговское княжество было возвращено Святославичам и осталось в их руках до конца. Претендуя на Киев и Переяслав и захватывая первый очень часто, вообще придерживаясь весьма агрессивной внешней политики, черниговские Ольговичи не допускали никого из других династий в свои черниговские земли и умели удерживать последние в целостности в исключительном своем владении.

Династия эта была очень многочисленна (со второй половины XII в. это были исключительно потомки Олега — другие линии вымерли). Она отличалась довольно значительной солидарностью и выработала, хотя в очень несовершенном виде, некоторый порядок перехода столов по принципу родовому (так наз. позже «лестничное восхождение» — переход в порядке старшинства с меньших столов на большие). Благодаря этому конфликты и войны между князьями разных линий династии Олега были сравнительно редки, и земля жила довольно спокойною жизнью. Но с умножением династии земля все более и более дробилась на мелкие княжества, все резче обособлявшиеся и дробившиеся, в свою очередь, в течение последующих столетий на еще более мелкие владения, по величине и характеру своему переходившие просто в большие вотчины. Такие мелкие княжества развились особенно в северо-восточной части Черниговского княжества, в старой земле вятичей, куда отливает жизнь из южных черниговских земель после монгольского нашествия. Чернигов теряет значение, выдвигается Брянск, в земле вятичей. Из других городов более важными были Новгород-Северский, вторая столица после Чернигова (она не обособилась, так как новгородский стол обыкновенно служил только ступенью к черниговскому) ⁵⁵, далее Любеч — старый торговый город на Днепре, игравший роль в X в., но позже заглохший, и Курск — центр юго-восточной части, превратившийся в пограничный со степью город в период развития тюркской миграции.

Волинская земля (старая территория дулебов) * также отличалась исстари развитием сильных городских центров. Одним из старейших среди них был город Волинъ, в центре Волинской земли, сообщивший ей свое имя, но позже совершенно затертый и лишенный значения возникшим в его соседстве городом Владимиром, основан-

* Старая Волинъ заключала в себе большую (западную) половину нынешней Волинской губернии, части губерний: Люблинской, Седлецкой и Гродненской (земли по Западному Бугу) и северо-восточный угол нынешней Галиции.

ным, как показывает его имя, Владимиром Великим. В южной Волыни центром был Луцк; в западной — Бужск, позже Червень и еще позже Белз; в северной — Берестье и Дорогичин. Развитие некоторых из этих центров, как Волыня, Луцка, Червеня, выходит совершенно за границы наших сведений (вообще относительно этой западной части Украины очень скудных); мы видим их важными центрами уже в X в., а развились по крайней мере некоторые из них, очевидно, еще значительно раньше. Но такого стремления к обособлению, как, напр., у перемышлян, у этих городских центров мы не замечаем (наиболее слабо связана была с остальной Волынью северная, Берестейско-Дорогичинская область). Несмотря на это земля представляла собою все время систему ясно обозначенных областей, часто обособлявшихся в отдельные княжества.

При разделе наследства Ярослава Волынь досталась одному из младших его сыновей, Игорю, но семье его не удалось удержать в своих руках это владение. Обстоятельства складывались так, что волынские земли от времени до времени все попадали в руки киевских князей и соединялись с Киевскою землею. Только в середине XII в. Волынь обособляется прочно в руках потомков Изяслава Мстиславича, на которых местное население смотрело как на свою династию и чувствовало к ним живые симпатии. В руках внуков и правнуков Изяслава Волынь разделяется по своим составным частям на целый ряд княжеств⁵⁶, но постепенно эти многочисленные линии волынской династии угасают, и к середине XIII в. вся земля собирается в одних руках — князя Василька Романовича.

Земля жила сравнительно спокойною жизнью. Устойчивость отношений, установившихся уже со второй четверти XII в., способствовали образованию здесь крупных городских центров, богатого мещанства и родовитого, влиятельного боярства, в среду которого в XIII в. приливает много служилых князей, малоземельных и безземельных. Так складывается могущественное сословие князей и бояр, впоследствии (в веках XIV—XVI и позже) сообщающее Волыни характер наиболее аристократической среди украинских земель. Натиск тюркских орд не давал себя чувствовать здесь; фронт волынской политики обращен больше на северо-запад, против Польши, с которой при постоянных, очень старых спорах за пограничные земли велись и очень оживленные сношения, существовали тесные династические связи и культурные влияния, сначала больше со стороны Руси, а позже, с XIV—XV вв., — со стороны Польши.

Земля *Галицкая* (нынешняя восточная Галиция) обособилась очень резко и рано — уже в последней четверти XI в. Из рук старших родственников, завладевших этой волостью, отобрали ее князья-изгои Ростиславичи, и их потомство (собственно, одного из них — Володаря) правило землею в продолжение столетия. Это была очень энергическая и талантливая династия; она успела отстоять свое владение от притязаний окружавших его соседей, развить очень значи-

тельные силы и приобрести влиятельное положение. По отношению к прочим украинским землям и князьям политика галицких князей сводилась к тому, что они зорко следили за волынскими князьями, подозревая у них — конечно, не без основания — стремления по старой памяти присоединить Галицию к Волыни; поэтому галицкие князья старались не допустить усиления волынских. В остальном все интересы приковывали внимание галицких князей к Западу. С юга Венгрия, овладев украинскими землями на юг от Карпат, стремилась перейти за Карпатский хребет и уже с конца XI в. обнаруживала намерения овладеть Галициею. В конце XII в. и в начале XIII, во время галицких смут венгерским королям удавалось несколько раз, хотя на короткое время, посадить на галицком столе своих принцев, и на этом основании короли Венгрии даже принимают титул «королей Галиции» *. На северо-западе галицкие князья встречались со стремлениями Польши раздвинуть свои границы за счет смежных земель Галиции. Это был старый спор с Польшею за пограничные земли, которому много внимания отдавали Владимир Великий и Ярослав и который теперь достался в удел князьям галицким и волынским; последние, однако, не выступали на этой границе солидарно до объединения Галиции с Волынью. Все эти интересы вводили галицких князей в круг европейской политики: против Венгрии они, например, искали опоры в союзе с Византиею, в других случаях обращались к Германской империи и т. п.

Династия Ростиславичей была немногочисленна. После того как талантливый и беззастенчивый сын Володаря Володимирко правдами и неправдами объединил галицкие волости в одних руках, они оставались долго нераздельными ⁵⁷. Внутренние войны были здесь почти неизвестны, и земля под защитой искусной дипломатии своих князей жила такою спокойною жизнью, как никакая другая из украинских земель. Это дало возможность развития экономическому благосостоянию земли и особенно повлияло на формирование богатого, могущественного и тесно сплоченного боярства. Во второй половине XII в. это боярство чувствует себя настолько сильным, что открыто стремится подчинить своим влияниям самого князя и не останавливается перед дворцовыми революциями и самыми резкими действиями для достижения своих планов. Так, во второй половине XII в. галицкие бояре несколько раз прибегают к дворцовым революциям, чтобы отделаться от нежелательных особ. В начале XIII в. признанные галицкими боярами князья Игоревичи (из черниговской династии), раздраженные самовластием бояр, задумали их перерезать, и действительно много бояр было при этом убито, но оставшиеся в живых обратились за помощью к Венгрии и с помощью ее низвергли

* Эти «исторические права», изложенные при оккупации Галиции в 1772 г. в особом официальном историческом трактате, послужили для императрицы Марии-Терезии основанием для присоединения Галиции к землям австро-венгерским при первом разделе Польши.

ненавистных князей; некоторые из этих князей Игоревичей попали в руки венгерского войска, но бояре выпросили их и повесили, мстя за смерть своих товарищей.

Главными центрами Галицкой земли являются сначала Перемышль, Звенигород и Теребовль. Владимирко делает своею столицею Галич, сообщаящий свое имя земле. В XIII в. в соседстве Звенигорода (после этого заглохшего совершенно) появляется Львов⁵⁸, в XIV в. приобретающий значение новой столицы.

Прекращение династии Володаря в Галицкой земле (в 1198 или 1199 г.) привело к соединению ее с Владимирским княжеством на Волыни, в руках владимирского князя Романа⁵⁹. Он еще прежде, во время борьбы галицких бояр с последним Володаревичем — Владимиром был призываем боярами на галицкий стол, но не удержался на нем. Теперь, по смерти Владимира, он поддержал свою кандидатуру военною силою и сел на галицком столе вполне прочно. Это послужило началом объединения Галицкой и Волынской земель в одно государство и создало на Украине новую политическую силу, которая в руках такого энергичного и весьма талантливого князя, каким был Роман, казалось, была призвана занять место Киева, став политическим центром украинских земель.

Несмотря на очень короткую политическую карьеру, Роман произвел глубокое впечатление на Украине и вне ее; чрезвычайно быстро появляются о нем легенды и песни, остатки которых сохранились и донныне в украинской и белорусской народной словесности. На него, очевидно, смотрели как на человека, призванного обновить расшатанный политический строй Украины. Упорная, острая борьба его с всесильным галицким боярством доставила ему популярность в народных массах. Когда в войне со своим тестем, киевским князем Рюриком, Роман приступил к Киеву, киевляне открыли ему ворота, очевидно, надеясь, что в сильных руках Романа Киев достигнет снова былой славы и могущества. Но надежды эти не оправдались: Роман не захотел оставить за собой Киев, предпочитая держать здесь в зависимости от себя разных второстепенных князей. Считал ли он киевские отношения безнадежно запутанными или данный момент не представлялся ему удобным для того, чтобы вмешаться самому в эти отношения, — во всяком случае он предпочел обратить все свое внимание на Галицию, богатую, не истощенную, и здесь укрепить свое положение. Но без Киева его влияние осталось местным: Галицко-Волынское государство было слишком западною окраиною Украины, чтобы из Галича или хотя бы даже из Владимира держать в руках восточноукраинские отношения.

Случайная смерть, впрочем, прервала деятельность Романа прежде чем он успел вполне обнаружить свои планы и укрепить свое положение: он был убит во время похода в Польшу в 1205 г. После него остались малолетние сыновья: старшему, Данилу, было три года, младшему, Васильку, — всего год. Придавленное Романом галицкое бояр-

ство поднимает голову. Опасаясь, что сыновья его унаследуют стремления отца к сильной власти, бояре выдвигают претендентов из разных княжских династий, играя ими, как пешками, и не позволяя прочно утвердиться; была среди бояр и венгерская партия, предпочитавшая править землею под номинальной властью венгерского короля; наиболее честолюбивые и смелые из бояр пробовали захватить не только управление, но и княжескую власть в Галиче в свои руки. Деятельное участие в этих смутах принимали также соседи — Венгрия и Польша, стараясь поживиться чем-нибудь из наследия Романа; в 1214 г. был заключен между ними договор относительно раздела галицко-волинских земель, но он не получил прочного реального значения.

Эти смуты, захватившие и Волынь и проявившиеся иногда в очень острых формах, продолжались целых тридцать лет; только в 1230-х годах Данило с братом упрочили свое положение в Волыни и затем начинают заметно брать верх над враждебными партиями и в Галиции, проявляя редкую энергию и настойчивость в этом собирании своей «отчины». Татарский ураган 1240 г. только прервал их деятельность в этом направлении. Решительная победа под г. Ярославом в 1245 г. над последним претендентом — зятем венгерского короля Ростиславом, князем из черниговской династии, обеспечила господство Данила в Галиции. Он отдал Волынь Васильку, но благодаря редкой солидарности братьев этот раздел владений был совсем не чувствителен.

Утвердившись в Галичине, Данило мог приступить к осуществлению более широких планов. Он несомненно имел в виду расширить свое влияние на Восточную Украину, взяв в свои руки Киев. Но на дороге этих планов стояли татары и покровительствуемое последними движение «людей татарских», о котором упоминалось выше: оно охватило широкою полосой границы Волыни, а по всей вероятности широко распространилось и в ближайших к Киеву местностях. Данило, очевидно, понимал и принципиальную опасность этого движения для его власти и всего государственного строя, и специальное неудобство для Галицко-Волинского государства — иметь татарских вассалов непосредственно у самой границы. Татары стремились перенести это благоприятное для них движение в галицко-волинские земли и подчинить их непосредственно своей власти.

Вообще отношения Татарской орды к Галицко-Волинскому государству были довольно неопределенны. Восточнукраинские княжества и общины были приведены в тесную зависимость от Орды; они платили татарам дань, и князья их обращались в Орду за утверждением. Данило, когда Орда обнаружила готовность поддержать одного из претендентов на галицкий стол, также явился с поклоном в Орду и признал над собою власть хана. Но роль татарского вассала внушала ему отвращение. Непосредственно после своей поездки в Орду он увлекается планом христианской лиги для борьбы против

татар, мысль о которой внушили ему папские послы, высланные к татарам. Он входит в сношения с папою, сближается с венгерским королем и польскими князьями. Но реальной помощи все это ему не дало. Папа прислал ему корону⁶⁰, но его планы крестового похода не имели успеха, и Данило прерывает свои сношения и переговоры о церковной унии.

Не дождавшись помощи от католической Европы, он собственными силами решается вступить в борьбу с татарами, так как попытки их — поддержать или даже вызвать движение против князей в соседних волынских и галицких землях — грозили слишком явную опасностью. Данило начинает ряд походов на территорию «людей татарских», стремясь террором и опустошениями подавить опасное движение (1254—55). Мягкий от природы, он тем не менее не останавливался даже перед разрушением целых городов и массовыми избиениями, чтобы сломить упорство противников княжеско-дружинного уклада. В дальнейшем плане, после опустошения и приведения к покорности пограничных областей Случи, Тетерева и Южного Буга, Данило имел в виду поход на Киев, но какие-то другие заботы отвлекли его, а между тем Орда, обеспокоенная походами Данила и его сношениями с папой, двинула к границам Галицко-Волынского княжества новые, более значительные силы под предводительством Бурундая⁶¹. Поддерживая внешность добрых отношений, Бурундай после нескольких рекогносцировок как бы мимоходом по дороге в Польшу вступил со своими войсками на волынскую территорию и потребовал от Данила и Василька разрушения всех городских укреплений. Захваченные врасплох Романовичи не решились принять вызова, и целый ряд укреплений был сожжен и разрушен самими князьями (1259).

Это событие произвело страшное, подавляющее впечатление. Данило убедился в невозможности борьбы с татарами. Рушились планы подавления «татарских людей», немедленно сбросивших с себя вынужденную покорность Данилу. Исчезла возможность расширения Галицко-Волынского государства на восток. Оно должно было ограничиться пределами Западной Украины, Восточная оставалась замкнутой для него рядом татарских вассальных общин, расположенных у восточных и южных границ Волыни.

Мысль об этой татарской неволе отравила жизнь Данилу. Его широкие планы относительно расширения границ Галицко-Волынского государства на счет польских и литовских владений также не увенчались особенными успехами, если не считать некоторых завоеваний на севере (приобретение Люблина от поляков, покорение ятвягов). Один из сыновей Данила уже по его смерти получил великокняжеский стол в новосформировавшемся Литовском государстве, но это был мимолетный успех, и Данило уже не видел его: он умер вскоре после погрома Бурундай (1264).

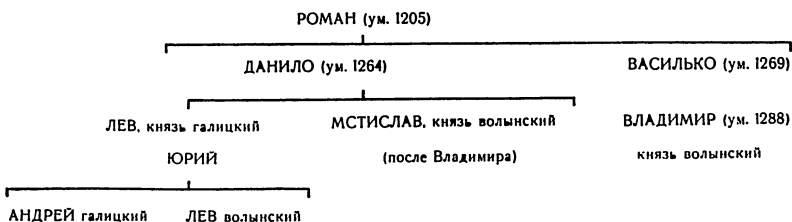
Его наследники не вышли из пределов местной галицко-волын-

ской политики, обращенной главным образом на Запад. Притом с увеличением династии галицко-волынские земли на некоторое время разделились на несколько владений, и бывшая солидарность галицких и волинских князей ослабела. Однако в начале XIV в. галицко-волынские волости собрались снова в одних руках — во владении Юрия Львовича. Сведения наши об этом государстве, впрочем, становятся очень бедными с прекращением последней из украинских летописей княжеского цикла — Воłyньской *. Очевидно, продолжают стремления к расширению галицко-волинских владений, но они не приносят никаких существенных и прочных результатов. Пользуясь ослаблением Польши и ее внутренними смутами, галицкие князья старались расширить на счет ее свои владения; князь Лев даже старался завладеть краковским великокняжеским столом, но безуспешно, и успел овладеть только некоторыми пограничными округами, впрочем, скоро отобранными Польшею обратно. Также незначительны и непрочны были приобретения, сделанные в закарпатских землях на счет Венгрии, где также начинаются смуты с прекращением династии. Участие галицко-волинских князей в литовских делах также не приносит никаких существенных результатов, и Литовское княжество с началом XIV в. становится грозным соседом западноукраинского государства. Татарские отношения в свою очередь тяжело тяготели на его политике.

При всем том это было государство довольно сильное и благоустроенное, и ничто не предвещало его близкого конца. Сохранившиеся характеристики его за время Юрия Львовича, внука Данила, подобно своему славному деду также, по-видимому, носившего королевский титул ⁶², превозносят достоинства его правления, покой, которым пользовалась страна в его управление, и богатство, которым она отличалась.

После смерти Юрия галицкие земли были разделены между его сыновьями ⁶³. В начале 1320-х годов эти последние представители галицко-волынкой династии умерли, не оставив сыновей. Из разных претендентов галицко-волынское боярство, пользовавшееся и в это время большим влиянием, предпочло одного из польских князей, родственника угасшей династии по матери, галицкой княжне, — Болеслава Тройденевича. Этот боярский ставленник, принявший при

* Династические отношения представляются так:

этом православие и имя Юрия, однако, не поладил с боярами, а его симпатии к католицизму и чужеземцам-католикам, которыми он окружил себя, подорвали его популярность и в населении и дали возможность боярам возбудить последнее против Юрия-Болеслава. С другой стороны, его непрочное положение в связи с неприязненной политикой относительно Польши вызвало планы на галицкие земли у польского правительства. Оно сближается с Венгрией, по старой памяти считавшей за собою исторические права на Галицию, и между ними состоялось соглашение относительно совместных действий в галицких делах. Но Юрий-Болеслав не дожид до его реализации: против него организовался заговор среди бояр, и 25 марта 1340 г. он погиб от отравы, а пользовавшиеся его покровительством католики подверглись избиению ⁶⁴.

Бояре прочили на его место его родственника из литовской династии, князя Любарта Гедиминовича, женатого на галицко-волинской княжне. По смерти Юрия-Болеслава он был признан князем в землях Галицко-Волинского государства. Но одновременно, при первой же вести о смерти Юрия-Болеслава, выступили с притязаниями на галицко-волинские земли Польша и Венгрия, двинувшие свои войска в Галицию. Начинается упорная борьба за галицко-волинское наследство, послужившая началом похода Польши в украинские земли, завершившегося полным их присоединением два столетия спустя — в XVI—XVII вв.

VIII

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО, ПРАВО И КУЛЬТУРА. XI—XIII вв.

Несмотря на механический характер связи, соединявшей земли старого Киевского, или Русского, государства, ее неустойчивость, частые перерывы и затем раннее обособление земель, она оставила глубокие следы в быте и культуре земель, входивших в состав названного государства. Такие следы культурного влияния, как распространение государственной — христианской религии, русско-византийской книжности и искусства, которыми эти земли обязаны были указанной государственной связи, слишком осязательны и очевидны. Менее обращало на себя внимание глубокое проникновение в жизнь земель юридических институтов и норм, форм общественной и политической организации, выработанных Киевским государством. Что такое проникновение имело место действительно, это доказывается сходством юридических отношений отдельных земель, часто разительным, и параллелизмом в дальнейшем развитии областей северо-восточных, вошедших в состав Московского государства, и земель украинских и белорусских, вошедших в состав Великого княжества

Литовского и Польши *. Сходство это объясняется общим наследием, полученным всеми названными землями от Киевского государства. Круг общих форм и норм, наблюдаемых нами, гораздо шире того, что мы имеем в сохранившихся сборниках киевского права (так называемая «Русская Правда» в ее разных редакциях), и сравнительное изучение политических и общественных отношений, права и быта этих земель открывает перед нами все новые и новые общие явления, восходящие к упомянутому общему наследию Киевского государства.

Мы бросим теперь взгляд на формы государственных и общественных отношений, выработанные столетиями государственной жизни украинских племен.

Систему земель Киевского государства связывала династическая идея: представление, что земли, входившие в состав этого государства, составляют исключительно владение рода св. Владимира, его монополию. Основу для такого воззрения создал сам Владимир, устранив всех значительных владетелей из других родов и раздав важнейшие центры государства своим многочисленным сыновьям. Потомки Владимира, за весьма небольшими исключениями, не ищут для себя вла-

* В основании государственного и частного быта Московского государства лежат, таким образом, формы, выработанные Киевским государством. Это обстоятельство, вместе с династической связью, создавало в правительственных и литературных кругах московских сознание тесной связи с государством Киевским, превратившееся наконец в убеждение, что Московское государство является его естественным и непрерывным продолжением и единственным наследником после падения государственной жизни в украинских землях. В этом смысле создаются легенды (напр., сказание об императорских регалиях, принесенных Владимиру Мономаху из Византии в от него перешедших к московским великим князьям), разрабатывается историографическая схема в московских хрониках и летописных компиляциях; этими «историческими правами» доказывают московские великие князья свои права на украинские и белорусские земли Великого княжества Литовского и т. д. Это же представление о Московском государстве как непосредственном, органическом продолжении Киевского легло в основу и новейшей историографии. Обычная схема «русской истории» начинается обозрением колонизации Восточной Европы, захватывает историю Киевского государства до половины XII в., затем обыкновенно с киевского погрома 1169 г. переходит к новосформировавшемуся великорусскому княжеству Ростово-Суздальскому как сменившему Киев новому политическому центру и следит за историей великорусского народа или государства, пристегивая к ней от времени до времени тот или другой эпизод из истории Украины и Белоруссии. Эта схема пустила такие глубокие корни, что даже весьма серьезные и чуждые политиканства люди не могут отрешиться от представления, что история украинского народа начинается с XV—XVI вв., а вся предшествовавшая жизнь южной группы племен принадлежит истории «общерусской», т. е. великорусской (эти понятия постоянно спутываются в силу доминирующей роли великорусского племени в новейшей истории). Только с трудом и очень медленно проникает в ученую литературу сознание того ясного и совершенно очевидного факта, что Киевское государство, его право, быт и культура были созданием украинской народности⁶⁵, а его право и культура у великорусской народности является почти такою же рецепцией, как право и культура византийская или, напр., польская в жизни украинского народа XVII—XVIII вв.).

дений вне пределов его наследия, но, с другой стороны, каждый из его потомков претендует на владение какою-нибудь частью в этом наследии. «Тако ли мне нету части в Русской земле?»⁶⁶ — является формулой этих притязаний; и действительно, до времени полного разложения киевского государственного строя мы почти не находим в потомстве Владимира князей безземельных. На почве этого представления о коллективных правах княжьего рода на земли Киевского государства возникает сознание коллективного интереса и обязанности заботиться о целостности этого общеродового достояния, не позволяя чужеземцу или чужеродцу захватить какую-нибудь часть в «отчине» князей *. Понятно также, что с точки зрения этого принципа жесточайшей и опаснейшей ересью должно было представляться стремление населения обойтись вовсе без князя (такое стремление мы видели в народном движении XIII в.), как, с другой стороны, дикою и предосудительною является в глазах тогдашнего общества попытка галицкого боярина сесть самому на княжеском столе⁶⁷. Земля не может быть без князя, а князем может быть только член киевской династии св. Владимира. Такое представление принято было в княжеско-дружинных кругах и не только в них — оно было усвоено самим тогдашним обществом, и отступления от этого принципа являются уже симптомом разложения старого строя.

Все князья как члены одного рода и совладельцы — в принципе равноправны. В действительности, конечно, слабейшие князья находились в очень ощутительной зависимости от сильнейших, и различие между ними чувствовалось очень сильно, хотя и покрывалось терминологией родственных отношений, которая смягчала суровую действительность иллюзией этой родственности: более слабые князья «имеют в отца место» сильнейшего, повинуются ему не как суверену, а как старшему родственнику. Поэтому между наиболее мелким князем и наибольшим боярином лежит непроходимая бездна, особенно в теории; князь не может быть «подручным», слугою другого князя, как боярин; все князья — «братья» между собою: эта терминология у них в большом ходу, и как таковые они считаются равноправными, хотя и неравносильны.

Эту видимость патриархальных отношений старательно поддерживали сами князья, чтобы сглаживать шероховатости своих отношений; усердно подогревали ее публицисты и моралисты, идеею братства и родовой общности стараясь удержать князей от внутренних войн и развить в них идею общегосударственного интереса. Но она все-таки уже в XI и XII вв. была фикцией и в действительности только прикрывала реальные отношения, зависевшие от большего или мень-

* Эта свежесть и живучесть родовых отношений (впрочем, больше кажущаяся) среди княжеской династии при полном упадке родового быта в народе объясняется или переживанием (сохраняющимся у аристократии и во владетельных династиях гораздо живее), или реставрацией отживших уже родовых понятий, за отсутствием иного принципа отношений.

шего могущества, от владений того или другого князя, а не его положения в родословной династии Владимира Великого.

Родовые счета, конечно, пользовались в княжеских кругах известным вниманием. Родовое старшинство давало известные права на лучшие волости, на старший стол; но если его носитель не умел реализовать этих прав, то старшинство его оставалось пустым звуком, и в положении старейшего оказывался князь, ниже стоящий в генеалогии, но более сильный и ловкий. До упадка Киева позицию старейшего среди князей давало обладание киевским столом: киевский князь становился «в отца место» относительно остальных, независимо от того, был ли он старшим в роде или нет; родовой термин и тут покрывал преобладание чисто политическое⁶⁸.

Такой «старейшина», являясь в отношении прочих князей патриархом, главою рода, должен был, по представлению современников, быть блюстителем справедливости, наделять волостями младших представителей рода, требовать от них отчета в проступках, судить (судом князей) и наказывать за доказанную вину, заботиться о благе рода и его общем достоянии — «Русской земле»⁶⁹; наконец, ему предоставлялась инициатива в общих предприятиях, касавшихся ее интересов. «Младшие» должны были оказывать ему почтение и послушание, «как отцу». Эти моральные права в руках могущественного и авторитетного князя превращались фактически в настоящую власть над прочими князьями и только прикрывали ее; у князей слабых, невлиятельных они оставались пустым звуком.

Во внутреннем своем управлении князь не знал, однако, никакого вмешательства старейшины, вообще другого князя. Он являлся полным хозяином в своей волости — насколько самостоятельно умел поставить себя по отношению к «земле» и к ее органу — вечу.

Княжеско-дружинный уклад в период своего развития вообще сильно придавил политическую, самоуправляющуюся силу земли, общины. Если в предшествующей стадии политико-общественных отношений княжеская власть, где она существовала, стоит на втором плане сравнительно с советом, вечем общины, то из периода создания Русского государства это вече выходит в состоянии атрофии, бессилия. Князь со своею дружиною забрал в свои руки политику, суд и администрацию*, и население так привыкло к этому, что чувствовало себя беспомощным, когда князя в трудную минуту не было налицо и некому было распорядиться. «Тяжко бяше Кияном, не остал бо ся бяше у них ни един князь в Киеве», — замечает местный летописец по одному такому случаю. Способности к управлению землею вече города в украинских землях со своей стороны не развило**.

* Здесь я не говорю об общинах, не имевших княжеских агентов и вполне предоставленных себе самим в своих местных делах.

** Гораздо большего значения достигло вече в северо-западных общинах — в Новгороде, Пскове, отчасти Полоцке, где оттеснило князя на второй план.

Не показывает оно и охоты ограничивать политические и административные компетенции князя в свою пользу. Но пользуясь тем, что упадок княжеского могущества в период разложения политической системы заставлял князя искать опоры в самом населении его волости и прислушиваться к его голосу, оно поднимало свой голос в обстоятельствах необычайных, грозивших спокойствию и благосостоянию земли, или каких-либо резких аномалиях княжеско-дружинного управления. В такие моменты оно властно, как настоящий суверен, высказывало свои желания и требования князю.

Из украинских земель мы имеем наиболее подробные сведения о деятельности вече для Киева XII в.; несомненно, что в силу исключительных, тревожных условий, в каких находилась Киевская земля, вечевая деятельность здесь отличалась и наибольшею энергиею. Из этих сведений видим, что и здесь вече не приобрело никаких определенных форм, ни постоянных и определенных функций, а осталось явлением экстраординарным. Оно иногда проявляло свою деятельность, когда дело шло о замещении киевского стола новым лицом: вече заявляло свое сочувствие кандидату на стол или призывало князя более для него симпатичного, вмешивалось в борьбу претендентов или прогоняло неугодного князя (такое напряжение энергии, впрочем, было очень редким). Но еще чаще перемены на киевском столе происходили без всякого участия веча, когда оно не было особенно заинтересовано никем из данных князей или не чувствовало себя в силах оказать влияние на ход событий, и хотя сами князья признавали за вечем право высказываться в вопросах о князе, выбирать себе князя, но чаще всего эти дела решали между собою одни князья, вовсе не справляясь с желанием веча⁷⁰.

Население собиралось на вече по приглашению князя, чтобы высказать ему свой взгляд на политические дела. Чаще всего это имело место, когда князь желал знать, может ли он рассчитывать на моральное и материальное содействие земли в своих планах; особенно это практиковалось пред войною, когда князь хотел узнать, поддержит ли его население всеобщим ополчением, и вече заявляло ему в таком случае готовность населения помочь князю — или отказывало в содействии.

Также собиралось население на вече и по собственной инициативе, чтобы обратить внимание правительства на какие-либо злоупотребления. Напр., в 1146 г. кияне на вече ставят Игорю Ольговичу свои требования относительно улучшения суда и под условием исполнения этих требований соглашались признавать его князем. В других случаях вече обращается к князю с требованиями, чтобы он изменил политику, прекратил опасную войну, покорился сильному противнику и т. п. Вообще вече считает себя вправе вмешиваться во все сферы политической жизни, организации или управления земли, и его право в этом отношении признается за ним и князьями. Но сделав в существующих отношениях поправку, какая казалась ему не-

обходимую, вече возвращало текущее управление его обычным хозяевам; оно было коррективом княжеско-дружинного управления, но не правило само *.

Вече не выработало для себя никаких определенных форм. Не существовало ни определенных сроков, ни места собраний, ни определенной инициативы созыва веча, ни каких-либо форм представительства. Вече могло быть собрано и князем, и частным человеком; в нем могли принимать участие все жители города и его пригородов; решающий голос имели все полноправные граждане, отцы семейств; решение считалось правильным, когда за ним заявлялось такое подавляющее большинство, что оно могло игнорировать оппозицию. Решение города было обязательно для пригородов, для всей земли, независимо от того, были на вече их представители или нет.

Вне вмешательства веча все управление находилось в руках князя с его дружиною. Он мог свободно распоряжаться своею властью — дарить, променивать, выделять из нее части для других князей; он мог своею властью начинать войну и заключать мир, назначить и прекратить поход — вся военная организация была в его ведении; он издавал законы и распоряжения, в его руках была администрация и суд, который он творил или сам непосредственно, или через своих чиновников и агентов, которых сам назначал; он распоряжался доходами земли, налагал новые подати и дани или изменял прежние; наконец, он принимал весьма деятельное участие в церковных делах. Личность князя пользовалась большим уважением, она считалась почти неприкосновенною, даже в тяжелых смутах и передраках; такие факты, как убийство князя населением в Киеве в 1146 г. или повешение князей галицкими боярами, озлобленными массовым избиением бояр, были явлениями исключительными. Но византийское учение о богоустановленности власти не успело распространиться в обществе.

Непременным участником княжьего управления был совет бояр, или, как называют его в литературе позднейшим, московским термином, — «дума». Бояре считали своим существенным правом быть участниками не только княжьего управления, но и планов и замыслов князя, и если последний не исполнял своей обязанности «думать с дружиною», то это вызывало неудовольствие, уход бояр со службы или даже восстания, как бывало в Галиции, где бояре слишком глубоко пустили корни в местной жизни, чтобы переходить в другую волость. Но при всем том боярский совет, как и вече, не выработал для себя ни определенных форм, ни специальной компетенции⁷¹. Князь советовался с теми боярами, которые были под рукою или которых он желал видеть на совещании; состав совета ввиду этого мог постоянно меняться, мог быть более или менее многочисленным. Но опять-таки, под опасением раздражить бояр, князь не мог умышленно

* Поэтому-то, освобождаясь от княжеско-дружинного уклада XII в., земли распадалась на отдельные общины, без более широкой организации.

обходить и исключать из своего совещания тех или других лиц: его собственный интерес требовал, чтобы его дружина во всякое время была в курсе его дел и он мог рассчитывать всегда на ее солидарность с ним.

Кроме князя и его дружины, органом центрального управления был также княжий двор, в своей организации совмещавший функции государственного управления и княжьего хозяйства, как обыкновенно бывало в таких примитивных государствах. Должности с явнее выраженным государственным характером — как *дворецкий* (начальник двора, он же, очевидно, *iudex curiae*, надворный судья) и *печатник* (канцлер), являются довольно поздно, вероятно, под влиянием Запада (дворецкий — это *palatinus*, *comes palatii* западных государств). Многочисленные «тиуны»⁷², часто набиравшиеся из рабов, заведовали хозяйством, но они же, как и прочие слуги князя, исполняли разные поручения государственного характера, выступали в роли княжских агентов в местном управлении и т. д.

Элементы центрального и местного управления соединяются в должности *тысяцкого*, венчавшей старую десятичную организацию, сохранившуюся в XI—XII вв. как архаизм в ослабленных или сильно видоизмененных формах. Тысяцких, *сотских* и *десятских* назначает уже князь; они имели военно-административные, отчасти финансовые компетенции. Впрочем, из них имеем сведения только о тысяцких, являющихся старейшими чинами земли и фигурирующих очень часто, в военное и мирное время, как заместители и представители князя.

В меньших административных центрах встречаем *посадников* как военно-административную власть. В качестве судебных агентов встречаем только тиунов; технического термина для судей не имеем — может быть, эта функция тогда еще не специализировалась вполне определенно, не отделившись от администрации.

Вне этой административной схемы оставалась широкая область самоуправления сельских и городских общин, в которую княжьи чиновники вмешивались очень редко. Широким применением местного самоуправления объясняется, как государство могло обходиться с таким несложным административным механизмом. Управление, сбор податей, полиция и в известных размерах суд — все это составляло функции самих общин или более сложных их организаций, вроде позднейших «коп». Есть основание думать, что общины иногда выкупали известную сумму у князя судебные пошлины своей территории и тогда совершенно освобождались от вмешательства княжских агентов не только в область управления, но и суда данной местности. К сожалению, о самоуправлении общин источники говорят очень мало.

Организацию суда, даже княжеского, мы знаем очень мало; больше известен нам только процесс, судопроизводство княжских судов. Роль судьи в процессе отличалась большою пассивностью. Следствие про-

изводит сама сторона, она же исполняет и приговор. Процесс имеет строго формальный, регламентированный характер, и субъективной оценке судьи остается очень мало места — явление вполне понятное, если вспомнить, что суд производили часто личные слуги князя (тиуны), иногда несвободные, и притом единолично. В качестве судебных доказательств широко употреблялись показания свидетелей и присяга; письменные доказательства в юридических сборниках XI—XII вв. («Русская Правда») еще не фигурируют вовсе. Апелляции не существовало, потому что судья представлял особу князя как его заместитель. Кроме суда княжьего и общинного, существовал суд доминиальный — господина над своими рабами и слугами, и суд церковный — в известных, соприкасающихся с религиею делах и над церковными людьми.

Церковная организация была устроена по византийскому образцу и в этот период стояла в тесной зависимости от константинопольского патриарха. Даже стремлений к ослаблению этой зависимости мы не встречаем. Митрополиты присылались из Греции, по происхождению греки же⁷³. Епископы избирались обыкновенно князьями, преимущественно из людей местных. Князья принимали вообще близкое участие в вопросах церковного управления, даже в религиозных спорах, и вообще, как в Византии, так и в старом Русском государстве православная церковь имела весьма сильно выраженный государственный характер, пребывала в тесном союзе и зависимости от правительственной власти⁷⁴ и нисколько этим не тяготилась, усвоив византийское воззрение, что светская власть не только должна оказывать покровительство церкви, но и иметь надзор за церковными делами.

В общественной организации отличались три категории: а) правящий класс — люди княжьи, или дружина; б) правимое население — «люди» в тесном смысле; и в) категория, образовавшаяся с организацией православной церкви, — люди церковные, изъятые из власти общей администрации: духовенство и люди, питавшиеся при церкви или находившиеся под ее специальным покровительством. В каждой из этих категорий резко отграничены классы людей свободных, полноправных, и несвободных, бесправных; но между этими двумя классами экономическими отношениями создаются группы людей, экономически зависимых и потому в своих гражданских правах ограниченных. Среди свободных отличаются *люди лепишии*, лучшие, и люди меньшие, также люди городские и волостные. Таким образом, дифференциация была довольно значительная, но, если исключить разделение на свободных и несвободных, она не отличалась резким разграничением: отдельные классы сближались переходными группами и передвижение из одной в другую вовсе не исключалось.

Имя дружины (от *други* — товарищи, приятели) подчеркивало свободные отношения ее к князю, которые действительно существовали не только в теории, но в значительной степени и на практике.

Дружинник, особенно из старших, выдающихся ее представителей (они называются «княжьими мужами», «боярами», «огнищанами»), считает себя не слепым слугою князя, а его товарищем; поэтому он должен знать его намерения и планы. Их связывает свободный договор: дружинник может во всякое время оставить князя и перейти к другому. Поэтому дружина слагалась из разнообразных этнографических и общественных элементов, следовавших за своим князем из волости в волость. В большинстве, однако, особенно с тех пор как князь династии прочно основались в отдельных землях, дружина, и специально — ее высший класс, приобретает местный характер, пополняясь из местного населения, преимущественно из высших классов местного общества, часто из поколения в поколение находившихся на службе князя и даже по наследству занимавших известные должности. В этом была обоюдная выгода: в интересах князя было иметь на своей службе влиятельных местных людей, равно как в интересах богатых землевладельцев и капиталистов⁷⁷ стоять ближе к власти. Но двери в это сословие никогда не были закрыты посторонним элементам. Даже в наиболее сплоченное боярство Галиции, где особенно сложились боярские династии, все же проникали и достигали высокого положения люди «от племени смердя», «поповы внуки»⁷⁵, хотя на них и смотрели косо в аристократических кругах. Прерогативой старшей дружины в сравнении с аристократией земскою, неслужилою была высшая, двойная «вира» — выкуп за голову убитого.

Содержалась эта старшая дружина и весь состав последней (так наз. отроки, т. е. дети — младшая дружина) на счет даней, административных и судебных доходов. Следов поместной практики — вознаграждения за службу земельными поместьями — мы в эту эпоху еще не встречаем⁷⁶. Выдающиеся бояре содержали от себя, на своем иждивении также более или менее значительные отряды «отроков». Общая численность дружины зависела от доходов князя; в конце XI в. великий князь может выставить в поле 800 своих отроков. Мелкие князья имели, конечно, и дружины очень малочисленные.

Земская аристократия — *бояре* (из боярин, больший) *, первоначально родовая, давно уже превратилась в аристократию имущественную — класс богатых купцов, капиталистов и землевладельцев, а с упадком торговли и промышленности в дальнейших столетиях все больше существенным признаком этого класса становится землевладение, и в XIV—XV вв. боярин делается синонимом привилегированного землевладельца.

Эта имущественная аристократия благодаря экономическому преобладанию занимала влиятельное положение в общественной жизни и, входя в значительном числе в состав дружины князя, имела

* Это было ее исконным именем, позже усвоила его старшая дружина.

непосредственное влияние и на управление. Княжеско-дружинный строй, будучи изначально созданием этих богатых классов, и позже стоит с ними в тесном союзе и связи. История киевского народного движения 1113 г., когда низшие слои населения, пользуясь смертью князя, принялись грабить дома княжеских чиновников и евреев, а в перспективе предвиделось разграбление вообще богатых людей, и боярство единственное спасение видело в том, чтобы как можно скорее обзавестись в Киеве новым князем,— достаточно хорошо иллюстрирует эти отношения. Впрочем, самые юридические кодексы киевские («Русская Правда») ясно указывают на близость правительства к богатым классам: охрану их интересов они имеют в виду прежде всего. Демагогия была чужда княжескому правительству.

Единственную юридическую привилегию боярства сравнительно с прочим населением мы видим в сфере наследственного права: при отсутствии сыновей бояре могли передавать свое имущество дочерям, князь не брал себе выморочного имущества по смерти бояра и боярских слуг, не имевших сыновей, как брал у прочих классов. Выкуп за голову земского боярина был одинаков со всеми, и рядовое мещанство и крестьянство были вообще равноправны с боярством, хотя экономическое преобладание приводило эти низшие классы в весьма ощутительную зависимость от бояр.

Среди сельского населения ядро составляли так наз. *смерды*, т. е. свободные и экономически самостоятельные крестьяне, сидевшие на своих землях и имевшие собственное хозяйство ⁷⁸. Это свободное крестьянство пользовалось всеми гражданскими правами, самоуправлением и собственным судом в своих общинах (остатки этого крестьянского общественного суда сохранились еще в XVI в. в так наз. копных судах, которые тогда уже эксплуатировались правительством для следственных и полицейских целей). В более важных случаях, когда подвергалось сильной опасности благосостояние и спокойствие земли, привлекалось оно, несомненно, и к воинской повинности.

Относительно обложения крестьянского населения данями и повинностями, за недостатком современных данных, можем составить понятие из указаний позднейших (XV—XVI вв.) о порядках, предшествовавших распространению крепостного права и барщинных работ. Из этих указаний видим, что основанием обложения служила крупная хозяйственная единица ⁷⁹, называвшаяся *дворищем* (на Волыни и в Галиции), *землею* (в Киевской земле), *селом* (в Северской) и заключающая в себе обыкновенно несколько крестьянских семей; величина ее бывала очень разнообразна и ничем не регулировалась. Подати отличались большим разнообразием, даже в одном и том же селе; в основании их лежала старинная *дань*, которую платили медом, мехами, деньгами (позже данью специально называлась дань медовая, денежная же называлась посощиной, а дань хозяйственными продуктами в Киевской и Волынской землях называлась подым-

щиной). Другим истаринным побором было *полюдье*; первоначально этим именем обозначалась обязанность населения содержать князя с дружиною при ежегодных обходах за данью; позже она превратилась в регулярную подать, собиравшуюся независимо от того, приезжал ли действительно князь или его агент или нет, и получила разные специальные названия: поволощина, или болкуновщина (болкун — вол), поклон, стан. Наконец, существовали оплаты для разных княжьих агентов, въезжавших на территорию общины за данями. Эти основные категории обложения со временем обрастали разными придатками, из которых затем вырастали самостоятельные подати и вносили отмеченное выше чрезвычайное разнообразие в систему податей. Из повинностей натуральных известны нам достоверно только городовые и мостовые работы: обязанность строить и исправлять городские укрепления и мосты в районе, к которому принадлежала данная община. Но рядом с ними очень рано — возможно, еще во времена Киевского государства — в соседстве княжьих дворов окрестные крестьяне начали привлекаться к различным работам: подводам, косье сена, уборке хлеба и т. д.

Кроме крестьян-собственников, работавших на своем хозяйстве, существовали крестьяне безземельные, хозяйничавшие на чужих землях или в качестве батраков работавшие на своего «господина», за плату или отработывая долг. Они называются *изгоями*, *сябрами* и *закупами* ⁸⁰ (под этим последним именем выступают они в постановлениях «Русской Правды»). Лично они свободны, но их экономическая зависимость отражается и на их гражданских правах: закуп не может, напр., быть свидетелем в судебных процессах, кроме мелких тяжб; его «господин» вправе наказывать его «про дело». Только очень тонкая граница отделяла этих экономически независимых людей от положения несвободного, и они очень легко в это положение попадали. Так, закуп обращался в рабство за бегство от господина, за проступок — когда с него нужно было взыскать штраф, а он не имел чем заплатить. Кроме этих законных поводов, закупы обращались в рабство и незаконными способами: богатые люди без церемонии обращали их в рабство за упущение в работе, за потерю инвентаря, продавали в рабство третьим особам и т. д. Эти злоупотребления были так часты и резки, что даже княжье правительство должно было обратить внимание на них и издать — может быть, под влиянием того же народного движения 1113 г., которым были вызваны ограничения против лихвы, — ряд постановлений против указанных злоупотреблений. Эти постановления, однако, в очень недостаточной степени охраняли закупа от злоупотреблений господина.

Тяжелые условия жизни, упадок торговли и земледелия под влиянием тюркских опустошений вели к уменьшению свободного крестьянства, мелкого свободного промысла и к увеличению числа безземельных батраков и несвободных. Разоренные крестьянские хозяйства увеличивали собою имения бояр, а их хозяева попадали

в бессрочную службу закупничества, с тем чтобы оттуда при первом случае быть переведенными в категорию холопей. Условия кредита были очень тяжелы: 15 % считалось очень легким, «христианским» процентом, а неоплатный должник попадал в закупы или неволю. Лишение свободы практиковалось даже по закону в целом ряде случаев.

«Русская Правда» указывает следующие источники рабства: если свободный или свободная вступили в брак с рабом или рабой, не выговорив себе свободы, или поступали в дворовую службу без такой же гарантии; если банкрот признавался обанкротившимся по легкомыслию или недобросовестности, его продавали в рабство в пользу кредиторов; в рабство обращались закупы за разные проступки; туда же попадали лица, которые были не в состоянии заплатить судебного штрафа (эти штрафы были очень велики). Наконец, очень распространенным источником рабства был плен во время войны.

По древнерусскому праву раб — «холоп»⁸¹ — не был юридическим лицом; он не мог быть ни субъектом, ни объектом преступления, и закон имел в виду исключительно материальный ущерб, причинявшийся рабом или в его лице наносившийся его господину. Раб не несет никакой ответственности за свои поступки и не располагает никакими правами. Господин имеет над ним неограниченные права, и в эти отношения господина и раба закон не вмешивается вовсе.

Под влиянием общественного прогресса и христианской проповеди такой принципиальный взгляд на раба не был, однако, строго выдержан. Делались исключения для высших категорий несвободных слуг княжских и боярских, а также заметны зачатки вменения рабу его проступка. Из случайных указаний видим, что в действительности рабы часто владели собственным имуществом, вели торговые операции и т. д. Если экономический процесс переводил в категорию несвободных все большие массы людей полноправных и экономически самостоятельных, то, с другой стороны, улучшалось и повышалось положение этого все возрастающего класса несвободных.

Обращаясь от общественных и экономических отношений к быту и культуре украинских земель XI—XIII вв., я остановлюсь лишь на некоторых, более характерных сторонах их жизни, каковы право, религиозные идеи, книжность.

Источниками для изучения права служат, кроме договоров с Византией X в., юридические кодексы, известные под общим именем «Русской Правды». Среди них мы можем установить три основные редакции: древнейшую — первой половины XI в., вторую — второй половины XI в. и третью — первой четверти XII в. Все они, очевидно, составлены в Киеве частными лицами на основании судебных решений и княжеских распоряжений. Несмотря на то что они дают картину юридических отношений только для первой половины рассматриваемого периода, киевское право и в них носит уже ясные признаки долгого развития и разработки⁸². К сожалению, мы встречаемся

в них главным образом с уголовным правом и процессом и очень мало — с правом гражданским.

Общественное значение преступления признается уже вполне ясно. В оценке его преобладает взгляд материальный, по которому проступок оценивается по его результатам — по степени причиненного им вреда; но наряду с этим, начиная уже с древнейшей редакции, замечаем ясные зачатки и более прогрессивной — субъективной оценки: принимаются в расчет напряжение злой воли в проступке, сознательность и вменяемость его (различается состояние аффекта от состояния нормального); но понятия рецидива и степени участия в проступке киевскому праву на данной ступени развития еще неизвестны.

В системе наказаний «Русской Правды» главное место занимали месть и денежный штраф. Месть или следует за приговором или предшествует ему (последнее случалось, вероятно, чаще), и суд только решает, имел ли право на месть и не подлежит ли за нее наказанию мститель. В полной силе оставляет ее и последняя редакция «Русской Правды». Если мстителя не было или он отказывался от права мести, тогда преступление оплачивалось штрафом. Штрафом карались и проступки против прав собственности. Кроме штрафа в пользу пострадавшего, взимался штраф в пользу правительства. Под влиянием византийского права правительство несколько раз пыталось ввести смертную казнь, но она всякий раз отменялась, слишком противореча, очевидно, обычаям и правосознанию общества. Телесное наказание практиковалось также исключительно только над рабами, за которыми человеческих прав не признавалось.

В сфере гражданского права обращают на себя внимание постановления о займе, свидетельствующие о широком развитии кредита. Законодательство оказывает специальное покровительство торговому кредиту, старается свести до *minimum*'а формальности для кредитных сделок между купцами и делает всякие снисхождения для банкротств, происшедших без вины данного лица. При всем том проценты были высоки, и только под влиянием киевского движения 1113 г. правительство сделало попытку ограничить слишком вопиющие злоупотребления лихвы.

В наследственном праве многое остается неясным. Существует наследование по закону и по завещанию, но круг наследников в обоих случаях, собственно, один и тот же: отец только правит имуществом семьи и потому ограничен в распоряжении им. Больше прав имеет мать относительно своей части. Об экономических и юридических отношениях членов семьи при жизни отца «Русская Правда» не говорит почти ничего, очевидно, признавая за ним весьма широкую патриархальную власть в семье, зато много занимается отношениями, возникающими по его смерти. Для определения положения женщины интересен закон, постановлявший за ее убийство ту же плату, что и за убийство мужчины; но если убивал муж виновную жену, то

плата определялась только в половинном размере. При жизни мужа жена юридической роли не играет, очевидно, никакой, но по его смерти вдова получает большое значение как глава семьи и опекунша, и право очень заботливо оберегает ее от притязаний детей и родственников.

В действительности и при жизни мужа жена пользовалась, несомненно, большим значением; так, мы видим, что княгини принимают заметное участие в управлении, а Мономах в своем поучении сыновьям советует им не давать женам власти над собою. В бурную эпоху галицкой жизни первой половины XIII в. боярыни принимают деятельное участие в политических и партийных отношениях, и их советы решают иногда даже чисто военные вопросы. Вообще в семейных отношениях старого украинского быта было много здоровых задатков, и если позднейшее влияние христианства содействовало упорядочению и некоторой идеализации этих отношений, то, с другой стороны, аскетическое недоверие и презрение к женщине действовали в совершенно обратном направлении и вели семейные отношения не вперед, а назад.

Усвоение христианских целей и византийской церковности было главною чертою духовной жизни этой эпохи. В более значительных культурных центрах, где еще предшествовавшие культурные сношения подготовили почву новой религии и создали христианские общины задолго до официальной христианизации общества, эта последняя сделала большие успехи в продолжение одного столетия. В Киеве уже в конце XI в. видим массу домовых церквей, многочисленные монастыри и людей, искренне и сильно преданных христианскому учению. Вне таких центров последнее, конечно, распространялось медленно и с количественным умножением последователей много проигрывало в своей чистоте, приноровляясь к остаткам старой религии, смешиваясь с ними и таким образом превращаясь в смесь элементов христианских и языческих, получившую в старых памятниках характерное название «двоеверия». Языческие праздники, приняв имя христианских или механически присоединенные к ним, существовали далее, вплоть до нашего времени; на христианских святых переносились свойства языческих божеств; к христианским обрядам присоединялись старые, языческие (напр., свадебные, поминальные и т. д.).

Но двоеверие было только более резким проявлением того сочетания христианской внешности и языческой жизни, которое в менее ярких формах совершенно ясно выступает и у меньшинства, с формальной стороны вполне усвоившего христианство и получившего похвальные титулы «благовыхных» и «христолюбцев». Обряд, внешняя набожность, как стороны легче усвояемые, главным образом и принимались обществом, да и самим духовенством часто рекомендовались так усиленно, что отодвигали на второй план нравственное содержание христианства. Построение церквей, посещение богослу-

жения, пост, милостыня и приношения духовенству сделались главными проявлениями благочестия *. Что касается непосредственного воздействия на жизнь, то в этом отношении христианской проповеди удалось повлиять на ограничение свободы половых отношений, несколько упорядочить брак и сделать кое-что для улучшения семейных отношений, хотя в эту сферу она входила очень мало; несомненно также, что она повлияла на улучшение положения несвободных и, может быть, несколько смягчила крайности лихвы. Успехи христианской проповеди в этих сферах облегчались содействием правительства и его законодательства, в значительной степени подчинявшегося ее влиянию.

О силе влияния христианского учения на наиболее искренне отдавшееся ему меньшинство можем судить по распространению аскетизма, по характеру своему совершенно не свойственного природе первобытного славянина. Христианизация Русского государства совпадает с эпохой чрезвычайного развития монашества в Византии и чрезмерного уважения к нему: монашество признавалось как бы нормою христианской жизни, а всякое благочестие в мире — только слабою копиею христианства. Эти воззрения перешли и в украинское общество и со всем пылом неопитов были усвоены людьми с более чутким моральным чувством. Уже в половине XI в. возникает целый ряд монастырей в Киеве. Но настоящим творцом монашества здесь был игумен Печерского монастыря Феодосий из Курска ⁸³. Организованный им по византийским образцам Печерский монастырь сделался главным очагом аскетизма и образцом для всех монастырей Восточной Европы. В XII и XIII вв. монашество получает большое развитие. Центром его остается до полного своего упадка Киев, где в XII в. знаем до 20 монастырей; но они распространяются также и во всех остальных землях. Основание монастыря является почти обязательным делом для каждого выдающегося князя. Возникают они и по инициативе самих монахов. Культурное значение их и влияние на христианизацию населения несомненны. Но сам по себе аскетизм имел и нежелательные стороны; уже самый принцип — что только вне мира возможно истинное христианское житие, заставляя относиться к мирской жизни пренебрежительно, давал повод не признавать вообще возможным предъявлять строгие нравственные требования мирскому житию. Это вызывало уже тогда со стороны более дальновидных моралистов протесты против увлечения монашеством.

Школа и книжность были принесены из Византии как атрибуты христианства. Целью обучения являлось расширение сведений о хри-

* Характерным проявлением этого преобладания внешнего благочестия служат споры о том, можно ли поститься в среду и пятницу, если в этот день приходится праздник: споры эти весьма сильно волновали духовенство и интеллигенцию украинских и великорусских земель во второй половине XII в.

стианском учении, возможность преуспевать в благочестии. Литературный запас, который получала Русь готовым — в виде греческих оригиналов и паннонских и болгарских переводов, имел резко выраженную церковную окраску: преобладала церковноучительная литература, а то, что сообщалось из других областей знания, имело лишь служебное значение по отношению к ней и вообще было проникнуто церковностью. Это оказало свое влияние и на оригинальное творчество, запечатлев его на целый ряд последующих столетий тем же религиозным характером.

Об организации и приемах обучения нам известно очень мало. Оно производилось, очевидно, по византийскому образцу — в монастырских и кафедральных школах, где учили так наз. дидаскалы и маистры; такие школы должны были появиться и в украинских землях со времен Владимира и Ярослава, о которых летописи сообщают, что они собирали в большом числе детей для обучения. Кроме такого коллективного школьного обучения, имело место, конечно, и одиночное, когда желавший поучиться ученик поступал в учение к грамотею, «маистру» *. Большинство учеников не шло в науке далее умения читать. Письмо и счет были дальнейшею ступенью обучения. Все другие сведения почерпались из переводных византийских учебников и энциклопедий, чтение которых сопровождалось объяснениями наставника, если таковой имелся. Наибольшую сумму сведений они могли дать из истории (хотя и это были сухие и не всегда достоверные факты), меньше и хуже всего — из естественных наук.

Изучение греческого языка, открывавшее двери к оригинальной византийской литературе, было высшею степенью науки, а венцом ее считалось литературное образование, усвоение тайн риторики, стиля, чего очень трудно было достигнуть без руководства наставника. Мы действительно встречаем в XI—XIII вв. ряд людей, вполне овладевших и литературною манерою, и содержанием византийской образованности и стоявших вполне на ее уровне, как митрополит Иларион, Кирилл, епископ туровский, Климент Смолятич и некоторые анонимные авторы. Но эти «философы» составляли меньшинство сравнительно с людьми, писавшими «попросту», т. е. простыми, более или менее талантливыми начетчиками.

Об оригинальной литературе этого времени мы вообще располагаем очень отрывочными сведениями. Вследствие позднейших невзгод и упадка культурной жизни в украинских землях последующих столетий до нас дошло главным образом то, что сохранилось в землях северных, великорусских, и так как до половины XII в. великорусские земли стояли в более тесной зависимости от Киева, то и со-

* Из византийского «маистр», *magister* ведет затем свое начало слово «мастер», как назывались в великорусских землях такие учителя грамоты.

хранились здесь главным образом произведения XI и первой половины XII в. Таким образом, мы имеем очень мало материала для суждения о литературном движении в украинских землях во второй половине XII и в XIII в., да и для предшествующего времени ни в каком случае не можем положиться на полноту наличного материала.

Сообразно общему характеру просвещения наибольшее развитие получила литература учительная — поучения, в форме проповедей и посланий, и жития святых. Литература этого рода находилась, конечно, в тесной зависимости от византийских образцов: даже авторы житий идут слепо за византийскими шаблонами, заимствуя из них не только приемы, но и целые эпизоды, даже просто приспособляя византийские жития к своим святым. Больше оригинальности и свежести видим в исторической литературе, получившей большое развитие, но сохранившейся для нас только в виде нескольких летописных компиляций XII—XIII вв. Христианская окраска на ней отразилась в неодинаковой степени: мы встречаем партии⁸⁴, целиком вышедшие, очевидно, из-под пера людей светских или со светскими интересами, участников политических событий и войн, и в них в полной свежести доходит до нас веяние жизни (такова, напр., средняя часть Киевской летописи XII в., некоторые части Галицко-Волинской). Литературная манера обыкновенно проста, беспритязательна; исключение составляет вступительная часть Галицкой летописи, в которой мы имеем, очевидно, произведение тогдашней украинской литературной школы, с ее красивым, образным, иногда слишком изукрашенным и тяжелым стилем, выработавшимся из слияния элементов византийского риторства и украинского поэтического творчества. К этой школе принадлежит целый ряд произведений конца XII и начала XIII в. — окончание Киевской летописи XII в. и Галицкая XIII, слова Кирилла, епископа туровского, «Моление» Даниила и знаменитое «Слово о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» является единственным сохранившимся в целости произведением поэтического творчества, но оно включает в себе указания на целый ряд произведений и поэтов, да и самую свою технику, своим стилем, усвоившим в изобилии элементы старого язычества, массою картин и образов сжатых, сведенных до намеков, свидетельствует о существовании поэтической традиции, очень старой, культивировавшейся в ряде поколений, опиравшейся, с одной стороны, на византийскую литературу в ее славянско-украинском одеянии, с другой стороны — на поэзии народной. Некоторые обломки этого поэтического творчества дошли до нас также и в наших летописных компиляциях.

Из сферы искусства в значительном количестве сохранились произведения архитектуры и живописи (фрески и миниатюры), к которым примыкают также мозаики и эмали, затем немного резьбы на камне и очень много декоративного искусства в области ювелир-

ных изделий. В архитектуре и живописи, мозаике и эмалировке украинские мастера являются учениками и подражателями греков. Первые, старейшие местные памятники вышли из рук греческих мастеров, но уже во второй половине XI в. появляются свои местные артисты, ученики греков; из первой половины XII в. мы имеем уже несомненные памятники работы местных мастеров (напр., в монастырских церквах Св. Михаила и Св. Кирилла в Киеве). Подражая византийским образцам, они вносили и новые, собственные особенности в свои произведения. С течением времени эти новые примеси и новые течения должны были выступать все резче; но, к сожалению, и тут, как и в литературе, для наиболее интересного для нас времени, XIII—XIV вв., мы не располагаем почти никаким материалом. В жалких остатках церковной архитектуры Галиции видны следы западного влияния; о них говорят также литературные произведения. Это сочетание элементов местных, византийских и западных представляло бы для нас большой интерес, но материал слишком скуден, да и тот не собран и не изучен достаточно.

Больше интереса и разнообразия представляют богатые остатки древнего прикладного искусства в изделиях ювелирных. Тут с влияниями византийскими изначала смешиваются чрезвычайно старые и сильные на украинской территории влияния восточные, причем как те, так и другие более или менее самостоятельно перерабатываются украинскими мастерами. Мы встречаем здесь большое богатство техники орнаментики (гравировка, оксидировка, эмаль, филигрань, зернь), и если для одних мотивов могут быть указаны близкие образцы в искусстве византийском или восточном, то в других мы имеем, очевидно, оригинальные комбинации или только очень далекие отзвуки чужих образцов. Техника этих изделий украинских мастеров стоит очень высоко — иногда значительно выше аналогических западноевропейских изделий XI—XII вв.

Вообще жизнь и культура украинских земель XI—XIII вв. отличается значительным развитием и большим разнообразием элементов, культурных течений и их влияний, встречавшихся на украинской территории. Тесно примкнув с концом X в. к византийской культуре, она с XIII в. все сильнее сближается с Западом, и его влияние в галицких памятниках первой половины XIV в. чувствуется очень сильно (князья употребляют печати западного образца, грамоты их канцелярии пишутся по-латыни и т. п.). Но подражанием не исчерпывалось содержание украинской жизни. В ней чувствуется внутренняя сила развития и движения, и она могла дать нам весьма интересные результаты при более благоприятных условиях развития. Слабою стороной украинской культуры было то, что она опиралась на слишком незначительное верхнее меньшинство населения. Падение государственной жизни в связи с упадком богатого городского и землевладельческого боярства подорвало ее вполне, и из нее уцелели только те жалкие остатки, какие могли быть усвоены народными массами да

темным сельским духовенством, — остатки, которые не дают нам никакого представления о богатом культурном содержании и развитии старой Руси и у соприкасавшихся с ними посторонних элементов создавали совершенно ложные понятия о последней.

IX

ПЕРЕХОД УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ ПОД ВЛАСТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И ПОЛЬШИ (XIV—XV вв.)

С падением государственной жизни в Восточной Украине области ее постепенно становятся владениями литовских князей.

Галицко-волынские земли, признавшие в 1340 г. своим князем Любарта Гедиминовича, на место убитого Юрия-Болеслава, — были не единственным приобретением литовской династии на украинской территории этого времени. Средние десятилетия XIV в. были временем чрезвычайно деятельного и успешного собирания земель старого Русского государства, с их ослабленным или разложившимся вовсе государственным строем, князьями литовскими, представителями новой, только что формирующейся неизжитой политической силы.

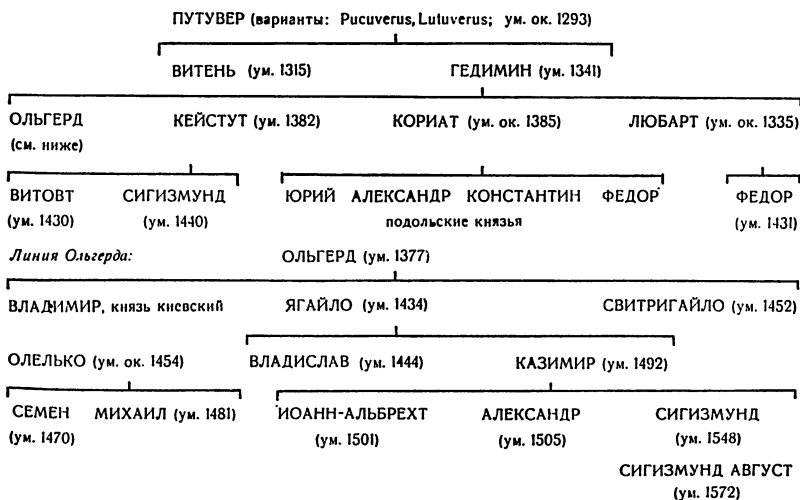
Сильно запоздавшая и в культурном, и в общественном развитии своем, литовская народность ⁸⁵ в XIII в. — может быть, не без влияния грозившего ей полным уничтожением немецкого натиска с Балтийского поморья — начинает организоваться политически, совершает этот процесс чрезвычайно быстро и успешно и одновременно притягивает к себе разбитые остатки старого Русского государства. Миндовг ⁸⁶, считающийся основателем Литовского государства, действительно только еще собирает литовские племена в более сильную и сплоченную государственную организацию, но одновременно владеет уже целым рядом мелких белорусских княжеств в бассейне Немана, Припяти и Березины и старается распространять свою власть далее, в земли черниговские, смоленские, полоцкие (в середине XIII в.). Галицко-волынские князья недружелюбно смотрели на эту новую политическую силу, но остановить ее роста не успели. Не удалось и их династические планы — путем союзов и браков провести своих членов на княжьи столы этого нового Литовского государства; один из сыновей Данила, Шварно, действительно получил было литовский великокняжеский престол от сына Миндовга — Войшелка, но умер вслед за тем, и новые литовские династии вскоре освобождаются вовсе от всякого влияния галицко-волинских князей. С началом же XIV в. утвердившаяся в литовских землях династия

Гедимина с удвоенною энергиею собирает белорусские и украинские земли *.

Этот процесс собирания киевского наследия литовскою династиею очень мало известен в деталях. Проходил он большею частью без шума и громких конфликтов, без больших войн и значительных перемен в строе присоединяемых земель и потому очень мало оставил следов в источниках, тем более что из этих земель от XIV в. не сохранилось для нас никаких местных летописей и очень мало актового материала. Стоя гораздо ниже в культурном и общественном развитии сравнительно с народностью присоединяемых земель, украинскою или белорусскою, литовская народность подпадала влиянию славянского элемента, его государственных и общественных форм, религии, быта, письменности. Белорусский язык сделался языком письменности и делопроизводства Великого княжества Литовского на все последующее время (литовский язык в письменности не употреблялся); право и политико-общественная схема, выработанная Киевским государством, легли в основу государственного права В. кн. Литовского; сама династия литовская сильно обрусела: между ее членами во второй половине XIV в. большинство князей было православных и совсем обрусевших. Влияние оказывала особенно белорусская стихия, так как белорусские земли раньше были присоединены и теснее связаны с В. кн. Литовским, чем земли украинские.

Отчасти в силу культурной бедности Литвы, отчасти из политических соображений литовские князья и позже старались вносить как можно меньше перемен в строй и отношения своих славянских

* Вот генеалогия этой династии (отмечаю только интересных для нас ее членов):

провинций: «мы старины не рушаем, а новины не уводим» было их лозунгом. На первых же порах литовская оккупация вносила лишь минимальные перемены в отношения присоединяемых земель: нетронутыми оставались все правовые нормы, общественный строй и жизнь; очень часто оставались на своих местах и прежние князья (где они были), и только в виде высшей власти являлся теперь среди них какой-нибудь член литовской династии или сам великий князь, а отношение нового правительства к новой провинции ограничивалось, самое большее, требованием участия в военных походах. При таких отношениях и при бедности наших источников неудивительно, что мы иногда только позже узнаем о совершившейся перемене — присоединении той или другой земли к В. кн. Литовскому, а время и обстоятельство этого факта остаются совершенно неизвестными.

В первой четверти XIV в. большинство белорусских земель уже так или иначе было связано с В. кн. Литовским, и литовские князья протягивали руки и к землям украинским. Из позднейших известий и некоторых косвенных указаний выходит, что уже тогда, в первой четверти XIV в. (при последних Романовичах галицко-волинских или в междуцарствие по их смерти), оторвана была от Галицко-Волинского государства и присоединена к В. кн. Литовскому волость Берестейско-Дорогичинская, т. е. земли по среднему течению Западного Буга⁸⁷. Позднейшее генеалогическое сказание говорит, что один из литовских князей, которого оно называет Видом и помещает между Миндовгом и братом (и предшественником) Гедимина Витенем, присоединил к В. кн. Литовскому значительную часть Древлянской земли, то есть северо-западной Киевщины. Это известие заслуживает полного внимания: после того как в зависимость от В. кн. Литовского пришла вся Турово-Пинская земля (а это случилось, вероятно, еще в конце XIII или начале XIV в.), литовские князья совершенно естественно стали приводить под свою власть и ближайшие киевские волости, а такими были именно земли старых древлян. При Гедимине уже и Киев стоял, очевидно, в сфере политического влияния Литвы, хотя киевский князь формально находился еще под властью Татарской орды (источники называют киевским князем какого-то Федора, маленького князька неизвестного происхождения)⁸⁸. Под власть литовской династии Киев окончательно перешел уже при сыне Гедимина, Ольгерде, который отобрал его от последнего князя, упомянутого уже Федора, и посадил здесь своего сына Владимира (около 1360 г.). Вместе с Киевом в зависимость от него пришли и огромные запустевшие пространства на левом берегу Днепра (земли старого Переяславского княжества и соседние с ним территории), и с тех пор, в XV—XVI вв., они причислялись тоже к Киеву.

При Ольгерде же приведены были в зависимость от великого князя литовского и земли старого Черниговского княжества, а также край по среднему течению Днестра и Южного Буга, который теперь получает имя Подолья. В этом крае первоначально соперничали влияния

Киева и Галича, позже он был притянут Галицко-Волынским государством, но движение «татарских людей» поставило его в непосредственную зависимость от Татарской орды. Когда у Ольгерда в 1360-х годах произошел разрыв с татарами, его племянники, сыновья Кориата Гедиминовича, засели в подольских городах, укрепили их против татар и образовали еще одно княжество, ставшее в известную зависимость от великого князя литовского.

В черниговские отношения Ольгерд вмешался по связи их со смоленскими. Главнейшим из черниговских столов — Брянском — владели тогда смоленские князья, и Ольгерд, старавшийся овладеть Смоленском, захватил Брянск в 1350-х годах (около 1357—58 гг.). Это было началом его дальнейших приобретений в черниговских землях; подробностей их не знаем, но в последней четверти XIV в. видим все важнейшие столы западной части Черниговской земли (Брянск, Новгород, Чернигов, Стародуб) в руках нескольких князей из литовской династии, а в восточной — мелких князей из старой династии, приведенных в зависимость от Литвы. Эту зависимость поддерживал здесь ряд крепостей, находившихся в непосредственной власти литовских князей.

Таким образом, вся Восточная Украина в последней четверти XIV в. была подчинена великому князю литовскому. Этот блестящий результат был достигнут в сравнительно непродолжительное время, без больших хлопот и особенного напряжения. Население без сопротивления подчинялось великому князю литовскому; прежние князья оставались на своих местах, под верховенством князей из новой династии, или были без труда смещаемы — слишком были они слабы, чтобы сопротивляться. Татарская орда, считавшая эти земли своими «улусами», была слишком расстроена и ослаблена во второй половине XIV в., чтобы оказать серьезное противодействие. Из 1360—70-х годов мы имеем известие о конфликтах Литвы с татарами, вызванных, очевидно, этим движением ее в украинские земли (пред тем Орда была даже союзником Литвы), но эти конфликты не могли остановить литовской оккупации. Татарские ханы и потом считали Восточную Украину своим улусом и претендовали на дань; эти претензии иногда до некоторой степени удовлетворялись, иногда же отражались вооруженною силою⁸⁹, но во всяком случае не мешали фактической оккупации украинских земель литовскими князьями, впрочем, совершенно уже ассимилировавшимися и превратившимися в украинских князей литовской династии.

Гораздо большего напряжения потребовалось от литовских князей, чтобы удержать в своих руках западные земли Украины, и им в конце концов не удалось задержать их в своей власти — не удалось собрать в своих руках все украинские земли.

Я уже упомянул, что еще, вероятно, при жизни Юрия-Болеслава между польским и венгерским королем состоялось соглашение относительно совместных действий в галицко-волынских землях. Од-

новременный поход их в Галицию при первой вести о смерти Юрия-Болеслава наводит на мысль, что уже тогда существовало между ними соглашение в галицком вопросе. Во всяком случае существование такого соглашения между ними позже не подлежит сомнению, и если оно не было заключено перед смертью Юрия-Болеслава, то состоялось немногим позже. Это была династическая комбинация вроде компромисса 1214 г.; венгерский король давал *carte blanche*⁹⁰ в галицко-волинских землях Польше, искавшей реванша на востоке после отречения от западных польских земель в пользу Пруссии и Чехии. Польский король в случае отсутствия у него мужского потомства обещал передать после себя польскую корону венгерской династии *. В случае же, если бы у польского короля явились мужские потомки, венгерский король, сохранявший и впредь свои «исторические права» на Галицию, выговорил себе право получить ее от Польши за уплатою военных издержек.

В силу этого соглашения Казимир в своей борьбе за галицко-волинские земли находил более или менее деятельную поддержку в Венгрии; деятельным союзником его был также папа. Любарт же главным образом должен был опираться на местные, украинские силы Волыни: Ольгерд и прочие литовские князья лишь изредка имели возможность прийти ему в помощь, так как при всей своей чрезвычайной экстенсивности Литовское государство было слабо организовано не только теперь, но и позже; многочисленные и разнородные земли, собранные литовскими князьями, не были сконцентрированы в один сильный организм, и к сильным напряжениям эта государственная организация не была способна; притом до самого XV в. ее силы и внимание постоянно были отвлекаемы борьбою с немецкими рыцарскими орденами, неустанно опустошавшими литовские земли и стремившимися к завоеванию соседних литовских территорий. В 1340—50-х годах помощь Любарту оказывали татары, но и их временами склонял на свою сторону Казимир, а позже отношения Орды к литовским князьям были и вовсе испорчены. В таких условиях развилась упорная и чрезвычайно важная своими последствиями, как начало оккупации Польшею украинских земель, борьба за галицко-волинские земли.

Первый поход Казимира в 1340 г. не имел важных результатов: Дмитро Дедько, старейший из галицких бояр, правивший от имени Любарта Галициею, призвал на помощь татар, и Казимир, ввиду грозившего татарского нашествия, заключив договор с Дедьком, должен был отказаться от дальнейших притязаний на Галицию. Он их не оставил однако. Уже около 1345 г. видим в руках Казимира западную, галицкую окраину — Саноцкую землю, а в 1349 г., обеспечив себе ней-

* В силу этого соглашения после Казимира польским королем действительно стал Людовик из венгерской (Анжуйской) династии.

тратитет татар, он, собрав значительные силы, внезапным походом захватил Галицию и большую часть Волыни. Любарт, правда, немедленно оправился, возвратил себе Волынь и старался отнять у Казимира Галицию; но здесь польская оккупация держалась устойчивее. Перемирие 1352 г. оставило в фактическом владении Казимира Галицию, в руках литовских князей — Волынь, и несмотря на то что борьба продолжалась после того еще четверть столетия, доходя по временам до очень сильного напряжения, только временами той или другой стороне удавалось подвинуть границу своей оккупации в ту или другую сторону; в главных же чертах владения спорящих сторон держались устойчиво в пределах, указанных первым перемирием: Галиция с Холмскою землею оставалась в оккупации польско-венгерской, волынские земли — во власти Любарта.

Причину этой неудачи Любарта в Галиции, кроме неравенства сил, нужно видеть также в том, что боярство, правившее здесь именем Любарта, не пользовалось популярностью. Казимир же с первою оккупациею постарался конфискациями и репрессиями ослабить наиболее ревностных противников Польши и ввести новые элементы в виде польских, немецких и иных колонистов и землевладельцев, имевших все поводы благоприятствовать польской оккупации. Галиция осталась во власти Польши, Волынь — во власти Любарта.

До смерти Казимира (1370) Галиция находилась в фактическом владении Польши. Так как у него не было сыновей, то на основании старых соглашений польская корона перешла к венгерскому королю Людовiku, соединившему в своих руках Венгрию и Польшу. Но так как и у Людовика не было сыновей, а наследование по женской линии не было предусмотрено предшествовавшими трактатами и встречало довольно сильные препятствия, то Людовик, не считая польскую корону вполне надежною, постарался обеспечить Венгрии владение Галициею и потому сначала (в 1372 г.) дал ее во владение своему верному человеку Владиславу, князю опольскому (из онемеченных польских князей Силезии) как венгерский лен, а потом обратил в венгерскую провинцию и раздал в управление венгерским наместникам (1379 г.). Но в 1387 г., устроив брак королевы Ядвиги с Ягайлом, т. е. найдя новую точку опоры против Венгрии (которая к тому была тогда в чрезвычайно плачевном положении вследствие внутренних смут), польское правительство снарядило поход и окончательно присоединило Галицию к Польше *.

В конце концов упорная борьба Польши с литовскими князьями,

* Венгрия опротестовала это нарушение своих прав, но более энергично выступить тогда была не в состоянии. Вопрос о правах на Галицию поднимался на дипломатических конференциях, но решение его откладывалось все далее и далее, и наконец дело это заглохло в половине XV в. вовсе, и только когда был поднят вопрос о разделе Польши в XVIII в., выступили на свет божий снова эти исторические права Венгрии на Галицию и, как я упоминал, послужили поводом к присоединению ее к Австрии вместе с соседними провинциями.

или, лучше сказать, с украинским населением, поддерживавшим этих князей в борьбе с польскою оккупациею *, была прервана этой неожиданною династическою комбинациею, которой суждено было иметь чрезвычайно важное влияние на всю дальнейшую историю Восточной Европы. Польское правительство, т. е. малопольские паны, правившие Польшею по смерти короля Людовика, устроили брак его наследницы на польском троне, королевы Ядвиги, с сыном и наследником Ольгерда на престоле В. кн. Литовского, Ягайлом, и Ягайло, очень заинтересованный надеждою соединить под своею властью Литву и Польшу, для ее осуществления дал согласие на целый ряд условий, поставленных ему польскими правителями. Между прочим, он обещал присоединить к Польше на вечные времена земли В. кн. Литовского. В этом смысле выдана была им грамота 15 августа 1385 г.⁹¹ в г. Креве (так наз. Кревская уния), и затем в 1386 г. последовал его брак с Ядвигой.

На основании Кревского акта все земли Великого княжества Литовского, в том числе все украинские земли, должны были превратиться в польские провинции (не говоря о Галиции, которую польские правители сами непосредственно присоединили к Польше немного позже), а само Великое княжество Литовское как отдельный политический орган должно было перестать существовать. Польская дипломатия одним почерком пера приобрела огромные пространства, превышавшие территорию самого Польского государства. Но этот триумф пока оставался только на пергаменте и реализовать такие дипломатические приобретения иногда бывает гораздо труднее, чем достигнуть их в трактатах. Так было и в данном случае.

Правда, князья, владевшие какими-либо землями в границах В. кн. Литовского, по приказу Ягайла беспрекословно выдавали грамоты, которыми обязывались не только быть верными Ягайлу, его королеве и детям, но и принадлежать к Польскому королевству. Ягайло, занимая польский престол, соединял в своем лице особы польского короля и литовского великого князя и этим единством покрывал разницу между принадлежностью к Польше и к В. кн. Литовскому. Пока в фактические отношения не вносилось никаких перемен, Кревское обязательство могло спокойно существовать. Но как только польские политики захотели осуществить на деле кое-что из Крев-

* Как я уже сказал, Любарт вел войну почти исключительно силами своей Волынской земли, то есть местного украинского населения, которое очень стойко держалось Любарта и энергически оборонялось от польской оккупации (особенно выдаются в наших небогатых источниках две осады польско-венгерскими войсками Белза в 1352 и 1377 гг., когда его гарнизоны оказали необыкновенную стойкость и отвагу). Со свойственной литовским князьям податливостью для славянской культуры Любарт очень скоро приноровился к местной жизни, и его правление было равносильно сохранению старых общественных и культурных отношений, между тем как польская оккупация несла смерть им под наплывом польской шляхты и польского права. Ввиду этого борьба имела глубокое народное значение.

ского акта, протест был неизбежен, и выразителем его явился Витовт, двоюродный брат Ягайла, сын убитого им Кейстута Гедиминовича.

Витовт сначала добивался от Ягайла только возвращения отцовских владений. Союз с крестоносцами дал, однако, ему такое сильное оружие, что он идет затем дальше в своих требованиях. Он приобретает позицию заместителя Ягайла в управлении Великим княжеством (1392), упрочивает свое положение, а в 1398 г., под влиянием раздражения, которое вызвали среди князей и бояр В. кн. Литовского претензии краковского двора на некоторые внешние признаки зависимости земель В. кн. Литовского от Польши, провозглашается «королем литовским и русским». Однако неудача, постигшая его вслед за тем в большом походе на татар (1399) ⁹², заставляет его несколько ограничить свои планы. Он удовольствовался признанием за собою со стороны Польши титула и значения великого князя Литвы и Руси под номинальным верховенством польского короля (1400), и только перед смертью его снова был поднят вопрос о коронации Витовта королем и провозглашении полной независимости Литвы от Польши. Смерть Витовта (1430) прервала и на этот раз эти планы. Но во всяком случае политическая самостоятельность Великого княжества Литовского, уничтоженная (чисто теоретически, конечно) Кревским актом, была всем этим восстановлена и утверждена трактатами (особенно Городельским актом 1413 г. ⁹³).

Кревское обязательство потеряло значение. Великое княжество Литовское имело и впредь существовать совершенно самостоятельно под властью отдельного великого князя при чисто номинальном или моральном супремате польского короля. Вместе с тем теряло всякое значение и надежду на осуществление и заключавшееся в Кревском акте обязательство присоединения к Польше украинских земель — Подолья, Волыни, киевских и черниговских земель. Присяжные грамоты украинских князей, выданные с обязательством принадлежать к Польше, оставались единственным результатом дипломатического триумфа Польши.

Польское правительство не мирилось с такою неудачею своих планов. Скрепя сердце делало оно уступки Витовту, но крепко держало в памяти Кревское обязательство, надеясь осуществить его при более благоприятных обстоятельствах. Почти на два столетия эта идея делается руководящею в польской политике. Поэтому в самих трактатах, утверждавших политическую самостоятельность Великого княжества Литовского (даже в трактате 1413 г.), польские дипломаты повторяют фразу о присоединении к Польше земель Великого княжества Литовского, теперь, казалось бы, потерявшую значение *. По мере возможности они обставляют всякими неясностями

* Наоборот, в грамотах, одновременно с этими трактатами выданных литовскою аристократиею в 1401 и 1413 гг. и заключавших в себе обещание верности польскому королю как сюзерену, о присоединении (так наз. инкорпорации) земель Великого княжества Литовского к Польше нет никаких упоминаний.

вопрос о переходе Великого княжества от одного великого князя к другому и, очевидно, надеются, что рано или поздно польскому правительству удастся улучшить удобный момент и действительно превратить земли Великого княжества Литовского в польские провинции.

Осуществить этот план польское правительство надеялось уже в момент смерти Витовта; для этого была пущена версия, что Витовт, умирая, отказал Великому княжеству Ягайлу. Но вопрос о коронации так раздражил литовские правящие круги, что о низведении Великого княжества на степень польской провинции нельзя было и заикнуться. Великим князем был избран брат Ягайла Свитригайло, и Ягайло должен был дать на этот выбор свое согласие. Вслед за тем вопрос о Подолье (о котором я буду говорить ниже) привел к совершенному разрыву между Великим княжеством Литовским и Польшею; началась война, и Свитригайло, оказавшийся очень щекотливым на пункте своей политической деятельности, и слышать ничего не хотел о каких-либо компромиссах и подчинении верховенству Польши. Польское правительство после бесплодных попыток решилось наконец вовсе отделаться от Свитригайла и, пользуясь неудовольствием среди литовской аристократии на Свитригайла за его симпатии к «русским» (белорусским и украинским) элементам, подготовило государственный переворот (1432 г.). Но превратиться в подданных Польского королевства не имели ни малейшего желания и противники Свитригайла. Поэтому польское правительство должно было согласиться на выбор вместо Свитригайла другого великого князя и ограничиться только надеждами на уступчивость своего ставленника.

Литовские земли, восстав против Свитригайла, провозгласили князем брата Витовта, Сигизмунда, и он был утвержден польским правительством в великокняжеском достоинстве. Но белорусские и украинские земли остались верны Свитригайлу, и с их помощью последний несколько лет боролся с Сигизмундом, стараясь восстановить свою власть над всем Великим княжеством (1432—1435) ⁹⁴.

Пока Свитригайло держался в землях Великого княжества, Сигизмунд должен был показывать всяческую уступчивость по отношению к поддерживавшему его польскому правительству и послушно подписывал обязательства, какие оно ему диктовало. Но это была вынужденная покорность, и с полным падением Свитригайла (1438) Сигизмунд сейчас же подымает голову, ища опоры в заграничных союзах против Польши и ее претензий. Он погибает, впрочем, вслед за тем от заговора (1440), но на его место великим князем был избран младший сын Ягайла, Казимир, и независимое положение Литвы при этом подчеркивается еще яснее: Казимир, или, вернее, руководившие малолетним князем литовские правители, совершенно разрывают сношения с польским королем Владиславом, желавшим видеть в Казимире только своего наместника в Литве и самовольно здесь распо-

ряжаться, и одно время (1443) Литва стояла опять перед перспективою войны с Польшею.

Последовавшая вскоре за тем гибель Владислава (1444) давала Великому княжеству Литовскому прекрасный случай вполне и навсегда разорвать династическую связь с Польшею. Но в силу той двойственности, какую вообще проявляла в отношениях к Польше литовская аристократия (об этом я буду говорить ниже), последняя не решилась на такой резкий шаг. Вместо того чтобы повлиять на Казимира в смысле отказа от всяких прав на польскую корону, литовские правители после долгих проволочек согласились на выбор Казимира польским королем, связав его лишь различными обещаниями относительно сохранения литовской автономии и целости земель Великого княжества *.

Надеясь и впредь сохранить полное влияние на своего воспитанника, они даже не постарались обеспечить полную самостоятельность Великого княжества Литовского выбором отдельного великого князя⁹⁵. Скоро обнаружилось, насколько это было ошибкой с их стороны, так как поставленный между противоположными стремлениями польской и литовской политики Казимир не замедлил выйти из-под влияния литовских кругов и решительно склонился на сторону Польши. Пользуясь своим влиянием в правящих кругах Литвы, он не допускает и выбора отдельного великого князя, к чему стремились потом в Великом княжестве, и вообще всячески ослабляет резкую по отношению к Польше политику правящего класса Великого княжества.

До самой смерти (1492) Казимир удерживает в личной унии, под своею властью Польшу и Великое княжество Литовское. Но дальше личной унии дело все-таки не шло: Великое княжество остается совершенно отдельным и самостоятельным государством, связанным с Польшею исключительно личностью государя, и раздраженные неуступчивостью польского правительства в вопросе о спорных землях и в переговорах о новой формуле государственных отношений Литвы и Польши **, литовские правители при каждом случае умышленно подчеркивали свою полную отдельность от Польши, хотя и не умели пойти дальше довольно безвредного будирования.

Встретив такие препятствия в осуществлении своей программы, выраженной в Кревском акте, польское правительство должно было в конце концов убедиться, что включение в состав Польши Великого княжества Литовского в целом объеме — цель слишком далекая. Не отрекаясь от нее, а только отлагая ее осуществление до более благоприятного момента, польские политики решили прежде всего отобрать

* Остается неясным и спорным, дали ли такие обязательства литовским правителям и представители польского правительства.

** Литовские правители хотели исключить существовавшие в прежних трактатах упоминания о присоединении Литвы к Польше и супремате последней.

от Великого княжества Литовского земли, издавна служившие предметом притязаний Польши, т. е. украинские земли старого Галицко-Волынского государства, которых ей не удалось добыть в долгой борьбе за галицко-владимирское наследие: Волынь, Подолье и Берестейско-Дорогичинскую землю среднего Буга *.

Подолье было на короткое время, в начале XV в., превращено в польскую провинцию Ягайлом, но Витовт потребовал его обратно. В момент смерти Витовта польские шляхтичи Галиции и Подолья, проникшие сюда особенно во время упомянутого только что короткого господства Польши на Подолье, вперед подготовив заговор, захватили столицу Подолья — Кременец и присоединили Подольскую землю к Польше. Это именно и привело к разрыву между Свитригайлом и Ягайлом. Ягайло — по настоянию Свитригайла, задержавшего его у себя в плену, — дал распоряжение возвратить Подолье великому князю литовскому, но этот приказ исполнен не был. Восточного Подолья, по среднему течению Южного Буга, с городами Браславом и Винницею, полякам, впрочем, не удалось удержать в своих руках: Свитригайло непосредственно за тем возвратил его себе. Но западное Подолье, пограничное с Галициею, где польская шляхта была уже довольно многочисленна, держалось Польши, и Свитригайлу не удалось отобрать его от поляков. В 1440-х годах такое разделение устанавливается уже прочно: восточное Подолье принадлежит Великому княжеству Литовскому, западное — Польше, хотя литовское правительство долго не мирилось с этою утратою.

Ободренные захватом Подольской земли, польские политики задумали воспользоваться разрывом со Свитригайлом, чтобы завладеть также и Волынью. Летом 1431 г. Ягайло с большими силами двинулся сюда и захватил оставленный Свитригайлом Владимир. Но на осаде Луцка разбились энергия и силы поляков, и им пришлось отказаться от своих притязаний: заключая перемирие со Свитригайлом, они выговорили себе владение западным Подольем, но должны были умолчать о Волыни; и даже потом, диктуя разные условия Сигизмунду Кейстутовичу, не решились требовать у него отречения от Волыни. Но мысли о присоединении ее поляки все-таки не оставляли. Когда Свитригайло, совершенно ослабленный, старался разбить как-нибудь союз Польши с Сигизмундом, в переговоры с ним вошла галицкая шляхта, в своих интересах и на свой страх особенно энергично поддерживавшая планы присоединения к Польше соседних украинских земель (ее делом был захват Подолья, и теперь она усиленно занялась Волынью). Она обещала Свитригайлу поддержку против Сигизмунда, и Свитригайло в своем отчаянном положении обещал за эту цену передать Польше Волынь, где он еще держался. Польское прави-

* Эта старая Дорогичинская земля, расширенная на севере, — вероятно, колонизацию ятвяжских земель, — носила позже название Подляшья, т. е. соседней с Польшей провинции.

тельство не признало этого условия, не желая разрывать с Сигизмундом, но несмотря на это в польских кругах смотрели на Волынь как на близкую добычу и надеялись по смерти Свитригайла вступить во владение ею. Но Свитригайло, не получив из Польши никакой реальной поддержки, не считал себя ничем обязанным ей и пред смертью, верный государственной идее Великого княжества Литовского, передал Волынь не полякам, а великому князю литовскому (1452). Это возбудило чрезвычайное негодование в Польше. Поляки даже готовились к походу на Волынь, но Казимир своим влиянием несколько охладил этот воинственный жар, и в конце концов взаимные притязания Литвы и Польши, встретившись, нейтрализовались: Волынь осталась за Великим княжеством Литовским⁹⁶, западное Подолье — за Польшею.

Х

УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ В XV—XVI вв.; СОБИРАНИЕ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ ПОЛЬШЕЮ

Таким образом, единственным реальным приобретением Польши из той широкой программы, которую она поставила себе в унии с Литвою, было пока западное Подолье. Остальные украинские земли входили в состав Великого княжества Литовского, сохранявшего свою самостоятельность и стоявшего только в шаткой и слабой связи с Польшею.

Но эта шаткая и слабая связь, эта личная уния с Польшей оказывала весьма сильное воздействие не только на общественный строй и право (о чем будем говорить ниже), но и на все направление внутренней политики Великого княжества Литовского. Произведенные ею изменения создали чрезвычайно опасное раздвоение, этнографический раскол Руси и Литвы, весьма скоро сказавшийся и чрезвычайно пагубно отразившийся на государственной жизни Великого княжества Литовского.

Пока не сказались эти перемены во внутренних отношениях Великого княжества Литовского, украинские, равно как и белорусские, земли чувствовали себя здесь у себя дома. Ими правили в большинстве случаев вполне обрусевшие, вполне искренне ассимилировавшиеся с ними князья Гедиминовой династии⁹⁷. Старый строй земли оставался без значительных перемен. Если в центральном управлении Великого княжества играли главную роль литовские роды, то и они стояли под сильным влиянием славянской, старорусской культуры, глубоко проникавшей весь склад Великого княжества. А главное — центральное управление не оказывало особенно ощутительного влияния на жизнь земель, живших своею замкнутою, почти вовсе самостоятельною жизнью под управлением своих князей. Украина со-

стояла главным образом именно из таких больших, почти самостоятельных княжеств, в дальнейшей эволюции политической системы Великого княжества Литовского имевших все шансы превратиться в отдельные государства, почти не связанные ничем между собою (т. е. повторить историю разложения Киевского государства). Волянь составляла владение Любарта, потом его сына Федора; Киевская земля — Владимира Ольгердовича; Подольем владел Феодор, последний из Кориатовичей, племянников Ольгерда; в черниговских землях были две значительные волости Ольгердовичей: Димитрия и другого Димитрия — Корибута.

С концом XIV в. во всем этом складе В. кн. Литовского происходит ряд глубоких перемен. Во-первых, правительство Ягайла — Витовта, сильное сознанием опоры, которую давало ему еще не нарушенное объединение Литвы и Польши, в 1390-х годах рядом сильных и хорошо рассчитанных ударов без церемоний уничтожает все наиболее сильные удельные княжества в землях Великого княжества Литовского и обращает их в простые провинции. Так, между прочим, отобраны были от Димитрия-Корибута его черниговские земли (еще раньше потерял свои владения, эмигрировав в Москву, другой Димитрий — Ольгердович). В несколько приемов отнята была Волянь от Федора Любартовича (взамен дали ему владения в черниговских землях, но это была такая жалкая замена, что обиженный князь даже не принял ее). С Подолья Витовт согнал Федора Кориатовича. Киевская земля была отнята от Владимира Ольгердовича, получившего взамен маленькое Слуцкое княжество в Белоруссии, и, пройдя через несколько рук, превратилась в начале XV в. в простую провинцию. После этого, в первой половине XV в., в украинских землях единственным значительным владением осталось княжество, составленное из черниговских волостей для беспокойного претендента Свитригайла (1420—1430); кроме того были второстепенные княжества, как Ратненское (в северной Волини) Федора Ольгердовича, Пинское — одного из потомков Гедимины, Острожское — одного из уцелевших родов старой киевской династии и т. д. Для государственной системы Великого княжества Литовского эти и им подобные княжества, конечно, никакой опасности не представляли.

Это превращение сильнейших княжеств в простые провинции, розданные в управление обыкновенным наместникам, не только спасло единство Великого княжества Литовского от грозившего ему разложения, но имело и чрезвычайно важное значение в эволюции политических и общественных отношений украинских (и белорусских) провинций, отдав их под непосредственную власть центрального правительства и открыв последнему более широкую дорогу в воздействиях его внутренней политики на склад и отношения этих земель. Ибо хотя государственная система Великого княжества Литовского до полной централизации никогда не дошла и довольно значительная провинциальная обособленность земель, с широким участием в управ-

лении местных элементов (княжеских и панских) существовала и позже, — все же в смысле воздействия внутренней политики центрального правительства была большая разница между этими провинциями и прежними, почти независимыми княжествами.

А во внутренней политике правительства в это время происходил и постепенно давал себя чувствовать важный перелом.

В Кревском акте Ягайло между прочим обязался крестить в католичество всех некрещеных литовцев и исполнил это обещание. Он организовал католические епархии в литовских землях и, очевидно, под влиянием своих польских, католических советников придал новоорганизованной католической церкви значение церкви государственной, господствующей, покровительствуемой сравнительно с православною церковью Литовской Руси.

Под влиянием, вероятно, тех же советников Ягайло стремится создать из литовских бояр-католиков новый привилегированный класс: польские политики, а с ними и Ягайло, очевидно, рассчитывали, что, будучи обязана своим привилегированным положением Польше и католичеству, эта литовская католическая аристократия сделается верным приверженцем и хранителем унии Литвы с Польшею. Расчет был совершенно верный, и с точки зрения унии политика эта была совершенно последовательна. Однако в этом же направлении пошел и Витовт, хотя был противником унии: вероятно, его увлекали фамильные традиции, связывавшие его семью ближе с литовским элементом *, и он без всякой настоятельной надобности усиленно старался выдвинуть литовскую аристократию и на нее опереться, в противовес православным княжеским и боярским родам: белорусским, украинским и ассимилированным ими литовским. Сойдясь на этом пункте, хотя и из совершенно противоположных побуждений, Ягайло и Витовт энергически создают новую литовскую аристократию: провозглашают уравнивание бояр-католиков (т. е. литовцев) в правах с польскою шляхтою, признают за ними исключительное право на государственные должности, лишь их допускают до наиболее важных государственных актов, как унионные трактаты. Витовт в качестве фактического правителя В. кн. Литовского всюду выдвигает литовцев-католиков, оттесняя православные роды от всякого влияния.

Это, конечно, чувствовалось. Литовская Русь сознавала, что ее оттесняют на второй план, лишая всякого политического значения; католическая же литовская аристократия входит очень скоро во вкус

* Отец Витовта, Кейстут, в противоположность другим Гедиминовичам крепко держался литовской национальности и в политической системе Великого княжества представлял литовский элемент. Ввиду такой традиции Ягайло упорно не хотел давать Витовту владений в литовских землях, надеясь его волостями белорусскими и украинскими и даже принудил принять православие (позже Витовт снова перешел в католичество). По традиции и из оппозиции этим стремлениям Витовт тем более тяготел к литовскому элементу, т. е. к литовскому боярству, крещенному в католичество, и покровительствовал этому последнему.

своего привилегированного положения и, понимая, что такое исключительное положение ее основано на поддержке Польши и унии, действительно начинает ценить связь с Польшею. Отсюда начинается та двойственность политики литовской аристократии, о которой я упоминал: правящие литовские круги, с одной стороны, желают сохранить автономию Великого княжества Литовского, потому что с превращением последнего в польскую провинцию они потеряли бы значение его правителей; с другой стороны, они хотят обеспечить возможно тесную связь с Польшею, так как, разрывая с последней, они были бы вынуждены искать опоры в самом Великом княжестве, а в таком случае им пришлось бы дать соответствующее место и значение элементам славянским, аристократии украинских и белорусских земель. Эта двойственность и была причиною нерешимости и слабости литовской политики по отношению к Польше. Останавливаясь на полдороге, она тем самым облегчала польской политике осуществление ее планов по отношению к Литве.

Облегчал последние, конечно, и указанный национальный раскол. Когда Свитригайло, заняв место Витовта, задумал исправить его ошибку и, не лишая значения литовских вельмож, хотел дать соответствующее место Литовской Руси, это вызвало чрезвычайное неудовольствие среди литовской аристократии. Она не хотела делиться своим исключительным положением и пошла навстречу интригам польского правительства против Свитригайла, провозгласив великим князем Сигизмунда Кейстуовича. Это была большая услуга польской политике со стороны литовской аристократии: не ее вина, если реальных выгод из этой услуги Польше извлечь тогда не удалось.

Сигизмунда признавали литовские земли; белорусские и украинские остались верными Свитригайлу. Этнографическое раздвоение стало фактом очевидным и было подчеркнуто современниками, которые называют Сигизмунда великим князем литовским, Свитригайла — великим князем русским. Последующая борьба Свитригайла с Сигизмундом должна была решить — останется ли литовская аристократия господствующею или центр тяжести передвинется в сторону элементов белорусских и украинских. Последние это понимали, и потому православные князья и бояре с чрезвычайной энергией поддерживали Свитригайла, бывшего издавна их союзником и другом *. Но при большой энергии и настойчивости Свитригайло оказался плохим полководцем, и дело литовской «Руси» было проиграно. В 1435 г. Свитригайло потерпел решительное поражение: в битве над р. Святою, около Вилькомира, погибло его войско; одних пленных князей летописи насчитывают 26, а множество их легло на месте.

Но и литовская аристократия в выборе Сигизмунда не была счаст-

* Народным массам эта борьба осталась чуждой. Она была делом князей и бояр, борьбою двух аристократий. Народ был только пассивным участником ее.

лива: он оказался врагом аристократии вообще и старался выдвинуть людей худородных, а родовитых преследовал, как рассказывает позднейший летописец, представитель аристократических воззрений. Поэтому Сигизмунд вскоре погиб от руки аристократов, составивших заговор на его жизнь⁹⁸. Зато с провозглашением великим князем малолетнего Казимира правление переходит в руки кружка литовских аристократов, захвативших бразды правления прочно и основательно.

Еще на первых порах ввиду тех трудностей, какие окружали их в данный момент, — опасных движений внутри государства, острого разрыва с Польшей, грозившей войной, и опасностей со стороны других соседей, — литовские правители считали нужным кое-что сделать и для удовлетворения «Руси». Волынь оставлена в руках ее героя — Свитригайла; Киевскую землю отдали сыну бывшего киевского князя Владимира — Олельку, очень умеренному представителю украинского княжья, близко стоявшему к литовской аристократии. Сын и преемник Олелька на киевском столе, Семен, был женат на дочери одного из виднейших литовских вельмож — Гаштовта, бывшего главы регентства, и в силу этих родственных связей и своей «умеренности» был даже выставлен кандидатом на пост великого князя со стороны литовских правителей. Все это давало некоторую иллюзию национальной гармонии — признания со стороны литовской аристократии значения «Руси» в государстве.

Но исключительные обстоятельства скоро прошли, положение литовских правителей упрочилось и они уже не находили нужным кокетничать с белорусско-украинскою аристократиею Великого княжества; поэтому этой последней, как и вообще Литовской Руси, пришлось вскоре очень ощутительно почувствовать свое унижение. Когда в 1470 г. умер киевский князь Семен Олелькович, литовские правители не согласились на предоставление киевского стола его брату Михаилу и потребовали от Казимира, чтобы он обратил Киевскую землю в обыкновенную провинцию, а наместником туда назначил литовца-католика Гаштовта. Казимир исполнил их желание, и это чрезвычайно огорчило киевлян. Они заявили, что предпочитают погибнуть, чем принять наместником литвина, притом не княжеского рода, и усиленно просили Казимира дать им в Киев кого-нибудь из князей, если не православного, то хотя бы даже католика, чтобы поддержать традицию киевского стола. Но литовские правители стояли на своем, а с ними и Казимир, и киевляне в конце концов должны были принять Гаштовта⁹⁹.

Рассказывая этот эпизод, поляк-современник Длугош¹⁰⁰ прибавляет, что вражда Руси и Литвы в это время вообще так обострилась, что Казимир опасался смут и умышленно продлил свое пребывание в Великом княжестве, чтобы предотвратить конфликт. По его словам, киевляне и вообще Литовская Русь горько жаловались на то, что Литва — давний данник Руси — превратилась теперь в ее повелителя.

Обойденный киевским столом, Михаил Олелькович с несколькими другими князьями составил заговор. Насколько можно судить из скудных известий, заговорщики ставили своей целью завладеть великокняжескою властью, посадив на престоле В. кн. Литовского одного из русских князей, может быть, самого Михаила Олельковича. Они рассчитывали на помощь московского великого князя и намерены были заплатить за нее восточною окраиною В. кн. Литовского. Но заговор был открыт; некоторые участники успели бежать в Москву, а Михаил с другим участником, князем Гольшанским, были схвачены и казнены (1481).

В этом эпизоде очень интересны отмеченные сейчас надежды на помощь из Москвы. Как литовская партия опиралась на влияние и силы католической Польши, так обойденные украинские и белорусские аристократы начинают обращать свои взоры в сторону православной Москвы, этого извечного соперника Великого княжества Литовского в собирании земель старого Киевского государства. Московские князья по исторической и династической традиции издавна считали себя наследниками Киевского государства, хотя лишь с концом XV в. открыто включили этот пункт в программу своей политики; с другой стороны, великие князья литовские, пока уния с Польшею не свела их с этой дороги, тоже сознательно стремились к объединению под своею властью всех земель старого Киевского государства *. Во второй половине XIV в. соперничество этих двух собирателей обозначилось вполне ясно, и В. кн. Литовское, проникавшее все глубже культурным наследием Киевского государства, соперничало с Москвою в собирании его старых провинций весьма успешно, хотя ему и недоставало выдержки московской политики. Перемены, произведенные униєю во внутренних отношениях В. кн. Литовского, убили его притягательную силу, какую имело оно для земель старого Киевского государства, да и внимание литовского правительства обратилось на иные вопросы. Но пока Московское государство переживало при двух Василиях время своего застоя и упадка, заметного особенно в сравнении с импозантным правлением Витовта, и позже, даже в первой половине правления Казимира, перемена в шансах старых соперников не была ощутительна. Только в конце правления Казимира Литва начинает сознавать свою слабость, созданную внутренним раздвоением. Как раз теперь извечный соперник поднимался из долговременного упадка и, став грозным соседом Литвы, заявлял претензии на украинские и белорусские провинции В. кн. Литовского. Тяготение в сторону Москвы среди аристократии этих провинций становилось чрезвычайно опасным явлением. Литовское правительство вполне признавало опасность. Тот же Длугош

* Прусским рыцарям Ольгерд заявлял: *omnis Russia ad Letwinos debet simpliciter pertinere* ¹⁰¹.

говорит, что Казимир удерживал литовских правителей от вмешательства в новгородские дела во время борьбы новгородцев с Москвою, указывая, что Литовская Русь на случай войны с Москвой может взять сторону последней и обратиться против литовской партии, чтобы свести счеты с нею. Последующие войны с Москвою открыли всю глубину упадка Литвы с ужасающею очевидностью, и московское правительство, оценивая отношения, теперь уже выступает открыто с программой присоединения всех земель старого Киевского государства как отчизны московских князей. В 1493 г. великий князь московский начинает титуловать себя в сношениях с литовским «государем всея Руси», а во время переговоров 1504 г. домогается «Киева, Смоленска и прочих городов», грозя не оставить иначе Литвы в покое.

Симптомом происшедших перемен в реальном соотношении сил обоих противников послужило черниговское пограничье.

С 1470-х годов начинает ясно сказываться тяготение к Москве на этом северо-восточном пограничье старого Черниговского княжества, где издавна соперничали влияния Литвы и Москвы. Здешние мелкие князья из старой черниговской династии начинают переходить со своими владениями из-под власти великого князя литовского под власть великого князя московского. Раньше литовское правительство, сознавая свою притягательную силу, признавало князьям в своих собственных интересах полную свободу перехода; теперь, напуганное этим движением, оно начало отрицать законность таких переходов. Открылись военные действия, но успехи московских войск благодаря указанному тяготению оказались настолько значительными, что литовское правительство поспешило прекратить их перемирием¹⁰². За Москвою признаны владения перешедших князей, но на будущее время решено таких переходов не допускать (1493).

Они, однако, возобновились вскоре (очевидно, не без согласия Москвы) в еще более грозных размерах. Мотивом, несомненно, под сказанным из Москвы, выставлено религиозное гонение на православных в В. кн. Литовском; национальная причина была, таким образом, подменена религиозной. Под этим благовидным предлогом Москва продолжает принимать князей, между которыми переходят со своими землями уже владетели большого калибра, потомки московских эмигрантов — Семен Можайский, державший от В. кн. Литовского Чернигов, Стародуб и пр., и Василий Шемячич, владевший Новгородом-Северским. Черниговская земля целиком переходила под власть Москвы, и великий князь московский поспешил выслать свои войска, которые и dokonчили присоединение черниговских земель. Среди полного упадка духа литовское правительство заключило в 1503 г. новый договор с Москвою, признав за последнею все ее приобретения, в том числе почти всю старую Черниговскую землю, за исключением небольшой приднепровской полосы.

Затем несколько лет спустя организует заговор и восстание, рассчитывая на помощь великого князя московского и крымского

хана, украинская княжеская семья Глинских, обиженная новым великим князем и королем Сигизмундом. Во главе ее стоял Михаил Глинский, чрезвычайно влиятельный любимец великого князя Александра, попавший в немилость при его преемнике, представитель русской аристократии в В. кн. Литовском, считавшийся ее вождем и главою. Это был эпизод, аналогичный с княжеским заговором 1481 г., и имел, очевидно, целью посадить Глинского на престоле Великого княжества. Но хан вовсе не поддержал восстания, а московский великий князь поддержал весьма слабо, и оно очень скоро было подавлено, не вызвав сколько-нибудь значительного движения даже среди украинского и белорусского княжья и боярства, не говоря уже о народе. Усилия Глинских поднять Киевскую землю были безуспешны, а соседняя Волянь — эта *rag exellence* княжеская земля — осталась совершенно равнодушной. Вожди заговора ушли на московскую территорию (1508), и единственным последствием его для В. кн. Литовского была потеря Смоленской земли, занятой московскими войсками в войне, разгоревшейся между обоими государствами при содействии Глинского.

Это восстание было последней конвульсией русской (украинско-белорусской) партии в В. кн. Литовском. Оно показало полную неспособность украинских и белорусских магнатов к какому-нибудь энергическому действию, отсутствие среди них солидарности, сплоченности, энергии. Их песня была уже спета с падением Свитригайла — сами они не в состоянии были вступить в борьбу с литовской партией. Их тяготение к Москве также не имело в себе никакого более глубокого, сознательного содержания, вполне определенной программы; в лучшем случае Москва рассматривалась только как союзник для переворота в В. кн. Литовском. Это были движения небольших кучек, слепая реакция без определенного плана и программы. Большинство князей и бояр помирилось с тою второстепенною ролью, какую оставляла ему литовская аристократия (главным образом в местном управлении белорусских и украинских земель), и, довольствуясь ею, отложило мысль о борьбе. Поставить национальный вопрос в польско-литовском государстве имели иные общественные элементы, но тогда, когда догорала аристократическая фронда, их роли еще не предчувствовал никто.

Впрочем, движения конца XV и начала XVI в. не остались без влияния на литовско-польское правительство: испуганное тем применением религиозных мотивов, какое делалось противниками, в особенности московским правительством, оно становится более осторожным в отношении украинских и белорусских элементов и, напр., оставляет занимавшую его перед тем мысль об осуществлении унии своих православных подданных с католической церковью.

Не остались эти события без влияния и на дальнейшую судьбу В. кн. Литовского. После страшных потерь, понесенных в борьбе с Москвою (утрата Черниговской и Смоленской земель), Москва де-

лается кошмаром В. кн. Литовского. Сознание национального раздвоения убивает нравственную силу последнего. Притом еще, кроме Москвы, выдвинулся и другой сосед, по отношению к которому литовское правительство почувствовало себя совершенно бессильным, — Крымская орда, показавшая свою страшную разрушительную силу на украинских землях Литвы и Польши одновременно с завоеваниями Москвы. Выделившись при разложении старой Татарской орды, «Кипчака» и окончательно сформировавшись в половине XV в. под владычеством Хаджи-гирея, она стояла сначала в весьма дружественных отношениях к В. кн. Литовскому, но происки великого князя московского, стремившегося посорить ее с Литвою, и неловкая политика великих князей литовских, особенно их старания быть одновременно в союзе и с Крымом, и со злейшим врагом крымских ханов — Золотою ордою, разбили эту дружбу. Сын Хаджи-гирея, Менгли-гирей, упрочив свое положение признанием верховной власти Турции, с 1482 г. изменяет свои отношения к Литве и Польше и начинает своими набегами опустошать их земли. Крым становится на два столетия чрезвычайно важным и пагубным фактором в истории украинской жизни.

Слабость государства ввиду внутренних и внешних опасностей входит в общее сознание правящих кругов В. кн. Литовского, и это обстоятельство в конце концов дает возможность польским политикам осуществить свои заветные планы относительно Литвы.

Несмотря на удары, падавшие на В. кн. Литовское, литовская аристократия твердо держалась программы, которую диктовали ей ее классовые интересы: поддерживать возможно тесную связь с Польшею, но в то же время охранять автономию и политическую самостоятельность В. кн. Литовского.

В 1499 г., когда Польша хотела во что бы то ни стало заручиться содействием Литвы против турок, польские политики дали даже согласие на изменение формулы унии в духе полной равноправности и независимости В. кн. Литовского, как желали того литовские автономисты. Когда вслед за тем великий князь литовский Александр сделался и польским королем, он октроировал ¹⁰³ новый акт унии в духе польских стремлений, но в Литве его не считали правосильным. Благодаря тому что последующие великие князья (бывшие одновременно и польскими королями) — Сигизмунд и Сигизмунд Август — также не были сторонниками унии, Литва в продолжение всей первой половины XVI в. упорно отклоняла все попытки поляков привести к осуществлению свой старый план инкорпорации В. кн. Литовского, так что в продолжение всей первой половины XVI в. этот вопрос казался совершенно безнадежным. Даже собираться на общий сейм с поляками, рассчитывавшими в таком случае найти союзников среди самих представителей В. кн. Литовского, особенно среди низшего дворянства — шляхты, литовские правители не соглашались под разными предлогами.

Но в 1560-х годах начинается поворот, неблагоприятный для литовских правителей. Литва неосторожно навлекла на себя войну с Москвою, вмешавшись в ливонский вопрос, и эта война, очень неудачная для Литвы, требовавшая чрезвычайного напряжения сил и огромных расходов на военные нужды и непомерно возвысившая обложение шляхетских имений, вызывала здесь чрезвычайное недовольство, особенно среди низшего дворянства. Допущенное незадолго перед тем к участию в представительном правлении Великого княжества, оно постепенно выходит из-под влияния магнатов и начинает подымать голос за тесную унию В. кн. Литовского с Польшею, так как проведение ее обещало участие Польши в войнах и других нуждах В. кн. Литовского, а также расширение шляхетских вольностей по польскому образцу и уничтожение прерогатив магнатства, всевластно правившего в В. кн. Литовском. Великий князь и король польский Сигизмунд Август, до сих пор равнодушный к вопросу об унии, под влиянием этих же и, может быть, еще иных мотивов становится также горячим сторонником инкорпорации В. кн. Литовского. Литовские магнаты очутились, таким образом, в очень трудном положении, подвергаясь давлению сверху и снизу. Но такова была сила этой всевластной, тесно сплоченной магнатской олигархии, что она все-таки не уступала этому давлению и держалась своей автономной программы, не допуская до созвания общего сейма и удерживая представителей шляхты на конференциях с поляками в полном подчинении. Даже поколебавшись на первых порах и сделав ряд уступок на конференции 1564 г., она затем взяла их обратно и совершенно затормозила вопрос об унии.

Когда после бесплодных сеймов 1565—66 гг. в конце 1568 г. по вопросу об унии в Люблине был назначен новый сейм с участием представителей литовских сословий, литовские магнаты и здесь умели удержать представителей шляхты в полном послушании и свели общий сейм к конференциям двух отдельных сеймов. Заметив же, что король намерен энергично поддержать польские стремления и под влиянием поляков готов даже оказать давление на представителей Литвы, литовские магнаты ночью на 1 марта 1569 г. тайком уехали из Люблина вместе с представителями прочих сословий В. кн. Литовского, надеясь таким образом «сорвать» сейм. Но расчет их оказался неудачным: поляки, раздраженные долгими безуспешными переговорами, теперь, имея на своей стороне короля, решили идти напролом и покончить с Литвою, установив новую формулу уже без ее участия. Однако под впечатлением энергической оппозиции литовских магнатов они решили несколько отступить от первоначального плана, оставив некоторую тень литовской автономии, но зато отобрав от В. кн. Литовского и присоединив к Польше спорные земли, на которые издавна имело виды польское правительство.

Непосредственно по отъезде литовских представителей польские сенаторы на конференции с королем в присутствии шляхетских

депутатов * выступили с проектом — постановить относительно унии заочное решение, без литовских представителей, как самовольно и незаконно оставивших сейм **, а прежде всего присоединить к Польше Волынь и Подляшье, немедленно опубликовать грамоты об этом присоединении и призвать сенаторов и шляхетских депутатов названных провинций к участию в сейме. Король заявил, что находит эти предложения вполне справедливыми и, принимая их, готов их осуществить, хотя бы против воли литовских представителей. На всякий случай решено было приготовиться к войне с Литвою и для этого постараться привлечь на свою сторону татар. О присоединении к Польскому королевству Волыни и Подляшья немедленно были разосланы в эти провинции грамоты, в которых местным сенаторам и депутатам приказано явиться на сейм под угрозой отнятия имений и должностей.

Затем сейм приступил к редакции постановлений о присоединении этих земель; они были составлены почти одинаково, с полным пренебрежением к историческим фактам. Король, от имени которого эти постановления писались, заявлял, что он, памятуя свою обязанность — возвратить Польше принадлежавшие ей издревле земли ввиду напоминаний и просьб собранных на сейме представителей ***, решил присоединить к короне Польской Подляшье и Волынь как земли, принадлежавшие ей издавна и только во время правления Казимира Ягайловича, бывшего одновременно великим князем литовским и королем польским, насильственно присоединенные к Литве. В действительности в XII—XIII вв. поляки во время войн за пограничные территории лишь на короткое время захватывали части Подляшья; при Ягайле оно короткое время было во владении князей мазовецких как литовский лен, и затем опять несколько лет спустя по смерти Сигизмунда Кейстutowича. Но поляки привыкли смотреть на Подляшье как на свою провинцию вследствие того, что мелкая мазовецкая шляхта, переселяясь сюда, в значительной степени колонизировала его уже в XV в. Об усилиях поляков захватить Волынь я говорил уже: до сих пор все эти попытки были безуспешны, и Волынь Польше не принадлежала никогда. Но о таких мелочах, как исторические факты, теперь менее всего был кто-либо склонен думать серьезно, и хотя редакция этих инкорпорационных хартий подверглась затем различным изменениям с участием представителей Под-

* Польский сейм состоял из двух палат — сената, где заседали епископы и высшие чины, и палаты посольской, где заседали выборные депутаты шляхетского сословия.

** В польской судебной процедуре это называлось контумацией; нечего и говорить, что в данном случае приложение этой процессуальной формы к сеймованию было явною натяжкой.

*** Вследствие неясной (может быть, умышленно) стилизации получалось впечатление, как будто бы в этих совещаниях и просьбах принимали участие и представители В. кн. Литовского.

ляшья и Волыни, но историческая мотивировка так и осталась в том же противоречии с историею: ей тогда никто не придавал значения, раз решено было ступить на почву насильственного осуществления вековых стремлений польской политики.

Сенаторы и депутаты Волыни и Подляшья долго не являлись; главным образом их удерживал страх репрессий со стороны В. кн. Литовского, да притом и слишком уж внезапно и странным образом все это произошло. Король, наконец, приступил к конфискации имений и должностей ослушников, и эта мера оказала ожидаемое действие: сенаторы и депутаты явились. Они очень неохотно присягали на верность Польской короне, особенно некоторые волынские магнаты, то требовавшие, чтобы были обеспечены права их народности, их религия и сословные привилегии *, то просто уклонявшиеся от присяги. Но *ultima ratio* ¹⁰⁴ — угроза конфискацией — в конце концов сделала свое дело: присяга была принесена, и представители новоприсоединенных провинций заняли среди представителей других польских провинций «издавна принадлежавшие им места», как выразились поляки.

Волынским обывателям оказаны были разные любезности: на Волыни оставлено в силе и на будущее время доселе действовавшее право (в виде второй редакции Литовского статута, получившего вследствие этого имя Волынского). Местный язык (собственно, выработанная канцелярскою практикою В. кн. Литовского макароническая белорусско-украинско-польская смесь) сохранен в местном делопроизводстве и в сношениях центрального правительства с местными учреждениями (за исключением только городских общин, считавшихся уже достаточно денационализированными благодаря введенному в них немецкому праву). Шляхте «греческой веры» предоставлены одинаковые права с католиками, даны обещания назначать православных на все должности; местные должности должны были раздаваться только местным уроженцам. Последнее обещание дано было и подляшанам, в остальном же для этой земли не делалось исключений, так как в ней вследствие проникновения многочисленной польской шляхты существовали во многом уже и раньше польские порядки, польское право, польский язык.

Правители В. кн. Литовского, со стороны которых опасались вооруженного противодействия и польские политики, и население Волыни и Подляшья, в конце концов не решились на энергический протест против произведенного Польшею захвата. Положение их действительно было крайне тяжелое: над Литвою продолжала тя-

* Интересна была речь кн. Вишневецкого, требовавшего, чтобы православные роды не ставились ниже католических, чтобы старинные княжеские роды оставлены были при своих почетных прерогативах; он указывал на то, что княжеские и магнатские роды украинских земель и вообще украинский народ («русский», по тогдашней терминологии) не уступают в благородстве и славе «никакому другому народу на свете».

готеть разорительная война с Москвою, шляхетское сословие противилось политике магнатов, и даже на солидарность магнатов украинских земель, на которые наложила теперь руку Польша, не могли рассчитывать литовские олигархи вследствие исключительности своей политики и старого раздвоения Литвы и Руси. И вместо войны, которой ждали от них, в конце концов явилась на сейм депутация литовских правителей с жалкими словами по поводу присоединения Волыни и Подляшья и с заявлением готовности продолжать переговоры об унии.

Такой легкий успех и безнаказанность ободрили польских политиков, и шляхетские депутаты, вообще более смелые и агрессивные в своих планах, чем сенаторы, выступили с требованием, чтобы к Польше были присоединены также восточное Подолье, незадолго перед тем сформированное в особое Браславское воеводство, и Киевская земля. Проект присоединения Браславского воеводства был принят и сенаторами и королем очень сочувственно. Его немедленно включили в постановление о присоединении Волыни как часть волынских земель*; браславским сановникам велели присягнуть, и в продолжение каких-нибудь двух недель присоединение Браславщины было совершено, не встретив никаких затруднений.

Не то с Киевскою землею. О правовой стороне, конечно, никто не думал. Но эта обширная, малонаселенная, подвергавшаяся непрестанным нападениям татар и порубежная со страшным Московским государством страна более хладнокровным польским политикам представлялась непосильным бременем, каким и оказалась действительно для Польши, с ее чрезвычайно слабой государственной и военной организацией. Поэтому большинство сенаторов с королем во главе несочувственно приняли этот проект шляхетских депутатов. Но последние настаивали энергично, и их настойчивость увенчалась успехом. Следует упомянуть, что их поддерживали и волыняне с браславянами: новоприсоединенные к Польше провинции имели все причины желать, чтобы с присоединением не разрывалась их связь с прочими украинскими землями, чтобы поэтому и они были вместе с ними присоединены к Польше. На другой день после присяги браславского воеводы (3 июня) состоялась конференция, на которой шляхетским депутатам удалось склонить на свою сторону многих сенаторов и короля. Король заявил, что он решил присоединить к Польше Киевскую землю и прикажет киевскому воеводе принести присягу. Тем же днем датирована и грамота о присоединении Киевской земли, которая в этой грамоте представлена также провинцией, издревле принадлежавшей к Польше. Для успокоения киевских обывателей им представлены были те же гарантии, что и волынским.

* Исторически это было совсем неверно, но в XVI в. Браславщина действительно стояла в близкой связи с Волынью.

Литовские представители, прибывшие как раз перед тем на сейм, не имели энергии протестовать против этих новых захватов: они чувствовали, «что у них обрезаны крылья», как они выразились. После тщетной и довольно слабой оппозиции приняли они октроированную формулу унии, добившись только незначительных уступок в ней. Прежняя личная уния заменена очень тесною реальною: Польша и Литва отныне должны составлять одно государство с одним, сообща избираемым главою, с общим сеймом, только отдельные министерства сохраняются в Литве.

В половине августа окончился этот сейм, так памятно записавший свое имя в истории Восточной Европы: в несколько заседаний на нем было осуществлено то, чего не могли достигнуть долгие войны и столетия дипломатических переговоров и ухищрений. Прославляемый позднейшими польскими историками как акт любви и братства, в действительности он был цепью насилий над чужими правами и убеждениями, осуществленных давлением правительственной власти и тяжелых обстоятельств, какими были война с Москвою, ослабление В. кн. Литовского, его внутреннее раздвоение и т. п. Все это, впрочем, отнюдь не делает и литовских автономистов мучениками идеи: ими руководили также эгоистические мотивы — интересы олигархии, во имя которых они и подавляли оппозицию своей шляхты, стремившейся к благодатям польских шляхетских привилегий.

Итак, Польша собрала под свою власть почти все украинские земли. Вне границ ее, кроме Руси Угорской¹⁰⁵ и украинских округов Молдавии (Буковины), после 1569 г. оставались только: территория по среднему Бугу и верхней Припяти — земли Брестская и Пинская, составившие Брестское воеводство, оставшееся в составе В. кн. Литовского, — и черниговские, в это время принадлежавшие Московскому государству. Но В. кн. Литовское после 1569 г. находилось под таким сильным воздействием польского правительства, права и культуры, что упомянутая берестейско-пинская территория все равно что принадлежала к Польше *. Черниговская земля, с 1503 г. принадлежавшая Московскому государству, в начале XVII в., во время московского Смутного времени, была захвачена Польшею и осталась

* Административное деление на воеводства и поветы, окончательно установившееся пред 1569 г., разделяло украинские земли на 8 воеводств: 1) Русское (Галиция), в свою очередь состоявшее из четырех земель: Львовской, Галицкой, Перемышльской и Саноцкой; сюда же номинально причислялась земля Холмская, имевшая самостоятельное устройство; столица воеводства — Львов; 2) воеводство Белзское (столица Белз); 3) воеводство Подольское (столица Каменец); 4) Воеводство Волынское (столица Луцк); 5) воеводство Подляшское, подразделявшееся на земли: Дорогичинскую, Мельницкую и Бельскую; 6) воеводство Берестейское (Брест); 7) Браславское (Винница); 8) воеводство Киевское (Киев). Позже к ним присоединилось девятое, сформированное в 1635 г., — воеводство Черниговское.

за ней по последующим договорам с московским правительством. Из нее было сформировано особое Черниговское воеводство. Правда, владение этою землею продолжалось недолго, только до великого восстания 1648 г. Но все-таки, хоть и на время, Польше удалось собрать украинские земли почти целиком.

Великое княжество Литовское послужило для них как бы этапом в переходе под власть Польши, в сферу влияния ее государственного строя, права и быта.

XI

ОБЩЕСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ. ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ СОСЛОВИЯ

С точки зрения социальной эволюции состояние украинских земель под властью великих князей литовских в составе Великого княжества Литовского послужило для них тоже лишь этапом в переходе в круг влияния польского общественного строя и польского права. Западная часть украинских земель — Галиция, земли Холмская, Белзская и Подольская, присоединенные непосредственно к Польше в продолжение второй половины XIV и в первой половине XV в., уже в это время подпадают воздействию польского строя. Центральные украинские земли в продолжение всего XV и большей части XVI в. находились под воздействием юридического строя Великого княжества Литовского. Но его право, создавшееся на основе права древнерусского, выработанного Киевским государством, со времени унии 1385 г. развивалось и видоизменялось под сильным воздействием права польского, особенно во второй половине XV и в XVI в.

Таким образом, пребывание в области действия литовского права вводило эти земли в сферу воздействий права польского, с тем лишь различием, что через фильтр литовского государственного строя эти воздействия проникали сюда в разжиженном виде и влияние польского строя распространялось здесь в замедленном темпе сравнительно с западными украинскими землями. Ту эволюцию, какую последние прошли во второй половине XIV и в первой половине XV в., центральные переживали в течение XVI в., а Восточная Украина — черниговские земли, принадлежавшие в XVI в. Москве, и переяславские, лежавшие впусе весь XVI в., вступили в ее сферу лишь на несколько десятилетий XVII в., непосредственно предшествовавших движению 1648 г.

Впрочем, и западные украинские земли, вошедшие в состав Польши, не сразу были перестроены по польскому образцу. И в них оставалось на первых порах довольно много от прежних порядков, так что позже это переходное время даже называлось «временем русского права», «*tempore juris ruthenicalis*». Полное уравнивание этих провинций

с польскими и введение польского права были провозглашены лишь в 1434 г. по смерти Ягайла. В Великом княжестве Литовском систематическая перестройка по польскому образцу государственного строя, администрации и сословных отношений падает на середину XVI в., окончательно же центральные украинские земли организуются на польский лад и подвергаются глубокому влиянию польского быта только с 1569 г., когда присоединяются непосредственно к Польше. Эта же дата имеет значение и для Брестской земли: хотя формальным образом последняя и не вошла в состав Польши, но с 1569 г. она со всеми землями В. кн. Литовского подпадает весьма сильному воздействию польского строя и права. Правда, здесь, как и на Волини, в Браславской и Киевской землях, прежнее право формально оставлено и на будущее время; но его значение с подчинением новому сеймовому законодательству, при массовом движении польских привилегированных элементов в эти земли и распространении польских порядков становится вскоре совершенно призрачным, и можно сказать, что в последней четверти XVI в. вся Украина до самого Днепра была организована соответственно польскому праву и польским порядкам, а в первой половине XVII в. польское право и порядки переходят и за Днепр, почти достигнув в своем распространении крайних пределов украинской колонизации на востоке.

Политический и общественный строй Польши именно в XIV—XV вв. слагался окончательно. Его характерною особенностью, имевшей важное значение в дальнейшем воздействии на строй украинских земель, было чрезвычайное развитие сословности в связи с необыкновенным преобладанием дворянства. После того как городское сословие было совершенно выделено из государственной организации и сделалось государством в государстве (об этом ниже), остальное население уложилось в два резко разграниченных общественных контраста: всевластное дворянство и бесправное крестьянство. Под влиянием разнообразных условий, о которых здесь не место распространяться, права государства по отношению к крестьянину всецело переходят к помещику: не только права на всякого рода повинности, поступавшие прежде государству, но и функции публичного характера, как суд и административная власть. Крестьянство исключается из-под власти государственных чиновников, права которых переходят к помещикам; государственная подать ограничивается ничтожною платою двух грошей с лана обработанной земли *. Одновременно с этим шляхта почти вовсе освобождает себя от служебных обязанностей по отношению к государству, послуживших *raison d'être*¹⁰⁶ ее сословных привилегий. Сама власть правительства над ней, как и вообще правящая и исполнительная власть в Польше, ослабевает. Суд переходит к избираемым шляхтою судьям. Единственным не

* Лан заключает в себе 30 моргов или 20 десятин.

зависимым от нее органом являются на первых порах так наз. старосты — королевские чиновники, обладавшие полицейскими и судебными полномочиями и исполнительною властью: но с дальнейшим ослаблением правительственной власти и старосты превращаются в представителей шляхетского класса и его интересов*.

Развитие парламентаризма в XV в. дает шляхте голос и влияние в общественных вопросах, и в дальнейшем движении он, с одной стороны, ослабляет значение родовой и служебной аристократии, панов, сенаторов, с другой — подкапывает окончательную силу королевской власти. В результате этого процесса Польша к концу XVI в. окончательно формируется в шляхетское государство, монархию только по имени, где правит исключительно шляхетское сословие, прилагающее лишь к себе имя «народа» («народ шляхетский»). Узурпировав все права по отношению к прочим сословиям в своей среде, шляхта заботливо проводит принцип равенства (своеобразный «шляхетский демократизм») и направляет законодательство, общественное устройство и экономические отношения исключительно в интересах своего сословия.

В этом направлении, под непосредственным влиянием польского права и посредственным (через законодательство и практику Великого княжества Литовского), видоизменялся в XIV—XVII вв. строй украинских земель. Разнообразие общественных классов и групп, с их незаметными переходами при отсутствии резких сословных границ, отличавшее древнерусский общественный строй, заменяется резко отграниченными сословиями — привилегированным шляхетским и бесправным крестьянским. Город, бывший прежде центром жизни земли и ее представителем, исключается из земского строя и атрофируется. Самоуправляющаяся земля заменяется самоуправляющимся шля-

* Старосты сначала, в XIV в., появляются в качестве наместников короля в больших провинциях с весьма широкими полномочиями. Позже число их умножается, и они превращаются в обыкновенных административно-полицейских правителей небольших округов (поветов), на которые разделялись воеводства и земли, и притом становятся почти единственными представителями местного управления, так как более древние должности — воевод и каштелянов — превратились почти в простые титулы. Кроме того, позже, в XVII—XVIII вв., старостами называются также «державцы» больших коронных имений; державцы эти, по тогдашним понятиям, не были государственными чиновниками, а только арендаторами государственных имуществ (это так наз. «староства не судебные»). Этим старостам-державцам в их имениях принадлежала только обыкновенная патримониальная юрисдикция над крестьянами, мещанами и служилыми шляхтичами, какая принадлежала помещикам и державцам вообще. Вся Юго-Восточная Украина состояла из крупных староств этого последнего типа и больших помещичьих латифундий; она, таким образом, была фактически исключена из государственной организации и фактически подчинялась исключительно патримониальной юрисдикции помещиков и державцев. Обстоятельство немаловажное для понимания здешних отношений.

хетским классом *. Аномалии общественных отношений усугубляются еще тем, что привилегированным классом в украинских землях становятся все более и исключительнее поляки, а в положении непривилегированном, поработанном оказывается туземное, украинское население. Социальная несправедливость обостряется национальной рознью, сознанием национального гнета, подменяемым чувством совпадающего с ним гнета религиозного. Поляки и ополяченные туземцы захватывают в свои руки всю власть, всю силу, все доходы, все земли. Туземная Русь обращена в польских гелотов, в обнищалую, обобранную, презираемую массу польских слуг и чернорабочих; ее культура, религия, правовой и экономический быт доведены до полного упадка и унижения этим польским господством. Все это придает еще большую жгучесть неудовольствию обделенных слоев и групп туземного украинского населения и усиливает интенсивность последовавшей борьбы.

Таковы были главные черты общественного процесса, развивающегося в украинских землях В. кн. Литовского и Польши в XIV—XVII вв. Как сказано уже, в землях, принадлежавших к В. кн. Литовскому, этот процесс был отсрочен или замедлен. Но в большинстве случаев общественная эволюция В. кн. Литовского шла в направлении к польским порядкам частью более самостоятельным процессом, частью прямо воспринимая нормы польского права вследствие унии с Польшею.

Общественное устройство В. кн. Литовского исходило от права и общественного строя, выработанного Киевским государством. Но при всем уважении к ним литовского правительства и принципиальном консерватизме его этот старый общественный строй очень рано начинает подвергаться весьма существенным изменениям под влиянием государственного процесса, происходившего в самом Великом княжестве. Это государство с сильно выраженным военным характером, с широкими завоевательными планами, окруженное соперниками и врагами, всю энергию внутренней политики обращало на выработку возможно большей военной силы. Оставляя присоединяемым украинским и белорусским землям их старый строй и порядки, их автономию, оно ставило им одно существенное требование — чтобы все эти земли и все сословия их принимали возможно большее участие в военных предприятиях и тягостях государства. Последовательное проведение этого принципа — возможно широкого привле-

* В старом самоуправлении земли, которого особенно идеализировать тоже не следует, преобладали также правящие классы. Но это преобладание было только фактическое, в разных обстоятельствах далеко не одинаковое, и принципиальное право на участие в самоуправлении земли было достоянием всего свободного населения. Сами правящие классы не были так резко ограничены, не были такою наследственною кастою, как польская шляхта, и их преимущества не были санкционированы законом так определенно, как безграничные в своей исключительности права шляхетского сословия Польского государства.

чения населения к военной службе и возможно полного использования его в интересах военных сил государства — приводило к весьма существенным последствиям для правовых и общественных отношений. Основанием для военного обложения сделалась земля, землевладение, и в интересах военной службы последнее подвергается чрезвычайно сильной регламентации и контролю правительства, в результате приведшим в конце концов к ограничению самого права собственности и распоряжения недвижимыми имуществами. Правительство допускает последнее лишь в таком объеме и постольку, поскольку это согласуется с интересами военной службы, и собственником земель в сущности становится само государство.

Уже в XV в., как можно видеть из юридических документов, владение военнослужебного сословия имеет характер ограниченный, условный, говоря западноевропейскою средневековою терминологией — характер прекарный, и практика землевладения весьма близко напоминает западный феодализм *. Владелец может пользоваться своею землею только до тех пор пока в состоянии нести службу, связанную с этим владением; он может передать наследникам или произвести отчуждение своего имения только с ведома и разрешения правительства, следящего за тем, чтобы новый владелец был способным к службе. Эта практика переносится на все роды военнослужебного землевладения — будет ли то владение, данное правительством под условием службы, или унаследованное. То же воззрение переносится также и на землевладение не военнослужебное — крестьянское. Создается убеждение, что крестьянин сидит не на земле своей, а лишь пользуется государственною, под условием исправного отбывания связанных с ней повинностей в пользу государства или того лица, которому правительство переуступит права на крестьянские повинности взамен военной службы. «Своего ничего не маем, одно божье да государево», — так говорили даже сами крестьяне в XVI

* Вследствие этого сходства термины «феодализм», «феодальный» часто прилагаются к характеристике строя В. кн. Литовского, и даже существовала теория заимствования феодального права В. кн. Литовского с Запада. В действительности такого заимствования, конечно, не было; прекарные формы землевладения развились под влиянием потребностей государственной организации, как это явствует из параллелей в военнослужебном землевладении Московского государства и в менее ярких и скоропреходящих формах — также в землевладении западных украинских земель, находившихся под польским правом. Формы эти не создались сразу, вследствие какого-нибудь резкого перелома — по праву завоевания этих земель литовскими князьями, как допускали некоторые; перелома в отношениях земли литовская оккупация сама по себе вообще не создавала, как мы видели выше. Но и противники этих взглядов впадают в ошибку, принимая позднейшие прекарные формы за остатки старого, долитовского строя: наши источники не дают указаний на существование таких форм в строе Киевского государства, и в них мы имеем, несомненно, результат позднейшей эволюции.

веке. Какие огромные перемены в общественном строе производили такие воззрения в их применении на практике, увидим ниже.

Прежде всего остановимся на эволюции военнотруженических, привилегированных классов.

В присоединенных украинских и белорусских землях литовское правительство нашло известные нам общественные группы: княжеских военнотруженических людей, высшая категория которых носила имя бояр; земскую, землевладельческую аристократию, называвшуюся также боярами (эти две аристократии — служебная и земская, несомненно, местами слились очень тесно); затем мещан, крестьян-собственников и другие группы, которые нам пока не нужны.

Отметим прежде всего, что к верхним, аристократическим слоям эволюция В. кн. Литовского присоединяет еще один, самый верхний и аристократический — класс князей. Мы уже отчасти знаем этот класс и его происхождение. Это бывшие владельческие князья из старой династии и потомков Гедимина, а также несколько родов из других старых литовских династий, совершенно обрусевших. Со сплочением В. кн. Литовского и особенно после конфискации сильнейших княжеств в 1390-х годах они все более и более превращаются в крупных вотчинников. Правда, сильнейшие из них поддерживают еще некоторые старые традиции — пишутся «божьей милостью», поддерживают разные атрибуты государственной власти, но, вообще говоря, со времени Витовта это только аристократия, а отнюдь не государи; немногие исключения — как Свитригайло, Олельковичи киевские — не изменяют общей картины, да и им далеко до всей полноты государственной власти. Со времени Витовта вообще было употреблено много стараний для того, чтобы подорвать значение этого класса, а с упадком Свитригайла он окончательно теряет даже влияние на государственное (центральное) управление, которое переходит к аристократическим некняжеским литовским родам, собравшим огромные богатства в виде громадных латифундий. Вместе с некоторыми украинскими и белорусскими наиболее выдающимися боярскими родами эти литовские магнаты составляют, наряду с князьями, вторую категорию высшей аристократии В. кн. Литовского; ее состав выражается и в ее названии: «князья и паны» — так обыкновенно обозначаются они в законодательных и иных памятниках В. кн. Литовского.

Из украинских земель гнездом этой аристократии была Волынь, кишевшая княжескими родами, так что мелкого дворянства и государственных имений было здесь сравнительно мало. Она была вообще наиболее княжескою землею в В. кн. Литовском, между тем как литовские и белорусские земли бассейна Немана были гнездом панских родов менее многочисленных, но в общей сложности еще более богатых. На Волыни находились родовые гнезда князей Острожских, Сангушковых, Черторыйских, Дубровицких, Збаражских, Вишневецких, Порицких и Воронецких, Четвертинских, Жеславских, Корецких

и т. д. и несколько богатых панских родов, как Боговитины, Монтовты, Кирдеи, Загоровские, Семашки. Княжеские и панские роды Волыни, по сохранившейся переписи 1528 г., высылали около трех четвертей всего военного контингента, выставлявшегося Волынью, и только одна четверть приходилась на долю прочих землевладельцев. Наоборот, царством мелкой шляхты было Подляшье (в особенности северный — Бельский повет) и киевское Полесье, а в районе верхней Припяти — княжествах Кобринском и Пинском — рядом с мелким боярством (существовавшим и в других латифундиях) был развит также класс государственных крестьян, превратившихся в государственных с тех пор как эти княжества превратились в государственные, «господарские» волости с прекращением княжеских династий.

Княжеско-панская аристократия, владельцы больших имений пользовались разными фактическими и даже юридическими привилегиями — в сфере суда и административно-военного устройства. В их же руках сосредоточено было все управление: должности центрального управления распределялись в тесном кругу фамилий преимущественно литовской аристократии, должности местные — между аристократией данной земли (это даже было гарантировано правительством во многих уставных земских грамотах). Но с середины XVI в. мелкое дворянство выступает против преобладания аристократии; одновременно и правительство, следуя польскому устройству, проводит ряд реформ, поднимавших значение мелкого дворянства и уравнивавших последнее с князьями-панами. Однако фактического значения и преобладания аристократии все это, конечно, не уничтожило.

Сословие мелкого, рядового дворянства формировалось в Великом княжестве Литовском под влиянием польского строя. Приложение польских норм не обошлось, однако, без больших затруднений. Литовское правительство прилагало усилия к тому, чтобы привлечь к военной службе возможно большее число населения. Не только крупные и средние землевладельцы, но и мещане и более состоятельные крестьяне переводились «на боярскую службу», т. е. освобождались от всяких иных обязанностей и податей, взамен которых должны были по первому призыву власти являться в поход, на свой счет снаряжаясь и содержа себя во время похода.

В таких условиях этот класс военнослуживых людей, конечно, не мог отличаться большою устойчивостью: в него входили постоянно новые разнородные элементы и таким же образом выходили, когда военная служба становилась им несподручною: с боярской службы переводились на «службу тяглую» или облагались иными повинностями — по собственному желанию или по распоряжению властей, если последние находили данное лицо неспособным к отправлению «боярской» службы. Кроме того, класс лиц, несших боярскую службу, был связан с крестьянством разными посредствующими категориями — в виде так называемых слуг, несших военную службу в

несколько меньших размерах и исправляющих разные обязанности при замках, различных ремесленников, также привлекавшихся к военным походам, и т. д. Заключить эту обширную разношерстную массу в резко определенные границы, по образцу польской шляхты, было очень трудно.

Правительство сначала имело намерение по образцу Польши создать и в Литве юридически привилегированное сословие из литвинов-католиков и в этом направлении сделано было несколько попыток. Непосредственно после крещения Литвы в католичество, в 1387 г., Ягайло издал жалованную грамоту для бояр католического исповедания (следовательно, литовской народности), в которой признавал за ними различные привилегии, принадлежавшие шляхте польской. Эта первая попытка, правда, не имела большого значения, так как обещания этой первой жалованной грамоты не были исполнены в действительности: очевидно, правительственные круги спохватились, что распространение привилегий польской шляхты на всю многочисленную категорию бояр литовского происхождения нанесло бы слишком чувствительный удар государственному обложению. Поэтому последующий Городельский акт 1413 г. поставил другие, более тесные границы привилегированному сословию: чтобы пользоваться сословными привилегиями, ближе разъясненными этим актом, недостаточно было быть боярином-католиком, — нужно было сверх того иметь герб, что достигалось лишь пожалованием великим князем и принятием к своему гербу каким-нибудь польским шляхетским родом. Эти процедуры, однако, не привились вследствие уже одной своей сложности. Притом же оказалось, что при формировании такого привилегированного сословия невозможно обойти вовсе роды православные — белорусские и украинские. Поэтому постановления Городельского акта, как и грамоты 1387 г., в значительной степени остались мертвою буквою. Желая ослабить Свитригайла и отвлечь от него его православных партизанов, в 1432 г., непосредственно после избрания великим князем Сигизмунда, послы Ягайла подписали грамоту об уравнивании православной русской шляхты с литовскою в пользовании шляхетскими привилегиями. Неизвестно, была ли эта грамота утверждена Ягайлом и вошла ли в законную силу, но два года спустя великий князь Сигизмунд опубликовал грамоту — уже от себя — об уравнивании православных князей и бояр в шляхетских привилегиях с католиками; русины по этой грамоте получают право, с согласия польских шляхетских родов, усвоить себе гербы их, как и литвины *. Однако план формирования специально гербовой арис-

* Однако и эта грамота, точно так же, как и грамота 1432 г., не устанавливала полной равноправности русинов с литвинами; она не отменяла и, следовательно, оставляла в силе постановление Городельского акта о том, что только католики могут занимать государственные должности. Хотя это постановление не вполне соблюдалось, и православные князья и паны всегда занимали должности, главным образом в украинских и белорусских землях

тократии, так называемых «клеинодников», не привился, а позднейшие грамоты о гербах как атрибуте шляхетства уже не упоминают.

Вместе с тем, однако, пропадали всякие определенные рамки для новой привилегированной шляхты. Допустить же всю огромную и разношерстную массу землевладельческого сословия, несшего военную службу, до сословных привилегий, постепенно возраставших и расширявшихся по польскому образцу, правительство решительно стеснялось. Земский привилей 1447 г. освободил крестьян, сидевших на шляхетских землях, от юрисдикции государственных чиновников и подчинял их юрисдикции помещика. Практика XV в., закрепленная земскими привилеями украинских земель начала XVI в., давала важные прерогативы членам привилегированного сословия на суде — как право переносить свои тяжбы непосредственно в суд великого князя и судиться с участием членов своего сословия и т. п. Кодифицированное в Литовском статуте 1529 г. право Великого княжества Литовского очень настойчиво проводило принцип юридических преимуществ шляхтича, рассматривая проступки против него или его имущества как квалифицированные. Литовский статут в новой редакции 1566 г. имеет еще резче выраженные черты шляхетского кодекса, покровительствующего шляхетскому сословию, и кодифицирует весьма важные права, предоставленные последнему в сфере государственного и местного управления: обязательное участие шляхетских представителей в сеймах с правом решающего голоса, институты провинциальных шляхетских сеймиков и выборных шляхетских судов — учреждения, вполне приближавшие строй земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, к строю шляхетского Польского государства.

Жалую шляхетское сословие такими важными прерогативами, литовское правительство действительно имело причины озабочиваться точным установлением круга тех лиц, которые могли пользоваться этими прерогативами, и искало критерия для определения границ этого класса. Я не буду останавливаться на всех попытках его; укажу только то, что действительно получило впоследствии значение в процессе формирования шляхетского сословия.

Прежде всего: для утверждения в шляхетстве признавалась важным аргументом давность в пользовании боярскими правами. В первой половине XVI в. таким пределом признавалось правление Казимира (ум. 1492). Позже важным доказательством шляхетских прав стала упомянутая перепись обязанных военной службою бояр

(на должности по центральному управлению или связанные со столичными городами они попадали очень редко), но всё-таки постановление Городельского акта оставалось в силе, и о нем иногда вспоминали и применяли его на практике. Формально это постановление было отменено на сейме В. кн. Литовского 1563 г. Этот же сейм признал также и необязательность гербов для шляхтичей.

1528 г. — на нее ссылались как на свидетельство принадлежности к военному сословию. Наконец, произведенная в середине XVI в. (разновременно и в различных формах) ревизия государственных земель и прав на владение выяснила до известной степени наличный состав привилегированного землевладельческого сословия. Так одновременно с расширением привилегий дворянства перед 1569 г. более или менее определился и состав его.

Низшие категории боярства — малоземельные, захудавшие роды или бояре, несшие кроме военной службы разные другие натуральные повинности, остались вне привилегированного сословия, сохранив старое имя бояр. Вследствие слишком широкого своего объема это имя было признано непригодным для обозначения привилегированного сословия, и, оставшись в качестве обозначения для групп полупривилегированных, уже начиная со второй половины XV в. по отношению к классу привилегированному вытесняется другими, заимствованными из Польши названиями — «земян» и особенно «шляхты»¹⁰⁷.

Таким образом, к 1569 г. шляхетское сословие В. кн. Литовского очень близко подошло уже к своему образцу — шляхетскому сословию Польши. 1569 год завершил эту эволюцию в центральных украинских землях, принеся местному шляхетству окончательное уравнение с польскою шляхтою в двух чрезвычайно существенных пунктах: в эмансипации шляхетского землевладения от связывавших его ограничений и освобождении самой шляхты от военной службы и государственных повинностей, какие сохранились еще до тех пор.

Этим завершилась в украинских землях, принадлежавших к В. кн. Литовскому, эволюция шляхетского сословия, еще перед второй половиной XVI в., как было уже упомянуто, достигшего также и равноправности с княжеско-панским магнатским сословием. Гораздо быстрее совершился этот процесс в землях, присоединенных к Польше непосредственно уже в XIV и первой половине XV в.

Польское правительство, как мы уже знаем, не спешило вводить здесь польскую систему администрации и сословных отношений во всей полноте, хотя с появлением здесь массы привилегированных польских колонистов и переходом всей высшей администрации в руки поляков польское право и практика стали широко проникать в местные порядки и отношения сами собою, даже независимо от правительственных мер. Отчасти, может быть, ввиду исключительных условий, в которых стояли эти земли, отчасти просто в интересах управления и государственного фиска правительство не вводило даже в наиболее рано присоединенную Галицию шляхетского земского самоуправления, оставляло население в исключительной власти своих наместников — воевод и старост — и в подробностях администрации и суда сохраняло многое из старой, галицко-волынской практики. Местная шляхта, без различия происхождения и национальности, должна была нести военную службу в гораздо больших размерах,

чем те, какие существовали в польских землях; шляхетское землевладение подвергалось здесь разным ограничениям, неизвестным в польских землях и аналогичных тем, какие мы видим еще в более сильных и развитых формах в В. кн. Литовском.

Конечно, все это очень тяготило шляхту украинских провинций Польши, особенно шляхту польскую, пришедшую из польских провинций. В своих сословных интересах, без различия национальности, местные землевладельцы были заинтересованы в полном уравнивании этих провинций с чисто польскими и хлопотали перед правительством в таком направлении. Ягайло дал было обещания в этом смысле, но окончательное уравнивание украинских провинций Польши с провинциями польскими провозглашено было только новым королем Владиславом в 1434 г. Шляхта освобождалась теперь от местных повинностей, а в управлении и суде вводились польские порядки. В действительности они и теперь еще не были введены сразу в полном объеме; но во всяком случае во второй половине XV в. Галиция, Подолье и Белзская земля уже вполне организуются на польский лад, местная шляхта усваивает польские права и порядки и одновременно в значительной степени полонизируется.

Туземный, украинский элемент оказался здесь в совершенно иных условиях, чем украинские провинции Великого княжества Литовского *. Эти последние долго оставались почти совершенно не затронутыми в своих внутренних отношениях; сюда почти не проникали чуждые им в культурном и национальном отношении элементы; управление осталось в руках местной аристократии; местное право и культура пользовались полным уважением власти, а Русь имела всякое основание считать себя стоящей в культурном и правовом развитии выше, чем правящая национальность. И даже позднейшие реформы в духе польского права, вплоть до присоединения украинских земель к Польше, не наносят непосредственного ущерба украинской национальности ¹⁰⁸: местная украинская жизнь перестраивается на польский лад, не переставая еще быть украинской; сформированное по образцу польской шляхты шляхетское сословие, как и старая аристократия, не разрывает своей связи со своей национальностью, остается украинским.

Совершенно иначе было с западными украинскими землями. Они вошли в состав государства довольно все-таки почтенной давности, с выработанным строем и порядками, которое поэтому не имело поводов относиться с особенным почтением к побежденной национальности. Вся высшая администрация новых провинций с самого же начала сосредоточивается в руках чужеземцев, главным образом поляков, склонных смотреть на местное право и культуру как на нечто низшее, хотя бы без всякого другого основания, кроме того что это-

* За исключением Подляшья, которое очутилось во многих отношениях в условиях, аналогичных с положением украинских провинций Польши.

были покоренные провинции, право и культура которых им не импортировали, как Литве. Точно так же относились к местному украинскому элементу иноземная, главным образом польская, шляхта и немецко-польское мещанство, в большом количестве привлеченное польским правительством в эти провинции. Эта колонизация вместе с польской администрацией вносила в местные отношения польские воззрения, польское право, и благодаря этому последнее, еще прежде чем было введено формально, стало фактически господствующим. Перспектива освобождения от тяжелых государственных повинностей и сильной власти правительственной администрации делала введение польского права и польского строя весьма симпатичным и желательным даже для украинских землевладельцев края. Сословные интересы, таким образом, заставляют их сближаться с поляками-пришельцами и спланиваться с ними в одну классовую группу. Нужно, впрочем, иметь в виду, что эти украинские землевладельцы — потомки старых боярских родов — были разрежены и ослаблены политическими конфискациями и отобранием таких земель, на которые владельцы не могли доказать своих прав документально (*nullo jure possessores*); отобранные земли на основании королевских пожалований переходили обыкновенно в руки пришлых элементов, и украинские элементы в землевладельческом сословии были таким образом ослаблены очень рано, и это также весьма существенным образом затруднило сплочение украинского боярства в особую и сильную группу.

Благодаря указанным обстоятельствам, прежде чем национальные интересы успели сплотить остатки украинского владельческого сословия, оно уже увидело себя залитым польскою шляхетскою колонизациею, отесненным от власти, от влияния в шляхетском самоуправлении. Вместе с сознанием своего бессилия оно постепенно подпадает и культурному влиянию польского элемента, усваяя воззрение поляков на украинский элемент и украинскую культуру как на нечто низшее в сравнении с польскою и денационализируясь в весьма сильной степени.

Полный упадок украинского элемента под влиянием этих условий в Западной Украине обозначился вполне ясно уже в первой половине XV в. Во второй половине исчезают остатки старого строя, самая память о нем. Большинство старого украинского боярства — все, что было в нем более богатого, влиятельного, принятого в польскую среду, — тонет и растворяется в ней. Остатки украинской шляхты остаются в таком меньшинстве, что с ними вовсе перестают считаться. Украинскую национальность — и то в виде темного стихийного чувства или сознания религиозной обособленности — сохраняют лишь крестьяне, мелкое мещанство и православное духовенство — сословия, не имевшие голоса ни в государственной жизни, ни в местном управлении. Единственным ведь признанным представителем земли служит шляхта, а она приобрела уже яркую и довольно цельную польскую окраску. Украинское население живет в украинских про-

винциях Польши только как этнографическая масса, а не нация, и православная «русская» церковь остается единственным институтом, носящим национальную форму. Это совершенно ясно выступает уже в XVI в., даже в начале его. «Нет Руси, есть только попы и хлопы» — могли бы сказать «обыватели» (т. е. шляхтичи) «Русского воеводства» в XVI в., когда говорили потом в XIX.

1569 год широко отворил двери из западных воеводств в центральные украинские земли этой польской шляхте, которая, сидя на украинской земле и живя трудом украинского крестьянина, привыкла в то же время игнорировать все туземное, смотреть на украинский народ как на гелотов польской народности, на его язык, культуру, традиции, право — как на нечто неизмеримо низшее сравнительно с польским, так что всему туземному, хотя несколько поднимавшемуся над общим жалким уровнем, по ее искреннему убеждению, была одна дорога — самоскорейшего перехода в польский лагерь, перечисления в польскую национальность. Бесконечную вереницею потянулись эти носители польской национальности на Волынь, в Киевщину и за Днепр, захватывая должности, основываясь на выпрошенных от правительства пустых или отобранных от «бесправных» владельцев земель, на полученных за женами в приданое имениях, на огромных коронных землях, раздававшихся им в пожизненное владение, и культивировали с наивным высокомерием людей «высшей расы» презрительное понятие обо всем туземном, вытесняя его и заменяя правом, культурой и бытом польским.

Одновременно с этим польским потоком, имевшим чрезвычайно важное значение в процессе ополячения центральных украинских земель, высшие слои украинского общества новоприсоединенных к Польше (в 1569 г.) провинций в силу своей непосредственной принадлежности к Польскому государству приходят тоже в соприкосновение с польским обществом, польским правом и культурой. Это право, уже раньше имевшее притягательную силу для шляхты В. кн. Литовского благодаря своим заманчивым шляхетским привилегиям и служившее образцом для реформ в В. кн. Литовском уже перед унием, и эта культура, находившаяся как раз в периоде своего расцвета и, как и право, — шляхетская *rag exellence*, — подчиняют своему влиянию украинскую шляхту новоприсоединенных провинций очень быстро. Это ведь был золотой век польской литературы, золотой век польской общественности, золотой век парламентаризма, и все это носило печать шляхетских стремлений, шляхетской программы, шляхетских интересов. Развитие польской литературы во второй половине XVI в. стояло в тесной связи с развитием общественной жизни и в частности — общественным движением среди шляхты, создающей для себя в это время первую роль в современной политике Польши. Понятно обаяние, какое имели польская общественная жизнь и литература для украинской шляхты, льнувшей к польским порядкам в силу своих сословных, шляхетских интересов и введенной в круг

польской жизни как раз в момент ее апогея. Я упоминал уже, что гарантированное центральным украинским землям право Литовского статута само собою очень скоро вышло из употребления, заменившись правом польским. Высший судебный трибунал, организованный для украинских земель, очень скоро прекратил сам собою свое существование. Организация и право полонизируются вполне. Повторяется тот же процесс распыления высших украинских классов, имевший место пред тем в Западной Украине. Весь строй жизни и отношения высших сословий украинских земель денационализуются быстро и глубоко: в первой четверти XVII в. мы видим этот процесс уже в полном развитии.

ХII

КРЕСТЬЯНСТВО

Оборотную стороною процесса формирования шляхетского сословия и его привилегий была эволюция крестьянского сословия на Украине — народной массы, за счет прав которой и создавались главным образом привилегии шляхетского сословия.

Мы знаем, как представлялась эта народная масса в эпоху Киевского государства. Основное ядро населения состояло из свободного и экономически независимого крестьянства, но в сильной степени истощалось неблагоприятными экономическими условиями; за ним следуют категории свободных, но экономически зависимых безземельных, и несвободных, возрастающие за счет класса крестьян-собственников. Оскудение сословия крестьян-собственников и развитие за их счет, с одной стороны, категорий безземельных и несвободных, с другой — боярского землевладения, распоряжавшегося трудом несвободных и безземельных, характеризуют эволюцию крестьянского сословия в XII—XIII вв. Дальнейшая судьба крестьянства, в XIV—XVI вв., сводится к последующим главным моментам. Несвободные исчезают постепенно, переходя преимущественно в категории безземельных, зависимых крестьян. С другой стороны, положение крестьян-собственников понижается до уровня тех же безземельных, экономически зависимых категорий; их личная свобода, гражданские и имущественные права подвергаются ряду ограничений, и рядом с прежними даяниями развивается издельная, барщинная повинность. Одновременно из фискальных мотивов проводится строгая регламентация крестьянского землевладения и хозяйственных отношений, разрушающая прежние формы крестьянского хозяйства, более сложные экономические единицы и низводящая их к минимальным дворам-хозяйствам, причем развитие господских запашек, фольварочного хозяйства все более уменьшает

величину крестьянского участка и создает чрезвычайно тяжелые формы эксплуатации крестьянского труда.

Начнем с несвободных. Когда после долгого перерыва мы получаем в середине XV в. довольно значительный документальный материал, в украинских землях Польши несвободных уже нет: юридически они не существуют, а фактически встречаются только в виде редких исключений. В землях Великого княжества Литовского такие остатки несвободного состояния существуют дольше, не только в XV, но и XIV в. (так наз. «паробки», «челядь невольная» или просто «челядь»); право вполне признает их существование и лишь постепенно ограничивает источники рабства. Но жизнь шла впереди законодательства, и XVI в. для земель В. кн. Литовского является временем вымирания рабства на практике; только в виде исключений встречаем мы группы рабов на больших фольварках в половине XVI в. в виде дворовых работников, иногда ведущих собственное и небольшое хозяйство на господской земле; в это время при нормировании участков они переводятся обыкновенно на крестьянские участки, в категорию тяглых крестьян. Наконец, Литовский статут 1588 г., уничтожив все иные категории рабов, кроме взятых на войне невольников, предписывает перевести рабов других категорий, равно и детей полоненников, на крестьянские участки и считать их за крестьян-отчичей (крепких земле).

Это постановление, как и вообще практиковавшийся в продолжение XVI в. перевод остатков рабов на крестьянские участки, в категорию тяглых крестьян, объясняют нам ретроспективно, как исчез этот, некогда так многочисленный класс несвободных: он перешел в категорию крестьян, сидевших на господских землях. Следы прежнего рабского состояния сохранялись иногда в специальных ограничениях прав, в особом положении и именах этих переведенных (как, напр., люди каланые, «несвободные» слуги, *servi illiberi* разных наименований); но еще чаще они бесследно смешиваются с остальной массой крестьянства. Однако этот переход многочисленного класса несвободных в категорию безземельных крестьян, сидевших на господских землях, не проходит без последствий. Он — позволю себе так выразиться — отравляет рабскими атрибутами своего юридического и экономического положения упомянутую категорию крестьянства, а по мере того как исчезала граница между свободными и экономически независимыми крестьянами-собственниками и крестьянами безземельными, сидевшими на господских землях, атрибуты несвободного и экономически зависимого состояния несвободных и безземельных * переносятся и на эту свободную массу крестьян-собственников.

* Положение безземельных и экономически зависимых крестьян разных категорий, работавших на господских землях, имело так много аналогий с положением несвободных польских батраков, что в разных ограничениях, перешедших от них потом к крестьянству свободное и экономически не-

В XVI в. в более чистом виде это первоначальное свободное крестьянство сохранилось только местами — именно там, где не было усиленной земледельческой культуры, фольварочного хозяйства, господских запашек, — в Полесье пинском и волынском, в Киевской земле и за Днестром (там, где существовала оседлая колонизация). Здесь повинности ограничивались данями, весьма, впрочем, значительными; издельных работ не существовало, кроме городских и самое большее — «толок», т. е. некоторого участия в полевых работах княжеских и господских дворов, где последние существовали; личные и имущественные права крестьян вообще не подвергались значительным ограничениям. Наоборот, в местностях с более значительною земледельческою культурою все более и более распространялась и возрастала барщина, «панщина» и в зависимости от этого — тип крестьян «рабочих», «тяглых», обремененных работою и всячески ограниченных в своих прежних правах.

Зародыш «рабочих» людей следует видеть в прежних несвободных — холопах и паробках, переведенных на крестьянские участки и обязанных постоянною работою при господском хозяйстве. Особенно крестьяне малоземельные, хозяйничавшие не на полных участках, а на огородах или небольших полевых участках (так наз. загородники, огородники, коморники), стоят в ближайшей типологической связи с такими паробками, поселенными на небольших участках господской земли и работающими на господском дворе. Но со временем это обложение панщиною обнимает все более и более широкий круг свободного крестьянства. В Великом княжестве Литовском широко практикуемая раздача крестьянских земель (т. е., собственно, переуступка государством прав на крестьянские дани и повинности лицам боярского звания, взамен боярской службы, которую обязан был нести за эти пожалования новый владелец) этих крестьян стирает разницу между крестьянами свободными и панскими, сидящими на господских землях. Вследствие этого приемы частного помещичьего хозяйства, с панщиною и усиленною регламентациею хозяйственных и всяких иных отношений села, в конце концов начинают прилагаться и к крестьянам, оставшимся на землях, не попавших в частные руки, а управляемых непосредственно государственною властью (совершенно последовательно проводит этот принцип «Устав на волоки» 1557 г.). В землях же, вошедших в состав Польши, на украинское крестьянство были непосредственно перенесены порядки, выработавшиеся в селах собственно Польши XIV—XV вв.

XIV—XV вв. в Польше были эпохой чрезвычайного распространения немецкого права в городских и сельских общинах. Оно перво-

зависимое, почти невозможно отличить то, что было пережитком несвободного или полусвободного состояния. Говоря ниже об этом наследстве несвободных, я буду подразумевать одновременно и возможные пережитки полусвободного состояния.

начально было применено в широких размерах после опустошений, произведенных татарами в XIII в.: для заселения опустошенных местностей призывались немецкие колонисты, а для их привлечения эти поселки организовались по образцу только что достигнувших самоуправления немецких городских общин, главным образом саксонских, почему право называется, по имени их метрополии, Магдебургским, или «Майборским». Общины изъеются из-под власти всех государственных чиновников, права которых переносятся на организатора колоний — «войта» (Vogt, advocatus), управляющего поселком при участии выбранных им представителей, а все отношения последнего к государству ограничиваются платою точно установленного в фундаментальной грамоте и неизменного «чинша» (census) с определенной меры земли, так наз. «лана» (laneus), заключающего в себе 30 моргов, около 20 десятин.

Эти меры действительно привлекали в Польшу значительные массы немецких колонистов, а денежный поход, который давали чинши (очень ценный при тогдашнем господстве натурального хозяйства и редкости денег), так приходится по вкусу правительству и частным владельцам, что на немецком праве начинают основываться городские и сельские общины уже в местах заселенных, и даже существовавшие уже городские и сельские поселения переводятся на это право, т. е. реорганизуются по этому типу. В XIV—XV вв. немецкое право совершенно перестраивает сельские отношения в собственно Польше, а с присоединением украинских земель оно и здесь широко распространяется правительством и частными владельцами.

Несмотря на свои, по-видимому, либеральные тенденции (широкое самоуправление, регламентация отношений писанным договором), немецкое право в своей дальнейшей практике имело вовсе не благоприятные последствия для крестьянства. Изъятие общин из-под власти правительственных чиновников привело в конце концов только к тому, что они оказались в полной, бесконтрольной и безграничной власти помещика; из самоуправления ничего не осталось, а должности наследственных войтов были скуплены помещиками или иными способами уничтожены и лишены значения. Между тем этой реорганизацией разорвана была старая традиция, практика, дотоле охранявшая до некоторой степени права крестьян, а фундаментальные грамоты оказались гарантиями очень слабыми, и помещики и правительство вовсе не считали нужным строго их придерживаться, особенно по отношению к сельским поселениям. С концом XV в. система чиншей в поселках немецкого права уступает место усиленному обложению работой, «панщиной», которая и распространяется одинаково и в селах немецкого права, и так наз. «права русского», т. е. не организованных непосредственно по типу немецкого права, а подвергавшихся воздействию той смеси польских порядков с формами немецкого права, какую выработала за эти столетия практика Польши и теперь переносила в украинские земли.

Причина развития барщины лежала в усиленном распространении фольварочного хозяйства, господских запашек с конца XV в. Это было время всеобщего развития земледельческого хозяйства в Северной Европе, вызванного экономическим переворотом — развитием морской торговли, упадком цены денег, оживлением оборота капиталов. Совершенствуются способы агрикультуры, развивается интенсивное хозяйство, и под влиянием этих условий чрезвычайно расширяется площадь господских запашек. Участвуя в общем экономическом движении, Польша находилась под влиянием еще и специальных условий, содействовавших оживлению хлебной торговли, а следовательно и усиленному распространению помещичьего хозяйства. В 1466 г. она приобрела собственный морской порт в Данциге (Гданске), и это оживило ее вывозную торговлю. Шляхта, которая в это именно время приобретает решающий голос во внутренней политике и законодательстве, проводит ряд законов, направленных к облегчению вывоза продуктов своего хозяйства: отменяются пошлины на предметы шляхетского хозяйства, облегчаются торговля и движение по сухопутным дорогам и т. д. Это сказалось развитием вывоза в балтийские порты (преимущественно в Данциг) продуктов сельского хозяйства — лесных товаров, волокна и особенно хлеба. Цены на хлеб быстро растут: в 1514 г. корец ржи стоил 65 грошей, в 1564 г. — 186 грошей, между тем ценность монеты уменьшилась за это время только в 1,5 раза, следовательно, цена хлеба возросла за эти пятьдесят лет вдвое. Потребность в рабочих руках приводит к чрезвычайному развитию барщины, и благодаря изъятию крестьян из-под правительственной власти и юрисдикции помещики без затруднений облагают крестьян усиленными работами.

Все это приводит к чрезвычайному оживлению фольварочного, господского хозяйства в землях Польши, а затем и В.кн. Литовского. Расширяются запашки: отчасти путем обработки новых пространств, но гораздо более — посредством принудительного отчуждения земли из крестьянских рук в форме покупки или перевода крестьян на новые, уменьшенные участки; увеличивается площадь господских земель. Число фольварков возрастает чрезвычайно быстро. Прежде существовали на Украине целые волости, большие группы сел без единого фольварка, а там, где последние существовали, главным назначением их, как и всего вообще господского хозяйства, служило производство для собственного потребления — прокормления господской семьи, слуг и инвентаря. Теперь сельское хозяйство имеет в виду заграничный вывоз, а фольварки основываются везде, где скопляется мало-мальски значительное число крестьянских рук. Все господское хозяйство ведется крестьянским крепостным трудом, и возрастание этого хозяйства происходит ценою прогрессивного увеличения панщины, барщинных работ.

В XV в. в Галиции, где эти перемены скорее и сильнее давали себя чувствовать сравнительно с остальными украинскими землями,

еще очень часто встречаем весьма небольшую панщину, по несколько дней в год; но замечаем уже и еженедельную — по одному дню в неделю. В конце XV в. панщина начинает сильно возрастать. Шляхта Холмской земли на своем сеймике 1477 г. постановила, что, кроме денежного чинша и хлебной дани, крестьянин, занимающий лан земли, отныне должен во всех имениях работать не менее одного дня в неделю для своего помещика и, кроме того, исполнять целый ряд дополнительных работ, в общей сложности дающих около двух дней в месяц, и столько раз приходить «на толоку» (работу на господских харчах), сколько пожелает помещик. На сеймах 1519 и 1520 гг. шляхте удастся провести уже для всего государства, не только относительно помещичьих, но также государственных и духовных земель, постановление, что крестьяне должны работать на владельца *minimum* один день в неделю, и что от этого постановления могут быть свободны только те из крестьян, которые докажут письменным документом, что панщина была у них переведена на деньги. Если это постановление не было проведено в таком виде повсеместно, то, с другой стороны, в действительности, как на это намекают сами сеймовые постановления, панщина давно уже перешагнула указанную норму, и продолжительность ее увеличивалась все более и более. В половине XVI в., как видно из правительственных распоряжений, в коронных (государственных) землях нормально, правильнее сказать — минимально панщиною считалась двудневная панщина с лана: в 1570 г. правительственные ревизоры в тех селах, где панщина не дошла еще до этой высоты, вводили двудневную панщину, совершенно не считаясь с фундационными грамотами и всякими привилегиями. Но очень часто встречается уже трехдневная работа в неделю и даже ежедневная, с тем лишь ограничением, что в последнем случае крестьянин работал на помещика не целый день. При этом, с дроблением крестьянских участков параллельно с возрастанием господских запашек, двудневная или трехдневная панщина считается уже не с лана, а с хозяйств полулановых или еще более мелких. И вдобавок одновременно с возрастанием панщины и раздроблением хозяйств дани и чинши не только не уменьшаются, но также обнаруживают тенденцию к возрастанию.

В общем, вторая половина XVI в. была временем чрезвычайного и резкого роста панщины в Западной Украине. Актовые книги Галиции переполнены жалобами государственных (королевских) крестьян на отягощение их работами вопреки прежним порядкам и документам *. Правительство, однако, оказывало жалобщикам очень слабую поддержку: референдарский суд, ведавший эти дела, был слишком тяжелой машиной, да и решения его, точно так же, как и королевские распоряжения, запрещающие старостам и державцам

* Крестьяне помещичьи не имели права приносить жалоб на своих помещиков, и никакая инстанция не имела права их принимать.

отягощать крестьян, очень плохо исполнялись. В украинских же землях, более удаленных от правительственных центров, крестьяне даже и не пробовали искать защиты у правительства, хотя и здесь — более медленно и с большими колебаниями в связи с местными условиями — развивался тот же процесс роста панщинных работ (двудневную панщину с лана ввел в государственных имуществвах В. кн. Литовского уже «Устав на волоки» 1557 г.).

Параллельно с этим превращением крестьянина в рабочую силу помещика и в значительной зависимости от тех же экономических факторов, которые приводили к развитию панщины, происходило ограничение личных и имущественных прав крестьян, доканчивавшее их обращение в своего рода помещичий инвентарь. Здесь можно указать три главных момента: а) изъятие крестьян из-под власти государственных властей и подчинение полной и безапелляционной власти и юрисдикции помещика; б) ограничение личной свободы и права передвижения; в) ограничение или полное уничтожение права крестьянина на землю.

В Польше изъятие помещичьих крестьян из-под правительственной власти и юрисдикции государственных органов было уже совершившимся фактом в то время, когда польское право начало распространяться в западных украинских землях. Этому изъятию поспособствовало распространение немецкого права с его иммунитетом; в продолжение XIV в. оно осуществлялось путем частных привилегий и затем перешло в общую практику, обобщенную законодательством 1457 г. В землях, не принадлежавших В. кн. Литовскому, оно было установлено жалованною грамотою Казимира 1449 г. Завершил же это изъятие и подчинение крестьянина полной и бесконтрольной власти помещика принцип, провозглашенный в польской правительственной практике уже в первой половине XVI в., — что государственные суды не могут принимать жалоб крестьян на своего помещика и что в их отношения не может вмешиваться никакая власть, ниже сам король. Этот принцип был усвоен также практикою В. кн. Литовского, и право жалобы сохранилось только за государственными крестьянами по отношению к управителям и держателям государственных имений. Но, как я уже упомянул, референдарский суд, ведавший подобные дела, был организован крайне бюрократично, и обращение к этой инстанции было для крестьян связано с такими трудностями, что предоставленное им право жалоб существенной пользы им не приносило, а крестьянство центральных и восточных украинских земель и вовсе им не пользовалось.

Ограничение личной свободы крестьян стояло также, с одной стороны, в тесной связи с развитием барщины, с другой — с вопросом о праве крестьянина на землю. В Польше, где крестьянин считался вообще сидящим на господской земле, допускалась значительная свобода передвижения; законодательством Казимира Великого, в половине XIV в., передвижение было значительно ограничено, но

еще не уничтожено. В западных украинских землях шляхта в XV в. допускает передвижение крестьян, но под своим контролем и, так сказать, в своей антрепризе: крестьянин выходит не сам, а его выводит помещик того имения, куда крестьянин имеет намерение перейти; он же рассчитывается за своего нового «подданного» с его прежним помещиком по всяким обязательствам. Так сочетала шляхта интересы колонизации и владения: крестьянин может передвигаться только в той же сфере шляхетских имений. Чтобы выйти из нее, крестьянину не было другой дороги, кроме бегства, и последнее практикуется очень широко.

С концом XV в. развитие панщины ведет к еще большим ограничениям крестьянских передвижений, и к этой общей тенденции польской шляхты присоединяется теперь и шляхта западных украинских земель. До сих пор регулировался выход только крестьян-хозяев; младшими членами крестьянских семейств законодательство не занималось. С распространением барщины помещику стало выгоднее переводить их на мелкие участки, облагая панщиною и не выпуская из села. Сейм 1496 г. постановил, что крестьянские сыновья могут выходить из села в ограниченном числе и не иначе как с согласия помещика; из хозяев не может выйти из села больше одного в год. Сейм же 1505 г. вообще обусловил всякий выход крестьянина из села разрешением, «доброю волею» (*bona voluntate*) помещика, другими словами — упразднил вовсе право выхода.

В этом же направлении, хотя и иными дорогами — не путем законодательства, а практики — слагались отношения и в землях В. кн. Литовского. Уже в актах XV в. рядом с людьми «вольными», «похожими» (от «ходит»), «незаседлыми» мы встречаем здесь так наз. «отчичей», или людей «неотхожих». Первые, пока не «заседели» своей свободой, могут выйти из имения с движимым своим имуществом, оставив свою усадьбу и землю; вторые — этого права не имеют. Несомненно, что это различие имело своею исходною точкою двойное происхождение крестьян: свободное и несвободное. Невольная челядь, посаженная «на собственном хлебе», «за двором», послужила первым контингентом закрепощенных, и мы встречаем целый ряд групп крестьян различных наименований, крепких земле и ведущих свое начало от таких несвободных. Но они вместе с тем послужили образцом для закрепощения свободных, и здесь, несомненно, вне влияния польских порядков, сыграли важную роль права крестьянина на землю.

Пока права крестьянина на землю признавались, свободный выход крестьян, сидевших на собственных землях, создавал чрезвычайные трудности для владельцев, получавших от правительства этих крестьян и их земли как источник доходов взамен военной службы. Поэтому правительство в интересах служилого землевладения всячески ограничивает право передвижения крестьян-собственников. А так как граница между крестьянами, сидевшими на собственных землях,

и крестьянами, поселенными на землях господских, в это время уже сгладилась, то в конце концов были закрепощены и те, и другие *. И как давность владения и сумма труда, вложенного в землю, создавали права крестьянина на землю, так давность стала критерием его закрепощения; термин «отчич», указывавший, собственно, на наследственные права крестьянина на данный участок земли, превратился в термин для обозначения крестьянина, «заседевшего» в продолжение нескольких поколений и потому потерявшего право выхода. Для такого крестьянина законодательство В. кн. Литовского, уже в Литовском статуте 1529 г., не делает различия от «челядина» и совершенно не вмешивается в его отношения к «господину».

Таким образом, практика Великого княжества Литовского и здесь встретила с практикою и законодательством Польши. То же видим и в вопросе о правах крестьянина на землю.

На этом пункте была значительная разница, даже полный контраст между обычным правом украинских земель и современным правом польским: первое знало крестьянина-собственника, второе — крестьянина, пользующегося господскою или княжескою землею. Эти воззрения встретились в западных украинских землях, и если практика делала уступки обычному праву туземцев, и мы не только из времен *juris ruthenicalis*, но и позже, в XV—XVI вв., имеем довольно много документов, где крестьяне свободно распоряжаются своими землями,— то *de jure* за крестьянами признавалось только владение, а не собственность, и в случае надобности их земли бесцеремонно отчуждались, отбирались и т. п. Особенно в период распространения господских запашек, фольварочного хозяйства принудительное отчуждение широко практиковалось — с согласия правительства в государственных землях, волею помещика — в частных. Это вызывало, конечно, чрезвычайное озлобление и развитие побегов среди крестьян, которые не могли расстаться с воззрением на разработанную ими землю как на полную свою собственность; даже принимая в новопоселяемых селах участки для разработки, крестьяне затем, разработав их, считали своею собственностью, к удивлению королевских ревизоров, встречавшихся с такими странными в их глазах притязаниями во время ревизий.

Так было в украинских провинциях Польши. В землях В. кн. Литовского, с одной стороны, права крестьян на землю были подкопаны отмеченным уже прекарным характером землевладения вообще, с другой стороны — тем обстоятельством, что раздачами населенных земель стерта была граница между крестьянами-своезем-

* Подобную проблему правительству предстояло решить и относительно бояр и вообще служилых людей, земли которых, путем пожалования, переходили в состав княжеских или панских владений. Но в этом случае она была решена иначе: за боярином оставлено [право] отказаться от службы новому владельцу, но в таком случае он утрачивал право на свою землю, переходившую в распоряжение владельца.

цами и безземельными, сидевшими на господских землях. Крестьяне, правда, твердо сознают свои права, и практика допускает за ними право распоряжения землями; но законодательство постепенно вырабатывает весьма суровый взгляд на крестьянское владение. С полной определенностью это выступает в документах половины XVI в., может быть, не без влияния польского права в своей окончательной формулировке. «Кмет и вся его маетность наша есть», — говорит устав 1557 г. Литовский статут 1566 г. признает за крестьянином только право на движимую собственность, и то с ограничениями, а продажные сделки допускает только между крестьянами одного и того же имения.

Таким образом, параллельно с ограничением личной свободы ограничены были самым решительным образом и имущественные права крестьянства.

Этот процесс закрепощения крестьянина, лишения прав и превращения в рабочий инвентарь помещика развивался в продолжение XVI в. из украинских земель главным образом в землях западных, и в бужско-припятском Полесье. Поднепровье, до 1569 г. недоступное польской шляхте да и непривлекательное для шляхетского сословия благодаря своим специальным колонизационным условиям (о них ниже), этим процессом до самого конца XVI в. было весьма мало затронуто. Только с улучшением колонизационных условий в конце XVI в. начинается движение из соседних провинций крупных землевладельцев, приобретающих в Поднепровье разным путем огромные имения в чаянии грядущего заселения. 1569 год открыл сюда дорогу польской шляхте, с жадностью бросившейся на здешние плодородные пространства, выпрашивая у правительства грамоты на земли «пустые» (т. е. не имевшие владельца с королевскою грамотою, хотя бы и заселенные) и пожизненные «державы», устраивая здесь фольварки и пересаживая сюда приемы барщинного хозяйства, эксплуатации крестьянина и все те понятия о бесправии крестьянина, развитие которых мы только что представили.

Но насаждение здесь шляхетской культуры нелегко дается. Местное крестьянство, составившееся из беглецов, бросивших насиженные места и ушедших в эти пустынные пространства, под татарскую стрелу и аркан для того, чтобы избавиться от крепостных пут, среди тревожной и трудной жизни выработало в себе независимость и отвагу. Крайне враждебно встречало оно всякий намек на крепостные порядки, грозило бегством, объявляло себя казаками, и все усилия сломить это противодействие только приготавливали горячий материал для народных движений.

Здесь складывалась социальная основа народных движений XVII в. — между тем как окраска национальной борьбы, усвоенная ими, ведет свое начало прежде всего из отношений городских. Город был первым очагом национальной борьбы, слившейся затем с массовым социальным движением крестьянства.

ХІІІ

ГОРОДА. РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ XVI—XVII вв.

В жизни украинских городов воздействие польских порядков выразилось в преобразовании их по типу саксонских общин Магдебургского права. Правда, начатки такой организации, в особенности по отношению к немецким колониям, мы встречаем в Галицко-Волынском государстве еще перед польскою оккупациею ¹⁰⁹. Но только в эпоху польского господства начинается систематическое преобразование старых городских общин и основание новых по Магдебургскому праву — отчасти под влиянием упомянутого уже увлечения этими немецкими формами, отчасти из политических видов, чтобы этим путем ввести в городское (и даже сельское) население украинских земель иноплеменные, приверженные к польскому господству колонии. В начале XV в. все более значительные города Галиции и целый ряд второстепенных городов, местечек и даже сел имели уже немецкое устройство. Затем, из тех же политических мотивов и под влиянием польских порядков, хотя и гораздо медленнее, оно распространяется также и в землях В. кн. Литовского: в начале XV в. в Побужье, в XV—XVI вв. на Волыни, а в землях Киевской и Браславской — главным образом уже после 1569 г.

Эта реорганизация по немецкому праву производила коренной переворот в жизни города. Старый украинский город (как вообще города в старом славянском быту) был тесно связан с землею; можно было сказать: город — это земля; он был ядром, где более плотно группировались те же общественные клеточки, из которых состоял и организм земли. В Германии же городской быт организовался в форме иммунитета, исключения из общеземского строя, и этот институт усвоился теперь украинским городом. Связь города с землею, с общим государственным устройством совершенно разрывалась этим городским иммунитетом: каждый город существовал сам по себе как маленькое государство, даже без связи с другими городами.

Для самого города исключение его из общеземской организации приводило лишь к самым печальным результатам. Обособленные, лишенные взаимной связи городские общины, за исключением нескольких наиболее сильных, попали в полную зависимость от старост или помещиков, и скоро от их независимости остался пустой звук. Таким же пустым звуком оказалось самоуправление, муниципальная свобода, так как все, что оставалось свободным от вмешательства местной администрации (старост) или помещиков, оказывалось или во власти наследственного войта, или тесного кружка мещанских фамилий, державших в своих руках выборные должности. Выборные коллегии райцев (*consules*, административный совет) и лавников (*scabini* — судебная коллегия) часто превращались в их руках в по-

жизненные, замкнутые корпорации, пополнявшиеся посредством кооптации. Наконец, отстраненные от участия в парламентарной жизни и законодательстве государства, подпав законодательной власти шляхетского сословия, города подвергаются целому ряду тягостных ограничений и оказываются в конце концов в таких условиях, которые делали вообще невозможным никакое экономическое развитие.

В результате под влиянием этих условий города под польским режимом Украины постепенно хиреют и упадают, как и города коренной Польши *, утрачивают свое значение культурных центров, нищают и отстают все более от современного прогресса экономической и культурной жизни и вместе с тем приобретают все более инородный характер. Уцелевшие жалкие остатки торговли и промысла попадают в руки евреев, несмотря на все направленные против них запрещения и ограничения. Как элемент наиболее выносливый, умевший приспособиться к невозможным условиям этой городской жизни и обойти стеснительные условия разными кружными путями, они даже вытесняют прочие национальности, так что города и местечки Западной Украины получают и до сих пор сохраняют преобладающий еврейский характер. Это был один из ощутительнейших результатов прославленной «культурной миссии» Польши в украинских землях.

В особенно тяжелых условиях оказался при новых городских порядках туземный, украинский элемент. Не говоря уже, что при введении Магдебургского права последнее часто становилось уделом только привилегированной колонии, составленной из немцев и поляков **, а туземное население лишалось гражданских прав и всякого участия в муниципальном управлении (так наз. «предмещане») — вообще магдебургское право оказалось весьма неблагоприятным для туземцев. Оно основано было на принципе вероисповедном: к участию в гражданской жизни и муниципальном управлении допускались исключительно христиане; а так как по средневековым понятиям христианином был только католик, то туземное, украинское население, как «схизматики», очень часто вовсе не допускалось к участию в городском управлении, к занятию выборных должностей, к участию в цехах, т. е., говоря иными словами, лишалось права заниматься ремеслами и торговлею или было стесняемо разными ограничениями. Встречаются даже по отношению к украинскому населению наравне с евреями запрещения права жительства вне дозволенных кварталов, публичного отправления православного богослужения и церковных церемоний.

* Прежде всего в Западной Украине; в городах Поднепровья дольше концентрировалась народная жизнь, и города на правом берегу Днепра получили свой позднейший характер уже после падения казачества.

** Немцы, впрочем, вследствие религиозного единства с польским населением в конце концов ополячивались, так что вопрос сводился, собственно, на отношении «Руси» и поляков, оставляя в стороне евреев и армянские общины некоторых городов.

Конечно, с этими ограничениями украинское население старалось бороться и собственными силами, и с помощью правительства, которое, впрочем, вполне сознательно стремилось и само к тому, чтобы дать полякам и католикам в городах возможно благоприятные условия и перевес. В результате город становится очагом сознательной и организованной национальной борьбы. В тесных городских стенах, при постоянных сношениях и совместной жизни с привилегированными притеснителями подвижной и сравнительно интеллигентный мещанский элемент особенно живо чувствует национальное неравенство, национальный гнет, а привычка к организации, к самоуправлению, которую давала муниципальная жизнь и корпоративная цеховая организация, приводит к первым попыткам национальной организации. Таким образом из мещанских общин выходят первые кадры борцов за права украинской народности.

Обстоятельства сложились так, что борьба эта, вне чисто сословных и местных интересов и стремлений, отлилась прежде всего в религиозную форму. Это было отчасти следствием того, что и неравенство в мещанских правах основывалось на религиозном различии; отчасти сказывалось здесь обстоятельство, что национальное различие Руси и Польши, совпадая с различием религиозным вообще, подменялось этим последним, так что споры и борьба национальная понимались как борьба религиозная — более понятная для массы благодаря более определенным и конкретным своим признакам.

Местные религиозные отношения давали много поводов для национального обострения. С переходом западных украинских земель под власть Польши, а в центральных — с переходом в католичество Ягайла и новой политикой литовского правительства православная церковь, привыкшая к роли церкви господствующей, государственной, переходит в положение церкви только терпимой, а позицию государственную, господствующую занимает церковь католическая. По первоначальному плану римской курии и польского правительства католическая церковь, собственно, должна была совершенно вытеснить и заменить православную: последняя должна была вовсе прекратить свое существование после того как православные кафедры будут замещены католическими епископами. Но осуществить этот план оказалось невозможным. Католические епархии пришлось организовать в украинских землях рядом с православными; они были обеспечены отобранными от православных именьями и новыми пожалованиями. Затем православную церковь пробовали привести к соединению с католическою — подчинением папе и признанием католических догматов. Первая попытка в этом смысле предпринята была Ягайлом в 1395 г., и затем подобные старания польских королей и великих князей литовских идут через весь XV в. — во время соборов Констанцкого, Базельского, Флорентийского, затем в 1470-х и 1490-х годах. Но после того употребления, какое из этих попыток и вызванного ими неудовольствия среди православных сделала Москва, увидевшая

в них благовидный предлог для вмешательства во внутренние отношения В. кн. Литовского, — польско-литовское правительство сделалось осторожнее. Унионные опыты прекращаются на долгое время. Православная церковь оставлена была в покое, в положении особой, хотя и низшей церкви.

Это приниженное положение православной церкви и неравноправность православных сравнительно с католиками давали себя чувствовать на каждом шагу. Православные епископы не входили в состав сената и сейма, как епископы католические. Духовные должности православной церкви правительство, замещавшее их, рассматривало не с точки зрения церковных интересов и канонических условий, а раздавало за денежные «чолобитья» или разные услуги, ничего общего с церковными интересами не имевшие. Православное духовенство облагалось податями, не известными духовенству католическому. Религиозный культ подвергался разным оскорбительным стеснениям — напр., считалось недозволенным, даже с разрешения правительства, строить новые православные церкви (хотя в действительности это обыкновенно и не соблюдалось). Переходы католиков в православие были воспрещены, и смешанные браки обставлены были разными стеснениями. Считалось правилом, что православные не должны быть допускаемы к занятию сенаторских, даже и вообще всяких должностей *; о неравноправности в городских правах я уже говорил...

Все это и многое другое давало себя чувствовать православным очень сильно. Но православная иерархия, от которой прежде всего следовало бы ожидать протеста, выказывала полную неспособность к нему, отсутствие энергии к борьбе и полный недостаток инициативы в улучшении положения православной церкви. Отчасти это было следствием старой привычки, укоренившейся среди православной иерархии, — опираться на правительственную власть: по старой традиции вне правительственных сфер, в самом обществе она как-то не умела найти для себя точки опоры. Но в очень сильной степени здесь сказывались также и последствия права патроната, присвоенного королями и великими князьями относительно православных церковных должностей: высшая иерархия, назначаемая правительством по своему усмотрению, чувствовала себя вполне зависимою от него. Благодаря тому же обстоятельству на высшие должности в православной церкви попадало множество людей, вовсе для этого не подходящих, не способных не только порадеть об улучшении церковных отношений, но и сколько-нибудь сносно исполнять самые элементарные свои обязанности, и вследствие этого весь строй православной церкви в XVI в. пришел в сильнейшее расстройство.

* Поэтому в инкорпорационных грамотах 1569 г. специально было упомянуто, что обыватели новоприсоединяемых украинских провинций будут допускаемы к занятию высших должностей несмотря на свое православное исповедание.

Движение в пользу реформы церковных отношений вышло из среды светской, главным образом из среды мещанства. История возобновления галицкой православной кафедры в 1530-х годах дает первый исторический пример всенародного участия в делах церковной организации: иерархический вопрос делается вопросом национальным и объединяет для солидарной деятельности духовенство, православную шляхту и мещан. Хотя при этом духовенство и шляхта фигурируют на первых местах, но несомненно главными организаторами, сплотившими вокруг себя остатки православных шляхетских родов, были мещане — православная львовская община. Из мещанства же выходят специальные организации, посвященные улучшению религиозных и иерархических отношений, — так наз. братства.

Корни этого любопытного явления идут далеко в глубину; начало их восходит к языческим празднествам, совершавшимся известными группами родов, связанных родовыми традициями с данным культом. Когда христианская религия заняла место языческой, а храмовые праздники — место языческих пиров, родовые или территориальные группы семей связываются с известной церковью. Жизненным нервом этих организаций были пиры в храмовые праздники, где потреблялось огромное количество меду, а доходы от этих праздничных пиров — в виде платы участников, так же, как и постоянные взносы этих приходских организаций, «братств», — поступали в пользу церкви. Древнейший устав такой организации известен в Новгороде в XII в., но в нем можно видеть следы влияния западных гильдий, между тем как самые братства — явление вполне туземное. О «братчинах», братских пирах имеем известия в летописях XII в. и в северных былинах. Позже — для XV—XVI вв. — мы имеем об этих братствах документальные данные, особенно относительно белорусских земель: братства имели право варить в храмовые праздники мед, продавать его беспошлинно, а доходы от этого беспошлинного корчемства обращались в пользу церкви и братства. Несомненно, такие братства были широко распространены и в украинских землях; во Львове в XVI в. было их несколько, встречаем их и в провинциальных городах. Обыкновенно сведения о них доходят до нас по случаю утверждения братских статуты церковною или светскою властью, сами же братства существовали гораздо раньше. Братчики вносят известную небольшую сумму при вступлении, затем платят периодические взносы; гости, приглашавшиеся на храмовые пиры, делают также известные вклады в братскую казну. Братства поддерживают свои патрональные церкви, помогают бедным и впадшим в несчастье сочленам своим и корпоративно провожают на место упокоения умерших своих членов.

Но по мере того как церковные вопросы начинают возбуждать интерес в обществе, братчики не ограничиваются уже тесным кругом вопросов, связанных с праздничными службами и похоронами сочленов, а начинают поднимать голос в вопросах церковной организа-

ции, дисциплины и нравственности. С другой стороны — под влиянием оживления церковных интересов — к братствам примыкают православные шляхетские, даже наиболее знатные роды, и сообщают их голосу тем больший вес и значение.

Этот поворот в деятельности братств совпадает с подъемом интересов к просвещению и литературной деятельности, вызванным умственным и религиозным движением современной Европы и отразившимся весьма сильно в землях Польши и В. кн. Литовского. Религиозная борьба протестантов и католиков, православных и католиков отражается в культурной жизни усиленным издательством, усиленную литературную производительностью. Школу и просвещение начинают ценить как оружие религиозной или национальной борьбы. Протестанты и иезуиты усиленно занимаются организацией школ, той же дорогою идут и православные. Автор интересного полемиического трактата «Пересторога» (как предполагают — львовский мещанин, писавший в начале XII в.)¹¹⁰ высказывает в сильных выражениях общее убеждение, что главною причиною печального состояния православной Руси был недостаток хорошо организованных школ. Богатые меценаты, как князья Острожские, Ходкевичи, виленские мещане Мамоничи и др., основывают типографии, поощряют литературный труд. Город Острог на Волыни в 1580—90-х годах делается выдающимся центром литературы и просвещения: здесь основываются типография и православная академия¹¹¹, группируется кружок литераторов (Гер. Смотрицкий, Василий, автор книги «О единой вере», Хр. Бронский, анонимный клирик острожский и др.). Он откликается на волновавшие православных события и вопросы; и отсюда выходят полемические сочинения против реформы календаря, отвергнутой православными как новшество, противное традициям православной церкви, и десять лет спустя — против несравненно более важного мероприятия, церковной унии.

На тот же путь просветительной и литературной деятельности вступают и братства. Львовское братство приобретает в 1585 г. типографию, в 1586 г. организует школу со славянским и греческим языками. Оно признается старейшим из украинских братств и служит образцом для прочих, организованных во всех важнейших городах (из этих младших украинских братств наиболее замечательны луцкое и особенно — киевское).

В своих стремлениях к очищению и поднятию уровня религиозной жизни и церковных отношений братства очень скоро очутились в натянутых отношениях к епископам. Во Львове между епископом и братством завязалась очень упорная и шумная война. Братства ищут опоры у константинопольских патриархов, составлявших высшую власть для украинской церкви. Константинопольские и другие патриархи, в это время в своих финансовых нуждах предпринимающие довольно частые поездки в украинские и белорусские земли по дороге за московскими подаяниями, обращают при этом внимание

на расстроенное состояние украинской церкви и решительно берут сторону братств как ценных органов обновления церковного строя. Освобождают их из-под власти епископов, сообщая им право так наз. ставропигий, подчиненных непосредственно патриарху, дают широкие права надзора за церковною жизнью и вообще покровительствуют братскому движению. Одновременно с тем стараются со своей стороны прекратить административными мерами и карами беспорядки в украинской церковной жизни, и в 1589 г. патриарх даже низлагает тогдашнего митрополита киевского как незаконно поставленного.

Но эти вмешательства патриархов и оказываемое ими покровительство братствам вызывают только величайшее неудовольствие среди епископов, и среди них является мысль — отделаться вовсе от власти патриархов. Уже в 1589 г. львовский епископ Гедеон Балабан под впечатлением поддержки, оказанной константинопольским патриархом Львовскому братству в его распри с владыкою, обратился к местному католическому архиепископу, заявляя о своем желании освободиться от власти патриарха и перейти в католическую церковь. В 1590 г. четыре украинских епископа (львовский, луцкий, холмский и туровский) на съезде в Белзе решили присоединиться к католической церкви, мотивируя это желание злоупотреблениями патриархов, самовольными их распоряжениями, смещениями епископов и покровительством братствам. Они вошли в переговоры с королем, выразившим полное сочувствие их намерению. В ближайшие годы к этому соглашению примкнул митрополит и два остальных украинских епископа (перемышльский и владимирский), и в 1594 г. епископы рискнули уже выступить со своим планом открыто: в 1595 г. епископы луцкий Терлецкий и владимирский Потий по поручению остальных вступили в открытые переговоры с королем, затем явились в Рим, чтобы публично заявить папе о своем соединении с католическою церковью, а в октябре 1596 г. созван был в Бресте собор для окончательного, торжественного провозглашения унии украинско-белорусской церкви с католическою.

Когда первые слухи об этих намерениях епископов проникли в украинское общество, они произвели чрезвычайное смятение и открытые протесты. Православные магнаты — во главе их князь Константин Острожский, раньше в принципе вполне сочувствовавший соединению церквей, — протестовали против того, что епископы сами, без участия духовенства и мирян и без соглашения с остальною православною церковью, вошли в единение с Римом. Протестовали духовенство и братства. Между тем как православные магнаты и шляхта делают своею ареною сейм и, заключив союз с протестантами, домогаются удаления епископов с их кафедр, духовенство и братства развивают агитацию против епископов и их унии в широких кругах общества. Созванный для провозглашения унии собор в Бресте разделился на два отдельных и враждебных собора — православный и

униатский; и православный собор с участием патриарших делегатов объявил перешедших в унию епископов низложенными. Но правительство продолжало поддерживать епископов-униатов; оно объявляет унию правосильною и признает за епископами-униатами власть над протестующим православным духовенством.

Этот вопрос о правосильности унии, о границах епископской власти, об отношении к ней мирян и собора вызывает чрезвычайный интерес и оживление. Возникает небывалая литературная деятельность. Так, самому Брестскому собору посвящено до десяти полемических сочинений с православной и униатской сторон в 1596—1604 гг.; наиболее замечательное произведение этого периода — «Апокрисис» Бронского¹¹², одного из членов упомянутого острожского кружка, — сочинение, выдающееся основательным разбором церковных вопросов, волновавших современников (об отношениях паствы и епископов, собора и иерархии и т. п.). К этому же времени относится литературная деятельность Ивана из Вышни (Вышенского), замечательного полемиста, отличающегося необыкновенною искренностью чувства, силою иронии и сарказма, но не всегда умеющего оценить запросы времени (напр., он довольно неблагоприятно относится к современным стремлениям к просвещению). Новое оживление полемической литературы имело место около 1610 г.; наиболее замечательное произведение этого цикла — *Θρήνος*, плач православной церкви по поводу отступничества от нее ее детей, покидающих ее для унии и католичества. Оно принадлежит одному из талантливейших писателей этого периода, Мелетию Смотрицкому, колебания которого между униєю и православием остались красноречивым свидетельством, как нелегко было даже выдающимся людям того времени найти выход в запутанных церковных отношениях. Затем в начале 1620-х годов появляется новая серия сочинений, венцом которых является замечательный церковно-исторический трактат Захарии Копыстенского «Палинодия», написанный в 1622 г., но оставшийся ненапечатанным в свое время.

Эта оживленная литературная деятельность является показателем современной культурной жизни. Украинские и белорусские земли покрываются сетью братств. В большом числе организуются школы и типографии. Взамен захваченных униатами церквей и монастырей, получивших теперь особенно важное культурное и национальное значение, усиленно создаются новые. Движение переходит все в более и более широкие круги общества, переносится на улицу, доводя до вооруженных столкновений (наиболее громкий эпизод — убийство во время уличного движения в 1623 г. полоцкого униатского архиепископа Кунцевича, озлобившего православных своими резкими насильственными мерами). Вопрос о сохранении православной церкви получает значение всенародного, национального дела и надолго сообщает украинской культурной жизни, оживленной этим движением, сильно выраженный религиозный, собственно вероиспо-

ведный характер. Религиозная полемика и апологетика в продолжение всего XVII в. господствуют в ней почти безраздельно, и светской украинской литературы почти не существует, за исключением немногих исторических компиляций и мемуаров.

Надежды православных отстоять свою церковь и уничтожить унию законодательным путем, путем сеймового законодательства не осуществились. Правда, после долгих и бесплодных усилий православной шляхте на сейме 1607 г. удалось благодаря благоприятному стечению обстоятельств достигнуть законодательного признания существования православной церкви с отдельною иерархией; король, имея против себя враждебное движение польской шляхты, так наз. рокошан, не решился отклонить открыто требования православных. Но он самым бесцеремонным образом нарушил утвержденный им закон, продолжая назначать униатских кандидатов на православные кафедры; православной церкви грозило прекращение иерархии и с ним — полный упадок и разложение. Положение было тем серьезнее, что успехи на сеймах 1607—09 гг., достигнутые православными, грозили быть первыми и последними — вследствие чрезвычайно быстрого и широкого ополячения православной шляхты и магнатов.

Я уже упоминал, что оживление культурной жизни в Польше во второй половине XVI и начале XVII в. обнаружило большую притягательную силу для высших слоев украинского общества. Оживление католической церкви в Польше, наступившее в конце XVI в. после реформационного движения и созданное главным образом иезуитами, распространившими свои общины и школы также в украинских и белорусских землях, не осталось тоже без весьма серьезного влияния. Православное, украинское просветительное и культурное движение запоздало; старания пойти за современным польским движением пришли слишком поздно, чтобы удовлетворить потребности высших слоев украинского (и белорусского) общества в образовании и культурной жизни: эти высшие слои оказались уже увлеченными польскою культурою, когда украинская делала первые шаги в своем возрождении.

Воспитываясь в польских и заграничных католических, часто — иезуитских, школах, связанные с польскими шляхетскими родами семейными, брачными связями, увлекаемые польскою государственною и культурною жизнью, представители украинских магнатских и шляхетских родов в конце XVI и начале XVII в. массами принимают католичество и становятся поляками. Сыновей ревностных борцов за православную церковь 1590-х годов видим в 1620—1630 гг. уже ревностными католиками, чуждыми всяких национальных украинских интересов. Смотрицкий в своем «Треносе» 1610 г. спел настоящую надгробную песнь украинской аристократии, перечислив бесконечный ряд магнатских и шляхетских украинских родов, уже оставивших свою национальность и национальную религию.

Без магнатов-братчиков и покровителей, при легализированном преобладании католиков, предоставленные сами себе мещанские братства оказывались бессильными в обороне православной церкви и национальных интересов против союза правительства с католическим обществом и ренегатами украинской национальности.

И вот в таком критическом, казалось — безвыходном, положении борцы за православие обращаются к новой силе, созданной процессом социальным и экономическим, — казачеству. Они закрывают глаза на социальный характер этой силы, весьма мало им симпатичный, и, видя в ней только оппозиционную силу, связанную с ними единством национальности и исповедания, ищут у нее отклика в этом единстве. Казачество действительно откликается на религиозно-национальный клич. Из Львова и Вильны центр борьбы за старую религию и национальность переносится в Киев, в ближайшее соседство казачества. При его содействии киевское духовенство и мещанство дают отпор униатской иерархии. Киевская Лавра, древний Печерский монастырь под руками новых деятелей из Галиции, как Плетенецкий, Копыстенский и др., превращается в крупнейший очаг церковно-национальной деятельности. Рядом с ней в 1615 г. основывается братство, в которое казацкий гетман вписывается «со всем войском запорожским», и оно скоро занимает первенствующее место в современной культурной и религиозной жизни украинского народа; основывается при нем школа, из которой вырастает киевская Академия, служащая в продолжение XVII и XVIII вв. высшею украинскою школою. Под охраною казацкого войска возобновляется в 1620 г. православная иерархия и держится под тою же охраною, пока правительство не было принуждено признать ее существование, и т. д. и т. д.

Религиозно-национальное движение сверху, начатое мещанством, поддержанное дворянством и духовенством, украшенное блестящими именами первейших вельмож и князей, логикою событий сходится с движением снизу, с общественным брожением, созданным бездомными беглецами, уходившими из-под гнета панщины и шляхетского всевластия. Казачина делается представителем и обделенных социально-экономическим процессом народных масс, и разбитого на арене политической, религиозной и национальной борьбы духовенства, и мещанства ¹¹³. Это слияние элементов социальной и культурно-национальной оппозиции происходит на границе первой и второй четвертей XVII в., и в это время входит в новую стадию история украинского народа. Ее главным фактором становится казачество.

XIV

КАЗАЧЕСТВО — ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Казачество — явление очень интересное, но весьма сложное. Вследствие своей оригинальности, а также и благодаря громкой роли, сыгранной им в истории Восточной Европы, оно обращало на себя внимание издавна; им занимались немало, но невыясненного все же оставалось в нем до последнего времени очень много, и в литературе по этому вопросу высказывались и высказываются нередко суждения очень смутные и ошибочные.

Очагом казачества было среднее Поднепровье, его предстепная полоса ниже Киева, входившая в XIV—XV вв. в состав Киевского княжества, позже — Киевского воеводства, а почву для него приготовили колонизационные условия этого края.

Начиная с половины X в. он жил тревожною, воинственною жизнью на границе оседлой колонизации, в вечной борьбе с кочевниками. К населению его как нельзя более приложима поэтическая характеристика, данная «Словом о полку Игореве» порубежникам Посемья:

А мои ти куряне сведоми кмети:
Под трубами повити, под шеломы взлелеяни,
Конец копия вскормлени;
Пути им ведоми, яругы им знаеми,
Луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени.

И слово «казак» — тюркское слово, издавна жившее в устах кочевого населения наших степей, известное уже в половецком словаре 1303 г. в значении «сторож», «воин», — вполне приложимо было в этом значении к порубежному населению, этой передовой страже Украины. Вместе с воинственностью и выносливостью порубежная жизнь развивала личность, чувство свободы. Предоставленные княжеско-дружинным правительством своим собственным силам, эти пограничники очень чутки были к его притязаниям. В XIII в. как раз пограничные со степью территории видим среди «людей татарских», и эти пограничные враги княжеско-дружинного строя являются полным прототипом казачества, а союз их с Ордою предвосхищает политику вождей казачества XVI—XVIII вв. в их стремлениях найти в турецко-татарских силах помощь против социально-политического строя Польши и централизационной политики Москвы.

С упадком государственной жизни в Поднепровье в середине XIII в. население этих пограничных со степью пространств было еще более предоставлено себе, а жизнь под татарскою протекциею не отличалась спокойствием, особенно в периоды разложения Орды. В. кн. Литовское, присоединив эти пространства, также очень мало занималось ими, а восстановленное под властью князей Гедиминовой

династии Киевское княжество очень слабо насаждало здесь привилегированное владельческое сословие и еще слабее прививало формы и результаты социальной эволюции В. кн. Литовского. Страшные периодические набеги татар Крымской орды Менгли-гирея, с 1482 г. обрушивающиеся на украинские земли и затем в несколько ослабленных формах продолжающиеся почти все XVI столетие, смели с лица земли и эти слабые результаты правительственных попечений и вместе с ними — всю оседлую колонизацию предстепной полосы Поднепровья — вплоть до Киева, Чернигова, Житомира, Винницы, Леткича.

Территория по обеим сторонам Днепра до Киева и даже выше его превратилась в совершенную пустыню и в таком виде пролежала до последней четверти XVI в. Единственными оседлыми поселениями были городки, снабженные замками, небольшими гарнизонами и артиллерией, — Киев, Канев, Черкассы, Житомир, Браслав, Винница — на правой стороне Днепра, Остер и Чернигов — на левой. Под стенами этих укреплений ютилось все население этих обширных пространств: здесь жили крестьяне соседних сел и отсюда выходили на полевые работы. Все население жило под постоянным страхом татарских набегов, на военном положении: мещане и крестьяне этих пограничных местностей обязаны были иметь коней и принимать участие в походах и погоне за татарами, и они действительно «имеют ружья и умеют хорошо стрелять», как свидетельствуют ревизоры половины XVI в. Земледельческое и всякое другое хозяйство вне стен города велось вооруженною рукою — как описывает путешественник конца XVI в. пограничных крестьян Волыни: «выходя на работу, он несет на плече ружье, а к боку привешивает саблю или тесак».

Но природные богатства этих девственных стран на обеих сторонах Днепра увлекали население далеко от замков, в так называемые «уходы» — рыбные ловли и места охоты, к устроенным в степном приволье бортам и пасакам. Тут эти промышленники проживали подолгу, соединяясь в вооруженные партии, строя для обороны блокаузы, городки и засеки. Оборона в этих степях, соседивших с кочевьями татар, в районе их нападений незаметно переходила в нападения на таких же промышленников противной, татарской стороны, в мелкие степные войны — «лупленье татарских чабанов», как они технически назывались. Каждый год весною пограничное население и промышленники из более отдаленных местностей, привлекаемые привольем и природными богатствами этого края, расползались по этим «уходам» на десятки миль, до днепровских порогов, Ворсклы, Орели, Самары и т. п.; они проживали здесь целые месяцы, предоставленные себе самим, не зная никакой власти и возвращаясь в замки только на зиму. Это подвижное, кочевое, закаленное в невзгодах военно-промышленное население и составило основу казачества.

Первые такие известия о казаках, в которых можно подозревать казаков именно украинских, относятся к 1470-м годам; колебание

в этом случае возможно потому, что имя «казаков» прилагалось также к добычникам татарским и к степному населению великорусскому в бассейне Дона (где позже формируется донское казачество). Вполне ясные документальные указания на казаков киевской территории носят даты 1492, 1493 и 1499 гг. Это тюркское слово, означавшее в тогдашнем употреблении легковооруженного добычника, бродягу-воина, только столетием позже приобрело значение официального, общепринятого имени для известной группы украинского населения, известного сословия. Первоначально оно означало занятие, род жизни, и притом, кажется, с некоторым оттенком пренебрежения к такому несолидному времяпрепровождению. Во всяком случае сначала это не сословие, не класс людей: это люди, занимающиеся «казачеством», ходящие «в казаки», а не казацкое сословие. Для большинства такое «хождение в казаки» не было постоянным занятием — ему предавались временами, особенно смолodu, чтобы потом перейти к другим, более серьезным занятиям. Официально оно означало хозяйственные промыслы в «диких полях», неофициально — удалые походы на татар, «лупленье чабанов», купцов и всяких проезжих, и с этим двойным характером выступает имя казаков уже в первых известиях — 1492—93 и 1499 гг.

Среди этих степных авантюристов оказывались люди разных общественных классов и национальностей. Встречаются люди с именами восточными — очевидно, разные забулдыги из татар же, разные «москвитины», «литвины», «ляхи». Когда казачество приобрело себе громкую военную славу, молодые люди шляхетских фамилий принимали участие в казацких походах, в этой очаровавшей их своими опасностями и удалством жизни; в первых казацких движениях встречаем в качестве участников и даже предводителей представителей местных украинских шляхетских фамилий. Но инородные элементы были лишь сравнительно незначительною примесью среди казачества *, а люди из высших общественных классов — временными гостями. Главный и наиболее постоянный контингент «казаковавших» все время поставляло пограничное украинское крестьянство и мещанство — наиболее закаленное и выносливое, привычное к жестоким лишениям и неудобствам, неразлучно связанным с этим занятием.

На протяжении XVI в. очень медленно слагается из этих «казаковавших» казацкое сословие. В половине XVI в. видим только начатки этого процесса; в главном гнезде казачества — Черкассах — ревизия 1552 г. записывает прихожих казаков «о полтретьяста» (около 250) — только всего. Но «казакуют» местные крестьяне, мещане, мелкая шляхта и бояре местного происхождения. Этим поясняется

* Довольно распространенное до сих пор воззрение, что ядро казачества составилось из тюркского населения степей, основано на ошибочных известиях и недоразумениях.

то обстоятельство, что между тем как вся эта «Украина» * в XVI в. полна известий о казацких походах и своевольствах, мы в современных документах почти не можем отыскать казаков как известную постоянную группу населения — казацкое сословие, казацкий класс. Документы, говорящие о казацких своевольствах и обращающихся по поводу их к мещанам пограничных городов, или известия, поясняющие состав «казацких» экспедиций, участником которых оказывается в конце концов мелкая украинская шляхта, — разъясняют эту загадку: в это время были в большом числе люди казаковавшие, но почти или и вовсе еще не было казацкого сословия. Последнее формируется только в конце XVI и начале XVII в. благодаря чрезвычайно быстрому возрастанию казачества и под влиянием, с одной стороны, колониационного роста украинского предстепья, а с другой — идеи казачьего иммунитета.

Усиленный прилив сельского населения в юго-восточную часть Украины был вызван тем же улучшением колониационных условий: отпор, который казачество дало татарским набегам, и само уплотнение населения, умножение укрепленных поселений создали более обеспеченное существование местному хозяйственному населению. С другой стороны, повлияли специальные обстоятельства, усилившие бегство крестьян из Западной Украины и Полесья: ухудшение положения крестьянства в этих областях, развитие панщины, отчуждение крестьянских земель, а затем и та агитация, какую повели через своих агентов шляхтичи, занявшиеся хозяйством на Украине в выпрошенных от короля имениях и озабоченные привлечением рабочих рук. Все это вызывало чрезвычайное усиление побегов из гуще заселенных и вкусивших уже всю сладость помещичьего хозяйства западных и северных областей Украины. Наряду с природными богатствами, привлекавшими этих беглецов в Восточную Украину в конце XVI в., притягательною силою становится казацкий иммунитет, идея которого сложилась опять-таки под воздействием целого ряда таких условий, как вечная борьба казаковавших авантюристов с городскими и провинциальными властями, протекция, которую оказывали им местные администраторы в своих интересах; еще более важное значение в ее формировании имели здесь пробы организации казацкого сословия самим правительством: сначала главным образом литовским, а позже, с 1569 г., — польским, и наконец — сознание собственной силы у самого казачества.

Условия колонизации и обороны сыграли и здесь главную роль. Татарские опустошения, превратившиеся в страшное хроническое бедствие украинских земель с 80-х годов XV в., не нашли никакого отпора в литовско-польском правительстве; оно только увещевало,

* В XVI—XVIII вв. и даже позже — у польских писателей специально — имя «Украины» носит именно Киевская земля, или воеводство. Так как эта территория сделалась центром украинской народной жизни, это название приобрело более широкое значение — *национального* имени, как раньше имя Руси.

задаривало Орду, а к энергическому противодействию и обороне оказалось совершенно неспособным. Был даже проект — предложить крымскому хану поголовную подать с населения земель Киевской, Волынской и Подольской, т. е. возобновить даннические отношения этих земель, прекратившиеся со времен Витовта, чтобы откупиться от татарских набегов. Этот проект не осуществился, но ежегодная дань, хотя не в такой откровенной форме, а под мягким именем «упоминков» (подарков), действительно стала обязательною в отношениях польско-литовского правительства в Крыму. Однако эти «упоминки» не прекращали татарских набегов, и начальники пограничных украинских провинций, предоставленные центральным правительством их собственному промыслению, приходят к мысли организовать систематическую оборону из этих «казаковавших» авантюристов, по собственному побуждению занимавшихся мелкою войною с татарами. Разновременно, в больших и меньших размерах такие попытки образования казачьей милиции видим на протяжении почти всего XVI в. Эти опыты обращали на себя внимание и центрального правительства; в 1524 г. великий князь Сигизмунд поручал правительству В. кн. Литовского заняться организацией постоянного корпуса из казаков; напоминая, что он не в первый раз обращает внимание правительства на них, он проектирует на этот раз наберечь 1000—2000 казаков, взять их на жалованье и составить из них несколько гарнизонов по Днепру. Но этот проект не был осуществлен, так же, как и аналогичный проект, предложенный позже, в 1533 г., польскому сейму черкасским старостою Евст. Дашковичем¹¹⁴ уже от себя*.

Несколько позже, однако, жалобы крымского правительства на казачьи набеги и его объяснения, что татарские нападения на украинские земли служат лишь местию за казачьи погромы, дают другой оборот отношениям центрального правительства к казакам: в 1541 г. тот же великий князь Сигизмунд выслал своего «дворянина» с поручением переписать казаков киевских, каневских и черкасских и поручить их усиленному наблюдению местных старост. Конечно, из этого ничего не могло выйти уже по тому одному, что казачество вовсе еще не сложилось в определенную группу. Преемник Сигизмунда, великий князь Сигизмунд Август, в целях обуздания казаков вернулся к старому проекту отца: взять их на правительственную службу. По его поручению коронный гетман** действительно намер-

* Этот Дашкович и другой пограничный староста Предслав Лянцкоронский (староста хмельницкий) попали в позднейшие реестры казачьих гетманов благодаря тому обстоятельству, что они организовали из казаков экспедиции на татар.

** Гетманом (от немецкого *Hauptmann*) назывался главнокомандующий и военный министр; эта должность почти одновременно появляется в Польше и Великом княжестве Литовском в начале XVI в. Польский гетман называется великим коронным гетманом или просто коронным («корона», «коронный» во-

бывал из казаков отряд; эти казаки получали из казны содержание, были освобождены из-под власти и юрисдикции всех иных властей и подчинены назначенному правительством «старшему и судье всех низовых казаков» (1570) * В этот небольшой отряд вошла только небольшая часть казакующих, всего 300 человек, но так как помянутому старшему вверен был надзор над всем казачеством, то логически изъятие из всякой иной юрисдикции и подчинение специальному казацкому суду распространялись на все казачество, не включенное в официальный реестр. Таким образом, это первое формирование казацкого войска, не оказав никакого влияния на прекращение «казацкого своеволия», сыграло немалую роль в прогрессе формирования полупривилегированного казацкого сословия, тем более что было затем повторено несколько раз на протяжении последней четверти XVI в. Набор небольшого трехсотенного отряда, как я сказал, не повлиял нисколько на самовольные казацкие походы. Казаки продолжали свои набеги на татар и на земли, стоявшие под властью Турции, особенно Молдавию, бывшую ареною постоянных внутренних войн. В 1577 г. отряд таких своевольных казаков ходил походом на Молдавию, и ответом на этот поход был набег на Украину татар (1578) и ультиматум Турции польскому правительству: усмирить казаков, вывести их с «Низу», взяв на службу лучшую их часть, а остальных задавив репрессиями. На эти требования и советы новый король польский Стефан Баторий ответил скептическими замечаниями, свидетельствовавшими, что недостаточность рекомендованных ему мер была ему достаточно ясна. Однако он сделал все, чтобы показать свою готовность удовлетворить желания турецкого правительства: на вербовал из казаков отряд в 500 человек (которым воспользовался в войне против Москвы), а против остального казачества издал ряд суровых распоряжений, которые, однако, могли служить администрации поводом для придинок и взяток с казаков, но совершенно не могли остановить «казацкого своеволия». Чтобы исполнить правительственные распоряжения, поручавшие ловить и арестовывать участников казацких походов, нужна была полицейская и админи-

обще значит «польский»), его помощник — гетманом польным, гетман литовский — наивысшим (позже великим) литовским, его помощник — дворным (позже польным) литовским. По примеру их и предводители казаков, со формированием казацкого войска, уже с 1570-х годов также называются гетманами не только в частном обиходе, но и в правительственных актах; если было одновременно несколько казацких предводителей, их также сплошь да рядом называли гетманами всех. Но *официальным* титулом казацких предводителей до самого Хмельницкого было наименование «старший» — «старший войска его королевской милости низового запорожского». Хмельницкому первому польское правительство дало официально титул гетмана при первом перемирии (в 1648 г.).

* «Низом» называлось нижнее течение Днепра; так как казаки занимались промыслами в этих краях, им усвоится название «низовых».

стративная власть, которой не было на Украине, где старосты покровительствовали и делились добычей с казаками, не говоря уже о низовых просторах, куда никакой надзор за казаками не мог проникнуть. А сформированный в 1578 г. отряд распался с окончанием московской войны, так что в 1583 г. нужно было сделать новый набор — не с большим успехом произведенный, чем первый. Таким образом, эти распоряжения Батория, совершенно аналогичные с мерами 1570 и 1590 гг., никакого особенного значения в истории казачества не имели в свое время — и совершенно незаслуженно сделались эпохой в его истории в позднейшей исторической традиции: от них выводили позднейшую организацию казачества, казацкий реестр из 6000, разделение на полки и т. д. — все явления значительно позднейшие.

В 1580-х годах казачество как раз начинает сильно возрастать в численности. Появляется ряд казацких предводителей — гетманов, как их называют. Казаки продолжают свои походы на турецкие и татарские земли, особенно на Молдавию, принимая участие в борьбе разных претендентов на нее. Турки и татары грозят войною. Испуганное этими угрозами польское правительство еще раз решается повторить ту же, столько раз испытанную и оказавшуюся негодной, меру. Оно поручает организовать казацкий отряд, возможно больший (наибольшая численность его достигала трех тысяч). Эти казаки имели очистить «Низ» от своевольных казаков и занять гарнизоны на степном пограничье. Но, очевидно, не надеясь на осуществимость такого очищения «Низа», правительство одновременно отдало приказ не пускать никого на «Низ», хотя бы на промыслы, не впускать в города и местечки людей, приходящих с «Низа», не продавать им никаких припасов, арестовывать тех, которые будут приносить из степей какую-нибудь добычу, и т. д. (1590).

Все эти правительственные мероприятия, не достигая цели, какую имели в виду, — т. е. прекращения казацких походов на соседние земли, усмирения «украинского своеволия», — производили эффект, о котором я уже упомянул выше: все эти опыты правительственной организации казачества весьма существенно повлияли на формирование идеи казацкого иммунитета. Они дали ей известное юридическое оправдание. Принимая казаков на службу, правительство освобождало их из-под власти всяких «урядов»: отныне они подлежали власти и суду только своих, казацких властей. И хотя эта привилегия, собственно, предназначалась только для казаков, вписанных в правительственный реестр *, в действительности на нее претендуют все, причислявшие себя к казакам, все «казаковавшие». Они уже и прежде очень неохотно и слабо подчинялись всяким властям; теперь изъятие реестровых казаков давало известное юридическое

* Отсюда термин «реестровых» казаков — состоящих на правительственном жалованье и легально пользующихся привилегиями казацкого звания.

оправдание стремлениям казачества к полной независимости от всякой правительственной или помещичьей власти. Создается убеждение, что всякий казак по роду своих занятий свободен от всяких властей: от власти старосты, если он сидит на земле, входящей в непосредственное ведение правительственных чиновников, от власти городского магистрата — если он сидит на территории общины магдебургского права, от власти помещика — если сидит на земле помещичьей; он не подлежит их юрисдикции, свободен от всяких даней, оплат и работ на них вместе со своим хозяйством и семьей, потому что он несет службу королевскую: оберегает границы и воюет с врагами государства. Нужды нет, внесен ли он в реестр или нет: ведь и в этом последнем случае он не перестает себя считать казаком, ничем не уступающим реестровому; все казаки считают себя привилегированным военным сословием, взамен своей военной пограничной службы освобожденным от всяких иных обязанностей. Оправдание такому взгляду дает само правительство, так как в тех случаях, когда ему нужны были более значительные военные силы, оно без разбора привлекает к участию в походах и военных действиях реестровых и нереестровых. И если реестровые должны были, в принципе, по крайней мере подчиняться своим специальным властям, назначенным от правительства, то вся остальная масса казачества, оставшаяся вне реестра, не признает над собою иной власти и юрисдикции, кроме выборной казацкой старшины.

Можно себе представить, какой переворот производит в общественных отношениях Юго-Восточной Украины эта идея, когда она входит в сознание населения, что мы видим в конце XVI и начале XVII в. В это время, под сильнейшим воздействием указанных представлений о привилегиях, связанных с казацким званием, окончательно формируется понятие о казачьем сословии, и к нему начинают причислять себя в этих пограничных краях все общественные элементы, желавшие освободиться от стеснительных рамок польской общественной схемы: крестьяне помещичьих и государственных имений, мещане городов самоуправляющихся и подчиненных власти старост или помещиков, даже боярство и мелкая шляхта, привлекаемая старостами к тяжелой замковой службе *. И так как на это время падает, с одной стороны, небывалый до тех пор прилив крестьянского населения в Юго-Восточную Украину, а с другой — распространение польских порядков, господство шляхты и крепостных отношений, от которых считали себя освобожденными все причислившиеся к казачеству, — то казачество необыкновенно быстро растет, увели-

* Как было сказано выше, нижние слои военнослужебных категорий не были допущены к привилегиям шляхетского звания и остались в полупривилегированном состоянии, из которого всячески старались выбиться, достигнуть шляхетских прав и в этом смысле вели упорную борьбу со старостами. На Украине было несколько больших гнезд такой непривилегированной шляхты.

чиваясь с сотен на тысячи и десятки тысяч. Ведь и колонизационные условия были того рода, что каждый поселенец все равно должен был одновременно быть воином. Ввиду этого совершенно не составляло затруднения причислить себя к военному сословию, если оно давало такие важные общественные и экономические привилегии.

Но, конечно, ни правительство, ни тем менее — местные помещики и державцы государственных земель не имели ни малейшего желания признавать этой узурпированной свободы и привилегий. В их глазах «показавшиеся» их «подданные» были только «непослушные крестьяне», «непослушные мещане», как они часто и обозначают их в тогдашних актах. Они старались принудить их к послушности, к отбыванию повинностей, но это удавалось плохо вследствие слабости исполнительной власти и только увеличивало обоюдное раздражение. Бестолковая же политика правительства, которое то старалось задавить строгими репрессиями все казачество, за исключением горсти реестровых, то, нуждаясь в войске, обращалось к помощи нереестровых и даже, случалось, приглашало вступать в казаки всех желающих, — окончательно лишала местную администрацию и помещиков возможности положить предел «украинному своеволию». Давлением военной силы правительство иногда принуждало «непослушных» к повиновению помещикам и старостам, разгоняло «своевольных» казаков и заставляло их бежать в степи или притаиваться на время, но такой «порядок» держался очень недолго. Только в десятилетие перед восстанием Хмельницкого, после больших народных движений 1637 и 1638 гг. сделаны были серьезные усилия, чтобы задавить казаччину, и это удалось на довольно продолжительное время (почти целое десятилетие); но было уже слишком поздно: фермент был уже настолько силен, что этот правительственный гнет только увеличил силу народной реакции.

В своей политике по отношению к казачеству правительство имело вообще двоякие мотивы. Так как набеги казаков на татарские и турецкие земли давали татарам повод оправдывать ими свои набеги, а Турция серьезно грозила за них войною, которая страшно пугала Польшу с ее вечным недостатком денег и войска и казалась неотразимым бедствием, — то временами, под впечатлением этих угроз, правительство хотело во что бы то ни стало задавить казачество и не жалело для этого суровых циркуляров и военных экспедиций. Но вполне задавить казачество было невозможно, потому что казаки уходили в степи, совершенно недоступные польским войскам. Там устроили они себе неприступные убежища на нижнем Днепре, ниже порогов, на островах, которые образует здесь Днепр; одинаково недоступные и для польских войск, и для турецких судов, старавшихся иногда проникнуть сюда с моря, эти острова давали казакам вполне безопасное убежище *. Так же неприступными были и «ухо-

* На этих островах устраивались укрепленные засеками городки, так на-

ды» в глубине заднепровских пространств, откуда в особенно тяжелые времена украинские казаки уходили даже за границу — на Дон, в московские земли. Таким образом, в наилучшем случае польским войскам удавалось очистить от своевольного украинского казачества только заселенные пространства Поднепровья, так называемую тогда «волость», но не уничтожить казачество совершенно.

Однако с другой стороны, польское правительство не могло серьезно полагаться на уверения татар, что их набеги прекратятся с прекращением казацких нападений, и так как казаки служили, собственно, главною, а иногда и единственною защитою Восточной Украины от татар, то правительство полного уничтожения казачества никогда не желало. По своей дешевизне и сноровке, отваге и выносливости это были незаменимые войска, и известную часть казачества, более дисциплинированную, правительство всегда желало оставить для государственной службы. Эта легальная часть казаков, по планам правительства, имела служить также для обуздания остальной, «своевольной» массы казачества: она должна была удерживать ее в повиновении и не допускать ее походов на чужие земли. Но тут вечное безденежье польской казны создавало новые трудности: правительство не имело средств взять на жалованье более значительное число казаков; оно брало их на службу одну — две тысячи, не больше, да и тем платило так плохо и неисправно, что они должны были искать себе иных источников пропитания. По этой причине даже этих служилых, «реестровых» нельзя было содержать в послушании и дисциплине, а о том, чтобы сделать их действительными блюстителями порядка на Украине, нечего было и думать. С несколькими сотнями реестровых нельзя было ни организовать обороны Украины, ни тем менее — удержать массы нереестрового казачества. В интересах обороны польские старосты и военачальники были вынуждены постоянно обращаться к помощи нереестровых; часто обращалось к ним, как было сказано, и само центральное правительство, и это все, конечно, обращало в пустой звук проекты обуздания украинского своеволия. Вообще польские правящие сферы не были ни достаточно сильны, ни достаточно дальновидны, чтобы или уничтожить казачество, или дисциплинировать и организовать его (Восточной Украине они вообще очень мало уделяли внимания в своей внутренней политике). Репрессии и кровопролития не останавливали роста казачества и лишь раздражали его наиболее воинственную часть.

Если значительная часть казаков — эти показавшиеся мещане и крестьяне — ценили в казачестве его социальные и общественные привилегии и, состоя под казацким «присудом», спокойно хозяйни-

зываемые «сичи»; они переносились с острова на остров; так, «сич» одновременно была на урочищах Базавлуке, Чертомлыке, Микитном Роге, Томаковке. От этих убежищ низовые казаки назывались также запорожскими, и в XVII в. «Запорожское войско» становится их официальным именем.

чали на своих землях, то для иной, значительной массы казачества война была его настоящей стихией, главным источником пропитания, а походы на татарские и турецкие земли — таким же незаменимым ресурсом, как рыбные и звериные промыслы. В интересах поддержания добрых отношений с Турцией и Крымом польское правительство хотело прекратить эти походы. Но в таком случае нужно было дать иной исход энергии этой воинственной части казачества, и одновременно нужно было подыскать для нее иной источник пропитания. Без этого удержать казаков от походов не могли и наиболее влиятельные вожди казачества. Правительственные же запрещения, стеснения и преследования со стороны украинских старост и помещиков только возбуждали в нем раздражение и ненависть. Чувствуя невозможность при таких условиях установить прочные отношения к правительству и понимая, что только фактическая сила казачества не дает правительству и шляхте возможности его сломить, вожди казачества стремятся возможно увеличивать численную силу последнего, расширять его территорию все далее и далее в глубь оседлой колонизации, привлекая в его среду все новые и новые массы украинского крестьянства. С другой стороны, раздражения на стеснения и репрессии выливаются в борьбе с пограничными старостами и панями.

Так начинаются первые казацкие войны. В них обыкновенно идут солидарно казаки реестровые и вся масса вольницы. Правительство, как я уже сказал, не было в состоянии дисциплинировать реестровых; притом эти последние чувствовали, что их сила и значение лежит в массе вольницы, стоявшей за их спиной. Поэтому только временами правительству удавалось разъединить эти две категории казачества, по большей же части между ними не было никакой ощутительной границы, и самый реестр очень часто существовал только на бумаге или даже в воображении.

ХV

КАЗАЧЕСТВО И КАЗАЦКИЕ ВОЙНЫ ДО 1648 г.

Уже на исходе 80-х годов XVI в., после недавних репрессий короля Стефана Батория и его попыток организовать казачество, под шум борьбы польских партий по его смерти чрезвычайно учащаются казацкие походы в Крым, Молдавию и в турецкие владения на Черноморском побережье, где рядом набегов разорены были Очаков, Тегиня, Козлов в Крыму, и одновременно происходят наезды, мелкая война «на волости», в смежных с казацким районом частях воеводств Киевского и Браславского. Казачество, очевидно, начинало раздвигать свою территорию на север и запад. Ответом была известная уже нам новая попытка организации казачества 1590 г., проект репрессий против своевольных элементов и раздача земельных маестностей наи-

более выдающимся вождям «лучшей» части его. Меры эти, однако, совершенно не достигли своей цели, и уже в 1591 г. гетман казачий Криштоф Косинский, представляющий интересы казаков, взятых правительством на службу, так называемых позже реестровых, жалуется, что казаки обещанного жалованья не получают и поэтому, грозил он, будут сами о себе промышлять. Сам тот казачий предводитель, вероятно, украинский шляхтич по происхождению, незадолго перед тем получивший за свою службу в казачьем войске пожалование на имение в южной Киевщине, из-за этого имения, столкнувшийся с князем Янушем Острожским, владевшим тогда соседним Белоцерковским староством, и начал вооруженную борьбу со своими обидчиками и поддерживавшими их магнатами.

В конце 1591 г. Косинский с казачьим войском напал на Белоцерковское староство, и затем в продолжение целого 1592 г. его казаки хозяйничали в панских имениях и державах Киевского воеводства и прилегающих местностях Волыни. Документальные сведения мы имеем только о разорении панских имений, но современники приписывали Косинскому очень широкие и радикальные планы: по их словам, он намеревался заручиться помощью крымского хана и московского царя ¹¹⁵ и уничтожить шляхту на Украине. Насколько это справедливо, трудно сказать, так как деятельность Косинского слишком скоро окончилась. В начале 1593 г. он перенес свою деятельность в Волынское воеводство; князя Острожские, которых Косинский специально преследовал своими нападениями и опустошениями, собрали значительные силы из своих имений и других местных магнатов и с ними наголову разбили Косинского под местечком Пяткою. Казаки капитулировали, обещав сместить Косинского и не нападать на имения Острожских и их союзников-магнатов. Но, отступив, Косинский собрал новые силы и с ними двинулся снова походом вверх по Днепру. Он приступил к Черкассам, чтобы свести счет с черкасским старостою Вишневецким (одним из ближайших союзников Острожских), но ему здесь приготовлена была засада, в которой он и был убит.

Войско его отступило, но движение не прекратилось. Оно продолжалось весь 1593 г. в Киевском и Браславском воеводствах (между прочим, казачье войско взяло и Киев). На короткое время внимание казаков отвлечено было в иную сторону: император Рудольф обратился к ним (весною 1594 г.) с приглашением принять участие в его войне с Турцией, и казаки действительно произвели диверсию: напали на Очаков и разрушили его, потом опустошили Молдавию. Но затем они обращаются снова к походам на панские имения Украины. Рядом с низовым войском, во главе которого стоят в эти годы Микошинский, Лобода, Шаула, организует еще более своевольные полчища Наливайко, бывший служебник князя Острожского, разошедшийся с запорожцами из-за кампании Косинского, в которой Наливайко стоял на стороне Острожского. Наливайко со своими ка-

заками также занимается походами в Молдавию и наездами на панские имения Украины. Оба войска хозяйничают в Киевском, Браславском и Волынском воеводствах, отсюда проникают в белорусские земли, собирая контрибуции, принимая участие в наездах и домашних войнах панов, разоряя шляхту и мещан, которые не хотели войти в союз с ними и отдаться под их протекцию, и привлекая все новые массы населения в свои ряды (1595 г.). Таким образом, огромная территория Восточной Украины оказалась фактически во власти казаков в продолжение почти пяти лет; шляхетское хозяйство было разрушено, крестьяне в огромных массах показались.

Правительство, все это время оставлявшее местную шляхту ее собственным заботам и силам, лишь освободившись от молдавской войны (1594—95), обратило серьезное внимание на казацкое движение, и в начале 1596 г. польский гетман Жолкевский получил приказ идти на казаков. Жолкевский, один из лучших польских полководцев, быстро двинулся в поход, надеясь напасть на казаков раньше, чем отдельные партии их соединятся. Но это ему не удалось. Наливайко, на которого он обрушился прежде всего, успел ускользнуть и ушел в степь, и затем, войдя в соглашение с запорожцами ввиду грозившей опасности, присоединился к ним. Жолкевскому не удалось ни разъединить бывших реестровых и «своевольных», ни посеять раздор между их вождями, как он хотел. Казаки успели объединить и стянуть свои силы к окрестностям Киева. Но все же они в значительной степени были захвачены врасплох, не подготовленными к войне. Около Белой Церкви произошел ряд упорных битв, после которых казаки, сильно потерпевшие, несмотря на свою численность, от лучше организованного и вооруженного польского войска отступили за Днепр, к Переяславу и заняли своими отрядами берега Днепра, не позволяя полякам переправляться через Днепр. Однако Жолкевскому удалось устроить переправу ловкою диверсией, и тогда казаки, бросив оказавшуюся неудобною позицию около Переяслава, начали отступать в глубину Поднепровья, тогда еще очень слабо колонизированного. Жолкевский, решившись искоренить «своеволю», замышлявшую, по его словам, уничтожить шляхту и разбить Польшу, двинулся следом за казаками и, опасаясь, чтобы они не задумали перейти границу, перерезал казакам дорогу и принудил их стать лагерем на довольно неудобной позиции около Лубен, у реки Сулы, на урочище Солонице.

Сильно уменьшившееся во время предшествовавших переходов, притом отягощенное большим обозом, в котором находились казацкие семьи, казацкое войско с большим трудом выдерживало блокаду, подвергаясь беспрестанным нападениям поляков и артиллерийскому огню; внутренние несогласия между предводителями низовцев и наливайковцев, не изгладившиеся и после их объединения в одно войско, также оказывали очень вредное действие. Однако казаки держались стойко, и только после двунедельной осады, потеряв на-

дежду получить подкрепление, так как низовцы, пришедшие на помощь, не могли пробиться под Лубны, осажденные начали переговоры. Жолкевский обещал амнистию под условием, что казачье войско выдаст предводителей, артиллерию, казну и разойдется по домам. Казаки исполнили это требование, но тогда польское войско вероломно напало на них и множество народу перерезало. Предводителей казнили в Варшаве; особенно жестоко поступили с Наливайком: его четвертовали ¹¹⁶, а позже сложилась легенда, что его сожгли в медном быке, как Фалариса ¹¹⁷. Сейм объявил всех казаков врагами отечества, лишенными охраны законов; все привилегии их были отменены. Но казачество не было уничтожено: низовцев в их недоступных степях невозможно было преследовать, и их оставили в покое.

Впрочем, лубенская бойня и на них произвела впечатление: на некоторое время Запорожье притихает, и среди него обозначается партия более умеренных, ставившая целью прежде всего добиться восстановления казацких привилегий. Это ей удастся действительно, так как скоро казаки снова понадобились Польше. Уже в 1599 г., вмешавшись в молдавские дела, правительство обратилось к низовому казачеству с приглашением принять участие в войне. Те потребовали полной реабилитации, восстановления status quo и возвращения привилегий. Их обнадежили, и они приняли участие в молдавской войне, а в 1601 сейм, имея пред собою новую войну, шведскую, и рассчитывая опять-таки на казаков, восстановил казацкую организацию. И хотя он оговорил при этом, что казацкие права восстановятся лишь для участников шведской кампании и что власть помещиков и старост над казаками должна остаться в силе, но эта оговорка не имела никакого значения: казаки, почувствовав, что правительство в них нуждается, становятся снова хозяевами в Юго-Восточной Украине, так что несколько лет спустя правительство видит себя вынужденным опять опубликовать разные распоряжения об обуздании «украинского своевольства». Но одновременно ему же приходится констатировать, что эти распоряжения не имеют никакой силы, что казаки не признают власти старост и помещиков, организовали свое собственное выборное управление и принимают под свою власть и в свой «присуд» не только отдельных крестьян и мещан, но и целые города. Участие польского правительства в московских делах так наз. Смутного времени, потребовавшее больших военных сил и затянувшееся в долгую хроническую войну, заставляло его в значительной степени смотреть сквозь пальцы на казачество, так как оно постоянно нуждалось в нем для этой войны, и многочисленные постановления сейма против казацких своеволий издавались больше для успокоения шляхты украинских земель, сильно терпевшей от казаков.

Они действительно хозяйничали как дома в шляхетских имениях, ссылаясь на надобности войска в припасах и амуниции для королевской службы. Судебные акты наполнены жалобами шляхты на ка-

зацкие своевольства и поборы; с другой стороны, слышим о частых нападениях казаков на татарские и турецкие владения. Не довольствуясь сухопутными походами на Крым и турецкие города на северном берегу Черного моря, казаки пускаются на своих утлых ладьях (так наз. чайках) в далекие морские экспедиции, с невероятной отвагой и пренебрежением к опасностям. Второе и третье десятилетия XVII в. были героической эпохой этих морских походов, когда казаки держали в страхе все Черное море, «окуривали мушкетным дымом» стены Константинополя и Синопа и заставили дрожать того самого султана, пред которым дрожала Польша, да и остальная Европа. В 1614 г. они разрушили Синоп и сожгли его цейнгауз, причинив убытку на 40 миллионов. В начале 1615 г. они на 80 ладьях напали на окрестности Константинополя, сожгли гавани Мизевны и Архюока, безнаказанно опустошили местность и ушли, а когда турецкий флот нагнал их около устья Дуная, смело бросились на турецкие корабли, овладели ими и сожгли в виду Очакова. Турки отомстили, выслав татар на Волынь и Подолье, но турецкий флот, отправленный против самих казаков, был разбит ими в Днепровском лимане, причем казаки взяли больше десятка больших галер и множество более мелких судов, а вслед за тем напали и сожгли Кафу и т. д. и т. д.

Эти походы и следовавшие за ними угрозы турок и набеги татар сильно раздражали польское правительство против казаков, так же, как и хозяйничанье их на Украине; но они были нужны, а главное — не было сил принудить их к повиновению. Ввиду слабости польских военных сил экспедиции на казаков, предпринимавшиеся несколько раз в продолжение второго десятилетия XVII в. — так наз. комиссии, — оканчивались обыкновенно тем, что казацкие вожди давали обещания прекратить походы на турок и татар и нападения на шляхетские имения, привести к порядку и повиновению казаков «на волости», исключить всех «своевольных» из своей среды и т. д. Эти уверения приходилось принимать за чистую монету, а фактическое положение вещей не изменялось, и казаки оставались далее господами положения Юго-Восточной Украины — всей южной части огромного Киевского воеводства.

Одновременно с этим небывалым доселе развитием сил казачества, его славы и значения развивалась его организация и расширялась программа. Первые казацкие движения конца XVI в. имеют еще очень хаотический характер: в них трудно видеть что-либо большее, кроме оппозиции шляхетским польским порядкам и стихийной экстенсивной силы. Проблески более определенной политической программы, вроде упомянутых выше планов, приписывавшихся Косинскому, трудно считать общим мерилom. Более сознательное идейное содержание, хотя несколько иное и даже более узкое сравнительно с теми зародышами социальной программы, которое мы видим в первых казацких движениях и которые в такой эмбриональной форме

остаются и в дальнейшем, — казачество получает в связи с союзом с духовенством и вообще украинскую интеллигенцию. Этот союз, заключенный во имя общих религиозных и национальных интересов, причем на первом плане фигурировала именно религия, прикрывая национальные стремления и интересы, — получает свое полное осуществление как раз в этом периоде казацкой силы и славы — во втором и третьем десятилетиях XVII в.

Уже в движении Наливайка видели известную связь с оппозицией православных против унии, но эта связь очень слаба и сомнительна, хотя противники и прозывали после этого православных «наливайками». Более красноречивый эпизод с определенно выраженным характером сохранили нам источники из более позднего времени: в 1610 г. тогдашний казацкий гетман Тискиневич, очевидно, под влиянием сообщений из киевских православных кругов, прислал письмо киевской администрации с предостережением, что если уполномоченный униатского митрополита будет прет'пятствовать православному в свободном отправлении богослужения, то он на такой случай уже дал приказ казакам убить его, «яко пса». История эта окончилась тем, что упомянутого униатского администратора казаки позже действительно утопили в Днепре; для нас же интересна, так сказать, программная сторона этой первой казацкой декларации. Казаки заявляют, что они вместе с представителями украинского княжества и всем народом будут непоколебимо стоять при старинной своей православной вере и защищать ее и ее духовных представителей, не щадя своей жизни. Со своей стороны представители украинской интеллигенции объявляют казаков непосредственными преемниками традиций старой киевской культуры и государственности — «племенем старого народа Русскаго», наполнявшего восточный мир своею славою во времена Олега и Владимира, создавшего православную русскую церковь и культуру, естественными, традиционными покровителями церкви и ее интересов.

Благодаря заступничеству всесильного в Восточной Украине казачества киевские православные отстаивали себя, так что униатский митрополит киевский Потий не решался даже показываться здесь. Во втором десятилетии XVII в. в Киеве, как мы видели, организовался под покровом казачества новый центр религиозно-национальной и просветительной деятельности, а в 1620 г. киевское духовенство и тогдашний гетман Петр Сагайдачный воспользовались проездом из Москвы иерусалимского патриарха Феофана, чтобы восстановить православную иерархию. Сагайдачный сделался вершителем ее судеб и умел воспользоваться своим положением в ее интересах. Так как польское правительство и без того очень подозрительно относилось к Феофану, подозревая в его путешествии политические планы, то Сагайдачный взял его под свою специальную охрану, и затем под такую же усиленную охрану, с разными предосторожностями, осенью этого года были посвящены патриархом митрополит

и несколько епископов. Такое самовольное, без разрешения правительства, восстановление православной иерархии было шагом очень смелым, даже и при покровительстве казаков. Но обстоятельства благоприятствовали ему: Польша в этот момент нуждалась в казаках более, чем когда бы то ни было, и раз они сделали из восстановления православной иерархии свое дело, правительство, предпринимая различные репрессии против восстановленной иерархии в других областях, не решилось наложить руку на главные очаги нового движения, находившиеся под охраною казачества.

По отношению к последнему польское правительство считало нужным быть особенно сдержанным, потому что как раз в это время Турция после неоднократных угроз двинула наконец свои войска против Польши. Казаки или вовсе не приняли участия в войне, или если и приняли, то очень слабое: среди них в это время одержала победу партия крайних, решительно враждебная польскому правительству; Сагайдачный, вождь умеренных, устранился от дел и не принял участия в кампании. Жолкевский, выступивший навстречу туркам со своим малочисленным войском, был разбит под Цецорой и сам пал в битве. Ожидали нового, еще более грозного похода турок на следующий год; Польша была в страшной панике, и единственная надежда была на казаков. Киевские круги надеялись заставить правительство — за цену участия казацкого войска в турецкой кампании — признать новопоставленную православную иерархию. Сагайдачный и его партия старались удержать казацкое войско от участия в кампании, пока требования православных не будут исполнены правительством. Сам Сагайдачный отправился к королю, чтобы предложить ему требования православных. Однако казацкое войско, не ожидая благоприятного решения вопроса, уже двинулось на театр войны. Сагайдачный был принужден удовольствоваться довольно общими обещаниями короля и решил сделать как можно больше в предстоящей кампании, чтобы тем более обязать правительство по отношению к казачеству и его требованиям.

До нас вообще дошло мало подробностей об этой выдающейся личности, оставившей такой заметный след в истории казачества. По происхождению украинский шляхтич из Галиции, из-под Самбора, он является ближайшим сподвижником галицких представителей религиозно-национального движения, перенесших в это время свою деятельность в Киев и под покровительством гетмана-земляка создавших новый центр его в Киеве. Сам воспитанник острожской школы, Сагайдачный вполне искренне и глубоко сочувствовал и разделял стремления и планы своих земляков-галичан, — как Плетенецкий, Борецкий, Копыстенский и др., — вводивших это движение в новый фазис и заключавших тесный союз с казачеством в интересах церковных и национальных интересов украинского народа. К сожалению, вся предшествующая деятельность Сагайдачного погибла для нас. В наших источниках он упоминается очень поздно —

уже в качестве казацкого гетмана, предводителя в смелом морском походе 1616 г. на Кафу. Искусный и отважный полководец, он одновременно обнаруживает большие таланты политика и администратора. Очевидно, в значительной степени благодаря его влиянию целое десятилетие первой четверти XVII в., бывшее временем наибольшего развития казацких сил и значения, проходит без всяких серьезных конфликтов с правительством. Будучи представителем партии умеренных казацких оппортунистов, старавшихся избегать конфликтов с правительством, Сагайдачный ценою обещаний и внешних уступок успешно охранял казацкий *status possidendi*¹¹⁸ от правительственных репрессий. Он ловко лавировал между неисполнимыми желаниями правительства, с одной стороны, и требованиями крайней казацкой партии — с другой, стараясь дать исход энергии казацкой вольницы вне конфликтов с правительством. Правда, обстоятельства ему благоприятствовали, так как Польша в это время очень нуждалась в казаках, но нужно было много умения, чтобы использовать эти обстоятельства. Включение в казацкую программу религиозно-национального вопроса было, несомненно, в значительной степени делом Сагайдачного, и это обнаруживает в нем патриота с довольно широким кругозором. Роль, какую он сыграл в турецкой войне 1621 г., дала ему возможность закрепить успехи своей политики даже для последующих годов, и они пережили его смерть, хотя и ненадолго.

В войне 1621 г., так называемой Хотинской кампании, казаки под предводительством Сагайдачного сыграли главную роль. Его партия устранила вождя крайних — Бородавку — и объединила в руках Сагайдачного все силы казачества. Казацкое войско показывало чудеса храбрости в битвах, и успешное окончание этой кампании в Польше открыто признавали заслугою казаков. Сагайдачного считали спасителем Польши от страшной опасности, грозившей ей от турок. Но он только несколькими месяцами пережил этот триумф, скончавшись от раны, полученной во время этой войны.

При Сагайдачном сила и значение казачества в Польском государстве, в рамках его государственной системы достигли своего апогея. Преемники власти и политики Сагайдачного оказались, однако, в трудном положении. Хотинская победа освободила Польшу от страха турецкого нашествия; казаки более не нужны были правительству. Походы же их на турецкие и татарские земли продолжались по-прежнему, и когда в польских кругах изгладились первые впечатления признательности за хотинскую услугу, выдвинулся снова вопрос об обуздании украинского своеволия для поддержания добрых отношений с Турцией и успокоения украинской шляхты, жестоко терпевшей от усиления казачества. Религиозный вопрос оставался неразрешенным, правительство решительно уклонялось от удовлетворения требований православных, а вмешательства казаков в религиозную борьбу вызывали сильное раздражение в правительственных

сферах. В начале 1625 г. казаки произвели в Киеве восстание, во время которого были убиты киевский войт Ходыка, осмелившийся поддерживать унию, и униатский священник Юзефович; после недавнего убийства в Полоцке униатского архиепископа Кунцевича этот инцидент вызвал тем большее раздражение. С другой стороны, большую тревогу в польских правительственных кругах вызвали политические замыслы казачества, неожиданно принявшие чрезвычайно широкие размеры. Казаки заключают тесный союз с крымским ханом Махметом и его братом Шагином, восставшими против своего турецкого сюзерена, затем среди них появляется претендент на султанский трон Александр Яхия, с планами христианского союза против Турции и организации восстания среди христианского населения балканских земель. Пользуясь этим случаем, киевские православные круги и предводители казачества входят в сношения с московским правительством, чтобы побудить его к деятельному вмешательству в польско-украинские отношения; послы православного духовенства заводят речь о принятии Украины Москвою в свою протекцию и вооруженном вмешательстве ее в грозивший Украине конфликт казацкого войска с польским правительством. Темные слухи о сношениях казачества с Москвою и Крымом времен Косинского, таким образом, получали теперь вполне конкретную, планомерную форму.

Все это чрезвычайно встревожило польское правительство. Казакам предъявлен был ультиматум: прекратить набеги на соседние государства и исключить из своей среды всех не вписанных в реестр. Но это вызвало только взрыв негодования в казацких кругах. Снова верх взяла партия крайних; гетманом был выбран один из ее представителей — Жмайло. Вместо обещаний покорности казаки заявили, что их вовсе не обязывают трактаты Польши с Турциею, и начали готовиться к войне. Тогда правительство поручило коронному гетману Конецпольскому двинуть против них войска, и осенью 1625 г., подарив Гиреев и обеспечив их нейтральность, он действительно открыл поход на казаков.

Кампания 1625 г. служит типическим образчиком казацко-польских войн. Казачество было тяжелою машиною. Чтобы стянуть рассеянных в степях на промыслах низовцев, тем более чтобы мобилизовать земледельческое оседлое казачество, жившее в государственных и частных имениях на огромном пространстве Юго-Восточной Украины, нужно было много времени. Не успела еще мобилизоваться эта казацкая масса, как Конецпольский быстрым походом, стягивая на пути силы, прошел Правобережную Украину, остановив казацкую мобилизацию и заставив мелкие казацкие отряды отступить на юг, к Запорожью, и прежде чем Жмайло с низовцами «выгрёбся на волость», он стоял уже под Черкассами. Жмайло поджидал казаков, отправившихся в морской поход, затем много времени потерял, добываясь помощи от хана, согласно договору; но хан, получив большие суммы от Польши, изменил союзу. Казаки, собравшиеся около

Черкасс, старались переговорами протянуть время, и за это время Жмайло действительно подоспел с Запорожья «с арматою» (артиллериею). Конецпольский предложил ему условия правительства: число казаков будет ограничено давними постановлениями (1000—2000), остальные вернутся в крестьянское или мещанское сословие; старший казацкий будет назначаться правительством; войско прекратит на будущее время морские походы и сношения с иностранными правительствами и выдаст их участников. Казаки отказались принять эти условия, действительно неосуществимые: казаков считалось до 50 000, и какой-нибудь двухтысячный реестр ввиду этого был просто ирониею. Начались военные действия.

Первая битва, около Крылова, очень упорная, окончилась нерешительно; казаки отступили и около Курукова озера (у теперешнего Крюкова) расположились хорошо устроенным укрепленным лагерем. Конецпольский предпринял ряд штурмов казацкого лагеря, но казаки защищались очень упорно, и поляки были отбиваемы с большими потерями. Положение поляков становилось очень рискованным, и Конецпольский возобновил переговоры. Под влиянием понесенных потерь и среди казаков тоже одержали верх умеренные элементы, стремившиеся восстановить добрые отношения с польским правительством, тем более что перспектива близкой войны Польши со Швецией подавала надежду, что в действительности требования польского правительства не будут строго осуществляться. После обоюдных торгов и уступок казаки согласились на шеститысячный реестр и дали обещание не производить походов на соседние государства. «Старшим» правительство утвердило предложенного ему вождя умеренной партии, уже раньше занимавшего этот пост, — Михайла Дорошенка, человека, несомненно, способного, талантливого администратора и полководца. Он был дедом еще более славного гетмана Петра Дорошенка.

Пред лицом расквартированного на Украине польского войска, от которого всем было желательно избавиться как можно скорее, составление реестра прошло без сколько-нибудь серьезных осложнений. Эта реформа, грозная сама по себе, из десятков тысяч казачества при казацких правах оставлявшая только шесть тысяч вписанных в реестр, а остальных обращавшая в «послушных подданных» своих помещиков и старост, в действительности, несомненно, не была проведена сколько-нибудь строго, и затем массу «выписчиков», т. е. исключенных из реестра казаков, взяло на службу для шведской войны само правительство, уничтожив таким образом собственными руками результаты кампании 1625 г. С другой стороны, Дорошенку удавалось удерживать казаков от морских походов благодаря тому, что исход их воинственной энергии дали вновь обострившиеся крымские междоусобия: борьба Махмет и Шагин-гиреев с турецким правительством и его ставленниками. Участие казаков в этой крымской усобице не было противно планам польского правительства и не

грозило конфликтом с последним: польское правительство, не решаясь открыто вмешаться в эту усобицу, находило желательным поддерживать непокорных Турции гиреев.

Но в крымском походе 1628 г. Дорошенко был убит. Его преемник, Грицько Савич Черный, не обладал, очевидно, тактом и способностями Дорошенка и не умел держать в повиновении выписчиков, несмотря на благоприятные условия, созданные вмешательством польского правительства в крымские дела. Если Дорошенко, будучи гетманом по назначению, тем не менее был представителем национальных интересов, как показывают его петиции в интересах православия, и пользовался большим авторитетом среди казачества и украинского общества вообще, то в Черном видели лишь правительственную креатуру. Крайние элементы скоро усилились на Запорожье настолько, что Черный вынужден был выйти оттуда «на волость», а на «Низу» появляются самовольно выбранные выписчиками гетманы, не признающие Черного. В их сторону обращаются симпатии украинского населения и интеллигенции: не к Черному, а на Запорожье обращается православный митрополит за содействием против новых мер правительства, предпринятых в интересах унии.

Крайняя партия — запорожские «выписчики» — разрывает с лояльною политикою Дорошенка, предприняв большой морской поход на малоазиатское побережье и возобновив самостоятельные политические сношения. Положение достигает еще большего напряжения, когда с окончанием шведской войны правительство возвращает на Украину на вербованные казацкие полки и одновременно — гетмана Конецпольского с польским войском. Конецпольский, раздраженный нарушением Куруковских статей, горел желанием залить кровью казацкие своеволия. Под его влиянием или опираясь на его помощь, Черный делает попытку подавить противную партию, но этим только ускоряет развязку. Низовцы под предводительством своего гетмана Тараса Федоровича * весною 1630 г. вступают в пределы Киевского воеводства. Черный, прибывший к ним по их приглашению, был ими убит; большинство подчиненных ему казаков присоединилось к низовцам. В народе распространялись грамоты Тараса, приглашавшие население восставать против правительства и присоединяться к казакам. Польские войска, отказавшиеся по требованию Тараса выйти из своих квартир, подвергались избиениям со стороны восставших казаков и крестьян.

Восстание захватило Конецпольского врасплох, почти без войска. Он, однако, поспешил против казаков, собирая по пути шляхетские ополчения. При его приближении казаки из-под Киева отступили за Днепр и расположились лагерем около Переяслава. Повторилась кампания, напоминавшая события 1625 г., но гораздо более благо-

* В позднейшей традиции, вообще очень фантастически обработавшей это восстание, Тарас носил прозвище Трясила.

приятная казачеству, так как последнее на этот раз не было захвачено врасплох. Польское войско делало усилия взять казацкий табор, но это ему не удалось. Понесши огромные потери, Конецпольский принужден был начать переговоры; положение его было тем затруднительнее, что восстание отрезало ему сообщение с западными провинциями. Но и среди казацкого войска, очевидно, наступило раздвоение — умеренные элементы начали опять поднимать голос. В конце концов согласились принять условия Куруковского трактата 1625 г., взамен чего Конецпольский должен был признать полную амнистию для всех участников восстания. Молчаливым соглашением было установлено, что в фактические отношения казаков и Украины Конецпольский не будет вмешиваться. Выписчики обещали разойтись по домам. Официальным гетманом был назначен некий Орендаренко.

Таким образом, если казакам и не удалось добиться юридического расширения казацких привилегий, к которым стремился Тарас, требуя отмены куруковских ограничений, то фактически они удержали status quo. Некоторые формальные уступки также были ими достигнуты, что, может быть, было ответом на петицию казаков правительству. Реестр был увеличен до 8000, что представляло, впрочем, цену лишь в смысле прибавки жалованья, так как фактического значения реестр не получил; обещано было удовлетворение «как относительно их прав, так и в вопросе религии».

Война с Москвою, затем со Швецией заставляли польское правительство дорожить казаками: выписчики были призваны на службу и все куруковские ограничения остались в забвении. Но более дальновидные в политическом отношении представители казачества не удовлетворяются уже этой фактической свободой от правительственных ограничений, а стремятся легализовать ее и доставить казачеству влияние на государственную жизнь Польши. Эту программу особенно ясно видим у тогдашнего гетмана Петражицкого-Кулаги (1631—32). Во время бескоролья по смерти Сигизмунда III (1632) казаки выступают с требованием допущения их к участию в выборе короля и со своей стороны заявляют сыну Сигизмунда Владиславу о своей готовности поддерживать его кандидатуру даже вооруженною силою. При этом они выступают не как репрезентанты только своих сословных интересов, а как представители украинского народа: в петициях, присланных на избирательный сейм 1632 г., они на первом месте ставят требования, чтобы «народ наш русский пользовался принадлежавшими ему правами и привилегиями», а православное духовенство нигде не подвергалось ограничениям в свободном управлении своих функций и пользовании церковными имуществами и не терпело притеснений от униатов. Для себя казаки ходатайствовали только о прибавке жалованья и обеспечении прав казаков, проживавших в помещичьих имениях; нужно сказать, что эти столкновения казачьих «вольностей» с помещичьими правами составляли один из наиболее щекотливых пунктов в общественных отношениях

Юго-Восточной Украины: помещики никак не хотели отречься вполне от своих прав по отношению к «показавшимся» подданным, и вопрос этот постоянно всплывал при определении казацких отношений.

Казацкие петиции, поддержанные вдобавок вооруженными манифестациями, не остались вполне бесплодными. Несомненно, что они сильно повлияли на благоприятное решение вопроса о православной иерархии, как он был поставлен в так называемых «пунктах успокоения русского народа», выработанных сеймовою комиссиею. Главными борцами по этому вопросу выступили украинские парламентаристы посольской палаты: волынские, браславские и киевские депутаты, давно уже поставившие своею задачею — ввиду непреклонности в религиозных вопросах короля Сигизмунда — добиться улучшения религиозных и национальных отношений в момент бескоролья. Украинская шляхта, уже сильно разреженная массовым отпадением своих сочленов от веры и народности своих предков, напрягла все свои силы и действительно с необычайною энергией и самоотвержением выступила со своими требованиями, главным образом в вопросе о признании православной иерархии и прав православных. Владислав, носившийся с планами войны с Москвою и обеспокоенный известиями об агитации в пользу Москвы, которую вели среди казаков представители киевских духовных кругов, со своей стороны энергически поддерживал требования православных и несмотря на упорное сопротивление клерикально настроенного сената провел помянутые «пункты». Этими пунктами, подтвержденными присягой новоизбранного короля, официально признавались рядом с униатскою восстановленная православная иерархия и православная церковь, свободное исповедание православия и т. д.

Мир, однако, не был продолжителен. Крайние элементы были так сильны, что с ними трудно было совладать. Кулага-Петражицкий, напр., навлек на себя упреки в излишней уступчивости прагматизму, хотя в действительности это обвинение не имело за собой никаких данных. Он был смещен, а потом и убит; главной причиной неудовольствия были его усилия удержать казаков от морских походов, которые предпринимались низовцами и грозили испортить отношения к правительству и воспрепятствовать осуществлению лояльной программы умеренных. Наряду с этим имела также решительное значение и агитация со стороны киевских духовных кругов, непримиримо настроенных по отношению к правительству и враждебных всякому оппортунизму. Официальное признание православной иерархии и назначение новых епископов (между прочим, Петра Могилы, сменившего представителя непримиримых, Исаию Копинского), положили конец этой агитации и улучшили положение представителей умеренной политики. Последним удалось еще продержаться несколько лет, хотя положение их становилось все более затруднительным. Набеги казаков на турецкие земли вызвали ряд новых сеймовых постановлений против них; между прочим, решено было построить

крепость на Днепре, чтобы воспрепятствовать походам казаков на море. Подобные планы возникали и раньше, но на этот раз такая крепость была действительно построена у первого порога, Кодацкого, и по его имени названа Кодаком. Помещенный здесь гарнизон не замедлил дать себя почувствовать казакам разными притеснениями и придирами. Все это вызвало сильнейшее раздражение среди казаков. Рассчитывая на шведскую войну, начавшуюся тогда на Балтийском побережье и потребовавшую сейчас же и казацких контингентов (польское правительство рассчитывало воспользоваться казаками на море за полным отсутствием флота у Польши, и казацкие чайки действительно произвели здесь большой эффект), казаки решили воспользоваться этим моментом, чтобы отделаться от ненавистного надзора. Казацкое войско под предводительством героя морских походов, Сулимы, неожиданным нападением захватило Кодак, разорило, а гарнизон избило.

Казаки надеялись, что правительство, нуждаясь в казацком войске, не будет очень строго к такому своевольству. Но сейм, весьма неблагоприятно относившийся к военным планам Владислава и пресекавший одну за другою все войны, какие он начинал, успел в самом начале прекратить и шведскую войну. Представители польского правительства, поддерживавшие сношения с казацким войском, — в особенности Лука Жолковский (брат гетмана) в качестве переяславского старосты игравший роль главного комиссара по казацким делам, — начали стращать казаков новым походом Конецпольского; с другой стороны, пустили в ход подкупы среди казацкой старшины и достигли того, что последняя не допустила восстания. Реестровые удержали низовцев и выдали предводителей кодацкого погрома — Сулиму и других; они были отосланы в Варшаву и казнены.

Эта некорректность, однако, только усилила недовольство против представителей умеренной политики. Брожение все усиливалось и охватывало все более широкие круги. С окончанием московской и шведской кампаний казаки отпущены были по домам, на Украину, а наемные польские войска расположились в Юго-Восточной Украине на квартиры. Такие моменты вообще содействовали скоплению горючего материала: расквартирование польских войск приводило к утеснению украинского населения и вызывало среди него крайнее озлобление, переходившее очень часто в ссоры, схватки и стычки. Казаки были раздражены тем, что за целый ряд лет им не было выплачено жалованье; притом возвращение по домам большого числа казаков придало новую остроту вопросу о казацкой оседлости, отношениях к помещикам, старостам и пр. Поход в Крым, организованный одним из участников похода Сулимы, Павлюком (полное имя его было Павло Бут, но он известен под этим уменьшительным именем), несколько ослабил напряжение: вмешательства в крымские смуты не были противны политике правительства, а между тем отвлекали внимание казаков. Умеренные, во главе которых стоял гетман Томиленко,

между тем старались петициями склонить правительство к удовлетворению казачьих претензий и жалоб. Но последнее совсем некстати стало неуступчивым: уменьшило жалованье, не согласилось удовлетворить просьбы казаков относительно некоторых прав их; между прочим, злобою дня было воспреещение помещиками казакам свободного винокурения для собственного потребления.

Когда Павлюк, вернувшись из крымского похода весною 1637 г., начал агитацию в духе крайней оппозиции, это направление начало одерживать верх. Казачью «армату» сторонники Павлюка насильно забрали из Черкасс и перевезли в Запорожье, где начало организовываться движение против правительства. Правительственная партия ускорила развязку, сменив Томиленка, подозреваемого в сочувствии Павлюку, и выбрав нового гетмана — Кононовича. Ответом была прокламация Павлюка, объявлявшая Кононовича и его сторонников изменниками и приказывавшая арестовать их. Кононович со всею старшиною были арестованы и приведены в лагерь Павлюка; некоторых из них казаки казнили, прочих подвергли другим наказаниям. Отряды Павлюковых казаков, рассеявшись по Юго-Восточной Украине, принялись разорять панские имения, возбуждая население к восстанию. Были распространены воззвания, приглашавшие всех исповедующих «благочестивую» (т. е. православную) веру к восстанию против поляков, замысливающих уничтожить казаков и обратить всех в своих невольников. Везде формировались отряды восставших, так что шляхта принуждена была спасаться бегством.

Ее жалобы понудили правительство обратиться к решительным мерам. Польный гетман Потоцкий получил приказ отправиться для усмирения восставших. Ему удалось пройти до Днепра раньше, чем из Запорожья прибыл с низовцами и арматою Павлюк, который за это время старался привлечь на свою сторону Крым и упустил момент, когда мог овладеть территориию Киевского воеводства. Часть реестровых присоединилась к войску Потоцкого; среди самих восставших не было единства плана и решимости продолжать борьбу во что бы то ни стало. Перейдя р. Рось у Днепра, Потоцкий встретил Павлюка у с. Кумеек, и здесь 16 декабря н. ст. произошла битва. Казаки ударили на поляков, окруживши себя подвижною стеною возов (так наз. табором); но их нападение было отбито, и поляки перешли сами в наступление. Казаки начали отступать; польское войско пошло по их следам. Застав в Мошнах оставленных казаками раненых и отставших и перебив их, оно настигло около Боровицы войско Павлюка. Понесенные казаками значительные потери подорвали энергию в казачьем войске. По словам польского дневника похода, казаки выслали депутацию к Потоцкому с просьбой о мире, затем по его требованию выдали Павлюка и Томиленка, обещали сжечь чайки и выгнать из Запорожья своевольную «чернь». На этих условиях состоялся мир. Польские комиссары составили реестр; Потоцкий, чиня жестокие экзекуции над восставшими — казня

и сажая на кол, прошел по Украине и для поддержания спокойствия расположил свое войско на зимние квартиры.

Но из Запорожья казаков выбить не удалось; туда укрылись рассеянные отряды, и там производились деятельные приготовления к новой войне. Гетманом выбрали Острянина. С наступлением весны (1638 г.) он двинулся из Запорожья и на этот раз перенес театр восстания на левый берег Днепра. Обойдя Потоцкого, старавшегося преградить ему дорогу, Острянин прошел до впадения Голтвы в Псел и устроил здесь свой укрепленный лагерь на чрезвычайно удобной позиции. Потоцкий предпринял несколько попыток атаковать его, но в конце концов вынужден был отступить с огромными потерями. Увлеченный успехом, Острянин пошел по его следам, надеясь во время похода соединиться с отрядами казаков, подходивших ему на помощь. Но здесь его постигла неудача: поляки перехватывали и громили отряды, подходившие на помощь Острянину, и сам Острянин, вступивший в битву под Лубнами, потерпел большой урон и начал отступать на юго-запад, к Днепру. После новой неудачной битвы он бежал из казачьего войска, боясь в случае окончательной неудачи быть выданным полякам, и затем с большим числом земляков эмигрировал на московскую границу, в так наз. Слободскую Украину.

Казачье войско не смутилось потерей вождя и не оставило позиции. На место Острянина был выбран Дмитро Гуня. Он ухитрился отступить к Днепру и окопался здесь в очень удобной позиции. Это отступление и последовавшая затем шестинедельная осада составляют одну из замечательнейших страниц казачьих войн и завершили славу Гуни как замечательного вождя, прославившегося уже в предшествовавшей войне искусным отступлением из-под Кумеек. Казаки чрезвычайно стойко выдерживали канонаду, отбивали приступы и терпеливо переносили недостаток припасов, надеясь на подкрепления и транспорт, которые вел из-за Днепра полковник Филоненко. Но поляки перехватили в дороге этот транспорт, и Филоненко пробился к осажденным с пустыми руками. Это решило участь кампании. Казаки должны были принять тяжелые условия, которые поставил им сейм. Они надеялись еще, что, быть может, депутация их, высланная к королю, что-нибудь изменит в их пользу, но надежда оказалась напрасною. Единственно, чего достигло казачье войско своим упорным сопротивлением,— это полной амнистии для участников восстания (поскольку, впрочем, не перерезали их в предшествующих битвах польские солдаты, обнаружившие в этой войне вообще крайнее ожесточение). Но в общем положение казачества сравнительно с предшествующим сильно ухудшилось вследствие этого неудачного восстания.

Казаки потеряли свое самоуправление — все высшие должности в их войске стали замещаться по назначению, и притом польскими шляхтичами, относившимися к казачеству весьма недружелюбно. Было включено также немало посторонних казачеству элементов

и в реестр, возвращенный к старому шеститысячному составу. Казакам разрешено было жить только в пределах староств Черкасского, Корсунского и Чигиринского, и все не вошедшие в реестр были фактически исключены из казачьего звания. Казачество, таким образом, было локализовано и поставлено под строгий контроль. Возобновленный Кодак преградил казакам дорогу на Запорожье: без паспортов от своего начальства казаки не должны были пропускаться в степь и на Запорожье. Расквартированные на Украине польские войска имели следить за поддержанием этого порядка и спокойствия.

Благодаря тому, что в польской внешней политике наступило довольно продолжительное затишье и ни войска, ни казаков правительству не требовалось, ему удалось в первый раз выдержать характер и поддержать такой порядок довольно долго — в течение целых десяти лет. Король Владислав, мечтавший об организации европейской лиги против турок, имел, правда, планы направить против Турции казаков, чтобы впутать Польшу в войну с Турцией и принудить сейм, по-прежнему враждебно относившийся к воинственным планам короля, к ассигнованию кредита на войну. Он даже вошел по этому вопросу в секретные сношения с казаками; но казацкая старшина была настолько терроризирована, что не решилась откликнуться на эти секретные приглашения короля, и последние сыграли свою роль только впоследствии, в агитации Хмельницкого.

Но все указанные репрессии были осуществлены слишком поздно. На Украине скопилось столько горючего материала, предшествовавшие войны так расколохали народные массы, что нужен был только толчок, чтобы привести их снова в движение. И этот толчок был сделан в 1648 г. человеком, с именем которого связано величайшее народное движение Украины, произведшее переворот в ее жизни и в политических отношениях всей Восточной Европы. Это был чигиринский сотник Богдан Хмельницкий ¹¹⁹.

XVI

ХМЕЛЬНИЧЧИНА

Украинский мемуарист, так наз. Самовидец, описавший великое украинское народное движение XVII в. по личным воспоминаниям и представляющий взгляды украинской буржуазии ¹²⁰, стоявшей в стороне от чисто казацких интересов, указывает следующие причины восстания: недовольство своим положением казаков-выписчиков, обращенных в крепостных крестьян и слуг; гнет и несправедливости, испытываемые реестровыми под управлением польских шляхтичей в роли старшины; раздражение крестьян, «хотя богато живших», по его словам — на «вымыслы» помещиков, старост и арендаторов-евреев; и наконец — притеснение православия и распространение

унии и католичества в Восточной Украине после подавления казачества.

Указания сделаны довольно полно и верно, хотя сравнительное значение указанных причин автор учесть при этом не старался. Главную массу участников восстания дало крестьянство, которое сильно возрастало численно (это было время наибольшего развития крестьянской колонизации в Юго-Восточной Украине) и с развитием шляхетских польских порядков среди десятилетнего затишья на Украине прониклось особенно острым раздражением против польско-шляхетского господства. Значительный материал доставила масса выписчиков, лишенных казацких прав и особенно живо чувствовавших на себе давление польских порядков. Буйства и притеснения расквартированных на Украине польских солдат создавали вечно новую и обильную пищу этому раздражению. Религиозные притеснения дали клич, объединивший в борьбе против польских порядков всех недовольных ими, без различия сословных и экономических интересов, во имя интересов национальных *. А толчок к движению вышел из среды реестрового казачества, раздраженного притеснениями со стороны поляков-начальников ¹²¹. Типическим образцом этих притеснений, этого унижения казачества было дело Богдана Хмельницкого, заставившее его открыто выступить против водворившихся на Украине порядков и, связав свою личную участь с участью других обиженных этими порядками, искать отклика у всех угнетенных польско-шляхетским режимом.

Богдан Хмельницкий происходил из мелкопомещичьей (но, вероятно, не шляхетской) чигиринской семьи ¹²²; он получил для своего времени довольно хорошее образование, издавна служил в казацком войске и достиг в нем выдающегося значения. Последующая деятельность обнаруживает в нем опытного и искусного воина и человека вообще очень талантливого, но импульсивного, без большой выдержки и настойчивости. Даровитый полководец, гениальный, можно сказать, администратор, искусный политик-дипломат, он не способен был к созданию и последовательному проведению планов, далеко идущих в даль будущего, тем более что и сам он не возвышался над уровнем политических и общественных воззрений вырастившей его среды ¹²³. Его деятельность до восстания известна нам очень мало ¹²⁴. В 1636 г. мы видим его в числе депутатов к королю от реестровых ¹²⁵, среди участников восстания 1637 г. встречаем его в должности войскового писаря, т. е. правителя войсковой канцелярии, а при ординации 1638 г., когда все высшие посты в казацком войске были замещены поляками, он получил должность чигиринского сотника — высшую должность, какая была доступна для казака в новозаведен-

* О православных епископах говорили, что они посылали военные запасы Хмельницкому во время восстания; эти слухи во всяком случае дают понятие о солидарности столь различных общественных элементов на почве религиозно-национальных интересов.

ных порядках. Но несмотря на заслуги и значение Хмельницкого, когда у него произошло столкновение с местной польской администрацией, он подвергся целому ряду тяжелых моральных обид и материальных утрат: у него отобрано отцовское имение, сын его забит насмерть плетью при наезде на его дом ¹²⁶, устроенном его недругом подстаростою, сам он был арестован, и жизнь его подвергалась опасности. В конце концов, выпущенный из-под ареста, он бежал на исходе 1647 г. в запорожские убежища и начал возбуждать выписчиков и своевольных казаков, скитавшихся здесь, к восстанию против порядков, созданных реформой 1638 г.

Его слова нашли на Запорожье сочувственный отклик — недовольство существующим порядком было сильным и всеобщим, а Хмельницкий обнадеживал, что сам король сочувствует угнетенному казачеству. Для успеха восстания он старался заручиться, как и целый ряд его предшественников, помощью Крыма, и ему действительно удалось то, что не удавалось его предшественникам. Обстоятельства сложились благоприятно для него: крымский хан Ислам-гирей был раздражен на Польшу за неаккуратную уплату «упоминков», в Крыму свирепствовал сильный голод, и татарам непременно нужна была война и добыча. Хан обещал Хмельницкому помощь и действительно исполнил обещание; правда, сам он не захотел принять участия в войне, но поручил одному из сильнейших мурз, Тугай-бею перекопскому, помогать Хмельницкому. Это была очень важная гарантия успеха: благодаря помощи татар Хмельницкий успел удачно выдержать первые столкновения с польскими войсками и овладеть театром восстания. Обещание же татарами помощи, несомненно, с самого начала повлияло и на решимость к восстанию среди низового казачества, к которому присоединился также гарнизон, расположенный на Запорожье и состоявший из реестровых.

Между тем вести о приготовлениях к войне вызвали сильнейшее брожение на Украине — как ни была она, казалось, основательно придавлена. Шляхта требовала помощи от коронных гетманов, призывала их к репрессиям против готовящегося восстания. Король в своих письмах советовал гетманам не доводить до войны, пустить казаков «на море», чтобы их энергия нашла исход в походе на Турцию. Великий гетман Ник. Потоцкий принимал меры предосторожности — отбирал оружие у украинского населения, расставил реестровых казаков по южной границе украинской оседлости и одновременно вел переписку с Хмельницким, призывая его к покорности. Вопреки ходившим позже анекдотам о самонадеянности Потоцкого, вообще не придававшего, дескать, значения восстанию, он очень серьезно смотрел на дело, не разделяя оптимистического настроения короля. Требования, поставленные Хмельницким, — отмена ординации 1638 г. и вывод из Украины польских войск — были им признаны невозможными, оскорбительными, и война была решена.

В половине апреля 1648 г. оба гетмана — великий (Потоцкий)

и польный (Калиновский) двинулись со всеми силами на Хмельницкого. Вперед были посланы сын Ник. Потоцкого Стефан с отрядом польского войска и реестровые казаки под предводительством своего комиссара Шемберга; другой отряд казаков с польскими войсками был посажен в лодки и послан по Днепру. Но реестровые казаки не замедлили перейти на сторону Хмельницкого, двинувшегося со своей стороны навстречу Потоцкому. Сначала возмутились они в отряде, плывшем по Днепру, у урочища Каменный Замок, а затем в отряде Потоцкого и Шемберга. Присоединились к Хмельницкому и набобованные из украинского населения драгуны *. Оставленные ими Потоцкий и Шемберг защищались некоторое время в своем укрепленном лагере на р. Желтых Водах от окруживших их войск Хмельницкого, затем пробовали отступить, но тут их отряд был смят и совершенно уничтожен в урочище Княжий Байрак. Стеф. Потоцкий был взят в плен, Шемберг убит. Покончив с передовым отрядом, Хмельницкий двинулся против главной польской армии. Гетманы почувствовали опасность, хотя вести от передового отряда до них и не доходили, и заблаговременно начали отступать, разрушая города и местечки, «чтоб не достались врагам». Но под Корсунем настиг их Хмельницкий с татарами; отступая, польская армия попала в устроенные казаками на ее пути рвы и засеки и была совершенно уничтожена (26 мая); Потоцкий и Калиновский попали в плен и были отданы татарам.

Корсунская битва оставила беззащитным польско-шляхетский режим Украины — войска были уничтожены, вожди очутились в плену. Восстание беспрепятственно охватило правый берег Днепра и Заднепровье, значительно колонизированное в течение предшествовавшего десятилетия. Ватаги восставших крестьян под предводительством выписчиков жестоко расправлялись с шляхтою, евреями-арендаторами и со всеми причастными ненавистному режиму и присоединялись к казацким войскам. Уцелевшая шляхта спасалась бегством. Иеремия Вишневецкий — самый крупный магнат Левобережной Украины, изменивший своей народности потомок старого волынского рода — организовал сильный отряд и с энергиею и беспощадностью, прославившею его в польских кругах, пытался террором подавить восстание, но не был в состоянии совладать с массой восставшего крестьянства и едва успел пробраться из-за Днепра в Киевское Полесье, а оттуда на Волынь. В какой-нибудь месяц вся Восточная Украина — воеводства Киевское, Черниговское и Браславское — была вполне охвачена восстанием и находилась во власти Хмельницкого, о котором ходили слухи, что он замышляет образовать новое государство, украинскую монархию, принять титул великого князя и т. п.

* *Natione Roxolani, ritu Graeci, habitu Germani*, как описывает их современник, — народности украинской, веры греческой, а в обмундировке немецкой.

Но о таких планах Хмельницкому тогда вовсе еще и не снилось. Мы знаем, какие условия ставил он Потоцкому перед восстанием; только отказ Потоцкого привел его к войне. Разгром польских войск мог столько же радовать Хмельницкого, сколько и беспокоить: это был удар слишком сильный сравнительно с его непосредственной целью — произвести на польское правительство давление для отмены ординации 1638 г. Он мог раздражить польское правительство и затруднить разрешение вопроса, и Хмельницкий главным образом озабочен был тем, чтобы смягчить впечатление от такого резкого выступления. Остановившись лагерем после Корсунской битвы под Белою Церковью, он пишет отсюда письма к влиятельным в Польше особам, оправдывая свое восстание и прося для казаков защиты от притеснений¹²⁷. В петиции, посланной правительству от казацкого войска, казаки просят увеличения реестра до 12 тыс., уплаты задержанного жалованья и отмены постановлений 1638 г. относительно замещения высших должностей в казацком войске поляками. Как видим, желания очень скромные; тем более что увеличение реестра до 12 тыс. проектировал сам король в своих планах войны с Турцией, и это, вероятно, послужило основанием для данного пожелания. Но нужно помнить, что полувековая практика научила казаков в сношениях с шляхетским правительством ввиду его неуступчивости пользоваться малым, на бумаге по крайней мере.

На беду как раз в это время (20 мая) умер король Владислав, к которому питали большое доверие как сам Хмельницкий, так и казаки вообще. Ни временное правительство, ни сейм не имели в их глазах достаточно авторитета, и Хмельницкий с казаками не имели желания вступать с ними в переговоры. Чувствуя эту недостаточность своего авторитета, временное правительство и сейм отлагали решение казацкого вопроса до выбора короля, а тем временем, не получая никакого определенного ответа из Варшавы, Хмельницкий, чтобы предотвратить разложение казацких сил, принужден был двигаться на запад, поддерживая динамику восстания.

Когда польские войска, наново организованные и порученные одному из бездарнейших волынских магнатов — князю Доминику Заславскому, наследнику Острожских (также украинского происхождения), со своей стороны перешли в наступление, произошла новая катастрофа. 20 сентября польское войско напало на Хмельницкого под Пилявцами (в южной Волыни), но после первого же сражения, довольно неудачного для поляков, в польском лагере среди приготовлений к отступлению распространилась паника, и в безграничном страхе это довольно значительное войско разбежалось куда глаза глядят. Польша опять очутилась без войска. Волынь и почти вся Подолия оказались во власти восстания. Движение скоро распространилось и в Галиции; здесь, в Западной Украине — на Волыни, Подолье и в Галиции — восстание имело, впрочем, преходящий успех: не поддержанное с достаточной энергией казаками, оно

не развило значительных сил и было подавлено шляхтою; во власти Хмельницкого осталась позднее только Восточная Украина — Киевское, Брацлавское и Черниговское воеводства.

Хмельницкий по инерции двигался на запад, приступил ко Львову и прекратил его осаду, получив незначительный окуп; затем двинулся к Замостью и осадю последнего занял на несколько недель внимание своего войска в ожидании окончания бескорольевья. Наконец выбран был король — брат Владислава Ян-Казимир, кандидатуру которого поддерживал также и Хмельницкий, хотя, как оказалось, худшего выбора он не мог сделать: подобно своему отцу новый король был враждебно настроен к казачеству и к украинскому элементу. Хмельницкий, конечно, этого предвидеть не мог, и этот выбор давал ему выход из положения, которое его самого очень тяготило. Получив от новоизбранного короля уведомление об избрании с просьбою прекратить восстание и ожидать решения казацкого вопроса, которые сообщат ему королевские комиссары, Хмельницкий воспользовался этим поводом, чтобы прекратить поход и вернуться в Киев, куда должны были прибыть королевские послы для установления новых отношений.

До сих пор движение, вызванное Хмельницким, только своими размерами и небывалым дотоле успехом отличалось от предшествующих казацких движений. Оно исходило из интересов казачьего сословия и хотя оперировало крестьянскими массами, обращалось все еще в рамках казацкой сословной программы, с некоторым только оттенком общенациональных требований, сообщенным ей уже со времен Сагайдачного. Мы видели требования восставших — они не выходили за границы чисто казацких интересов; позже Хмельницкий присоединил к ним еще требование отмены унии; но, собственно, окончательною целью движения оставались отмена стеснений, введенных в 1638 г., и восстановление казачьих вольностей, так что Хмельницкий пока являлся только непосредственным преемником Сагайдачного, Дорошенка, Тараса Федоровича и др. Только в Киеве, по возвращении из победоносной кампании, почувствовал он разницу в положении. Его подхватила волна небывалого народного воодушевления, и под влиянием последнего происходит перелом во взглядах Хмельницкого, а вместе с тем входит в новый фазис и все освободительное движение.

Хмельницкого в Киеве встретили не как простого казацкого вождя, а как национального героя. «Весь Киев» оказывал ему почести гораздо большие, чем какому-либо воеводе, с горечью отмечает свидетель-шляхтич. Депутации от киевских школ приветствовали его как «украинского Моисея», освободителя от «лядской неволи», посланного Богом и в знак того «Богданом названного». Высшее духовенство во главе с гостившим тогда в Киеве иерусалимским патриархом встретило его знаками глубокого уважения как providенциального спасителя православия. И вот среди этого общего энтузиазма, под

влиянием бесед с высшими представителями интеллигенции тогдашнего культурного центра Украины мысли Хмельницкого начинают выходить за горизонт чисто казацких интересов. Конечно, на сцену выступал прежде всего религиозный вопрос — тогдашнее боевое национальное знамя. Но на нем мысли Хмельницкого не остановились и, раз выйдя из атмосферы чисто казацких движений, шли гораздо дальше. Перед его взором поднимался образ возрождения украинского народа, совершенно освобожденного от польского господства и устроенного на новых началах, под охраною казацкого войска. Он начинал сознавать возможность создания иных политических и общественных отношений, чем те, какие давала политико-общественная схема польской Речи Посполитой. Трудно без волнения следить за подъемом политической и общественной мысли у этого даровитого человека, олицетворявшего в себе современное ему украинское общество, весь украинский народ, неожиданно вырвавшийся из связывавших его вековых пут политического, экономического и национального порабощения, с восторгом и смятением созерцавший открывшиеся перед ним горизонты и открывавший в них возможность совершенно новых, немыслимых перед тем общественных и политических отношений.

Когда в феврале 1649 года прибыли к Хмельницкому королевские комиссары, чтобы вручить ему знаки гетманского достоинства, впервые признанного за казацким вождем, и установить новую казацкую ординацию,— вместо уверений в верности и преданности королю и Речи Посполитой польской, которые так щедро расточал Хмельницкий в прошлом году, они слышали от него совершенно иные речи. Он не хотел уже вступать ни в какие договоры, заявлял решимость «выбить из лядской неволи весь украинский народ», опершись на крестьянство и для охраны его организовав многотысячное казацкое войско. Он называл себя главою Руси, «русским самодержцем», упоминал об украинском государстве «по Львов, Холм и Галич» и грозил прогнать поляков за Вислу. В этих словах, вырывавшихся у гетмана в минуты возбуждения, конечно, нельзя искать какого-либо вполне определенно, окончательно обдуманного плана. Его и не было еще у Хмельницкого¹²⁸. Он и его сподвижники постоянно сбивались с этих широких планов на старую казацкую программу, ограничивавшуюся интересами казачества и православной церкви. Но все же было теперь ясно желание выйти из рамок польско-шляхетского режима и казацких ординаций и поискать новых условий существования для всего украинского народа.

Отказавшись от переговоров, Хмельницкий деятельно готовился к войне. В Польше также почувствовали, что это будет борьба не на жизнь, а на смерть. Сам король двинулся в поход. Но перевес сил и таланта был несомненно на стороне Хмельницкого. Театром войны оказалась снова южная Волынь. Неосторожно двинувшиеся против него польские войска Хмельницкий окружил под Збаражем,

в очень неудобной для них позиции, и довел до крайности, а когда на отчаянный призыв осажденных двинулся на выручку король во главе шляхетского «посполитого рушения» (всеобщего ополчения), он попал в руки Хмельницкого. Последний следил за движениями короля и, перерезав ему путь недалеко от Збаража, под Зборовом, поставил короля с его армией в безвыходное положение. Но в этот момент, когда Хмельницкий готовился уже диктовать королю свои условия, все планы его разбились об измену татар: полякам удалось подкупить хана, находившегося со своею ордою в лагере Хмельницкого; последний очутился между двух огней и должен был пойти на уступки. Под Зборовом в половине августа 1648 г. заключен был трактат между Хмельником и королем¹²⁹. Казацкий реестр устанавливался в размере 40 тыс., в него могли быть вписаны казаки, жительствовавшие в коронных и помещичьих имениях воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского; на территорию этих воеводств не могли быть вводимы польские войска, в них не могли жить ни евреи, ни иезуиты. Православная церковь должна была получить удовлетворение в своих жалобах на униатов на ближайшем сейме; православный митрополит получал место в сенате; на все должности в упомянутых трех воеводствах впредь должны были назначаться только православные.

Все это было огромным триумфом, если сравнить с первоначальными требованиями Хмельницкого, но полным фиаско — в сравнении с теми более широкими планами, для осуществления которых он возобновил войну. Если в Польше были возмущены чрезмерностью уступок, сделанных Зборовским трактатом казакам, то на Украине он возбудил негодование против Хмельницкого, как измена целям восстания. Действительно, трактат возвращал все к старой программе казацких движений: обеспечивались права казачьего сословия, весьма тщательно оговоренные в трактате, а также интересы православной религии — и совершенно игнорировались интересы крестьянства, которое должно было вернуться в прежнюю зависимость от помещиков. Народные массы, так дружно двинувшиеся на призыв Хмельницкого, почувствовали себя обманутыми и отвернулись от него. Можно сказать, что со Зборовским договором Хмельничина теряет характер свободного народного движения, народной войны¹³⁰. Хотя народная масса принимает участие и в дальнейших войнах под влиянием вражды к полякам, под давлением обстоятельств, иногда даже по прямому принуждению, но в ней нет уже былого одушевления, и во время последующих войн Хмельницкого развивается массовая колонизация украинского населения, разочарованного неудачей восстания: массы народа двигаются на восток, вне сферы досягаемости польского режима, за московскую границу, в Слободскую Украину.

Хмельницкий некоторое время делал возможное для выполнения Зборовского трактата: составил реестр — оставшийся, впрочем,

только на бумаге, опубликовал универсал против «своевольных бунтовщиков» — крестьян и т. д. Но очень скоро он должен был убедиться в невозможности выполнить этот трактат в действительности, т. е. восстановить прежний польско-шляхетский режим. Война была неизбежна, тем более что и с польской стороны не было искреннего желания установить какие-либо сносные отношения. Но Хмельницкий не решался опереться исключительно на народные силы, тем более что перемена в настроении масс для него не была секретом, и потому искал помощи извне. Он замышляет очень сложную систему союзов против Польши: входит в непосредственные сношения с Портою и, признав себя вассалом султана, заручается оттуда наказом для крымского хана — помогать Хмельницкому против Польши. Кроме того, старается втянуть в войну с Польшею Москву и одновременно с подобными же целями входит в сношения с господарем Молдавии, с энергическим владетелем Трансильвании Юрием Ракочи, а несколько позже и со Швециею.

Однако Хмельницкому пришлось разорвать отношения к польскому правительству раньше, чем эти дипломатические ходы доставили ему реальное содействие новых союзников. Война возобновилась уже в 1650 г. Единственным союзником Хмельницкий имел только хана, да и тот помогал ему неохотно, лишь подчиняясь распоряжениям султана; у него были иные планы: он замышлял войну с Москвою, в союзе с Польшею и Хмельницким, и снова испортил кампанию Хмельницкому.

Начало кампании было очень благоприятно для Хмельницкого, ознаменовавшись погромом под Винницею гетмана Калиновского, неосторожно, без приготовлений вступившего на казацкую территорию. Хмельницкий, исподволь приготавливавшийся к войне, готовился дать жестокий урок Польше, но медленность хана, которого он поджидал на помощь, заставила его упустить удобный момент для войны. Когда хан наконец явился, и Хмельницкий, соединившись с татарским войском, приготавливался к решительному сражению с поляками под Берестечком (в северной Волыни), татары ушли от Хмельницкого в критический момент, и вдобавок хан захватил и самого Хмельницкого, когда он прибыл в татарский лагерь, чтобы уговорить хана принять участие в сражении. Оставшись без предводителя, казацкое войско начало отступать и было почти уничтожено при переправе через болота. Кампания закончилась Белоцерковским трактатом, который представлял собою ухудшенную, обрезанную копию Зборовского и, конечно, еще меньше мог установить прочные отношения, чем последний.

На этот раз Хмельницкий не мог, конечно, иметь ни минуты иллюзий относительно возможности установления отношений на основании этого договора, но воевать не решался ввиду отсутствия союзников и сильного ослабления и апатии народных масс. Он снова принужден был политиканить и лицемерить перед Польшею. Снова

составляется реестр¹³¹, производятся экзекуции над непокорными крестьянами, не мирившимися с возвращением на Украину шляхты; и с возобновлением постоев польских войск и после нескольких месяцев такого невыносимого мира снова открывается война. Военные действия возобновились летом 1652 г. Холодное ожесточение сменило бывшее воодушевление. Обе стороны, утомленные бесплодной борьбою, напрягали последние силы, стремясь добить противника. Однако ни та, ни другая сторона не осмеливалась сделать первый шаг к решительной битве, и почти два месяца стояли обе армии на Подолии в бездействии, пока измена татар (6 декабря 1653 г.) не прервала еще раз кампании. На этот раз, однако, Хмельницкий не придавал уже значения такому обороту: его дипломатические комбинации начинали приносить плоды. В это именно время, после долгих колебаний решила вмешаться в его борьбу с Польшею Москва. Об установлении отношений к Польше Хмельницкий ввиду этого больше не думал.

Хмельницкий вошел в сношения с Москвою почти в самом начале своего восстания. Когда он решился начать с Польшею борьбу на жизнь и на смерть, он всячески старался втянуть в эту борьбу и Москву, направив последнюю на Польшу, и не щадил для этого обещаний и возможно соблазнительных для московского правительства перспектив. Он предлагал признать над собою верховную власть царя (как он уже признал для той же цели власть султана), завоевать для него Крым и т. п. Но московское правительство не решалось нарушить свой мир с Польшею, вступив в рискованную войну, и отвечало на все предложения Хмельницкого ничего не стоящими комплиментами. Однако обстоятельства скоро заставили призадуматься в Москве. С одной стороны, польские политики обнаруживали намерение направить казаков и татар против Москвы, чтобы отвлечь их силы в эту сторону, и Москва имела все основания опасаться, что Хмельницкий при всем желании в конце концов не будет в состоянии уклониться от этой войны, потеряв силу сопротивления. С другой стороны, неудачи, которые терпела Польша в борьбе с казаками, возбуждали в московских политиках желание воспользоваться ее затруднительным положением, чтобы вознаградить себя за утраты, понесенные в эпоху Смутного времени. Под влиянием этих соображений московское правительство решило в конце концов выйти из своего нейтрального положения, и созданный по этому вопросу земский собор вполне одобрил его намерения — принять Украину под свою протекцию и объявить по этому поводу войну Польше. О принятом решении немедленно из Москвы Хмельницкого, а вслед за тем было выслано на Украину чрезвычайное посольство — привести население Украины к присяге на верность московскому царю.

Мы не знаем, как представлял себе Хмельницкий свои отношения к Москве, но можно сильно сомневаться в том, чтобы он думал о

создании какой-либо прочной и тесной связи. Союз с Москвою, к которому он стремился, был только составною частью целой системы союзов, которую он приготавливал против Польши. Так как Москва представляла себе этот союз не иначе как в форме присоединения Украины к Московскому государству, то Хмельницкий, стараясь попасть ей в тон, высказывал готовность признать над собою власть московского царя, обещал ему доходы с украинских земель и заявлял готовность предоставить московскому правительству подобную же роль во внутренних отношениях Украины, какая ранее принадлежала правительству польскому. Ближайшею целью Хмельницкого было втянуть московское правительство в войну с Польшею, и для достижения ее он не находил нужным считаться с обещаниями и заглядывать в далекое будущее. Но когда наконец московское правительство решилось на этот шаг, Хмельницкому пришлось весьма скоро убедиться, что он сделал очень двусмысленное приобретение для осуществления своих планов.

Недоразумения возникли на первых же порах, когда конституционные привычки украинского населения столкнулись с самодержавными принципами Москвы. Когда казацкая старшина приносила, по желанию московского правительства, присягу на верность царю, она потребовала, чтобы царские послы также присягнули от имени царя в исполнении принятых им на себя обязательств по отношению к Украине. На это последовал отказ: послы заявили, что царь, как самодержец, не связывает себя присягою по отношению к своим подданным. Это заявление привело старшину в полное недоумение, так как совершенно противоречило их понятиям о государственных (конституционных) отношениях. Они ссылались на пример польских королей, приносивших присягу при избрании, но в конце концов увидели себя принужденными отказаться от своего требования. Правда, это была пока формальность, а формальностям в казацких кругах не привыкли придавать значение, но вслед за тем начали обнаруживаться расхождения уже вполне реальные.

Жизнь украинского общества шла впереди теорий. Идея автономного украинского государства, замкнутой украинской территории только начинала формироваться в умах украинских вождей, но фактически уже несколько лет Хмельницкий был главою государства, обнимавшего восточноукраинские земли и жившего вполне самостоятельною жизнью. Эти фактические отношения Хмельницкий и казацкая старшина хотели оставить в силе и под московскою протекциею, хотя и не ставили этого требования вполне определенно (в своих переговорах с Москвою они, впрочем, ссылались на примеры вассальных владений султана — Молдавии и Валахии). Но московские политики схватились за заявление Хмельницкого, неосторожно сделанное им в том смысле, что московское правительство должно утвердить сословные привилегии казачества, шляхты и православного духовенства, а в остальном может править Украиной, заняв

место правительства польского. Московское правительство ввиду этого не хотело дать никаких гарантий автономии Украины. Прежде всего другого оно распорядилось поставить в Киеве сильный гарнизон, устроив для него отдельную крепость, целый особый городок, и посадив воеводу, который являлся непосредственным представителем московской власти на Украине. Затем таких воевод московское правительство намеревалось ввести и во все более значительные города Украины, чтобы передать им администрацию и сбор налогов.

Когда Хмельницкий и казацкая старшина уяснили себе эту перспективу, понравиться им она никак не могла, но, дорожа союзом с Москвою и не желая сразу же портить свои отношения к ней, они не решились резко поставить вопрос. Когда вслед за приведением Украины к присяге царю пришлось выяснить дальнейшее положение Украины под московскою протекциею и московские послы направили украинскую старшину к центральному правительству *, Хмельницкий со старшиною в петициях, предложенных московскому правительству (в марте 1654 г.), не ставя вопроса по существу, хотели обойти его и рядом оговорок по возможности свести на нет участие московского правительства во внутреннем управлении Украины. Но в Москве оказались очень несговорчивыми относительно этого пункта и хотя, по московской осторожности, ввиду заявлений казацкой старшины отложили дальнейшее осуществление своих планов управления Украиною, но ответили отказом на все те желания казацкой старшины, которые имели целью ограничить роль Москвы во внутренних отношениях Украины.

Эти мартовские резолюции на петиции Хмельницкого и старшины, под именем «статей Богдана Хмельницкого», сыграли весьма важную роль, став основой устройства Украины в течение целого столетия. Но такая роль припала им совершенно незаслуженно: петиции не заключали в себе никакой продуманной программы, были составлены наскоро (о весьма существенных вещах казацким послам высланы были указы уже вдогонку), многое вошло сюда просто по традиции из договоров с польским правительством. Такой традиционный характер в значительной степени имеют пункты о казачьем войске, которому посвящено в этих петициях главное внимание,— все эти подробности о казачьем реестре, установленном в размере 60 тыс., о правах казачьих семейств, о содержании казацких чинов и т. п.,— вопросы вовсе второстепенные в сравнении с теми, какие в действительности выдвигала теперь жизнь: об общегосударственной власти гетмана, об автономии Украины и т. п. Этой последней сферы касаются только немногие пункты, содержащие следующие постановления: гетмана выбирает войско и только извещает царское правительство об избрании; гетман и войско могут сноситься с прочими госу-

* Они советовали явиться в Москву самому Хмельницкому, но тот уклонился под предлогом грозящей войны с поляками.

дарствами и извещают царское правительство только о том, что ближайшим образом его касается. Высказано было желание, чтобы московское правительство получало известную дань с Украины в круглой сумме,— в таком случае гетман удержал бы в своих руках управление страной и не было бы надобности в московских воеводах (этот пункт, впрочем, был поставлен очень неясно, так что разъясняется лишь устными петициями казацких послов; кроме того, обставлен был разными оговорками на случай несогласия московского правительства, и действительно не нашел у него сочувствия). Затем есть несколько пунктов, касающихся отдельных сословий,— о сохранении прав сословий светских и духовного, о сохранении за шляхтою, которая принесет присягу царю, всех преимуществ и сословных учреждений, какие существовали при польском управлении, о сохранении в городах выборного управления. Несомненно, мы составили бы очень невыгодное понятие об уровне политического развития казацких правящих кругов, если бы хотели искать в этих петициях полного образа их политических стремлений. Но петиции не договаривали до конца очень многого, чтобы не расстраивать только что налаживавшихся отношений.

Но благодаря этим недомолвкам с обеих сторон между Украиной и Москвою этими мартовскими статьями 1654 года устанавливались довольно неопределенные отношения. В некоторых отношениях за гетманом были признаны права верховной, суверенной власти (напр., право сношений с иностранными государствами); фактически оставлены были за ним функции общегосударственного управления *. Но московское правительство принципиально оставляло за собою право непосредственного управления и осуществляло действительно такие акты, которые входили в эту сферу. И при этом, в противоположность стремлениям казацкой старшины к расширению и упрочению украинской автономии, оно имело в виду именно расширять со временем свое непосредственное участие во внутренних отношениях Украины, превращая ее постепенно в обыкновенную провинцию Московского государства.

Сам Хмельницкий очень скоро почувствовал тяжесть своей зависимости от Москвы. Этот искусный игрок-дипломат, получив карту, которой так долго желал, неожиданно заметил, что она совершенно спутала ему игру. Этим объясняется загадочное на первый взгляд поведение Хмельницкого после осуществления союза с Москвою. Вместо того чтобы с новыми силами при помощи Москвы решительно ударить на Польшу, он избегает войны, уклоняется от походов, проектируемых московским правительством, или ведет себя в них двусмысленно.

* Опираясь на эти признаки, анализирувавший эти отношения покойный профессор Сергеевич определяет Украину как государство, связанное с Москвою только личною униею (см. его «Лекции и исследования по древней истории русского права», изд. 1903, стр. 106—7).

Театром войны сделалась Белоруссия, которой московское правительство задумало теперь овладеть. В оккупации Белоруссии принимал участие и казачий корпус, высланный Хмельницким по требованию московского правительства. На этой почве возник дипломатический конфликт, не улаженный, а насильственно разрешенный по смерти Хмельницкого: занятые ими в соседстве с Украиной белорусские земли казачье войско хотело оставить в своем владении, а московское правительство на это не соглашалось. Одновременно с оккупацией Белоруссии оно поручило Хмельницкому открыть также военные действия на Украине и соединиться с московской армией, действовавшей в Белоруссии, но Хмельницкий этого поручения не исполнил и подвергся упрекам со стороны Москвы. Только наступление польских войск на Браславщину зимою 1654 г. принудило его к отпору, но, отразив их (в битве под Охматовым в начале 1655 г.), он не воспользовался удобным обстоятельством и прекратил военные действия. Летом 1655 г. он двинулся на Западную Украину, так как этого требовало не только московское правительство, но и новый союзник, шведский король, начавший войну с Польшей и желавший диверсии с юга. Хмельницкий предпринял поход на Подолию, оттуда на Галицию, но с ним шло московское войско, и это парализовало всю его энергию: Хмельницкий действовал чрезвычайно вяло и, наконец покинув московское войско, вернулся назад. С начальниками московского войска он находился в открытой вражде, и во время осады Львова соединенными казацкими и московскими силами генеральный писарь Выговский, человек очень близкий к Хмельницкому, советовал львовским мещанам не сдаваться на царское имя, а шведскому королю Хмельницкий объяснил, что царские воеводы хотели занимать города на царское имя и ставить в них своих воевод, и это побудило его прервать поход.

Одновременно с таким неблагоприятным отношением к военным и завоевательным планам Москвы Хмельницкий деятельно продолжал свои дипломатические сношения, ища новых союзников, новых политических комбинаций, на которых он мог бы опереться и против Польши, и против Москвы. Он возобновляет свой союз с Турцией (1655), потом с Крымом; в конце 1656 г. заключает союз с Юрием Ракочи¹³² и еще более важный для него союз со Швецией.

По своим значительным силам и престижу и большой географической удаленности, исключавшей всякие территориальные поползновения, Швеция для Украины была союзником чрезвычайно ценным; и так как еще в 1620-х годах она сама искала сближения с казачеством в своих тогдашних военных планах, обращенных против польско-австрийского союза, то Хмельницкий всеми мерами старался привести к такому сближению теперь. Но правительство королевы Христины не желало разрыва с Польшей, и только новый король, Карл X, в 1655 г. решается возобновить войну с Польшей. В связи с этим он входит в сношения с Хмельницким, приглашая его к сов-

местным действиям против Польши и одновременно всячески советуя разорвать новые отношения, завязанные с Москвой, конфликт с которой для Швеции тоже был неизбежен. Карл обещал Украине со своей стороны содействие против Москвы и Польши, помощь для достижения полной политической независимости, самостоятельности украинского государства и усиленно предостерегал от московской протекции, доказывая, что «москвитяне не потерпят у себя свободного народа» и рано или поздно отменят украинские вольности, заменив свободный украинский строй деспотическими московскими отношениями. Хмельницкий очень высоко ценил этот новый союз и перспективы, открываемые им; и если сначала старается повести дело так, чтобы союз его со Швецией не нарушал только что заключенного союза с Москвой, и просит шведского короля избегать разрыва с последней, чтобы не поставить Украину в трудное положение между воюющими союзниками, то позже, поставленный перед дилеммой выбора между Москвой и Швецией, он решительно выбирает последнюю. Независимо от малопривлекательных перспектив, какие открывались во внутренних отношениях Украины в связи с московской политикой и подтверждали зловещие предсказания шведского короля, внешняя политика Москвы шла тоже вразрез с желаниями Украины, совершенно не справляясь с ними. Поляки подали надежду царю Алексею, что он будет избран польским королем, и в надежде на осуществление личной унии московское правительство начинает щадить Польшу, заключает с нею перемирие и в союзе с польским правительством начинает войну против Швеции. От Хмельницкого требует, чтобы он тоже прекратил военные действия против Польши и разорвал свои сношения со Швецией. Такой резкий и неожиданный поворот, произведенный без всякого предварительного соглашения с украинскими кругами, без их ведома и участия, вызвал негодование на Украине. Поведение Москвы рассматривалось как измена обязательствам, принятым ею по отношению к Украине при ее присоединении. В особенности подозрительным и неуместным казалось то, что казацкие депутаты, высланные для участия в московско-польских переговорах, не были допущены к ним по настоянию поляков. Хмельницкий заявил, что ни в каком случае не разорвет союза со Швецией, ценя ее давние и искренние отношения к Украине, и очень резко отзывался о двоедушной политике Москвы.

Против союза Москвы и Польши составил, таким образом, союз Украины, Швеции и Трансильвании, имевший целью полное уничтожение Польши и раздел ее между союзниками. Переговоры относительно формального оборонительного и наступательного союза Украины и Швеции, гарантировавшего государственную независимость Украины, не были доведены до конца при жизни Хмельницкого, но фактически он уже существовал. Разрыв с Москвою был неизбежен, и Хмельницкий сознательно шел навстречу ему. Заручившись новыми союзниками, он, очевидно, решил освободиться от

своей зависимости от Москвы и занять положение вполне самостоятельного государя. Настойчивость, с какой московское правительство, не обращая внимания на давление гетмана и старшины, стремилось к осуществлению своей централистической политики на Украине, чрезвычайно раздражала гетмана и делала отношения невыносимыми ввиду вполне определенных стремлений последней к полной автономии. Очень характерна для положения дел на Украине грамота, данная Хмельницким в это время (в июне 1657 г.) шляхте Пинского повета, признавшей над собою власть Хмельницкого, а не московского правительства, производившего оккупацию Белоруссии. Это настоящая конституционная хартия, которая показывает, что Хмельницкий в это время считал себя уже вполне государем Украины.

Но среди этих планов, в критический момент отношений к Москве, под впечатлениями неудачной кампании 1657 г., предпринятой против Польши соединенными силами нового союза, Хмельницкий умер внезапно от апоплексии 27 июля 1657 года.

XVII

СТРОЙ И ОТНОШЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ ХМЕЛЬНИЧЧИНОЙ

Хмельницкий оставил своим сподвижникам и преемникам очень мудреное наследство. Уже одно управление таким слабоорганизованным механизмом, каким была тогдашняя Украина, требовало очень больших талантов. Если, с одной стороны, можно удивляться организационному гению народа, экспромтом создавшего сложную организацию огромного края и приводившего ее в движение, то, с другой стороны, необходимы были выдающиеся дарования для того, чтобы управлять ею. Ни в чем, может быть, не сказался так ясно выдающийся административный талант Хмельницкого, как в том, что он эти малокультурные, недисциплинированные народные массы, вырвавшиеся из рамок одного общественного и государственного строя и создававшие, руководясь только неясным инстинктом, новые формы общественности и государственных отношений,— умел держать в известном порядке, координировать их, править ими, притом среди очень сложных и затруднительных внешних условий и при глубоком раздвоении внутри самого национального организма Украины.

Внешние политические отношения заключали в себе огромные трудности. Хмельницкий оставил неразвязанным узел, которым он связал так поспешно Украину с Москвою,— конфликт внешней политики и еще более серьезный конфликт на почве государственных отношений. Политический кругозор казачьей старшины быстро рас-

ширялся, со дня на день она вырастала политически, и в умах сподвижников Хмельницкого первоначальные неясные представления вырисовывались все яснее, слагаясь в идею автономного государства, выраженную уже довольно ясно год спустя в Гадячском трактате с Польшею. В этом государстве, обнимающем всю этнографическую территорию Украины и организованном на конституционных избирательных началах, гетман являлся государем — главою всесословной государственной организации, главою всего народа, а не только казачьего войска. Отношения этого автономного государства к московскому правительству, московскому царю могли быть только отношениями вассальности, признания верховенства, протектората. Московское же правительство хотело воспользоваться смертью Хмельницкого, чтобы ввести на Украине свое управление, водворив здесь своих воевод и финансовых агентов, ограничить власть гетмана сферою казачьего войска и подчинить московскому патриарху украинскую церковь, до сих пор вполне автономную, признававшую над собою только вполне номинальное верховенство константинопольского патриарха. Весь строй украинского управления — с его принципами свободного избрания, суверенности народа и ответственности перед ним — был противен строго монархическому строю Московского государства с его беспощадной централизацией, и поэтому с точки зрения московской бюрократии действительно подлежал перестройке и упразднению, как предостерегал Хмельницкого шведский король.

Встречаясь с такими стремлениями московской политики, украинские автономисты, от Выговского до Мазепы, поочередно старались опереться на те же политические силы, в которых искал опоры уже Хмельницкий: на Турции и Крыме, Польше, Швеции. В союзе с ними носители идеи украинской автономии пробовали сбросить с себя зависимость от Москвы и обеспечить автономию Украины. Но у Москвы оказалась мертвая хватка. Так нерешительно приняв протекцию над Украиною, она потом, когда присоединение Украины стало совершившимся фактом, держалась за нее упорно. Убедившись, что всей Украины она удержать не в силах, Москва отказалась от земель на запад от Днепра (правобережных), оставив их Польше, к великому негодованию украинских патриотов, роптавших на это разделение украинской и теснее — казачьей территории, тем более что этот важный шаг московское правительство сделало без их участия и ведома. Зато Левобережной Украины (на восток от Днепра) и Киева с окрестностями Москва не выпускает из рук и при этом настойчиво и неуклонно, ни перед чем не останавливаясь и ничем не смущаясь, ведет политику ограничения украинской автономии, стеснения самоуправления, а ввиду сопротивления казачьей старшины, чтобы подорвать ее силу и оппозицию, пользуется внутренним раздвоением, антагонизмом старшины и народных масс.

Для понимания этого политического процесса нам нужно позна-

комиться здесь, хотя бы в общих чертах, с новым строем Украины, формировавшимся в это время, и с ее общественными отношениями, так как это дает нам ключ к уразумению многого в событиях этого времени. Мы должны только помнить, что имеем дело с отношениями, еще не определившимися вполне, формами, еще не отвердевшими во многом и позже, недоразвившимися до полной определенности вследствие неблагоприятных обстоятельств.

Начнем с организации Украины. Основанием ее послужило старое устройство казачьего войска, выработавшееся на протяжении XVI—XVII вв., только в более широком масштабе, сообщенном ему Хмельниччиной.

Мы знаем, что к казацкому войску, к казацкому «присуду» издавна причисляли себя значительные массы крестьянского и мещанского населения, и только репрессии и ограничения польского правительства сдерживали их возрастание. Теперь эти ограничения исчезли; цифры реестра оставались на бумаге. Потребность в военных силах заставляла, наоборот, всячески содействовать увеличению числа казаков, причислениям к казачьему званию, и все, имевшие средства снарядиться в поход и предпочитавшие свободное состояние казака, беспрепятственно «писались в казаки».

Одновременно с таким расширением границ казачества казацкое устройство превращается в администрацию более общего характера. Затянувшийся конфликт с польским правительством держит край на военном положении в продолжение ряда лет, и это временное положение начинает превращаться в норму. Начальник казацкого войска — гетман со своим штабом, представлявший временное правительство края, превращается в правительство постоянное и заступает место исчезнувшей администрации польской.

Его штаб, носящий название «генеральной старшины»: генеральный обозный, генеральный судья, генеральный есаул, генеральный писарь¹³³, носящие титулы «генеральных» для отличия от таких же «полковых» чинов, появляющихся в каждом полку и составляющих штаб и совет полковника, — получает характер совета министров при главе правительства. Край, находящийся под гетманским «режиментом», разделяется на полки, и территория, из которой комплектуется данный полк, целиком переходит под власть полковника, являющегося не только начальником своего полка как военного контингента, но и правителем приписанной к нему территории, заступая место польских старост. Уже с 1630-х годов мы встречаемся с такими полками, связанными с известными территориями, где казачья старшина осуществляла свои административные и судебные права над казачьим населением, исключавшим себя из подсудности всякой иной администрации. Гнездятся они главным образом в королевщинах, которые правящая шляхта в первую голову уступала казачеству (полки Чигиринский, Черкасский, Корсунский, Белоцерковский и т. д.), но захватывает и частные имения (видим в 1630-х

годах отдельный полк Лубенский, в имениях Вишневецких). После того как восстание упразднило коронные староства и магнатские латифундии, казацкие власти могли закрепить за собою не только всю полноту власти по отношению к казачьему населению, но распространить ее и на другие сословия — за счет исчезнувшей старостинской и доминиальной власти. Войсковой власти подчиняется и крестьянское неслужилое население и в значительной степени также мещанское, вообще чрезвычайно многочисленное, так как масса общин, совершенно лишенных всяких признаков торгово-промышленных поселений, называются городами, «местами»¹³⁴. В принципе эти города и местечки должны были пользоваться самоуправлением по типу немецкого права; но военные полномочия полковника и полковой старшины на практике приводят не только к полному подчинению местечек с упрощенной, «ратушной» организацией, но и к весьма значительной зависимости более значительных городов с полной системой «магистратов» немецкого права.

В связи с военными и политическими обстоятельствами состав этой показаченной территории менялся; в общем она охватывала территории прежних воеводств Киевского, Браสลавского и Черниговского (Западная Украина осталась в *status quo*, во владении Польши). В связи с теми же обстоятельствами менялось число полков, их имена и территории. В реестре 1649—50 гг. видим 16 полков: на правом берегу Днепра — Чигиринский, Черкасский, Каневский, Корсунский, Белоцерковский, Уманский, Браславский, Кальницкий и Киевский; на левом — Переяславский, Кропивенский, Миргородский, Полтавский, Прилуцкий, Нежинский и Черниговский. Состав полков и численность их были весьма неодинаковы; даже в упомянутом реестре число сотен в полках колеблется от 7 до 20, а казацкие контингенты — от тысячи до трех с лишком тысяч; в действительности же колебания были еще более значительны.

Институт полковой власти составляет главную основу нового строя, и с течением времени ее полнота имела тенденцию усиливаться и упрочиваться, с одной стороны, приобретая все большую определенность и самодовлеимость по отношению к власти гетманской, с другой стороны — постепенно подавляя элементы народо-властия во внутренних отношениях полка. Постепенно она приобретает самовластный и безответственный характер по отношению к полчанам, которым первоначально принадлежал и выбор полковника (конкурировавший, однако, постоянно с гетманским назначением), и решение важнейших вопросов полковой жизни. С другой стороны, власть полковника чрезвычайно усиливается также в отношениях к своим ближайшим помощникам: полковой старшине и сотникам, начальникам более мелких округов, на которые подразделялся полк, в ослабленной миниатюре отражавшим собою власть полковника.

Вообще принцип единоличной власти, военной диктатуры, созда-

вавшейся опасными, критическими условиями жизни края, постоянно боролся с принципом казачьего народовластия. Принципы выборности и коллегиальности казачьих чинов, широкого участия в их управлении масс, могущих в каждую минуту потребовать от них отчета, сменить и подвергнуть суровой ответственности,— республиканские принципы, выработанные в казачьих кругах долголетней жизнью казачьей республики, были в теории перенесены вполне на новое военно-народное управление. В принципе они должны были соблюдаться во всей полноте. Гетман избирается свободным выбором войсковой «рады» — собрания казаков, не знавшего, как и его прототип — старорусское вече, никаких специальных норм представительства. В раде принимали участие все явившиеся на нее казаки, голосуя каждый за себя. Хотя позже обращалось внимание на то, чтобы для правосильности решения рады в ней принимали участие представители всех полков (отсутствие этого условия давало повод не признавать решения рады тем полкам, казаки которых не принимали в ней участия), однако никаких норм пропорционального представительства, избрания депутата или представительских полномочий не существовало ни теперь, ни позже. Этой же войсковой раде принадлежало решение и наиболее важных вопросов политической жизни. В принципе ей подлежали собственно все важнейшие вопросы текущего управления, войны и мира. Но с тех пор как казачество стало такою огромною массою, рассеянною на такой огромной территории, войсковая рада стала механизмом тяжелым; функционирование ее осложнялось разными формальностями, не получившими никогда вполне определенного разрешения. Потому обсуждение и решение вопросов текущего управления и политики фактически переносились в совет старшины, а за войсковою радою остались наиболее кардинальные вопросы: выбор или смещение гетмана, установление отношений к сюзеренному государству — признание его верховенства, санкция форм зависимости от него. Все остальное отошло к совету старшины, в конце концов оттеснившему и лишившему всякого значения войсковую раду.

Рада старшины имела своим ядром совет генеральной старшины, т. е. ближайший штаб и совет министров гетмана. Кроме того, сюда входили полковники и «значные» лица, хотя не занимавшие должностей генеральных или полковничьих, но по своему влиянию в войске, по своим заслугам, связям и т. п. занимавшие видное положение в нем (то, что обозначается позже выработавшимся термином: «значный войсковый товарищ»). Более или менее полный состав этой рады, собиравшейся по приглашению гетмана или по собственной инициативе, зависел от большей или меньшей важности вопросов, подлежавших обсуждению, и от тех обстоятельств, в которых происходило совещание. Сфера влияния и значение рады зависели от положения, занимаемого гетманом, и от степени зависимости или независимости от него старшины. В теории старшина и ее рада были

независимы от гетмана: старшину, как и гетмана, должно было избирать войско. Казаки сотни должны были выбирать своего сотника, казаки полка — своего полковника, полковники и прочая старшина должны были выбирать генеральную старшину. Таким образом, рада старшины, как и гетман, должна была служить органом суверенной воли народа-войска, состоя из его избранников и представителей, органом только более устойчивым, чем гетман. Между тем как последний мог быть сменен в каждую минуту решением войсковой рады, изменение состава старшины требовало процесса более сложного и продолжительного. Таким образом, рада старшины являлась коррективом возможной неустойчивости гетманской власти, точно так же — случайности и изменчивости решений войсковой рады, и должна была придавать политике народа-войска большую устойчивость.

С этой точки зрения перенесение из сферы ведения войсковой рады в раду старшины вопросов текущего управления и текущей политики не нарушало бы резко интересов народовластия. Но дело в том, что практика уже далеко разошлась с теорией, с принципами демократического строя казачьего войска, и в действительности конкуренция войсковой рады с радой старшины получала характер борьбы казачьего демоса со старшинскою олигархией. Старшина, сложившись в ясно выраженный общественный класс с определенными сословными, экономическими и политическими стремлениями, отодвигая на второй план войсковую раду, вообще стремится устранить рядовое казачество, казачью «чернь» от всякого влияния на политику и управление. Она старается захватить в свои руки судьбы гетманского уряда, подчинить своему влиянию замещение должностей генеральной старшины, полковников и других войсковых чинов и таким образом сосредоточить фактически в своих руках все управление, устранив или ослабив до простых формальностей выборную систему, казачье народовластие, — как, с другой стороны, старается освободиться от вмешательств в управление и внутренние отношения Украины со стороны московского правительства. Но эта борьба на два фронта оказывается непосильною для нее. Казачьи массы поддерживают московское правительство против старшины. С другой стороны, казачья «чернь» находит сочувствие и поддержку в народных массах, так как политическая борьба казачьей «черни» со старшиной усложнялась борьбой чисто классовой, на почве чисто экономических и общественных отношений, и эта ожесточенная борьба только расшатывает в их основах конституционные формы украинского устройства, и без того не особенно прочные, едва складывающиеся.

Как видно уже из предшествующего краткого очерка, в казачьем устройстве были весьма ценные основы конституционного (республиканского) строя, но они требовали весьма тщательного приспособления к требованиям общегосударственного управления, искусной

разработки и нормировки их форм. Но ничего этого не было сделано, и противоречия, в которые вошло это казачье устройство с первых шагов, не устраненные своевременно, исказили весьма существенно эти ценные основы конституционного строя.

Уже само соединение республиканских форм с чисто военным характером устройства заключало в себе огромные трудности. Военная организация требует большой дисциплины, субординации органов и сильной, диктаторской власти вождя. Удивительный дух организации, вообще поражающей нас в казачестве — этой полудикой орде, на взгляд многих нынешних исследователей, умел сочетать эти два почти не совместимые принципа: строгой военной дисциплины и неограниченного народовластия. Пока к вождю, к его талантам и честности питали доверие, его не стесняли — он пользовался диктаторской властью в военное время, в походе, во время кампании и обращался к голосу рады, когда и поскольку сам находил это нужным. Его не ограничивали в переговорах, в назначениях, во всякого рода распоряжениях, и он действовал на свой страх и риск почти так широко, как сам того хотел.

Такою диктаторскою властью пользовался Хмельницкий среди хронической, перемежающейся борьбы с Польшею, требовавшей чрезвычайного напряжения. К такой широкой власти стремились и его преемники. Но такие периоды военных диктатур, вне нормального состояния, не могли благоприятно отражаться на конституционном развитии отношений. Гетманов тяготит контроль войсковой рады и даже старшины. Они предпочитают обходиться без них, править с участием тесного круга доверенных приверженцев. Они замещают от себя, без войскового выбора должности полковников и генеральной старшины, и этим стараются упрочить свое положение и свою власть.

В этом же смысле действовало и другое противоречие, крившееся в новом устройстве. Будучи по своему существу войсковым, т. е. обнимая собою лишь одно военное, казацкое сословие, фактически гетманское правление превратилось в общегосударственное и стремится сохранить за собою это значение. Гетман рассматривает себя как главу государства и рассматривается как таковая украинским населением; за гетманом и его министры — генеральная старшина и рада старшины — смотрят на себя как на высшие органы общего управления. Им действительно приходилось заниматься вопросами, далеко выходившими за границы чисто казацких интересов, касавшимися других сословий, между тем как войсковая рада представляла только казацкое сословие и, собственно, не могла иметь голоса в вопросах, касавшихся других сословий. Сознание этого противоречия проявляется в формуле Гадячской конституции 1658 г.: гетман должен избираться сословиями и представителями городов Украины, т. е. войском, шляхтой, духовенством (возможности такого же права за крестьянским сословием тогда не подозревали). Но конституция эта не нашла своего осуществления на практике, и указанное

противоречие продолжало существовать. Между понятием общегосударственного правления и правлением войсковым оставалась щель, которую не удалось выполнить. Несомненно, это не оставалось без влияния на постепенное ослабление значения войсковой рады, как с другой стороны облегчало вмешательство в украинские отношения московского правительства.

Эти последние особенно губительно отразились на судьбах украинской демократии. Правление украинского демоса так глубоко противоречило всему государственному складу Москвы, что в сфере влияния этой последней ему не могло быть места. Москва поддерживала иногда гетмана, если имела к нему доверие, иногда держала сторону старшины, если не доверяла гетману; но с демосом она не могла иметь ничего общего, хотя он и старался иногда найти в ней содействие в своей борьбе со старшиною, и Москва пользовалась его призраком, чтобы терроризировать старшину. Признав по традиции войсковою радю право выбора гетмана, Москва вообще склонна была игнорировать на деле ее участие; старшина с гетманом, имея поддержку у московской бюрократии, игнорировали ее также. Поэтому со времени капитуляции старшины перед Москвою (в последней четверти XVII в.) войсковая рада теряет всякое значение, и все переходит в руки старшины. Но это была довольно сомнительная победа: плоды борьбы старшины с казацким демосом собрал московский централизм, подчинив к тому времени старшину своему контролю и ограничив ее так, что ей, собственно, осталась только иллюзия управления¹³⁵. Правила Украиною уже московская бюрократия.

Старые принципы казацкого демократизма удержались в полной силе и чистоте только на Запорожье, т. е. у казаков, живших вне полкового устройства Украины, в степных пространствах нижнего Днепра. Они имели свою особую организацию, центром которой был «киш» — Сич на Днепре, и свое управление, во главе которого стоял кошевой атаман, избираемый войсковою радю. Издавна существовало известное соперничество между казачеством запорожским, где группировались наиболее радикальные элементы, и казачеством «городовым», жившим в оседлых местностях Поднепровья, организованных теперь в полковом устройстве. Теперь, сохранив у себя вполне старое народовластие, правление войсковою радю, Запорожье особенно неодобрительно смотрело на старания украинской старшины захватить власть в свои руки, оттеснив на второй план казацкий демос, и неизменно поддерживало этот последний в его борьбе со старшиною. По старым традициям польских времен, когда Запорожье действительно служило центром казачества, оно претендует и теперь на руководящую роль в украинских делах, требует, чтобы гетманы выбирались на Запорожье, и кошевые часто отказывают в повиновении гетману, особенно если последний являлся ставленником старшины, к которой Запорожье относилось весьма враждебно.

Все эти противоречия в устройстве Украины, несовершенства ее строя, конкуренция разных элементов и трение различных органов управления не давали себя так чувствовать во время управления Хмельницкого, под его сильною рукою. Благодаря своему высокому авторитету и обаянию своего имени в казачестве, смотревшем на него как на своего прирожденного вождя и героя, Хмельницкий при своих выдающихся дарованиях правителя успевал стирать шероховатости отношений и двигал довольно успешно этот тяжелый, непригнанный механизм. Это было нелегко, и Хмельницкому нередко изменяли средства нравственного воздействия, и он обращался тогда к террору, а от людей, внушавших ему опасения, отделялся без церемоний. А его преемники не обладали ни его обаянием, ни его талантами и ни пред чем не останавливающейся энергией, и внутренние коллизии украинского строя начали выходить наружу, усложняясь социальными отношениями — столкновением старшины с казацким демосом и еще более широкими массами народа на почве социально-экономических отношений. Об этом социально-экономическом антагонизме, оказавшем весьма сильное влияние на дальнейшую судьбу Украины, я должен сказать здесь несколько слов.

Мы видели, что казачество с началом XVII в. сложилось в общественный класс, полупривилегированное военное сословие, претендовавшее на право польского военнослужащего сословия, т. е. шляхты. Сословные идеи были усвоены особенно верхними слоями его — родовитым казачеством, занимавшим высшие должности в войске, отличавшимся достатком и гордившимся заслугами своими и своих фамилий. Оно смотрело на себя как на высшее, привилегированное сословие. Хотя оно боролось против польско-шляхетского режима, но в его представлении общественные отношения укладывались не иначе как по типу того же сословного государства, прежде всего той же Польши, в порядках которой оно выросло. Начиная с Хмельницкого и кончая последним украинским демагогом Петриком¹³⁶ (конца XVII в.) украинская интеллигенция вообще и казацкая старшина специально не представляли себе общественного строя без сословных привилегий, без подданных и господ, и их чувство оскорблялось только тем, что господами были поляки, люди чужой народности и веры, или тем, что претендовали на панство люди худородные, не заслуженные. «Кто казак — будет вольность казацкую иметь, а кто пашенный крестьянин — тот будет должность обыкшую царскому величеству отдавать», — гласит в великорусском переводе одна из статей, предложенных правительством Хмельницкого московскому правительству в 1654 г. А его послы — представители казацкой старшины — во время переговоров выпрашивали у московского правительства для себя грамоты на имения и домогались, чтобы в них было специально упомянуто о неограниченных правах их над крестьянами, какие окажутся в этих имениях или будут ими наново поселены.

Характерно в высшей степени, что грамот этих послы Хмельницкого не решались никому предъявить на Украине, и они остались в секрете. В этом обнаружилось сознание противоречия таких сословных стремлений старшины со стремлениями и настроением народных масс. Ко всему, что напоминало хотя бы отдаленно шляхетско-панщинные порядки, эти народные массы относились чрезвычайно подозрительно и враждебно. Нужно было время, чтобы сломить эту силу народного сопротивления, и потому процесс создания нового господствующего сословия из казацкой старшины и закрепощения крестьянства начинает развиваться вполне осязательно только с конца XVII в., когда старшина нашла для своих сословных стремлений опору в московском правительстве. Но существование сословных и крепостнических тенденций у своей интеллигенции, у казацкой старшины украинский народ почуял очень скоро. До нашего времени сохранилась прекрасная народная дума «О запорожском гетмане Ганже Андыбере» — одна из лучших по своим поэтическим достоинствам и свежести исторического колорита. Дума изображает контраст аристократизирующей старшины, которую дума называет «дуками-срібляниками» и даже «ляхами», и казацкой «голоты» (голи), или «черни». Она рисует сцену в степной корчме, где пьют «три ляхи дуки-срібляники»: Гаврило Довгополенко переяславский, Вийтенко нежинский и Золотаренко черниговский (полковники). Туда же приходит оборванный казак-нетяга; «дуки» издеваются над ним, но затем оказывается, что этот оборвыш — гетман запорожский Ганжа Андыбер, в лице которого дума изображает, вероятно, Брюховецкого, выставленного ультрадемократическим Запорожьем против представителя старшины — переяславского полковника Сомка (Довгополенко думы). На призыв Ганжи к «рікам низовим, помічницям дніпровим» приносят ему казаки дорогие уборы и знаки власти. Дуки после такого превращения приглашают Ганжу в свою компанию, но тот ими пренебрегает, а его казаки для лучшего вразумления «потягають у три березини» зазнавшихся старшин, приговаривая:

Ей дуки, дуки, за вами всі лути і луки,
ніде нашому брату, козаку нетязі, стати —
й коня попасти.

Представителями «дук» выступают в думе исторические лица довольно раннего времени — деятели 1660-х годов. И так уже они запечатлелись в народной памяти, под влиянием демагогической агитации Запорожья, как типические представители панских тенденций старшины.

Действительно, в исторических фактах контраст старшины и «черни» выступает вполне осязательно уже непосредственно по смерти Хмельницкого, хотя пока еще главным образом в сфере политики. Партия старшины стремится оттеснить гетмана, избранного войсковою радюю, провести своего человека и вообще оттеснить

войсковую раду и козацкую «чернь» на второй план. В защиту казацких масс и войскового правления выступает Запорожье и агитирует среди черни. Противники старшины ищут поддержки у московского правительства, которое и пользуется этим раздвоением в своих видах, чтобы сбить старшину с позиции, сломить ее стремления к автономии и принудить к уступкам в вопросах политики за цену неприкосновенности сословных интересов. Вопросы сословные и экономические еще не выступают в полной определенности; мы встретимся с ними в такой вполне определенной форме только спустя четверть столетия. Но само противопоставление «панов» и «черни» дает понять, что уже в этой борьбе, начинающейся в конце 1650-х годов и продолжающейся затем в 1660-х, участвовали интересы классовые и экономические, придававшие политической борьбе ее жгучесть и упорство.

Эти классовые и экономические конфликты сильно усложняли чисто политический, организационный процесс. Но украинское общество жило быстро и скоро проходило школу самостоятельной политической жизни. Создав экспромтом новую организацию Гетманщины, оно, вероятно, успело бы приготовить ее к потребностям жизни и ввести в русло новых отношений классовые и экономические противоречия. Для этого нужен был только известный период более или менее спокойного и свободного существования. Но этого-то и не было. Украинскому обществу пришлось жить в состоянии кризиса, постоянно видя перед собой перспективу гибели всего завоеванного. Со всех сторон жадно сторожили соседи-враги, пользуясь всяким расхождением, всяким затруднительным положением правящей партии, чтобы раздуть смуту и использовать ее для себя. Приходилось жить неотложными интересами минуты, принося им в жертву все. Основы новой украинской конституции безжалостно коверкались, вместо того чтобы планомерно и целесообразно развиваться, и затем ее же недочеты использовались против нее, когда, остановленная в своем развитии, она застыла в таком недоделанном виде, под гнетущей рукой московской бюрократии.

XVIII

СОБЫТИЯ ПО СМЕРТИ ХМЕЛЬНИЦКОГО (1657—1663)

От этих общих замечаний переходим к событиям, исходною точкою которых послужила кончина Хмельницкого.

Его смерть не была неожиданностью; он тяжело хворал и, чувствуя ее приближение, сам предложил войску выбрать ему преемника. Из уважения к его заслугам и к его имени — «аби була тая слава, що Хмельницький гетьманом» — войсковая рада преемником объявила его малолетнего сына Юрия. Но большинство старшины не сочувст-

вовало этому выбору и по смерти Богдана Хмельницкого под разными предложениями обошло Юрия и выбрало гетманом Ивана Выговского, долгое время занимавшего пост войскового писаря. Это был мелкий киевский шляхтич по происхождению, человек довольно интеллигентный и образованный для своего времени, несомненный украинский патриот, но более ловкий, чем талантливый.

Выбор Выговского был исключительно делом старшины и произведен был без настоящего участия казачьей рады, так как казацкая масса стояла за Юрия Хмельницкого и старшина опасалась встретиться с ее стороны противодействие кандидатуре Выговского. Эта предосторожность, однако, ему мало помогла. Против Выговского, как против ставленника старшины, шляхтича и человека без военных заслуг, немедленно возникла оппозиция на Запорожье, представлявшем, как мы знаем, наиболее демократическую, радикальную часть казачества. К ней примкнули южные левобережные полки — Полтавский и Миргородский, в силу соседства стоявшие в наиболее тесных и близких сношениях с Запорожьем и под непосредственным его влиянием. Этим движением воспользовался полтавский полковник Мартин Пушкарь, надеясь, по всей вероятности, при поддержке этих радикальных элементов занять место Выговского, как это несколькими годами позже удалось Брюховецкому. От Пушкаря и от запорожского кошевого Барабаша пошли в Москву донесения, что Выговский избран неправильно, без участия войсковой рады, что войско гетманом иметь его не желает, что он склоняется к Польше и замышляет измену против Москвы и т. п.

Обвинения эти не имели оснований, кроме упрека в нарушении формальности выбора. Чтобы загладить эту неформальность, Выговский созвал войсковую раду и был на ней еще раз избран. Московское правительство после этого признало вполне законность выбора. Однако противники Выговского все-таки не унимались, продолжая сношения с Москвою и агитируя против Выговского среди народных масс, обнадеживая помощью из Москвы, и т. п. Все это, конечно, очень раздражало Выговского; он требовал, чтобы московское правительство прекратило сношения с его противниками, как бунтовщиками, отреклось от них и помогло ему подавить враждебное движение. Московское правительство, однако, не хотело выдать ему голову своих корреспондентов, афишировавших чрезвычайную преданность Москве. Оно посылало им только увещательные грамоты и самого Выговского удерживало от вооруженных репрессалий, а между тем, пользуясь затруднительным положением гетмана, спешило выполнить задуманные реформы: ввести воевод в украинские города¹³⁷, передавать им управление и сбор налогов и подчинить киевскую митрополию московскому патриарху.

Сначала Выговский скрепя сердце, покорно исполнял эти домогательства московской политики, надеясь, что московское правительство со своей стороны его поддержит. Но в конце концов двое-

душная и своекорыстная политика московского правительства вывела его из терпения, и он, потеряв надежду на Москву, начал действовать собственными средствами. Он откликается на предложения, шедшие непрерывно, еще со времен Хмельницкого, из Польши с приглашением вернуться под власть польского короля; одновременно возобновляет сношения с Крымом и получает оттуда подкрепления. Движение на Левом берегу становится настолько опасным, что Выговский не считал возможным оставаться более пассивным зрителем его. В мае 1658 г. он с татарскою ордою двинулся на своих противников. Под Полтавою произошла битва, в которой Пушкарь был убит, а его партия разгромлена, Полтава сожжена¹³⁸. За это Выговский получил выговор из Москвы, и, раздраженный поведением московских воевод и самого правительства, считая отношения испорченными безвозвратно, решает возобновить связи с Польшею.

После предварительных переговоров к Выговскому были посланы польским сеймом делегаты, которые 16 сентября н. ст. 1658 г. заключили с ним в Гадяче трактат (так наз. Гадячская комиссия). Украина по этому трактату возвращалась под власть польского короля, но не как простая провинция. Воеводства Киевское, Брацлавское и Черниговское должны были составить В. кн. Русское (по образцу В. кн. Литовского) со своими особыми министрами, казною, монетою и с гетманом во главе. Гетман избирается сословиями В. кн. Русского, точнее — утверждается королем из кандидатов, предложенных ему сословиями. Казацкий реестр определяется в 30 тыс., кроме 10 тыс. наемного гетманского войска. Православная религия на всей территории, заселенной Русью, должна быть уравнена в правах с католическою; все имения, принадлежавшие православной церкви, должны быть ей возвращены; православный митрополит и четыре епископа получают места в сенате. Киевская академия получит права Краковского университета, и, кроме нее, сословиям Украины предоставляется право заложить в одном из городов Украины еще одну академию.

Хотя условия эти не были осуществлены, они интересны как выражение стремлений украинской старшины. Правда, принятый комиссией текст не вполне выражает эти последние. Некоторые существенные пожелания, не включенные в этот текст, были затем выражены в петиции, высланной на сейм 1659 г. и делавшей некоторые существенные поправки к тексту комиссии. Наиболее важная из них требовала, чтобы в состав В. кн. Русского были включены также воеводства Волынское, Подольское и Русское (Галиция), т. е. почти вся украинская территория. В первоначальных набросках текста обращает на себя внимание мысль обеспечить Украине нейтральное положение между Польшею и Москвою — зародыш идеи Украины как вечно нейтрального государства под протекторатом Польши и Москвы. К сожалению, эта идея не получила дальнейшего развития.

Еще раньше, чем окончились переговоры с польским правительством, Выговский перешел к военным действиям против Москвы. Он попробовал выбить московский гарнизон из Киева, но это ему не удалось. Московское правительство объявило его изменником и распорядилось произвести выбор нового гетмана. Но известие о заключении Выговским трактата с польским правительством чрезвычайно смутило московских политиков; в первый и последний раз они колебались и готовы были пойти на уступки в своей централистической политике: воеводе Трубецкому поручено было войти в переговоры с Выговским, обещать ему полную амнистию и согласиться на уступки применительно к его трактату с Польшею, в крайности даже на вывод московского воеводы из Киева.

Положение Выговского было тоже достаточно тяжелое. Со стороны Польши значительной поддержки он не имел, так как изнуренная тяжелой войной Польша сама рассчитывала на казацкие силы. Между тем связь с нею была в высокой мере непопулярна среди украинских масс. Враждебное Выговскому движение в Левобережной Украине ожило, как только московское правительство выступило против гетмана. Выговский колебался некоторое время, но решение разорвать с Москвою превозмогло: он не верил уже искренности московского правительства и в его предложениях видел только хитрую уловку.

Борьба была решена на жизнь и на смерть. Европейским правительствам был разослан от имени старшины циркуляр, объяснявший причины разрыва и объявлявший войну с Москвою (первый факт обращения к европейскому общественному мнению):

«Заявляем и свидетельствуем пред Богом и всеми, что война с поляками, начатая и веденная нами, имела не иную причину и не иную цель, как лишь защиту святой восточной церкви и предками завещанной свободы нашей: преданность ей руководила нами, вместе с покойным вождем нашим бессмертной памяти Богданом Хмельницким и тогдашним писарем нашим (Выговским). Свои личные интересы мы отодвинули на дальний план перед славою Божьею и делом народным. Для них вошли мы в союз с татарами, а затем и светлейшим Карлом-Густавом, королем шведским. Всем им мы сохранили верность ненарушимо. Не дали мы и полякам никакого повода к нарушению договоров, соблюдая по отношению ко всем нашу присягу, договоры и союзы. Не из других побуждений приняли мы и протекцию великого князя московского, как для того лишь, чтобы сохранить и приумножить для себя и потомства нашего за спешествованием Божиим оружием нашим приобретенную и кровью столько раз возвращенную вольность нашу. Осыпанное обещаниями и обязательствами великого князя московского, войско наше надеялось, что ввиду общности веры и добровольного нашего присоединения великий князь будет для нас справедлив, блажелателен и милостив, будет поступать с нами искренно, не злоумышляя против

нашей вольности, но приумножая ее еще более, согласно своим обещаниям. Но надежды эти нас обманули. Министры и вельможи московские побудили этого почтеннейшего, благочестивейшего и всемилостивейшего государя к тому, что в первый же год, как только завершились переговоры между Москвою и Польшею, из видов на польскую корону решил он нас подавить и поработить и, заняв нас войною со шведами, хотел тем легче это осуществить...»

Эту московскую измену Украине, которую московские политики приносили в жертву своим видам в Польше, поставлено, таким образом, во главу обвинений московской политике. В качестве другого кардинального обвинения была выдвинута московская политика во внутренних отношениях Украины, где она создала смуту и раскол, дав почву для разных демагогов, подрывавших престиж украинского правительств.

В начале 1659 г. Выговский выступил за Днепр против московской партии. Навстречу ему двинулся московский воевода Трубецкой, соединившись со своими украинскими партизанами. Выговский ретировался назад за Днепр, чтобы подождать подкреплений от союзников, а Трубецкой между тем двинулся в северские земли, державшиеся Выговского, и осадил нежинского полковника Гуляницкого в Конотопе. Осада тянулась два с половиною месяца; положение осажденных сделалось отчаянным, но сдаваться московскому войску они не хотели. Гуляницкий бомбардировал Выговского просьбами о помощи; Выговский поджидал татар. Наконец прибыл сам хан с ордою, и Выговский двинулся с ним под Конотоп. Московские воеводы не имели точных сведений, о его силах, и когда навстречу Выговскому из-под Конотопа выслано было войско, оно очутилось между двух огней: между казаками Выговского и татарами. Произошла неслыханная катастрофа: московское войско уничтожено целиком; двое окольных * попали в плен. Трубецкой поспешил снять осаду и отступил за московскую границу.

Московская партия утратила всякую энергию и отвагу. Шансы Выговского поднялись неизмеримо; но он или не сумел, или не успел воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Московские гарнизоны в левобережных городах удержались. Запорожский кошевой Сирко, враг Выговского, как и все Запорожье, пользуясь отсутствием татар, помогавших Выговскому, произвел удачный набег на Ногайскую орду ** и затем двинулся на Чигирин. Эта диверсия заставила Выговского выйти из Левобережной Украины раньше, чем были уничтожены московские гарнизоны, а с его уходом московская партия начала вновь поднимать голову. Даже в Северщине обнаружилось движение, враждебное Польше и Выговскому: расквартиро-

* Очень высокий боярский чин (второго класса).

** Это было первое громкое дело знаменитого в истории Сечи вождя, славного воина, но совершенно лишенного способностей политика.

ванные здесь вспомогательные польские войска, присланные на помощь Выговскому, по старой памяти возбуждали такую ненависть в украинском населении, что их в конце концов перерезали.

В этой резне погиб и один из выдающихся представителей партии старшины — Юрий Немирич; его считали истинным автором Гадячского трактата.

Пример Запорожья и левобережных полков начал влиять и на правобережные: многие полковники заявили, что они не желают признавать власти Польши. Уманский полковник Ханенко соединился с войском Сирка и двинулся к Киеву, где в то время находился Юрий Хмельницкий. Его, как лицо, выбранное уже раз гетманом и только оттесненное Выговским, противники последнего теперь с разных сторон выдвигали и прочили на гетманство.

В первых числах сентября 1659 г. под местечком Германовкой, недалеко от Белой Церкви, стали друг против друга оба лагеря — Юрия Хмельницкого и Выговского. С Выговским был только отряд поляков и остатки его «затяжцев» — наемного войска. Казаки все перешли к Хмельницкому, да и поляки и затяжцы начали разбегаться от него. 11 сентября состоялась казацкая рада. Казаки решительно заявили, что они не хотят сражаться против Москвы; общее раздражение против Выговского проявилось так сильно, что его едва не убили. Он должен был удалиться из рады, которая вслед за тем провозгласила гетманом Юрия Хмельницкого. Выговский после этого счел свою роль как казацкого гетмана оконченной и отослал Хмельницкому знаки гетманской власти. Однако, не оставляя своего плана — оторвать Украину от Польши, он старался влиять в этом направлении и на нового гетмана, и деятельность его в этом направлении не была бесплодна. Но окончилась она очень плачевно: несколько лет спустя бывший гетман был расстрелян польским полевым судом по обвинению в измене, выразившейся в намерении произвести восстание против Польши. Обвинение было, несомненно, совершенно неосновательно, да и с формальной точки зрения сам полевой суд над таким важным лицом, носившим после гетманства титул киевского воеводы, был вопиющей бесправностью и характерным проявлением полной дезорганизации польского управления.

Ввиду нерасположения к Польше, резко выраженного массой казачества в движении против Выговского, старшина не решалась поднимать вопроса об осуществлении Гадячского трактата и польской протекции, хотя весьма многие — в интересах украинской автономии — этому, несомненно, сочувствовали. Но, решаясь под давлением масс восстановить зависимость Украины от Москвы, украинские автономисты хотели по крайней мере обеспечить в будущем автономию Украины, принудив московское правительство к некоторым существенным уступкам. Под их влиянием Хмельницкий, приняв гетманство, уведомил об этом только переяславского полковника Цыцюру, выдвинувшегося на первый план в Левобережной Украине во время

предшествующего движения, и этим ограничился, не входя ни в какие сношения с московскими воеводами. Придвинувшись к Днепру со своим войском, он выжидал первого шага с их стороны. Когда воевода Трубецкой обратился к нему с призывом — признать власть московского царя по-старому, на старых правах и вольностях, Хмельницкий и старшина ответили ему предложением условий, на которых они согласны признать власть Москвы.

Они домогались, чтобы московских воевод и гарнизонов не было нигде, кроме Киева, как было при Богдане Хмельницком; чтобы московские войска, присылаемые на Украину, находились под командой гетмана; чтобы гетмана выбирало само войско, без вмешательства московского правительства и его воевод, и выбранный гетман был признаваем московским правительством без всяких оговорок; чтобы оно не сносило помимо гетмана со старшиною и войском, не принимало никаких писем, не контрасигнованных гетманом и войсковою печатью, и вообще чтобы административные и судебные права гетмана не подвергались никаким исключениям и ограничениям; право сношений с иностранными державами должно было остаться за ним вполне, московское же правительство при дипломатических переговорах, касающихся Украины, должно приглашать к участию представителей гетманского правительства с правом голоса; украинская церковь должна оставаться под властью константинопольского патриарха; школы «всякого языка» должны свободно основываться и впредь.

Эти условия были ответом на события последних лет и обнаружившиеся в них стремления московской политики к ограничению украинской автономии и самобытности. Без таких поправок украинское общество считало зависимость от Москвы невозможною, и этим объясняется, почему все участники изложенной формулы соглашения, когда Москва ее не приняла, оказались потом в рядах врагов Москвы.

Трубецкой, получив условия, промолчал о том, что он имеет от московского правительства совершенно иные инструкции, и пригласил Хмельницкого со старшиною явиться к нему для переговоров и принесения присяги. Хмельницкий не решался ехать к нему, опасаясь попасть в ловушку, требовал заложников и только тогда лишь, когда один из московских бояр переехал на правый берег, Хмельницкий явился в Переяслав со старшиною, в числе которой были Сирко, Дорошенко и др. Но опасения казацкой старшины оказались справедливыми: это была ловушка. Трубецкой теперь от переговоров о предложенных условиях уклонился, заявив, что должен прежде всего созвать в Переяславе раду для выбора гетмана и принятия «статей». Это был решительный удар, против которого Хмельницкий со старшиною не протестовали только потому, что были в руках Трубецкого. Как я упоминал, на раде представительства не существовало, как и на старорусском вече, и место, где собиралась рада, решало и со-

став ее; поэтому на раде в Переяславе подавляющее большинство должны были дать казаки из левобережных полков, враждебно настроенные уже против партии старшин-автономистов и исходившей от них оппозиции Москве. Кроме того, Трубецкой привел с собою свое войско, прибыл также и другой московский воевода — Ромодановский с другой армией и сторонник Москвы Беспалый со своими казаками. Трубецкой, очевидно, рассчитывал, что при такой обстановке автономисты не осмелятся подать голоса, и предложил им «статьи», приготовленные московским правительством.

Здесь к статьям Богдана Хмельницкого были сделаны, между прочим, следующие дополнения и поправки: гетман должен беспрекословно посылать войско по распоряжению московского правительства и наоборот — без его наказа не посылать никуда; сменять гетмана без царского указа войско не может; московских партизанов — Беспалого, Цыцюру и др. — гетман не должен подвергать взысканиям без следствия, произведенного московским правительством; люди, близкие к Выговскому, под страхом смертной казни лишаются права впредь занимать какие-либо должности в войске, а также участвовать в раде; кроме Киева, московские воеводы имеют быть введены в Переяслав, Нежин, Чернигов, Браслав и Умань.

Старшина действительно не решилась протестовать; только против переданного Трубецким желания московского правительства, чтобы Северщина, принадлежавшая в XVI в. к Московскому государству, была изъята из гетманского управления и обращена в московскую провинцию, выступила даже московская партия, и от этого требования Трубецкой отказался.

В остальном предложенные Трубецким статьи были приняты на раде 7 октября ст. ст. — это так называемые Переяславские статьи. Хмельницкий был вновь избран и принес присягу в соблюдении этих новых статей. Об отмене некоторых, наиболее тяжелых из них, он ходатайствовал вслед за тем перед московским правительством чрез депутацию, но просьба эта не была принята во внимание.

Автономисты покорились, но их вынужденная покорность, конечно, не могла быть искреннею, и раздражение против московской политики готово было прорваться наружу при первом же испытании. Критический момент не заставил себя долго ждать. Летом 1660 г. московское правительство задумало большую кампанию против поляков в Галиции, чтобы отвлечь польские силы от белорусских земель, где вели в то время операции московские войска. Воевода Шереметьев с левобережными казаками двинулся на Вольнь, Хмельницкий с правобережными шел южною границею, чтобы охранять Украину от татар. Польские гетманы, получив значительную помощь из Крыма, отрезали армию Шереметьева от сообщения с Хмельницким и подвергли блокаде. Шереметьев очутился в отчаянном положении. Пользуясь этим, поляки начали переговоры с Хмельницким, убеждая его порвать союз с Москвой и возобновить Гадячский трактат; в этом же

направлении влиял на Хмельницкого Выговский. Хмельницкий колебался; не успев пробиться и соединиться с армиею Шереметьева, он в конце концов согласился на переговоры.

Однако возобновить Гадячскую унию полностью поляки, пользуясь выгодами своего положения, уже не соглашались: из нее были вычеркнуты наиболее существенные постановления — о «Великом княжестве Русском». Такое искаженное издание трактата не могло, конечно, рассчитывать на долговечность, но при данных условиях Хмельницкий не считал возможным упорствовать, и трактат был принят с указанными изменениями. Цыцюре было сообщено об этом, и он пытался вырваться из лагеря Шереметьева, но ему это не удалось. Шереметьев, осажденный под Чудновом, в конце концов капитулировал на весьма унижительных условиях и сорвал сердце на казаках Цыцюры: он выдал их головой полякам, а те передали их татарам. Этот поступок возбудил на Украине чрезвычайное омерзение в народе и раздражение против московской власти.

Но и возобновление Гадячского трактата, да еще в таком искаженном виде, большинству казаков казалось актом вынужденным, и они не имели серьезного намерения признавать эту новую зависимость от Польши. Хотя после вестей о чудновской катастрофе во многих местах Заднепровья обнаружились народные движения против московских людей и воевод, успевших заявить себя населению с весьма несимпатичной стороны (буйствами, притеснениями, высокомерным отношением), но серьезных последствий это движение против Москвы не имело. Поляки не поддерживали его достаточно энергично, а их походы на Левый берег Днепра, предпринятые с этой целью, скорее имели обратное действие, еще более оттолкнув население от Польши. Шурин Хмельницкого Сомко и другой его родственник, нежинский полковник Золотаренко, объявившие себя сторонниками Москвы в надежде получить гетманскую булаву при этой okazji, подавили враждебное Москве движение, несмотря на то, что ошеломленное чудновскою катастрофою московское правительство со своей стороны довольно слабо их поддерживало. После недолгого колебания Левобережная Украина вернулась под власть Москвы.

И в Правобережной Украине верховенство Польши не пользовалось популярностью. Особенно постой вспомогательных войск и крымских орд, приходивших в помощь Хмельницкому даже без его приглашения, возбуждали сильнейшее раздражение в народе и приводили к переселению значительных масс населения за Днепр. У крымского хана возник даже план обратить Украину в подвластную провинцию, и эта комбинация находила сторонников и среди старшины, недовольной на польское правительство, не проявившее ни достаточно энергии, чтобы закрепить за собою Украину, ни желания удовлетворить требования старшины. Но народ был страшно раздражен опустошениями, которые постоянно производили крымские союзники, и о татарской власти с ним и говорить было нечего. В конце

концов против Ю. Хмельницкого возникло общее неудовольствие, и этот больной и лишенный способностей человек несколько раз намеревался отречься от гетманства. В начале 1663 г. он действительно сложил гетманскую булаву и принял монашество, а на его место был избран правобережными полками его зять, Павел Тетеря, беззащитный эгоист, о котором говорили, что он получил гетманство путем подкупа старшины.

В Левобережной Украине, остававшейся под верховенством Москвы, соперничали за гетманскую булаву Сомко и Золотаренко, и вследствие этого соперничества, а также в надежде, что, может быть, удастся еще склонить к возвращению под верховенство Москвы Хмельницкого с Правобережною Украиною, московское правительство не спешило с выбором гетмана. Среди этих проволочек на сцене появился новый кандидат — запорожский кошевой Иван Брюховецкий. Этот беззащитный карьерист и интриган задумал повторить план Пущкаря. Против Сомка и Золотаренка (ввиду кандидатуры Брюховецкого, примкнувшего к Сомку) Брюховецкий обращается к демагогии — выдвигает против них как представителей старшинских кругов украинский демос, играет на демократических струнах, на нерасположении «черни» к старшине и на соперничестве Запорожья с городовыми казаками, выдвигая вопрос об участии запорожцев в избрании гетмана. Одновременно он старается приобрести расположение московского правительства, распространяя слухи о неблагонадежности Сомка и стараясь представить себя сторонником Москвы более усердным, а главное — более податливым на ее желания, чем Сомко. Это ему удастся, так как Сомко своими жалобами на самоуправство и злоупотребления московских воевод успел вооружить их против себя и испортить впечатление в московских правительственных кругах.

На окончательную раду, назначенную на июнь 1663 г. под Нежином, Брюховецкий привел ватаги запорожцев и «черни» из южных полков, державших сторону Запорожья. Сомко ввиду этого пришел также с отрядом казаков и даже артиллериею. Рада перешла в схватку и была прервана, но затем Брюховецкому удалось перетянуть на свою сторону казаков Сомка; те подняли бунт, Сомко с товарищами должен был укрыться в московском лагере, а там их арестовали. После этого на вновь составленной раде Брюховецкий был объявлен гетманом и московский делегат утвердил этот выбор, а Сомко, Золотаренко и их сторонники подвергнуты были суду по обвинению в измене; четверо были казнены, остальные отправлены в ссылку в Москву.

Эти события сомкнули окончательно заколдованный круг, в котором очутилась Украина после своего великого восстания, разрыва с Польшею и подданства Москве. Решенный уже Б. Хмельницким, ввиду противоречия политики украинской и московской, разрыв с Москвою был осуществлен Выговским, но слишком неискусно, не-

ловкою рукою недоучившегося ученика великого мастера дипломатии. Хмельницкий не хотел возврата к Польше, он желал создать такую политическую комбинацию, которая могла бы обеспечить Украине совершенно независимое положение, и для этого опирался главным образом на Швецию. Выговский по его смерти пошел тем же путем и довел переговоры со Швецией до форменного трактата, гарантировавшего со стороны Швеции свободу и независимость украинского народа. Но диверсия со стороны Дании заставила Швецию прекратить военные действия против Польши, и на шведской помощи уже нельзя было опереться. Нужно было подождать какой-нибудь другой комбинации, но обстоятельства не позволяли медлить. Выговский вернулся к Польше, но тем совершенно испортил весь план.

Польше можно было ставить условия, — чувствуя себя слишком слабой, она готова была на уступки, по крайней мере временные, как она надеялась. Но народные украинские массы не хотели и слышать о возврате к Польше, и в среде самой старшины обнаружилось раздвоение. Принужденные этим к возвращению под власть Москвы, автономисты — то есть все, что было более порядочного и политически развитого в среде старшины, — хотели путем обоюдных уступок создать сносный *modus vivendi* ¹³⁹ под верховенством Москвы. Но московское правительство, рассчитывая на слабость автономистских групп, решило с ними не церемониться и угрозою вооруженной силы заставило их принять свои условия. За это игнорирование стремлений украинской интеллигенции московская политика была наказана годами войн и тревог, потерей Правобережной Украины и того импозантного положения во внешней политике, которое создал ей союз с украинским казачеством, наконец — призраком украинского сепаратизма, с этих пор тяготеющего над политикой Москвы.

Украинские автономисты не могли отказаться от своих требований, не могли помириться с ролью безгласных исполнителей распоряжений московской бюрократии и метались в своем заколдованном круге, стараясь найти точку опоры против московского централизма. События 1657—60 гг. не открыли им глаз на действительную причину их слабости, но обратили их лицом к народным массам и их стремлениям. Обеспечивая Гадячским трактатом автономию Украины, они оставляли без внимания нужды и интересы этих народных масс и соглашались на восстановление на Украине шляхетского режима, вызвавшего великое народное движение. С таким же непониманием интересов и стремлений масс строили они и свои дальнейшие планы, разбивавшиеся неизменно об отсутствие солидарности передового правящего меньшинства с народом, с его задушевными, хотя и неясными, не поддающимися формулировке стремлениями к установлению общественных отношений «без холопа и без пана».

Пользуясь этим раздвоением, московское правительство неизменно поражает украинских автономистов во всех их попытках противостать централистической политике, пока не приводит их к полному

отчаянию — к тому, что они, махнув рукою на всякую политику, занялись, при благосклонном участии московского правительства, устройством своего сословного благополучия — т. е. пошли всею компаниею по той дороге, на которую отдельных лиц политическая деморализация начала увлекать уже с первых же событий по смерти Б. Хмельницкого.

Подробно следить за историею дальнейшей смуты, попыток автономистов вырваться из тисков московского централизма и их неудач было бы долго и утомительно. Мы остановимся только на более интересных моментах этой борьбы.

XIX

СМУТЫ 1660—1680 гг.

В 1660-х годах, как мы видели, Украина формально разделилась. Правобережная получила своего гетмана, Левобережная — своего; первая под верховенством Польши, вторая под верховенством Москвы. И там, и здесь наверх всплыли беззастенчивые интриганы, делавшие собственную карьеру среди этих безнадежно запутанных отношений. Но положение было слишком серьезно для того, чтобы можно было держаться одними интригами: и Тетере, и Брюховецкому долго удержаться на гетманстве не удалось. Первым кончил Тетеря. Свое гетманство он начал с советов королю предпринять поход за Днепр для присоединения Левобережной Украины. В конце 1663 г. после долгих проволочек король действительно двинулся и прошел за Днепр до Глухова, но успеха не имел никакого, и это последнее усилие Польши вернуть себе Левобережную Украину окончилось полным фиаско. Когда Брюховецкий с московскими войсками в ответ на него предпринял поход в правобережные земли, здесь обнаружилось сильное движение против Польши. Московское правительство не поддержало его, да и движение это, собственно, не обнаруживало особого тяготения к Москве, но польская власть в Правобережной Украине была им подорвана вконец. Несмотря на жестокие экзекуции над восставшими (особенно выдавался своими жестокостями известный польский полководец Чарнецкий), движение против Польши продолжалось. Один из предводителей его, Дрозд, наголову разбил Тетерю, а когда вслед за тем, весной 1665 г., были выведены из Украины польские войска, в которых представлялась настоящая необходимость в других местах, Тетеря счел свое дело безнадежным и уехал из Украины. Он сходит после этого со сцены.

Брюховецкий, как я уже сказал, старался снискать себе поддержку Москвы угодливостью московской политике. Этой тактики он держался и после своего выбора. Съездил на поклон в Москву, чего не хотел сделать, несмотря на желание московского правительства,

ни один из его предшественников, изъявил намерение жениться на московской боярышне, выразил желание, чтобы в Киев прислали митрополита из Москвы. Наконец, исполняя волю московского правительства, во время своего пребывания в Москве подал петицию о введении московской администрации на Украине. Московское правительство за это пожаловало Брюховецкому боярский чин и немедленно приступило к переписи Украины и к введению нового податного оклада. Но эти меры возбудили величайшее недовольствие среди населения, и без того уже чрезвычайно недовольного московскими воеводами и ратными людьми; масла в огонь подлил и сам Брюховецкий, постаравшись до введения московского оклада собрать с населения возможно больше в свою казну. Со всех сторон поднималось недовольствие на него и на московское правительство. Духовенство было раздражено проектом подчинения украинской церкви московскому патриарху. Старшина негодовала за введенную Брюховецким систему — отправлять неугодных ему лиц в ссылку в Москву. Запорожье гневало на своего ставленника за обременение населения и введение московского оклада. Всеобщее негодование вызвало также совпавшее с этими фактами соглашение Москвы с Польшей (оформленное потом перемирным трактатом 1667 г.¹⁴⁰) об уступке Польше Правобережной Украины, которая как раз перед тем, как мы видели, собственными силами снова освобождалась было от польской власти.

Брюховецкий сначала хотел заглушить эти недовольствия террором — ссылал старшину, а непокорные села и местечки советовал московскому правительству жечь, население избивать. Но движение становилось все сильнее. Это почувствовал Брюховецкий, и с легкостью настоящего карьериста он решает повернуть в противоположную сторону. Движение против Москвы казалось ему теперь настолько сильным, что он задумал сам примкнуть к нему, тем более что на поддержку московского правительства, судя по некоторым признакам, он не мог особенно рассчитывать: если бы Украина обратилась решительно против него, московское правительство не стало бы его отстаивать. В конце концов Брюховецкий готовится восстание против Москвы и входит в союз с Дорошенком, который в это время стал во главе Правобережной Украины.

Фактически освободившись от всякой зависимости от Польши, Правобережная Украина, как я уже сказал, не спешила признать верховенство Москвы. Заявлял притязание на нее крымский хан, и сотник Опара был первым, который пошел навстречу этим планам: он принял от хана утверждение в звании гетмана, с обязательством зависимости. Но очень скоро татары арестовали его и предложили казакам в гетманы более крупную личность — Петра Дорошенка. Это был родовитый казак: «з прадида козак», как он о себе говорил, внук гетмана Михайла Дорошенка. Он был полковником уже при Хмельницком, играл видную роль по его смерти в кругах украинских автономистов и теперь выдвигается на первый план, являясь в про-

должение целого десятилетия, можно сказать, центром украинской политики. Человек несомненно способный, с железною энергиею, при более благоприятных условиях он мог бы создать нечто крупное, при данных же — только довел положение дел до крайности, до абсурда. Это — настоящий герой безвременья, вызывающий трагизмом своего положения и силой духа глубокий интерес и сочувствие.

Устраняя Опару, Дорошенко имел в виду план более широкий. Пользуясь поддержкою Крыма и Турции, он рассчитывал создать себе прочную основу в Правобережной Украине, свободной от влияний и Москвы, и Польши. Опираясь на нее, он надеялся снова соединить воедино Правобережную и Левобережную Украину, а так как последнюю слишком было трудно, как показали последние события, поставить вне зависимости от Москвы, то Дорошенко имел в виду признать верховенство Москвы, но под условием прочных гарантий украинской автономии, к которым он надеялся принудить московское правительство страхом своего союза с Турциею и Крымом.

Провозглашенный на войсковой раде гетманом под протекцию крымского хана в августе 1665 г., Дорошенко входит затем в непосредственные сношения с Турциею (1666). Разбив оставшиеся польские отряды, он овладевает Браславщиной. Московских партизанов в Правобережной Украине Дорошенко также рассеял и старался овладеть Левобережьем. С Брюховецким он вошел в сношения и подавал ему надежду, что оставит ему гетманство, но одновременно упрекал Москву, что она поддерживает подобных авантюристов — причину украинских смут. Очевидно, против такого господина, как Брюховецкий, Дорошенко считал всякий способ борьбы позволительным.

Рассчитывая на Дорошенка и татар, Брюховецкий с началом 1668 г. поднял восстание против Москвы. Старшина принял в нем участие, московские гарнизоны изгонялись или избивались. Но сам Брюховецкий сделался слишком ненавистен на Украине, чтобы его мог спасти этот поворот политики. Когда прибыл из-за Днепра Дорошенко и потребовал, чтобы Брюховецкий сложил гетманство, казаки объявили Брюховецкому, что не желают сражаться из-за него с Дорошенком; разграбили его лагерь, самого арестовали и привели к Дорошенку; и тут, как рассказывает современник, по ошибочно понятому жесту Дорошенка толпа бросилась на Брюховецкого и растерзала. После этого Дорошенко, соединившись с татарскою ордою, прибывшею на помощь Брюховецкому против Москвы, двинулся против московского войска, под предводительством Ромодановского вступившего в границы Украины для подавления восстания. В виду сил, которыми располагал Дорошенко, Ромодановский отступил за границу, и Украина, за исключением нескольких пунктов, где держались еще московские гарнизоны, оказалась в руках Дорошенка.

Это был единственный по своему значению момент в политиче-

ской деятельности Дорошенка. Трудно угадать, удалось ли бы ему удержать Украину в своем влиянии, наэлектризовать утомленную двадцатилетнюю борьбою массу, взять в руки расшатанную и в значительной степени деморализованную старшину. Достаточно сказать, что представившимся ему благоприятным течением обстоятельств Дорошенко воспользоваться не успел. Как раз в эту минуту наибольшего успеха он бросил армию и уехал в Чигирин, как передает современник, — вследствие известия об измене жены. Воспользовавшись его уходом, Ромодановский двинулся снова в Северские земли. Архиепископ черниговский Лазарь Баранович выступил с проповедью покорности Москве; оставленный Дорошенком в качестве заместителя («наказного гетмана») Демьян Многогришный с местною старшиною решил вернуться к московской власти. Но при этом и старшина, и Баранович хотели добиться уступок — вывода воевод, возвращения к статьям Богдана Хмельницкого, и Многогришный ставил ультиматум: или московское правительство восстановит «казацкие вольности», или он пойдет в подданство туркам. При этом он выступал уже не как представитель Дорошенка, а как самостоятельный «гетман северский».

Вывод воевод был, несомненно, всеобщим желанием. В том смысле, что это было общее пожелание украинского населения, доносил и воевода Шереметьев: «черкассы» желают непременно, чтобы «русских» людей не было на Украине в городах, и жить с ними не хотят. Вообще это был момент, когда стремления гарантировать Украину от вмешательства московского правительства и администрации проявились особенно сильно и широко в украинском обществе. Возможно, что их популярностью, тем что это было всеобщее и непереносимое условие дальнейших отношений, объясняется та значительная твердость, с которою Многогришный и старшина отстаивали свои требования. Но московское правительство, очевидно, возлагало надежды на раскол, выразившийся в отделении Многогришного от Дорошенка, и решило все-таки не уступать украинским требованиям. Оно позондировало Дорошенка, которого продолжали еще держаться южные левобережные полки, но когда и Дорошенко поставил то же требование о выводе воевод, московское правительство решило держаться Многогришного. Оно могло рассчитывать, что последний в своем фальшивом положении между Дорошенком и Москвою окажется уступчивее и, не имея духу отказаться от гетманской булавы, отступит от своего ультиматума. Действительно, уже к марту 1669 г. Многогришный уступил. На раде в Глухове, хотя и не без значительной оппозиции, были приняты «статьи» — договор между Украиною, собственно, украинскою старшиною, и московским правительством, составленный в стиле международного трактата (так наз. Глуховские статьи). После этого Многогришный был еще раз подтвержден на гетманстве и получил знаки власти от московского делегата.

В окончательно принятой редакции этих Глуховских статей постановлялось, что московские воеводы, кроме Киева, будут назначаться в Переяслав, Нежин, Чернигов и Остер, но они не будут иметь права вмешиваться в суд и управление, — им будут подчиняться только московские ратные люди их гарнизонов. Таким образом, после обнаруженного народом неудовольствия московское правительство отказалось от введения московской администрации и податного оклада на Украине. За гетманом не признавалось право сношений с иностранными государствами, но сохранялось на будущее время участие казацких делегатов в московских дипломатических конференциях.

Это был очень чувствительный удар для планов Дорошенка, но он не смутил его, и — к чести Дорошенка нужно сказать — он не стал тратить сил и энергии на борьбу с Многогришным. Хотя он смотрел на последнего свысока как на самочинного «покутного гетманчика», но поддерживал с ним добрые отношения, тем более что и без того имел достаточно забот, а общность национальной программы сближала его с Многогришным: мы уже видели, что их пожелания в сфере отношений к Москве более или менее были одинаковы. Вопрос о передаче Польше Киева, перемирием 1667 г. оставленного только на два года под властью Москвы, возбуждал тогда большую тревогу на Украине. Москву обвиняли в пренебрежении к национальным интересам Украины и излишней уступчивости в отношениях к Польше. Подозрения росли тем более что казацкие делегаты вопреки обещаниям не были допущены к конференциям, происходившим между уполномоченными Москвы и Польши. Эти общие заботы и огорчения сближали Дорошенка с Многогришным, очень огорченным поведением московских политиков. И в конце концов жалобы на поведение московского правительства, которые заявлял Многогришный, послужили поводом к скорому его падению.

Многогришный вообще не умел поставить себя в хорошие отношения к старшине. Последняя была склонна смотреть на него свысока как на человека нового, «мужичьего сына» и притом довольно простодушного. Постоянно подозревая старшину в интригах, Многогришный позволял себе временами резкие выходки против нее. Недовольные действительно устроили заговор в марте 1672 г. и по соглашению с московским отрядом, находившимся при гетмане, схватили его и отослали в Москву, обвиняя в измене московскому правительству и прося разрешения выбрать нового гетмана. Обвинения были совершенно ложны, а насколько все это имело характер личной интриги, доказывает страх заговорщиков, что войско и население выступят против них: поэтому раду для выбора нового гетмана они даже не решились устроить на украинской территории, а перенесли за московскую границу под охрану московского войска (на урочище Козацька Диброва). Но несмотря на очевидную ложность обвинений, московское правительство сочло за лучшее придать им значение.

Над Многогришным был наряжен в Москве суд; гетмана подвергли пыткам, и хотя никаких улик против него не найдено, тем не менее его с семьей и ближайшими сторонниками сослали в Сибирь, где Многогришный в весьма тяжелых материальных условиях жил еще в первых годах XVIII в.¹⁴¹

Среди всеобщего возмущения и паники, вызванной на Украине таким произволом и жестокостью, кружок заговорщиков с разрешения московского правительства, благоволение которого он старался приобрести крайнею угодливостью, под охраною московского войска поспешил произвести выбор нового гетмана. Избран был генеральный судья Самойлович¹⁴², настоящий кандидат старшины, исполнитель ее социально-экономической программы, человек ловкий, ищательный, но ничем особенным себя не загрязнивший, а по отношению к Москве очень лояльный. Он также был человеком новым — сын священника, он и позже носил кличку «Поповича», которою хотели подчеркнуть его позднейшие аристократические замашки и высокомерие, возбудившее потом всеобщее неудовольствие. При избрании его возобновлены были Глуховские статьи 1669 г., за исключением только права участия украинских делегатов в дипломатических конференциях: это право, составлявшее последнюю тень государственной самостоятельности Украины, было отменено теперь. Кроме того, старшина выговорила себе разные гарантии от гетманского самовластия.

С Дорошенком Самойлович не поддерживал уже таких тесных и солидарных отношений, как Многогришный, и раздвоение Украины чувствовалось вполне осязательно. Была еще и третья политическая группа — Запорожье с соседними южными территориями на обеих сторонах Днепра, в это время не подчинявшееся ни Самойловичу, ни Дорошенку, а выставлявшее своих собственных гетманов, довершавших тогдашнее расчленение Украины. Правда, эти гетманы не имели большого значения; наоборот, за Дорошенком чувствовалась все еще большая нравственная сила, и Самойлович постоянно боялся, что московское правительство может пожертвовать им для соглашения с Дорошенком. Поэтому он усиленно старался рассорить с ним Москву и по возможности всячески ослабить. Московское правительство действительно было очень озабочено Дорошенком и не находило способа поладить с ним. Южные полки все еще стояли большей частью вне зависимости от Москвы, тяготея к Дорошенку или к гетманам, которые один за другим всплывали на Запорожье. С другой стороны, московское правительство заботил союз Дорошенка с Турцией, приобретающий все более осязательное значение и грозивший большими осложнениями.

Я упоминал, что в сношениях с Турцией Дорошенко вошел уже вскоре после того как стал гетманом. В 1669 г. он вступает в окончательный договор с Портою, признав себя вассалом султана, за что последний обещал ему помощь для освобождения Украины в ее эт-

нографических границах — по Перемышль и Самбор, по Вислу и Неман, по Севск и Путивль (т. е. до московской границы). Но союз с Турцией и Крымом, даже помимо признания их верховенства, был весьма непопулярен среди казачества. Свое подданство султану Дорошенко по возможности маскировал перед народными массами, но им достаточно претили уже и союзные отношения с «неверными», вековыми врагами: тем более что приход на Украину «союзников»-татар сопровождался опустошениями самой союзной территории и уводом в плен жителей. Хотя Дорошенко в своем трактате с Турцией и поставил условием, что такие бесчинства впредь не должны иметь места, но все его представления в том смысле турецкому и крымскому правительству оставались бесплодными. Среди населения Правобережной Украины под впечатлением этих татарских опустошений начинается форменное бегство; развившаяся уже перед тем эмиграция в Левобережную Украину все усиливается, доходя до размеров массовых. А против самого Дорошенка ввиду непопулярности его политики выступают все новые и новые претенденты, особенно со стороны Запорожья, враждебного союзу с Крымом. В 1669—72 гг. Дорошенку приходилось вести постоянную борьбу с такими запорожскими гетманами — Суховием, Ханенком.

Но несмотря на эту непопулярность и тревожные симптомы, Дорошенко упорно держался союза с Турцией. При помощи ее он прежде всего хотел окончательно покончить с претензиями Польши на Украину и призывал турецкое правительство к активным выступлениям. Но Порту нелегко было склонить к решительному шагу, и Дорошенко, не решаясь с собственными силами вступить в открытую борьбу с Польшей, заключал трактаты, тянул переговоры, подавал надежды, пока наконец польское правительство не потеряло терпения и, так как Дорошенко ставил очень высокие требования, — обратилось к Ханенку. С этим более податливым авантюристом оно заключило в 1670 г. договор, признав его гетманом. Ханенко удовлетворился ничего не стоящими обещаниями относительно свободы православной религии, неприкосновенности казацких земель и т. п. Но договор не имел никакого значения уже потому, что Ханенка признавали гетманом только небольшие территории в южной части Правобережной Украины. Зато Дорошенку этот договор не мог внушить добрых чувств к Польше, и он с удвоенною энергиею понуждал турецкое правительство к походу на Украину.

Наконец султан Магомет IV решил двинуться на Польшу. В конце 1671 г. он начал готовиться к походу и выслал польскому правительству извещение, что вследствие нападений поляков на территорию его вассала Дорошенка он, султан, решил предпринять поход на Польшу. В мае 1672 г. султан действительно двинулся в поход с огромною армиею. Хан со своей ордой выслан был вперед и вместе с Дорошенком рассеял находившиеся на Украине польские отряды и казаков Ханенка. Турецкая армия осадила Каменец, плохо воору-

женный и сдавшийся после недолгой осады, затем двинулась на Галичину и осадила Львов. Никто в Польше не думал о сопротивлении. Польские комиссары, прибывшие в турецкий лагерь во время осады Львова, согласились на все условия турок, уступив Турции Подолию и обязавшись, кроме того, платить ежегодную дань. «Украина в давних границах» отдавалась Дорошенку, и польские гарнизоны, какие еще там оставались, польское правительство обязывалось вывести оттуда. На этих условиях был подписан договор под Бучачем 7 октября ¹⁴³ 1672 г., и турецкая армия, заняв Подолию, ушла обратно.

Таким образом, первая половина плана Дорошенка, по-видимому, была исполнена. Недалеким казалось и его дальнейшее осуществление. Московское правительство, озабоченное союзом Дорошенка с Турцией и предостережением, какое давало ему нашествие турок на Польшу, готово было идти на всяческие уступки, лишь бы обезопасить себя от турок. По Украине ходили слухи, что визирь обещал на следующий год привести войско для покорения Левобережной Украины, и это вызвало здесь общую панику, настраивавшую очень тревожно правительственные сферы. Правительство и земский собор решили принять Дорошенка с Правобережную Украину под московскую протекцию ввиду того, что по Бучачскому договору Польша отказалась от прав на Правобережную Украину, и перемирие с Польшею не связывало больше московское правительство по отношению к Украине. Московское правительство готово было пойти на уступки требованиям Дорошенка.

Каковы были условия Дорошенка, узнаем из одного несколько более позднего его письма (1673). Он требовал, чтобы на всей Украине в пределах Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств был один гетман; его власти должно было подчиняться Запорожье, а также и Киев, то есть московские воеводы должны быть выведены даже из Киева, и их нигде не должно было быть; но московское правительство возьмет на себя обязательство охранять Украину. Это было повторением программы 1668 г., и она была теперь очень близка к осуществлению. Но успех Дорошенка был весьма непрочен, так как был результатом только преходящей паники, наведенной турками, и эта непрочность не замедлила обнаружиться.

Прежде всего планы московского правительства встретили препятствия со стороны Польши. Польское правительство заявило, что оно не отказывается от прав на Правобережную Украину и не намерено исполнять Бучачского договора, поэтому принятие Дорошенка под московскую протекцию сочтет нарушением перемирия. Действительно, Польша не вывела своих гарнизонов из Правобережной Украины и продолжала поддерживать Ханенка против Дорошенка. Это остановило Москву. Между тем страх, наведенный турками, скоро рассеялся. На следующий год турки похода не повторили, Польша осмелилась перейти в наступательную войну, и под Хотинском Собеский одержал над турками победу. Самойлович, старавшийся всеми мерами

помешать соглашению московского правительства с Дорошенком, так как оно лишило бы гетманства его самого, советовал не доверять Дорошенку и действовать оружием. Московское правительство в конце концов решилось следовать этому совету.

В начале 1674 г. Самойлович и Ромодановский получили приказ двинуться за Днепр. Им было поручено повести военные действия только в таком случае, если бы не удалось прийти к соглашению с Дорошенком, но Самойлович умышленно не вступал с ним ни в какие переговоры, а постарался привлечь на свою сторону правобережное войско и население.

Действительно, почти все население Правобережной Украины перешло на сторону Самойловича, когда он явился здесь со своими и московскими войсками. Обстановка, в которой происходил турецкий поход 1672 г., — превращение христианских церквей Подолии в мечети, набор мальчиков в янычары, случаи насильственного обращения в магометанство, — все это еще более обострило негодование против Дорошенка за его союз с Турцией, так что оно проявлялось даже среди его приближенных. За отсутствием турок единственной опорой и надеждою Дорошенка были татары, но и они не пришли на его призыв. Хан был недоволен тем, что Дорошенко помимо его вошел в непосредственные сношения с Турцией, и неохотно исполнял приходившие оттуда приказы помогать гетману. Когда явились войска Самойловича, полное отсутствие сочувствия к Дорошенку — собственно, к его политике — обнаружилось среди украинского населения во всей наготе, и по реакции все обратилось к Самойловичу и Москве.

Дорошенко увидел себя оставленным всеми. В его резиденции — Чигирине с окрестностями — осталось с ним, как говорили, всего 5000 казаков, среди которых также было много недовольных. Самойлович занял гарнизонами Поднепровье, депутаты десяти правобережных полков, явившись к нему, признали верховенство Москвы. По приглашению Самойловича, после оккупации Поднепровья возвращавшегося за Днепр, они явились в Переяслав и здесь по предложению Ромодановского признали гетманом Правобережной Украины Самойловича и еще раз приняли протекцию Москвы. На этой же раде сложил знаки гетманского достоинства Ханенко, и они были переданы также Самойловичу, который, таким образом, был признан единым гетманом для всей Украины (15 августа 1674 г.).

Сам Дорошенко колебался и готов был капитулировать, но его удержал Сирко, проникшийся ненавистью к Москве с тех пор как побывал в московской ссылке, и в этом же направлении влиявший теперь на Запорожье.

Когда по уходе московского войска пришли на помощь Дорошенку крымские татары, он попытался вернуть отпавшую Украину, действуя террором и экзекуциями. Но его приобретения были утрачены снова, когда появился здесь отряд, посланный Самойловичем. Наконец пришли турки, на которых возлагал всю надежду Дорошенко, но они

не кинулись на Киев и Левобережную Украину, а занялись экзекуциями в Подолии и Браสลавщине, так что и этот поход их не принес желательных для Дорошенка результатов. Страх перед Турцией окончательно исчез. Однако и предпринятый Самойловичем с Ромодановским новый поход в Правобережную Украину не отличался энергиею. Положение оставалось неопределенным. Следующий 1675 год прошел в мелкой войне. К экзекуциям Самойловича и Дорошенка, московским, татарским и турецким присоединились еще и польские: Польша, сначала не опротестовавшая присоединения Правобережной Украины к Левобережной, выступила теперь с претензиями и выслала войска.

Эта бестолковщина, экзекуции со всех сторон, постой татар и турок и т. п. привели наконец население к полному отчаянию. Когда оказалось, что и московское верховенство не доставляет покоя и безопасности, население Правобережной Украины начинает поголовно выселяться. Эмиграция, чрезвычайно развившаяся уже с 1660-х годов, переходит в поголовную в 1674—76 гг. Правобережное Поднепровье и Браславщина совершенно опустели; движение охватило и территории, лежавшие далее к западу; поляки и Дорошенко напрасно старались его остановить. Дорошенку это запустение Украины наносило последний удар; напрасно он прибегал к крайним мерам террора — громил ватаги переселенцев, отдавал их в неволю татарам, — эмиграция шла со стихийною силою, и уже в 1675 г. Самойлович доносил в Москву, что за Днепром осталось очень мало населения. Так как в левобережных полках уже было мало свободных земель, то переселенцы шли дальше, за московскую границу, в округа Ахтырский, Сумской и др.

Дорошенко окончательно сознал безнадежность своего положения. Необычное зрелище представлял этот «последний казак», всеми оставленный, без войска и запасов сидевший на своей Чигиринской горе и все еще служивший предметом тревог для соседних государств, дипломатических переговоров и политических комбинаций. Дорошенко пытался теперь добиться у московского правительства, чтобы оно признало его гетманом хотя для известной части Украины; но московское правительство уже упорно стало на том, что единственным гетманом украинских земель должен быть Самойлович, и не обещало Дорошенку ничего, кроме амнистии. Но признать «регент» Самойловича не хотелось ни Дорошенку, ни Сирку — его единственной опоре на Украине. Сирко выступил с теорией, что выбор гетмана принадлежит Запорожской Сечи. Дорошенко сложил пред ее представителями свои гетманские «клейноды» — знаки власти, и Сирко носился с планом созвать новую раду для выбора гетмана. Переговоры об этом затянулись на несколько месяцев. Между тем, после долгих проволочек, Самойлович с Ромодановским по поручению московского правительства двинулись снова к Днепру. Дорошенко призывал на помощь турок и татар — они не пришли. Передо-

вой корпус украинско-московской армии подошел к Чигирину. Дорошенко решил, что час его пробил: он вышел навстречу передовому полку со старшиною и духовенством и принес присягу, а затем с двухтысячным оставшимся при нем отрядом явился в лагерь Самойловича и Ромодановского, расположенный на левом берегу Днепра, и сложил клейноды, которые и были переданы Самойловичу (сентябрь 1676 г.).

Этим закончилась политическая карьера Дорошенка. Свой век он намеревался дожить на Украине в качестве частного человека, но его скоро потребовали в Москву. Самойлович пытался противиться, видя в этом нарушение своей присяги Дорошенку относительно свободы и неприкосновенности его личности и опасаясь, что общественное мнение обвинит его в этом нарушении. Но московское правительство настояло, и Дорошенко вынужден был повиноваться. Из Москвы на Украину, несмотря на все его просьбы, Дорошенка уже не отпустили, а держали в почетном заключении. Позже он был назначен воеводою в Вятку, а после двухлетней службы получил поместье Ярополче в Волоколамском уезде, где и окончил свои дни (умер в 1698 г.).

Вопрос о Правобережной Украине был закончен лишь спустя несколько лет после капитуляции Дорошенка. Турция не хотела отказаться от нее и, не поддержав вовремя Дорошенка, после его капитуляции начала готовиться к походу, а на место Дорошенка выставила гетманом Юрия Хмельницкого. Схваченный турецкими войсками на Украине и присланный в Константинополь в 1672 г., он содержался здесь в заключении; теперь султан приказал патриарху снять с него монашество и выслал на Украину в качестве своего вассала.

Летом 1677 г. турецкая армия, имея с собою Хмельницкого, прибыла на Украину и осадила Чигирин, где после капитуляции Дорошенка был поставлен московский гарнизон. На выручку двинулись из-за Днепра Самойлович с Ромодановским, и турки, сняв осаду, ушли, но в следующем (1678) году повторили поход снова. Такая настойчивость Турции испугала московское правительство, и оно, посылая снова Самойловича с Ромодановским, в тайной инструкции последнему поручило разрушить Чигирин, население вывести и войти с турками в соглашение, чтобы правобережное Поднепровье оставить пустым и без укреплений. Инструкция эта дана была тайком от Самойловича, который не соглашался на отречение от Правобережной Украины, и несмотря на его желание отстоять Чигирин, кампания 1678 г. окончилась тем, что после упорной обороны московский гарнизон вышел из Чигирина по приказу Ромодановского, а чигиринский замок был взорван порохом. Остатки населения из приднепровских местностей были насильно перегнаны за Днепр в 1679 г.— это так называемый в народной традиции «згін». Самойлович проектировал поселить этих заднепрян в Слободской Украине, передав послед-

ную в гетманское управление, но московское правительство на это не согласилось, и заднепровские переселенцы в конце концов были поселены на юго-восточной окраине, на север от р. Орели.

Старания Ю. Хмельницкого укрепить свое положение на Украине с помощью татар и турок между тем не удалось. Под влиянием Сирка некоторое время колебалось еще Запорожье — не присоединиться ли к Хмельницкому; но в конце концов и Сирко не захотел связывать себя с турками. Надежды турок, что имя Хмельницкого привлечет к нему население, совершенно не оправдались, и в 1681 г. он был отозван.

Борьба за Правобережную Украину успела между тем утомить и Турцию, и Москву, и между ними начались переговоры о мире. Польша, мечтавшая о возвращении Подолии, желала привлечь Москву к противотурецкой лиге; в 1680 г. она заключила с Москвою трактат, по которому за уплату 200 тыс. рублей отказалась навсегда от Киева, считавшегося до сих пор только во временном владении московского правительства, и теперь предлагала последнему союз против Турции. Московское правительство ввиду этой дилеммы обратилось за советом к Самойловичу. Тот советовал не входить в союз с Польшей, а помириться с Турцией, но выговорить себе земли между Днепром и Днестром или по крайней мере — до Южного Буга. Московское правительство приняло эту точку зрения и старалось прийти к соглашению с Турцией. Но крымский хан решительно воспротивился уступке правобережного Поднепровья, и московское правительство согласилось признать Днепр границей, с тем чтобы край между Днепром и Южным Бугом остался незаселенным. На этих условиях заключен трактат 1681 г. Однако при ратификации его в Константинополе турецким правительством была исключена оговорка о том, что Поднепровье должно остаться пустыней, и даже сделано добавление, что переселениям из Левобережной Украины на Правый берег не должны ставиться препятствия. Эти изменения вызвали большое неудовольствие Самойловича и вообще на Украине, но было уже поздно — трактат был подписан.

XX

ОТНОШЕНИЯ КОНЦА XVII в.

Капитуляция Дорошенка была очень важным симптомом в украинских отношениях. Это был последний сподвижник Хмельницкого, последний представитель кружка автономистов, взлелеявших идею самостоятельного украинского государства. Своей настойчивостью и непреклонностью в глазах современников он свел эту идею до абсурда. Необходимость помириться с тесною зависимостью от Москвы и подчиниться московской политике для огромного большинства

украинского общества стала очевидным фактом. Гетманство Самойловича, представителя полной лояльности в отношении московского правительства, воплощало это сознание. Когда московским политикам понадобилось сделать Самойловича козлом отпущения своих неудач и он был принесен в жертву этой некоторым образом «государственной необходимости», занявший его место новый гетман Иван Мазепа пошел вполне по стопам Самойловича. И во внутренней политике, и в отношениях к московскому правительству он исполнял требования и желания последнего, всячески стараясь доказать свое усердие, хотя они часто больно задевали интересы Украины и гетманской власти. Более тридцати лет «Гетманщина», как называлась Левобережная Украина, тихо плыла, без всяких конфликтов и пертурбаций, на буксире московской политики, пока неожиданные политические комбинации не увлекли Мазепу с его лояльного пути. Но и эта пертурбация, собственно, не изменила общего направления политического и социально-экономического процесса Левобережной Украины — только ускорила его темп.

Будучи ставленником старшины, Самойлович верою и правдою служил ее сословным и экономическим интересам, усиленно рекомендуя крестьянскому населению оказывать всякое «послушенство» своим помещикам и тщательно преграждая дорогу к казацкому званию «жителям тяглым». Это не могло доставить ему популярности в народных массах, раздраженных также введением косвенных налогов на разные предметы потребления и сбора продуктов на военные нужды и издержки управления. Особенное неудовольствие — не только масс, но и зажиточной буржуазии — возбуждало введение правительственной монополии винокурения, продажи табаку и дегтя, отдававшейся на откуп («оренда»). Нерасположение народных масс к Самойловичу как представителю интересов старшины выражалось в недружелюбном отношении к нему Запорожья, живо отражавшего настроения масс. Официально подчиненное гетманской власти, оно вечно пререкалось и отказывало в покорности Самойловичу, как и преемнику его булавы и политики — Мазепе. Со своей стороны старшина была недовольна непотизмом¹⁴⁴ Самойловича, его стремлениями проводить на высшие должности своих родственников. Жаловались на его корыстолюбие и взяточничество, на панские замашки. Все это особенно неприятно поражало в выскочке, не помнившем, по словам современника, «на подлось своего рожаю» (своего низкого происхождения); сам же по себе гетман и его семья были лишь типичными представителями старшинского класса.

Наученный горьким опытом своего предшественника Многогришного, влачившего подневольное существование в Сибири, «скитаясь меж дворов и помирая голодною смертью», по его собственным словам, Самойлович усиленно старался не подать московскому правительству никакого повода к неудовольствию. Он даже не отказал в своем содействии осуществлению давнишнего плана, занимавшего

московское правительство со времен Хмельницкого и теперь снова поставленного на очередь,— подчинения украинской церкви московскому патриархату. По настоянию московского правительства Самойлович провел на киевскую митрополию человека, изъявившего готовность принять посвящение от московского патриарха и признать его власть над собою. Это был родственник Самойловича, князь Гедеон Святополк-Четвертинский, епископ луцкий. Самойлович поставил, однако, условием, что московское правительство само уладит дело с константинопольским патриархом, т. е. получит от него отречение от власти над киевскою митрополиею. Но константинопольский патриарх с другими патриархами не пожелал на это согласиться, и московское правительство обратилось к содействию великого визиря. Так как Порта тогда была заинтересована сохранением добрых отношений с Москвою ввиду противотурецких происков Польши, то визирь не отказал в своем содействии в сем деликатном деле и своими средствами действительно заставил патриархов исполнить требование Москвы. Таким не особенно благочестивым способом было достигнуто «великое дело церковного воссоединения Восточной и Западной России», как называет его московский историк *, а в автономной жизни Украины пробита была еще одна немало-важная брешь.

Московское правительство должно было ценить эту непоколебимую лояльность Самойловича, покладистость в виду требований московской политики и расчетливую, осторожную политику. Самойлович рассчитывал на эту благосклонность Москвы и во вторую половину своего правления стал действительно высокомерным и самовластным во внутренних отношениях Украины. Он начинает устранять старшину от участия в управлении, поступает самовластно, без участия рады старшины, как поспешила пожаловаться на него последняя, когда пробил час его падения: «все сам делает, никого к думе не призывает», «старшине генеральной нет у него чести надлежащей, ни безопасности: больше от гнева и похвальных его слов мертвы бывают, нежели покойны живут».

Двух сыновей своих Самойлович устроил на полковничьих должностях, дочь выдал за московского боярина и устроил его назначение воеводою в Киев. Располагая такими связями, он, вероятно, надеялся передать гетманскую булаву после себя одному из сыновей и упрочить за своей семьей первенствующее положение. Это возбуждало сильнейшее неудовольствие против него старшины, которая и пробовала на нем [время] от времени жало доноса и интриги и не замедлила повалить зазнавшегося выскочку, как только изменилось к нему отношение московского двора. Вообще в душной атмосфере произвола и бесправия, установившейся на Украине под московским режимом, интриги, подкупы и доносы начинают приобретать пер-

* Соловьев, История России, т. III, с. 986.

венствующее значение в местной «политике», и история падения Многогришного и его преемника Самойловича дает яркие иллюстрации тогдашних отношений.

Возможность низвергнуть Самойловича дала старшине внешняя политика. Очень лояльный и покладистый относительно московской политики вообще, Самойлович не мог никак помириться со сближением с Польшею, которое обозначилось в московской политике 1680-х годов. В этом случае он был выразителем воззрений украинской старшины, в особенности левобережной, очень недоброжелательной Польше. Самойлович не мирился с отречением от Правобережной Украины и не скрывал своего неудовольствия, когда московское правительство под влиянием тогдашнего временщика Вас. Голицына решительно перешло на почву союзных отношений к Польше.

В 1686 г. был заключен с Польшей вечный мир. По этому миру польское правительство окончательно отказалось от Киева с его округом, еще раз выговорив за это денежную сумму 149 тыс. рублей¹⁴⁵, а также от власти над Запорожьем. Самойлович, поставивший это требование относительно Запорожья, домогался также, чтобы Польша уступила под московскую протекцию земли между Киевом и Чигирином, и московские уполномоченные поставили также и это требование, но поляки не согласились и было решено оставить спорные области незаселенными впредь до нового решения.

Став союзницею Польши, Москва вошла в образованный против Турции союз, в котором, кроме Польши, участвовали Германская империя (точнее, австрийские земли) и Венеция. Свое участие в общей борьбе с Турцией московское правительство решило осуществить походом на Крым, предводительство в котором взял на себя Голицын, а гетман Самойлович должен был участвовать также самолично с казацким войском. Несмотря на свое несочувствие этому походу, старый гетман не устранился от участия в походе и дал ряд дельных указаний относительно условий, которые должны были обеспечить его успех. Эти указания, однако, не были приняты в расчет Голицыным, и снаряженный с большой помпой крымский поход 1687 г. окончился полным фиаско. Это грозило сильно пошатнуть положение Голицына и его покровительницы — правительницы Софьи, и ему во что бы то ни стало нужно было сложить вину неудачи на кого-либо другого. Самойлович, как самое важное лицо в походе после Голицына, мог для этого послужить лучше, чем кто-либо, а его известное нерасположение к антитурецкой лиге давало повод обвинить его в недоброжелательном отношении к походу. Убедившись, что с этой стороны обвинения на Самойловича будут благоприятно приняты московским правительством, старшина на возвратном пути из крымского похода подала донос на Самойловича, где обвиняла его в недоброжелательном отношении к московскому правительству и в том, что он, будучи противником похода в Крым, сделал все для того, чтобы этот поход не удался.

Донос был благосклонно принят московским правительством, хотя оно, очевидно, само нисколько не верило обвинениям Самойловича в измене. Голицыну было поручено, ввиду общего нерасположения к Самойловичу украинской старшины и войска, во избежание каких-либо волнений устранить Самойловича, выслать его с родственниками в Москву и произвести выбор нового гетмана. Самойлович и его сыновья были немедленно арестованы. Старшина заявила при этом, что терпела от Самойловича разные притеснения и незаконности, но ни следствия, ни суда по всем этим обвинениям не было произведено. Старого гетмана с сыном Яковом, стародубским полковником, без суда сослали в Сибирь, а имущество их было конфисковано. Другого сына Самойловича, Григория, черниговского полковника, постигла еще более жестокая участь. Так как местный воевода донес, что Гр. Самойлович «бунтовал», т. е. старался избежать показаний при аресте, то явились подозрения в нерасположении его к Москве; его подвергли суду, и хотя серьезных вин, собственно, никаких за ним не оказалось, он был приговорен Боярскою думою к смертной казни, и в том же году приговор был исполнен. Гр. Самойловичу отрубили голову в Севске, а имущество его конфисковали. Старик Самойлович, сосланный в Тобольск, умер там два года спустя.

Так как при вести об аресте гетмана на Украине начались волнения, направленные против старшины, «людей значных», откупщиков и т. п., и выражавшиеся местами в весьма резких эксцессах, то считали нужным поспешить с выбором нового гетмана и приступили к нему немедленно — все в том же лагере, на возвратном пути из Крыма, где произошел арест Самойловича. Всесильный Голицын рекомендовал старшине генерального есаула Ивана Мазепу. Позже открылось, что за эту рекомендацию Мазепа обязался заплатить Голицыну 10 тыс. рублей и выплатил их после своего избрания, вероятно, из имущества своего предшественника (половина имущества Самойловича была забрана в царскую казну, а половина в войсковую). Этот подкуп и рекомендация всесильного временщика решили выбор: старшина приняла к сведению желание московского правительства.

Избирательной раде предшествовала ревизия украинской конституции — установление «статей». Политическая автономия Украины была уже и предшествующими ограничениями и практикою введена в очень скромные рамки, теперь к старым (Глуховско-Конотопским) статьям 1672 г. московское правительство прибавило еще новые ограничения. Постановлено было, что не только гетман не может быть низложен, но и генеральная старшина не может быть смещена «без воли и указу» царского. Рекомендовалось «гетману и старшине народ малороссийский всякими мерами и способы с великороссийским народом соединять и в неразванное и крепкое согласие приводить супружеством и иным поведением, — чтоб никто голосов таких не испущал, что Малороссийский край гетманского регименту, а отзываются бы везде единогласно их царского величества самодер-

жавной державы гетман и старшина, народ малороссийский обще с великороссийским народом». Зато сделано было несколько постановлений в сословных и экономических интересах старшины: подтверждены имения, розданные гетманами и старшиною; резко ограничено казацкое сословие от мещанского и крестьянского; имения старшины и монастырей освобождены от налогов на содержание войска. Ограничивая автономию, московское правительство вознаграждало старшину содействием ей на почве классовых, материальных интересов, идя навстречу стремлениям старшины к превращению в наследственно-привилегированное владельческое сословие, и со своей стороны усердно направляло в этом направлении внутренние отношения Украины.

За установлением статей последовало избрание гетмана: ввиду вышесказанного оно было простою формальностью. Впрочем, новый гетман был вполне верным выразителем сословных и политических стремлений старшины, и с этой стороны старшина не могла ничего иметь против него.

Мазепа по происхождению был киевский шляхтич из средних фамилий ¹⁴⁶. Свою молодость он провел при польском дворе в качестве пажа; позже употреблялся для дипломатических поручений на Украине. Затем, в 1660-х годах, он оставил придворную службу — как предполагают, вследствие романтического приключения, получившего громкую огласку ¹⁴⁷ и в более или менее украшенных легендой и фантазией формах воспетого рядом знаменитых поэтов (Байроном, Пушкиным, Словацким). Затем он выступает в казацком войске — сначала под региментом Дорошенка, затем, захваченный в плен, делает карьеру под покровом Самойловича и занимает видное положение в «Войске Его Царского Величества Запорожском», как официально называлась казацкая организация Гетманщины.

Шляхтич по рождению и воспитанию, в эпоху народных войн Украины против польско-шляхетского режима выраставший в атмосфере интриг королевского двора разлагающейся Польши, довольно случайно очутившийся в казацком войске и едва ли искавший в нем чего-либо, кроме личной карьеры, новый гетман, подобно своему предшественнику, был очень сомнительным приобретением для Гетманщины в ее тогдашнем очень серьезном положении. Человек способный и честолюбивый, но слишком уклончивый и осторожный, слишком учитывающий всякий риск и опасность для своего «я», бюрократ и дипломат по складу понятий и темпераменту, он мало годился для самостоятельной, ответственной роли правителя. Подобно своему предшественнику, он ставил своею первою и главною целью поддерживать хорошие отношения с московским правительством во всех обстоятельствах и за какую угодно цену, и это ему удавалось. Неудача нового крымского похода, предпринятого Голицыным в следующем году и окончившегося также фиаско, не повредила Мазепе. Его покровитель Голицын пал, но новое покровительство Петра приняло

ласково Мазепу, случившегося в Москве как раз вовремя, чтобы устроить свои отношения. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, Мазепа предъявил на Голицына жалобу за взятую с него взятку и постарался таким образом возвратить себе издержки своего повышения. Затем, с возобновлением военных действий в 1695 г., Мазепа очень предупредительно исполнял военные поручения Петра, заявляя при всяком случае полное сочувствие его планам, и снискал прочное расположение царя.

Во внутренних отношениях новый гетман на первых же порах достаточно определенно обозначил свой политический курс кровавыми репрессиями, которыми были усмирены бунты против старшины, прорвавшиеся при низвержении Самойловича, и восстановлены были, по словам современного летописца, «тишина и безбоязненное людем тамошним мешкане». Силою и властью своего гетманского регимента Мазепа, подобно своему предшественнику, поддерживал со всею энергиею престиж старшины и ее претензии по отношению к «подданскому» населению и помогал старшине консолидироваться в сплоченное наследственно-привилегированное сословие. В этом отношении правление Мазепы было, как и во внешней политике, непосредственным и непрерывным продолжением правления Самойловича. Более характерную особенность его правления составляло то усердие к церкви и тесно связанной с нею тогдашней культурной украинской жизни, какое замечаем у Мазепы — более, чем у кого-либо из гетманов. Как бы для того чтобы рассеять предубеждение против своей особы как человека чужого, Мазепа с первых же лет своего правления с небывалой энергией и щедростью созидает целый ряд роскошных и величественных для своего времени построек — конечно, церковных главным образом, в духе своей эпохи. Он осыпает наиболее чтимые церкви и монастыри Украины и за пределами ее богатыми дарами и жертвованиями. Даже теперь еще, после всех официальных преследований, обрушившихся на имя и память Мазепы, Украина, начиная с центра своей церковной жизни, Киева, и кончая разными полковыми и неполковыми городами, полна мазепинских сооружений, жертвований, традиций, величавших могущество, богатство и щедроты «ясновельможного».

Все эти щедрые жертвы и вызываемые ими пышные похвалы и панегирики, фимиами церковных и всяких иных витий не в силах, однако, были примирить низшие слои украинского населения с политикой гетманского правительства, так осязательно дававшей себя чувствовать именно всякой «черни», казацкой и неказацкой.

И та предупредительность, с которой Мазепа шел навстречу московскому правительству, не жалея людей и издержек, высылая казацкие полки то в поход, то на разные военные работы, и его угодливость крепостническим вождениям старшин чрезвычайно вооружали против него народ. Бесперывные ежегодные далекие походы в войнах, не затрагивавших совершенно интересов Украины и яв-

лявшихся для Украины совершенною новостью, столкновения с великорусскими начальниками и вся вообще неприглядная обстановка петровской солдатчины возбуждали на Украине сильное неудовольствие не только против московского правительства, но и против не в меру усердного приспешника его, гетмана. Но, может быть, еще больше не любили его в народе: как протектора старшины, представителя и виновника все возраставшей зависимости крестьянского населения и рядового казачества от помещиков-старшин, все усиливавшегося обложения, отягощения прямыми и косвенными налогами, натуральными повинностями и барщиною. И без того непопулярный, Мазепа становился мишенью всевозможных обвинений. Если Самойловича не любили как высокомерного выскочку, то на Мазепу смотрели подозрительно как на человека чужого, «католика», «поляка». Доносы на него, начиная с первых лет его гетманства, почти не прекращались за все время его правления¹⁴⁸. А характерным симптомом отношений к нему народа является агитация последнего украинского демагога — Петрика Иваненка.

Этот загадочный человек, беглый канцелярист войсковой канцелярии, в 1690-х годах пытался вызвать народное движение против гетмана, старшины и московской власти, рассчитывая опереться на враждебном Мазепе Запорожье и на помощи крымского хана. Он говорил о себе: «я стою за посполитый народ, за самых бедных и простых людей; Богдан Хмельницкий избавил народ малороссийский из неволи лядской, а я хочу избавить его от новой неволи москалей и своих панов». Освобождение Украины из-под ярма московского в его глазах неразрывно соединялось с социальным переворотом, направленным против старшины. Он ставил на вид запорожцам, что московское правительство умышленно содействует закреплению украинского населения, позволяя гетману раздавать старшине населенные имения, «записывая нашу братию себе и детям своим в вечность», «работая будто невольниками своими». По его словам, московская политика ставила себе целью обратить Украину в обыкновенную провинцию и «осадить своими городами», когда украинское население «чрез такие излишние подати и тяжести замужичеет и оплошает».

Он был уверен, что это угнетенное население, озлобленное на гетмана и старшину, на московское правительство и воевод, гетманских старост и откупщиков, не замедлит присоединиться к нему, лишь только он явится с войском в пределы Украины. «Пане кошевый,— говорил он запорожскому кошевому, уговаривая принять участие в походе,— разве не помогут нам наши братья «голоколенки» с бедными людьми, которых сердюки (гетманская гвардия), арендари (откупщики) за те дуки, что им цари маетности понадавали, едва живыми не едят? Они как услышат, что ты с войском двинешься из Сичи, то они сами тех чертей-панов подавят, и мы придем на готовый лад!»

Среди запорожцев речи Петрика находили созвучный отклик. Кошевой запорожский Гусак в своих письмах тоже упрекал Мазепу, совершенно в тоне Петрика, что бедному люду в Гетманщине стало горше, чем в польские времена: всякий заводит себе подданных, чтобы они ему сено и дрова возили, в печах топили, конюшни чистили (упреки совершенно аналогические с теми, которыми современник Самовидец объяснял восстание казачества против Польши в 1648 г.). Однако поддержать Петрика сколько-нибудь энергически Запорожье в полном составе не решилось, предоставив это добровольцам, которых тоже нашлось немного. Крымский хан, признавший Петрика в звании украинского гетмана, тоже не оказал большой помощи. Пограничное население, загодя похвалявшееся, когда придет Петрик, побить старшину и орендарей и завести давние порядки, чтобы все были казаки, а панов не было,— теперь, в виду незначительных запорожских и татарских сил, приведенных Петриком, не решилось подняться. Мазепа, обеспокоенный тревожными симптомами, заблаговременно двинул свои полки на границу, и первый поход Петрика в 1692 г. потерпел полную неудачу, а последующие походы 1693 и 1696 гг. уже не возбудили никакого интереса среди украинского населения, и в последнем походе кончил бесславно и сам Петрик, убитый казаком, прельщенным большой наградой, объявленной за голову его.

Совершенно бесплодный, этот эпизод интересен главным образом агитационными речами самого Петрика, единственными по своей резкости и силе: они впервые бросают яркий свет на общественный процесс, развивающийся в Гетманщине со второй половины XVI в. и кристаллизирующийся именно на рубеже XVII и XVIII вв. Как раз среди политического затишья и лояльной покорности старшины под региментом Самойловича и Мазепы закладывались крепкие основы сословных прав казацкой старшины и помещичьего владения на Украине, развивающихся затем параллельно с постепенным уничтожением автономии и форм выборного казацкого правления¹⁴⁹. Представив те политические условия, среди которых зарождался и развивался этот социально-экономический процесс, я должен здесь несколько подробнее остановиться на нем.

XXI

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЕ XVII—XVIII вв.

Предводители украинского движения XVII в., сами проникнутые сословными понятиями Польского государства, в котором они выросли, несомненно, менее всего имели в виду создание социального переворота. Наоборот, на каждом шагу в их деятельности сквозит

эта непоколебимая уверенность в том, что старый социальный строй должен существовать и впредь. Тем не менее Хмельниччина в действительности превратилась в социальную революцию — не только в представлениях народа, который шел на клич ее вождей именно для перестройки общественных и экономических отношений, но и фактически, по своим окончательным результатам. Напрасно трактаты польского правительства с казаками ценой уступок в политической и культурной сфере старались вернуть Восточную Украину шляхетскому землевладению, возратить изгнанным польским шляхтичам их имения. Это было ближайшей целью всех договоров — от Белоцерковского трактата 1649 г. до договора с Ханенком 1670. Но ни один из таких трактатов не мог осуществиться, даже при желаниях правящих украинских кругов, вследствие непобедимой оппозиции народных масс и их решимости не допускать возвращения «лядского панования». Только очень незначительная горсть шляхетских родов, перешедших под казацкий регимент, осталась на Украине, сохранив свои имения. Вообще же позже существовало убеждение, что во время Хмельниччины все документы на владение были «козацкою шаблею скасованы». Владение из привилегированного, опиравшегося на грамоты и документах, превратилось в фактическое, основанное на реальном владении, или так называемой «заимке», оккупации.

«Когда при помощи Божией малороссияне с гетманом Богданом Зиновием Хмельницким кровию своею освободили Малую Россию от ярма лядского и от державы польских королей, в ту пору на обеих сторонах Днепра вся земля была для малороссиян сполная и общая, пока эти земли не были заняты отдельными хозяйствами и селениями — и после этого все земли перешли в собственность через займы. Оные же займы малороссияне разными означали способами: одни опахивали, иные окружали копцами или рвом, означали знаками на деревьях, и на этих заимках устраивали что хотели: растили рощи, заводили сады, хутора, слободы и деревни заселяли на свое имя». Это показание украинских казаков, данное в одном процессе на владение (в конце XVII в.), довольно верно представляет отношения после Хмельниччины, и даже эта картина как бы нового заселения Украины, которую дает оно, только односторонне преувеличена, но не ложна. Хотя весьма значительная часть земель была и осталась без перемены в фактическом владении крестьян, мещан, казаков, церковей и монастырей, но огромная масса шляхетский земель после бегства шляхты сделалась никому не принадлежащею. Значительная масса земель освободилась вследствие большой убыли населения во время этих страшных народных войн, а также массовых движений на восток, — всей этой гигантской перетасовки, которую сопровождалось движение XVII в.

Благодаря этому оказалось очень много свободных, никому не принадлежавших земель, целые огромные пространства, на которых первый встречный мог поселяться и заимкою и обработкою обращать

занятый участок в свою собственность. Заимке предоставлялось широкое поле.

Таким образом, во второй половине XVII в. землевладение Восточной Украины, главным образом Левобережной, о которой веду здесь речь (так как в Правобережной в конце концов в первой четверти XVIII в. шляхетское землевладение было восстановлено), вернулось как бы к первобытным условиям, и ему, казалось, предстоял длинный путь социально-экономической эволюции. В действительности, однако, и землевладение, и вообще социально-экономические отношения Гетманщины прошли этот путь чрезвычайно быстро, в продолжение нескольких не столетий, а десятилетий. Причиной было то обстоятельство, что в общественном и экономическом строе ее оказались налицо факторы, с необыкновенною быстротою восстановившие, хотя и в несколько измененном виде, разрушенные формы сословных и экономических отношений.

Традиции привилегированного землевладения и крепостнического хозяйства были непосредственно сохранены землевладением церковей и монастырей, после падения польской власти поспешивших выхлопотать себе подтверждение на свои имения от гетманов и московского правительства, и уцелевших, и перешедших под гетманский регимент шляхетских родов. Еще важнее было, что весь правящий класс — казацкая старшина, и интеллигенция вообще выросли поголовно в тех же традициях, и самый радикальный вывод, какой они были в состоянии сделать из пережитого, был только тот, что место польской шляхты должно занять новое привилегированное сословие из родов, ознаменовавших себя заслугами в казацком войске. Мы видели уже, что сподвижники Хмельницкого в самый разгар освободительного движения обнаруживают стремления превратиться в привилегированных землевладельцев в духе польской шляхты. Это были общие стремления, которые ждали только благоприятных условий для того, чтобы заявить себя с полной определенностью.

Эти условия полностью дала связь Украины с Московским государством — зависимость от последнего и влияние московского общественного уклада с его крепостным строем и привилегированным землевладением.

Этот уклад влиял прежде сам собою: своим примером и через своих представителей — служивых людей, приходивших на Украину в московских ратях, в роли их командиров, воевод, позже — полковников-великороссов. В том же направлении действовало московское правительство, награждая старшину за ее уступки в сфере автономии подтверждениями за нею приобретенных имений и раздачею новых. Такие раздачи практиковались «за службу великому государю» все в более широких размерах по мере того как московские влияния проникали глубже во внутренние отношения Украины. И одновременно с тем — всем своим влиянием, всею силою своей централи-

зированной государственной машины, всю грозу своей исполнительной власти московский режим утверждал, укреплял и освящал перемены, производимые старшиною в общественных и экономических отношениях Гетманщины.

Всем этим московско-петербургский фактор сыграл чрезвычайно важную роль в перестройке украинской жизни, облегчая и поддерживая работу старшины и затем санкционируя законодательными актами произведенную ею перестройку общественного строя. Только благодаря ему фактические приобретения старшины получили полную определенность и незыблемую прочность. Роль тем более интересная, что в продолжение всего XVIII в. петербургское правительство, как мы еще будем иметь случай видеть, не переставало в своей украинской политике носить демократическую личину, заигрывая на демократических и даже демагогических струнах и заговаривая от времени до времени о несправедливых приобретениях казацкой старшины, порабощении народа и захвата земель. Эти заигрывания, однако, имели значение тактических ходов, рассчитанных на то, чтобы держать в спасительном страхе старшину. Последняя сознавала очень хорошо, как непрочно без поддержки петербургского правительства оставались все ее благоприобретения, все сословные права, и действительно готова была на всякие уступки ввиду таких демагогических ходов центрального правительства.

Общественный строй Восточной Украины после ее освобождения от польского режима отличался большой неустойчивостью. Сословия существовали, но между ними не было никаких прочных и резких границ. Казаки — военнотрудовой класс — были привилегированным, свободным от податей сословием, но совершенно незамкнутым. Вопрос о реестре фигурировал в «статьях» и трактатах, но не имел никакого реального значения: при сильном хроническом напряжении военных сил каждый желающий мог быть казаком, и увеличение народных контингентов могло быть только желательным. «Можнейшие пописались в казаки, а подлейшие (бедные) остались в мужиках», как потом вспоминали. В казачий «компут» (compte, реестр) можно было так же свободно вписаться, как и выпписаться из него и перейти в сословие мещанское, крестьянское или духовное.

Правда, как прежде польское правительство, так теперь московское, и сама старшина, как мы видели, исходя из фискальных и хозяйственных соображений, старались прекратить эти переходы и таким образом отграничить казачество от крестьянства. Но это удалось только позже — в XVIII в. Тогда в казачьи «компуты» могли попадать обыкновенно только дети казаков, и так как в этом замешаны были экономические, владельческие интересы правящего сословия, старшины, то за компутом следили строго, и если выйти из казачьего звания было легко, то попасть туда, напротив, было очень трудно. Но зыбкое состояние казацкой массы, предшествовавшее такому отвердению, продолжалось долго.

Из общей массы казачества выделялся верхний слой его, правящий класс — старшина. По происхождению своему это аристократия должностная. В принципе должности эти имели характер избирательный и должны были замещаться свободным казацким выбором, но фактически выбор очень рано начал заменяться назначением или имел значение чисто формальной процедуры, и должности распределялись между членами правящего класса, естественно, стремившегося к тому, чтобы превратиться в наследственно-привилегированное сословие. В Гадячском трактате это было оформлено в постановлении, что ежегодно известное число лиц казацкого сословия будет нобилитовано, т. е. получит шляхетские права. Постановление это не получило силы, и процесс такого превращения осуществлялся фактически. В отношениях к московскому правительству старшина уже в конце XVII в. (в статьях 1687 г.) приравнивает себя к наследственному служилому дворянству и настойчиво проводит этот взгляд в продолжение всего XVIII в., пока действительно не добивается этого признания в конце XVIII столетия. До тех пор привилегированное положение членов старшинского класса приходилось поддерживать если не действительной войсковой службой, то фикцией последней. Так как военно-административная схема Гетманщины не в состоянии была разместить по урядам представителей все умножающихся и разрастающихся старшинских фамилий, то создаются титулярные звания «войсковых», «значковых» и «бунчуковых товарищей», жалуемые гетманом и сообщающие их носителям известное официальное положение в войсковой иерархии. Так, «бунчуковый товарищ» считается в ранге непосредственно за полковником, выше полковой старшины; значковый товарищ считается в ранге низшей полковой или сотенной старшины. Постепенно с нарастанием старшинского класса число носителей таких титулярных званий достигает огромного количества. «Бунчуковые товарищи», пользовавшиеся особенно значительными правами и привилегиями, в половине XVIII в. насчитываются сотнями, и под сенью этого звания находит, таким образом, прибежище огромное количество старшины, не занимавшей реальных должностей, но пользовавшейся большими привилегиями и влиянием.

Должности и связанная с ними власть дают возможность этим старшинским фамилиям собирать в своих руках значительные средства и особенно земли, и они превращаются во владельческое сословие, класс крупных землевладельцев. К ним примыкают богатые фамилии мещанского и духовного происхождения: их представители очень часто приобретают патенты на разные действительные или титулярные войсковые должности и таким образом переходят в состав войсковой старшины. Так формируется новое привилегированное сословие, настойчиво величающее себя «шляхетским». Оно создает со временем традицию своего преемства и связи со шляхтой предреволюционной, выводит себя от разных польских шляхетских

фамилий, принимает их гербы, усердно ищет случая породниться с настоящими шляхетскими родами, хотя бы и захудалыми. Употребляя по старой традиции уже со второй половины XVII в. в качестве юридического кодекса Литовский статут, оно усваивает и прилагает к себе те права привилегированного сословия, которые этот старый шляхетский кодекс признает за шляхтою. Одновременно проявляет сильное стремление к образованию и усвоению внешней культуры: в этом отношении оно стояло несомненно выше общего уровня современного великороссийского дворянства. Но главная основа его силы и значения, его *raison d'être* — это его богатство, в частности — земельное, крупное землевладение.

Основую старшинского, как и всякого землевладения, была заимка; только старшина производила эту заимку в несравненно более обширных размерах, в масштабе не крестьянского, а помещичьего хозяйства, к созданию которого она усиленно стремилась. Одновременно, уже с XVII в., получает она пожалованные «маетности» от гетмана и московского правительства. Эта раздача земель — преимущественно населенных, занятых (так как незанятые, пустые не нуждались в пожаловании и просто присваивались заимкою) — с течением времени практикуется все в более широких размерах. Раздают земли не только гетманы (не говоря о московском правительстве), но и полковники и генеральная старшина. Но так как такие гетманские и старшинские пожалования не считались правосильными, то закрепление их делается одним из существеннейших пунктов в политике старшины относительно московского правительства. Уже при выборе Мазепы (1687) взамен сделанных московскому правительству уступок старшина ходатайствовала, чтобы земли, полученные от гетмана и старшины, а также купленные, беспрепятственно утверждались московским правительством за владельцами. Но московское правительство не хотело дать такого общего обещания и предоставляло каждому отдельно добиваться для себя «жаловальной грамоты». И старшина старалась добиться — «заслугами перед великим государем».

Кроме «займанщин» и пожалований, имения старшины расширялись «скуплею», выкупом земель крестьянских и казачьих. Особенно в XVIII в., когда уже исчерпались свободные земли и не осталось места для заимки, выкуп практиковался весьма широко: пожалования могли получать главным образом люди, бывшие на виду у правительства, «скуплю» могли практиковать все стоящие так или иначе у власти, хотя бы очень мелкой — сотницкой, например, или имевшие связи в правящих сферах. Связи и административное влияние были нужны потому, что покупка очень часто была принудительною: скупщики не только пользовались тяжелыми материальными обстоятельствами владельца, но часто прибегали и к давлению административной власти, даже к ничем не прикрытому насилию. При этом — так как выкуп казачьих земель был ограничен или даже вовсе

запрещен, чтобы казаки, обеднев, не становились неспособными к службе — под покровом власти практиковался перевод казаков в крестьянское сословие. Насильственно или добровольно, но во всяком случае незаконно, казаки вычеркивались из «компутов» и разными путями переводились в разряд крестьян, «посполитых» *.

Всеми этими путями создана была в продолжение столетия огромная площадь привилегированного землевладения старшины — огромные латифундии и имения средней руки разных *gentes minores*¹⁵⁰. На займанщинах и всяких пустых землях поселялись приходящие люди, огромные массы которых давало особенно развившееся во второй половине XVII в. и еще раз повторившееся во втором десятилетии XVIII в. массовое переселение народа из Правобережной Украины. Отношения владельца к таким новопоселяемым на его земле крестьянам, или так называемым «підсудкам», нормировались или договором, или общею практикою.

Гораздо щекотливее были отношения владельца к крестьянам заселенных уже имений, приобретающих пожалованием или попадавших в руки старшины в качестве «ранговых»; так назывались имения, связанные с известною должностью и предназначавшиеся на содержание занимавшего эту должность лица (эти ранговые имения со временем сделались очень значительны и позже часто присваивались старшиною). По отношению к ним не было такого среднего термина, каким был договор для новопоселенцев, и тут контраст стремлений и воззрений владельцев-старшины и крестьян выступал в полной наготе. Старшина стремится превратить и их, как и подсудков, в своих крепостных и действительно успевает в этом и легализует их крепостное состояние. Для достижения этого она всеми мерами содействует возможно резкому отграничению казаков от крестьян (так называемых «посполитых») и делает для последних невозможным переход в казацкое звание. Посполитые, первоначальные собственники, обезземеливаются всякими способами: покупкой, захватом их земель или же всякими притеснениями принуждаются к выходу, причем земли их, согласно Литовскому статуту, помещики в таком случае берут себе и поселяют на них вполне от себя зависимых подсудков. Оставшихся посполитых и переведенных в их категорию казаков они облагают повинностями по образцу подсудков, применяя к ним принципы шляхетского права.

Гетманство Самойловича было временем, когда «обыкное послушенство подданных» по отношению к землевладельцам-старшине

* Подробно перечисляет такие несправедливости и эксплуатацию казаков старшиною петиция, приготовленная сотниками и сотенною старшиною Черниговского полка для подачи имп. Елизавете во время путешествия ее на Украину в 1744 г. (опубликована в «Киевской Старине», 1894, IV). Самый факт заступничества за казаков со стороны представителей той же старшины, хотя и низшей, показывает, что помещичьи стремления все-таки не успели деморализовать ее до конца.

впервые начинает усиленно пропагандироваться гетманской властью и подкрепляться ее престижем. Тогда это «послушенство», т. е. повинности крестьянина по отношению к помещику, выражалось в обязанности помогать при уборке сена, устройстве гатей и т. п. Но уже в первой четверти XVIII в. видим панщину. настоящую и сильно развитую; в одном универсале 1701 г. гетман Мазепа признает законною двудневную панщину в неделю и, кроме нее, дань овсяную: и это для крестьян, сидевших на своих землях, а не подсосудков. В общем, к половине XVIII в. крепостная зависимость крестьян и владельческие права по отношению к ним в Левобережной Украине достигают размеров, вполне аналогичных с прежним шляхетско-польским режимом,— им недостает только нескольких штрихов для полной законченности.

Конечно, среди народной массы, сохранявшей живую память о великом движении, «скасовавшем» шляхетский режим, этот процесс нового закрепощения вызывал сильнейшее неудовольствие. Мы видели, что еще одно лишь предчувствие или подозрение в шляхетских тенденциях в первые годы после этого движения давало повод для народной оппозиции против Выговского, Сомка и Золотаренка, да и самого Богдана Хмельницкого, и народ клеймил представителей этой старшины ненавистным именем «ляхов». Можно судить о чувствах, какие питал он к сословию, явно и открыто восстановлявшему теперь на Украине «панщину» и все панские порядки.

Правда, на какое-нибудь смелое, резкое движение против этих «новых ляхов» у народных масс уже не было энергии. Они устали от предшествовавших тяжелых и бесплодных усилий, изверились в успехе, потеряли доверие и к демагогам, призывавшим к борьбе с панами, и к московской политике, в которой они надеялись найти опору и которая в действительности поддерживала панскую программу старшины (это разочарование должно было особенно сильно подействовать на народ). Глубокий упадок духа, отсутствие веры и даже возбудимости в народных массах живо иллюстрируют упомянутые попытки последнего украинского демагога — Петрика, рассчитывавшего, что одно появление его отрядов вызовет восстание простого народа против «дуків і панів». Мы видели, что эти надежды совершенно не оправдались,— народ в виду гетманских полков не решился подняться¹⁵¹.

Но глухое недовольство на «панов», на всю систему, ими созданную, было сильно и всеобщее. Оно прорывалось в волнениях, избияниях старшины или смене гетманов, в отдельных вспышках, вызванных злоупотреблениями того или другого пана*, очень резких

* Их может иллюстрировать бунт в с. Турбаях, описанный Ал. Ефименко («Южная Русь», т. II): крестьяне, «искавшие казачества» (термин для подобных очень многочисленных процессов), т. е. доказывавшие, что они неправильно переписаны были из казаков в посполитые, добились решения, что потомки лиц, некогда вписанных в компут, должны быть восстановлены в ка-

иногда. Всеобщее недоверие встречали всякие административные и финансовые меры, выходившие от этого ненавистного панского правящего сословия: в них видели только посягательство на свободу и имущество массы. Так, я уже упоминал, что чрезвычайное недовольство встречали косвенные налоги, введенные в конце XVII в., — на винокурение, производство и продажу табака, дегтя и т. п.

Это раздражение масс чувствовалось правящим классом очень живо. Не доверяя казачьему войску, так как казаки наравне с посполитыми терпели от экономической политики старшины, гетманы и старшина завели наемные войска, набиравшиеся из всякого сброда, — так называемых сердюков, компанейцев¹⁵², — а при всякой опасности народного движения взывали о помощи к московскому правительству, требуя присылки московского войска, как это имело место во время движений Петрика.

Это отчуждение от народа, это «средостение» между правящими классами и народными массами Украины было ахиллесовой пятой украинской старшины. Даже наиболее выдающиеся, горячие украинские патриоты вроде Полуботка были грешны общим грехом в своей экономической политике по отношению к посполитым и казакам, и сознание этого отчуждения подрывало их силу и стойкость в защите политических интересов, в борьбе за автономию Украины.

Центральное правительство пользовалось этою слабою стороною старшины очень искусно. Как увидим ниже, при всякой атаке на автономию Украины оно ударяло по струнам народных интересов, поднимало вопрос о злоупотреблениях старшины и необходимости их расследования и пресечения, об охране народа от этой старшинской эксплуатации и т. п. И старшина всегда уступала, боясь своим сопротивлением толкнуть центральное правительство еще дальше по тому же пути разрушения ее благосостояния. Те же факторы влияли и на образ действий отдельных представителей украинского «шляхетства»: уступчивые и угодливые могли рассчитывать на пожалование обширных имений, подтверждение своих благоприобретений и покрытие покровом снисхождения всяких грехов по отношению к населению. Строптивых и упорных пугала перспектива следствия о неправильно захваченных землях, о несправедливом закрепощении «ищущих казачества» и т. п. Мало кто из украинской старшины не чувствовал себя уязвимым на пункте этих общесословных грехов и решался идти на ссору с правительством и его представителями.

В результате украинская старшина, хотя и не без сопротивлений, не без оппозиции, должна была в конце концов помириться с утратою автономии и превращением Украины в обыкновенные губернии. Взамен она получила право российского дворянства (в 1781 и окон-

заком звании. Опасение, что помещики при помощи властей, взявших их сторону, постараются еще повернуть дело в свою пользу, привело крестьян в такое возбуждение при объявлении им решения, что они перебили всю помещичью семью.

чительно — в 1785 г.), ее экономические и сословные приобретения были санкционированы и нашли охрану в сильной полицейской организации империи. Крепостное право было формально утверждено (такое окончательное значение имели указы 1763 и 1783 гг., запрещавшие крестьянам переходить от одного помещика к другому). Центральное правительство помирилось на этой почве с «малыми тиранами», как называла украинских помещиков имп. Екатерина, издавшая все эти важные указы. Ценою интересов народа, которому петербургские политики оказывали такое сочувствие, когда нужно было терроризировать старшину, а в остальном покровительствовавшие и насаждавшие на Украине принципы крепостнических отношений тогдашней России, — было получено молчаливое соглашение украинского общества на ликвидацию политического наследия Гетманщины.

Два слова об аналогическом процессе, в меньшем масштабе и в менее ярких формах развивавшемся в зарубежном Левобережье, так называемой Слободской Украине.

Выше не раз упоминалось об украинской колонизации, искавшей безопасного убежища от польско-шляхетского господства за московским рубежом. Известие об этой эмиграции имеем уже от второй половины XVI в., еще более значительные размеры приобретает она в XVII в., когда шляхетское хозяйство начинает утверждаться по обоим берегам Днепра. Особенно острые конфликты с польским режимом своим последствием имели более или менее значительные передвижения за московский рубеж, за пределы досягаемости. Так, большие партии переселенцев вышли туда в 1638 г. с гетманом Яцком Острянином: одних казаков было с ним 800 душ, не считая их семей. Они поселились в окрестностях Чугуева, образовав отдельное казачье войско, но затем вышли какие-то неудовольствия, окончившиеся тем, что эти чугуевские казаки взбунтовались, убили Острянина и ушли обратно за польский рубеж. Затем большие размеры эмиграция стала приобретать со времени неудач, постигших движение Богдана Хмельницкого. Большие партии крестьян и казаков, изверившись в успехах восстания, утомленные тяжелою непрерывною войною, уходили за рубеж и селились в окрестностях укреплений «Белгородской черты» — московской пограничной линии, преграждавшей путь татарским набегам в московские владения — и на юг от нее, на «татарских шляхах», основывая слободы и города, строя укрепления и организуясь в военно-административные формы по образцу Гетманщины.

Так, в 1652 г. тысяча казаков под предводительством полковника Дзинковского с семьями и всем хозяйством поселились по р. Сосне, построили город Острогжск и положили начало Острогжскому полку. Другие партии переселенцев поселились по р. Пслу и положили начало городу Сумам и Сумскому полку. В 1655 г. положено начало Харькову¹⁵³, вокруг которого вырастает Харьковский полк.

Переселение продолжалось затем в течение 1660—1680-х годов в больших размерах и создало огромную новую украинскую территорию, захватившую пространства нынешней Харьковской губернии и смежных частей Курской и Воронежской. Поселенцам предоставлено было жить и управляться «по своим черкасским обыкlostям», и взамен военной службы они освобождены были от всяких других повинностей и налогов. По образцу Гетманщины они сорганизовались в сотни и полки. Полков таких в конце концов сформировалось пять: Ахтырский, Харьковский, Изюмский, Сумский и Острогожский. Но они стояли в гораздо более тесной зависимости от московской администрации, чем полки Гетманщины. Старания гетманов относительно передачи слободских полков под гетманский регимент оставались напрасными. Наоборот, слободские полки служили московскому правительству как бы пробным камнем для реформ войскового украинского строя, и то, что осуществилось в смысле нивелляции местной жизни в Слободской Украине, спустя некоторое время применялось затем к Гетманщине. Весьма скоро заведено было здесь московское право Уложения, и уже в 1732 г. произведен был первый опыт отмены войскового казацкого устройства, замененного набором казаков в драгунские полки. Но общее неудовольствие населения, вызванное этой реформой, заставило правительство отказаться от этой первой попытки ликвидации казацкого устройства, и она была отложена до более позднего времени.

Подобно общему устройству и местные общественные отношения складывались подобным же образом, как в Гетманщине.

Путем заимки и присвоения войсковых земель в руках войсковой старшины создавались крупные земельные владения и населялись крестьянским населением. Московское правительство щедро наделяло именьями верных и преданных старшин, не пристававших к движениям соседней Гетманщины и восстаниям Донского войска, и подтверждало за ними их самостоятельные приобретения, со своей стороны содействуя созданию крупной земельной собственности в руках слободской старшины. Известный своими заслугами и непоколебимою верностью сумской полковник Герасим Кондратьев получил такие огромные пожалования, что во владении его потомков в 1780 г. оказалось 120 тысяч десятин! Местная казачья старшина постепенно превращалась в крупных помещиков, свободное неказачье население — в их крепостных. Практика империи воздействовала здесь еще сильнее и непосредственнее, чем в Гетманщине.

При обсуждении проекта нового Уложения в 1767 г. некоторые слободские депутаты возбуждали вопрос об отобрании от старшин присвоенных земель и перечислении закрепощенных ими подданных в категорию свободных крестьян, но эти проекты не вышли из сферы благих пожеланий.

ВОССТАНИЕ МАЗЕПЫ И ПЕРВАЯ ОТМЕНА ГЕТМАНСТВА

Медленное и постепенное развитие политических и общественных процессов Гетманщины, которые мы очертили, было потрясено внезапной и непредвиденной катастрофой, сразу поколебавшей весь строй Гетманщины и сообщившей новый, ускоренный темп ликвидации старых отношений. Потрясение это было причинено последней громкой вспышкой украинского ирредентизма ¹⁵⁴ — союзом Мазепы со шведским королем и восстанием его против России. Разбив эту попытку к отложению, русское правительство использовало ее как удобный повод к ускорению ликвидации украинской автономии, как оправдание действий резких и решительных, не считавшихся ни с какими правами и претендентами.

Для этого политический шаг Мазепы был раздут как поступок небывалый и чрезвычайный. Но в действительности в этом поступке Мазепы и его единомышленников не было ничего чрезвычайного, ничего нового. Это была только одна из очень многочисленных попыток украинских автономистов найти опору в какой-нибудь внешней силе, чтобы освободиться из пут московского централизма. Швеция была в числе тех держав, на которые пробовала опереться Украина еще при Хмельницком, и только благодаря долгому перерыву в этой политике, последовавшей тридцатилетней лояльности украинской старшины Гетманщины, поступок Мазепы и его товарищей мог показаться чем-то особенным. Представители центрального правительства постарались возможно раздуть это событие, для того чтобы, воспользовавшись им, произнести смертный приговор всему старому строю Гетманщины, ее автономии и казацкому самоуправлению, якобы дискредитировавшим себя «изменою» Мазепы. В действительности эта «измена» дискредитировала только централистическую политику правительства, без конца испытывавшую терпение даже самых невзыскательных представителей украинской старшины и украинского населения вообще.

В более глубоких причинах и ближайших мотивах для поступка Мазепы не было недостатка. Лояльность его и старшины подвергалась частым испытаниям — особенно с тех пор как царь Петр с не знавшею удержу и меры энергиею и решительностью принялся за пересоздание Московского государства. Он распоряжался казацкими войсками совершенно как своими, посылая их безуданно в далекие походы, где они не только несли большие потери в сражениях и от непривычного климата, но и подвергались всяким притеснениям и оскорблениям от великорусских и чужеземных офицеров, употреблялись на тяжелые крепостные работы и т. п. Даже генералы Петра позволяли себе бесцеремонно распоряжаться украин-

скими войсками и самим Мазепой, что не раз приводило его в крайнее раздражение. Украинская автономия стала совсем призрачною. Население стонало под бременем этих тяжелых походов, изнывало от притеснений московских войск и воевод, от тяжелых работ и поборов; все более «отпадало у него сердце к великому государю», по выражению современника, и это неудовольствие падало также и на Мазепу, верного и услужливого царского приспешника¹⁵⁵. А одновременно в беспокойной голове царя появлялись проекты, грозившие полным переворотом Украине: то он думал о замене казацкого войска рекрутским набором, то намеревался выкроить из нее княжество для герцога Мальборо, а Мазепу намеревался вознаградить княжеским титулом Римской империи и даже выхлопотал уже для Мазепы титул императорского князя (его княжеский герб доселе фигурирует в гербовниках). В вопросе о Правобережной Украине, о котором скажу ниже, также решительно столкнулись интересы Украины и Мазепы с планами Петра и т. д. и т. д.

Все это должно было вызывать сильные сомнения в душе старого гетмана — особенно по мере того как Северная война принимала, как казалось, все более неблагоприятный для России оборот и придвигалась к границам Украины. Шведский король разгромил Саксонию, смял саксонскую партию в Польше и перешел в Литву, приблизившись к украинской территории. Положение становилось критическим. Было почти несомненным, что в случае дальнейших неудач Петра на Украине прорвется восстание, которое может смести московское верховенство и вместе с ним всех его приспешников, связавших с ним свою судьбу. Шведский союз, заключенный в свое время Хмельницким и Выговским и гарантировавший свободу, независимость и неприкосновенность Украины, остался для украинской старшины своего рода заветом предков, требовавшим исполнения. Не реализованный в свое время вследствие прекращения шведско-польской войны, он теперь снова становился на очередь с приближением шведской армии к пределам Украины. Наиболее горячие автономисты среди старшины уговаривали Мазепу подумать об обеспечении независимости Украины и не оставлять ее в нынешнем положении. Близкий к Мазепе Орлик в позднейших записках передает слова одного из них, прилуцкого полковника Горленка, сказанные Мазепе: «Так как мы неустанно молим Бога за душу Хмельницкого, так, наоборот, мы и дети наши во вечные роды будем проклинать душу и кости твои, если ты при своем гетманстве оставишь нас в такой неволе». Было ясно, что в случае перевеса шведов над Москвою наиболее горячие автономисты не останутся пассивными зрителями и если не с Мазепой, то против Мазепы подымут восстание, и в таком случае, при всеобщем нерасположении к нему народа, лишенный помощи Москвы, он погибнет неминуемо, а Петр заранее предупреждал, чтобы он на него не рассчитывал в случае вторжения шведов на Украину.

Положение гетмана становилось все более опасным, но нерешительный, не способный на смелый риск, старый гетман не мог отважиться на решительный шаг. На всякий случай, в виду возможного решительного поражения России он вел переговоры со шведским союзником, королем польским Станиславом Лещинским (уже с 1707 г.), но не решался открыть карты и, опасаясь доноса, не посвящал даже наиболее близких лиц из старшины¹⁵⁶. Он хотел остаться пассивным зрителем до окончательного выяснения шансов воюющих сторон, тщательно избегал всего, что могло бы бросить на него подозрение перед московским правительством, и никаких приготовлений к разрыву не делал. Когда в 1707—08 гг. на границах Украины вспыхнуло весьма опасное для московского правительства восстание донских казаков под предводительством атамана Булавина, Мазепа, чтобы не подать повода к подозрениям, занялся вместе с московскими войсками его умирением и таким образом накануне своего разрыва с Москвою убил весьма ценного союзника. Он рассчитывал на общее нерасположение народа к «москалям», на сильнейшее неудовольствие на московское отягощение и думал, что всегда успеет поднять Украину к восстанию против Москвы,— но забывал при этом, что до сих пор ничем не отделял себя от этого московского режима. Надеялся на свою сильную власть на Украине, но ничего не сделал, чтобы снискать и обеспечить доверие народа. Для приготовления восстания он ничего не предпринял. Наоборот, накануне разрыва, ввиду жалоб Мазепы на «непостоянность и малодушие» украинского народа Петр распорядился послать в центр Украины, в Нежин, московский отряд, и сам гетман, чтобы усыпить подозрения, отправил по требованию Петра отряды казаков в Белоруссию и в Западную Украину, на территорию Польши.

Полная неподготовленность замыслов Мазепы обнаружилась вполне, когда обстоятельства принудили его, наконец, к решительному шагу.

Осенью 1708 г. шведская армия Карла XII стояла у границ Украины и Московского государства, ожидая похода за московскую границу, как вдруг Карл, опасаясь, что в опустошенных русскими войсками областях его войско не в состоянии будет найти пропитания, внезапно повернул на Стародуб, на Украину. Петр двинул свои войска также на Украину и требовал, чтобы Мазепа прибыл в его главную квартиру для совместных действий. Нужно было решиться. Собственно говоря, в этот момент уже не было возможности выбора: украинские полки были разосланы по требованию Петра, для восстания Украины не было ничего приготовлено, русские войска уже стояли на ее территории, и поднять Украину в виду их нечего было и думать. Но украинские автономисты и сам Мазепа, очевидно, за последнее время успели слишком сжиться с мыслью об освобождении Украины с помощью шведов и не имели сил расстаться с нею и хладнокровно оценить положение. Старшина настаивала на сов-

местных действиях с Карлом, и Мазепа, уступая ее настояниям, вошел в непосредственные сношения с Карлом, приглашая его пройти за Десну, чтобы соединиться с украинскими войсками, а Петра известил, что по болезни не может прибыть. Карл на этот призыв действительно двинулся к Десне, а Мазепа 24 октября ст. ст., оставив гарнизон в своей резиденции, Батурине, с кружком посвященных в его планы и 4000 казаков (все, что он имел в данный момент) отправился навстречу Карлу и присоединился к его армии недалеко от Новгорода-Северского. Какой договор был заключен между ними, на каких условиях Мазепа присоединился к Карлу, мы не имеем достоверных данных и потому можем судить только по позднейшим актам, составленным при выборе преемника Мазепы кружком его товарищей, оставшихся при шведском короле (1710 г.). В этих статьях, утвержденных Карлом XII, значилось, что Украина составляет самостоятельное государство в границах по р. Случь (т. е. на территории старых воеводств Киевского, Браславского и Черниговского), под протекцией шведского короля. Ни Швеция, ни другие союзные государства ни под каким предлогом не должны претендовать на какую-либо власть над Украиной или Войском Запорожским, ни на какие доходы, ни [на] территории, не занимать гарнизонами украинских крепостей, но, наоборот, свято хранить целостность ее границ, вольностей, законов и прав, свободного и беспрепятственного пользования ими.

Момент для осуществления этих планов был выбран вовсе неудачный.

Весть о переходе Мазепы к Карлу немедленно дошла до Петра. Войска его под предводительством Меньшикова тотчас осадили Батурин; вследствие измены одного из батуринцев город был взят и совершенно разорен, а жители поголовно вырезаны. Одновременно разосланы были грамоты, призывавшие население оставаться верным царю и возводившие на Мазепу разные более или менее фантастические обвинения. Он не только обвинялся в угнетении народа, обременении его незаконными и своекорыстными поборами, но и в тайных планах против православия — этот протектор православной церкви, какого Гетманщина не видела ни прежде, ни после! Старшина получила приглашение собраться в Глухов для выбора нового гетмана, причем Меньшикову поручено было обращаться с нею возможно ласково. Он поспешил донести, что ни в среде старшины, ни в народе не замечает никакого сочувствия Мазепе. Действительно, население, застигнутое поступком Мазепы совершенно врасплох и видя перед собою московские войска, осталось совершенно пассивным. Грамоты Карла и Мазепы, призывавшие к восстанию, чтобы не упустить последней возможности освободить Украину «от тиранского московского ига», оставались без отклика. Страшная расправа московских комендантов со всеми лицами, чем-нибудь заподозренными в склонности к мазепинцам, отбивала всякую охоту рисковать.

Только обычные эксцессы против старшины повторились местами.

Старшина в начале ноября послушно съехала в Глухов. С разными церемониями было произведено низложение Мазепы. Его изображение было подвергнуто разным поруганиям и затем повешено, по распоряжению правительства на него наложено церковное проклятие (анафема), торжественно провозглашенное по всей Украине и России *. После этих церемоний старшине предложено было выбрать нового гетмана. Ввиду того, что почти вся высшая старшина ушла с Мазепой, кандидатов было, собственно, два: старый и неспособный стародубский полковник Скоропадский и молодой, талантливый черниговский полковник Полуботок. По одному вполне правдоподобному известию, Петр заявил, что не хочет видеть гетманом Полуботка, потому что он слишком способный человек: «из него может выйти другой Мазепа». Ввиду этого избрали Скоропадского, а Полуботку в утешение Петр пожаловал огромные имения (Любеч с целым рядом сел). Получили большие поместья также и другие старшины, оставшиеся верными России, и это послужило сигналом к настоящей оргии выпрашивания «изменничьих маестностей». Настоящий дождь пожалований пролился на представителей старшины, умевших чем-нибудь заявить свое рвение русскому правительству; по позднейшему подсчету, из всех пожалований, розданных до 1730-х годов включительно, не менее 4/5 падает на гетманство Скоропадского.

За незначительными исключениями Левобережная Украина признала единодушно гетманом Скоропадского, Правобережная также. Запорожье колебалось некоторое время, но под влиянием своего кошевого Костя Гордиенка, горячего автономиста, склонилось на сторону Мазепы, и в марте 1709 г. депутация с Гордиенком во главе явилась в лагерь Карла. Это было единственным успехом Мазепы, который теперь уже ясно убедился в неудаче своего замысла: кроме приведенных им казаков, он не располагал более никакими силами, да и из приехавших с ним старшин многие возвращались к Скоропадскому, пока шведы не взяли под бдительный надзор оставшихся. Сам Мазепа заявил Петру о своем желании вернуться и даже обещал захватить Карла, но затем раздумал, очевидно, не рассчитывая на хороший прием у царя, хотя последний обещал ему полную амнистию.

Для самого Карла украинский эпизод имел очень печальные последствия. По совету Мазепы, для которого это являлось последней доской спасения, Карл остался зимовать на Украине и этим сильно повредил себе, позволив отрезать свою армию от подкреплений, ослабив ее тяжелой зимовкой, причинившей большие потери, и потеряв напрасно время. Весною он, по совету того же Мазепы, двинулся еще далее на юг, чтобы войти в непосредственное сообщение с Запо-

* Оно затем было включено в обряд анафематствования, совершавшийся в неделю Православия.

рожем, и осадил Полтаву. Пока он был занят этою осадю, войска Петра отрезали его от Сечи, осадили самую Сечь, уговорили сдаться на капитуляцию, обеспечив присягою полную неприкосновенность, и затем подвергли обезоруженных сечевиков жесточайшим казням с тем мастерством террора, которое усвоили себе «птенцы» Петра. Вслед за тем Петр со свежими войсками напал на ослабленную, деморализованную армию Карла и нанес ей решительное поражение под Полтавой, 27 июня. Карл и Мазепа с небольшими отрядами шведских драбантов, казаков и запорожцев успели бежать за Днепр. Остатки шведской армии были настигнуты над Днепром и капитулировали. Значительная часть бывшей с Мазепою старшины перешла на сторону Петра еще перед Полтавской битвой, другие непосредственно после нее; этих последних отправляли в ссылку. Взятых в плен казаков отпускали, но запорожцев подвергали казням или также ссылали.

Мазепа с Карлом и свитою едва спаслись от преследования на турецкую территорию, в Бендеры, где Карл оставался затем несколько лет. Петр предлагал визирю 300 тыс. талеров за выдачу Мазепы; и хотя его не выдали, но боязнь такой перспективы доконала старика, и без того убитого тревогами и неудачами, и он вскоре за тем умер (22 августа 1709 года).

Украинская старшина, оставшаяся при Карле, после долгих совещаний выбрала гетманом генерального писаря Филиппа Орлика (1710). При выборе была составлена интересная хартия, определявшая международное положение Украины и внутреннюю ее политику. Здесь, между прочим, видим вполне определенные начатки представительного правления: устанавливаются периодические собрания войсковой рады (трижды в год), в которой участвуют не только полковники, сотники и полковая старшина, но и депутаты от полков и запорожского казачества; указывается на необходимость прекращения гетманского самовластия и притеснений казаков и населения со стороны старшины и т. п. Но принципам этим не суждено было осуществиться. Карл, утверждая эту хартию, обязался не заключать мира с Россиею, не добившись предварительно восстановления независимости Украины, но звезда его уже закатилась. Силы же самой старшины были ничтожны — с нею было 3—4 тыс. казаков и запорожцев, и она возлагала надежды лишь на поддержку Швеции, Турции и других держав.

Весною 1711 г. Орлик с татарами и шведскими сторонниками из Польши двинулся на Правобережную Украину. Население перешло на его сторону, и он имел сначала успех, но неудача под Белою Церковью заставила его отступить, а обычные грабежи татар оттолкнули от него население. Потом неудачный поход Петра в Молдавию в 1711 г., когда он со своей небольшой армией попал в руки турок и должен был принять продиктованные ему последними условия, оживил было надежды Орлика и его партии. Договор, продиктованный Петру, должен был обеспечить, между прочим, независимость

Украины. Но Петру удалось подкупить визиря, и пункт относительно Украины был стилизован в договоре так неясно, что правительство Петра отказалось понимать здесь Украину, находившуюся под властью России. Правда, Порта приняла толкование Орлика, что Петр отказался от всяких притязаний на Украину, находившуюся под властью Москвы, и объявила Петру войну. Но подкуп снова все изменил: договор был возобновлен, и спорный пункт истолкован так, что Россия отказывается от Правобережной Украины. Но на эту последнюю заявила претензии Польша, и Орлик со своею партией остались не при чем. Орлик попытался еще вступить на территорию Правобережной Украины, но его небольшой отряд был без труда рассеян польскими войсками. Большинство сторонников Орлика после этого оставило его. Запорожцы, после погрома 1709 г. перенесшие Сечь на территорию Крымского ханства, также начали тосковать за Украину и несмотря на все отговаривания Гордиенка и Орлика стали хлопотать перед русским правительством о разрешении вернуться; и русское правительство дало в принципе свое согласие, откладывая лишь его осуществление до ближайшего разрыва с Турцией, с которой связывал его договор 1711 года. Орлик напрасно пытался найти себе какую-либо поддержку в Европе, стараясь заинтересовать европейские державы украинским вопросом при всяком конфликте их с Россией,— нигде не находил он серьезного отклика.

Так окончилась эта последняя громкая вспышка украинского автономизма. Эпизод показывал, собственно, что украинское общество уже потеряло энергию борьбы, что население ничего не хочет, кроме покоя,— словом, что украинский сепаратизм потерял всякую опасность. Но центральное правительство, как я уже сказал, воспользовалось этим моментом, чтобы окончательно превратить Украину в свою провинцию. Неспособность царского ставленника Скоропадского, компрометировавшего себя потакательствами злоупотреблениям своих родственников, не умевшего ни поддерживать порядок во внутренних отношениях, ни даже держать себя с достоинством, значительно облегчала этот план.

Когда улеглась шведская буря, Скоропадский обратился к Петру с просьбой о подтверждении украинских прав и устранении на будущее время вмешательства в украинское управление со стороны российских чиновников и офицеров, какие имели место во время войны. Петр подтвердил право, но с целым рядом оговорок относительно этого невмешательства, а на практике украинская автономия и вовсе потеряла всякое значение. Центральное правительство непосредственно само стало назначать и смещать полковников и генеральных старшин. На полковничьи должности оно начало назначать великороссиян. Первым таким полковником был Петр Толстой, любимец имп. Петра, за которого Скоропадский по желанию царя выдал свою дочь и усыновил; в 1719 г. император назначил его нежинским полковником, якобы во внимание к заслугам Скоропадского. За этим

первым назначением последовали дальнейшие. К самому гетману в 1709 г. приставлен был для надзора правительственный резидент. В официальном наказе ему поручалось совместно с гетманом принимать меры к поддержанию порядка и благоустройства, ловить возмутителей, следить, чтобы замешанные в восстании Мазепы люди не возвращались на Украину, следить за действиями гетмана и его сношениями с иностранцами, собирать сведения о войсковых доходах и пр. В тайной инструкции поручалось ему иметь неослабное наблюдение за гетманом и старшиной и в случае измены или восстания принять меры к подавлению его великорусскими войсками. Год спустя вместо одного такого резидента назначено состоять при гетмане двум. Гетманская резиденция по распоряжению правительства перенесена была в Глухов, на границу Украины с империей, и здесь поставлен гарнизон из двух российских полков, состоявших в распоряжении резидента на случай «измены или восстания».

Наконец, в 1722 г. произведена была реформа, окончательно лишившая гетмана и генеральную старшину всякого значения. При гетмане учреждена была «Малороссийская коллегия», составленная из шести великороссийских штаб-офицеров из гарнизонов, стоявших в украинских городах, под председательством бригадира Вельяминова. Коллегия эта имела назначением принимать жалобы на все судебные и административные учреждения Украины, кончая генеральным судом и войсковою (гетманскою) канцеляриею; надзирать за сбором всякого рода налогов и пошлин, собирать их и расходовать, представляя отчетность в российский Сенат (между прочим, выплачивать содержание наемным войскам, сердюкам и компанейцам); следить, чтобы от старшины не было утеснения казакам и посполитым, и принимать против этого меры по соглашению с гетманом; иметь наблюдение за правильным делопроизводством в войсковой канцелярии и контролировать входящие и исходящие бумаги. О всяких замеченных беспорядках коллегия должна была относиться в Сенат. Учреждение ее Петр в своем указе гетману мотивировал беспорядками и злоупотреблениями в генеральном суде, председателем которого был зять гетмана Чарныш, и прочих судебных инстанциях, в войсковой канцелярии, в собирании доходов, а также злоупотреблениями, какие позволяла себе старшина по отношению к казакам и посполитым, отнимая у них земли, принуждая к панщинным работам, обращая в своих крепостных и т. д.

Эта реформа, понятное дело, превращала украинскую автономию в лишенный содержания призрак и настоящим правителем Украины делала председателя коллегии; так действительно и понял свою роль бригадир Вельяминов. Напрасно Скоропадский «всепокорственно со слезами» просил от имени «всех малороссийских людей» вернуть Украину к прежним порядкам и уверял, что жалобы на беспорядки — интриги врагов. Петр остался непреклонен, а чтобы дать благоприятное освещение реформе в глазах массы населения, он рас-

порядился распространить среди последнего печатный указ, где пояснялось, что коллегия учреждена «не для чего иного, токмо для того, дабы малороссийский народ ни от кого как несправедливыми судами, так и от старшины налогами утесняем не был», и в доказательство того при указе напечатана была инструкция коллегии, указывавшая сферу ее ведения.

От огорчения Скоропадский заболел и умер еще прежде приезда Вельяминова. Смерть его дала повод Петру сделать еще один шаг — он решил фактически отменить гетманскую власть. Исправление обязанностей гетмана Сенат поручил черниговскому полковнику Полуботку с генеральною старшиною, но с тем, чтобы во всех делах он совещался с Вельяминовым. При этом Украина из ведомства Коллегии иностранных дел, которая ведала ее доселе, переведена была в ведомство Сената как обыкновенная провинция. На просьбу же старшины — разрешить произвести выбор гетмана — Петр после долгих проволочек ответил в 1723 г. указом, где объявлялось, что правительство озабочено приисканием на гетманский уряд надежного человека ввиду того, что все гетманы, за исключением первого — Хмельницкого — и последнего Скоропадского, оказывались изменниками; и так как текущее делопроизводство обеспечено, то правительству не следует докучать выбором гетмана. Таким образом, вопрос откладывался на неопределенное время.

Между тем правительство систематически назначало на полковничьи должности великороссиян, приготавлило введение общеперских законов в украинские учреждения, а бригадир Вельяминов командовал генеральною старшиною как своими подчиненными. Украинские казаки тысячами гибли на далеких работах — при устройстве Ладожского канала, где они вымирали от непривычного холода и сырости, на постройке крепости Св. Креста, около Дербента, где убивали их южные лихорадки, и т. п., так что из партии в 5—10 тыс. человек на этих работах вымирало до трети и даже до половины, и в общей сложности эти рабочие походы 1721—1725 гг. стоили Украине не меньше 20 тыс. казаков, не говоря о возвратившихся полуживых и обнищавших, без лошадей и амуниции. Одновременно население разоряли и удручали переходы и постой великороссийских войск, расположенных в огромном количестве на Украине и содержавшихся, против всяких прав и прецедентов, за счет местного населения. В некоторых украинских полках было расквартировано по целому полку, в других — значительные части. Население, и без того ослабленное тяжелою шведскою войною, должно было доставлять огромное количество «порций и раций», состоявших из разных продуктов, и независимо от того уплачивать в войсковой скарб налоги. Последние — вопреки всем обещаниям правительства — со введением новой смешанной (фактически великорусской) администрации возрастали тоже с головокружительной быстротой. Так, напр., по ведомостям, представленным Малороссийской коллегией в Сенат, в 1722 г. поступило

в войсковую казну 45 тыс. рублей деньгами и 17 тыс. четвертей муки; в 1723 г. поступило уже 85 тыс. рублей; в 1724 — деньгами 140 тыс. рублей и 40 тыс. четвертей муки; в 1725 — 173 тыс. рублей и т. д.

Никто не осмеливался возвысить голоса против этого положения дел. Полуботок в роли временного (наказного) гетмана в тесных рамках того влияния, какое оставили ему еще новые реформы, старался упорядочить украинскую администрацию и тем ослабить аргументы Петра, ссылавшегося на злоупотребления старшины. Он воспретил старшине под страхом тяжких наказаний употреблять казаков для своих надобностей, ввел коллегиальность в суды полковые, сотенные и сельские, установил порядок апелляции и реформировал генеральный суд. Но Петр в сущности имел в виду лишь «Малую Россию к рукам прибрать», как характеризовал его намерения его сподвижник Толстой; злоупотребления старшины служили только предлогом, и поэтому деятельность Полуботка по искоренению этих злоупотреблений и беспорядков украинского управления была правительству вовсе неприятна. В ответ на донесения Вельяминова, что Полуботок противится его действиям, Петр поспешил расширить власть и компетенцию президента коллегии. Полуботка же с некоторыми другими выдающимися старшинами решил удалить из Украины и вызвал их в Петербург, а во избежание какого-либо сопротивления распорядился вывести украинские полки на южную границу — под предлогом охраны Украины от татар.

В Петербурге Полуботок подал Петру петицию от имени старшины, где ходатайствовалось о восстановлении прежнего управления. Но одновременно поступила, как объяснил Полуботок, подстроенная Вельяминовым петиция от пограничного с Великороссией Стародубского полка, ходатайствовавшая о введении великорусского суда и назначении полковником великороссиянина. Петр выслал на Украину одного из своих доверенных людей, Румянцева, произвести опрос, желают ли казаки великороссийских полковников и учреждений или солидаризуются с поданной Полуботком петицией, а также собрать материалы о злоупотреблениях старшины. Таким образом, ревизия эта имела целью получить нечто вроде плебисцита о введении великороссийского управления и вместе с тем — обвинительный акт против старшины.

Полуботок, узнав о миссии Румянцева и совершенно справедливо опасаясь, что он своим влиянием понудит опрашиваемых давать такие ответы, какие были желательны правительству, выслал из Петербурга инструкции на Украину о том, как держать себя относительно этой ревизии и какие давать ответы. По его же инициативе собранные на южных границах Украины старшина и казаки прислали из лагеря на р. Коломаке петиции, в которых жаловались на отягощение казаков и населения постоями, походами, поборами коллегии и просили разрешить им избрание гетмана. Но эта скромная попытка противодействия еще более раздражила Петра. Он распорядился

арестовать Полуботка и бывших с ним старшин, а также схватить и прислать в Петербург составителей коломакских петиций. Против Полуботка было возбуждено дело о злоупотреблениях по управлению и притеснениях населения — общих всей тогдашней старшине грехах по отношению к казакам и посполитым, в которых он был виноват столько же, сколько и всякий другой. Не дождавшись суда, Полуботок умер в заключении в Петропавловской крепости в конце 1724 г. Для украинской старшины он сделался героем-мучеником. В позднейшей легенде он произносит перед Петром смелую обличительную речь, упрекая в утеснении Украины, и за это грозный царь обрекает его на муки и смерть; но узнав о тяжелой болезни Полуботка, Петр навещает его в крепости, ищет примирения; Полуботок отказывается в нем, говоря, что Петра (императора) и Павла (Полуботка) рассудит Бог; и действительно — вслед за гетманом Павлом пред лицо предвечного судии последовал и царь Петр. В интеллигентских домах Украины XVIII и первой половины XIX в. был очень распространен портрет Полуботка с подписью «из речи, говоренной Полуботком имп. Петру»: «Вступаючись за отчизну, я не боюсь ни кандалов, ни тюрьмы, и для меня лучше найгиршою смертю умерти, як дивитись на повшехну гибель моих землякив». Портрет, впрочем, неверный (как думают — вместо Павла Полуботка взято изображение его отца).

XXIII

ПОСЛЕДНИЕ ГЕТМАНЫ

Итак, старшина передала свою тяжбу с центральным правительством на суд божий. Выдающиеся ее представители были арестованы в Петербурге. Правительство могло беспрепятственно производить перестройку украинских отношений по централистической программе. Но две непоследовательности, явившиеся отступлениями от плана, поставленного правительством Петра, замедлили слияние Украины с прочими провинциями империи и отсрочили на несколько десятилетий ликвидацию украинской автономии.

Первое отступление имело место с восшествием на престол внука Петра I — Петра II в 1727 г.

Еще несколько ранее, в виду перспективы войны с Турцией, в правительственных кругах считали нужным сделать что-нибудь для «удовольствия и приласкания» Украины: чтобы недовольная старшина, — энергию которой вообще склонны были сильно преувеличивать в петербургских кругах, — пользуясь войною, не произвела восстания. Предполагалось разрешить произвести выбор гетмана, восстановить прежний, украинский состав в учреждениях Гетманщины и сложить с украинского населения нововведенные налоги. Но традиции петров-

ской политики были еще слишком свежи, и один из «птенцов» Петра, наиболее посвященный в украинскую политику покойного императора, П. Толстой, прямо протестовал против либеральных проектов нового правительства, ссылаясь на то, что «бл. памяти е. и. в.¹⁵⁷ в том намерении гетмана в Украине не учинил и у полковников и старшин власти убавил, дабы Малую Россию к рукам прибрать, и чрез тот способ полковники и старшины с подданными пришли уже в немалую ссору». Эти традиции на этот раз возобладали.

Но с воцарением Петра II влияние временщика Меньшикова, очень неблагоприятно настроенного для Малороссийской коллегии, а позже — партии сторонников старых, допетровских порядков, подчинивших себе молодого императора, взяло верх над петровским курсом в украинских отношениях. Это сказалось сейчас же по вступлении на престол Петра II. Новые налоги были сложены (но все-таки украинское население должно было и впредь содержать девять кавалерийских великорусских полков). Вельяминова потребовали к отчету по жалобам на неправильности в его деятельности. Украинских старшин, сидевших в Петербурге со времени полуботковской истории, отпустили на Украину. Издано запрещение великорусам покупать земли на Украине и т. п. Наконец, дано разрешение и на выбор гетмана, чрезвычайно обрадовавшее украинское общество, чувствовавшее себя совершенно беспомощным во всеобщем расстройстве, какое надвигалось на украинские отношения вместе с натиском московского централизма.

Кандидата на гетманство правительство имело уже готового — в лице престарелого и предшествующими событиями достаточно умудренного полковника миргородского Даниила Апостола. Правительственному комиссару Наумову, отправленному для производства выборов, поручено было не допускать до выбора иного лица. Но опасения были напрасны: умудренная долговременным сиденьем в петербурге старшина беспрекословно приняла правительственного кандидата, тем более что Апостол был вовсе недурным кандидатом — одним из последних представителей лучших времен старых поколений автономистов, еще не изверившихся в возможности принципиальной политики. Апостол был единогласно избран и утвержден в гетманском достоинстве 1 октября 1727 г. О каких-либо статьях не было уже и разговора, но Украина снова была переведена в ведомство Коллегии иностранных дел, а Малороссийская коллегия упразднена — тем более что в ее управлении действительно обнаружилось немало злоупотреблений.

Взамен ее реформировали в новом духе генеральный суд, с отменой Малороссийской коллегии долженствовавший служить высшею апелляционной инстанцией: теперь он должен был состоять поровну из членов украинских и великороссийских (по три). При гетмане восстановлена должность резидента, на которую назначен упомянутый Наумов, и гетману вменено в обязанность совещаться

с ним в делах управления. В военных делах он был подчинен фельд-маршалу российских войск. Для большей верности один из сыновей Апостола оставался в Петербурге в качестве заложника.

Возвращение к старине, таким образом, было далеко не полным. Ободренная скромными льготами, предоставленными Украине, старшина с Апостолом во главе рассчитывала при удобном случае добиться большего. По случаю коронации Петра II Апостол с другими представителями старшины отправился ко двору и здесь более полу-года путем всякого рода просьб и иных воздействий старался приготовить почву для более полного восстановления старых вольностей. Плодом этих стараний были так называемые «Решительные пункты» — резолюции правительства на предложенные петиции от 22 августа 1728 г. Они устанавливали точные основания новой украинской конституции. В общих выражениях было ими обещано сохранение «прежних прав и вольностей», но в действительности украинская автономия оставалась при целом ряде существенных ограничений сравнительно даже с эпохой Мазепы, не говоря уже о настоящих статьях Богдана Хмельницкого, на которые делались ссылки. Свободный выбор оставлен только для низших должностей: кандидатов на сотников должны выбирать сотенные казаки, кандидатов на полковые должности — полковая старшина с сотниками и предоставлять на утверждение гетмана; но утверждение полковников и генеральной старшины центральное правительство предоставляло себе. Оставлен в силе смешанный войсковой суд, совершенно противоречащий основному принципу статей Хмельницкого, о восстановлении которых просила старшина, и правительство их подтверждало *. Для заведования финансами учреждались должности двух подскарбиев — одного из украинской старшины, другого из великорусских офицеров. Сохранено было расквартирование великорусских войск и т. п.

Апостолу и его сотрудникам оставалось в тесных границах, оставленных их самоопределению, стараться фактически усилить значение органов старого гетманского управления, по возможности упорядочивая последнее и ослабляя вмешательства агентов посторонних. Апостол старался упорядочить судопроизводство Гетманщины в духе предпринятых Полуботком реформ: его инструкция украинским судам, данная в 1730 г., собственно, проводила план Полуботка. Произведена была общая ревизия владельческих документов старшины для проверки прав владения. Особая комиссия занялась сводом применявшихся в украинских судах норм в один общий свод.

Восстановление старых отношений было дополнено еще одною чертою — возвращением запорожцев. Я уже упоминал, что на новых своих поселениях, отрезанные от Украины правительством, не до-

* «Суду и расправе быть по прежнему их обыкновению, как о том именно в пунктах гетмана Богдана Хмельницкого изображено, по которого пунктам подтверждения сами они просят».

пускавшим никаких сношений с «изменниками», запорожцы очень живо почувствовали свое отчуждение и скоро начали проситься назад. Со своей стороны русское правительство было заинтересовано на случай войны с турками иметь их на своей стороне, а не на неприятельской, и так как перспектива новой войны с Турцией с 1720-х годов становилась все более близкой, то запорожцам было дано принципиальное согласие на возвращение, с тем чтобы они выждали только окончательного разрыва. В этом смысле в 1733 г. им была выдана и официальная царская грамота, а в начале 1734 г. они возвратились на старые пепелища и zaloжили свой кош на урочище Базавлуке. Затем в Лубнах делегатами их и представителями русского правительства были выработаны постановления, определявшие дальнейшие отношения. Запорожцам предоставлено жить по старым порядкам, свободно пользоваться всякого рода степными промыслами, получая за сторожевую и военную службу 20 тыс. рублей в год. Править ими должна была выборная старшина, непосредственно, помимо гетмана, подчиняясь командующему российскими войсками, расположенными на Украине.

Установленный в 1727 г. порядок в это время уже решительно поколебался. Правительство имп. Анны вернулось к традициям политики Петра I по отношению к Украине, и возвращение к его мероприятиям было только вопросом времени: в виду все еще угрожавшей войны с Турцией, событий польского бескорольевья и агитации агентов Лещинского и Орлика на Украине и на Запорожье правительство считало несвоевременными какие-либо резкие перемены. Благовидный предлог дала для их проведения болезнь Апостола, разбитого параличом в 1733 г. Правительство не позволило ему передать управление генеральной старшине, а поручило правление своему резиденту с коллегией, составленной поровну из великороссиян и украинцев. А вскоре за тем Апостол умер (1734), правительство поручило правление Украиною коллегии из шести членов — трех великороссиян и трех украинцев (назначенных правительством), с правительственным резидентом Шаховским и генеральным обозным Лизогубом во главе.

Правление это было организовано якобы временно, до выбора гетмана. но в инструкции Шаховскому пояснялось, что о выборе гетмана упомянуто только во избежание волнений: правительство вовсе не имело в виду его выбирать. Украина снова перешла в ведомство Сената, а фактическим правителем ее стал первоприсутствующий Малороссийской коллегии кн. Шаховской. Правительство, поручая ему самое бдительное наблюдение за благонадежным поведением украинской старшины, предоставило ему право смещать украинских членов Малороссийской коллегии, если бы за ними оказалось что-либо подозрительное, подвергать аресту старшин, заподозренный в какой-либо «противности», и назначать на вакантные места кандидатов по своему усмотрению, «усматривая во всяких обхождениях,

кто из старшин и из казаков к нам и к стороне нашей доброжелательны», и в случае надобности не связывать себя даже данной инструкцией.

Шаховской, таким образом, являлся настоящим правителем Украины, но эти широкие полномочия еще не удовлетворяли его, и в представлении своем петербургскому правительству он рекомендовал отменить коллегиальное управление и заменить его единоличным правлением назначенного правительством наместника, имея в виду, по всей вероятности, свою особу. Однако правительство не решилось на такой резкий шаг и в ответе Шаховскому успокаивало его, что участие украинских членов в коллегии не может влиять на ход дел, а полное устранение украинской старшины от всякого участия в управлении могло бы привести «малороссийский народ в какое сомнение». При этом было отмечено, что установленная форма управления отнюдь не имела в себе чего-либо постоянного, и императорское правительство предоставляло себе отменить его и ввести новую организацию, какая будет признана соответствующею «для интересов е. и. в.»

В инструкции Шаховскому поручалось обращать внимание на то, чтобы должности великороссийских членов Малороссийской коллегии и генерального суда занимали лица достойные, которые бы могли внушать украинскому населению выгодное понятие о великорусской администрации, «дабы оный малороссийский народ правосудием тех великороссийских судей был доволен и приобывал к великороссийскому правлению». Предостережение это было внушено горьким опытом, так как полковники из великороссиян и другие представители великорусской администрации на Украине далеко не оказывались на высоте своего положения и отнюдь не были способны внушить хорошего мнения о великорусском благоустройстве.

По старой традиции рекомендовалось внушать населению (главным образом низшим слоям), что реформы, ограничивающие украинскую автономию, имеют в виду интересы масс и защиту их от злоупотреблений старшины, а все неустройство сваливать на гетманское управление, чтобы охладить стремления к его восстановлению.

В видах обрусения Шаховской должен был секретно «под рукою особенно трудиться малороссиян с смоляны (ополченного смоленскою шляхтою) и с поляки и с другими зарубежными жителями отводить, а побуждать их и искусным образом приводить в свойство с великороссийским». В своем надзоре за благонамеренностью старшины правительство шло так далеко, что приказывало обыскивать и арестовывать бумаги даже наиболее высокопоставленных и совершенно ни в чем не заподозренных лиц, как, напр., обозного Лизогуба, первоприсутствующего из украинской старшины. Поводов к таким подозрениям старшина, совершенно терроризованная этой ломкой старых отношений, не подавала никаких, но грозный призрак украинского сепаратизма неизменно преследовал правительство и ве-

ликорусскую администрацию в их заботах, направленных к уничтожению остатков старой украинской автономии, и делал их еще более нетерпимыми и неразборчивыми в истреблении остатков всего, что говорило об особности этого края.

Для характеристики этой неразборчивости приведу один пример: в 1737 г. тогдашний правитель Украины (первоприсутствующий Малороссийской коллегии) кн. Барятинский, придравшись к какому-то поводу, арестовал в полном составе Киевский магистрат и при этой okazji забрал грамоты г. Киева — в том расчете, что если эти документы задержать более продолжительное время, то в конце концов привилегии г. Киева выйдут из памяти «и ссылаться им будет в вольностях не на что».

От принятого курса правительство, однако, отступило еще раз, благодаря личным симпатиям новой императрицы Елизаветы. Любимцем ее был украинский казак из с. Лемешей (Черниговской губ.) Алексей Разумовский, с которым она обвенчалась, возвела в фельд-маршалы и приобрела для него титул графа Римской империи. Он внушил императрице свои симпатии к Украине, и хотя она вообще усердно следовала традициям своего отца Петра I, но была склонна сделать некоторые уступки желаниям украинской старшины. Когда во время путешествия ее в Киев в 1744 г. генеральная старшина и полковники подали ей петиции о выборе гетмана, она приняла эту просьбу благосклонно и посоветовала по этому вопросу прислать в Петербург специальную депутацию к торжеству бракосочетания наследника престола. Кандидат на гетманство был у нее намечен в лице младшего брата ее любимца, Кирилла Разумовского; но он был еще слишком молод тогда (родился в 1728 г.), находился в то время за границей для окончания образования, а потому выбор был отложен. Только в 1747 г. императрица дала указ Сенату о восстановлении гетманского правления на тех основаниях, на каких оно существовало при Скоропадском, но самый выбор был еще отменен на несколько лет и произведен только в 1750 г., когда с этою миссиею был выслан в Глухов полномочный министр императрицы граф Гендриков. Старшина, для которой не были тайною виды императрицы, конечно, заявила единодушно, что желает иметь гетманом Кирилла Разумовского, и так было осуществлено избрание последнего украинского гетмана. Утверждая его в сем звании, императрица повелела считать его в ранге фельдмаршала, а при отпуске на Украину в 1751 г. дана была ему жалованная грамота по образцу данной Скоропадскому. Учреждения также восстановлены были более или менее в том виде, в каком они существовали перед реформою 1722 г. Особою грамотою подчинена была власти гетмана Запорожская Сечь, и Украина снова переведена в ведомство Иностранной коллегии. Но Разумовский, поссорившись с президентом ее, сам просил потом перевести его в ведомство Сената, что и было исполнено.

Без малого пятнадцать лет продолжалось правление этого по-

следнего гетмана. Сам он вполне отличался от прежних гетманов: воспитанный в среде петербургской аристократии и за границей, женатый на великороссийской аристократке, родственнице императрицы Екатерине Нарышкиной, он скучал в своей украинской резиденции и жил большею частью в Петербурге. На Украине он держал себя en grand seigneur¹⁵⁸ и устроил в своей украинской столице копию петербургского двора в миниатюре. Краем правила украинская старшина, имея дело только с центральным правительством. Вследствие влияния, каким пользовался новый гетман в правящих сферах, вмешательства в украинские дела разных посторонних лиц прекратились. Хлопоты гетманскому правлению доставляли только запорожцы. С севера стеснила их новая оборонительная линия, сооруженная правительством и захватившая часть запорожских земель; делать нападения на польские и турецкие владения им запрещалось. Подчинить сечевую братию желаемой регламентации в этих условиях запорожской старшине было слишком затруднительно, и гетманское правление без конца получало напоминания из Петербурга об умиротворении запорожцев.

Этим периодом сравнительно значительной власти и влияния украинская старшина воспользовалась не только для своего обогащения и закрепления своих сословных преимуществ (над этим она, под покровительством и при благосклонном содействии русского правительства, работала неустанно), но также и для упорядочения административно-судебной организации края. Конкуренция великорусской администрации и централистическая политика правительства, враждебная старому украинскому строю, до сих пор очень сильно мешали такому упорядочению. Достаточно вспомнить, что Полуботок за свои очень рациональные реформы судопроизводства подвергся обвинению в самовластии, и реформы были отменены. Между тем первоначальное военное устройство Украины, очень примитивное, приноровленное более к потребностям военной мобилизации, чем администрации, настоятельно требовало дальнейшей организационной работы. Лишенное ее, оно давало широкий простор самовластию и всякого рода злоупотреблениям, а конкуренция великорусской администрации производила еще больший сумбур, тем более что качества последней также отнюдь не были высоки: взяточничество и произвол были в ее среде распространены чрезвычайно сильно.

В центральном управлении Гетманщины из первоначальной организации развилось два главных, вполне определенно сформировавшихся учреждения — генеральная, или войсковая, канцелярия и генеральный суд. Войсковая канцелярия из канцелярии в собственном смысле, какой она была первоначально, в продолжение последнего столетия развилась в нечто более близкое понятию министерства внутренних дел. Здесь сосредоточивалось заведование общеадминистративными и войсковыми делами. По смерти Апостола она формально была объединена с правящей коллегией, как высшее

управление Гетманщины, под именем войсковой генеральной канцелярии; генеральный писарь стал в сущности вершителем всех дел, поскольку они оставались в руках старшины; такой именно характер имел долголетний носитель этого звания Андрей Безбородько, занимавший этот пост в 1741—1762 гг. Войсковой суд первоначально был единоличным судом генерального судьи, со времен реформы Полуботка — Апостола он превращается в суд коллегиальный и получает значение исключительно апелляционной палаты. Затем при избрании Апостола выделены были в отдельное ведомство финансы, находившиеся в прежние времена в непосредственном распоряжении гетмана; для заведования ими были учреждены должности двух подскарбиев, но должности эти остались в значительной степени титулярными. Счетоводством заведовала особая скарбовая канцелярия, при которой род государственного контроля исполняла отдельная «счетная комиссия». Наконец, отдельная «артиллерийская канцелярия» заведовала войсковой артиллерией и предназначенными на ее содержание имениями и доходными статьями. Войсковая рада с последней четвертью XVII в. вовсе перестает функционировать вне чисто декоративной роли при выборе гетмана, и ее вполне замещает рада старшины, собиравшаяся по приглашению гетмана; особенно сложные или менее спешные дела решала рада генеральной старшины и полковников.

После того как Правобережная Украина окончательно отошла к Польше, полки остались основанием провинциального управления; Гетманщина (Левобережная Украина) делилась на десять полков — Стародубский, Черниговский, Киевский *, Нежинский, Прилукский. Переяславский, Лубенский, Гадячский, Миргородский и Полтавский. Территория, состав, казачьи контингенты и численность населения их оставались по-прежнему чрезвычайно разнородными. Так, напр., в 1723 г. в Нежинском полку было 19 сотен, в них около 10 тыс. казаков (6586 конных и 3379 пеших), в Черниговском — 16 сотен и 6400 казаков, в Киевском — 8 сотен и менее 3 тыс. казаков; всего в 10 полках было 114 сотен и 57 тыс. казаков (позже, в 1735 г., этот казацкий контингент был уменьшен почти в половину: для действительной службы должны были быть выбраны 30 тыс. казаков, так наз. выборных, остальные, менее достаточные, под именем подпомощников, были предназначены для материальной помощи несшим службу. Управление полком лежало всецело в руках полковника.

С тех пор как назначение полковников присвоило себе правительство и запретило смещать их без указа, значение и власть полковников чрезвычайно усилились. Их зависимость от гетмана стала очень невелика. С другой стороны, сформировавшийся постепенно по образцу генеральной старшины штат старшины полковой не имел большого

* Большая часть Киевского полка лежала на левой стороне Днепра, на правой — Киев с его окрестностями.

значения в управлении полком, и в значительной степени полковник правил самовластно. Сотников полковники очень часто фактически назначают сами. Города с магдебургским правом хотя подчиняются непосредственно гетману, но также стоят в сильной зависимости от полковника, а иногда попадают в полное «послушание» ему. Более мелкие города, с упрощенным, «ратушным» управлением, стоят в полном подчинении у полковников. Казацкое население стояло в полной зависимости от него. Крестьяне, «посполитые», подсосудки подчинялись власти и юрисдикции своих помещиков и державцев.

У казаков осталось самоуправление лишь в границах их сельских «громад», во главе которых стояли атаманы, подчинявшиеся сотнику. Замещение сотничьей должности по праву принадлежало казацкому населению сотни, но на деле это право далеко не всегда осуществлялось. В одной инструкции Разумовскому приходится восстанавливать законный порядок выбора сотника, установленный «Решительными пунктами» 1728 г., потому что на деле он не соблюдался: сотня должна выбирать двух или трех кандидатов, полковник с полковою старшиною предлагает их со своими отзывами гетману для утверждения одного из них. Но из той же инструкции вытекает, что в действительности выбор кандидатов имеет производиться собственно старшиною данной сотни, а не казаками. Вообще принцип казацкого самоуправления совершенно вырожден, вся власть перешла фактически в руки старшины, и, поскольку не ограничивала ее конкуренция великороссийской администрации и центральное правительство, управление имело характер аристократический, старшинский.

Наиболее слабую сторону устройства Гетманщины составлял суд. Судебных инстанций было много, но все эти суды были организованы плохо, не было ни определенного порядка инстанций, ни границ компетенций каждого рода суда; минуя суды сельские и сотенные, можно было начинать дело не только в полковом, но и прямо в генеральном суде или даже у самого гетмана; высшие инстанции часто вмешивались в дела, которые велись в низших, суды казацкие и городские (ратушные) конкурировали между собой, хотя, впрочем, очень часто эта конкуренция разрешалась тем, что эти суды функционировали совместно. В судах царили и взяточничество, и произвол — тем более что за неимением своего кодекса употреблялись польские издания Литовского статута и Магдебургского права, малопонятные и по духу своему совершенно чуждые местной жизни и отношениям.

«Решительными пунктами» 1728 г. центральное правительство поручило гетману составить свод действующего в Гетманщине права, составление его было поручено комиссии украинских юристов, и свод этот был действительно составлен. Но в основание его положены были не нормы обычного права, а все то же Магдебургское пра-

во в польских обработках, сохранившееся в практике городских судов из времени, предшествовавшего восстанию Хмельницкого, и Литовский статут, в качестве вспомогательного кодекса вошедший постепенно в судебную практику Гетманщины — и то не в первой редакции, более близкой старому украинскому праву, а в позднейших, 1566 и 1588 гг., вполне подпавших влияниям шляхетского польского права. Ввиду этого составляемый комиссией свод не мог иметь никакой ценности. Работа ее была закончена в 1743 г. Свод утверждения не получил *, но в смысле укрепления авторитета статутного и магдебургского права в судебной практике Гетманщины без результатов он не остался. И ни в чем, быть может, не обнаружился так ярко внутренний крах предпринятой украинским народом социальной революции XVII в., как в этом возвращении к жизни сословных кодексов польского режима.

После неосуществившейся реформы Полуботка украинское судоустройство было реформировано по восстановлении гетманства при Апостоле. Генеральный суд получил коллегиальное устройство, и в том же духе коллегиальности реформированы были инструкцией Апостола 1730 г. суды полковые, сотенные и сельские. Установлен был порядок апелляции сотенных судов в полковые, из полковых в генеральный, который становился инстанцией исключительно апелляционной. Сделаны были позже указания относительно разграничения компетенции судов войсковых и ратушных и упорядочения судопроизводства вообще. Эта инструкция действительно делала шаг вперед в упорядочении судопроизводства **.

Дальнейшею реформой его занялась старшина при Разумовском. Инициатива принадлежала одному из образованнейших украинских юристов Фед. Чуйкевичу, который в своем рассуждении «Суд и расправа в правах малороссийских» (1750 г.), посвященном Разумовскому, указал на недостатки украинского судоустройства и предложил проект его реформы. Образцом для него, впрочем, послужило судоустройство все того же Литовского статута, и в этом духе в последние годы правления Разумовского была произведена реформа: генеральный суд был дополнен выборными депутатами от полков, введены были суды подкоморские и земские для поземельных тяжб и гражданских дел, с выборным шляхетским персоналом; суды полковые переименованы в гродские; Украина разделена на 20 поветов.

Эта реформа, делавшая последний шаг к возвращению дореволюционного строя, была, конечно, логическим последствием применения дореволюционных юридических кодексов — Литовского статута прежде всего. Но она оказалась недолговечною — дни гетман-

* Он издан как исторический памятник в 1789 г. проф. Кистяковским под названием «Права, по которым судится малороссийский народ» (это название свод носит в оригинале).

** Издана в «Киевской Старине», 1887, кн. 1.

ства были уже сочтены, и в программе центрального правительства стоял на очереди вопрос о полной отмене старого строя Гетманщины, а не развитии его.

XXIV

ЛИКВИДАЦИЯ СТАРОГО СТРОЯ ГЕТМАНЩИНЫ

Ликвидация Гетманщины была решена имп. Екатериною уже с первых шагов правления. Излагая в своей известной инструкции обер-прокурору программу правительственной политики, она высказывает свое непреклонное решение привести к «обрусению» провинции, имеющие свои местные законы,— Украину, Лифляндию и Финляндию, и, в частности, относительно Украины считает необходимым принять меры к тому, «чтоб век и имя гетманов исчезло, не токмо б персона какая была произведена в оное достоинство».

Но Кир. Разумовский был одним из вернейших партизанов Екатерины. Она многим была ему обязана еще пред своим воцарением и едва ли подняла бы на него руку, если бы обстоятельства не дали к тому благоприятных поводов. Но за ними дело не стало. В конце 1763 г. императрице донесено было из Киева, что среди старшины собираются подписи для петиции об учреждении наследственного гетманства в роде Разумовского; просьба мотивировалась испытанною верностью этого рода и примером Хмельницкого, при жизни которого был выбран гетманом его сын. Разумовский, если не был инициатором этой петиции, то во всяком случае принимал в ней участие, склоняя старшину к подписям. Украинская молва считала виновником злого гения гетмана, его воспитателя и главного советника Теплова: говорили, что он был инициатором этой петиции, а затем использовал ее против гетмана и дал правительству обвинительный материал против гетманского правления, когда правительство решило с ним покончить.

Генеральная старшина, предчувствуя опасность, петиции не подписала, поддерживали ее только полковники, вследствие чего петиция не была подана. Можно было бы считать инцидент исчерпанным, но Екатерина решила использовать его как благоприятный предлог покончить с Разумовским. Изготовленный Тепловым мемориал «О непорядках, которые происходят от злоупотребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малороссии» приготовил богатый, хотя и не всегда верный и вообще очень односторонний материал о грехах старшинского управления. Императрица предложила Разумовскому отказаться от гетманства.

Разумовский, однако, не имел к этому желания и медлил прошением. Тогда ему пригрозили обвинением в противогосударственных замыслах, что повлекло бы за собою смещение и опалу. Ввиду этого

он уступил, подав прошение об увольнении от «столь тяжелой и опасной должности», и взамен просил милости к своей «многолюдной фамилии». Просьба была немедленно исполнена. 10 ноября 1764 г. опубликован манифест «Малороссийскому народу», извещавший об увольнении Разумовского от гетманских обязанностей и учреждавший правление Малороссийской коллегии в виде временной меры, «пока время и опыт даст нам о его (малороссийского народа) благе лучший учинить промысел». Разумовскому в награду за покорность была пожалована пожизненная пенсия в 60 тыс. рублей и огромные имения на Украине: Гадячский Ключ, со времен Хмельницкого предназначенный на содержание гетмана, и Быковская волость, пожалованная на гетманское содержание при Скоропадском.

По словам автора «Истории руссов», эти пожалования внушили надежду и прочей старшине, что с отменой гетманского правления «ранговые» имения, приписанные к отдельным должностям, будут пожалованы лицам, занимавшим эти должности в данный момент; поэтому старшина не напоминала о замещении гетманского уряда. Но это было и бесполезно!

Малороссийская коллегия, которой передано было управление, составлена была из четырех членов-украинцев и четырех великороссиян, с председателем и прокурором из великороссиян же, причем велено было великороссийским и малороссийским членам сидеть на заседаниях попеременно, по старшинству, а не так, как было прежде, согласно инструкции имп. Анны, что великороссияне сидели по правую, а малороссияне — по левую сторону стола, «что утверждало в малороссиянах развратное мнение, по коему поставляют себя народом, от здешнего совсем отличным».

Малороссийская коллегия учреждалась, впрочем, больше для формы; в настоящие правители Украины, собственно, предназначался ее председатель — граф Петр Румянцев, талантливый генерал, обнаруживший недюжинные административные способности в осуществлении программы Екатерины по отношению Украины.

В инструкции, данной ему императрицею, обращалось внимание на то, что империя доселе не получала доходов с этой провинции; ввиду этого ему поручалось произвести ревизию и перепись Украины. Указывались недостатки управления и общественных отношений, — особенно свобода перехода крестьян от помещика к помещику, сохранившаяся в Гетманщине, раздражала императрицу, и Румянцеву поручалось ее прекратить. Бдительному надзору нового правителя поручалось духовенство, в котором просвещенный абсолютизм Екатерины вообще подозревал опасного врага. Но особенное внимание обращалось на «внутреннюю ненависть» Украины, особенно старшины, против великороссийского народа. Чтобы отнять у старшины почву для противодействия, императрица рекомендовала Румянцеву тщательно следить за настроением ее и снискивать расположение народных масс — так, чтобы они чувствовали себя центра-

листическими мерами правительства «избавленными от мучивших их многих маленьких тиранов», т. е. старшины и помещиков; мы знаем уже эту традиционную политику российского правительства по отношению к украинской старшине.

Народным массам реформа и на этот раз не принесли в действительности никакого облегчения. Румянцев, получив большие имения на Украине, сам вошел в круг общественных и экономических интересов старшины и стал смотреть на общественные отношения ее глазами. Произведенная им «генеральная опись Малороссии» (весьма важный исторический памятник) до некоторой степени остановила дальнейшее расхищение ранговых земель и закрепощение казаков, но, с другой стороны, утвердила за старшиною ее приобретения в землях и людях. Некоторые меры правительства, как прекращение свободных переходов, признание дворянских прав за старшиною — прямо укрепляли крепостное право на Украине, и вообще непосредственное влияние великороссийского законодательства и практики, воспитанной на крепостном праве, отнюдь не улучшило, а ухудшило положение народных масс на Украине.

Больше усердия показывал Румянцев в преследовании украинского «сепаратизма». Много хлопот доставил ему 1767 год, когда украинские сословия были призваны, вместе с прочими провинциями империи, выбрать своих депутатов в так называемую Комиссию уложения и снабдить их инструкцией, «наказом», в котором избиратели должны были изложить свои нужды и желания. В украинском обществе при этом с неожиданной силой и единодушием проявились стремления к восстановлению украинской автономии. Не только в инструкциях старшины, но даже мещан и казаков почти без исключения высказывались весьма определенно желания, чтобы Украина была восстановлена в своих старых правах — по статьям Богдана Хмельницкого, чтобы был возобновлен выбор гетманов и т. п. На пункте восстановления украинской автономии сошлись желания всех сословий. Даже маленькие захолустные местечки во главу тех мер, которые могли бы привести их к процветанию, ставили восстановление условий, на которых «гетман Богдан Хмельницкий со всем малороссийским народом приступил под державу всероссийскую». Не отставало от других сословий и украинское духовенство, также домогавшееся восстановления старых порядков.

Раздраженный Румянцев пускал в ход «начальнический тон», как он выражался, старался непосредственно и через разосланных офицеров влиять на выбор депутатов и составление наказов, подвергал цензуре, кассировал и конфисковал инструкции, в которых автономные стремления проявлялись особенно сильно, привлекал наиболее горячих сторонников автономии к ответственности. Все было напрасно, общий тон наказов остался вполне определенным. В наказах 1767 г. Украина выразила единодушный протест против централистической политики правительства, а действия тех немно-

гих лиц из старшины, которые старались влиять в духе Румянцева, встречены были в обществе со всеобщим осуждением и негодованием.

Наиболее резкий эпизод в этом конфликте новой администрации с общественным мнением Украины известен нам в Нежинском полку. Нежинское «шляхетство» избрало депутатом некоего Селецкого, но этот депутат, один из немногих «резонабельных» представителей политики Румянцева, не согласился принять инструкции, написанной в автономном духе и ходатайствовавшей о восстановлении гетманства и старого строя. Тогда шляхетство выбрало другого депутата. Румянцев был этим чрезвычайно разгневан, нарядил военный суд над лицами, принимавшими участие в составлении наказа и отрешении Селецкого, и этот суд приговорил 33 лица ни более ни менее как — к смертной казни! Этот драконовский приговор, впрочем, был смягчен, но смертная казнь все-таки была заменена восьмимесячным тюремным заключением.

Екатерина вообще отнеслась к этому проявлению украинских стремлений гораздо спокойнее Румянцева. В ответ на его жалобы на украинское «коварство и своеволие», «фальшивые и им несвойственные республиканские мысли» она не придавала особого значения этим «умоначертаниям прежних времен». Она надеялась, что «желания к чинам, а особливо к жалованию» победят эти стремления к автономности и особности — и не ошиблась. Пожелания 1767 года остались преходящим явлением, и, встретившись с непреклонным решением правительства — покончить с украинскими старыми порядками, украинская старшина в большинстве удовольствовалась предоставленными ей сословными правами и выгодами и примирилась с утратою автономии.

Шаг за шагом правительство разрушало старый строй украинских земель. В 1764 г. одновременно с уничтожением гетманства организованы были губернии — Слободская, из полков Слободской Украины, и Новороссийская, основание которой составили городки и поселения укрепленных пограничных линий, но в которую включены были также и значительные пространства запорожских земель. Сечь протестовала против этого захвата, сопротивлялась всячески, но все это ничего не помогло и только обострило еще более отношения к ней центрального правительства и создало еще один лишний повод думать о скорейшем уничтожении этого последнего гнезда ошипанной и опутанной казацкой вольности.

Новая Сечь, выпросившая усердными мольбами у российского правительства право вернуться на старое попелище, была только слабою тенью Сечи Сирка и Гордиенка. Применяясь к новым условиям, сечевая старшина покорно исполняла требования российского правительства, усердно служила на войне, несла сторожевую службу и по мере сил старалась удерживать запорожскую вольницу от неугодных правительству нападений на соседние земли. Но обуздать ее было все-таки невозможно, и ее набеги на турецкие и татарские

владения и участие в гайдамацких ватагах соседней Польской Украины подавали повод к неудовольствиям петербургского правительства. Затем большим местом были пререкания из-за захватов запорожских земель. Уже при устройстве так наз. украинской линии ряд пограничных укреплений, соорудившихся в 1720—30-х годах, захватил северные части «запорожских вольностей», к величайшему неудовольствию Запорожья. Затем, начиная с 1730-х годов, правительство начало заселять эту линию поселением разных колонистов, между прочим сербских выходцев, в большом количестве. Первые партии их были поселены в 1732 г., а затем в 1750-х годах снова прибыло сюда и было расселено большое количество эмигрантов-сербов, организованных в военные поселения с подразделением на полки и роты. Эта «Новая Сербия» захватила весь северный край запорожских земель и вызвала новые пререкания со стороны запорожцев, с большим недружелюбием принявших новых соседей. Затем правительство начало организовывать тут пикинерские и казачьи полки из разного пришлого люда, привлекаемого обещаниями всяческих льгот, и наконец из этих поселений была образована Новороссийская губерния, в состав которой были зачислены соседние территории Гетманщины и новые порции запорожских земель. Запорожцы пробовали силою отстоять свои земли, не пускали межевщиков, разгоняли слободы, переманивали к себе поселенцев и тем возбуждали все большие неудовольствия в правительственных сферах. Правительство Екатерины, под влиянием Потемкина носившееся с широкими планами, для которых опорной базой должно было послужить Черноморское побережье, все более приходило к мысли о необходимости покончить с Запорожьем.

Напрасно его последний кошевой Петр Калнышевский, талантливый администратор, старался удерживать сечевиков от всяких конфликтов с правительственной политикой, колонизировал запорожские земли и содействовал переходу Запорожья от исключительно военного и ухаднического быта с сельскохозяйственным занятием, заводил земледельческие поселки. Правительство поставило Запорожью в вину эти культурные успехи, его конкуренцию с собственными колонизаторскими начинаниями, видя в ней препятствия для своих планов, и в конце концов решило задавить Сечь вооруженною рукою. В 1775 г. разосланы были военные отряды, которые должны были разоружить, застав врасплох, запорожцев, находившихся на промыслах, а генерал Текели с большими силами *, заняв запорожские «паланки», окружил Сечь 5 июня 1775 г. и объявил запорожцам, что запорожское казачество упраздняется. После некоторого колеба-

* Под его начальством против Запорожья было послано: 10 пехотных полков, 8 кавалерийских, 13 донских и 37 гусарских и пикинерских эскадронов. Кроме того, в случае надобности генералу Прозоровскому поручено было произвести диверсию со стороны Слободской Украины.

ния среди запорожцев верх одержали сторонники покорности с кошевым Калнышевским во главе: Сечь покорилась и была разрушена.

Императорским манифестом от 3 августа 1775 г. было объявлено об упразднении Сечи «с уничтожением самого имени запорожских казаков». Мера эта мотивировалась, однако, самым противоречивым образом: с одной стороны, тем что запорожцы, уклоняясь от семейного и хозяйственного быта, задерживают в диком состоянии занятый ими край, препятствуя распространению сельскохозяйственной культуры и торговли; с другой стороны, им ставилось в вину, что они в последнее время изменили своим традициям, начали переходить к сельскому хозяйству, поселили уже до 50 тыс. земледельческого населения¹⁵⁹ и, таким образом обеспечивая себе пропитание, ослабляют свою зависимость от России. С уничтожением Сечи запорожцам предоставлено было зачисляться в казацкие полки или в крестьянское звание. Калнышевского же и некоторых других старшин правительство распорядилось отправить в ссылку, — вероятно, опасаясь с их стороны какого-либо противодействия своим планам в будущем. Калнышевский — человек, достойный всякого уважения и ничем перед правительством не провинившийся, содержался тем не менее в ужасающей обстановке одиночного заключения в Соловецком монастыре до самой смерти (1801 г.).

В 1776 г. Запорожье считалось уже вполне ликвидированным, и в этом смысле Потемкин доносил императрице. Запорожцы, по его словам, частью расселились по городам и селам, частью вступили в пикинеры; из конфискованного имущества запорожской старшины образован капитал для содействия колонизации и т. п. Однако на деле ликвидация далеко не была осуществлена. Потемкин писал свой рапорт, не подозревая, что огромное большинство запорожцев в действительности уходило за границу, не мирясь с уничтожением Сечи. Под предлогом рыбной ловли и других промыслов они добывали паспорта и под их прикрытием проходили через заставы и команды, которыми были обставлены старые запорожские владения, собираясь у Днепровского лимана на турецкой территории. Летом 1776 г. собралось здесь уже до 7000 этих запорожцев-беглецов, и они рассчитывали основаться здесь под верховенством Порты. Когда известие об этом дошло до российского правительства, оно вызвало здесь большую тревогу. Чрез разных посредников и агентов начали склонять беглецов к возвращению в Россию, а Потемкин выступил с планом возобновления Запорожского Войска под властью России на какой-либо другой территории, чтобы привлечь туда беглецов. В 1783 г. уцелевшим запорожским старшинам поручено было собирать охотников для этого нового «Черноморского Войска». С другой стороны, делались усиленные представления султану о выдаче запорожцев или, по крайней мере, воспрещении им основываться вблизи границ России. Ввиду этих настояний Порты распорядилась перевести запорожцев за Дунай. Это не понравилось запорожцам, и значительная

часть их обратилась к австрийскому правительству с просьбою принять их для поселения в пределах Австрии. Эта просьба была принята, запорожцам были предоставлены для поселения и устройства их коша земли в Банате, на низовьях Тиссы, и в 1785 г. 8000 запорожцев поселилось здесь. Но пробыли они и здесь недолго и скоро ушли; обстоятельства ухода остаются ближе не известными: очевидно, одни запорожцы ушли в Россию, другие в Турцию, где устроились в низовьях Дуная.

Черноморскому Войску, сформированному в России, по окончании турецкой войны, в которой оно принимало весьма деятельное участие, были отведены для населения земли на низовьях Кубани, где оно и основалось в числе 17 тысяч, получив разрешение восстановить прежнее сечевое устройство и безданно и беспопшлинно заниматься хозяйством и промыслами. Запорожцев дунайских русская администрация продолжала переманивать в Россию, и в 1828 г., когда открылась новая война с Турцией, тогдашний кошевой Дунайской Сечи Осип Гладкий задумал возвратиться с войском в Россию. Чтобы расположить к этому запорожцев, он распустил слух, якобы турецкое правительство намерено переселить запорожцев в Египет, и, воспользовавшись походом против русских войск, присоединился со своим отрядом к русской армии. Это навлекло большую беду на оставшихся в Турции дунайцев: турки уничтожили запорожское войско, разрушили кош и расселили их остатки. А Гладкий со своим отрядом положил начало отдельному небольшому войску, так наз. Азовскому; просуществовало оно до 1860-х годов, когда было присоединено к Черноморскому и переселено на Кубань. Так закончилась запорожская одиссея.

Несмотря на все эти осложнения и хлопоты, к которым привело уничтожение Запорожья, российское правительство не отступало от своих планов ликвидации старых форм украинской жизни.

К 1780-м годам оно считало Гетманщину уже достаточно приготовленную к окончательному преобразованию по великорусскому образцу и приступило к последним реформам. При образовании губерний Новороссийской и затем Азовской в состав их была включена южная часть Гетманщины (Полтавский и часть Миргородского полка). В конце 1780 г. объявлено введение губернских учреждений в остальной Гетманщине. Самая реформа произведена была в 1781 г.; Малороссийская коллегия, генеральный суд и полковое правление были отменены; Гетманщина разделена на три наместничества — Киевское, Черниговское и Новгород-Северское; в них введены губернские учреждения. В 1783 г. украинские казацкие полки преобразованы в карабинерские, имперского типа; полковники были уволены в отставку с производством в чины бригадира, остальной старшине предоставлено на выбор — служить ли в офицерских званиях и новых чинах, или уволиться в отставку. Казаки составили особое военнослужебное сословие, из которого должны были комплекто-

ваться помянутые полки; прочее, крестьянское население было приравнено к положению крепостного сословия России. Уже указ 1763 г., решительно ограничивавший свободу перехода, сделал крупный шаг в этом направлении, а указ 1783 г., вводивший новое податное обложение, закрепил крестьянство Гетманщины окончательно и подвел под общеимперские нормы. Наконец, в 1785 г., с дарованием жалованной грамоты дворянству, были введены в Гетманщине дворянские учреждения, а казацкие чины переименованы в ранги империи.

Ликвидация старого строя Гетманщины вызывала, несомненно, сильное недовольство. В более смелых головах бродили мысли о борьбе с правительством, оживали старые планы искать поддержки против России у других держав. Так, напр., в 1791 г. в Берлин явился один из выдающихся представителей тогдашней украинской интеллигенции — Капнист — и, получив аудиенцию у министра Герцберга, заявил ему, что прислан своими земляками, доведенными до отчаяния «тиранией русского правительства и князя Потемкина». От имени земляков он спрашивал, могут ли они рассчитывать на протекцию Пруссии на случай восстания, если попытаются сбросить с себя «русское иго». По его словам, казацкое войско, лишенное своих старых вольностей и привилегий и преобразованное в регулярные общеимперские полки, очень недовольно своим положением и страстно желает восстановления старого строя, *ancienne constitution des Cosaques*. Герцберг дал на это уклончивый ответ и вообще не показал желания вести дальнейшие сношения с украинским эмиссаром. Капнист ввиду этого уехал, заявив, что дальнейшие сношения, если бы в них представилась надобность, могут вестись через его брата, путешествовавшего тогда по Европе.

Ни к какому серьезному противодействию этот ирредентизм, однако, не привел. «Желание к чинам и особливо к жалованию», к карьере и пожалованиям, к расширению и укреплению сословных преимуществ — все эти перспективы, которые открывало перед украинского старшиною центральное правительство, преодолевали «умоначертания прежних времен», как выражалась имп. Екатерина. Большинство украинского общества среди этих нивеллирующих реформ было озабочено главным образом тем, чтобы протиснуться в верхние привилегированные сферы той имперской организации, в которую эти реформы ввели Гетманщину.

Правление преемника Екатерины, имп. Павла, в связи с общею реакциею направлению предшествующего царствования, имело в виду восстановить старую организацию в аннектированных провинциях России. По отношению к Украине правительство возвратилось также к казацкому управлению (это объясняли также влиянием одного из довереннейших министров императора — Безбородька, сына известного нам генерального писаря времен Разумовского). Были восстановлены суды эпохи Разумовского и некоторые

другие учреждения. Но эта реакция была очень непродолжительна: со смертью имп. Павла (1801) начался поворот к екатерининским порядкам.

Надежды на восстановление старого строя, однако, долго не угасали. Правительство само еще не раз вызывало предположения о возобновлении казачества, прибегая в трудные минуты к набору казацких полков, причем для привлечения населения местная администрация подавала ему надежды на восстановление старого казацкого устройства, уничтожение податей, рекрутского набора и т. п., но затем все оставалось по-старому. Это имело место во время войны 1812 г. и затем во время польского восстания 1830 г. Но этот последний эпизод окончился для казаков очень печально: правительство, недовольное, вероятно, казацкими мечтами, распорядилось перечислить этих казаков-добровольцев в регулярную службу на 18 лет! Нескольким полкам было отправлено на Кавказ, и там эти казаки должны были остаться на жительство.

По иронии судьбы наиболее прочным наследием старого строя оказалось статутное право, адаптированное Гетманщиной: гражданское право Литовского статута осталось в силе и после реформы и в некотором объеме сохранилось и до настоящего времени в качестве местного права старой Гетманщины — Черниговской и Полтавской губерний.

XXV

ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

Еще несравненно скорее, чем в Левобережной Украине, исчезли формы общественных и экономических отношений, созданные великим народным движением, на Правом берегу Днепра.

Уже во время «руины» 1660—70-х годов, как называется это время в народной традиции, казачество и вообще население в Правобережной Украине очень уменьшилось численно и ослабело. С капитуляцией Дорошенка и переходом остатков казаков и прочего населения из Приднепровья на Левый берег, законченным Самойловичевским «згоном» 1679 г., казачество вовсе прекратило свое существование в Правобережной Украине, за исключением Киева с его округом, принадлежавшим к Левобережной Гетманщине. Но это пока был только недолгий перерыв.

Старания Москвы — оставить правобережное Приднепровье в состоянии незаселенной пустыни — не увенчались успехом. Турция не согласилась на это требование при ратификации трактата 1681 г., а хотя при заключении «вечного мира» 1686 г. с Польшей московское правительство выговорило, что впредь до решения вопроса о

приднепровской полосе она должна остаться незаселенною *, но польское правительство вовсе не придавало серьезного значения этому условию.

Турки вслед за трактатом 1681 г. сделали было попытку возобновить гетманство и снова колонизировать Приднепровье, но эта попытка имела очень эфемерное значение. Зазывы на слободы, правда, привлекали значительное количество переселенцев из Левобережной Украины: правобережные эмигранты, не найдя в Левобережной Украине свободных земель и встречаясь с притязаниями зарождавшегося помещичьего класса и крепостническими отношениями, в большом числе уходили назад на Правый берег; возвращались и старые поселенцы. Эту перспективу предвидел Самойлович, и потому при заключении трактата с Турцией так горячо возражал против требования Турции, чтобы левобережному населению не ставились препятствия перехода за Днепр; но Турция тогда настояла на своем. Однако удержать под своею властью этой колонизации турецкое правительство не сумело. Польское правительство, перешедшее уже перед тем в наступательную борьбу против турецкой оккупации, разрушило турецкие попытки казацкой организации, и тогда же, в 1680 годах, они прекратились. Больше значения имели попытки возобновления казачества со стороны Польши.

Такие попытки польское правительство начало делать с самого возобновления войны с Турцией, после Бучачского трактата, ценя в казаках незаменимый военный элемент, особенно в борьбе с турками и татарами. В известном походе Собеского для освобождения Вены 1683 г. на вербованные казацкие отряды сыграли очень выдающуюся роль. Затем от вербованья таких казацких полков Собеский перешел к возобновлению поселений. Благодаря его стараниям сейм 1685 г. издал конституцию, восстанавливавшую казачество и обещавшую ему возвращение давних вольностей. Собеский предназначил для этого нового возобновленного казачества земли на юг от р. Роси; он разослал универсалы, обещавшие всякие льготы поселенцам, и, выслав агентов в Запорожье, призывал поселенцев.

Этот призыв Собеского нашел живой отклик. Нашлись люди с организационными талантами, с большим успехом занявшиеся заселением запустевшего Приднепровья и Побужья, привлекая в большом числе поселенцев и из украинских земель, находившихся под властью Польши, и из-за Днепра. Таковы были полковники (как они себя титуловали) — Зах. Искра в Корсуне, Самусь Иванович в Богуславе, Абазин на Побужье, и особенно Семен Палий, наиболее популярный из них, расположившийся на север от Роси в местечке Фастове. Опустелые пространства заселялись быстро. Из Левобереж-

* В трактате было постановлено оставить Правый берег Днепра незаселенным впредь до нового решения о нем, и так как такового решения не состоялось, то этот край по букве трактата должен был остаться незаселенным.

ной Украины, особенно из соседних полков: Гадячского, Миргородского, Лубенского посполитые шли массами, несмотря на расставленные над Днестром заставы. «У всех одна мысль — идти за Днестр» — доносили в Москву. Это была стихийная реакция против панских порядков Гетманщины, против экономической политики старшины, и она очень встревожила последнюю. Палий рисовался в представлении народных масс идеальным казаком, сверхъестественным героем, носителем народных идеалов справедливого устройства общества и противопоставлялся с этой точки зрения «поляку» Мазепе. Для последующих поколений он остался излюбленным героем народных песен и рассказов; вероломный захват его Мазепой оделся легендарными и сказочными подробностями и доселе в этом виде живет в народной традиции.

Быстрый рост колонизации в правобережном Приднепровье доставил значительные силы полковникам этого возрожденного правобережного казачества. Они оказывали ценные услуги польскому правительству в борьбе с татарами, и оно склонно было относиться к ним снисходительно. Жалобы шляхты соседних областей, много терпевшей от нападений возрожденного казачества, «казаченья» их подданных и побегов крестьян, долго оставались без отклика. Но в конце концов конфликт был неизбежен. Вся эта возрожденная казаччина и ее колонизация проникнуты были величайшим нерасположением к Польше и шляхте, и это нерасположение разделяли и вожди ее. Уже в 1688 г. Палий обращается к гетману Мазепе с просьбой взять на себя посредничество в переговорах с московским правительством, чтобы оно приняло под свою протекцию его Фастовщину. Но московское правительство тогда было уже в союзе с Польшей и не хотело портить отношений: оно предложило Палию перейти со своими казаками на Запорожье и оттуда на Левый берег, если они хотят быть под московскою протекциею. Такого проекта Палий принять, конечно, не мог: ему хотелось сохранить территорию.

Сношения Палия между тем стали известны полякам: он был арестован, однако успел бежать. После этого он переходит уже к более открытым действиям против Польши, хоть до поры до времени старается избегать резких конфликтов. Он повторяет старую казацкую тактику — старается расширить возможно больше территорию казацких поселений за счет соседней помещичьей колонизации; крестьяне «казачатся», прогоняют помещиков и начинают поговаривать о том, что «ляхов нужно прогнать за Вислу, чтоб и ноги их не осталось». Польское правительство пыталось остановить Палия, посылало против него военные отряды — особенно с тех пор как перестало нуждаться в казаках для борьбы с татарами, после прекращения войны с турками. Последняя окончательно закончилась Карловицким трактатом 1699 г., возвратившим Подолье обратно Польше, и сейм решил с 1700 г. упразднить казацкое войско. Это был откры-

тый вызов — и казаки не замедлили перейти к наступательным действиям.

Обстоятельства им благоприятствовали — польское войско было занято войною со шведами. Палию удалось овладеть важной крепостью — Белой Церковью, в то время составлявшей опору польской власти на Украине; он перенес сюда свою резиденцию. Самусь взял другую важную позицию — Немиров. Восстание распространилось на Подолье. Но здесь, на юге, казачья колонизация была довольно слаба, и когда в 1703 г. двинулось на Подолье польское войско под начальством польного гетмана Сенявского, ему без труда удалось рассеять слабые отряды Абазина и Самуся. Абазин был казнен, Немиров взят, Подолье залито кровью восставших. Но на Киевщину, на Палия Сенявский напасть не отважился, удовольствовавшись дешевыми лаврами подольской кампании.

Но на Палия пришла беда оттуда, откуда он менее всего мог ее ожидать. С прочими полковниками он продолжал просить русское правительство о принятии его под свою протекцию, и Мазепа поддерживал эту просьбу, желая присоединить под свой регимент правобережные земли. Но русское правительство каждый раз отказывало, а с тех пор как Польша стала союзницею России против шведов, оно даже советовало Палию оставаться покорным по отношению к Польше. Наконец, уступая просьбам поляков о помощи для усмирения Палия, Петр пообещал им в 1704 г. принудить его к покорности. Тогда Мазепа, не желая упускать Правобережную Украину из своих рук, а с другой стороны, опасаясь Палия как небезопасного демагога и соперника, дал делу совсем неожиданный оборот.

Мазепа находился тогда за Днепром, в походе против шведских партизанов в Польше; пригласив к себе в лагерь Палия, он распорядился его арестовать, а полковником в Белую Церковь на место Палия послал своего родственника Омельченка. Палиевы казаки, большая часть которых, впрочем, в момент этого неожиданного удара находилась в войске Мазепы, хотели было сопротивляться. Но белоцерковские мещане, не ожидая от этого сопротивления ничего хорошего для себя, сдали город, и Омельченко стал правителем Фастовщины. Перед Петром Мазепа обвинил Палия в сношениях со шведскою партией в Польше. Это было совершенно неосновательное обвинение, но тем не менее Палий был сослан в Сибирь (в Тобольск) и возвращен оттуда только после перехода Мазепы на сторону Швеции. По своем возвращении разбитый ссылкой старик не играл уже никакой роли, и управление правобережными казаками было поручено его зятю Танскому.

Хотя Мазепа поступил в этом случае совершенно несогласно с намерениями Петра (это был первый случай, где он позволил себе явно разойтись с планами центрального правительства), но благодаря тогдашним смутам в Польше его поступок не вызвал неудовольствия у Петра. На требование польского правительства, чтобы

правобережное Приднепровье было передано ему, Петр ответил, что это было бы несвоевременно ввиду существования сильной шведской партии среди польских магнатов. Правобережное казачество не только сохранило свою территорию, но даже расширило ее: не только киевские и браславские полки перешли под регимент Мазепы, но и Поднестровье оказачилось и примкнуло к ним. Мы видим здесь полки — Белоцерковский, Корсунский, Богуславский, Чигиринский, Браславский и Могилевский, хотя и с численно слабым населением и очень небольшими казачьими контингентами. С принципиальной точки зрения Мазепа очень дорожил этим приобретением, и когда Петр на конференции с польскими магнатами в Жолкове в 1707 г. дал обещание немедленно вернуть правобережные земли Польше и велел Мазепе передать Белую Церковь польским войскам, Мазепа под разными предлогами не исполнил этого распоряжения и удержал эти земли под своею властью до конца.

После падения Мазепы и избрания Скоропадского правобережные полки, как я упоминал, также признали гетманом последнего. Но Скоропадский не обладал достаточною энергиею, чтобы отстоять эту Правобережную Украину, как отстаивал ее Мазепа. В 1711 г. после неудачного прутского похода Петр отказался от Правобережной Украины. Турция предназначала ее для независимой Украины Орлика, но — как мы знаем — не поддержала его энергично и не воспрепятствовала завладеть Правобережною Украиною Польше, непосредственно после этого трактата заявившей на нее свои притязания. Однако, отказываясь от правобережных полков в пользу Польши, Петр возвратился к старому плану: опустошить их и перегнать население в Левобережную Украину. Об этом было объявлено населению еще осенью 1711 г., и затем, в продолжение 1711—14 гг., воинские команды выселяли и переводили за Днепр население правобережных полков. По окончании выселения, в 1714 г., сдана была полякам Белая Церковь, и поляки вступили окончательно во владение правобережным Поднепровьем.

Казачество здесь было уничтожено теперь окончательно. Небольшие контингенты, возобновленные позже в приднепровских староствах и сохранившиеся в них до второй половины XVIII в., не имели значения. Тем менее могли идти в счет так наз. «надворные казаки»: так назывались вооруженные отряды, содержавшиеся каждым магнатом и вообще каждым значительным помещиком для надобности «двора»; такие отряды «дворовых казаков», рекрутировавшиеся из местного населения, снаряженные по-казацки, появляются уже в конце XVI в. и существуют до конца XVIII в. Во время народных движений этого столетия они нередко примыкали к последним, представляя довольно небезопасный для своих польских хозяев горючий материал, но самостоятельного значения не имели. Планы восстановления настоящего казачества, казацкой организации всплывали во время народных движений XVIII—XIX вв., но осуществить их не пришлось.

Со вторым десятилетием XVIII в. потомки и наследники шляхтичей-землевладельцев Правобережной Украины могли, наконец, беспрепятственно вернуться в свои имения и заняться восстановлением прежнего хозяйства. Киевские, браславские, подольские земли покрылись «слободами», куда обещанием долголетней свободы от повинностей и всякими льготами специальные агенты зазывали крестьян из населенных местностей, а так называемые «выкотцы» сманивали и вывозили этот рабочий инвентарь в новооснованные имения. Массы народа двинулись снова — главным образом из Полесья и Западной Украины, и очень скоро, уже во второй четверти XVIII в., правобережные земли получили очень значительное население. Возобновилось помещичье хозяйство, а с истечением льготных сроков вошли в полную силу помещичьи порядки Польши. Впрочем, ввиду тех смут, о которых я буду говорить ниже, и вообще непрочности здешних отношений помещичья власть и эксплуатация крестьянского труда все-таки были здесь значительно слабее, чем в Западной Украине. Не только на самом театре движений, но и в местностях, сравнительно удаленных от этих движений, напр., в Житомирском повете, еще в третьей четверти XVIII в. панщина часто ограничивается двумя днями в неделю с хозяйства, при небольших сравнительно денежных и натуральных даях, и только по переходе этих земель под власть России достигли такого, как там, напряжения и силы.

Причина лежала в том, что возобновление шляхетского господства в Правобережной Украине вызывало, по свежим традициям недавнего прошлого, довольно сильный, хотя и неорганизованный народный протест, выразившийся в движениях, получивших общее название «Гайдамачины». Этим именем называли с начала XVIII в. разбойничьи ватаги, рекрутировавшиеся преимущественно из крестьян¹⁶⁰. Такие ватаги не переводились в украинских землях под разными именами дейнек, левенцов, опрышков, а в правобережном Поднепровье XVIII в. их обыкновенно называют гайдамаками*. Подобно южнославянским гайдукам и ускокам они после исчезновения казачества служили выражением народной оппозиции ненавистному общественному строю и потому находили широкое сочувствие в народных массах. С 1730-х годов, когда Сечь, перейдя из татарских владений на старые места, придвинулась к границам Правобережной Украины, гайдамацкие ватаги находят в ней сильную опору; отсюда они выходят и сюда затем укрываются, и запорожцы в большом числе принимают участие в гайдамацких отрядах.

Вступая в правобережные земли, эти гайдамацкие «загоны» находили широкое сочувствие и пособничество; к ним присоединялись не только авантюристы из разного рода бездомных людей всех

* Значение названия неясно — производят это слово от арабско-турецкого *гайда*, *гайде-мак* в значении: смутьянить, своевольничать.

сословий, но и масса крестьян. Жажда добычи и приключений смешивалась с мотивами национальной и социальной борьбы и мести. Из таких же национально-религиозных мотивов деятельными пособниками гайдамаков являлись киевские мещане и монахи киевских и других пограничных православных монастырей. Благодаря слабости администрации и отсутствию войск эти гайдамацкие движения в правобережном Поднепровье во второй и третьей четверти XVIII в. стали хроническим явлением, а временами проявляли очень значительную силу, обнимая большие территории и приводя в движение огромные массы крестьянского населения. Эти обстоятельства и послужили сильным препятствием к развитию шляхетского хозяйства и крепостнических отношений на Правобережье.

В первый раз гайдамацкое движение приняло широкие размеры в 1734 г. Бескоролевье по смерти короля Августа II (ум. 1733), сопровождавшееся вооруженною борьбою партий на польской территории с участием иностранных войск, междоусобные смуты среди поляков, образование в пользу кандидатуры Стан. Лещинского конфедерации (вооруженной лиги) в воеводствах Киевском, Подольском, Браславском и Волынском, сопровождавшееся вооруженными наездами шляхты на своих противников и полную анархию, — все это весьма благоприятствовало гайдамакам. Когда русские и украинские войска для борьбы с партией Лещинского были введены в Правобережную Украину, это послужило сигналом для массового восстания, охватившего Киевское, Браславское и Подольское воеводства. Украинское население сочло приход этих войск за предвестие оккупации, освобождения от польского и шляхетского владычества, а призыв к борьбе с партией Лещинского — за призыв к восстанию. Особенно сильное движение развилось в Браславщине. Тут некто Верлан, начальник дворовых казаков кн. Любомирского, ссылаясь на грамоту имп. Анны, якобы призывающую крестьян истреблять ляхов и евреев и формироваться в казацкие полки, вызвал чрезвычайно сильное и довольно организованное восстание. Из Браславщины он затем перешел в Подолию и южную Волынь, взял Неванец и Броды, а его отряды проникали в окрестности Каменца и Львова. Конец восстанию положило только прекращение бескоролевья, когда русские войска в качестве союзников нового правительства (короля Августа III) сами занялись усмирением восставших. Верлан с товарищами, полковниками сформированных им казацких полков ушел в Молдавию, другие укрылись в запорожских владениях.

Новое напряжение гайдамацких движений имело место в 1750 г. На этот раз оно не имело внешних благоприятных условий, а было результатом прогрессивного усиления гайдамацких ватаг, после 1734 г. почти непрерывно вторгавшихся в Правобережную Украину, при полном отсутствии обороны. В продолжение почти всего 1750 г. Киевское и Браславское воеводства на всем почти протяжении — до границ Полесья — были во власти гайдамацких ватаг и восстав-

ших крестьян. Целый ряд городов и замков, даже более значительных, как Умань, Винница, Летичев, Фастов, Радомышль, были взяты и разграблены гайдамацкими отрядами. Только отсутствие организации в восстании было причиною, что оно само собою отшумело и улеглось, не встретив никакого отпора ни со стороны правительства, ни со стороны местной шляхты.

Но наиболее сильно было движение 1768 г. — так наз. Коливщина (от слова колий, колии, как назывались отряды восставших) *. Почва для его развития на этот раз была приготовлена опять внешними событиями. Так наз. Радомская конфедерация, созданная при участии России в интересах диссидентов, против короля и его партии, призвала на помощь русское правительство, которое снова ввело свои войска в границы Польши, в правобережные земли. Против Радомской конфедерации, против диссидентов и России создана была другая конфедерация в Баре, на Подолии. Настала полная анархия, особенно дававшая себя чувствовать в украинских провинциях Польши, и среди этой сумятицы широко разыгралось народное движение. Диссидентский вопрос, послуживший России поводом для вмешательства в польские дела, борьба между православным и униатским духовенством, происходившая в это время в Киевском воеводстве и сопровождавшаяся притеснениями и истязаниями сопротивлявшихся православных, придали движению религиозную окраску. Выдающуюся роль в местном религиозном движении играл игумен Мотронинского монастыря (около Чигирина) Мельхиседек Значко-Яворский, бывший наблюдателем православных приходов Правобережной Украины, и его же считали одним из инициаторов народного движения, во главе которого стал запорожец Максим Зализняк, проживавший в качестве послушника в том же монастыре.

Для привлечения народа, как и в 1734 г., пущены были слухи о «золотой грамоте» имп. Екатерины, призывавшей к восстанию. Сохранившиеся копии этой грамоты подложны, и самое движение, с точки зрения политики правительства Екатерины, было нежелательно; но это не исключает возможности, что со стороны российских властей действительно допущены были заявления, которые содействовали народному движению, вселяя убеждение, что ему сочувствует сама императрица.

Движение началось в конце апреля 1768 г., когда Зализняк из Мотронинского леса со своим отрядом вышел в Медведивку и отсюда, призывая народ к восстанию, собирая всякий охочий люд, прошел через южную часть Киевского воеводства в окрестности Умани, наиболее значительного в то время города этого края, разоряя по дороге панские усадьбы, помогая крестьянам громить и изгонять униатских священников и т. п. В окрестностях Умани к нему присоединился

* Обыкновенно производят от слова «колоти», колоть — так сказать, «колотель», избиватель.

сотник надворных казаков Потоцкого, владельца Умани. Человек взысканный милостями своего помещика, он, однако, решил примкнуть к восстанию, вошел в сношения с Зализняком, и когда последний приступил к Умани, Гонта присоединился к нему со своими казаками. Это решило судьбу Умани, она была взята гайдамаками, и собравшиеся здесь из окрестных местностей поляки и евреи подверглись избиению; впрочем, размеры этой резни, несомненно, сильно преувеличены в мемуарах, на которых главным образом опираются наши сведения об этом все еще не разъясненном достаточно эпизоде. Другие вожди гайдамаков в это время подобным же образом «очищали» Киевское воеводство от поляков и евреев в других направлениях: Семен Неживый громил католиков и униатов в окрестностях Черкасс, Иван Бондаренко — в Полесье, в окрестностях Радомышля, Яков Швачка — в окрестностях Белой Церкви; последний считался особенно жестоким истребителем поляков и евреев, и в Фастове, где находилась его квартира, позднейшая следственная комиссия насчитывала осужденных им и убитых до 700 душ.

Но движению не суждено было продолжаться долго. Барская конфедерация была усмирена, и польское правительство обратилось к русскому с просьбою подавить гайдамацкое движение. Екатерина отозвалась на эту просьбу с полною готовностью, так как движение не отвечало ее планам, а вдобавок она хотела очистить себя от подозрений в издании агитационной грамоты. Русские войска обращены были на усмирение восстания, оно было залито кровью и закончилось массовыми казнями предводителей и участников: захваченные русскими войсками или укрывшиеся на территорию украинских провинций империи в надежде на покровительство русских властей участники движения были выдаваемы польским властям и подвергались казням, нередко изысканно-мучительным. Польская военно-судная комиссия, заседавшая в Кодне (в Житомирском повете), оставила о себе страшную память в населении.

Это было последнее массовое движение. Правда, в 1788—89 гг. распространились слухи, что на Украине готовится новая Колиивщина «сыном Гонты», и эти рассказы навели большой страх на шляхту: были учреждены судебные комиссии, арестовавшие и даже казнившие множество людей; но в конце концов эти слухи оказались ложными. Польско-русский террор 1768 г. возымел очевидное действие. С переходом же Правобережной Украины под власть России массовые народные движения не могли уже иметь места. В Галиции также австрийское правительство положило конец разбоям опрышков, гнездившихся в Карпатских горах, у венгерской и молдавской границы. Они занимались разбоем проезжих купцов, шляхты и евреев и благодаря своей смелости и разным приключениям пользовались сочувствием и популярностью у народа, идеализировавшего их в своих рассказах и песнях¹⁶¹. Главным героем их остался Олекса Довбуш, воспетый в песнях, опоэтизированный в многочисленных

преданиях; а в качестве предводителя опрышков он известен по документам с 1738 г. по 1745, когда его убили из засады.

Старые традиции казачества, однако, не умирали долго и в Правобережной Украине. Так, Крымская война и формирование крестьянских ополчений в 1855 г. вызвали в Киевской губернии своеобразное народное движение с целью освободиться от крепостного гнета путем восстановления казачества. Чтение в церквах манифестов, в которых правительство призывало население к участию в обороне государства, вызвало во многих местностях Киевской губернии своеобразные заявления со стороны крестьян: они изъявили свою готовность идти на защиту России и для этого просили записать их в казаки. В качестве казаков они надеялись, по старой традиции, освободиться от власти помещиков и администрации, от барщины и других повинностей; прорывались и более радикальные планы перестройки общественных и политических отношений. Администрации, пытавшейся доказать неуместность этих желаний, крестьяне не хотели верить и подозревали, что она затаивала «царскую грамоту», поголовно призывавшую народ в казаки, совершенно так же, как в 1734 и 1768 гг. Местами дошло в конце концов до кровавых сцен и битв с войсками.

XXVI

ЗАПАДНАЯ УКРАИНА

Итак, чрезвычайные усилия, предпринятые в XVII в. украинскими народными массами, чтобы разбить сковывавшие народную жизнь социальные и национальные путы, как мы видели, ни к каким существенным улучшениям в сфере социальных отношений не привели. Национальные и культурно-религиозные стремления, связывавшиеся с этим народным движением, также не выиграли в общей сложности ничего: если в некоторых местностях можно было констатировать известный успех (напр., Восточная Украина ушла от унии и насильственного ополячения), то в других отношениях положение дел еще более ухудшилось, и даже весьма существенно.

После того как усилия, предпринятые украинским обществом для защиты своей национальной религии и равноправности в конце XVI и начале XVII в., оказались бессильными сломить упорство правительства и клерикально настроенных польских элементов, под влиянием сознания этой безвыходности начинается заметный прилив украинских культурных сил и вообще элементов, наиболее радикально и непримиримо настроенных, в Восточную Украину, где под покровом казачества открывалась новая арена национального движения и борьбы. Выше было отмечено, что национальное культурное движение, создающееся в Киеве во втором и третьем десятилетиях

XVII в., было подготовлено и создано руками галицких выходцев. Создавая новые, очень ценные с точки зрения национальных интересов очаги украинской жизни в Восточной Украине, этот отлив культурных сил все же решительным образом ослаблял украинскую жизнь на Западе: не только внешними неблагоприятными условиями, но и этим исходом наиболее деятельных и энергических работников объясняется падение культурной и национальной жизни, замечающееся в XVII в. в Галиции.

Затем пришло великое народное движение середины XVII века. Западную Украину — Галичину, Подолию, Волынь, Побужье — оно только задело и пронеслось мимолетною бурей. При первых известиях о победах Хмельницкого началось тут брожение, перешедшее в бурное движение с приближением его к границам Галиции. В Сокале, Тернополе, Заболотове, Товмаче, Янове, Яворове, Рогатине, Калуше и их окрестностях поднимаются более или менее значительные движения, охватывавшие нередко значительные пространства; местная украинская шляхта и мещанская старшина становятся во главе восставших крестьян, организуют их в военные отряды, разрушают католические церкви и монастыри, разоряют помещичьи усадьбы и замки, вводят казацкое устройство. Почва для социального переворота оказалась благодарная, но Хмельницкий, далекий в этот момент от таких широких планов, жаждавший поскорее удалить этот неожиданно затянувшийся и обострившийся инцидент, нисколько не позаботился о том, чтобы поддержать начавшееся движение. Он оставил Западную Украину вне сферы своего восстания, и лишенное поддержки движение скоро упало и улеглось. В окончательном своем результате не поколебав сколько-нибудь существующего строя, оно обострило еще более национальные отношения, и непосредственно за ним обнаружилось с полной очевидностью ослабление украинского элемента и ухудшение условий его жизни. Движение это ослабило здесь украинский элемент, как новое кровопускание. Все более энергичное было увлечено восстанием и после его неудачи ушло туда, где кипела борьба; то, что осталось, подверглось еще большему гнету восторжествовавших польско-шляхетско-католических элементов. Эти элементы выступают теперь с особенною силой и нетерпимостью. Народные движения дают им богатый арсенал подозрений и аргументов против украинского населения, против признания за ним каких-либо прав. Украинские же элементы, утратив ту моральную поддержку, какую давала им Восточная Украина, не пользуются у правительства даже тем небольшим вниманием и защитой, какую они находили, когда за их плечами стояло казачество и население восточных провинций. Остатки православной шляхты, не примкнувшие к казацкому движению, оттолкнутые резкими формами его, сами в значительной степени теснее примыкают к господствующей польской национальности. А индивидуальности, более живо чувствовавшие свою национальность и ее унижение, продолжали и позже

отливать туда, где украинская национальность жила полнее и свободнее.

В результате начиная с половины XVII в. Западная Украина в верхних слоях своего населения ополячивается чрезвычайно скоро и сильно. Если уже в 1610 г. автор «Тренаса» оплакивал утрату целого ряда выдающихся православных магнатских родов, то к концу XVIII в. даже на Волыни осталась только небольшая горсть православных шляхетских родов, а в Галичине и Подолии они исчезли почти без остатка — уцелели только мелкие роды, бытом и достатком стоявшие ближе к крестьянину, чем к шляхте. Это было очень неблагоприятное обстоятельство, так как голос в государстве имела ведь только шляхта. Прежде шляхетские сеймики Волыни и восточных земель были передовыми бойцами за интересы национальной жизни — во второй половине XVII в. голоса их раздаются все слабее и слабее в защиту украинской народности и вовсе замолкают с концом столетия. Редеют и ряды мещан — ополячиваются зажиточные, влиятельные роды больших городов, отстаивавшие права своей национальности; остается беспомощная и безгласная *misera plebs*¹⁶². Представителями украинской народности остается главным образом крестьянская масса, инертная и темная, сохраняющая свою национальность именно только силою этой темноты и косности, и почти такое же темное сельское духовенство. Все, что хотя несколько поднималось над этим уровнем, увлекалось потоком полонизации. Национальное самосознание понизилось до неясного инстинкта или подменялось религиозным сознанием. Вместо различия национальностей фигурировало различие религий — православной и католической, так что переход из православия в католичество понимался как отречение от своей национальности. Да таким он и был в действительности, так как перешедший в католичество принимал обыкновенно польский язык и культуру, становился поляком сам и в том же направлении воспитывал и свое потомство.

Культурное оживление, литературное и просветительное движение, проявившееся в конце XVI и в начале XVII в., заглохло, не успев выйти из тесного круга чисто религиозных, полемических интересов. Как ни жизненны были в свое время вопросы религиозной полемики, их было недостаточно, чтобы эта литература могла стать мощным двигателем национальной культуры. Даже народного языка не ввела она в литературу, довольствуясь макароническим церковнославянским, с примесью народных — украинских, белорусских и польских элементов, а сплошь да рядом пользовалась и польским языком в интересах более успешной полемики. И по мере того как литературная работа сосредоточивалась в Киеве, в Западной Украине она гложет все более и более.

Между тем Киев с 1648 г. фактически выходит из Польского государства, и связи с ним западных украинских земель постепенно ослабевают все более и более. Польско-русское соглашение 1667 г.

отрезало новой границей западную часть Украины от восточной, где сосредоточивалась тогда вся украинская жизнь. Взрыв негодования, вызванный этим фактом, был отзвуком верной оценки этого факта, по живому телу разрезывавшего украинскую территорию. Со своей стороны польское правительство приложило свои старания к тому, чтобы ослабить сношения и связи украинских земель, оставшихся в составе Польши, с Восточной Украиной и другими православными землями. В 1676 г. сейм издает закон, под страхом смерти и конфискации имущества воспрещавший православным выезжать за границу и приезжать из-за границы, поддерживать сношения с патриархами и обращаться к ним за решением вопросов религии; братствам велено было подчиняться своим епископам, а в спорных вопросах обращаться не к патриархам, а к польским судам. С другой стороны, насильственное подчинение Киевской митрополии московскому патриарху, которого не хотели знать западные украинские земли (1685), создавало внутреннее отчуждение в недрах самой православной украинской церкви, которое не замедлили использовать враждебные силы. По мере того как церковь и школа Восточной Украины волею и неволею подпадали влияниям московским, обрусению, они неизбежно становились по духу чуждыми Западной Украине, остававшейся под польскими влияниями. Нарастало все большее внутреннее расхождение, которое могло бы быть нейтрализовано только развитием национальной культуры но именно она переживала тогда период своего падения в Восточной Украине и еще более — в Западной.

Здесьние братства, служившие очагом национальной жизни в продолжение предшествовавшего столетия, теперь падают и теряют значение. В период своего развития они были сильны поддержкой шляхты и родовитого мещанства, а с ополчением тех и других приходят в упадок, — впрочем, падает вообще городская жизнь под влиянием неблагоприятных условий шляхетского режима. Львовское украинское мещанство, на плечах своих вынесшее Львовское братство и сделавшее его национальным центром Западной Украины, страдает одновременно от общего захудания города и от специальных репрессий, падавших на православных. Братская школа, составлявшая его украшение и гордость, совершенно упадает. Издательская деятельность сводится почти исключительно к изданию богослужебных книг, которыми она снабжала всю Западную Украину. Эти книги служили для братства источником дохода, и братчики ревниво следили, чтобы во Львове не появлялось другой славянской типографии; но культурное значение братских изданий было очень невелико, и авторитет братства в национальной жизни все более отходил в область преданий.

Это падение национальной жизни, ее моральных сил, и особенно внутреннее расхождение, нараставшее между Украиной Западной и Восточной, с новой силою вызывают усыпленные предшествую-

щими неудачами аппетита, спекулировавшие на падении украинской жизни.

Церковная уния, так дружно отраженная в начале XVII в. и приведенная на край гибели, так как во время переговоров польского правительства с казаками (1649—1658) ей грозило даже полное уничтожение, в последней четверти XVII в. с новой силой надвигается на западноукраинские земли. У польского правительства оказались усердные искусные приспешники среди самой украинской иерархии. Первую роль среди них сыграл Иосиф Шумлянский, православный галицкий шляхтич, перешедший на унию, потом снова возвратившийся в православную церковь, чтобы стать епископом львовским. Осуществив свое намерение (1667), он с другими подобными спекулянтами начинает изготавлять почву для введения унии в западных епархиях. Его союзником является Иннокентий Винницкий, нареченный епископ перемышльский, Варлаам Шептицкий, претендовавший на кафедру холмскую, и др. Сам Шумлянский стремился получить митрополичьи права и бенефиции, после того как польское правительство, арестовав митрополита Тукальского, оставило православных Польши без митрополита. Узнав о таких настроениях епископов, тогдашний король Ян Собеский рассчитывал привести православных к унии и с этою целью в 1680 г. назначил собор во Львове для православных и униатов; но Шумлянский и его товарищи, наученные историею Брестской унии, не считали возможным вести дело соборным путем; уклонившись от участия в соборе, они рекомендовали правительству приготовить унию фактически, замещая все влиятельные позиции людьми, склонными к унии, и располагая к ней население всяческими льготами для униатов и стеснениями для православных. Правительство приняло этот план и начало этим путем готовить почву для унии. Православное население подвергается целому ряду новых стеснений. Так, в 1699 г. сейм издает закон, разрешающий занимать выборные городские должности только униатам, но не православным; в Каменце, возвращенном в это время Польше, воспрещено жить православным — наравне с евреями. С другой стороны, стараниями правительства, шляхты и епископов-униатов ряды православного духовенства все более разрежаются более или менее горячими сторонниками унии.

Так подкапывалось постепенно положение православной церкви, и когда епископы-заговорщики решились снять маску, действительно, провозглашение унии не встречает нигде сколько-нибудь энергического сопротивления. Первым сделал это Винницкий, провозгласивший унию в своей епархии открыто в 1691 г. Упорствовавшее духовенство подвергалось репрессиям со стороны духовной и светской власти и помещиков, и это воздействие делало настолько успешно свое дело, что в 1761 г. в перемышльской епархии уже не было налицо (или по крайней мере считалось, что не было) ни одной православной церкви. Более осторожный Шумлянский медлил, считаясь

с возможной оппозицией старого и ослабевшего, но все еще не потерявшего окончательно своего значения Львовского братства. Он провозгласил унию в своей епархии в 1700 г. Братство действительно пробовало игнорировать этот факт, тогда Шумлянский обратился к открытому насилию, захватив при помощи военной силы братскую церковь. Братчики пытались бороться, но обстоятельства были слишком против них. Когда в 1704 г. шведы обложили Львов и потребовали контрибуцию, поглотившую все средства братства (120 тыс. золотых), а Шумлянский вслед за тем устроил при своей кафедральной церкви типографию, грозившую своею конкуренциею подорвать окончательно самое существование братства, братчики не выдержали и смирились. Уния утвердилась в епархии Шумлянского — в восточной Галиции и Подолии. Только Великий Скит в Маняве, основанный в 1611 г. другом Вышенского Иовом Княгиницким, остался при православии до самого конца польской Речи Посполитой и был закрыт уже австрийским правительством в 1785 г.

Немного позже, с 1711 г., окончательно попала в руки униатского духовенства также Волянь. Уже в 1680-х годах на луцкую кафедру Шумлянский провел своего брата Афанасия, но он не решался открыто выступить со своим униатским исповеданием веры. Его преемники тоже не желали или не решались стать на сторону унии, и в конце концов дело окончилось насильственным изгнанием последнего православного епископа Кирилла Шумлянского в 1711 г., после чего епархия всецело переходит в руки униатов. Утвердившись на Воляни, они в половине XVIII в., с перенесением резиденции униатских митрополитов в Радомысль, весьма энергически принимают за подчинение унии киевских земель, но здесь гайдамацкие движения, поддерживавшие православную оппозицию, представляли серьезное препятствие, особенно в ближайших по Днепру местностях.

Одновременно подобная же борьба, окончившаяся также торжеством унии, разыгрывалась и в Закарпатской, Угорской Украине.

До сих пор, следя за историческим процессом, развивавшимся в украинских землях, мы не имели случая говорить об их закарпатской окраине: отчужденная политически, она жила своей особой жизнью, не участвуя в тех перипетиях, какие переживала остальная Украина, и не вносила почти ничего в общую жизнь Украины. Впрочем, ее жизнь в предшествующих столетиях очень мало нам известна: даже по основным пунктам ее истории — о начале и развитии украинской колонизации за Карпатами — существуют большие разногласия. В продолжение нескольких столетий это территория занимала межеумочное положение между Венгрией, с одной стороны, и государственными организациями украинскими — с другой. В моменты усиления Венгрии венгерские короли, как мы знали, стремились переступить за Карпатский хребет и присоединить галицкие земли к своему государству, и наоборот — в моменты ослабления последнего

видим попытки присоединения закарпатских земель к галицким. Наконец, после неудачи, постигшей планы Людовика Анжуйского, с концом XIV столетия Карпатский хребет разделил украинские провинции Польши и Венгрии на целый ряд веков. Еще раньше, в XI—XIII в. Закарпатская Украина была включена в систему комитатов, или столиц, на которые подразделялось Венгерское королевство, и это деление, разделив по речным долинам и связав отдельные части украинской территории с территориями словацкими, мадьярскими, румынскими, еще более раздробило и без того разоренную географическими и колонизационными условиями Закарпатскую Украину. Мы почти не встречаем фактов, где бы она выступала как целое. Впрочем, она вообще слабо проявляла себя, так как украинский элемент был представлен подавленной крестьянской массой и почти таким же темным и забитым духовенством, а отклики народных движений Украины сюда не долетали.

Единственным проявлением национальной жизни и здесь, как в соседней Галиции, стала православная религия, точнее — обрядность и связанные с нею убогие обрывки старой книжности. Но и в этой области, судя по наличному материалу, все еще весьма бедному, Угорская Украина не играла самостоятельной роли, примыкая — совершенно естественно — к соседней Галиции. Местными центрами церковно-религиозной жизни долгое время выступают два монастыря: Св. Николая на Чернечей горе в Мункаче, в Бережском комитате, и Св. Михаила в Грушеве, в Мармарошском комитате. Основателем первого считался Федор Кориатович, после своего изгнания из Подолии (1393) переселившийся в Венгрию и получивший во владение Мункач. В позднейшей традиции Угорской Украины с ним, как наиболее заметною историческою особою, связывались разные местные учреждения и даже само украинское расселение за Карпатами: в действительности не только расселение, но и Мункачский монастырь существовали прежде прибытия Кориатовича, и лишь в позднейшей традиции последний явился его основателем. Так же точно выходит за пределы позднейшей традиции и начало Грушевского монастыря. В конце XIV в. последний получил от патриарха ставропигиальные права, и его игуменам принадлежало право наблюдения над православными приходами Мармароша и Угочи. Западная часть Угорской Украины, вероятно, находилась под верховенством перемышльских епископов. В конце XV в. появляется первый известный нам епископ в Мункачском монастыре; но сколько-нибудь прочно Мункачская епархия стала организовываться лишь со второй половины XVI в. Однако положение мункачской кафедры и после того было довольно тяжелое, как так она не располагала почти никакими ресурсами, кроме доходов с приходов: имени Мункачского монастыря, оставшегося резиденцией епископов, подверглись сильнейшему расхищению во время смут XVII в. Всего в этой епархии, охватывавшей все украинское закарпатское под-

горье, в XVII в. считали 200 тыс. православных и 400 священников. За неимением собственных школ духовенство отличалось весьма низким уровнем просвещения и пополнялось разными заехжими выучениками из Галиции и Молдавии. Просветительное украинское движение конца XVI в., по-видимому, не захватило сколько-нибудь заметным образом украинского Закарпатья. Есть известия о существовании типографии в Грушевском монастыре, но ясных доказательств этого существования пока не имеем.

Зато униатские планы из Галиции не замедлили перебраться в Закарпатье. Из второго десятилетия XVII в. нам известен такой эпизод: один из местных магнатов, Гомонай, имевший в своих имениях до 70 православных приходов, проникшись ревностью к унии, пригласил униатского перемышльського владыку Крупецкого и вместе с ним занялся обращением в унию населения своих имений. Духовенство не решалось сопротивляться настояниям своего помещика и изъявляло согласие на унию, но крестьяне, согнанные на эту религиозную церемонию, возмутились, бросились на податливых духовных и самого Крупецкого, и дело кончилось кровавою свалкою, принудившею к бегству и Крупецкого, и других ревнителей унии. Однако такое отрицательное отношение народа не остановило дальнейших попыток; оно только заставило вести дело не путем открытой проповеди, а тайными влияниями, не давая делу большой огласки. Католическое духовенство и светские поборники унии рассчитывали, что народ в беспросветном своем невежестве пойдет слепо за своим духовенством, если последнее удастся переманить на унию, и вовсе не заметит догматических перемен под сохраненным в целости внешним покровом обрядности. Для привлечения духовенства были пущены в ход обещания улучшения его тяжелого материального положения путем уравнивания с католическим духовенством. Положение православных духовных действительно было крайне тяжело. Весьма значительная часть священников и церковнослужителей, происходивших из крестьян, оставалась и после своего посвящения в крепостной зависимости, должна была исполнять всякого рода крестьянские работы и службы, отрывавшие священников буквально от алтаря, и за неисправность подвергалась помещичьему суду и всякого рода унизительным наказаниям наравне с крестьянами. Материальные условия существования были также крайне тяжелы. Обещания уравнивания с католическим духовенством ввиду этого являлись чрезвычайно соблазнительными, и против них было трудно устоять. В продолжение 1630—1640-х годов сторонникам унии удалось склонить весьма значительное количество духовенства Мункачской епархии; в 1649 г. на съезде в Унгваре эти привлеченные приняли формальное решение присоединиться к католической церкви, и в 1652 г. акт присоединения был предложен на утверждение папы.

Этим, однако, вопрос еще не был решен окончательно. С одной стороны, среди духовенства оставалось немало сторонников право-

славия, не желавших играть такую двуличную роль пред своими прихожанами; с другой стороны, не благоприятствовали унии и внешние обстоятельства: украинское Закарпатье лежало в сфере влияния политических смут, раздиравших Венгрию в XVII в., и приверженцы независимости, придерживаясь протестантизма, со своей стороны противодействовали распространению унии в Угорской Украине. Во второй половине XVII в. обыкновенно видим одновременно двух владык — одного униата, другого православного, и Мункачский монастырь, эта твердыня церковной и национальной жизни венгерских украинцев, еще долго остается в руках православных. Только с 1680-х годов, когда австрийские влияния утверждаются в восточной Венгрии при помощи австрийского правительства, путем всякого рода репрессий и принуждений, уния прочно основывается в западных украинских комитатах. Несмотря на глубокое отвращение, какое она вызывала среди украинского населения в XVIII в., западная часть Мункачской епархии вполне была уже в руках униатских владык. Много значило тут и окончательное утверждение унии в соседней Галиции.

На востоке, в Мармароше, в ближайшем соседстве православной Молдавии православие существовало дольше; до 1735 г. здесь продолжали держаться православные владыки, и позже не было недостатка в священниках, получавших посвящение от соседних епископов молдавских и сербских, а в 1760 г. среди румынского и украинского населения прорвалось довольно широкое и энергическое движение к восстановлению «старой веры», охватившее главным образом восточную часть украинского расселения, но находившее отклики также и в западной. Среди православных распространялись своеобразные прокламации; агитационными мотивами служили уверения, что австрийское правительство предоставляет свободу исповедания и не препятствует возвратиться к православной вере; распускались глухие слухи о покровительстве, оказываемом православию «восточными государями», и специальных льгот, предназначенных для православных. Австрийское правительство было очень встревожено этим движением и политическими элементами, проскальзывавшими в нем. Для подавления его были пущены в ход самые энергические меры, но вместе с тем администрации поручено было проследить возможно глубже причины, вызвавшие это движение, и условия, ему благоприятствовавшие. Эти расследования дали чрезвычайно сильную картину, с одной стороны, кремешной тьмы, в которой жило население, с другой — его стихийной привязанности к своей национальной святыне. По словам наместника Мармарошского комитата, имя унии населению было в высокой степени ненавистно, оно подозревало в ней всякие ужасы, и хотя без своего ведома само уже в продолжение целых десятилетий принадлежало к униатскому исповеданию, но имя униатов отвергало с отвращением. На допросах представители возмущившихся общин заявляли,

что они до сих пор были убеждены в своей принадлежности «к старой греческой вере», «узнав же, что находятся в худой вере, вернулись к старой». Общим выводом из этих исследований было убеждение в необходимости подъема просвещения, в особенности среди духовенства, улучшения его быта и вообще положения униатской церкви, так как надежды, подававшиеся на улучшение положения духовенства с переходом в унию, в действительности не осуществились, и в довершение всего униатское духовенство попало еще в стеснительную зависимость от католической иерархии.

Уния, таким образом, в середине XVIII в. утвердилась на всем пространстве Западной Украины, за исключением только северной Молдавии (позднейшей Буковины) и приднепровской полосы Правобережья. Это была громкая победа над украинской жизнью — не только над ее церковью, но и над национальными традициями, над душой народа: у народа отнято было то, что являлось его святыней. С этой точки зрения торжество унии было новым падением национальной жизни: ее торжество созидалось на отступничестве малодушных, на разгроме стойких и насильственном подавлении, путем всяких репрессий, народного самоопределения. Но надежды на полную денационализацию украинского поселения при посредстве унии не оправдались. Не были исполнены обещания и уверения убеждавших для привлечения к унии (в провинциях польских точно так же, как в провинциях венгерских), что переход в унию избавит украинскую церковь и украинское духовенство от тех унижений, какие они испытывали в католической Польше. В действительности уния не избавила украинское духовенство и его паству от притеснений и унижений, от жалкого прозябания — зато она, с другой стороны, не оправдала и надежд, возлагавшихся на нее с католической стороны. Расчеты, что уния послужит прочным местом к теснейшему сближению католической церкви и господствующей народности, не сбылись. Вследствие того что униатская церковь фактически не была уравнена с католическою и осталась в положении низшей, простонародной церкви, она сделалась вскоре народным украинским атрибутом в Западной Украине и не замедлила превратиться в такую же национальную церковь, какою до тех пор была православная. Благодаря сохранению обряда не произошло разрыва в традициях, не чувствовалось во всей силе и то разъединение, какое должен был произвести этот религиозный раскол с остальною, православною Україною. Обрядовая внешность все покрывала в глазах низших классов; не только в какой-нибудь глуши Мармароша, но и в огромном большинстве всего украинского населения совершенно не сознавался разрыв со своей старой греческой верой и соединение с церковью латинской, и если для более сознательных, интеллигентных элементов этот религиозный перелом был источником страданий и безвыходных унижений, то для преобладающего большинства прошел он более или менее незаметно.

Но, с другой стороны, и ничего положительного не принес он с собою. Переход в унию сам по себе не поднял украинской церкви. Уровень культуры украинской жизни продолжает понижаться. Книжность по-прежнему служит почти исключительно потребностям обряда, богослужения: книги выходили главным образом богослужебные, реже — канонического или религиозно-нравоучительного содержания; о светской литературе нечего и говорить. Культурное содержание этой книжности было чрезвычайно невелико. Самым популярным — и единственным популярным — продуктом ее был сборник кантов религиозного содержания, разного времени и разных авторов *, в первый раз изданный с нотами в Почаеве униатскими монахами, так наз. базилианами **, в 1790 г. под названием «Богогласника» и много раз издававшийся впоследствии. Благодаря своей близости к народному песнетворчеству и устной литературе некоторые из этих кантов приобрели неумирающую популярность. Вообще на линии соприкосновения книжности и устной литературы главным образом и теплился огонек национальной культурной традиции, а в безымянном творчестве и непрерывной эволюции народной словесности, песенной и прозаической, поглощавшей и своеобразно перерабатывавшей все новые и новые продукты близкого ей литературного творчества, находила себе выражение духовная жизнь народа, единству которой не ставили преграды ни политические границы, ни расстояния, не разрывавшие обмена в сфере произведений этой литературы. Не подлежит сомнению, что это глухое столетие было временем высокого развития народной песни, в богатом репертуаре которой и в высоких поэтических достоинствах черпали потом начинатели национального возрождения свою уверенность в духовных силах народа и возможности его возрождения.

Но с книжностью и книжным просвещением дело стояло плачевно. Книга становилась не только малосодержательною, но и малодоступною. Церковный (славянорусский) язык делался все менее понятным, и уже в первой четверти XVIII в. был издан в Супрасли словарь славянских слов с переводом на польский язык, ввиду того, как объясняют издатели, что из священников едва сотый понимает по-славянски. Народный же язык не успел завоевать себе права гражданства ни в книжности, ни в школе. Школы уцелели в конце концов только сельские — где учил дьячок. Несколько лучшие монастырские (базилианские) школы были сильно ополочены, как и сами базилиане вообще. И вообще все хотя немного образованное среди украинского общества — даже не разорвавшее со своею национальностью — говорило и писало по-польски: это был «культурный язык» самого

* Авторы этих кантов в большом числе открываются из акrostихов, которыми они писаны.

** Базилианами назывались униатские монахи, так как считались «чином св. Василия».

украинского населения Западной, Польской Украины (в Закарпатье — венгерский). По-польски или латыни писали даже наиболее патриотически настроенные люди второй половины XVIII и первой половины XIX в.; на польском языке обращались духовные украинские власти к подвластному духовенству; даже знание русского алфавита не было уделом всего духовенства! И что всего хуже — никакого выхода из этого убийственного положения не предвиделось под польским господством. «Я совершенно свыкся с мыслью,— писал один из представителей униатских духовных кругов в момент перехода Галичины под власть Австрии,— что скорее Русь погибнет, чем мы достигнем чего-нибудь... Жаль, что конфедератам не удалось нас (униатское духовенство) перерезать — тогда бы успокоились, а так бьют, а не убьют».

Неожиданно Польша пала. Ввиду грозившего сближения Австрии с Турцией русское правительство принуждено было согласиться на предложенный прусским правительством проект компенсаций за счет Польши, и состоявшимся в августе 1772 г. соглашением решен был так называемый первый раздел Польши, по которому Австрия должна была получить западные украинские земли, Россия — восточную Белоруссию. Затем при втором разделе 1793 г. Россия заняла воеводства Киевское, Подольское, значительную часть Волынского и белорусские земли — по линии, проведенную от границ Австрии на границу Курляндии. Затем при третьем разделе Польши 1795 г. были закруглены эти белорусские и украинские приобретения России (окончательно распределены они были постановлениями Венского конгресса 1815 г.). Австрия свои приобретения в украинских землях заокруглила еще северною Молдавиею: это было признано необходимым для того, чтобы обеспечить сообщение Галиции с Трансильванией, и вслед за приобретением Галиции в 1774 г. австрийские войска заняли пограничные города Молдавии — позднейшую Буковину. Австрийское правительство ссылалось при этом на то обстоятельство, что эта область издревне принадлежала в Галицкому княжеству: присоединив Галицию к Австрии на основании старых «исторических прав» венгерской короны на Галицию — старых претензий венгерских королей, Австрия дополняла ее исстари принадлежавшими к ней землями. Действительно, в XII и XIII вв. города по среднему Пруту стояли в зависимости от галицких князей, входили в состав так называемого Понизья; затем все Понизье перешло под непосредственную власть татар¹⁶³, а когда в половине XIV в. организовалось воеводство Молдавское, то молдавские воеводы захватили и земли между Серетом и Днестром, так наз. Покутье, и Шипинскую землю. Некоторое время земли эти были предметом соперничества между Польшею и Молдавиею, пока наконец установилась польско-молдавская граница, разделившая спорную территорию, и южная часть этой спорной территории (северная часть нынешней Буковины) осталась в составе Молдавии до австрийской оккупации 1774 г.

Господарь молдавский опротестовал этот захват его владений, но турецкое правительство не поддержало его достаточно энергично, и в 1775 г. состоялось соглашение, по которому занятая австрийскими войсками территория была уступлена турецким правительством. Новая провинция, получившая название Буковины, сначала находилась под военным управлением, а в 1786 г. была присоединена к Галиции.

Таким образом, западные украинские земли объединились под владением Австрии, центральные — Киевщина, Волынь и Подолье, к которым в 1815 г. присоединились еще Холмская земля и Подляшье — вошли в состав России, снова объединившись с Восточную Украину, отделенною от них трактатом 1667 г.

Падение польской государственной власти, однако, не произвело резкого переворота в местной жизни. Сословные отношения, помещичий режим, власть и господство шляхты, созданные польскими порядками, остались в целости и силе. И даже гораздо более: шляхетский режим только выиграл от перехода украинских провинций из состава Польского королевства — с его хроническим отсутствием полицейской и исполнительной власти — в состав государств с очень сильными правительствами, с развитою бюрократическою и полицейскою организациею, какими были Австрия и Россия¹⁶⁴. Новые правительства склонны были прежде всего смотреть на помещика как на блюстителя порядка — «как на полицмейстера», по выражению имп. Павла, и в охранении престижа помещичьей власти и покорности ей крестьян видели одну из существеннейших своих задач*. Бюрократическая машина и воинские команды охраняли помещика от проявлений малейшего недовольства народных масс, и помещичье «хозяйство» польской шляхты под новым господством могло процветать свободнее, чем когда-либо под польским правлением.

Еще австрийское правительство, особенно во время недолгого правления Иосифа II (1780—1790)¹⁶⁵, сделало несколько ценных попыток к ограничению власти помещика над крестьянином, к освобождению личности последнего и к ослаблению его экономической зависимости от помещика. Правда, реформы Иосифа — между ними некоторые очень ценные — были сильно урезаны при их осуществлении на практике и заглохли при последующем, реакционном правительстве. Но все же некоторое благожелательное настроение к русинскому крестьянству (точнее — неблагоприятное настроение по отношению к шляхетскому самовластию и всевластию) чувствовалось и позже в правительственных сферах. Немецкая бюрократия, правившая Галицией до 1850-х годов, представляла известную сдержку шляхетскому самовластию; крестьянское землевладение,

* Характерную иллюстрацию этих отношений дает недавно опубликованное дело Сем. Олийничука, крепостного интеллигента, попавшего в Шлюссельбург за свой протест против господства поляков и других чужеродцев над украинским крестьянством («Былое», 1906, IV).

крестьянские повинности по отношению к помещику находились под контролем государственной власти и гарантировались не только в теории, но до некоторой степени и на практике от правонарушений со стороны помещика.

В России же, при общем напряжении крепостнических отношений в империи, при весьма низких качествах введенной теперь великорусской администрации (несомненно — гораздо худшей сравнительно с немецкою администрациею Галиции), при царивших среди нее подкупности, взяточничестве и произволе, — польская шляхта властвовала в крае безгранично и бесконтрольно. При малейшем проявлении какой-либо оппозиции среди крестьян, какого-либо вполне законного протеста против крайних злоупотреблений помещичьей властью, переходивших меру долготерпения даже здешнего многострадального крестьянина, — полиция и воинские команды были к услугам помещика, если он исправно исполнял свои «обязанности» по отношению к предержавшей власти, и по мановению его готовы были со всеусердием засвидетельствовать права «кичливого ляха» на тело и душу «верного россса», выражаясь терминологией известной пушкинской оды. Благодаря этому крепостное право в Правобережной Украине за это время российского владения достигло такого напряжения и развития, какого здешнее крестьянское население не знало никогда раньше и какого не достигли также и крепостные отношения Восточной Украины.

Только польское восстание 1831 г., вызвав со стороны правительства ряд репрессивных мер против польской шляхты, побудило его обратить внимание на отношения помещиков к крестьянам. Оно сочло нужным сделать кое-что для облегчения участи крестьян, чтобы расположить их к правительству и России и этим путем ослабить силу польской шляхты. С этой целью изданы были так наз. инвентари, нормировавшие крестьянские повинности по отношению к помещикам. Но подкупность администрации лишила значения и эти скромные попытки облегчения участи крестьян.

То же самое приходится отметить и в сфере культурной.

В землях, вошедших в состав Австрии, меры, принятые австрийским правительством для подъема украинской (русинской) народности вообще, а в частности ее духовенства непосредственно после присоединения новых украинских провинций, стали исходным моментом подъема украинской народности из культурного и национального падения, к которому оно было приведено польским режимом. Австрийское правительство было до некоторой степени приготовлено или даже наведено на этот вопрос церковными отношениями Угорской Украины. Движение 1760 г. заставило его серьезно задуматься над положением здешней униатской церкви, и результатом был ряд мер, направленных к культурному подъему местного духовенства и улучшению его положения. Мункачская епархия была изъята из власти и зависимости от католического епископата; для

приготовления священников был учрежден в Мункаче лицей; приняты были меры для улучшения материального положения униатского духовенства. Когда среди этих мероприятий последовало присоединение Галиции с ее аналогическими церковными и национальными отношениями, она была также включена в сферу этих реформ. В 1774 г., два года спустя после присоединения Галиции, императрица учреждает в Вене духовную семинарию для униатов Австрии (так называемую *Barbareum*). Десять лет спустя, при ее сыне, имп. Иосифе, учреждена была семинария также во Львове. Религиозный фонд, составленный из имуществ упраздняемых монастырей, должен был послужить для улучшения положения и подъема сельского духовенства. Но мерами к поднятию духовенства дело не ограничивалось. Отчасти по принципам просвещенного абсолютизма, которыми руководились тогда австрийские правительственные сферы, отчасти из желания противостоять польской шляхте, естественно тяготевшей к Польше, украинскую, «русинскую» национальность австрийское правительство старалось поднять эту последнюю. Об эмансипационных реформах в сфере крепостного права я уже упоминал; кроме того приняты были меры для организации народных школ низшего и высшего типа, причем преподавание в школе должно было вестись на «местном» языке (*Landes-Volk-und-Nationalsschprache*), а основывая в 1784 г. Львовский университет, правительство имп. Иосифа учредило в нем несколько русинских кафедр и при университете лицей — специально для приготовления русинской молодежи к университетским курсам.

Правда, эти благие намерения правительства относительно русин, не говоря уже о том, что осуществлялись не всегда удачно, просуществовали недолго. Они скоро заглохли среди общей реакции, начавшейся в Австрии со смертью Иосифа (1790 г.). Польская шляхта успела приобрести влияние на галицкую администрацию и, чтобы воспрепятствовать возрождению местной украинской народности, начала уже в 90-х годах XVIII в. пугать правительство призраком российской ирреденты, стараясь убедить его, что русинский язык — наречие великорусского, что русины-униаты тяготеют к православию и т. п. — песенка, которая с неослабевающим успехом пелась затем до самого последнего времени. О том, как парализовано было всеми этими причинами освобождение крестьянства от помещичьего режима, я уже упоминал; подобным образом затормозилась и организация школьного дела. Шляхта здесь играла также видную роль: под ее влиянием вводится польский язык вместо русинского в народных школах — сначала высших типов, затем (1816) и в сельских начальных училищах. Ввиду ходатайства митрополита сделана была только та уступка, что предоставлено сельским обществам, буде пожелают, заводить себе параллельные школы с русинским языком, причем, однако, духовенству преподавался совет не влиять на население в этом смысле, чтобы не причинять ему излишних трат, и т. д.

Была, впрочем, доля вины и самой русинской интеллигенции — она была ослаблена слишком долгою летаргиею и не всегда умела воспользоваться и тем немногим, что делало или готово было сделать для нее правительство. Народный язык — «простой и посполитый» казался ей слишком низким, и она не воспользовалась открывавшеюся возможностью его употребления и развития. Профессора новооснованных кафедр и лица старались читать и писать возможно высоким стилем, мертвенным макароническим «язычием», которое само по себе сковывало всякое просветительное движение. Когда вскоре за тем прекратили свое существование лицей (1804) и русинские кафедры Львовского университета (1808) как временные, предназначенные для слушателей, недостаточно приготовленных для лекций на латинском языке, не возникло сколько-нибудь серьезных стараний относительно дальнейших, более нормальных русинских преподаваний.

В конце концов некоторое улучшение осталось лишь в положении крестьян и в образовании духовенства, которое проходит теперь через университет, каков бы он ни был, и постепенно дает начало новой украинской интеллигенции Галиции. Нарастает эта интеллигенция очень медленно; выиграв в образовательном, культурном цензе, она много проиграла в своих отношениях к народности: простонародная масса казалась слишком грубою для «культурных» вкусов новоиспеченных «образованных» русинских кругов, и, не будучи достаточно культурными для того чтобы культивировать свою народность, они шли за поляками как элементом более культурным. Польский язык по-старому царствовал и среди этой новой «интеллигенции». Были такие священники, которые не умели читать славянского письма.

Но все же известный рост несомненно существовал, некоторая ферментация давала себя чувствовать. Известное культурное и литературное движение замечаем прежде всего в Угорской Руси, раньше подвергшейся воздействию австрийского правительства. Вокруг тогдашнего мункачского епископа Андрея Бачинского (1772—1809), организатора Мукачевского лицея и основателя значительной библиотеки, группируется небольшой кружок деятелей на поприще народного просвещения и литературы. Угорская Русь дает первых профессоров-русин Львовскому университету и людей, заметных на иных поприщах. Затем у них являются непосредственные преемники и продолжатели и в Галиции. Национальный характер в этом небольшом движении уже дает себя чувствовать, хотя ясностью его национальное сознание отнюдь не отличается.

В землях Западной Украины, отошедших к России, русское правительство — совершенно логически со своей точки зрения — занялось прежде всего уничтожением унии. Но на месте не восстанавливались старые традиции национальной украинской церкви, а вводились новые, совершенно чуждые им обрусительные формы. Особенности местной церковной и религиозной жизни подводились под

понятия униатства или латинства и искоренялись самым усердным образом — вплоть до украинского произношения богослужебных возгласов и текстов: епархиальное начальство особенное внимание обратило на то, чтобы священнослужители произносили свои возгласы «голосом, свойственным российскому наречию». Восстановленная православная церковь сделалась, таким образом, сознательным орудием обрусения и для утверждения этой тенденции умышленно наводнялась пришлыми людьми, переводимыми из великорусских местностей. С другой стороны, остатки униатской церкви, не присоединявшиеся к православию, русским правительством отданы были под начальство польской католической иерархии и подвергались, таким образом, сильнейшему давлению полонизаторских тенденций последней.

Местный украинский элемент, таким образом, подвергся одновременно натиску с двух сторон — со стороны польского помещичьего класса и польской культуры, до восстания 1831 г. да и после него царившей почти безраздельно вне небольших островков казенной великорусской культуры,— и со стороны этой последней. Вплоть до 1830-х годов светское воспитание и образование в Правобережной Украине почти исключительно находилось в руках поляков, с небывалой энергией занявшихся здесь организацией учебно-воспитательного дела в национальном польском направлении и достигших действительно больших успехов в развитии польской культуры на украинской почве, какими она не могла похвалиться во времена польской Речи Посполитой (деятельность Ф. Чацкого и его преемников). С другой стороны, казенная великорусская школа, церковь и государственность теснили всякое проявление украинской жизни еще более безжалостно, чем культура польская.

И в результате правобережные украинские земли, перешедшие под власть России, надолго остались более отсталыми и забытыми, чем какие-либо другие украинские области ¹⁶⁶

XXVII

ПАДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ В ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЕ

Немногим лучше было положение, в каком оказалась Восточная Украина, вышедшая из состава Польского государства с половины XVII в. Избегнув ополяченья, верхние слои украинского населения подвергаются здесь сильному обрусению, развивавшемуся тем легче еще, что оно не встречалось с внешними отличиями, какие по отношению к полякам давала религия и книжность. Наоборот, эти моменты сближали украинское население с великороссийским и затирали национальные различия, а слабое развитие национальной украинской

культуры не дало ей возможности устоять в конкуренции с великорусскими влияниями, имевшими на своей стороне и преимущества больших средств, и политический перевес, и наконец — непосредственное воздействие центрального правительства. Последнее, не довольствуясь добровольным тяготением украинского общества к великорусской жизни, развивающейся в продолжение XVIII в., старается воздействовать в том же направлении всеми силами государственного механизма. Разрушив политическую обособленность Украины, оно стремится стереть особенности местной жизни и культуры, ее национальный облик, обезличить и слить с великорусскою народностью. В таком смысле действует оно ограничительными и запретительными мерами, действительно весьма сильно подрывающими местную культурную жизнь и усиливающими «обрусение» украинского общества¹⁶⁷.

Центром украинской культуры и после перехода Восточной Украины под верховенством Москвы по-прежнему оставался Киев. Во второй половине XVII в. и первых десятилетиях XVIII он был источником просвещения и для Московского государства. Отсюда выходили пионеры культуры, насаждавшейся московским правительством и духовенством, отсюда шла книжность и образцы школьной организации, и в общем украинская ученость оказала весьма заметное воздействие на подъем культурной жизни Москвы, несмотря на недружелюбное вообще отношение последней к ее представителям и произведениям. Киевские книги, например, довольно часто подвергались более или менее строгим запрещениям в Москве, а при патриархе Иоакиме в 1670—80-х годах последовало настоящее гонение на произведение украинской книжности.

Главный очаг киевской культурной жизни — Киевская коллегия — в третьей четверти XVII в. пережила период упадка, причиненного тогдашними беспрерывными войнами, и московские политики, вообще недоброжелательно относившиеся к украинским школам, хотели даже воспользоваться этим, чтобы вовсе закрыть ее (1666), но должны были отказаться от этого намерения ввиду неудовольствия, какое могло бы возбудить это распоряжение на Украине. В 1670-х годах коллегия организовалась наново, расширила свою программу, присоединив к преподаваемым ранее наукам курсы философии и богословия, и получила наконец права и титул «академии» (1694). Время Мазепы, усердного покровителя культуры (как ее разумели в тех кругах), было временем ее процветания. Из нее вышел ряд видных церковных и общественных деятелей. Она служила почти до половины XVIII в. школою, где получала образование украинская интеллигенция вообще — не только духовная, но и светская. Гетман Апостол, подтверждая за нею ее маестности в 1728 г., называет ее «всему обществу нашему благопотребною, где малороссийские сыны в науках свободных имеют наставление»; и действительно, в сохранившемся «реестре» учеников академии 1729 г. находим среди них пред-

ставителей почти всех важнейших старшинских семей. Число учеников было очень велико: в средних десятилетиях XVIII в. оно переходило за тысячу *, и большинство учеников было из светского звания. По ее образцу организовались высшие школы в землях великорусских (начиная с Московской академии) и украинских — коллегии и семинарии в Чернигове, Переяславе, Полтаве, Белгороде, Харькове и ряд менее значительных. Но при всем том и академия с организованными по ее образцу коллегиями, и их ученость все более и более оставались, так сказать, за флагом: потребности времени и запросы жизни обгоняли их все заметнее.

Киевская академия была организована по образцу польских, главным образом иезуитских школ. Ее наука носила преобладающий церковный, богословский характер, и притом в формах схоластических. Ее ученость опиралась на средневековых методах и знаниях и для XVII—XVIII вв. была совершенно устаревшею. В богословии до начала XVIII в. и даже позже господствовал здесь Фома Аквинский, в философии — средневековые комментаторы Аристотеля. Новые течения европейской мысли совершенно не захватывали киевской школы, и бывший профессор философии в академии Георгий Конисский, уже по выходе из состава ее преподавателей случайно ознакомившись с новыми западноевропейскими учебниками философии, выражал искреннее сожаление, что он еще в 1740-х годах, преподавая философию, терял время «на смешных интерпретов Аристотелевых». Те ж схоластические формы господствовали в преподавании риторики и пиитики — предметов, игравших важную роль в программе академии. Все вообще образование, которое давала академия и основывавшиеся по ее образцу коллегии, имело чисто формальный характер. Оно давало возможность своему воспитаннику пустить тучу художества по всякому поводу и без повода, не оставить без ответа, хотя бы чисто формального, никакого возражения, говорить речисто и высокопарно, но реальных знаний давало чрезвычайно мало. Да и те были невысокого качества, так как академия, повторяю, совершенно не следила и не шла за движением европейской науки ¹⁶⁸.

То же самое было и с украинскою книжностью XVII—XVIII вв. Мы встречаем выдающихся богословов, проповедников и полемистов, как Иоанникий Галатовский, Иннокентий Гизель, Димитрий Туптало, Феофан Прокопович, Георгий Конисский. Но те времена, когда религиозные и полемические вопросы царили над умами, для Левобережной Украины особенно, где православие господствовало спокойно и прочно, — прошли безвозвратно. А вне религиозных вопросов украинская книжность давала очень мало. Например, из сохранившегося рукописного материала убеждаемся, что общество очень интересова-

* Вот несколько цифр: в 1742 г. учеников было 1243, в 1744 г. — 1160, в 1751 г. — 1193, в 1765 г. — 1059.

лось своей историей: сохранилось немало списков старых исторических памятников, сделанных в XVII—XVIII вв. (есть даже несколько списков большого летописного Киево-Галицкого летописного свода XIII в.), есть много компиляций позднейшего времени, но из этого богатого материала ничего не прошло в печать. Единственная историческая книга, удостоившаяся издания, — «Синописис» (1674), краткая история Руси, написанная чрезвычайно мертвенно и сухо; достаточно сказать, что в ней совершенно пройдено молчанием казачество и национальная борьба с Польшей, хотя она составила эпоху в истории народа и памятью о ней полна была современная Украина. Богатая историческая письменность, посвященная этой борьбе, между ними чрезвычайно интересные мемуары, как, напр., так наз. Львовская летопись, летопись Самовидца, оригинальный памфлет Величка, многочисленные хронографы, исторические компиляции и хроники (как так наз. Супрасльская, Густынская, Сафоновича, Кохановского, Боболинского и др.), целый ряд казацких летописей, как Грабянки, Лизогуба, Лукомского и др., — все эти произведения, более или менее отражавшие биение пульса украинской жизни, не удостоивались внимания книжников, располагавших издательскими средствами.

Без внимания остался и превосходный исторический эпос, слагающийся в продолжение XVII в. из взаимодействия элементов книжных и народного песнетворчества, вырабатывающий для себя новую характеристическую форму «думы». Он сохранился только в остатках, задержавшихся в народной памяти (главным образом цикл дум о Хмельницком, в значительной мере вытеснивший из обращения более старые произведения), и в этом виде составляет настоящую гордость украинского народа благодаря своим высоким поэтическим достоинствам и живому историческому колориту. В устном обращении осталась вся превосходная украинская лирика. Немногое из поэтических произведений тогдашних «литературных» кругов, удостоенное печати, отличается большею частью крайней безжизненностью: и здесь произведения, более близкие к жизни и ее интересам, большею частью не удостоивались печати; издавались панегирики в честь высокопоставленных лиц, убогие вирши высоких представителей церкви, а не произведения, представляющие более живой общественный интерес.

Правда, даже более жизненные произведения этой схоластической литературы производят выгодное впечатление только по сравнению с полной безжизненностью большинства — разных панегирических произведений, вирш религиозного или нравоучительного содержания и схоластических школьных драм, подражавших давно отжившим образцам латино-польской схоластики. Но в значительной степени тут сказывалась не только схоластическая отсталость и односторонность школы, но и политический режим — неблагоприятное отношение правительства, чувствовавшееся на Украине очень живо и отражавшееся на литературе весьма сильно. Редко касалась она

тем более живых, общественных и национальных, да и касаясь их, обыкновенно держалась безобидных общих фраз, не грозивших конфликтом с политическими и общественными стремлениями правящих и руководящих сфер, и обрабатывала свои темы с тою же чрезвычайною вялостью и напыщенностью, вообще характерными для схоластической манеры.

Это приходится сказать даже о лучших произведениях эпохи, как, напр., довольно талантливо и сравнительно живо написанное драматическое действие «Милость Божия, Украину от неудобь носимых обид людских через Богдана Зеновия Хмельницкаго свободившая» неизвестного автора, вызванное восстановлением гетманства в 1728 г., оживившим надежды украинского общества на лучшее будущее, не говоря о несравненно слабейшей аналогической «Трагедокомедии» Лянскоронского 1729 г., написанной для прославления Петра II и Верховного тайного совета. Бытовыми и общественными элементами наиболее (опять-таки сравнительно) богата драма Коניсского «Воскресение мертвых» (1747).

Большую жизненностью отличались шуточные интермедии, вставлявшиеся в антрактах школьных драм для развлечения удрученных напыщенною схоластикою слушателей, сатирические произведения, стихи легкого содержания, пародии. В таких произведениях часто употреблялась чистая народная речь, на которую вообще смотрели несерьезно: «настоящие» литературные произведения писались макароническим языком, все более и более подпадавшим влиянию великорусского. Впрочем, со второго десятилетия XVIII в. перестают появляться в печати даже такие «серьезные» произведения: произведения украинской книжности вообще не печатаются больше; они остаются в рукописях, и самое «творчество» в этой сфере совершенно ослабевает. Причиною были цензурные стеснения российского правительства.

Уже в XVII в., как было упомянуто, в Москве смотрели недоброжелательно на украинскую книгу, подвергали ограничениям ее распространение, и с подчинением украинской церкви московскому патриархату подчинили московской цензуре украинские издания. При Петре пошли еще дальше в этом направлении, осудив на смерть вообще украинскую книгу. В 1720 г. было издано правительственное распоряжение, запрещавшее печатать на Украине какие-либо книги, кроме церковных, с прежних изданий, «а и оныя церковныя старыя книги с такими же церковными книгами справливать, прежде печати, с теми великороссийскими печатями, дабы никакой розни и особаго наречия не было». Этого распоряжения правительство затем держалось очень строго; особо учрежденный цензор занимался исправлением украинских текстов, и только после такой процедуры книги разрешались у печатанию. Когда в 1726 г. один из киевских игуменов ходатайствовал о разрешении напечатать акафист св. Варваре, написанный киевским митрополитом, на это дано было разрешение под

условием, что акафист будет для издания переведен «на великороссийское наречие». То же повторялось и позже. В 1769 г. Киевская лавра ходатайствовала пред Синодом о разрешении напечатать украинский букварь ввиду того, что московские буквари на Украине не покупаются, но Синод в разрешении отказал. Даже старые церковные книги украинской печати было приказано епархиальному начальству отбирать и заменять книгами московской печати.

Какое влияние оказывали на литературное творчество эти условия, легко себе представить. А одновременно украинская книжность и украинский язык вытеснялись также и из школы.

С последней четверти XVIII в. киевские митрополиты, следуя видам и желаниям правительства, вводят великорусский язык в преподавание Киевской академии, и она служит в этом отношении примером для других духовных школ. Особенную ревность об успехах великорусского языка проявлял в 1780-х годах митрополит Самуил Миславский, вводивший в преподавание академии великорусские учебники, выписывавший великорусских преподавателей и прилагавший всяческие старания к тому, чтобы преподавание происходило на чистом великорусском языке. Было отправлено несколько студентов в Московский университет для возможно лучшего усвоения великорусского языка для преподавания. Как полстолетия пред тем преподаватели-украинцы в великорусских школах приучали учеников к украинскому произношению — к большому их неудовольствию, так теперь прилагаются попечения к усвоению великорусского произношения в украинских школах. Украинское произношение подвергается гонению: печатаются специальные руководства, даются инструкции преподавателям в этом отношении. Епархиальное начальство следит, чтобы священники и дьячки читали по-церковнославянски с соблюдением великорусского, а не украинского произношения, а по присоединении Правобережной Украины к России, как мы уже знаем, особенное внимание было обращено также на то, чтобы и здесь священники произносили молитвы на великорусский образец¹⁶⁹.

При таких условиях, конечно, не могло быть и речи о каком-либо развитии украинской национальной культуры и жизни¹⁷⁰.

Старая школа разлагалась, старая литература вымирала. Такая школа и такая литература не могли удовлетворять украинскую интеллигенцию. Начиная уже со второй четверти XVII в. украинские юноши не только аристократических, но и просто зажиточных фамилий нередко отправляются в заграничные школы и университеты (особенно Геттингенский), а когда во второй половине XVIII в. организуются порядочные училища в Петербурге, туда в большом числе направляется и украинская молодежь. Желали основания таких же школ и на Украине. До нас сохранился весьма интересный проект основания университета в Батурине, составленный в 1760 г. Тепло-вым, очевидно, по поручению гетмана для представления императ-

рице. Это должен был быть, по мысли проекта, светский университет с кафедрами философскими (историко-филологическими), юридическими, математическими, естественно-историческими и медицинскими, по образу западных университетов, с приготовительной семинарией, для приготовления из лиц недостаточных классов специалистов-ученых. В петиции, несколько позже поданной от гетмана Разумовского и старшины имп. Екатерине, между прочим содержалось ходатайство об открытии в Киеве взамен академии университета с богословским факультетом и другого университета — в Батурине, без богословского факультета, а также светских гимназий, одним словом — высказывались стремления к полной секуляризации образования. Эти ходатайства, однако, не были осуществлены, и за неимением светских высших школ на месте украинская молодежь во множестве отправлялась в столицы. Тогдашняя великорусская школа и литература, имевшая совершенно светский характер, с тем предпочтением знаний практических, прикладных, какое получила она под влиянием реформ Петра, подходила гораздо лучше к потребностям времени, чем богословско-схоластическое направление старых украинских школ, и кто не мог послать своих детей куда-нибудь дальше, большею частью обращался к столичным великорусским школам.

Украинские высшие классы вообще очень ценили образование. Людей с европейским образованием среди них было немало уже в половине XVIII в. Кроме чисто культурных запросов, здесь сказывалось и желание свежее испеченного «шляхетства» придать себе «благородный» лоск, подчеркнуть свое отличие от серой казацкой массы, из которой оно так недавно выделилось. Поэтому в культурности оно не ценило национальных элементов, которые могли бы теснее привязать его к почве, к народу. Наоборот, оно тем более готово было ценить образование, чем более последнее отделяло от народа; отдавали детей даже в польские коллегии, хотя они по существу не отличались от украинских школ и ничем их не превосходили. В результате образование, культурные интересы довершали рознь этой интеллигенции с народом. А так как из всех чужих культур у украинской интеллигенции, и специально старшины, было более всего разных связей с культурой великорусскою, то в конце концов она подпадает весьма сильному влиянию этой последней и постепенно «руссеет». Ища опоры своим сословным стремлениям у русского правительства, стремясь добиться уравнивания в правах с великорусским дворянством, гоняясь за карьерой в великорусских правительственных кругах и учреждениях после уничтожения украинской автономии, украинская старшина все более и более втягивалась в течение великорусской культурной жизни, тем более что в этом же направлении воздействовало на нее целым рядом мер и само правительство, сознательно стремившееся к «обрусению» Украины.

То же было и с духовенством, которое, как мы знаем, еще в последней четверти XVII в. утратило свою автономию и было непосредст-

венно подчинено великорусским церковным властям. С началом XVIII в. множество духовных лиц из Украины разошлось по всей России на всякие должности, включая самые высшие и влиятельные в церковном управлении. Правительство Петра и его преемников предпочитало более терпеливых и покладистых украинцев консервативным представителям великорусского духовенства. Благодаря этому украинцы почувствовали себя как дома в великорусских землях, смотрели на церковное управление империи как на свою сферу. Но в конце концов это сближение тоже повлияло лишь на обрусение украинской церкви и школы. Когда в середине XVIII в. великорусское духовенство стало выходить из роли учеников украинцев, эти последние оказались в очень тесной зависимости от него и под тесным влиянием великорусской культуры.

В конце XVII и в начале XVIII в. воспитанники киевских школ играли роль проводников просвещения и культурности в великорусских землях, прививая здесь многое из своей украинской культуры, и еще во второй четверти XVIII в. такой крупный в истории великорусской литературы деятель, как Кантемир, колебался в своих стихах между произношением украинским и великорусским. Но во второй половине XVIII в. украинская книжность, придавленная репрессиями и общим обеднением украинской жизни, пошла уже в хвосте литературы великорусской. И по мере того как из-под церковного языка у великорусских писателей постепенно выступала живая великорусская речь, ее усвоили и писатели из украинцев, бросая свою книжную макароническую речь — добровольно и не добровольно, под влиянием цензурных запрещений, тяготевших на украинской речи. Общность церковных элементов речи великорусской и украинской послужила мостом, незаметно приводившим украинских писателей к великорусской письменности.

С половины XVIII в. великорусская канцелярская речь господствует в делопроизводстве на Украине. Книжная речь решительно сближается с великорусской. Старая макароническая речь вымирает в половине XVIII в. Она держится некоторое время еще в домашней переписке, в среде людей, вышедших из местных школ. Пишут народным языком, но больше в шутку: веселые интермедии, непритязательные пародии, шуточные и сатирические стихотворения. Как я уже сказал, на народный язык смотрят несерьезно, он представлялся «просвещенным» украинцам провинциализмом, не имеющим никакой будущности. Это «простонародное старинное здешнее, с польским и славянским смешанное наречие», как величал его киевский митрополит Гавр. Кременецкий, находивший необходимым даже исторические украинские памятники переводить «на чистый российской слог». Более внимательным наблюдателям народный украинский язык представлялся интересным, но вымирающим явлением, и автор первой грамматики народного языка Павловский (1818 г.) мотивировал свой труд чисто антикварными мотивами,

называя украинский язык «ни живым, ни мертвым», «исчезающим наречием».

Сознание своей особенности было довольно сильно, но своеобразно. Не было недостатка в людях, которые «при всех науках и в чужих краях обращения остались казаками», как аттестовал одного из них Румянцев, и питали горячую любовь к «своей собственной нации» и «сладкой отчизне». При всей зависимости от великорусской культуры и народности они были о себе высокого мнения. «Эта небольшая частица людей,— писал в 1760-х годах раздраженный Румянцев,— инако не отзывается, что они из всего света отличные люди, и что нет их сильнее, нет их храбрее, нет их умнее, и нигде нет ничего хорошего, ничего полезного, ничего прямо свободного, чтоб им годиться могло, и все, что у них есть,— то лучше всего». Подчиняясь авторитету российского правительства, украинцы отнюдь не признавали первенства великорусской народности пред своею и склонны были смотреть на великороссов свысока.

«Не думай, чтобы ты сама была мой властитель,
Но государь твой и мой — общий повелитель»,—

говорит Великороссии Украина в диалоге «Разговор Великороссии с Малороссией», сочиненном в 1762 г. «в честь и славу и защищение всей Малороссии» чиновником войсковой канцелярии.

Очень жива была скорбь об утраченных правах, о потере автономии. Более смелые, как мы видели, возвращались к старым планам автономистов. Но все это не было достаточно серьезно, не мешало им идти по дорожке, указанной из Москвы, и, как надеялась Екатерина, стремление к карьере и сословному благосостоянию преодолеvalo «умоначертание прежних времен». Из школы Румянцева вышел ряд чиновников, которым их романтические мечты не мешали ревностно тащить государственную колесницу. Украинские патриоты ревностно трудились над развитием великорусской культуры; известный нам Капнист, с такою смелою миссиею являвшийся в Берлин, составил себе имя как видный великорусский писатель; и вообще, со второй половины XVIII в. выступает в великорусской литературе целый ряд более и менее заметных писателей-украинцев, как Рубан, Туманский, Максимович-Амбодик, Козицкий, Бантыш-Каменский, Хмельницкий, Сохацкий, Богданович и множество других, немало потрудившихся для нее, в большинстве ничем не заявив своего украинского происхождения.

Представителем этого национального упадка выступает перед нами и наиболее крупная фигура украинской культурной жизни второй половины XVIII в.— украинский философ Григорий Сковорода. Воспитанник Киевской академии, окончивший свое образование за границею, он в самой форме своих произведений является характерным представителем этого переходного времени, пища смесью

старого макаронического языка с великорусским. Время крушения старого строя отразилось на нем равнодушием к национальным и социальным вопросам, полным отсутствием национального сознания и исторической традиции¹⁷¹, и этот «гражданин всемирный», несомненно, отражает в этом отношении настроение большинства.

Историческая традиция вообще была очень слаба. Живо помнили борьбу с Польшею, хотя украинскому «шляхетству» она представлялась также своеобразно — как борьба благородного (шляхетского) казацко-русского народа с шляхтою польскою за свои сословные привилегии. Памятны были главным образом войны Хмельницкого, воспевавшиеся народными певцами — кобзарями — в цикле дум, своею популярностью заглушивших не только более древний эпос, но даже в значительной степени думы более ранней эпохи казачества. За эту героическую эпоху совершенно побледнела память о более древней истории, и ею интересовались все меньше и меньше. Автор популярного «Синописа» черпает сведения о древней истории Руси из польских компиляций, а XIV—XVI века украинской истории для него почти не существует. Так как историю Древней Руси между тем включили в свои компиляции московские компиляторы, то и на Украине вслед за ними привыкают смотреть на эту старую Русь как на часть истории Москвы. Утрачено было в связи с этим и национальное имя: после некоторых колебаний в терминологии принимается для украинского народа имя «малороссийского», обновленное отношениями к Московскому государству — «Великой России», и под «русским», «российским» народом начинают понимать не украинцев, как раньше, а великороссиян.

Таким образом, украинскому народу, по-видимому, — судя по его верхним слоям — угрожало окончательное превращение в аморфную этнографическую массу, обреченную на денационализацию. Национальная смерть, казалось, уже веяла над ним. Но народные массы нашли в себе неисчерпаемую силу возрождения, и то же XVIII столетие, которое видело наибольший упадок украинского народа после предшествующего подъема, принесло с концом своим начатки возрождения. Правда, они были так слабы, что получают свое значение лишь в сопоставлении с позднейшим возрождением.

XXVIII

УКРАИНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В РОССИИ

Я отметил уже выше, что несмотря на обрусение высших классов Украины, у них оставались известный областной патриотизм, скорбь по Гетманщине, романтические воспоминания о былой славе казачества. Легкость, с которою теряли они свой национальный облик, не исключала известной национальной гордости, а отчуждение от

народа не мешало с симпатией относиться к особенностям, хотя бы и внешним, украинского быта, к украинской народной словесности и ее языку. Такие местные симпатии у обрусевшей интеллигенции Восточной Украины сами по себе, однако, не имели особого значения. Они значились не более, чем подобные же местные симпатии польской и ополяченной интеллигенции западных украинских земель, выразившиеся в этнографических и антикварных работах в области украиноведения и в опытах поэтической обработки мотивов украинской народной словесности. Свое значение эти симпатии получают только с обращением подобных украинофилов к народному языку.

Употребление этого народного языка не прерывалось в продолжение всего XVIII в. К нему обращались из практических соображений, в интересах удобопонятности для простого народа; так, в руководствах для священников мы встречаем наставление приноравливаясь даже к диалектическим особенностям местных говоров, так как они «на Волини иншии, на Подолу и на Украине иншии, в Полесю иншии». С другой стороны, сами руководства поэтики рекомендовали в известных родах творчества для достижения комического эффекта выводить как простонародные фигуры, так и простонародную речь. Уже начиная с первой половины XVII в. нам известны комические сцены из украинского простонародного быта, вводившиеся в школьные представления; старейшие принадлежат 1619 г. — это два комические диалога украинских крестьян при трагедии о смерти Иоанна Крестителя, сочиненные галицким поляком Гавватовичем. Из первой половины XVIII в. имеем ряд интермедий в пьесах Митрофана Довгалецкого (1730-х годов) и Георгия Конисского (1740-х годов), интересных не только языком, но и комическими типами и положениями, составляющими прототип позднейших украинских оперетт и комедий XIX в. В тесной связи с этими школьными интермедиями стоит широко распространенная украинская вертепная драма, представляющая Рождество Христово в лицах и наряду с кантами церковными вводящая также сцены и песни на языке народном. Наконец, более или менее на народном языке, а очень часто — и на чистой народной речи слагаются стихотворения различного содержания: религиозно-нравственные произведения в духе более старых, макаронических кантов, лирика личного чувства, стихотворные обработки новеллистических сюжетов, послания и приветственные стихотворения, сатиры и пародии. Эти произведения слагаются то для забавы, чтобы щегольнуть народным языком и простонародными формами как комическим средством, соответствующим комическому содержанию, то обращаются к народному языку как более близкому и в своей безыскусственности и непосредственности более искреннему и сильному орудии для выражения чувства.

Эта последняя сфера творчества, заключающая в себе, подобно драматической, также зародыши позднейшей украинской лирики

(XIX в.), была особенно широка, но мы совершенно не имеем возможности дать понятия о ее размерах и развитии. Впрочем, вообще эта литература на народном языке, оставаясь неизданною, осужденною на распространение устное, а самое большее — в рукописных копиях, гибла и утрачивалась очень скоро. Мы находим эти произведения большею частью случайно, среди сохранившихся в рукописных сборниках стихотворений, начиная с наиболее старых — XVII и начала XVIII в. Множество их перешло в устную традицию народа, смешавшись с его поэтическим репертуаром и утратив со временем первоначальные, более заметные черты литературного, книжного сочинения. В огромном большинстве эта литература осталась анонимною; сохранились лишь немногие имена вроде казака Климовского (первой половины XVIII в.), сочинителя лирических стихотворений, к числу которых относили известнейшую песнь «Іхав козак за Дунай» *, или Некрашевича, священника из окрестностей Киева, второй половины XVIII в., произведения которого (диалоги и стихотворные послания) отчасти сохранились с его именем, или случайно переданные в сборниках имена вроде Ник. Мазалева, сельского дьячка из Черниговщины и др.

Эти указания на сословное положение авторов вводят нас в ту среду, в которой развивалось это творчество. Это та же линия соприкосновения книжности и народности, книжного народного творчества, которая дала нам многочисленных авторов популярных книжных кантов «Богогласника». Подвизаются на ней представители низшего духовенства, «дяки-бакаляры», учителя сельских школ и более зажиточные представители мещанского и казачьего сословий, вкусившие школьной науки. Вообще старая школа была гораздо демократичнее нынешней, и в Киевской академии, до ее превращения в специальнодуховное учебное заведение (к концу XVIII в.), среди тысяч ее учеников большинство составляли представители казачьего и мещанского сословий. Сельские же школы с преподавателями-дьяками в XVIII в. были более распространены, чем нынешние министерские и земские школы, как показывают цифры старых переписей: каждое село обыкновенно имело школу, хотя села эти были гораздо меньше нынешних. Напр., по переписям 1740—1748 гг., в семи полках Гетманщины было 866 школ на общее число 35 городов, 61 местечко, 792 сел и 206 деревень. По Румянцевской описи, в Черниговском полку было 142 села и 143 школы. Сравнивая эти данные с нынешним состоянием, видим воочию, насколько старая школа была доступнее нынешней: на пространстве нынешних Черниговского, Городненского и Сосницкого уездов в 1768 г. было 134 школы, причем

* Никаких более подробных сведений о Климовском доселе, однако, не удалось собрать; единственно, что мы имеем достоверного, — это два стихотворения, поднесенные им имп. Петру в 1724 г.: «О правосудию начальствующих» и «О смирение высочайших»; автор подписался на них как «харковский козак Семен Климов»¹⁷².

одна школа приходилась на 746 душ населения, а в 1875 г. было на этой территории 52 школы, из которых одна приходилась на 6730 душ. Искавшие образования ученики, не имевшие средств отправиться в высшие учебные заведения, учились по многу лет в таких «дьяковках» и нередко «выполировывались» очень порядочно. Таким образом, школы высшие и низшие создавали очень значительную среду, где довольно успешно развивались и распространялись начатки народного творчества. XVIII в., пока старая школа Гетманщины не погибла под давлением регламентации, проведенной в местных отношениях центральным правительством: введением церковных штатов, закреплением за приходами дьячков и стеснением их свободного передвижения.

Во второй половине XVIII столетия употребление народного языка в Восточной Украине делается даже более значительным — благодаря тому, что последний не встречает себе соперника в украинском книжном (макароническом) языке, замирающем здесь в середине XVIII в. под влиянием цензурных гонений. В этом отношении интересно сравнить Восточную Украину с Западной, где книжный язык, не подвергаясь специальным гонениям, задерживал в большей степени развитие народного. В Восточной Украине книжный язык подвергался гонениям наравне с народным, и так как из этих двух непризнанных языков народный, конечно, имел в себе гораздо более жизненности, чем искусственный продукт школы — язык книжный, то по мере того как последний вытеснялся из школы языком великороссийским, старый украинский книжный язык постепенно вовсе выходил из употребления. Поэтому тот, кто желал придать своему произведению местный, украинский характер, должен был отныне обращаться к народному языку.

Последний находит также известную поддержку благодаря псевдоклассическим течениям, господствующим во второй половине XVIII в. в великорусском и украинском обществе. Сам по себе вообще враждебный народности, псевдоклассицизм, однако, признавал простонародный элемент в комическом и идиллическом роде, а его неизбежными спутниками являлись пародия и переделки псевдоклассических сюжетов на простонародный лад. Эти роды творчества прививаются также и на украинской почве. Знаменитая пародия Котляревского далеко не была единственным, ни самым ранним произведением этого рода. Так, мы случайно узнаем из письма одного из представителей новой украинской интеллигенции Афанасия Лобyseвича к Георгию Конисскому (1794), что он написал переделку «Буколик» Virgiliya на украинский лад: Лобyseвич посылает Конисскому своих «Virgiliевых пастухов, в малороссийский кобеняк переодетых», и просит у него взамен копии украинских интермедий, слышанных им в бытность в Киевской академии в 1740-х годах. Он ставит очень высоко эти интермедии и намерен их опубликовать. «Как во всяком покрое платьев,— пишет он,— так во всяком наречии

есть своя красота, а к тому когда и дым отечества сладок, то сия вонь благоухания мыслей отечественных есть наисладчайшая; для чести нации, матери нашей, всегда у себя природою и ученостью великих людей имевшей, столько светил выпустившей,— для любителей своего отечества, для знающих под корою просторечия находить драгоценность мыслей прошу ваше преосвященство велико одолжить меня: интермедии, Танского то или ваши, приказав списать, по почте мне в Санктпетербург доставить, да изыдет в свет, да даст величие отечеству своему наш Плавт, наш Мольер, ежели что не боле *; ибо я помню некоторые стихи: описание Великодня, бегство сатаны и смерти, смерть Иуды — прекрасные описания!»

Этот интересный отзыв приобретает еще более значения, если мы примем в соображение личность его автора. Это представитель высшего слоя современной украинской интеллигенции, не только по своему званию полковника русской службы, но и по образованию: он закончил свое образование в Петербургском «академическом университете», довольно долго «вояжировал» за границей, сотрудничал в великороссийских изданиях. С другой стороны, он представитель украинского патриотического круга — как человек, служивший в гетманском управлении, близкий к последнему гетману Разумовскому. В его лице мы, таким образом, видим слияние старых традиций Гетманщины с новыми культурными течениями, характеризующее вообще начатки украинского возрождения; новые течения, как видим, не исключают, а, наоборот, поднимают уважение и внимание к проявлениям украинской национальной жизни. Отзыв Лобысевича об украинских интермедиях показывает, что среди украинского образованного общества, в большинстве склонного смотреть на произведения, писанные на украинском языке, как на вещи только забавные, а не настоящую литературу, существовали уже люди иного склада. Они смотрели на народные произведения серьезнее и глубже — как на вещи, не уступающие классическим образцам и могущие составить славу украинского «отечества». Если их оценка литературных достоинств украинских произведений преувеличена, то уверенность, что в этом направлении могут быть созданы вещи, могущие занять место рядом с европейскими образцами, была, конечно, очень ценна.

Первое произведение, изданное и доступное широкой публике, должно было поддержать эту уверенность и научить широкую публику смотреть серьезнее на творчество на украинском народном языке. Пример того же Лобысевича, с таким трудом старавшегося достать копию такого громкого произведения, как пьеса Конисского, пока-

* В другом месте Лобысевич называет этого Танского, автора интермедий (очевидно, вовсе не дошедших до нас, если только он не был автором интермедий, вставленных в пьесу Конисского), «славным природным стихотворцем, во вкусе площадном, во вкусе Плавтовом».

зывает ясно, насколько важным тормозом развития украинского творчества было отсутствие печатных изданий, созданное старыми цензурными запрещениями и затем державшееся или в силу инерции, или в силу цензурных препятствий (трудно решить). По этому примеру можно судить, как слабо было распространение произведений на украинском языке и как легко они утрачивались. Обращение народных произведений к услугам печатного станка имело ввиду этого очень большое значение.

Ряд талантливых произведений на народном украинском языке, появляющихся в печати в последних годах XVIII и первых десятилетиях XIX в., действительно создает и укрепляет новое отношение к украинскому слову. К нему обращаются все более и более серьезно — как к наиболее полному выражению украинофильских симпатий, как наилучшему средству общения со своим народом, своими земляками.

Такой поворот имел чрезвычайно важное значение. Народный язык, утраченный уже интеллигенцией и сохраненный только народом, обратил украинскую интеллигенцию лицом к народу после векового отчуждения от него. Научив ценить и уважать не только язык, но и его носителя, он послужил могущественным средством взаимного сближения. Язык решил судьбу украинского возрождения, восстановив разорванную связь интеллигенции с народом, открыв дорогу к народной душе, к общению с нею. Отсюда оригинальное содержание, характеризующее эту новую украинскую литературу уже с первых шагов ее, — народные темы творчества, реализм и демократизм. Языку была обязана Украина тем, что украинофильство не ограничилось собиранием произведений народной словесности, составлением грамматик и словарей, а перешло в настоящее национальное возрождение. С этой точки зрения первые литературные произведения, вызвавшие серьезное внимание к народному языку и послужившие началом литературной обработки его, составили эпоху в истории украинского народа.

Несколько позже этот поворот к народному украинскому языку, в значительной степени его стихийный, малосознательный, находит свое истолкование и санкцию в идеях народности, в романтическом увлечении последнею, распространяющемся со второй четверти XIX в. в украинском, так точно, как и в великорусском и польском обществе, и в отзвуках славянского возрождения.

Нелегко установить момент, с какого начинается воздействие этих идей на украинское возрождение, но значение их в истории последнего вполне несомненно. Начавшееся в Англии еще в первой половине XVIII в., обращение к народности начинает воздействовать на славянские земли с концом XVIII в., главным образом чрез посредство германской среды, в которой идеи народности начинают культивироваться преимущественно с последней четверти XVIII в. Переходя к славянам, они встречаются здесь с подобными полусте-

хийными национальными течениями, какие мы видим на Украине конца XVIII в., и поддерживают их, давая известную моральную санкцию. В этом же направлении воздействует затем национальное движение Наполеоновской эпохи, и еще позже — начинают взаимно воздействовать симптомы национального пробуждения у разных славянских народностей. Влияние баллад Перси, Макферсонова «Оссиана», «Идей» Гердера встречается с первыми попытками собирания славянских песен, начинающимися с концом XVIII в., и более серьезными трудами первой четверти XIX в., как сборник сербских песен Караджича, и немногим позднейшие сборники украинских песен и статьи Ходаковского, Цертелева и др.* Развивается небывалый дотоле интерес к народной словесности, к этнографии, к историческим традициям, к национальным особенностям. «Народность» становится боевым кликом культурного движения, предметом восторженного культа. В ее идеях находит себе подкрепление и, так сказать, теоретическое оправдание и обращение к народной стихии, развивающееся среди украинского общества, а пример других славянских народностей помогает ему ориентироваться в задачах и потребностях национального возрождения.

И это обращение к народной словесности, к изучению народной жизни имело на украинской почве опять-таки также чрезвычайно важные последствия для украинского возрождения в самом широком значении этого слова. Украинская народная поэзия, за исключением сербской, не имеет соперника среди народов Европы, а народная жизнь Украины отличается чрезвычайным разнообразием, богатством и колоритностью содержания. Богатство и высокие качества украинской народной словесности поражали первых собирателей народных произведений. Украинский народ оказывался обладателем несравненных сокровищ поэзии, творцом произведений, которые по силе и красоте можно было смело поставить наряду с наилучшими образцами народной поэзии Европы, сопоставить с выдающимися произведениями не только народного, а и вообще поэтического творчества. И этим творцом, по тогдашним понятиям, была именно серая, безыменная народная масса, поработанное и угнетенное простонародье, на которое была склонна так свысока смотреть украинская интеллигенция с высоты своего невысокого европеизма. Какой переворот должно было произвести это открытие в более чутких и вдумчивых представителях украинской интеллигенции! Народ в их глазах становится носителем правды и красоты жизни. Возможное приближение к нему становится руководящей идеей творчества,

* Старейший из сборников украинских песен — Ходаковского, собранный главным образом в 1814—1817 гг., не был своевременно издан, так что первым печатным сборником был «Опыт собрания старинных малороссийских песней» Цертелева 1819 г. За ним последовал первый сборник Максимовича (1827), «Запорожская старина» Срезневского (с 1833 г.) и второй сборник Максимовича (1834).

а народная словесность — неистощимою сокровищницею, из которой черпаются мотивы и краски творчества.

С концом 20-х годов это течение начинает проявляться уже вполне определенно у представителей украинской интеллигенции. «Наступило, кажется, то время, когда познают истинную цену народности», — пишет Максимович в предисловии к первому своему сборнику украинских песен (1827). «Знаете ли, — пишет в открытом письме к нему в том же году другой собиратель произведений украинской народной поэзии, Цертелев, — что сию безыскусственную поэзию (народную) предпочитаю я большей части наших романов, баллад и (слушайте, слушайте!) даже многим романтическим нашим поэмам». Благодаря своей оригинальности и колоритности украинская народная жизнь и прошлое украинского народа возбуждают большой интерес среди великорусского общества. Молодой Гоголь, приехав в Петербург в конце 20-х годов, с удивлением замечает моду на все украинское среди петербургского общества и начинает осаждать своих родных требованиями присылки этнографических и исторических материалов. Спрос вызывает появление множества произведений на украинские темы из прошлого и настоящего. И опять этот интерес в великорусской литературе, несомненно, поощрял и ободрял украинцев в их обращении к народной жизни, народному творчеству, народному языку.

Но начавшееся таким образом на почве языка и литературного творчества сближение с народными массами не ограничивалось чисто литературной областью. Оно постепенно вводило представителей украинской интеллигенции в понимание и социальных условий народной жизни. Традиции казацкой эпохи, жившие среди интеллигенции и весьма живучие в то время среди народа, с их амальгамою национально-политических и социальных мотивов, сослужили тут также немалую службу. Затем воздействовали западноевропейское наследие Великой французской революции, социальные теории первой половины XIX в. и идеи национального освобождения. Проблески участия к тяжелому социальному положению народных масс, встречающиеся с первых страниц возрождающейся украинской литературы, с концом второй четверти начинают переходить во вполне сознательные взгляды на социальное и политическое положение народных масс и кладут первые основы социальной и политической программы украинства.

Таковы были общие условия, под влиянием которых складывалось и развивалось украинское движение.

Долгое время оно было почти исключительно литературным, и рост народной литературы создавал его этапы.

Как я уже сказал, появление нескольких талантливых произведений на рубеже XVIII и XIX вв., заставивших вдумчиво и серьезно отнестись к народному языку и народной стихии в литературе, было первым таким этапом.

Первым произведением в этом ряде была пародированная «Энеида» Ивана Котляревского. Автор ее происходил из небогатой дворянской (т. е. признанной в дворянских правах при последних реформах) семьи, был воспитанником старой украинской школы (перемышлянской семинарии) ¹⁷³. Свою пародию он написал в молодости, подражая подобной же великорусской пародии и едва ли преследуя при этом какие-либо цели, кроме простой шутки. Однако на нее обратил внимание один из образованных и богатых его земляков, С. Парпура, и без ведома автора издал ее в Петербурге в 1798 г. Пародия произвела впечатление и действительно имела полное право на внимание: автор обнаружил в ней большой литературный талант, непринужденный юмор. Но что главным образом создало популярность пародии Котляревского — это талантливые штрихи и целые картины украинской жизни, которыми автор наполнил свое произведение, представив Энея и его спутников в виде ватаги украинских бродяг-казаков *, а также чистый и прекрасный народный язык, которым оно было написано. Такой большой и талантливой вещи еще не видела Украина — в печати вдобавок! ** Из-за пародированной фабулы «Энеиды» показалась картина украинской жизни, какой не знала украинская письменность, — картина небывалая по широте, реализму и артистическому исполнению. «Перелицьована Енеїда» быстро разошлась и потребовала нового издания.

Это внушило Котляревскому желание продолжить свое произведение: первое издание заключало только три песни, впоследствии он присоединил к ним новые три. Кроме того, он написал для сцены оперетту «Наталка-Полтавка», появившуюся на сцене впервые в 1819 г., и водевиль «Москаль-чарівник» ¹⁷⁴. Здесь наряду с талантливым изображением украинской жизни мы встречаем уже сознательное стремление автора выдвинуть положительные стороны народного быта и симпатичные черты народного характера. Пьесы эти имели огромный и прочный успех — они не сошли с репертуара до сих пор.

Однако несмотря на громкий успех «Энеиды», мы не видим, чтобы она вызвала какое-либо литературное движение непосредственно уже одним своим появлением, хотя и встречаются отдельные произведения, навеянные ею. Павловский, составитель первой грамматики украинского языка, изданной в 1818 г., т. е. двадцать лет после появления «Энеиды», все еще называет украинский язык «исчезающим наречием». Впервые то, что можно уже назвать украинским

* Такие бездомные казаки были пред глазами — в виде скитавшихся запорожцев разрушенной Сечи.

** Ранее «Энеиды» Котляревского из произведений на народном языке, не говоря о народных песнях, включавшихся в песенники, напечатана была только небольшая песня основателя Кубанского войска А. Головатого — «Песня Черноморского войска, по получении на землю высочайших грамот», напечатанная в 1792 г. как выражение лояльных чувств кубанских запорожцев.

литературным движением, видим мы в конце второго десятилетия XIX в. и то не на родине Котляревского, в Полтаве, а вне границ старой Гетманщины: в столице Слободской Украины — Харькове. Последний с основанием здесь университета (1805), а потом женского института становится первым культурным центром Восточной Украины, тем более что названные просветительные учреждения были созданы усилиями и материальными жертвами самого местного общества, а не просто открыты правительством. В связи с этим развивается здесь весьма оживленная для своего времени литературная и просветительная деятельность.

Правда, и эти школы, и это движение были великорусскими, с очень слабою местною окраскою. Культура, которая развивалась в этом украинском центре, была также великорусской. Украинское течение проявляется очень скромно, в виде нескольких украинских книг и брошюр, разделенных годами, отдельных украинских стихотворений и рассказов, помещаемых в местных журналах и альманахах, издаваемых на великорусском языке. Рядом с «настоящею» великорусскою культурою, к которой серьезно относилось не только правительство, но и местное украинское общество, это украинское течение могло считаться еще мелким провинциализмом, забавою или капризом этнографов и антиквариев. Но все же, хоть и в скромных размерах, это был первый литературный украинский кружок, первая «школа». В Харькове один за другим выступает ряд писателей с большими или меньшими дарованиями, пишущих по-украински в харьковских изданиях: Петр Гулак-Артемовский, автор нескольких прекрасных стихотворений (баллад, сатирических рассказов и лирических произведений, печатавшихся с 1817 г.), Григорий Квитка — автор первых украинских повестей, Амвросий Метлинский и Николай Костомаров — украинские поэты и этнографы. Харькову же принадлежали и такие деятели, как помянутый автор первой украинской грамматики Павловский (1808), издатели украинских песен Цертелев (1819), Срезневский (1833) и др.

В конце 1820-х и в 1830-х годах тут уже действительно есть вполне осязательная украинская группа, притом представленная людьми образованными и уважаемыми, к деятельности которых общество должно было относиться с подобающею серьезностью. В чисто литературном отношении они делают большой шаг вперед — и в отношении разнообразия творчества, и в смысле сознательности его. Появляются теоретические оправдания писательства на народном языке (статья Квитки 1833 г.). Украинские писатели подают руку славянскому возрождению и романтическим интересам к народности. Но более широкой постановки национальной украинской идеи здесь еще нет; не только политической, но и определенно выраженной общественной окраски в произведениях этой школы мы еще не видим.

Появление между украинскими писателями с конца тридцатых

годов такого первостепенного дарования, как Тарас Шевченко, завершает образование украинской народной литературы. Для украинского возрождения такое быстрое — в сорок лет спустя после первых серьезных шагов возрождения народной литературы — появление гениального поэта было большим счастьем. Совершенно справедливо было замечено, что с появлением Шевченка украинская литература не нуждалась в рекомендациях. Уже оно одно давало полное оправдание новой литературе — в глазах тех, кому такое оправдание было нужно, и полагало прочное основание не только народной литературе, но и народному возрождению. В тех чрезвычайно тяжелых условиях, в каких стояла украинская народность, состоявшая из безгласной, закрепощенной и темной народной массы, с одной стороны, и денационализированной, потерявшей национальное чувство и историческую традицию интеллигенции — с другой, появление Шевченка, повторяю, было чрезвычайным успехом.

Этот крепостной казачок (мальчик для посылки) и малярский ученик *, не получивший никакого правильного образования, но гениальною интуицией восполнявший пробелы своих знаний, составляет единственное в своем роде явление во всемирной литературе. Как лирический поэт — глубиной, непринужденностью и непосредственностью чувства и красотой формы он не уступает никому и при этом остается уникалом по своей народности. Его творчество — это творчество народа, достигающего сразу, без посредствующих степеней, высокого интеллектуального развития и индивидуального сознания и соединяющего в своих созданиях непосредственность народной поэзии с сознательностью литературного творчества. В украинскую литературу Шевченко внес новое содержание, целый ряд новых мотивов. Укажу только наиболее выдающиеся стороны, как обращение к прошлому, невиданное пред тем одушевление народными войнами XVII—XVIII вв. и казачеством, в идеализации которого, согласно народной традиции, поэт отыскивает мотивы, созвучные его идеалам общественной справедливости, свободы и независимости; протест против крепостного права, вытекающий из тех же идеалов и по силе и напряжению не имеющий ничего себе равного; такой же протест против политического гнета и всякого посягательства на свободу и достоинство человеческой личности.

В 1845 г., находясь в зените своего творчества, Шевченко переселяется в Киев, где встречается с другими двумя корифеями украинского возрождения — историком Костомаровым и этнографом, позже также выдающимся поэтом и историческим писателем Пантелеймоном Кулишом. Вокруг основанного незадолго перед тем Киев-

* Он родился в 1814 г. в Звенигородском уезде Киевской губернии; в 1838 г. выкуплен был на свободу покровителями его поэтического и художественного дарования (он был также и даровитым художником).

ского университета * собирается кружок украинофилов, организующих так наз. Кирилло-Мефодиевское братство. Оно просуществовало недолго, но в истории украинского народа имеет то важное значение, что здесь мы впервые видим попытки теоретического формулирования украинской идеи в политической и общественной сфере в духе прогресса и свободы. Программа Кирилло-Мефодиевского братства возрождала идеи старых «Соединенных славян» 1820-х, но со многими существенными поправками. Славянские народы, в число которых как полноправный член включалась также украинская народность, должны были составить федерацию, состоящую из самостоятельных национальных государств, объединенных федеральным правительством — «общим славянским собором из представителей всех племен». Каждая народность должна была «составлять особенную речь посполитую» (республику), и таким же демократическим республиканским устройством — «правлением народным с правителем, избранным на время», должна была венчаться федерация. Во внутреннем строе национальных государств должно было быть проведено «всеобщее равенство» — никакого различия сословий, полная свобода веры, мысли и слова, и ближайшей своей целью братство ставило «искоренение рабства и всякого унижения низших классов».

В литературе программа кружка проявить себя не успела. В 1847 г. по доносу одного студента Киевского университета кружок был открыт, участники арестованы и подверглись более или менее тяжелым наказаниям. Шевченко был отдан в солдаты и сослан на азиатскую границу с воспрещением писать и рисовать; Костомаров и Кулиш были высланы с воспрещением литературной деятельности и т. п. В развитии украинской литературы и народного возрождения наступает невольный перерыв, и только в конце 1850-х годов кирилло-мефодиевские братчики получают возможность собраться в Петербурге и вернуться к литературным и ученым занятиям. Кулиш, ранее других освобожденный из ссылки, развивает весьма энергическую издательскую деятельность, собирает литературные силы и после ряда более мелких изданий в 1861 г. налаживает с кружком земляков, собравшихся в Петербурге, издание первого литературного и общественного украинского журнала «Основа». Кулиш и Костомаров стояли во главе издания ¹⁷⁵, а умерший в начале 1861 г. Шевченко был в нем представлен обильным посмертным своим литературным наследием. Журнал, таким образом, являлся органом Кирилло-Мефодиевского кружка. Но полного своего развития идеи кирилло-мефодиевской программы в деятельности петербургского кружка не нашли, и сдержанность «Основы» во многих пунктах политических и культурно-

* Киевский университет был открыт в 1834 г. взамен польского университета в Вильне и такого же лицея в Кременце (на Волыни), закрытых во время восстания 1831 г., и с самого начала получил очень официальный характер, от которого и позже не успел освободиться.

общественных вопросов, очевидно, нельзя объяснять одними цензурными стеснениями. Вероятно, жизненный опыт охладил мечты юности, а очередные, существенно важные для украинского народа задачи, выдвинутые ходом русской жизни, заставили ступать на далекие мечты об устройстве славянского мира. Но, с другой стороны, очевидно также, что идея полного и всестороннего национального развития украинской народности не представлялась еще с полной ясностью кружку «Основы».

Самый факт, что центром украинского движения конца 50-х и начала 60-х годов сделался Петербург — правительственный центр, удаленный от украинской территории, показывает, как слабо было еще это движение, как связано с деятельностью немногих единиц. Но сам по себе этот петербургский период остается светлым моментом в его развитии. «Основа», несмотря на свое кратковременное существование и ограниченность своей национальной программы, сделала большое дело, впервые объединив национальные элементы Украины на довольно прогрессивной платформе и связав украинское движение с прогрессивными и демократическими течениями великорусского общества. Украинское движение, подготовившее в своей литературе вопрос об освобождении крестьян гораздо раньше и глубже, чем это было сделано в литературе великорусской, в этот момент, когда освобождение крестьян стало злобою дня для всей интеллигенции в России (в конце 50-х и начале 60-х годов), очутилось в первых рядах освободительного движения и в тесном общении с ним. В усилиях, направленных к просвещению народных масс, украинская интеллигенция шла тоже впереди великорусской (напр., в развитии воскресных школ, в проведении народного языка в начальном обучении) и находила полное сочувствие и поддержку в тогдашних великорусских деятелях по народному образованию. Петербургский комитет грамотности ходатайствовал в 1862 г. о введении в народных школах Украины преподавания на украинском языке. В его списке рекомендованных для народного чтения книг, этого года число украинских книг почти равнялось числу великорусских (позже, в издании списка 1867 г., когда направление комитета изменилось, украинских книг уже не было).

Вообще это время отличается отрядною близостью и солидарностью представителей украинского и великорусского прогрессивного движения. В «Основе» принимали участие и великорусские ученые и писатели; с другой стороны, петербургский украинский кружок принимал участие в предприятиях и манифестациях прогрессивного характера, предпринимавшихся великорусскими писателями. Так, напр., имена Шевченка, Костомарова, Кулиша, Марка Вовчка и др. виднелись среди подписей под протестом против юдофобских выходов известной части печати в 1858 г. Это было очень ценное единение, так как раньше украинские народники нередко тяготели в сторону реакционного великорусского славянофильства, встречая со стороны

«западников» иногда довольно резкое неприязненное отношение (как резкая до неприличия выходка Белинского по адресу Шевченка)¹⁷⁶. Теперь завязываются прочные связи украинства с прогрессивными великорусскими течениями, много обещавшие той и другой стороне. С этой точки зрения перерыв, произведенный цензурными стеснениями, рассеявшими петербургский кружок, был особенно неблагоприятен для украинского движения. Интеллигенция великорусская, а с нею и украинская (в России) продолжала жить кипучею жизнью; время выдвигало один за другим новые вопросы политического и общественного характера. Украинское же национальное движение, прерванное в своем органическом развитии почти десятилетним антрактом, когда получило возможность проявить признаки жизни, принуждено было начать с того, на чем его представители остановились во время «Основы», т. е. историко-этнографических интересов и элементарных для этого нового времени неясных народных стремлений. Вследствие этого прогрессивной части общества оно казалось каким-то анахронизмом и с тех пор сделалось для нее предметом снисходительного сожаления или даже известной неприязни.

Деятельность кружка «Основы», была прекращена в 1863 г.¹⁷⁷, когда на украинофилов было брошено подозрение в связях с польским движением, и «польская интрига» стала с тех пор для известной части печати в России обычным оружием борьбы против украинского движения. Этих глашатаев «польской интриги» не смущало то обстоятельство, что именно с польской стороны новое украинство встречалось с ожесточенной враждой. В разгар украинофильского движения в начале 1860-х годов польские помещики Киевской губернии засыпали администрацию доносами на украинофилов, обвиняя их в стремлении ниспровергнуть существующий строй, а галицкие поляки, считая местное украинское движение интригою австрийского правительства, усердно стараются вооружить это последнее против представителей украинского движения, обвиняя их в анархизме и тяготении к России.

Неосведомленность правительственных сфер давала благоприятную почву для противукраинской агитации. Подвергались запрещению такие вполне невинные украинофильские органы, как «Черниговский листок». Издание украинских учебников встретилось с непреодолимыми затруднениями. Начались гонения на воскресные школы. Целый ряд представителей украинского движения подвергся административным высылкам и разным преследованиям.

Наконец, на украинскую литературу обрушивается полная проскрипция. Министр внутренних дел (Валуев), ссылаясь на мнение «большинства малороссиян», которые якобы «весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может», полагает начало новому курсу правительственной политики по отношению к украинскому движению. Подо-

зревая в украинском движении влияние «политических замыслов Польши», а в распространении грамотности и просвещения среди народа лишь благовидный предлог для политической пропаганды, он в 1863 г. предлагает цензурному ведомству разрешать к печати на украинском языке только беллетристику, а книг учебных, популярно-научного и религиозного содержания и вообще предназначенных для народа не разрешать впредь до сношения министра с другими ведомствами *. Против такого огульного воспрещения решительно восстал министр народного просвещения (Головин), находя неуместным проектированный министром внутренних дел поход против украинского языка как такового. «Сущность сочинения,— писал он в своем возражении,— мысли, изложенные в оном, и вообще учение, которое оно распространяет, а отнюдь не язык или наречие, на котором оно написано, составляют основание к запрещению или дозволению той или другой книги, и старание литераторов обработать грамматически каждый язык или наречие и для сего писать на нем и печатать — весьма полезно в видах народного просвещения и заслуживает полного уважения». Тем не менее распоряжение Валуева осталось в силе, было очень энергично поддержано со стороны духовного ведомства, наложившего в это время свое veto на издание Священного писания на украинском языке, а не в меру ретивая цензура перестала разрешать к печати вообще все написанное на украинском языке — даже и беллетристику.

Литературная работа была остановлена в России почти на целое десятилетие. Но развернувшуюся энергию движения нельзя было остановить этими репрессиями, и в результате эта первая проскрипция украинского слова в России вызвала первый исход украинских деятелей из России в Галицию.

XXIX

УКРАИНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В АВСТРО-ВЕНГРИИ

В Галиции наличность известного культурного и национального роста, созданного подъемом ее единственной тогдашней интеллигенции — униатского духовенства, вполне определенно дает себя почувствовать в первые десятилетия XIX в. Вопрос о преподавательском языке в народных школах, в которых польская шляхта хотела заменить украинский язык польским, существенно задев национальные интересы русин, послужил поводом к первым вполне определенным выступлениям с их стороны в защиту своих национальных

* «Чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом (малороссийском) языке, которые принадлежат к области изящной литературы, пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться».

прав. В 1816 г. митрополит Левицкий по инициативе каноника Могильницкого, крупнейшего из представителей нарастающего культурно-национального движения, обратился к правительству с ходатайством о введении преподавания на русинском языке во всех народных школах. Когда же комиссия по школьному вопросу постановила уже известное нам решение о введении в народных школах преподавания на польском языке, митрополит внес протест против этого. Несколько позже (1822) Могильницкий предложил мемориал в защиту полнораспространенности и важности русинского (украинского) языка; выраженные тут мысли были затем развиты им в трактате «Видомість о руском языке», изданном в 1829 г. в польском извлечении, по адресу польской шляхты, под названием «Rozprawa o języku ruskim». Это был первый ученый трактат в защиту украинского языка, и поэтому перепечатывался много раз в Австрии и в России — все в том же сокращенном виде. По инициативе того же Могильницкого основано было в Перемышле в 1816 г. первое русинское общество для распространения просвещения среди народа на народном языке; впрочем, несмотря на свой очень скромный, клерикальный характер, общество его встретило сильнейшее противодействие со стороны польского духовенства и базилиан и сразу же заглохло.

Гораздо успешнее были труды по организации русинских частных (церковных) школ, которыми приходилось вознаграждать население за утрату официальной народной школы, получившей польский характер после известного нам решения школьной комиссии. Стараниями духовенства, душою которых был тот же Могильницкий, в короткое время создана была очень значительная сеть начальных (приходских и низших, так наз. тривиальных) школ: напр., в 1833 г. в Перемышльской епархии считалось 385 приходских (парафиальных) и 24 тривиальные школы. Для приготовления учителей была организована своего рода учительская семинария в Перемышле. Для потребностей этой новой школы составлялись учебники; являлась надобность в грамматике языка, который должен был служить и языком преподавания, и предметом литературной обработки, и это обстоятельство ставило на очередь вопрос об отношении литературного и преподавательского языка к народной стихии. В 1820-х годах этот вопрос еще не имеет позднейшей остроты и принципиальности. Авторы первых известных нам грамматик склоняются к народной стихии, хотя и считают нужным «очищать от грубых заблуждений простонародной речи», приближая ее к старой книжной и церковнославянской речи. На такой точке зрения стоят Могильницкий в своей оставшейся неизданной, недавно отысканной «Граматыке языка словено-русского», составленной в 1820-х годах¹⁷⁸, и другой перемышльский каноник, Лавривский, приготовлявший также грамматику (известную лишь в рукописных фрагментах).

Принципиальным и жгучим вопрос делается в 1830-х годах, когда народный язык получает новых убежденных и горячих сторонников.

Тут сказывалось уже непосредственное влияние и славянского возрождения, один из видных деятелей которого, Б. Копитар, специально интересовался украинскою народностью и усиленно советовал галицким русинам развивать книжный язык на чистой основе народного. Еще более влияли, конечно, первые пробы литературной обработки народного языка в Восточной Украине. Начинается полемика между защитниками церковного книжного языка и народной речи. Автор первой печатной западноукраинской грамматики Мих. Лучкай, из Угорской Украины ¹⁷⁹, и автор первой галицкой грамматики Иосиф Левицкий, склонявшиеся в сторону книжного языка (а первый и в сторону литературного великорусского), вызывают протест со стороны галицкого грамматика Иосифа Лозинского, довольно решительно (не без непосредственного влияния Копитара) ставшего на сторону народного языка (1833—34). Еще более решительную позицию занимает в этом смысле кружок молодых богословов, образовавшийся в Львовской семинарии в 1830-х годах, и под влиянием указанных выше факторов, также тогдашней революционной польской пропаганды в Галиции усвоивший народнические и вообще прогрессивные взгляды. Во главе его стояла так называемая «Русская троица» *, от которой выводится обыкновенно национальное возрождение галицких русин: Маркиан Шашкевич, Яков Головацкий и Иван Вагилевич, в начале 30-х годов слушавшие философию и богословие во Львове. Под влиянием первых литературных произведений и опытов народоизучения в Восточной Украине кружок этот занимается изучением истории и словесности украинского народа, собирает этнографический материал и пробует свои силы на народном языке, который стремится провести в церковную проповедь и практику. Шашкевич потом приобрел значение первого народного поэта Галиции; Головацкому выпало на долю стать первым патентованным ученым-украиноведом — профессором украинского языка и литературы на новооснованной кафедре Львовского университета; Вагилевич, живой, импульсивный, занимался понемногу всем: историей, словесностью, археологией, этнографией.

Но их начинания были встречены в официальных кругах очень неблагоприятно: настроение здесь с 1780-х годов изменилось радикально. Местная австрийская администрация подозрительно отнеслась к симптомам нового украинского движения; достаточно хлопот с польским национальным движением, она опасалась новых затруднений с оживлением русинского общества, проявлений с его стороны каких-либо свободолюбивых стремлений и в результате — национальных конфликтов. Тот же Копитар, о котором мы только что говорили как о стороннике национального возрождения галицких украинцев, как ревностный австрияк, подал австрийскому правительству

* Я напомним еще раз, что в Галиции удержалась и доселе традиция русского имени и тут называют «русским» язык и племя украинское.

мысль обезопасить австрийских украинцев от нежелательных влияний Российской Украины, и результатом его представлений было последовавшее в 1822 г. воспреещение ввоза в Австрию книг церковной и гражданской печати. Первый альманах «Зоря», составленный кружком Шашкевича, попавши в руки Копитара как цензора, был отослан им для большей надежности на заключение митрополита и в конце концов запрещен (1834). Свой новый альманах — «Русалка Днистрова», составленный из народных песен и собственных произведений, еще более осторожно, чем «Зорю», кружок Шашкевича, чтобы избежать австрийской цензуры, издал в Пеште, но когда книгу прислали во Львов, всю ее конфисковала цензура, и только в 1848 г. добились ее выдачи. Специальная цензура, учрежденная для местных украинских изданий и порученная одному из наиболее реакционно настроенных представителей униатского духовенства — Бен. Левицкому, с величайшей подозрительностью относилась ко всему, что выходило из рамок традиции. Грамматика Лозинского подверглась запрещению, потому что цензура заметила в ней реформационные тенденции в области языка, нарушающие «основную черту русинского характера — консервативность»! Совершенно невинные вещи: книги церковного содержания, оды в честь царствующего дома — конфисковались потому, что были написаны недостаточно архаическим церковным языком или напечатаны не церковным, а гражданским шрифтом. Строго лояльные исторические произведения отдавались на всякий случай на просмотр полякам, «чтобы предотвратить трения между обеими сторонами». Не удивительно после этого, что кружок Шашкевича подвергся всяческим гонениям. Сам Шашкевич — талантливый писатель, первый национальный поэт Галицкой Руси, умер от лишений через несколько лет на «голодовке». Вагилевич также не вынес этих преследований и погиб. Все затихло.

Движение было придавлено. Но национальная идея не умерла, тем более что среди этих гонений на галицких народников крепла и выходила на широкую дорогу народная украинская литература в Восточной Украине, служа постоянным стимулом галицкому народничеству. Гробовое молчание реакции, которая погребла первые начатки галицкого возрождения, нарушила буря 1848 г. Но Галицкая Украина была слишком задавлена, слишком очоленела, чтобы принять участие в освободительном движении. К тому же революционное движение в Галиции представляли поляки, их целью было восстановление Польши в исторических границах, чему русины, разумеется, не могли сочувствовать. Правительство искало в них опоры против поляков, и они откликнулись на этот призыв с полной готовностью. Не без участия тогдашнего австрийского наместника Стадиона (о котором долго потом поляки говорили, что он «изобрел» русин в Галиции) началась организация их: основан политический клуб «Головна рада», начала выходить газета «Зоря галицька»¹⁸⁰. Отчасти вследствие такой поддержки правительства, отчасти из оппозиции

полякам русинское движение 1848 г. получило характер чрезвычайно консервативный и лояльный — австрийский. Это направление его находило свое оправдание в благих намерениях австрийского правительства, заявлявшего твердое намерение ввести украинский (русинский) язык в средней и высшей школе восточной Галиции, отделить ее в административном отношении от польских областей (западной Галиции), с которыми она оказалась совершенно случайным образом связанной. В этом смысле и делались некоторые начинания (позже, в 1850 г., даже был издан закон, размежевавший Галицию на три национальные территории: две однородные по национальному составу и третью — смешанную). Большое впечатление произвела последовавшая в том же 1848 г. отмена «панщины» (барщины) и крепостной зависимости и призыв украинского населения к организации своей национальной гвардии в противовес организациям польским.

Не без влияния таких официальных течений украинское общество Галиции взяло довольно определенную национальную ноту. Помянутая «Головна рада» и созданный осенью того же года «Собор русских ученых» поставили целый ряд весьма рациональных требований и резолюций, предвосхищавших во многом позднейшую программу галицкого возрождения. Таково, напр., было помянутое требование, чтобы Галиция была разделена на две национальные территории; чтобы в школах был введен русинский язык; чтобы было организовано просветительное учреждение по образцу чешской «Матицы»; чтобы установлена была единообразная грамматика и правописание для «русского» (т. е. украинского) языка и он был ясно отграничен от польского и великорусского, — собор, как и вообще все это движение, стремился к ограничению украинской народности и от польской, и от великорусской. Но в конце концов официозный характер движения еще более содействовал тому, что во главе украинского движения стали элементы крайне консервативные, реакционные, которые очень скоро задавили все свежее, возрождающее в новом движении, когда правительство перестало поддерживать своими влияниями чисто народные, национальные элементы этого движения.

Австрийское правительство после подавления революционного движения, перестав нуждаться в русинах, вообще перестало ими интересоваться и оказывать им свою поддержку, и русинское движение, опиравшее все свои расчеты на его поддержку, падает и гложет. Клерикально-консервативные элементы, игравшие роль вождей и представителей русинского народа, его единственная тогда «интеллигенция», на 9/10 состоявшая из священников и смотревшая на митрополита с его соборным капитулом как на вождей народа, почувствовали себя бессильными и беспомощными без правительственной поддержки. Они остались пассивными зрителями важных перемен, совершавшихся во внутренних отношениях Галиции среди затишья реакции, воцарившейся во всей Австрии после бурь 1848 г.

На их глазах выплывали снова наверх реакционные, клерикально-шляхетские польские элементы и, снискав доверие центрального правительства, получали край в свое полное, безраздельное и бесконтрольное управление. Правительство головою выдавало польской шляхте своих верных слуг, «восточных тирольцев», как называли русин за оказанную в 1848 г. верность Австрии.

Должность наместника Галиции начинает замещаться по рекомендации польских аристократов. Вся администрация переходит в руки шляхты. Польский язык становится языком делопроизводства и сношений, вводится в гимназиях и университете для всех предметов. Русины увидели себя во власти своих вековых врагов, которые пошли на службу правительству за цену бесконтрольного господства в Галиции и приступили к систематической работе (*praca organiczna*) над подавлением русинского народа, осмелившегося им показать рога в 1848 г., над превращением его в аморфный строительный материал будущей, возобновленной Польши.

Русины немного выиграли и от введения конституции, представительного правления и самоуправления провинций, начатого Октябрьским патентом 1860-го и законченного австро-венгерским соглашением 1867 г. При представительном образе правления польская шляхта, захватившая в свои руки представительство Галиции, имела возможность оказывать правительству ценные услуги в общеимперских делах и за то могла рассчитывать с его стороны на еще большую поддержку в своих планах утверждения польского господства в Галиции. Задержав в своих руках управление краем, получив подавляющее большинство в новоучрежденном галицком сейме, польская шляхта отгораживает Галицию непроницаемой стеною от всяких вмешательств центрального правительства и парламента и, не считаясь ни с законами, ни с конституцией, которую на галицкой почве она сводит к чистой пародии, стремится к тому, чтобы превратить русин в покорных подданных польского господства.

Русинская интеллигенция долго ограничивалась вздохами и глухими жалобами на это усиливающееся польское преобладание. 1850-е года, когда начинается эта перестройка галицких отношений, были глухим и темным периодом в жизни русинского общества. Начатки народничества были чрезвычайно слабы. Сравнительно смелые требования и взгляды 1848 года были забыты. В литературе и публицистике, чрезвычайно жалких и бедных, снова возникли споры между сторонниками сближения с народом и его языком и приверженцами «книжного» языка и «высшей» культуры, образцом которой являлась та старорусская книжность, то великорусское — преимущественно XVIII века. Самые эти споры велись так вяло и с таким слабым культурным аппаратом, что совершенно не подвигали вопроса, обращавшегося в зачарованном кругу. Вопрос об очищении унитарского обряда в действительности занимал умы русинских интеллигентов-священников гораздо сильнее, чем эти принципиальные во-

просы. Сколько-нибудь активная политика их пугала, так как русины боялись усилить шансы поляков, прогневив центральное правительство, в их глазах все еще остававшееся единственным якорем спасения.

Наконец, так называемая «азбучная война», возгоревшаяся в 1859 году по поводу предложения наместника Галиции графа Голуховского ввести латинский алфавит в русинскую письменность, вывела Галицкую Русь из оцепенения. Введение латинского «абецадла» казалось заупокойным звоном по русинской душе. С большим единодушием, забыв свои распри, русины выступили против этого проекта и успели убить его: встретив решительный протест, правительство не настаивало на этом нововведении.

Этот эпизод яснее поставил перед глазами русинской интеллигенции опасность, грозившую им от возрождающейся Польши. Бездействие грозило гибелью, нужно было искать выхода. К активной борьбе, к организации украинского народа против польского господства эти священники и чиновники были органически неспособны. Им нужна была внешняя опора. Изверившись в австрийском правительстве, они все сильнее начинают обращать свои взоры к исконному сопернику Польши — России.

Этот поворот подготовлялся постепенно. Приверженцы высшей культуры и «салонного языка», за неимением такового на месте давно уже стали обращаться к великорусской книжной речи и свое «язычие» уподоблять этой последней. Это тяготение было поддержано сношениями с некоторыми русскими панславистами, особенно Погодиным. За чисто литературным тяготением пошло и политическое. Русское вмешательство в венгерскую кампанию надолго оставило импозантное впечатление в Галиции, через которую проходили русские войска. Они напоминали о существовании в могущественном соседнем государстве «русской веры» и «русского языка» (сумароковского типа), довольно близкого к книжным упражнениям галичан. Вздыхая под гнетом польской шляхты, галицкие «патриоты» с удовольствием останавливали свои мечты на русском царстве, так резко и беспощадно подавлявшем у себя стремления поляков к восстановлению исторической Польши. Николаевская Россия рисовалась мечтающим галичанам — священникам и чиновникам — в идеальных чертах. Погром Австрии под Садовой оживлял надежды на вмешательство русского правительства в австрийские дела. Ожидали близкого разрушения Австрии, и русская оккупация Галиции казалась совсем близкой.

В таких обстоятельствах представители «москвофильского» течения (как оно было названо) в львовской газете «Слово», 27/VII 1866, под впечатлением Кенигтрца выступили с новым credo, которое затем было разработано в подробностях. Галицкие русины, гласило оно, — один народ с великоруссами; нет никаких русин, есть только один «русский» народ, от Карпат до Камчатки. Украинская речь —

говор «русского языка», отличающийся только произношением, и «в один час» галичанин может научиться говорить по-великорусски; под таким заглавием вышло тогда и руководство «В один час выучиться малорусину по-великорусски». Ввиду всего этого трудиться над созданием народной украинской литературы — праздная затея: есть готовая великорусская литература, которую нужно только усвоить.

В этом направлении пошло большинство галицкого общества, в числе его и люди, так недавно (на Соборе 1848 г. и в тогочасных изданиях) защищавшие самобытность и отдельность украинского языка, необходимость национального развития русин на народной основе и поддержки тесных связей с Украиной. Во главе их оказался один из представителей «троицы» Яков Головацкий, занявший новооткрытую кафедру украинского языка и литературы во Львовском университете (1849)¹⁸¹ и возвеличивший тогда украинский язык громкою фразой, получившей значительную популярность *. Теперь и его, как многих других, подхватила москвофильская волна. К консервативным, бюрократическим симпатиям этой священнической и чиновничьей «интеллигенции» как нельзя больше подходила дореформенная Россия (прогрессивная Россия 60-х и последующих годов была и осталась им неизвестною и чуждою), а общественной инерции и лени мысли этих косных, реакционных элементов чрезвычайно благоприятствовала москвофильская постановка русинского вопроса. «Патриотам» этого калибра она чрезвычайно облегчала положение: несомненно, легче было признать положение Галиции безвыходным и возложить надежду на оккупацию ее Россией, чем работать над организацией народных сил, развитием просвещения и экономического благосостояния народа и рисковать личным благосостоянием, вступая в борьбу за народные интересы с поляками и правительством. Русский путешественник, посетивший в 1860-х годах Львов, рассказывает о галицких патриотах, встреченных им на Замковой горе: они объяснили ему, что на своих прогулках высматривают, не приближаются ли освободители — русские войска!.. В ожидании этой блаженной минуты считалось достаточным приобщиться общерусской культуре, посветив «один час», не более, изучению великорусского языка **, и почивать под сенью польско-авст-

* «Бандтке называет его прекраснейшим из славянских, Мицкевич — из русских языков, Бодянский превозносит его поэтичность и музыкальность и ставит наравне с греческим и итальянским, Коубек и Мацеевский считают его лучшим чешского, Раковецкий жалеет, что он не сделался господствующим во всей России, а знаменитый великорусский писатель Даль-Луганский признает ему первенство пред великорусским народным и книжным языком».

** Это изучение ограничивалось обыкновенно усвоением нескольких слов, употреблявшихся где попало, когда «изучивший» хотел щегольнуть своим образованием. Вследствие этого великорусский язык «твердых» галичан сделался притчею во языцех. Только в самое последнее время москвофильская

рийского режима и устраивать под ее покровом свое собственное благосостояние.

Но рядом с этим клерикально-бюрократическим большинством выступает меньшинство — особенно из тогдашней молодежи. Последней украинское движение в России, оживившееся как раз тогда, с конца 50-х годов, было симпатичнее официальной России, а народная украинская литература с ее демократическим и народническим направлениями и романтическими мечтами о казаччине — ближе и понятнее и по языку, и по содержанию, чем великорусская литература «времен очаковских и покоренья Крыма», с которой носились москвофилы (иначе «староруссы», или «твердые» русины). Эта молодежь находила более достойным работать над улучшением положения своей поработанной народности, чем желать распыться в «русском море», и предпочитала обрабатывать народный язык — «язык пастухов и свинопасов», как его презрительно называли приверженцы «салонного» языка, чем «штокать» и «какать» с изучившими «в один час» великорусский язык своими «твердыми» земляками. Среди этой молодежи широко распространяет идеализация казаччины (студенты и гимназисты даже одевались «по-казацки»). Украина для нее является священной землею, «Кобзарь» Шевченка — евангелием. Представители этого направления стараются приблизиться к языку украинских писателей как образцовой обработке народного языка и в своей литературной деятельности примыкает к украинскому литературному движению, получив и название «украинцев», или «народовцев».

В 1862 г. выходит первый литературный орган этого направления — «Вечорниця», литературный еженедельник, в значительной степени заполненный перепечатками произведений украинских поэтов и прозаиков. Но этот кружок народовцев был еще слишком слаб; «Вечорниця» не просуществовала и года, а журналы, основывавшиеся взамен их («Мета», «Нива», «Русалка», 1863—66), были еще менее долговечны. Только с 1867 г. налаживается журнал «Правда» и издается потом до 1880 г. Так как в России украинские периодические издания не могли выходить вовсе, то «Правда» до некоторой степени служила органом всеукраинским, насколько это возможно было при цензурных стеснениях, не допускавших ее, как и других галицких украинофильских изданий, в Россию.

Это было именно время, когда поборники национального развития украинской народности в России, встретясь с категорическими запрещениями правительства, приходят постепенно к сознанию необходимости перенести свою деятельность в Галицию, создав из нее своего рода духовный украинский Пьемонт, — приют, где бы украинство могло двигаться и развиваться, не испытывая перерывов и кру-

молодежь несколько более усвоит великорусский язык.

шений, постигавших его в России. Между тем как правительственные и официозные круги России поддерживали москвофильские издания и организации Галиции *, приверженцы украинского возрождения в России приходят на помощь неокрепшим, медленно развивавшимся побегам галицкого народовства. Материальной и моральной поддержкою, личным влиянием, перепискою, сочинениями, сотрудничеством в галицких изданиях они содействуют развитию национального движения в Галиции и создают почву, на которой оно могло осуществлять свою национальную программу в культурной, социальной, политической сфере. Конечно, это развитие украинства в Галиции, плоды которого обыкновенно оставались совершенно недоступными для более широких кругов в России, далеко не вознаграждало за лишение возможности работать в этом направлении у себя дома, непосредственно для украинского населения России,— но все же давало возможность движения, прогресса. Поэтому наиболее деятельные и энергические приверженцы украинского движения переносят свою деятельность в Галицию, особенно в периоды наиболее резких и полных запрещений украинского слова в России.

Уже после первого запрещения украинской литературы в России (1863 г.) многие украинские писатели входят в сношения с народческими кружками Галиции, принимают участие в их изданиях, оказывают им моральную и материальную поддержку, особенно на первых порах, когда народовство опиралось на небольших кружках, преимущественно молодежи. И в борьбе, которую повела эта молодежь с консервативным большинством, со всем, что тогда представляло собою общественное мнение Галиции, для нее чрезвычайно важно было чувствовать, так сказать, в своих рядах представителей зарубежной, великой, «соборной» Украины, рисовавшей сквозь дымку романтической идеализации царством украинской славы — безграничной, только временно усыпленной силы и могущества. Непосредственное участие представителей украинского движения, таких как Кулиш, Марко Вовчок и другие, давало драгоценное освящение этим первым и робким шагам пионеров галицкого движения. Галиция, некогда своими культурными силами создававшая киевское национальное движение начала XVII века, имела возможность теперь с помощью украинских сил возрожденной Украины укрепить свою национальную позицию и перейти к более широкой национальной деятельности.

Особенно деятельное участие в галицких изданиях этого первого периода, 60-х и начала 70-х годов, принимал П. Кулиш и пользо-

* Так, напр., особое совещание по вопросу об украинстве 1875 г., вырабатывая запретительные меры против украинского движения в России, одновременно признало необходимость субсидировать «Слово» — главный орган галицких москвофилов, для противодействия развитию украинства в Галиции.

вался большим влиянием и авторитетом. На нем почил слава украинского возрождения, кружка кирилло-мефодиевцев, Шевченка и «Основы», которой он являлся представителем. Его разносторонние таланты и сведения делали его чрезвычайно ценным двигателем начинающегося литературного движения, хотя его политические идеи этой эпохи в Галиции не были ко двору. Кулиша занимали национальные отношения Украины, так сказать, ликвидация национальных споров с Польшею и Москвою, и он делал попытки устроить союз украинства с правящею польскою партией Галиции. Эти попытки, как можно было предвидеть, окончились полной неудачей: украинское возрождение и польская шляхта, верная идее исторической Польши,— это были элементы несоединимые, и Кулиш сам в конце концов в этом убедился; но независимо от этого его деятельность имела большое значение в истории галицкого возрождения 1860—70-х годов. Кроме него усердно работают в галицких изданиях другие писатели из российской Украины, как Конисский, Нечуй-Левицкий и др. При слабости культурных сил галицкого народовства эта поддержка возрожденной галицкой литературе была чрезвычайно ценна. В значительной степени ей было обязано своим ростом галицкое народовство.

Выросши из незначительных кружков молодежи 60-х годов, в 70-х годах оно становится уже значительною силою. Это — меньшинство в сравнении с представителями «твердого», или москвофильского, направления, но меньшинство сильное, жизненное, привлекавшее к себе все более живое в обществе. В то время как партия «твердых» коснела и разлагалась в своем реакционерстве и отчуждении от народа, народовство крепло и разрасталось. Начав с деятельности литературной (журнал «Правда», общество «Просвіта» для издания книжек для народа с 1868 г., «Товариство імені Шевченка», основанное на капитал, собранный украинцами в России), оно затем начинает принимать участие и в политической жизни края. Из культурных центров Галиции переходит оно в провинцию, постепенно делает завоевания среди мещанского и крестьянского населения, приобщает к общей национальной жизни Буковину (не успевает только достигнуть того же в наиболее закосневшей, захваченной москвофильством и мадьяризацією Угорской Украине).

Однако этот внешний рост грозил ценности внутреннего содержания. Элементы нейтральные, пассивные, переходившие на сторону народовцев по мере того как они приобретали нравственное преобладание,— массы духовенства и чиновничьей интеллигенции, принимая национальную форму, неизбежно вкладывали в нее в весьма значительной степени свое старое содержание, вынесенное из эпохи клерикально-бюрократической реакции, и передвигали вправо центр тяжести национального движения. Непосредственное участие украинских сил в галицком движении было чрезвычайно ценно в том отношении, что оно нейтрализовало влияние этих правых элементов

галицкой интеллигенции и заставляло последнюю двигаться по равнодействующей, приспособляясь к прогрессивным идеям и стремлениям украинского движения России.

XXX

ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Цензурные и административные репрессии, которым подвергалось украинское движение в России в 1863 г., несколько ослабили к началу 1870-х годов, и это дало некоторую возможность литературной и организационной деятельности. Центром ее в это время становится Киев — на смену ослабевшему и разреженному петербургскому кружку. Под воздействием последнего в течение 1860-х годов в Киеве успели нарасти значительные группы украинцев из воспитанников местного университета, преданные интересам украинского возрождения, и среди них возникает мысль об образовании научного общества, которое объединило бы и дало известные организованные формы работе по изучению прошлого и настоящего украинского народа. Сравнительно с кружком петербургским, занятым главным образом созидательною деятельностью в широких народных массах, в новом киевском замечалось усиленное тяготение в сторону научных изучений. Отчасти это объясняется обилием в киевском кружке крупных научных сил, стоявших во главе его и естественно дававших тон и направление его интересам (историки Антонович и Драгоманов, филологи Житецкий и Михальчук, этнографы Рудченко и Чубинский, известный юрист и исследователь обычного права Кистяковский, и наряду с этими известными уже в то время учеными много начинавших талантливых их учеников). С другой стороны, здесь сказывались общие течения тогдашней жизни России, из периода усиленного общественного строительства начала 1860-х годов попавшей в полосу все усиливавшейся реакции. Революционное движение, выразившее протест наиболее радикально настроенных общественных элементов против этой реакции, не привлекало национальнонастроенные украинские элементы, особенно ввиду резко выраженных им централистических тенденций. В противовес революционным течениям киевский кружок усиленно выдвигает культурную и в особенности научную сторону — развитие украиноведения.

В 1872 г. ему удалось получить разрешение на открытие в Киеве Юго-Западного отдела Географического общества, и последний послужил центром, вокруг которого сгруппировались местные украинские силы и организовалась живая научная работа, давшая ряд весьма ценных и важных изданий по истории, этнографии, языку («Записки Юго-Запад. отдела», «Труды экспедиции в Юго-Западный край», организованный Чубинским, «Исторические песни малорус-

ского народа» Антоновича и Драгоманова, труды Антоновича, Житецкого и др.). Собранный в Киеве в 1874 г. Археологический съезд, вызвав чрезвычайный интерес в обществе, дал блестящий смотр украинским изучениям. Одновременно начинает оживать и литературная деятельность, украсившаяся рядом более или менее крупных талантов, как авторы повестей — Нечуй-Левицкий, П. Мирный, Ал. Конисский, поэт и драматург Мих. Старицкий; полагаются начатки серьезной разработки народной музыки и украинской оперы (сборники Н. Лысенка и его же опера «Різдвяна ніч»).

Но эта передышка была непродолжительна — продолжалась всего несколько лет — и была прервана новыми репрессиями. Правительство было обеспокоено донесениями об успехах украинской речи, которыми его засыпал особенно тогдашний председатель Киевской Археографической комиссии Мих. Юзефович, взявший на себя роль блюстителя государственных интересов на Украине. Несмотря на весь аполитизм киевского украинского кружка, возбуждавший среди самых украинцев недовольство своим односторонним «культурничеством», деятельность его была признана опасной с государственной точки зрения. Юзефович настаивал, что украинское национальное движение составляет измышление австрийско-польской интриги и проводит замаскированный социализм. Это сопоставление социализма с австрийской интригой получает необыкновенную пикантность, если вспомнить, какой воистину безграничный страх в австрийских административных сферах того времени чувствовали пред всем, могущим хотя бы отдаленно напоминать социализм. Тем не менее эти безграмотные выдумки производили впечатление в правящих сферах. В начале 1875 г. правительством было организовано особое совещание с участием Юзефовича. Ввиду представлений Юзефовича и донесений цензурного ведомства, усматривавшего в украинофильстве стремление к политическому обособлению, «скрытое посягательство на государственное единство России», совещание решило употребить все усилия к тому, чтобы остановить украинское движение. Киевское отделение Географического общества было закрыто, над учебными заведениями украинских губерний установлен особый надзор, а относительно литературы были выработаны весьма строгие стеснения, утвержденные в 1876 г. и известные по имени своего инициатора под названием «закона Юзефовича». Ввиду того значения, какое он получил в истории украинской жизни, я приведу его целиком:

«Государь Император 18 минувшего мая Всемилоостивейше повелеть соизволил:

1. Не допускать ввоза в пределы Империи без особого разрешения Главного управления по делам печати каких бы то ни было книг и брошюр, издаваемых на малороссийском наречии.

2. Печатание и издание в Империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии воспретить, за исключением лишь:

- а) исторических документов и памятников;
- б) произведений изящной словесности.

Но с тем, чтобы при печатании исторических памятников безусловно удерживалось правописание подлинников, в произведениях же изящной словесности не было допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания и чтобы разрешение на печатание произведений русской словесности давалось не иначе, как по рассмотрении в Главном управлении по делам печати.

3. Воспретить различные сценические представления и чтения на малорусском языке, а равно и печатание на таковом же текстов к музыкальным нотам».

Хотя это распоряжение, как видим, не воспрещало украинской беллетристике, но и на этот раз, как после запрещения 1863 г., цензурная практика шла гораздо дальше буквы распоряжения, и никакие украинские книги, если не считать некоторых случайных появлений, совершенно не пропускались цензурой. Доходило до невероятных курьезов, вроде вычеркивания украинских слов из рассказов, писанных по-великорусски, или требования, чтобы при исполнении на концертах украинских песен или романсов слова были переведены на великорусский или французский язык, и т. д. Только в связи с общим смягчением цензурных условий время принесло некоторое облегчение этих стеснений. Генерал-губернаторы — киевский (Чертков) и харьковский (Дондуков-Корсаков) возбудили вопрос об отмене ограничения украинского слова, указывая на то, что распоряжения 1876 г., не подавляя национального движения, своими ничем не оправдываемыми крайностями вызывают лишь ненужное раздражение среди украинского общества; ген.-губ. Чертков считал необходимым для восстановления нормальных отношений освободить украинское слово вообще от всяких специальных ограничений, поставив его в одинаковые условия с великорусским.

Ввиду этих компетентных представлений в 1881 г. было образовано новое совещание, которое, однако, не нашло возможным отменить стеснение украинского слова и ограничивалось лишь некоторыми частичными льготами: разрешило печатать украинские словари, представлять украинские пьесы, исполнять произведения на украинском языке.

Впрочем, и эти украинские спектакли были обставлены целым рядом стеснений. Циркуляр 1881 г. требовал для каждого спектакля особого разрешения губернатора или генерал-губернатора и запрещал организацию специальных украинских театров и трупп. Ввиду этого, например, разрешали ставить украинские пьесы только с тем, чтобы кроме украинской пьесы в тот же вечер была дана и великорусская пьеса, притом не меньшей величины. Начальникам губерний поручалось внимательно следить за украинофилами, «избравшими сцену орудием своей пропаганды» (циркуляр 1881 г.). Долгое время всякие украинские представления были совершенно воспрещены в пределах Киевского генерал-губернаторства, к которому принадлежали тогда губернии Киевская, Подольская, Волынская, Черниговская и Полтавская, т. е. большая часть украинской территории

России, и украинские труппы «для пропитания» принуждены были скитаться по великорусским городам и т. п.

По отношению ко всякого рода украинским произведениям печати цензуре внушалась особенная строгость, даже по отношению к беллетристике, и давалась свобода совершенно безграничному усмотрению, так как цензорам поручалось не только запрещать все противоречащее общим цензурным правилам, «но при малейшем к тому поводу сократить число таких произведений в целях чисто государственных». И цензура усердно действовала в этом направлении.

Конечно в подобных условиях сколько-нибудь правильное развитие украинской литературы и украинского движения было невозможно. Оно, правда, обнаруживало свою жизненность очень сильно. В продолжение 1870-х и 1880-х годов появился целый ряд крупных исследований, касающихся Украины; создан был специальный орган для ее изучения взамен закрытого в 1876 г. Киевского географического отдела («Киевская Старина», с 1882 г.). Выступил целый ряд талантливых беллетристов и драматургов; развился украинский театр, приобретший, несмотря на все стеснения, широкую популярность в целой России; явилась украинская музыка. Но никакое правильное развитие было невозможно там, где появление украинской книги было счастливой случайностью, где из беллетристических произведений большинству не суждено было увидеть света, и именно — наиболее серьезным, идейным произведениям; где не допускалось издание на украинском языке сочинений научных, популярных книг для народа и т. п.; где даже сочувствие украинству, участие в украинской литературе — хотя бы в формах самых невинных — доставляло неприятности, иногда даже очень серьезные.

Поэтому передвижение украинской культурной и общественной работы из России в зарубежную Украину, начавшееся после первой проскрипции 1863 г., продолжало усиливаться в продолжение 1870-х годов. Еще до появления указа 1876 г. полная необеспеченность судьбы украинского движения в России в окружавшей его атмосфере инсинуаций и доносов чувствовалась настолько живо, что создание органов украинского движения вне пределов досягаемости уже тогда являлось для многих неотложной необходимостью. Тогда явилась мысль об основании во Львове украинского литературно-научного общества, и результатом было упомянутое уже «Товариство імені Шевченка», учрежденное в 1873 г. На собранные в России средства была устроена при нем типография, имевшая служить целям украинской литературы и науки. Но собранных небольших средств (около 9000 гульденов) не хватило на оборудование типографии, она долго еще была принуждена обращать всю энергию на расплату с наиболее неотложными долгами и не могла думать о собственных изданиях литературных или научных; только в 1880-х годах «Товариство» могло приступить к осуществлению, хотя бы скромному, своих задач. До тех пор роль всеукраинского литературно-общественного органа играла

«Правда», в которой довольно деятельное участие принимали и украинские писатели и публицисты из России. Цензурные условия тогдашней Галиции, впрочем, тоже не отличались либеральностью, в особенности по отношению ко всему, что имело хотя бы отдаленное сродство с социализмом или «колебало основы» в каких-либо других отношениях; поэтому наряду с галицкими изданиями появляются украинские издания в Швейцарии, в Женеве. Эмигрировавший в 1876 г. из России М. П. Драгоманов с другими украинскими эмигрантами основались тут, предприняв издание русско-украинского журнала «Громада», посвященного главным образом политическим и общественным вопросам украинской жизни. Это был орган киевских «политиков» в противовес «культурникам», выдвигавшим вопросы политические и общественные. В России по цензурным условиям он не имел большого распространения, но в Галиции женевский кружок путем изданий и личных сношений приобрел большое влияние, в особенности среди молодежи.

В особенности имело здесь большое значение воздействие самого Драгоманова. Он еще в Киеве очень интересовался зарубежной Украиной и придавал большое значение связям с ней. Затем выехав из России и поселившись в Вене, затем в Женеве он поддерживает отсюда живые сношения с галицкой интеллигенцией и галицкими изданиями и оказывает большое влияние на галицких народовцев, хотя и в совершенно ином смысле, чем, например, Кулиш. Собственно национальные отношения не особенно занимали Драгоманова, он был неустанным и очень резким проповедником европеизации народовства и украинофильства, сообщения ему прогрессивного характера, социального содержания, в духе умеренного («постепеновского») социализма, и в этом смысле оставил глубокие следы в истории украинского, специально галицкого, возрождения, которое действительно нуждалось в воздействии в таком направлении.

Его деятельность в этом направлении была затем поддержана рядом энергических последователей в самой Галиции, среди которых первое место по разносторонности дарований и влиянию занял Иван Франко, в 1870-х годах начавший свою литературную деятельность.

Скоро обнаружилось резкое расхождение между все нараставшими умеренными, или, точнее, консервативными элементами среди народовцев и приверженцами идей Драгоманова и женевского кружка.

Около 1890 г. вожди народовцев разорвали блок с москвофилами, в который вошли в интересах общей борьбы с польским режимом, и заключили союз с правительством, привлеченные обещанием существенных национальных уступок. Этот оппортунизм был очень несочувственно принят галицким обществом, так как на деле это оказалось союзом с польскою шляхтою, представлявшею правительство для Галиции и за цену довольно незначительных уступок в сфере национальной культуры (вроде открытия еще одной украинской гим-

назии, одной кафедры в Львовском университете и т. п.) требовавшей от народовцев отречения от их оппозиции польско-шляхетскому режиму, капитуляции пред ним. Кружок Драгоманова, незадолго перед тем отделившийся от народовцев и организовавшийся в отдельную партию так называемых радикалов, нашел живое сочувствие своею критикою народовского оппортунизма (так наз. новой эры, или «угоды»), и это много содействовало успехам новой партии. Как партия, впрочем, она не процвела, но имела немалое значение как стимул прогрессивности для народовцев, левое крыло которых она фактически собою представляла. Под давлением радикальной полемики и стоявшего под ее влиянием общественного мнения украинского общества руководители украинской политики скоро разорвали «угоду» с польскими правящими кругами и стали в довольно резкой оппозиции к последним и поддерживавшему их центральному правительству. По примеру радикалов, стремившихся опереться на крестьянские массы, и народовцы идут в народ, организуют его для борьбы со шляхетским режимом, стремятся поднять его общественное и политическое сознание. В продолжение 1890-х годов народовцы под влиянием этого стимула подвинулись влево настолько, что в конце 1900 г. могло произойти их слияние с радикалами: народовская партия приняла все главные пункты радикальной программы — социального и прогрессивного характера. Хотя нельзя сказать, чтобы эти принципы глубоко проникли в массу народовской партии — после этой реформы, принявшей официальное название «национально-демократической», но само официальное принятие этих принципов в ее программу было интересным симптомом.

Эта борьба радикальных и консервативных течений на галицкой почве, захватившая конец 1880-х и затем 1890-х годы, велась при живейшем участии украинцев российских и имела не только местный, а и более общий интерес. Если симпатии «политиков» лежали на стороне галицких «радикалов», то среди «культурников» не было недостатка в людях, оправдывавших компромисс в интересах национальных приобретений. «Угода» 1890 г. была заключена при непосредственном участии выдающихся украинских деятелей России и находила у них и позже сочувствие и оправдание. На галицкой почве, на конкретных примерах галицкой политики ставились и решались вопросы о сравнительной ценности национальных форм и их социального и политического содержания, сталкивались и боролись национализм консервативный и радикально-прогрессивный. При полной невозможности свободного обсуждения политических и общественных вопросов с украинской точки зрения в России — галицкая жизнь и ее борьба течений и направлений внушала чрезвычайный интерес украинскому обществу России, не только с напряженным вниманием следившему за ней, но и принимавшему в ней посильное участие. Она служила чрезвычайно ценной поправкой и дополнением культурнического направления, сосредоточившегося в

конце 1880-х годов около журнала «Киевская Старина», с 1888 г. перешедшего в руки киевского кружка и ставшего настоящим органом его, а также некоторых других литературно-просветительных предприятий.

Вполне понятно, что в этой среде «галицкие увлечения» вызывали довольно сильное неудовольствие, но в конце концов несостоятельность культурнического аполитизма обнаружилась с полной очевидностью для всех. С одной стороны, никакими отмежеваниями слева, никакими понижениями украинских национальных запросов и заключением их в тесные пределы внутренних отношений России — на чем настаивали противники галицкой политики — не удавалось создать почвы для легального украинства в России. Правительственные сферы не оставляли места для компромиссов, не желая видеть никакого украинства — ни радикального, ни умеренного, добиваясь полного национального, или, точнее, этнографического унитаризма. С другой стороны, выяснилась невозможность отмежевать культурно-национальные запросы украинства от политических и общественных. Даже чисто научная работа начинала все более хиреть в киевском кружке, не находя преемников в нарастающих поколениях, и название «украинофилов» стало в устах последних получать отрицательное значение — для характеристики несерьезного и неглубокого аполитического украинства.

Одновременно на почве политической и общественной борьбы Галиции как раз в это время, с конца 1890-х годов, поднимались обильные всходы культурного движения, и национальное украинское движение принимало все более импозантные размеры. Из скромных народнических опытов и начатков изучения Украины, в которых обращалось украинство 1860-х и начала 1870-х годов в России (не говоря уже о Галиции), на галицкой почве благодаря соединенным усилиям галицких и украинских деятелей оно выросло до размеров настоящего национального движения, развившего во всей широте национальную программу и вступившего на путь ее осуществления. Развитие на национальной украинской основе различных партий с более умеренными и с крайними программами и требованиями, политическая, экономическая и просветительная организация народных масс, начатки политической и национальной борьбы, сильный культурный рост, сказавшийся в успехах научной деятельности на народном языке и расцвете литературы, — все это должно было внушить иные понятия об украинстве и рассеять много ошибочных мнений о нем у чужих и своих. Должны были вполне исчезнуть предрассудки тех, которые смотрели на украинство как на романтический архаизм, несовместимый с прогрессивным движением, и страхи тех украинофилов, которые хотели оградить украинские круги от влияния современных прогрессивных течений, боясь, что увлечение ими будет иметь результатом равнодушие к украинскому национальному вопросу и украинской национальной жизни. Мотивы, руко-

водившие украинскими деятелями 1860-1890-х годов, переносившими центр тяжести украинского движения на галицкую почву, вполне оправдали себя. Их энергия и средства, вложенные в развитие украинства в Галиции, приносили желанные плоды и успехи, достигнутые украинским национальным движением, становились могущественным стимулом для украинского общества России, призывавшим к полноте национальной жизни и непрерывным усилиям к ее достижению.

Резко оппозиционное направление, которое получило украинское движение Галиции с 1890-х годов, в противоположность старому, правительственному украинству 1848 года, поставило его впервые на твердую почву, научив рассчитывать только на собственные силы, а не на милости правительства. Работа, направленная на развитие и организацию народных масс, в продолжение 1890-х и 1900-х годов дала очень внушительные результаты, создав реальные силы в сознательных народных массах, на которых могла опереться в своих политических и национальных запросах украинская интеллигенция. С другой стороны, культурный и экономический рост сообщал уверенность в возможности движения даже при самых неблагоприятных политических условиях собственными силами общества.

Как раз на это время, конец 1890-х и 1900-е годы, приходится первые успехи научной работы, украинской не только по темам, но и по внешней форме — украинскому языку. «Товариство імені Шевченка», довольно скромно прозябавшее в 1890-х годах, преобразовалось в научное общество в 1892 г. и затем в 1898 г. реформировалось по образцу академий наук, сгруппировав вокруг себя научные украинские силы Галиции и России. Скоро оно обратило внимание ученых кругов своими многочисленными научными изданиями (ученый журнал «записки», посвященный главным образом украинской истории, филологии и этнографии, археографические издания, «Етнографічний збірник», «Матеріали по етнології» и др.). Большое значение имели также его литературные издания. С 1885 г. «Товариство» взяло на себя издание литературного еженедельного журнала «Зоря». До 1894 г. это издание допускалось в Россию и в 90-х годах получило довольно широкое распространение, привлекая одновременно к сотрудничеству литературные силы российской Украины. Основанный «Товариством Шевченка» в 1898 г. взамен «Зорі», литературно-научный журнал «Літературно-науковий вісник», допускавшийся в продолжение трех лет в Россию довольно свободно, имел для российской Украины еще большее значение в том же смысле. Эти новые связи с Галицией оживили литературную деятельность среди украинцев в России, подняли ее уровень, расширили кругозор, вообще дали сильный толчок украинству. В Галиции этот момент совпал также с появлением целого ряда новых литературных сил — а может быть, в значительной степени и вызвал это появление. Местная культурная жизнь, довольно бесцветная до тех пор, рас-

цветилась яркими талантами, внесшими новое содержание и сообщившими новую значительность местной жизни.

Этот прилив новых сил сильно повлиял на самочувствие украинского общества, поднял уровень его стремлений и дерзновений. В Галиции с концом 1890-х годов выступает на очередь и приобретает все большую жгучесть вопрос об украинском университете. Выдвинутый украинскими университетскими кругами, он затем становится достоянием самых широких кругов украинского населения — как завершение культурной программы национального возрождения, полноты национальной культуры. Когда осенью 1902 г. украинское студенчество Львовского университета, встретив резкий отпор со стороны университетских властей своим требованиям расширения прав украинского языка и увеличения числа кафедр, устроило сецессию, поголовно вышедши (в числе 600) из университета, — это произвело чрезвычайно сильное впечатление. Украинское население Галиции без различия сословий и партий чрезвычайно сильно и дружно отозвалось на солидарную манифестацию студенчества, собирая деньги для сецессионистов и домогаясь основания отдельного университета, ввиду враждебного отношения польского университетского большинства к национальным требованиям русин. Последовавшие затем бурные сцены, от времени до времени постоянно повторявшиеся в последние годы вплоть до кровавой перестрелки минувшего лета (1910), держали все время в напряжении университетский вопрос, сделав из него очередное требование украинской политики, вероятно, недалекое уже от своего осуществления.

Наряду с этим в последнее время (1909—10) большое внимание было обращено также на создание частной украинской средней школы. Благодаря тому что польским правящим классам еще в 1860-х годах, непосредственно после введение областной автономии, удалось провести закон — уникат в законодательстве Австрии, по которому учреждение казенной украинской гимназии может состояться не иначе как с согласия галицкого сейма, т. е. его польского большинства, — в руках последнего оказалось veto, против которого стали бессильными даже благие пожелания правительства. Поэтому учреждение каждой новой украинской гимназии приходилось выторговывать у польского большинства ценою разных уступок, и этот вопрос об украинских гимназиях служил одним из камней преткновения, о которые не раз спотыкались оппозиционная энергия украинской политики (напр., открытие одной из гимназий, Коломыйской, должно было послужить компенсацией угоды 1890 г., а вопрос об открытии гимназии в Станиславе в течение целого ряда лет, 1901—04, служил настоящим центром польско-украинской борьбы). Единственным выходом из этой необходимости позорного выпрашивания средних школ из рук польского большинства явилась организация частной украинской средней школы, и в этом направлении в последние три-четыре года (1907 и след.) было приложено много энергии

и старания. В результате создалась значительная сеть средних школ и подготовительных к ним курсов, планомерно развиваемая специальными органами — обществами и союзами.

В области экономических отношений большое значение имело грандиозное стачечное движение, развившееся в 1902 г. среди сельскохозяйственных рабочих; никем не руководимое, своею стихийною силою оно захватило даже заброшенные и отсталые местности, сильнейшим образом взбудоражило крестьянское население и, несмотря на чрезвычайные репрессии со стороны администрации и судебных инстанций, подняло инстинкт организации и самопомощи среди народных масс. В том же направлении влияло чрезвычайно успешное распространение гимнастических обществ, «Сичей» и «Соколов», сельских читалень и общественных лавок, приготовившее импозантное развитие кооперации в последних годах, характеризовавшихся особенным, даже преувеличенным интересом руководящих украинских кругов Галиции к экономическому развитию, созданию финансовых учреждений и разного рода кооперативов.

Эта общественная организационная волна поднялась особенно высоко в последние годы, после того как разочарование в так долгожданной реформе избирательного права заставило отложить надежды на скорое удовлетворение национальных и социальных нужд украинского населения путем законодательных реформ. Неожиданно подвинувшаяся в 1905 г. благодаря австро-венгерскому кризису и влияниям освободительного движения в России, чрезвычайно горячо и энергически поддерживаемая населением Австрии, в том числе украинским населением Галиции, эта реформа уже в самом осуществлении была так жестоко искалечена приноравливанием ее к интересам привилегированных народностей и классов, что должна была сильно расхолодить горячие надежды, возлагавшиеся на нее. А затем «первый народный парламент» Австрии, созданный в 1906 г. на основании нового избирательного закона, не замедлил показать, что новый избирательный закон несколько не сделал его работоспособнее, не вывел из дебрей национальных прений, тормозящих разрешение общественных и культурных вопросов. Национальные меньшинства оказались и в новом парламенте в таком же неблагоприятном положении относительно крупных национальных и партийных групп, на которых опиралось правительство. Украинское представительство хотя и возросло численно против прежнего, по-прежнему оказывалось бессильным против влияний польского кола, и в конце концов новый парламент окончил свое существование, не дав ничего реального для улучшения национальных и общественных отношений Галиции. То, что было достигнуто за последние годы, было достигнуто самодеятельностью самого украинского общества, украинского населения, продолжавшего развиваться со стихийною силою несмотря на неблагоприятные внешние обстоятельства и не-

уверенность политического курса своих парламентарных представителей.

Еще большие разочарования пришлось пережить за последнее десятилетие украинскому обществу в России, параллельно с галицким развивавшим широкую программу национального развития.

Нарастание украинского движения под влиянием его успехов в Галиции и благодаря некоторому ослаблению цензурного режима в России стало заметным уже со второй половины 1890-х годов. Издательские общества и кружки в Киеве и Петербурге дали ряд популярных изданий для народа и интеллигенции. Вопрос о допущении украинского языка на археологических съездах неожиданно с новой силой поднял горячие споры о культурной правоспособности украинского языка (1899). Широкая струя общественных и политических интересов врывается в украинские круги, захватывая даже старые аполитические издания; «Киевская Старина» вводит у себя публицистические отделы, дает много места украинской беллетристике. Появляются попытки партийной организации на украинской почве. Позже колебания бюрократического режима, эпоха тревожных ожиданий и надежд, охвативших все круги России в годы, непосредственно предшествовавшие русско-японской войне и в продолжение этой последней, заставили украинское общество приложить усилия к тому, чтобы выдвинуть украинский вопрос в общую проблему «обновления России».

Кардинальные вопросы общего переустройства в этот решающий, как казалось, момент грозили отодвинуть на второй план национальные нужды, в особенности «менее благоприятствуемых» народностей, к числу которых неизменно принадлежала украинская. Народные массы были захвачены аграрным вопросом, интеллигенция — гарантиями политической свободы. Представители украинского движения прилагали все старания к тому, чтобы в общем плане создания нового строя не были упущены из виду интересы национального развития государственных народностей. Принимая живейшее участие в общем конституционном движении, они выдвигали наряду с ближайшими вопросами, требовавшими безотлагательного разрешения, также и раскрепощение украинства. Такой характер имело участие национально-сознательных представителей украинского общества в движении Переддумья, 1904—06 гг.

На первой очереди стояла отмена указа 1876 г., которой приходилось добиваться путем прессы, резолюций, петиций к правительству. Принципиально она была обещана кабинетом Витте, и в декабре 1904 г. комитет министров, в связи с пересмотром существующих «излишних стеснений печати» подвергнув специальному обсуждению существующие стеснения украинского слова, пришел к убеждению, что эти стеснения не оправдываются какою-либо действительною опасностью «украинофильского движения», между тем существенным образом тормозят культурное развитие украинского населения,

«затрудняя распространение среди малорусского населения полезных сведений путем издания на понятном для крестьян наречии книг». Однако «в видах вящей осторожности, для большего разъяснения практического значения упомянутого запрета и проистекающих из него неудобств» комитет решил все-таки еще собрать компетентные сведения по этому вопросу и на этот раз обратился действительно к источникам более компетентным, чем те специалисты по украинскому вопросу, трудами которых сочинялись запретительные меры 1860—70-х годов. Запрошенные комитетом учреждения — Академия наук, Киевский и Харьковский университеты и киевский генерал-губернатор — дали отзывы, подтверждавшие настоятельную необходимость отмены запрещений 1876—1881 гг. Академия наук в обширной записке потрудилась при этом выяснить также полную неосновательность ходящего в официальных кругах положения, что так называемый «русский литературный язык» есть язык общерусский, вполне удовлетворяющий и потребности украинского населения в культуре родного слова. Особое внимание посвятила она также выяснению нежелательных обострений в отношениях украинской народности к великорусскому языку, культуре и государственности, создаваемых запретительными мерами правительства. Но несмотря на то, что соображения комитета министров о необходимости отмены запрещений украинского слова получили таким образом самые веские и категорические подтверждения, у него не нашлось решимости все-таки покончить с этими запрещениями: вопрос «по несвоевременности» был снова отложен — и больше уже не поднимался. Запрещения были сняты общими положениями о печати — специального раскрепощения украинского слова правительство так и не успело осуществить. Изданные осенью 1905 г. временные правила о периодической печати открыли возможность издания периодических изданий на украинском языке, а апрельские правила 1906 г. о невременных изданиях, отменив все исключительные правила для произведений «на иностранных и инородческих языках», молчаливо сдали в архив все ограничения украинского слова, созданные предшествующими правилами.

Конечно, действительного не только освобождения, но даже и уравнивания украинского печатного слова с великорусским эти правила не дали. Этого трудно было и ожидать ввиду того, что хозяином положения осталась все та же всевластная бюрократия, вооруженная безграничным правом усмотрения. В продолжение десятилетий искореняла она украинский сепаратизм, и ее отношение к украинству не могло переродиться от одного слова временных правил. Если для великорусской прессы и великорусского слова у нее оказались бичи, то для украинского не было недостатка в скорпионах. Ее представители совершенно откровенно заявляли, что та же самая мысль, изложенная на великорусском языке, не производит на них такого неблагоприятного впечатления, как передача ее в украинской форме.

Как язык доступный массам, способный проникать в самые широкие круги, украинская речь не переставала возбуждать тревожную подозрительность, и украинская пресса, украинская книга фактически не переставали подвергаться усиленному надзору и усиленным ограничениям сравнительно с великорусскими.

Еще менее благоприятно был разрешен другой кардинальный с точки зрения интересов развития украинских масс — вопрос об украинской школе. Украинской интеллигенцией он выдвигался постоянно; как первое условие улучшения условий народной жизни «нужды украинской школы» наравне с «нуждами украинской печати» были предметом усиленных петиций и представлений в период Переддумья и затем не переставали волновать украинское общество во время всех трех Дум. Тот печальный конец, какой встретило это требование в осеннюю сессию 1910 г., дал только сильную иллюстрацию общему неблагоприятному положению украинского вопроса при нынешнем «представительстве» России. В первых двух Думах благодаря более демократическому характеру избирательного закона постоянно оказывались в достаточном количестве люди хотя не сознательно-национальные, но органически связанные с украинским населением, и сознание нужд последнего в конце концов объединяло их на почве необходимости свободного национального развития и самоопределения украинского народа. Только кратковременное существование первых двух Дум не дало возможности их «украинским фракциям» соорганизоваться окончательно и выступить со своими национальными требованиями. Но Закон 3 июня ¹⁸² лишил самостоятельного представительства народные массы, а с тем отнята была возможность представительства и украинских национальных интересов.

Националистический курс, принятый нынешним правительством, выразился в весьма резком и неблагоприятном отношении к украинскому национальному движению. Отрицательное отношение некоторых местных органов, не допускавших основания никаких украинских обществ, ни изданий, было санкционировано Сенатом летом 1908 г., по поводу отказа в регистрации украинской «Просвіти» Полтавским губернским присутствием. Сенат утвердил решение присутствия, признав, что цель, поставленная проектированной «Просвітою» — помощь культурно-просветительному развитию местного украинского населения, — заключает в себе сепаратистические стремления и может привести к нежелательным последствиям. Правительственные сферы возвращались, таким образом, на позицию крайнего унитаризма, принося ему в жертву насущные интересы украинского населения, во имя которых комитет министров в 1904 г. признал необходимой отмену запрещений украинского слова. Затем эту точку зрения развил циркуляр министра внутренних дел 20 января 1910 г., предлагавший представителям местной администрации украинских губерний не допускать обществ и союзов «инородческих,

в том числе украинских и еврейских, независимо от преследуемых ими целей», ввиду того, что «объединение на почве национальных интересов ведет к усугублению национальной обособленности в России». Наконец, рапорт того же министра Сенату (февраль 1911 г.) по поводу регистрации общества «Українська хата» в Москве дал пространную мотивировку этого новейшего правительственного курса, признающего традиционной задачей российской государственности «борьбу с движением, известным в наше время под именем украинского и олицетворяющего собою идею возрождения прежней Украины и устройства малорусской Украины на автономных национально-территориальных началах». Не считая возможным разграничить национальные и политические стремления украинской интеллигенции, правительство устами этого рапорта признает нужным стремиться к устранению всяких особенностей, разделяющих восточнославянские народности.

Эта декларация, вполне принята Сенатом, дает общее освещение тому репрессивному направлению внутренней политики, которая выразилась недавно в целом ряде репрессий против невиннейшей манифестации — пятидесятилетия смерти Т. Г. Шевченка, против его сочинений и т. д. Эти репрессии и запрещения парализуют в сильнейшей степени ту организацию общественной самостоятельности, которая дала выход галицкой Украине из тупика политических отношений, и делают положение «Великой Украины» российской и сейчас более тяжелым даже в сравнении с Малой Украиной австрийской, несмотря на все тяжелые условия существования этой последней.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

М. С. ГРУШЕВСКИЙ: КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В интеллектуальной среде Украины конца XIX — начала XX в. одно из центральных мест по праву принадлежит Михаилу Сергеевичу Грушевскому — крупнейшему ученому, личности яркой и многогранной. Широта взглядов этого человека естественно переплеталась с мастерством тончайшего анализа каждого конкретного факта, критический ум и способность проникать в сущность исторических явлений, академическая форма изложения материала теснейшим образом соединялась с художественным дарованием. История, археография, литературоведение, фольклористика — далеко не полный круг творческих интересов ученого.

Научная концепция М. С. Грушевского была неоднозначной и противоречивой. Она органически вобрала в себя ~~высокий~~ профессионализм изложения материала и общие недостатки, характерные для историографии того времени, критический подход при описании исторических событий и односторонность при подборе фактов, оригинальную трактовку источников и их субъективную интерпретацию. Последнее особенно характерно для популярных и публицистических трудов ученого первых десятилетий нашего века.

М. С. Грушевский находился в водовороте общественной жизни своего времени. Начав свою деятельность ~~политика~~ как один из основателей Национально-демократической партии Галичины и Товарищества украинских «поступовцев» в Киеве, а позже — как председатель Центральной Рады, он пришел к полному признанию Советской власти на Украине. Изменялись его взгляды, эволюционировали общественно-политические доктрины, философское восприятие окружающей жизни. Именно поэтому вокруг имени М. С. Грушевского, его творческого наследия происходили и происходят не только научные дискуссии, но и острая идейная борьба, отражающая столкновение различных, часто полярных мировоззренческих позиций отдельных авторов и целых направлений в исторической науке и общественной мысли.

М. С. Грушевский родился 17 сентября (ст. ст.) 1866 г. в Холме (ныне территория Польши) в семье учителя. Детские годы будущего ученого проходили вдали от родных мест (семья переехала сперва в Ставрополь, затем на Кавказ). Мальчик рос в уединении, лишенный непосредственных контактов со сверстниками. Однако, писал М. С. Грушевский в «Автобіографії», «под влиянием рассказов отца, что хранил теплую привязанность ко всему украинскому — языку, песне, традиции, во мне рано пробудилось и осозналось национальное украинское чувство, поддержанное книгами, теми редкими поездками на Украину, что рисовалась поэтому в ореоле далекого «отечества» и контрастом чужеземной и чужезычной «чужбине» (К., 1926. С. 4; *здесь и далее перевод наш.* — А в т.).

Глубокое познание исторических дисциплин началось после зачисления М. С. Грушевского в Тифлисскую гимназию (1880). Здесь он много читает, знакомится с сочинениями Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, М. А. Максимовича, А. Л. Метлинского, А. А. Скальковского и других известных украинских историков, фольклористов, этнографов. В библиотеке, писал впоследствии М. С. Грушевский в своих «Споминах», он «мог проводить свободное время в тиши и одиночестве читального зала, мог брать книги, мог пользоваться ими во время часов репетиций, когда имел время, в столовой, и даже в классе ухитрялся потихоньку читать» (Київ. 1988. № 12. С. 117). Большое влияние на выбор дальнейшей творческой судьбы М. С. Грушевского оказал журнал «Киевская старина», который он называл своей настоящей школой.

Путь был избран: по его признанию, «наконец история берет верх над славистикой». Мысль о необходимости глубоких занятий историей украинского народа приводит М. С. Грушевского в стены Киевского университета (1886—1890). Однако молодого человека, жившего мечтаниями о большой науке, ожидало разочарование. «Те годы... — отмечает он в «Автобіографії», — принадлежали к печальному времени российских университетов, и киевский не был среди них исключением. На первый план выдвинута классическая филология, все остальное отброшено на второй план... ограничено общими курсами; эти изложения не много могли дать после того, что приносил с собой хорошо развитый и начитанный по какой-то специальности гимназист» (С. 5—6). Тем не менее даровитый юноша продолжает упорно и самоотверженно учиться. В университетские годы под руководством одного из крупнейших историков того времени профессора В. Б. Антоновича он делает первые шаги в науке. Уже одно из самых ранних сочинений молодого историка — «Южнорусские господарские замки в половине XVI века» — показало, что на научном небосклоне появился ученый, способный оригинально и глубоко мыслить. На третьем курсе он принимается за исследование

истории Киевской земли от времен Ярослава Мудрого до конца XIV века, которое окончил в 1890 г. (позднее оно было доработано и издано).

Способности юноши были замечены маститой профессурой — ему предложили место стипендиата на кафедре русской истории университета. В течение четырех лет М. С. Грушевский работал над темой «Барское староство», которую, несмотря на определенные трудности со сбором материала, успешно защитил в мае 1894 г. в качестве магистерской диссертации.

1894 г. стал по-своему переломным в жизни 21-летнего ученого. По рекомендации В. Б. Антоновича он переезжает во Львов, где занимает кафедру «всемирной истории со специальным обзором на историю Восточной Европы». С этого времени в течение 19 лет (по 1913 г.) работа М. С. Грушевского связана с Львовским университетом, научной и общественно-политической жизнью Галичины. Первым и главным занятием историка было чтение курсов университетских лекций по истории Украины, которые со временем легли в основу многотомного монументального издания. Другим направлением его занятий становится работа в Научном обществе им. Шевченко. В 1897 г. он официально возглавил его, оставаясь одновременно председателем исторической секции и археографической комиссии. Это был период интенсивной научной и организаторской деятельности М. С. Грушевского. Выросли фонды библиотеки, начала издавать первые книги типография, был организован музей, создавались различного рода научные комиссии. Наиболее весомым достижением Общества явилась подготовка «Записок Наукового товариства ім. Шевченка» (под редакцией М. С. Грушевского в 1895—1913 гг. их было издано свыше 100 томов) — по существу универсального научного издания, страницы которого были предоставлены историкам, литературоведам, собирателям фольклора, языковедам, общественным деятелям. Одновременно под редакцией ученого один за другим выходят очередные тома «Жерел до історії України-Руси», «Українського архіву», «Збірника» и других изданий. Не менее значительным был вклад в украиноведение и остальных научно-исследовательских комиссий общества, которые издавали труды по истории права, этнографии, статистике, библиографии. С 1898 г. начал выходить «Літературно-науковий вісник», сыгравший заметную роль в популяризации научных знаний и отражавший различные, порой даже противоположные взгляды на те или иные общественные процессы, разворачивающиеся на Украине.

В это время в Научном обществе им. Шевченко появилась целая плеяда молодых талантливых ученых-украиноведов. Среди своих учеников и последователей М. С. Грушевский называет Е. Терлецкого, Д. Коренца, М. Кордубу, С. Томашиевского, С. Рудницкого, О. Целевича, Ю. Кмита, З. Кузельо, О. Чайкивского, В. Герасимчука, А. Сушко, Ф. Голийчука, И. Джиджору, И. Кревецкого, И. Крипакевича

и др. По-разному сложились их судьбы, разные позиции занимали они в конце своей жизни. Но несомненно другое: каждый из них был заметным явлением в украинской науке и культуре конца XIX — первой половины XX в.

Первое десятилетие нового века внесло определенные коррективы в творческую деятельность М. С. Грушевского. Бурные события первой российской революции 1905—1907 гг., наметившиеся демократические перемены в государстве открыли ученому возможность посещать города Левобережной, Слободской и Южной Украины, М. С. Грушевский выступает инициатором переноса в Киев «Літературно-наукового вісника» и ряда других научных журналов. В 1907 г. под его руководством в Киеве организуется Украинское научное общество, которое начало издавать «Записки УНТ» и журнал «Україна». Одновременно ученый развернул интенсивную публицистическую деятельность. Во многих газетах и журналах он печатает статьи на острые и злободневные темы, касающиеся украинского вопроса (позднее они были собраны и изданы отдельными брошюрами: «З біжучої хвили. Статті і замітки на теми дня 1905—1906 рр.» (К., 1906); «Освобождение России и украинский вопрос. Статьи и заметки» (СПб., 1907); «Украинство в России, его запросы и нужды» (СПб., 1906).

В наполненные до отказа политической борьбой и организаторской деятельностью годы М. С. Грушевский не забывает о популяризации научных знаний. В 1907 г. в Петербурге он издает книгу «Про старі часи на Україні», где в доступной форме излагает основные веки исторического прошлого украинского народа. Тогда же он готовит популярную книгу «Ілюстрована історія України», изданную в 1911 г. и в доработанных вариантах переизданную в последующие годы (последнее, нью-йоркское издание 1967 г. фототипически повторило публикацию 1921 г.).

Первая мировая война коренным образом изменила образ жизни и планы М. С. Грушевского. С Карпат, где он находился на отдыхе, ученый переезжает в Вену, а позднее в Италию и Румынию. По возвращении в Киев (ноябрь 1914 г.) М. С. Грушевский подвергся обыскам, аресту, унижительным допросам со стороны властей. Затем последовала высылка в Симбирск и Казань. Лишь благодаря ходатайству Российской академии наук он был возвращен в Москву, что дало возможность снова заняться научной работой.

Следующие месяцы (март 1917 — апрель 1918 г.) были связаны с активной политической деятельностью М. С. Грушевского на посту председателя Центральной Рады. Однако даже тогда он не прекращал своих занятий историей. Одна за другой из-под его пера выходили публицистические статьи на злобу дня, содержащие в значительной степени субъективные оценки происходивших в то время революционных событий.

После гетманского переворота М. С. Грушевский отходит от

политических дел. Скрываясь от властей, он некоторое время находился в Киеве. С марта 1919 г. начался эмиграционный период в жизни ученого. Прага, Берлин, Женева, Париж — основные города, где жил и работал М. С. Грушевский. В Вене он организовал Украинский социологический институт, подготовил и опубликовал целый ряд научных трудов (в том числе такие крупные работы, как четыре тома «Історії української літератури», «З історії релігійної думки на Україні», «Початки громадянства», «З починів українського соціалістичного руху: М. Драгоманів і женеvський соціалістичний гурток»). За границей ученый также организовал издание ряда научно-политических журналов, которые редактировал сам.

Находясь в эмиграции, М. С. Грушевский не прерывает связей с Украиной. Он поддерживает интенсивную переписку с деятелями культуры и науки, внимательно следит за происходящими на родной земле событиями. Постепенно начали вызревать мысли о возвращении на родину. (Подробнее об этом см.: Шевченко Ф. П. *Чому Михайло Грушевський повернувся на Радянську Україну // Укр. іст. журн. 1966. № 11*). После нескольких лет переговоров с представителями советских властей ученому был разрешен въезд в СССР (7 марта 1924 г. семья Грушевских была уже в Киеве).

М. С. Грушевский возвратился на Украину как признанный лидер исторической науки. Он избирается академиком АН УССР (1924), возглавляет ряд комиссий и секций в системе Академии. Снова развернулась интенсивная организаторская деятельность ученого по изданию журнала «Україна», «Записок історично-філологічного відділу ВУАН», «Наукового збірника», «Студій з історії України», ряда сборников и книг. М. С. Грушевский много и плодотворно работает над собственными рукописями. Центр его интересов переместился к изучению научного наследия Н. И. Костомарова, В. Б. Антоновича, П. А. Кулиша, М. П. Драгоманова. (См.: Білокінь С. *Михайло Грушевський // Літ. Україна. 1988. 21 лип*). Как и во Львове, вокруг М. С. Грушевского сосредоточивается группа научной молодежи (С. Глушко, А. Глядківський, М. Карачківський, С. Шамрай, В. Юркевич, Н. Ткаченко, В. Новицкий), которая впоследствии внесла свой вклад в различные разделы украинской исторической науки. Признанием больших заслуг Грушевского-ученого явилось избрание его в 1929 г. действительным членом Академии наук СССР.

Однако вскоре ситуация изменилась. Вокруг М. С. Грушевского возникла атмосфера недоверия, а то и откровенной вражды. Образовалась оппозиция из числа политических деятелей и ученых, в которую вошла даже часть его ближайшего окружения. В марте 1931 г. М. С. Грушевский вынужден был оставить Киев и переехать в Москву. Его подвергают аресту, инкриминируя руководство так называемым Украинским национальным центром, но через некоторое время освобождают. (См.: Дашкевич Я. Р. *Хто такий Михайло Грушевський // Україна. Наука і культура: Щорічник. К., 1989. Вип. 23*).

Несмотря на возраст и состояние здоровья (практически он ослеп), а также постоянное давление со стороны властей, М. С. Грушевский продолжает много работать. Он посещает архивы и библиотеки Москвы, готовит к печати очередные тома «Історії української літератури». 25 ноября 1934 г. во время лечения в Кисловодске М. С. Грушевский скончался.

На смерть ученого откликнулась газета «Правда», которая назвала его «выдающимся буржуазным историком Украины». 26 ноября в республиканской прессе было опубликовано правительственное постановление, в котором говорилось: «Учитывая особые научные заслуги перед Советской Социалистической Украиной академика Грушевского М. С., Совет Народных Комиссаров УССР постановляет:

Похоронить академика Грушевского в столице Украины — Киеве.

Похороны произвести за счет государства.

Для организации похорон создать правительственную комиссию в таком составе: тт. Порайко (председатель), Затонский, академики — Богомолец, Палладин и Корчак-Чепурковский.

Назначить семье академика Грушевского М. С. персональную пенсию 500 руб. в месяц» (*Комуніст. 1934. 26 листоп.*).

Соответствующее постановление принял также Президиум АН УССР, которым предполагались передача в собственность семьи Грушевских дома и создание комиссии для изучения творческого наследия ученого.

А это наследие поистине огромно. М. С. Грушевский является автором около двух тысяч печатных трудов по разным отраслям научных знаний. Колоссальная трудоспособность, большая эрудиция, универсализм позволяли ему одинаково плодотворно работать в литературоведении и фольклористике, археографии и социологии. Безусловно, не все труды ученого равнозначны по форме, содержанию, глубине изложения материала и т. д. Среди них были работы научные и сугубо популярные, фундаментальная «Історія України-Руси» и небольшие заметки, рецензии и публицистика, где исторический факт подчас подчинялся отнюдь не поиску научной истины. Но несомненно, что М. С. Грушевский известен в первую очередь как историк. Не замыкаясь на какой-либо отрасли исторических знаний, он глубоко и всесторонне разрабатывал широкий круг проблем не только отечественной, но и мировой истории. Вряд ли сегодня целесообразно доказывать тот факт, что М. С. Грушевский был и остается крупнейшим представителем исторической науки. Это признавали практически все — его друзья и противники, критики и последователи. Так, «первым историком Украины» называл ученого академик М. Н. Покровский. О том, что М. С. Грушевский являлся «самым выдающимся украинским историком», писал академик В. И. Вернадский. Несмотря на критику отдельных авторских положений, высоко оценивал творчество ученого И. Я. Франко. В своих «Причинках до історії Укра-

їни-Русі» он писал о М. С. Грушевском как о человеке «чрезвычайно критического ума», принадлежавшем к «самым плодотворным и самым подвижным писателям», как о «выдающемся двигателе национальной идеи» (*Збір. творів: У 50 т. К., 1986. Т. 47. С. 442, 453, 455*). Значение трудов М. С. Грушевского неоднократно подчеркивалось научной общественностью Западной Европы и Америки.

Научные (да и общественно-политические) взгляды М. С. Грушевского наиболее полно отражены в 10-томной «Історії України-Руси» (1898—1936) — первом фундаментальном изложении истории украинского народа с древнейших времен до середины XVII в. Широкая источниковая база (труд основан на документах не только отечественных, но и зарубежных архивов), привлечение выводов своих предшественников, а также использование материалов смежных отраслей науки — археологии, лингвистики, этнографии, социологии, фольклористики — дали возможность автору впервые создать многогранную, далеко не однозначную, но вместе с тем цельную научную концепцию истории одного из крупнейших восточнославянских народов. Вокруг многих вопросов, поднятых М. С. Грушевским на страницах «Історії України-Руси», уже в то время разворачивались острые дискуссии. Не умолкают они и в настоящее время. Тем не менее факт остается фактом: «Історія України-Руси» — крупнейшее достояние украинской историографии, своеобразный синтез исторических знаний конца XIX — начала XX в.

Мысль о подготовке синтетического труда по истории Украины не была новой. Хорошо известно, что у ее истоков находились такие замечательные украинские историки, как Д. Н. Бантыш-Каменский, Н. А. Маркевич, В. Б. Антонович, Н. И. Костомаров, А. М. Лазаревский, О. И. Левицкий и др. Постепенно формировалась документальная база, вырисовывалась схема изложения материала. Определенными вехами на пути создания единой истории Украины явились исследования по отдельным регионам Руси (труды Н. П. Дашкевича, Н. В. Молчановского, А. М. Андрияшева, П. В. Голубовского, Д. И. Багалия, М. В. Довнар-Запольского, В. Г. Ляскоронского и др.). Однако М. С. Грушевский не просто суммировал известный уже материал, а на основе собственной схемы и периодизации создал обобщающий систематический курс истории Украины.

М. С. Грушевский вспоминал, что над созданием «сплошной истории Украины» он начал впервые задумываться еще в студенческих аудиториях Киевского университета. Реализация этой мысли явилась, по словам историка, задачей его жизни. Работа над первым томом длилась два года (он вышел из печати в конце 1898 г.). В конце XIX — начале XX в. увидели свет следующие тома этого издания. Некоторые задержки отдельных книг были вызваны разного рода обстоятельствами — политическими событиями, чтением лекций, отъездом за границу и т. д. М. С. Грушевский продолжал работать над «Історією України-Руси» и после возвращения из эмиграции.

В 1928 и 1931 гг. в Киеве появились две части девятого тома книги. Десятый том был опубликован в 1936 г. уже после смерти ученого. Отдельные тома «Історії України-Руси» неоднократно переиздавались и при жизни автора, и в последующие годы. Полностью десяти томник М. С. Грушевского был переиздан в Нью-Йорке в 1954—1958 гг.

Еще во вступительной лекции, прочитанной во Львовском университете в 1894 г., М. С. Грушевский заявил: «Я прошел в свое время филологическую школу, я из нее прочно утвердил принцип — *nemini credere*. Постоянно искать и никогда не довольствоваться, не надеяться, что постиг целиком всю истину, так что всякий другой взгляд, всякая другая точка зрения в том деле невозможна, абсурдна... Наука — это беспрестанный скептицизм. Не тот больной, немощный, который остается при одном только анализе, при одном разрушении, а тот здоровый, плодотворный скепсис, который ведет за собой следом работу синтетическую» (*Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1894. Т. 4. С. 150*). Тем не менее, как показала работа над «Історією України-Руси», «Очерком истории украинского народа», «Ілюстрованою історією України», ученый не всегда придерживался декларируемого им принципа. В отдельных местах эти книги содержат противоречивые суждения, в них налицо субъективное восприятие тех или иных событий, иногда одни факты гиперболизируются, о других же говорится вскользь или не говорится вовсе. На недостатки и просчеты автора указывали уже его современники. И. Я. Франко, например, в «Причинках до історії України-Русі» писал, что М. С. Грушевский «уделяет главное внимание анализу исторических явлений, но не имеет дарования группировки исторических фактов; вот почему при всей глубокой обдуманности его плана важные исторические события, а еще более — выдающиеся исторические деятели утопают в массе подробностей и рассуждений. Обращая большее внимание на отношения, чем на живых личностей, автор вынужден заполнять пробелы исторических сведений своими рассуждениями и комбинациями, иногда не совсем удачными» (С. 453—454). Если даже учитывать определенный субъективизм этих оценок, относящихся к 1911 г., тем не менее представляется, что во многом они справедливы.

В отличие от господствующей в официальной историографии схемы развития исторического процесса на восточнославянских землях (по Карамзину — Ключевскому — Погодину) М. С. Грушевский разработал свои собственные подходы к решению этого вопроса. Общие черты новой схемы прослеживаются в трудах ученого, датированных 1896, 1900, 1901 гг. Они видны в рецензиях на книгу П. Милокова «Очерк по истории русской культуры. Население, экономический, государственный и сословный строй» (СПб., 1896. Ч. 1), сборник статей «Русская история с древнейших времен до Смутного времени» (М., 1898. Вып. 1), монографию М. А. Ясинского «Лекции по внешней истории русского права» (К., 1898. Вып. 1). Но в наиболее

обобщенной форме она изложена в статье «Звичайна схема «руської» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства» (*Статті по славянознавству. СПб., 1904*). Квинтэссенцией авторских размышлений является мысль о том, что «общерусской» истории... не может быть, как нет «общерусской» народности. Может быть история всех «русских народностей», кому хочется их так называть, или история восточного славянства. Она и должна стать на место нынешней «русской истории» (*Там же. С. 303*).

Сама по себе идея о необходимости изучения истории различных ветвей восточного славянства являлась плодотворной, как правомочным представлялся призыв к необходимости пересмотра господствующей в то время погодинской теории, которая расценивала Древнюю Русь исключительно как творение великорусской народности. М. С. Грушевский предложил другой путь решения этого сложного вопроса. Во-первых, он категорически отрицает притязания Московской Руси на часть древнерусского наследия, правопреемником которого, по его мнению, является исключительно «украинско-русская народность», поскольку она создала Киевское государство. Во-вторых, М. С. Грушевский предложил изучать в первую очередь историю народа, а не государства, что обусловливается подчиненной ролью последнего по отношению к экономическим, культурным и национальным факторам. И, в-третьих, признавая «уважение к... первенству и важной исторической роли» великорусской народности, М. С. Грушевский призвал изучать историю «каждой народности» (в том числе украинской и белорусской.— *Авт.*) отдельно, в ее генетической преемственности от начал и донныне» (*Там же. С. 299, 302, 304*).

Эти идеи ученого были реализованы в ходе написания «Історії України-Руси», а также многих других как научных, так и популярных трудов. Следует отметить, что данная схема стала органической частью научного творчества и целого ряда историков — последователей М. С. Грушевского. Вместе с тем уже в то время она вызывала возражения со стороны многих исследователей, особенно тот ее аспект, который касался этнических процессов в период Киевской Руси и роли древнерусского наследия в исторических судьбах трех восточнославянских народов. Начиная с 50-х годов она подвергалась острой критике в советской историографии, которая рассматривает Киевскую Русь как общую этническую основу русского, украинского и белорусского народов. (См.: напр.: Греков Б. Д. *Киевская Русь. Л., 1953*; Мавродин В. В. *Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1972*; Рыбаков Б. А. *Киевская Русь и русские княжества. М., 1982*; Толочко П. П. *Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. К., 1987* и др.).

Тем не менее, несмотря на просчеты, дискуссионность отдельных положений, устарелость некоторых оценок событий и явлений ис-

тории, научное наследие М. С. Грушевского (в первую очередь «Історія України-Руси») имеет непреходящее значение. К нему обращались и обращаются многие отечественные исследователи, его используют в своих трудах зарубежные ученые. Работы историка побуждают мыслить, дискутировать, соглашаться с авторской концепцией или вести спор за истину. В целом же фундаментальная «Історія України-Руси» находилась на уровне мировой историографии того времени. Следует также учитывать большое политическое и общественное значение научных трудов М. С. Грушевского. Их изданием ученый продемонстрировал, что украинский народ прошел длительный, сложный и самобытный исторический путь, показал, что ему принадлежит право на свой язык, этническую культуру, собственную государственность. В условиях национального угнетения и преследования украинской культуры со стороны царского самодержавия, австрийской монархии, господствующих классов Польши выход в свет исторических сочинений М. С. Грушевского оказал заметное влияние на активизацию национально-освободительного движения в различных районах расчлененных государственными границами украинских земель.

* * *

Своеобразная методика подготовки трудов, доступных широкой читательской аудитории, манера и стиль письма, концептуальное изложение материала довольно ярко прослеживаются в «Очерке истории украинского народа» — одной из наиболее читаемых и популярных в начале века работ М. С. Грушевского.

Мысль о написании истории «краткой и общедоступной» возникла у молодого ученого еще в бытность его магистром Киевского университета. Но требовательный к себе историк пришел к другому выводу. Как следует из его «Автобіографії», «ближе присмотревшись, пришел я скоро к убеждению, что начать дело следует не такой популярной и краткой, а более широкой и строго научной историей Украины, которую бы потом можно переделать в краткую и более популярную» (С. 16). Так началась работа над многотомной «Історією України-Руси». И только в первые годы XX в. ученый возвратился к заветной мечте, тем более что ее реализации благоприятствовал ряд обстоятельств. В 1903 г. М. С. Грушевский получил приглашение от Вольной русской школы в Париже для чтения курса лекций по истории Украины. «И я, — вспоминает ученый, — постановил прочитать в парижской школе краткий общий курс украинской истории и следом обработать его для издания в русском и каком-либо европейском, — напр., французском языке, а одновременно использовать это путешествие для завязывания личных отношений для популяризации украинской идеи» (С. 19). После возвращения из поездки в Западную Европу М. С. Грушевский, по его словам, засел «с упорст-

вом за обработку русского курса украинской истории». В течение лета 1903 г. книга была подготовлена.

Однако оказалось, что возникли непредвиденные трудности с ее публикацией. Даже либерально настроенные издатели отказывались печатать книгу под тем предлогом, что авторская схема расходится с общепринятой в историографии. И только летом 1904 г. «Очерк истории украинского народа» впервые увидел свет. Через два года (1906) вышло второе, а затем (1911) — третье, дополненное издание книги.

В основу «Очерка» положена периодизация исторического процесса на Украине, разработанная М. С. Грушевским и в наиболее концентрированном виде представленная на страницах «Історії України-Русі». Поэтому большая часть работы по существу является сокращенным и обобщенным вариантом соответствующих томов этого фундаментального издания. Специальная литература более широко использована во второй половине книги (примерно с главы XVI). В первую очередь это труды В. Б. Антоновича, Н. И. Костомарова, А. М. Лазаревского, М. Е. Слабченко, В. Л. Модзалевского, Д. И. Яворницкого, А. Я. Ефименко, В. А. Мякотина, Я. Н. Шульгина и других историков.

Временные рамки «Очерка» охватывают период с древнейших времен до начала XX в. В их пределах осуществлено соответствующее членение материала (главным образом на основе проблемно-хронологического принципа). Однако в некоторых случаях автор отступает от принятого правила и излагает отдельно тот или иной тематический вопрос в более широких хронологических рамках (например, о сословной структуре средневекового общества). Поскольку книга предназначалась для русскоязычного читателя, автор считал необходимым ввести общеисторические сюжеты — о географическом положении украинских земель, их колонизации, этническом типе населения и т. д. Первая глава представляет собой значительный интерес не столько конкретно-историческим материалом, сколько тем, что содержит концептуальные выводы М. С. Грушевского об этногенезе украинского и других восточнославянских народов, их исторических судьбах. Еще раз следует отметить, что свои теоретические построения ученый основывал на собственной схеме развития исторического процесса в восточнославянском мире.

Концепцией об отсутствии «общерусской» истории пронизаны практически все начальные главы «Очерка». Она послужила основой для утверждений ученого о том, что «порогом исторических времен для украинского народа можно принять IV в. нашей эры», что «Киевское государство, его права, быт и культура были созданием украинской народности», что «история вела эти народности (украинскую и русскую. — Авт.) большей частью совершенно различными дорогами, представлявшими больше отличий, чем схожестей». Вряд ли целесообразно доказывать, что столь принципиальные выводы автору

следовало бы подтвердить надежным фактическим материалом. Очевидно, ученый сам чувствовал шаткость своих теоретических построений. Вот почему в тех же главах содержатся мысли совершенно противоположные — о том, например, что украинцы, великороссы и белорусы — ближайшие родственники, что «историческая судьба не раз сводила их вместе» и т. д.

Еще более определенно этот мотив звучит на следующих страницах книги. «Несмотря на механический характер связи, соединявшей земли старого Киевского, или Русского, государства,— пишет М. С. Грушевский,— ее... перерывы и затем раннее обособление земель, она оставила глубокие следы в быте и культуре земель, входивших в состав названного государства. Такие следы культурного влияния, как распространение государственной христианской религии, русско-византийской книжности и искусства, которыми эти земли обязаны были указанной государственной связи, слишком осязательны и очевидны. Менее обращало на себя внимание глубокое проникновение в жизнь земель юридических институтов и норм, форм общественной и политической организации, выработанных Киевским государством. Что такое проникновение имело место действительно, доказывается сходством юридических отношений отдельных земель, часто разительным, и параллелизмом в дальнейшем развитии областей северо-восточных, вошедших в состав Московского государства, и земель украинских и белорусских, вошедших в состав Великого княжества Литовского и Польши. Сходство это объясняется общим наследием, полученным всеми названными землями от Киевского государства (выделено нами.— Авт.). Круг общих форм и норм, наблюдаемых нами, гораздо шире того, что мы имеем в сохранившихся сборниках киевского права (так называемая «Русская Правда» в ее разных редакциях), и сравнительное изучение политических и общественных отношений, права и быта этих земель открывает перед нами все новые и новые общие явления, восходящие к упомянутому общему наследству Киевского государства». Такая же противоречивость в оценках исторического прошлого украинского и русского народов, их судеб и взаимоотношений прослеживается и на многих других страницах книги.

Однако наблюдается и другая закономерность. Чем обеспеченнее становился тот или иной период документальным материалом, чем глубже и всестороннее исследовал его ученый, тем более научными и взвешенными становятся выводы. Конечно, на нынешнем этапе развития археологии, как и исторической науки в целом, многократного прироста научных знаний, появления целого ряда монографических разработок можно уточнять те или иные вопросы о расселении славян, ареале распространения отдельных культур, зачатках, быте и обычаях автохтонного населения и его контактах со своими соседями. Тем не менее вряд ли подлежит существенной корректировке авторская трактовка проблем экономической, политической и духов-

ной жизни восточных славян догосударственного периода и времен Киевской Руси. М. С. Грушевский описывает характер хозяйственных занятий различных категорий населения, освещает государственную организацию власти, стремится реконструировать деятельность вече, показать место и роль дружины, значение церкви в средневековом обществе. Ученый не испытывал каких-либо сомнений в существовании отдельных социальных групп населения со своими интересами, местом в общественной иерархии и т. д. Он писал о классах «людей свободных, полноправных, и несвободных, бесправных; но между этими двумя классами экономическими отношениями создаются группы людей, экономически зависимых и потому в своих гражданских правах ограниченных».

С интересом читаются страницы о духовной жизни времен Киевской Руси — распространении школ и книжности, феномене летописания, состоянии архитектуры и живописи. В этом контексте автор особое внимание уделяет значению христианской религии как фактора, что способствовал приобщению восточных славян к мировому культурному процессу. Вместе с тем ученый далек от мысли, что сущность духовной жизни того времени состояла исключительно в подражании византийским и западным образцам. Он пишет, что в «ней чувствуется внутренняя сила развития и движения, и она могла дать нам весьма интересные результаты при более благоприятных условиях развития».

Ряд глав книги посвящен комплексу вопросов, характеризующих положение украинских земель в составе Великого княжества Литовского, а после Люблинской унии 1569 г. — королевской Польши. М. С. Грушевский излагает исторический материал под углом зрения двух взаимосвязанных проблем: во-первых, влияния украинских земель на политическую и духовную жизнь Литовского государства; во-вторых, отношения правящих кругов Литвы к традиционным общественным структурам, существовавшим в то время в различных районах Украины. Что касается первого аспекта, то автор справедливо указывает на воздействие, которое оказали вновь приобретенные земли на различные сферы жизни Великого княжества Литовского — государственное и общественное устройство, религиозные отношения, быт, письменность и т. д. «Белорусский язык, — пишет он, — сделался языком письменности и делопроизводства В. кн. Литовского на все последующее время (литовский язык в письменности не употреблялся); право и политико-общественная схема, выработанная Киевским государством, легли в основу государственного права В. кн. Литовского; сама династия литовская сильно обрусела: между ее членами во второй половине XIV в. большинство князей было православных и совсем обрусевших». В свою очередь, общественно-политическое устройство украинских земель по существу не изменилось. Более того, местные княжества, по мнению М. С. Грушевского, в процессе дальнейшей эволюции имели все шансы превратиться в отдельные государства.

Однако в политике литовских правителей на украинских землях со временем произошли существенные изменения. Важнейшими факторами, оказавшими корректирующее влияние на ее основы, явились внутренняя конфронтация между представителями враждующих сторон и все более заметная ориентация части литовской аристократии на Польшу. М. С. Грушевский убедительно показал, что исторические пути неуклонно вели Польшу и Литву к созданию унитарного государства. Люблинская уния 1569 г., положившая начало существованию Речи Посполитой, имела далеко идущие последствия и для украинских земель — большая часть их оказалась под властью королевства Польского. Какое же отношение ученого к этому политическому акту? Оно однозначно: «Прославляемый позднейшими польскими историками как акт любви и братства, в действительности он был цепью насилий над чужими правами и убеждениями, осуществленных давлением правительственной власти и тяжелых обстоятельств, какими была война с Москвой, ослабление В. кн. Литовского, его внутреннее раздвоение и т. п.». Одновременно историк не мог не отметить и другую сторону вопроса. «Все это, впрочем,— говорит он,— отнюдь не делает и литовских автономистов мучениками идеи: ими руководили также эгоистические мотивы — интересы олигархии, во имя которых они и подавляли оппозицию своей шляхты, стремившейся к богатствам польских шляхетских привилегий».

Переход украинских земель в новый государственный организм знаменовал собой по существу рубежную веху в их историческом развитии. Эта мысль пронизывает практически все главы книги, посвященные как общим проблемам общественной эволюции, так и характеризующие изменения сословной структуры населения Украины. 1569 год открыл польской шляхте путь самой широкой экспансии на украинские земли. Той «польской шляхте,— пишет М. С. Грушевский,— которая, сидя на украинской земле и живя трудом украинского крестьянина, привыкла в то же время игнорировать все туземное, смотреть на украинский народ как на гелотов польской народности, на его язык, культуру, традиции, право — как на нечто неизмеримо низшее сравнительно с польским, так что всему туземному, хотя несколько поднимавшемуся над общим жалким уровнем, по ее искреннему убеждению, была одна дорога — самоскорейшего перехода в польский лагерь, перечисления в польскую национальность».

М. С. Грушевский избрал своеобразную форму освещения вопроса о конституировании шляхетских порядков на Украине. Она зиждется на методе противопоставления. С одной стороны, автор показывает постепенную имплантацию общественных структур Речи Посполитой на вновь приобретенных землях, раздачу шляхетских привилегий представителям украинских господствующих классов (весьма убедительным является тезис о том, что «сословные интересы... заставляют их сближаться с поляками-пришельцами и сплачиваться с ними в одну классовую группу»). С другой стороны, историк стремится

реконструировать пути эволюции крестьянства, городского сословия, охарактеризовать новые явления, связанные с возникновением и развитием казачества.

В отличие от современных ему историков (да и исследователей последующих поколений) М. С. Грушевский на страницах этих глав «Очерка» практически не приводит цифр, цитат и т. п. Однако глубокий теоретический уровень изложения материала позволил ему создать убедительную и яркую картину жизни украинских земель в канун Освободительной войны 1648—1654 гг. Читатель найдет здесь глубокие характеристики эволюции крестьянского сословия (возникновение различных категорий крестьян, постепенное их закрепощение, появление фольварочного хозяйства и рост барщины, процесс обезземеливания хозяйств непосредственных производителей и т. п.). Не утратили актуальности авторские наблюдения над проблемой крестьянской собственности. М. С. Грушевский признает существование в структуре обычного права собственности крестьян, однако, пишет он, «*de jure* за крестьянами признавалось только владение, а не собственность, и в случае надобности их земли бесцеремонно отчуждались, отбирались и т. п.».

Один из результатов прославленной «культурной миссии» Польши в украинских землях М. С. Грушевский усматривает в упадке городов. Согласно его наблюдениям, городские поселения постепенно попадают в зависимость от феодалов, хиреют, становятся, по существу, их собственностью. Другой стороной этого процесса явились утрата городским сословием своих традиционных имущественных прав, постоянное вмешательство во внутренние дела общины старост или помещиков.

Однако даже в тех тяжелейших условиях городское сословие не сошло с политической арены. Ученый считает, что именно мещанство давало «первые кадры борцов за права украинской народности». Он объясняет это цеховой сплоченностью горожан, привычкой к организации, более высоким по сравнению с другими категориями населения образовательным уровнем. В этом контексте весьма примечательны мысли М. С. Грушевского о религиозной оболочке, имевшей универсальный характер и поглощавшей сословные и прочие интересы. Под знаменами борьбы за свободу «греческого» вероисповедания объединились православная шляхта, духовенство, горожане. Это наблюдение привело автора к выводу о том, что противостояние на религиозной почве обусловило возникновение братств — т. е. организованной силы, способной вести борьбу более эффективно и целенаправленно.

Тезис о всесословном характере борьбы за сохранение православной церкви ученый подкрепляет и другого рода материалом. На страницах книги читатель найдет много интересных сведений, касающихся развития полемической литературы, деятельности Острожского литературного и просветительского центра, сеймовой борьбы православных депутатов и т. п.

Шаг за шагом М. С. Грушевский подводит читателя к пониманию одного из наиболее значительных вопросов украинской истории — вопроса о возникновении казачества. Ученый отмечает, что он не первооткрыватель этого социального феномена — его изучением «занимались немало, но невыясненного все же оставалось в нем до последнего времени очень много, и в литературе по этому вопросу высказывались и высказываются нередко суждения очень смутные и ошибочные». Какова же авторская концепция появления и эволюции украинского казачества? Главная мысль М. С. Грушевского заключается в том, что казачество — это продукт предыдущего социального и экономического развития украинского народа. Прототип казачества ученый усматривает в кочевом населении степных районов периода Киевской Руси. Во-вторых, он придерживается «уходнической» теории возникновения казацкого населения, однако не отрицает роль бегства крестьянских масс и горожан как социального фактора, который способствовал увеличению численности казачества (это не исключало и других категорий — боярства, мелкой шляхты). В-третьих, по его наблюдениям, казачество прошло определенный путь развития. М. С. Грушевский правильно отмечает, что, возникнув как явление бытовое, казачество постепенно эволюционировало в отдельное сословие со своими правами и привилегиями (в книге верхняя грань этого процесса датируется концом XVI — началом XVII в.). Чем же притягивало казачество многотысячные крестьянские массы Украины? Ответ на этот вопрос в интерпретации М. С. Грушевского предельно ясен: особый иммунитет (личная свобода, своя юрисдикция и т. д.).

Сравнительно небольшой объем книги посвящен турецко-татарской экспансии на украинские земли и борьбе казаков против ордынцев, которая, несомненно, составляла одну из ярких страниц отечественной истории. Зато несравненно более значительное внимание уделено внутренним событиям, в частности тому их срезу, который характеризовал освободительное движение украинского народа против господства шляхетской Польши. Однако весь ход этой борьбы реконструирован М. С. Грушевским исключительно через призму действий казацких отрядов (автор только вскользь говорит об участии в восстании крестьян, представителей городских низов и других сословий). Динамично, например, описан ход восстаний 1591—1596 гг. под предводительством К. Косинского и С. Наливайко, показаны главные вехи народных движений 20—30-х годов XVII в. Интересна также попытка автора проследить процесс формирования программы повстанцев и их организации. Ученый придерживается того мнения, что «первые казацкие движения конца XVI в. имеют еще очень хаотический характер». Когда же в таком случае в них появляются элементы, связанные с новыми программными установками? Ответ на этот вопрос довольно прост, как и, впрочем, весьма проблематичен: только тогда, когда казачество

вступает в «союз с духовенством и вообще украинской интеллигенцией».

В связи с проблемой возникновения и развития украинского казачества нам представляется необходимым обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Следует, очевидно, учитывать тот факт, что появление казацкого населения не было чем-то аномальным, характерным только для Украины. Однотипные социальные образования возникали в других областях, в частности на Дону, Яике, на землях южных славян, что свидетельствует об общих закономерностях развития исторического процесса.

Вместе с тем из поля зрения М. С. Грушевского почти выпала важная качественная грань в развитии украинского казачества — возникновение Запорожской Сечи — т. е. военно-политического образования казаков. Ведь в будущем ей было суждено сыграть выдающуюся роль в исторических судьбах не только украинского, но и других славянских народов.

В общей канве авторского повествования особое место занимает сюжет об Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. Он обращает на себя внимание вовсе не большим объемом или красочными описаниями событий восстания, а в первую очередь концептуальным подходом М. С. Грушевского к решению этой сложной проблемы, имевшей уже в его время не только научное, но и политическое значение. Автор анализирует основные причины, вызвавшие в XVII в. этот мощнейший социальный катаклизм, показывает источники формирования повстанческого лагеря, отмечает рубежные вехи военных сражений и политических переговоров противоборствующих сторон. М. С. Грушевский нисколько не пренебрегает выдающегося места событий 1648—1654 гг. в истории Украины — он говорит об их освободительном характере, особо указывает на глубочайшую социальную результативность, рисует процесс создания собственной государственности и т. д.

Читатель, естественно, обратит внимание на авторскую интерпретацию двух узловых вопросов этих событий — характеристику личности и планов Б. Хмельницкого, а также русско-украинских взаимоотношений середины XVII в. Оценка гетмана на страницах книги весьма неоднозначна. С одной стороны, это «даровитый полководец, гениальный, можно сказать, администратор, искусный политик-дипломат», который олицетворял «современное ему украинское общество, весь украинский народ», а с другой — человек, который «не возвышался над уровнем политических и общественных воззрений вырастившей его среды». Столь же неоднозначной, по мнению историка, была политическая программа Хмельницкого, основное содержание которой эволюционировало от чисто казаческих требований к более широким общенародным устремлениям. Развивая свои предыдущие мысли, М. С. Грушевский считает рубежной вехой в кристаллизации политической программы гетмана начало 1649 г. — т. е.

пребывание его в Киеве и встречи с «высшими представителями тогдашнего культурного центра Украины». В действительности мотивы поведения Хмельницкого, как и причины эволюции его взглядов, были куда более глубокими, и корни их, очевидно, целесообразно искать еще в предвоенные годы и в первые месяцы восстания.

Спорными представляются и те страницы где говорится о внешнеполитической деятельности руководителя Освободительной войны. Исходным пунктом здесь является тезис о том, что Хмельницкий, который будто бы «не решался опереться исключительно на народные силы», с самого начала восстания искал помощи извне. По мнению М. С. Грушевского, поиски союзников на международной арене и привели гетмана к мысли о необходимости заключить договор с московским царем в борьбе против Польши. Нам представляется, что это положение нуждается в определенной корректировке. Во-первых, успешное завершение Освободительной войны стало возможным лишь благодаря дальновидной и сбалансированной социальной политике Хмельницкого, объединившего такие, казалось бы, непримиримые силы, как казачество, крестьяне, плебейские массы, с одной стороны, и украинская шляхта, высшее православное духовенство, городской патрициат — с другой. Во-вторых, вряд ли целесообразно ставить в одну историческую плоскость такие политические силы, как, например, царская Россия и султанская Турция. Конечно, типология самодержавных структур обоих государств, их отношения к другим народам были во многом сходны. Однако принципиальные отличия состояли в другом — этнических, языковых и конфессиональных факторах, а также в глубокой исторической традиции, которая объединяла украинский и русский народы.

Несколько по-иному, чем в «Очерке», оцениваются в советской историографии также взаимоотношения Хмельницкого с русским царем после 1654 г. Не отрицая определенных напряженностей, которые возникали между правителями Украины и России, современные исследователи вместе с тем на основе фактического материала доказывают, что гетман никогда всерьез не вынашивал планов разрыва с Москвой. (См.: напр., Крип'якевич І. П. *Богдан Хмельницький. К., 1954*; Санин Г. А. *Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987*).

Следующий круг вопросов, которые рассматривает М. С. Грушевский, охватывает период второй половины XVII—XVIII в. Авторское повествование разворачивается по двум основным направлениям: описание наступления русского царизма на автономию Украины и стремление показать новые тенденции в общественном и социальном развитии Гетманщины. Многие страницы книги посвящены воссозданию политических событий тех лет — натиску самодержавия на органы украинской феодальной государственности, постепенному урезыванию их прав, а затем и ликвидации последних. Мы можем говорить о личных привязанностях автора к тем или иным украин-

ским гетманам, возможно, несколько идеализированном их освещении, субъективном восприятии многих событий, но главное в другом — ученый стремился искать причины и мотивы действий обеих сторон. В социальном плане М. С. Грушевский практически не дифференцирует интересы царизма и казацкой старшины. Как один, так и другая были заинтересованы в упрочении своей власти над крестьянскими и казацкими массами и их беззастенчивой эксплуатации. По-иному русское самодержавие действовало в политической сфере. Здесь на первое место выступали не субъективные устремления тех или иных исторических деятелей, а объективные реальности. Они же были таковыми. что независимо от обстоятельств, конкретных действующих лиц и исполнителей украинская феодальная государственность в составе царской России не имела перспектив для своего развития. И это хорошо понимал М. С. Грушевский. «Весь строй украинского управления,— писал он,— с его принципами свободного избрания, суверенности народа и ответственности перед ним был противен строго монархическому строю Московского государства, с его беспощадной централизацией...»

В этих главах книги ученый выводит на авансцену гораздо большее число исторических лиц. Это и И. Выговский, «человек довольно интеллигентный и образованный для своего времени, несомненно украинский патриот, но более ловкий, чем талантливый», и И. Брюховецкий, «беззастенчивый карьерист и интриган», и П. Дорошенко, «настоящий герой безвременья, вызывающий трагизмом своего положения и силой духа глубокий интерес и сочувствие», и И. Сирко, «славный воин, но совершенно лишенный способностей политик», и другие. Со многими авторскими характеристиками можно спорить. Тем не менее через жизнь и деятельность этих людей М. С. Грушевский стремится реконструировать исторический процесс — борьбу старшинских группировок за власть, выступления против России, военную конфронтацию с Польшей и Крымским ханством.

И во всех случаях это стремление выводит М. С. Грушевского на такую важнейшую политическую силу, как народ. В его интерпретации крестьяне и казаки — не инертная масса, а действенный фактор, способный вносить коррективы в политику старшинской верхушки. Именно они во многом способствовали тому, что политические планы И. Выговского, П. Дорошенко и других гетманов не были осуществлены. В книге неоднократно говорится о приверженности основной массы украинского народа духу и букве Переяславского акта 1654 г.

В этом контексте несомненный интерес представляет оценка М. С. Грушевским личности И. Мазепы. В «Очерке» старый гетман предстает человеком, возглавившим «последнюю громкую вспышку украинского автономизма», т. е. попытку разрыва с Россией и перехода на сторону шведского короля Карла XII. В отличие от других своих трудов здесь М. С. Грушевский далек от идеализации социаль-

ного и политического облика Мазепы. В оценке ученого он «был очень сомнительным приобретением для Гетманщины... способный и честолюбивый, но слишком уклончивый и осторожный, слишком учитывающий всякий риск и опасность... он мало годился для самостоятельной; ответственной роли правителя». В народной среде гетман был нелюбим и как представитель «новых ляхов», и как «верный и услужливый царский приспешник». М. С. Грушевский стремится раскрыть причины рокового шага Мазепы, выяснить мотивы, которыми руководствовался гетман, начиная свое предприятие. В этой связи убедительны размышления о политике царского правительства на Украине, о влиянии событий Северной войны и побед Карла XII на душевное состояние Мазепы. Нельзя не согласиться с автором «Очерка» в том, что планы, вынашиваемые Мазепой, не имели под собой реальной почвы, поскольку не опирались на народные массы.

Второй аспект этой части книги, как упоминалось, касается эволюции социальных и общественных отношений на Левобережной Украине. М. С. Грушевский стремится воссоздать реальную картину постепенного попраiania демократических принципов, существовавших в казацком государстве, и перехода к единовластию старшины. Параллельно происходили и другие не менее важные процессы — феодализация старшинской верхушки, рост различных форм феодального землевладения, обезземеливание крестьян и рядовых казаков, усиление их дифференциации, появление крепостнических тенденций. Суммируя свои наблюдения, ученый писал: «В общем, к половине XVIII в. крепостная зависимость крестьян и владельческие права по отношению к ним в Левобережной Украине достигают размеров, вполне аналогичных с прежним шляхетско-польским режимом,— им недостает только нескольких штрихов для полной законченности».

Значительно меньше места в книге отведено истории Правобережья и западноукраинских земель во второй половине XVII—XVIII в. Воссоздание исторического процесса на этих землях ограничено лишь несколькими вопросами: борьба казаков под предводительством С. Палия, гайдамацкое движение, Колиивщина 1768 г., наступление католичества и униатства, упадок духовной жизни. Так, оценивая введение унии на западноукраинских землях, М. С. Грушевский пишет: «Это была громкая победа над украинской жизнью — не только над ее церковью, но и над национальными традициями, над душою народа: у народа отнято было то, что являлось его святынею».

Последние главы «Очерка» посвящены истории духовной жизни, а также появлению новых тенденций в общественно-политическом движении на Украине в XIX в. На содержании этих глав более всего сказались личные привязанности автора, его некоторая субъективность в изложении событий и явлений. Еще И. Я. Франко в «Причинах до історії України-Русі» писал, что «здесь больше, чем в предыдущих разделах, чувствуется перевес рассуждений над фактическим

материалом. Особенно русский «Очерк», как и следовало ожидать, имеет в этой части сильную апологетическую окраску, обращая пристальное внимание на преследование украинского языка, литературы и национальности со стороны русского правительства» (С. 450). В то же время прослеживается заметная идеализация условий развития духовной жизни на западноукраинских землях, преувеличивается ее влияние на общеукраинский культурный процесс.

«Очерк» содержит также ряд других недостаточно обоснованных или устаревших оценок. В книге почти не поднимаются вопросы формационного развития общества, эволюции сельскохозяйственного и промышленного производства, появления новых тенденций, связанных с зарождением и утверждением капиталистического строя. В ней недостаточно отражены история общественно-политической мысли, социальной борьбы народных масс, которые составляли существенную черту нашего прошлого. Определенная односторонность характерна и для тех глав книги, которые воссоздают весь спектр украинско-русских взаимоотношений.

Тем не менее, несмотря на просчеты, отдельные дискуссионные вопросы и тематические лакуны, М. С. Грушевский в целом создал масштабную и многоплановую историю украинского народа, полную трагизма и героизма, подъемов и спадов, этноспецифических и общечеловеческих устремлений.

Ф. П. ШЕВЧЕНКО,
член-корреспондент АН УССР,
В. А. СМОЛИЙ,
доктор исторических наук

ПРИМЕЧАНИЯ

«Очерк истории украинского народа» М. С. Грушевского издавался в Санкт-Петербурге трижды: в 1904, 1906 и 1911 гг. При второй публикации книги автор несколько доработал отдельные главы, уточнил их названия, а главное — написал небольшое, но конструктивное предисловие, где объяснил причины появления и цели нового издания, вступил в полемику со своими оппонентами по некоторым вопросам истории Украины (преимущественно древнеславянского периода). Третье издание было значительно дополнено изложением материала о событиях XVII—XIX вв. В него не вошло предисловие ко второму изданию (очевидно, из-за резкой и во многом справедливой критики современных автору ученых). Автор заменил его на новое, предельно краткое: «Продолжающиеся требования на эту книгу, разошедшуюся довольно давно, заставили меня пересмотреть ее для нового издания. Существенным изменениям и значительным дополнениям подверглось особенно изложение истории последних трех столетий, XVII—XIX. Вместо того пропущен заключительный обзор современного положения украинского народа и украинского движения, содержащийся во втором издании. Полное и всестороннее изложение современных украинских отношений все труднее становится укладывать в рамки этой книги, и на этот раз я вовсе должен был отказаться от такой задачи. По некоторым вопросам интересующиеся могут обратиться к моим изданиям: «Украинство в России, его запросы и нужды» (оттиск из 2 изд. «Очерка») и «Освобождение России и украинский вопрос».

В основу настоящей публикации положено издание 1911 г. В тексте памятника устранены типографские погрешности, разночтения, раскрыты некоторые сокращения и т. д.; орфография и пунктуация приближены к нынешним нормам. Названия глав, присутствующие у М. С. Грушевского лишь в оглавлении, для удобства чтения продублированы в тексте. С той же целью списки использованной литературы, данные автором в конце каждой главы, по возможности приведены в соответствие существующим требованиям к библиографическому описанию и расположены в алфавитном порядке в конце книги. К сожалению, низкое качество немногочисленного картографического материала в экземпляре книги 1911 г. не позволило воспроизводить его для нашего издания.

В примечаниях к тексту памятника авторы предусматривали прежде всего: во-первых, по возможности уточнить отдельные положения, отметить неточности и ошибки, содержащиеся в тексте «Очерка»; во-вторых, показать свое отношение и мнения других советских историков по тем или иным вопросам, рассматриваемым в книге; в-третьих, избегая пространных комментариев, отсылать читателя к новейшей научной литературе, где он подробнейшим образом смог бы ознакомиться с заинтересовавшими его аспектами украинской истории.

Примечания к главам I—IX составил кандидат исторических наук В. М. Рычка, к главам X—XXX — кандидат исторических наук А. И. Гуржий.

1. Имеется в виду ареал расселения украинцев.
2. Современные этнографическо-статистические сведения об украинцах собраны и проанализированы В. И. Наулко (см.: *Наулко В. І. Етнічний склад населення Української РСР: Статистико-картографічне дослідження*. К., 1965; *он же*: Карта сучасного етнічного складу населення Української РСР. К., 1966).
3. Подробнее о природно-географических условиях Украины см.: Атлас природных условий и естественных ресурсов Украинской ССР. М., 1978.
4. На наш взгляд, М. С. Грушевский несколько преувеличивает антропологические отличия родственных восточнославянских народов. Украинский народ неоднороден по своему антропологическому составу. Морфологически и генетически он близок русским и белорусам (см.: *Дяченко В. Д. Антропологічний склад українського народу*. К., 1965).
5. Не отрицая влияния со стороны окружавших восточных славян народов, отметим, что формирование русской, украинской и белорусской народностей проходило все же на общей древнерусской основе.
6. По лексическим и археологическим данным, период праславянского единства длился до конца VI—VII в., когда славянство разделилось на три генетически близкие ветви — восточную, южную и западную. Восточные славяне составляли ту историческую общность, откуда берут свое начало корни русского, украинского и белорусского народов.
7. Окончательно славяне сформировались в середине I тысячелетия до н. э. в Висло-Одерском междуречье. Большинство современных исследователей подобно М. С. Грушевскому также склоняется к мысли о том, что прародиной славян были земли Центральной и Восточной Европы (см.: *Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.* М., 1982. С. 12—13; *Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян*. М., 1979. С. 44—45).
8. *Бастарны* — одно из восточногерманских племен, которые упоминаются в сочинении Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии» (98 г. н. э.). Продвижение в III—II вв. до н. э. кельтско-германских племен в Центральную Европу, а затем вдоль Карпат к Черному морю подтверждается археологическими материалами.
9. Нашествие гуннов — азиатских кочевников тюркского происхождения — на готов имело место в конце IV в. Между Волгой и Днестром гунны основали собственное государство. Эти события вызвали движение славянских племен за Дунай.
10. *Анты* — юго-восточная группа славянских племен, сложившаяся в IV в. В VI—VII вв. земля антов локализуется в междуречье Днепра и Днестра. По археологическим данным, здесь прослеживается высокий уровень концентрации славянских поселений, которые представляли собой неукрепленные селища, размещавшиеся в долинах небольших рек. Анты идентифицируются с древностями пеньковской археологической культуры (см.: *Седов В. В. Анты // Проблемы советской археологии*. М., 1978. С. 164—173; *Приходнюк О. М. Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь*. К., 1989. С. 58—69). Пеньковская (антская) культура была общим субстратом, на основе которого сформировались культурно-территориальные группы памятников VII—VIII вв., отождествляемые с летописными полянами, северянами и уличами.
11. «*Баварский Географ*» — анонимный источник первой половины IX в. Происхождение этого рукописного сборника, хранящегося ныне в

- Мюнхенской государственной библиотеке, а также степень достоверности его сведений выяснены не полностью; *Константин Порфирородный* (Багрянородный) — византийский император (913—959), автор сочинения-наставления «Об управлении империей».
12. Границы расселения полян, а также других восточнославянских союзов племен в настоящее время существенно уточнены по археологическим данным (см.: *Седов В. В.* Восточные славяне VI—XIII вв. М., 1982).
 13. Происхождение термина «Русь» в исторической науке и сегодня окончательно не выяснено. В этой связи высказываются различные, зачастую диаметрально противоположные мнения. Кроме наиболее популярной скандинавско-финской этимологии существуют версии иранского, славянского и балто-славянского происхождения термина (см.: *Горский А. А.* Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // *История СССР*. 1989. № 3. С. 131—137). отождествление полян и Руси, прослеживаемое в древнерусских летописях, не было буквальным. Термин «Русь» первоначально употреблялся преимущественно в географическом значении, для определения всей территории Среднего Поднепровья (см.: *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 202—203).
 14. С летописными хорватами идентифицируются обнаруженные археологами городища-крепости VIII—IX вв. Северной Буковины (см.: *Тимошук Б. О.* *Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. К.*, 1976). Подвергнувшись натиску аваров, значительная часть хорватов мигрировала из Прикарпатья. Этноним «хорваты» известен в западной части Балканского полуострова, в Среднем Подунавье и на Эльбе (см.: *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // *Вопр. языкознания*. 1974. № 6. С. 48—67).
 15. *Авары* — выходцы из глубин Азии. В Северном Причерноморье появились во второй половине VI в. Пройдя северопричерноморские земли, утвердились в Паннонии (567—568), образовав раннегосударственное объединение. В середине 70-х годов VII в. часть болгар во главе с ханом Аспарухом достигла междуречья Днестра, Прута и Дуная.
 16. Образование Хазарского каганата датируется серединой VII в. Подробнее об истории формирования этого государственного объединения, его этническом составе см.: *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962; *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М., 1983.
 17. Согласно новейшим изысканиям, в третьей четверти I тысячелетия н. э. повсеместно совершенствовалась техника земледелия, ремесла, а также добычи железа и его обработки. В Среднем Поднепровье в VIII—IX вв. происходит переоснащение земледельческого производства более совершенными орудиями, оживляется процесс разделения труда, увеличивается ассортимент выращиваемых злаков, развивается паровая двухпольная система земледелия (см.: *Пашкевич Г. О., Петрашенко В. О.* Землеробство і скотарство в Середньому Подніпров'ї // *Археологія*. 1982. № 41. С. 46—62; *История крестьянства в Европе: эпоха феодализма*. М., 1985. Т. 1. С. 317—319). Все это создавало материальные предпосылки для развития феодальных производственных отношений и возникновения основ раннеклассового общества.
 18. Меню (фр.).
 19. *Вирник* — сборщик виры (штрафов) за убийство свободного человека.
 20. Современные воззрения на проблему происхождения славянских богов и эволюцию религиозных верований древних славян см.: *Рыбаков Б. А.* *Язычество древних славян*. М., 1981; он же: *Язычество Древней Руси*. М., 1987.
 21. Здесь М. С. Грушевский, очевидно, имеет в виду период общего индоевропейского родства народов.

22. Слово «род» уже в древности имело множество значений. О его многозначности в старославянских текстах см.: Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 23—34.
23. Возникновение древнейших восточнославянских городов (таких, например, как Киев, Зимно, Хотомель, Пастерское городище и др.) обуславливалось изменениями в сфере общественных отношений. По мнению П. П. Толочко, восточнославянские «грады» VI—VIII вв. представляли собой «административно-политические и культовые центры племен или союзов племен с вполне обозначившимися ремесленными, торговыми и, вероятно, редиистрибутивными функциями» (см.: Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. К., 1989. С. 32). По мере становления и развития древнерусской государственности умножались и функции, выполняемые городом в условиях феодального средневекового общества.
24. По преимуществу (фр.).
25. *Ольвия* — античный рабовладельческий город-государство на правом берегу Бугского лимана при впадении его в Днепровский лиман. «Торжищем борисфенитов» называл его Геродот в своей «Истории» (Борисфен — греческое название Днепра).
26. Трансевропейский торговый путь, шедший из Регенсбурга через Прагу, Бреславль, Краков, Завихост, Владимир и Луцк к Киеву.
27. Подробнее о торговых связях южнорусских земель с Востоком, о локализации торговых путей в свете современной науки см.: Моця А. П. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. К., 1985. С. 132—133; Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 316; Толочко П. П. Про торговельні зв'язки Києва з країнами Арабського Сходу та Візантією VIII—X ст. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976. С. 6—11.
28. Возникновение Древнерусского государства с центром в Киеве было закономерным следствием внутреннего социально-экономического, политического и культурного развития восточных славян. В процессе формирования древнерусской государственности прослеживаются четыре этапа: племенные княжения восточных славян; образование первоначального ядра древнерусской государственности — «Русской земли»; формирование южного и северного раннегосударственных образований; объединение этих образований в Древнерусское государство с центром в Киеве (см.: Шаскольский И. П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. К., 1972. С. 55—66).
29. Современная наука относит время появления «Повести временных лет» к 1113 г. и традиционно связывает создание этого произведения с именем монаха Киево-Печерского монастыря Нестора. Впрочем, сомнения в правомочности отождествления Нестора с автором «Повести» остаются и в наши дни (см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 277).
30. В состоянии зарождения (лат.).
31. Возникновение общественного института дружины датируется VI—VII вв. Дружина была постоянной организацией профессиональных воинов, которые стояли вне общины и над ней.
32. По всей вероятности, имеется в виду «Житие» Стефана Сурожского — источник конца VIII—IX в. Другими сведениями о князе Бравлине мы не располагаем.
33. Современные толкования этого источника позволяют убедительно говорить о существовании в Среднем Поднепровье в первой половине IX в. раннегосударственного объединения во главе с единовластным правителем (см.: Шаскольский И. П. Известие Бертинских анналов в

свете данных современной науки // *Летописи и хроники* 1980 г. М., 1981. С. 50—51).

34. В конце IX — первой половине X в. племенные княжения восточных славян еще сохраняли известную автономию. Центральная власть тогда еще не была в силах ограничить prerogatives местной феодализирующей знати. В городах, бывших, как правило, центрами племенных княжений, сидели местные «велиции», князья, находившиеся в вассальной зависимости от Киева. Они выплачивали киевскому правительству дань и привлекались в качестве союзников для участия во внешнеполитических акциях Руси. Киевское государство представляло собой тогда своеобразную ассоциацию «светлых» и «великих» князей, находившихся «под рукой» великого князя киевского (см.: *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. // *Ист. записки.* 1979. Вып. 89. С. 358).
35. Достоверных сведений о посажении Святослава в Новгороде не имеется. Представляется маловероятным, чтобы малолетнего (8—10 лет) княжича отправили в отдаленный Новгород.
36. Раздача городов княжеским «мужам» в управлении прослеживается в источниках со второй половины IX в., в том числе и в «Повести временных лет». Посадничество отвечало нуждам объединительной политики киевского правительства, способствовало интеграции феодализировавшейся местной и служилой знати.
37. *Полюдье* — процедура объезда князьями подвластных земель с целью сбора дани; позже — подать, выплачиваемая им. Реконструкцию маршрута полюдья киевских князей в первой половине X в. см.: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. С. 317.
38. Такая система пользования доходами с земли определяется как раннефеодальное кормление.
39. *Абесгун* — город на южном берегу Каспийского моря.
40. Есть основания считать достоверным летописное сообщение о крещении Ольги, имевшем место в 954—955 гг. в Киеве (см.: *Высоцкий С. А.* О дате поездки посольства Ольги в Константинополь // *Древние славяне и Киевская Русь.* К., 1989. С. 154—161).
41. Современная наука рассматривает факт отправки Ольгой своего посольства к германскому императору Оттону I в 959 г. как вполне достоверный.
42. Начало практике посажения своих сыновей в крупных городах — центрах формирующихся древнерусских земель-княжеств положил киевский князь Святослав Игоревич (964—972) в 970 г.
43. Место и дата обращения Владимира в христианство точно не выяснены. Очевидно, это произошло весной 988 г. в самом Херсонесе.
44. Определяющую роль в принятии христианства по византийскому образцу сыграл вопрос о верховной власти. В Византии — в отличие от западноевропейских стран — церковь и ее служители были подвластны императору и всячески содействовали укреплению центральной власти. Такое положение отвечало системе политического строя Киевской Руси, формировавшейся как относительно единая раннефеодальная монархия.
45. Владимир Святославич умер 15 июля 1015 г.
46. Возникновение на политической карте Руси в начале XII в. полутора десятков феодальных княжеств было закономерным следствием развития феодальных отношений и вовсе не означало распада Древнерусского государства. Развернутую аргументацию этой точки зрения см.: *Толочко П. П.* Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. К., 1987. С. 215.
47. Со смертью Мстислава Владимировича Киевская Русь вступила в новую стадию своего исторического развития. На смену раннефеодальной монархии во второй трети XII в. пришла полицентрическая структура

государственно-политического устройства. Оставаясь относительно единым государственным организмом, Киевская Русь представляла собой федерацию полутора десятков в определенной степени обособленных феодальных земель-княжеств.

48. Несмотря на ослабление могущества центральной власти Киев и в период феодальной раздробленности продолжал играть традиционную для него роль общегосударственного центра.
49. *Темуджин* — вождь монгольского племени кият-борджигинов, провозглашенный в 1206 г. на съезде монгольских феодалов великим ханом — Чингизханом.
50. Против половцев выступило 30-тысячное войско под командованием Джебей и Судебей.
51. Например, на путь добровольного сотрудничества с татарами встала правящая верхушка Болоховской земли.
52. Киевская земля в течение всего древнерусского периода так и не превратилась в наследственную вотчину какого-либо одного княжеского рода и не выделялась в отдельное независимое княжество (см.: *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. К., 1980. С. 187). До самого нашествия Батыя в 40-х годах XIII в. киевский княжеский стол оставался объектом коллективного сюзеренитета наиболее сильных русских князей, их общединастическим наследием.
53. По нашим наблюдениям, в состав Киевской земли входили области, заселенные ранее полянами, древлянами, уличами, частично дреговичами и вольнянами. В период феодальной раздробленности территория Киевской земли простиралась на Днепровском правобережье от бассейна р. Рось на юге, где включала в себя область тюркоязычных Черных клобуков, до правобережья Припяти на севере, где граничила с Черниговским и Туровским княжествами. Далее границы Киевской земли вдоль Припяти шли на запад к нижнему и среднему течению Горыни, между речью Случи и верховьям Южного Буга. На востоке они охватывали часть Днепровского левобережья. Киев контролировал также устье Днепра, где размещался важный для него торговый пост Олешье.
54. Белгород, Канев и Юрьев были важными церковно-политическими центрами Киевской земли. Торческ, а также Бужеск, Дорогобуж, Мозырь и Брягин служили административно-территориальными средоточиями — центрами феодальных волостей.
55. Новгород-Северское княжество возникает в конце XI в. В отличие от Муромо-Рязанской волости, которая отошла в состав Ростово-Суздальской земли, Новгород-Северское княжество в течение всего древнерусского периода находилось под контролем Чернигова, хотя и стремилось избавиться от этой опеки. В 30—40-х годах XII в. черниговские князья из династии Давидовичей, ориентировавшиеся в своей политике на Киев, приложили немало усилий для того, чтобы преодолеть сепаратизм новгород-северских Ольговичей. Однако политическое единство земель Черниговского княжества длилось недолго. Феодальные усобицы разгорелись с новой силой уже во второй половине XII в. и не угасали до конца столетия. Все это закономерно приводило к разделу Черниговщины на ряд мелких уделов.
56. В середине XII в. Волынь была разделена Мстиславом и Ярославом Изяславичами на земли Владимирскую и Луцкую. В 1170-х годах эти земли в свою очередь распадаются на еще меньшие территориальные образования. В составе Владимирской земли появляются отдельные княжества с центрами в Белзе и Червене, а в составе Луцкой — Дорогобужское и Пересопницкое.
57. На территории Галичины в конце XI — начале XII в. образовалось четыре обособленных княжества — Перемышльское, Звенигородское, Те-

- ребовлянское и собственно Галицкое. В период правления князя Володимирка Володаревича (1141—1144) произошло объединение этих княжеств под главенством Галича. Подробнее о формировании Галицко-Волынского княжества, его внутренних делениях см.: *Крип'якевич И. П. Галицко-Волынське князівство*. К., 1984; *Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв.* К., 1985.
58. В источниках г. Львов впервые упоминается около 1256 г.
 59. Роман Мстиславич (? — 1205) — сын великого князя киевского Мстислава.
 60. Имеется в виду папа Иннокентий IV. Папский посланник короновал Даниила Галицкого в Дорогичине в 1253 г.
 61. Выступление Бурундая обуславливалось успешными военными действиями Даниила против ордынцев темника Куремсы, потерпевшим поражение под Кременцем, Владимиром и Луцком.
 62. Юрий несомненно обладал королевским титулом. О его наличии свидетельствует изображение Юрия на печати с короной на голове и скипетром в руке, сопровождаемое надписью «король Руси и князь Володимирии» (см.: *Болеслав Юрий II, князь всей Малой Руси*. СПб., 1907).
 63. Андреем и Львом.
 64. По другим данным, Юрий был отравлен 7 апреля 1340 г. (см.: *Крип'якевич И. П. Галицко-Волынське князівство*. С. 113).
 65. Образование Древнерусского государства с центром в Киеве было закономерным следствием внутреннего развития восточного славянства. На древнерусской (IX—XIII вв.) этнической основе происходило в будущем формирование русского, украинского и белорусского народов. Современную точку зрения на проблему древнерусской народности см.: *Моця О. П. Давньоруська народність // Укр. іст. журн.* 1990. № 7.
 66. В период феодальной раздробленности понятие «Русская земля» сужалось, употребляясь в летописных текстах в значении Киевской земли, которая была центром притяжения для многих князей, добивавшихся «причастия» в ней.
 67. Имеется в виду факт утверждения на галицком столе в 1213 г. боярина Володислава Кормильчича.
 68. Система родового сюзеренитета Рюриковичей над Русью была характерна для раннефеодальной эпохи (X—XI вв.). Она гарантировала сохранение государственного единства, исключая возможность территориальных разделов и обособления земель (см.: *Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1985 г.* М., 1986. С. 149—157). В период феодальной раздробленности семейно-родовые отношения, как справедливо указывает М. С. Грушевский, были лишь формой, прикрывавшей отношения сюзеренитета-вассалитета.
 69. См. прим. 66.
 70. Большинство современных исследователей в этом вопросе разделяют точку зрения В. Т. Пашуто, который на основе подробного анализа летописных известий о вече пришел к выводу о том, что, обозначая совещание вообще, этот термин употреблялся применительно к разнородным явлениям. Как один из наиболее архаических институтов народовластия вече было «использовано собственниками земли и поставлено на службу государству в форме своеобразной феодальной демократии» (см.: *Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение*. М., 1965. С. 33—34).
 71. Княжеский совет в Киевской Руси не являлся учреждением с четкой организационной структурой. Однако деятельность его была достаточно постоянной. На совете обсуждались преимущественно вопросы войны и мира, порядка занятия княжеских столов, вопросы законодательства

- (см.: Горский А. А. Княжеский «совет» (дума) на Руси X—XII вв. // Феодализм в России: Юбил. чтения, посвящ. 80-летию со дня рождения акад. Л. В. Черепнина: Тез. докл. и сообщений. М., 1985. С. 78—81).
72. Подробнее об этимологии этого слова и многообразии его функционального значения см.: Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. С. 284.
 73. Эта точка зрения достаточно распространена и сегодня. Считается, что из 22 митрополитов, возглавлявших русскую церковь в домонгольский период, 19 были греками (см.: Гантаев Н. М. Церковь и феодализм на Руси. М., 1960. С. 21). Вместе с этим высказывается и другая, весьма оригинальная, хотя и не совсем аргументированная точка зрения, согласно которой митрополичью кафедру на Руси занимали поочередно русский и византийский кандидаты (см.: Толочко О. П. З історії політичної думки Русі XI—XII ст. // Укр. іст. журн. 1988. № 9. С. 74—75).
 74. Формирование церковной организации на Руси шло по пути приспособления к местным условиям и наследования государственной административно-территориальной структуры. Не случайно, например, епископские кафедры возникают преимущественно в крупных городах — центрах формирующихся земель-княжеств.
 75. Выходцами из смердов, например, были могущественные владельцы Коломыйских соляных разработок Лазарь Домажирич и Ивор Молибожич, а внуком попа — боярин Доброслав Судьич, упоминаемые в Галицко-Волынской летописи под 1240 г.
 76. В настоящее время есть все основания полагать, что поместная система на Руси все же существовала. На материалах Галицкой земли Н. Ф. Котляр обосновал существование сословного землевладения в XIII в. и прослойки «держателей» земель, отбывающих с наделов военную службу (см.: Котляр М. Ф. Джерела складання та форми феодального землевладіння в Давній Русі // Укр. іст. журн. 1984. № 2. С. 34).
 77. Этот термин, даже если под ним понимать сословие ростовщиков, по отношению к феодальному обществу вряд ли можно считать приемлемым.
 78. Смерды не были однородной массой лично свободных людей. Сохраняя права свободных, они эксплуатировались в господских хозяйствах. С течением времени часть их попадала в более тесную феодальную зависимость.
 79. Это подтверждают и более ранние летописные известия, свидетельствующие о том, что дань в Киевской Руси взималась регламентированно с единицы обложения: «от дыма», «от рала» или «от плуга».
 80. Закупы — категория феодально зависимого населения, формирующаяся в начале XII в. Закупками становились люди, попавшие в долговую зависимость. Своим трудом в хозяйстве землевладельца они обязывались вернуть полученную от него денежную ссуду — «купу».
 81. В древнерусской книжности термин «раб» был тождествен понятию «холоп», обозначающему социальную группу лично зависимых, бесправных людей. Поэтому встречающиеся в современной научной литературе утверждения о существовании в Древней Руси рабовладельческого общества, на наш взгляд, лишены оснований.
 82. Истоки светского феодального права в Древней Руси восходят к племенным «Правдам» восточных славян. Следующим этапом в процессе становления древнерусского законодательства явилась унификация этих «Правд» в «Закон Русский», нормы которого учитывались при заключении государственных договоров киевских князей с Византией в X в. В первой половине XI в. «Закон Русский» развился в «Русскую Правду» — законодательный свод раннеклассового государства.
 83. Феодосий родился около 1036 г. в Василеве (ныне Васильков Киевской обл.). Постригся в монахи в 1055—1056 гг. Был вторым (после Варлаама) игуменом Киево-Печерского монастыря (1062—1074).

85. Ядро литовской народности составляли балтийские племена литвинов (литовцев) и аукштайтов. Сложившаяся к середине XIII в. конфедерация литовских племен включала также племена жемайтов и частично судовов.
86. Миндовг — великий князь литовский. Объединив под своей властью Аукштайтию, Жемайтию и часть Ятвягии в 40-х годах XIII в., овладел частью земель Западной Руси. Предпринятая им попытка захватить Волынь не увенчалась успехом. Даниил Романович нанес Миндовгу ряд поражений, вынудивших последнего заключить в 1252 г. с ним мирный договор.
87. Берестейская земля и город Дорогичин с прилегающей к нему округой вошли в состав Великого княжества Литовского в период правления Гедимина (1316—1341). Тогда же в состав Литовского государства вошли Турово-Пинская земля, Мозырь и Минск, а также Витебское княжество, где с 1320 г. княжил сын Гедимина Ольгерд.
88. В свете данных современной науки установление зависимости Киевского княжества от Литвы датируется 20-ми годами XIV в. Наместником великого князя в Киеве тогда был посажен брат Гедимина, принявший после крещения имя Федор (см.: *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К., 1987. С. 28—30).
89. Особенно успешным для Великого княжества Литовского был поход войск Ольгерда в глубь ордынских владений осенью 1362 г. Разгромив ордынцев в битве у Синих Вод, Ольгерд добился существенного расширения владений Великого княжества Литовского, закрепив в его составе земли Киевского и Волынского княжеств, Подолья и Чернигово-Северщины.
90. Неограниченные полномочия, свобода действия (фр.).
91. Эта грамота датируется 14 августа 1385 г.
92. Имеется в виду битва на Ворскле.
93. Городельская уния 1413 г. предусматривала сохранение государственного единства Великого княжества Литовского и после смерти Витовта. Согласно этому документу литовское католическое боярство уравнивалось в сословно-правовом отношении с польской шляхтой. Городельская уния укрепила земельно-владельческие привилегии литовской знати.
94. Вступив в военный союз с крестоносцами, Свидригайло (у М. С. Грушевского — Свитригайло) отчаянно пытался овладеть Литвой. Но в битве с войсками Сигизмунда, завязавшейся 1 сентября 1435 г. возле р. Свента, Свидригайло потерпел сокрушительное поражение. Вскоре он потерял власть над Полоцком и Витебском, удерживая, однако, за собой Киевщину и Волынь, но в 1439 г. вынужден был поступиться и ими.
95. Своей грамотой от 17 сентября 1446 г. Казимир провозгласил объединение Польши и Великого княжества Литовского. В ней также обновлялись права и привилегии литовских феодалов, подтверждались принадлежность Великому князю Литовскому Волыни и Подолья.
96. Вскоре Волынское княжество было превращено в провинцию Великого княжества Литовского, которая управлялась великокняжеским наместником. В начале 70-х годов XV в. было ликвидировано Киевское княжество, а в Белоруссии — автономия Полоцкой и Витебской земель.
97. Здесь следует отметить принципиально верное, на наш взгляд, понимание автором сути и характера правления литовских князей на захваченных ими украинских и белорусских землях. Это тем более важно потому, что в советской историографии по этому вопросу нет единого мнения. Белорусские, украинские и собственно русские княжества, входившие в то время в состав Великого княжества Литовского, составляли около 90 % всей его территории. На довольно явную тенденцию к «русификации» правящей литовской верхушки в XIV в. (имеются

в виду многочисленных брачные союзы между представителями династий Гедиминовичей и Рюриковичей, нередкие случаи принятия православия первыми, их тесные контакты с Тверью, Великим Новгородом и пр.) указывается, в частности, в одной из последних специальных работ по этой теме (*Шабельдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 93).

98. Это произошло в 1440 г.
99. М. И. Гаштовт в 1471 г. прибыл с войском в Киев и захватил его силой, чем практически положил конец существованию Киевского удельного княжества. Однако, ощущая постоянное противодействие местного населения своей власти, он вынужден был оставить Киев и возвратиться в Литву.
100. *Длугош* Ян (1415—1480) — польский историк и дипломат, львовский архиепископ. Был воспитателем детей короля Казимира IV. Автор известной в свое время многотомной «Истории Польши», хронологически охватывающей события до 1480 г.
101. Буквально: вся Русь должна располагаться исключительно в Литве (лат.).
102. Здесь необходимо сделать ряд уточнений. Переход многих литовских князей под власть русского правительства привел к отчуждению от Литвы большей части чернигово-северских уделов. Дальнейший спор за эти земли спровоцировал в 1492 г. обе стороны к военным действиям. Московские войска без объявления войны вошли в припограничные смоленские и чернигово-северские районы, принадлежавшие на то время Литве (в частности города Мценск, Любутск, Хлепань, Рогачев и др.). Зимой 1493—1494 гг. они совершили еще один поход на Мезецк, Серпейск, Вязьму, Опаков. В 1494 г. между Иваном III и Александром Казимировичем — сыном Казимира IV был подписан договор, согласно которому к Руси окончательно перешло Вяземское княжество, а границей на юго-западе и западе стало верхнее течение Оки и Днепра. За Иваном III признавался титул «государя всея Руси» (об этом подробнее см.: *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915; *Гуслистий К.* Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею (з XIV ст. по 1569 р.) // Нариси з історії України. К., 1939. Вип. II).
103. *Октроировать* — в государстве с монархической властью предоставлять кому-либо формальные привилегии, права и т. д.
104. Здесь: последняя мера (лат.).
105. Под этим названием автор подразумевал Закарпатскую Украину, находившуюся в зависимости от Венгрии.
106. Основанием (фр.).
107. На протяжении XV—XVI вв. на территории украинских земель, захваченных литовскими и польскими феодалами, основная часть обедневших бояр, утратив свое прежнее привилегированное положение, постепенно оказалась в зависимости от «державцев» и фактически слилась с крестьянством (подробнее об этом см.: *Мишко Д. І.* Соціально-економічні умови формування української народності: Становище селян і антифеодальні рухи на Україні в XV — першій половині XVI ст. К., 1963).
108. В советской, особенно послевоенной, исторической литературе распространена совершенно иная точка зрения о положении украинской «национальности» (по нашему убеждению, в данном случае речь может идти о народности, так как национальность как общность людей формируется несколько позже: в период складывания буржуазных отношений в стране) под гнетом Литвы и Польши в XIV — первой половине XVI в. (до Люблинского акта 1569 г.). Уже тогда, как считает большинство ученых, четко прослеживалось постепенное наступление на культуру, традиции и права украинского народа, происходило насильственное на-

- саждение католицизма (см., напр.; История Украинской ССР: В 10 т. К., 1982. Т. 2). Правда, при этом нельзя не отметить тенденцию у отдельных историков непомерного преувеличения (без ссылки на какие-либо конкретные факты) негативных влияний литовского и польского правления на Украине в те времена.
109. Согласно документальным данным, магдебургское право в пределах Галицко-Волынского княжества впервые начинает действовать в период правления Даниила Романовича (1201—1264), который призывал немецких колонистов селиться в городах. Одним из первых на Украине магдебургское право получил город Санок (1339).
 110. Авторство антиуниатского публицистического произведения «Пересторога» приписывается либо украинскому церковному, политическому деятелю и просветителю Иову Борецкому, либо члену Львовского братства Ю. Рогатинцу. Как правило, появление сочинения датируется 1605 или 1606 г.
 111. Острожская типография была основана в конце 70-х годов XVI в. И. Федоровым на средства князя К. Острожского. Первое письменное упоминание о греко-славянской школе в Остроге относится к 1578 г., т. е. к этому времени она уже действовала.
 112. Точнее: Броневського, Мартина. Произведение вышло, как считают специалисты, под псевдонимом Христофор Филалет (см.: Скабаланович Н. Об Апокрисисе Х. Филалета. СПб., 1873; Яременко П. К. Хто був автор «Апокрисиса»? // Наук. зап. Львів. педінституту. Сер. філологічна. Львів, 1958. Т. 13).
 113. Следует отметить, что в пятом томе «Історії України-Руси» (Львів, 1905) М. С. Грушевський дает более резкую трактовку этого вопроса. В частности, ученый писал: «Оперта на реципованім чужім, зовсім готовім праві, що потім, на тутешнім ґрунті, майже не розвивалося; розбита на безконечний ряд малих держав, якою в принципі була кожна міська громада; не зв'язана навіть якимись спільними інститутами, організаціями, репрезентаціями в одно суспільне тіло, міщанська верства в сім періоді, відколи попадає в нову організацію, визначається великою безвладністю. Її історія відтепер властиво стає одною історією заникання й упадка, хіба з малими, локальними проблесками світла й блиска» (с. 222). Далее, по мнению историка, мещане, утратив свои «иммунитеты» (привилегии), были вовсе исключены из общей государственной организации и политической жизни и перестали оказывать влияние на экономическое и культурное развитие украинцев.
 114. Сначала каневский, а затем черкасский староста (с 1514 г.) Евстафий Дашкович (Дашкевич) в 1533 г. обратился к польскому сейму с предложением о создании на Днепре ряда крепостных сооружений для охраны украинских земель от татарских набегов и с целью пресечения крестьянских побегов в понизовые реки.
 115. Имеются документальные данные о том, что после поражения под Пяткой 23 января (2 февраля) 1593 г. и отступления на Запорожскую Сечь К. Косинский обратился к русскому правительству с просьбой принять его с войском под власть России, на что царь ответил якобы положительно, после чего стал считать козаков «своими подчиненными» (Listi St. Zolkiewskiego. Kraków, 1868. S. 27; Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. К., 1890. Вып. 1. С. 163, 178).
 116. В 1597 г.
 117. Фаларис (по другим источникам — Фаларид) — тиран г. Агригента (Сицилия). По легенде, казнил своих противников, за жаривая их в фигуре медного (бронзового) быка. Однако данными о том, что сам Фаларис подвергся такой же участи, как об этом говорит М. С. Грушевський, мы не располагаем.
 118. Здесь: право владения (лат.).

119. К главам XIV и XV, где М. С. Грушевский описывает возникновение и начальный этап формирования украинского казачества как отдельного сословия, необходимо сделать ряд, на наш взгляд, существенных замечаний. Прежде всего следует учитывать недооценку М. С. Грушевским роли социального фактора в борьбе украинского народа против польско-шляхетского гнета в XVI — первой половине XVII в. (фактически все освободительное движение того времени он рассматривал главным образом через призму борьбы казаков за свои права и вольности). Характерными для взглядов ученого на феномен казачества были также увлечение религиозными тенденциями при выяснении всех общественно-политических вопросов, практически полное отрицание элементов организованности в крестьянско-казацких восстаниях и т. д. (подробнее об этом см.: *Смолій В., Гуржій О.* Спадщина // Вітчизна. 1989. № 1. С. 168—172).
120. Как известно, длительное время М. С. Грушевского было принято рассматривать предельно однозначно: как одного из родоначальников и апологетов антинаучных теорий «бесклассовости» и «безбуржуазности» украинского народа. Но, как мы уже видели из предыдущего материала, в «Очерке» много внимания уделено именно положению и взаимоотношениям различных классов («всевластному дворянству», «шляхетскому классу и его интересам», боярству, казачеству, мещанству, «бесправному» крестьянству и т. д.), описаны подробно многие социальные группы (например, старшина) и определено их место в общей структуре феодального общества. В данном же случае он прямо заявляет о наличии уже во второй половине XVII — начале XVIII в. буржуазии на Украине. Причем, как видим из текста, ее представители стояли в стороне от «чисто казацких интересов». Эти авторские положения имеют принципиальное значение для пересмотра устоявшихся суждений о наиболее главных концепциях историка.
121. В шестом томе «Історії України-Руси» (Київ; Львів, 1907) М. С. Грушевський писав по цьому поводу иначе, отдавая прерогативу в Освободительной войне 1648—1654 гг. мещанскому сословию: «...під час Хмельниччини якраз міщани, поруч української шляхти і духовенства, але в далеко діяльнішій і важнішій ролі, ніж ті, виступають як головний революційний елемент, як ініціатори, провідники і агітатори повстання» (с. 260). Здесь, как нам кажется, проявилась непосредственность ученого во взглядах на движущие силы Освободительной войны под руководством Б. Хмельницкого.
122. В советской исторической литературе общепринято считать (согласно конкретным фактам и документам), что Б. Хмельницкий родился в семье мелкопоместного шляхтича украинского происхождения православной веры.
123. На протяжении всей работы мы неоднократно встречаем характеристики и оценки деятельности Б. Хмельницкого. У автора они не всегда однозначны, но, без сомнения, в целом положительны. Поэтому никак нельзя согласиться с тезисом, распространенным во многих специальных исследованиях и энциклопедических изданиях, о якобы категорическом осуждении М. С. Грушевским деятельности гетмана (см.: напр.: *Рубач М. А.* Грушевський Михайло Сергійович // Радянська енциклопедія історії України. К., 1969. Т. 1. С. 484).
124. Однако известно, что в 1620 г. Богдан Хмельницкий вместе с отцом — Михайлом Хмельницким принимал участие в военных действиях на стороне польско-шляхетских войск под командованием коронного гетмана С. Жолкевского против турецких поработителей. В том же году в бою под Цецорой погиб его отец, а сам Б. Хмельницкий оказался в турецком плену, где пробыл около двух лет. После этого вернулся в состав реестрового казацкого войска, неоднократно воевал против татарских и турецких

- феодалов, принимал участие в народных восстаниях 30-х годов XVII в.
125. Согласно другим, уточненным, данным, Б. Хмельницкий в составе делегации старшины был направлен в Варшаву для подачи петиции об облегчении положения реестровцев и возвращении им привилегий в 1638 г. (*Петровский М. Н.* Визвольна війна українського народу, проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії (1648—1654) // Нариси з історії України. К., 1940. Вип. IV).
 126. Некоторые другие историки, в том числе и современные, вслед за М. С. Грушевским также пишут о убийстве сына Хмельницкого, но документы того времени довольно глухо упоминают об этом событии. Поэтому достаточно веских оснований для такого рода утверждений не имеется.
 127. Тем не менее, ведя переговоры с правительством Речи Посполитой, Б. Хмельницкий направил в пределы Брацлавщины отряды повстанцев во главе с полковниками М. Кривоносом, И. Ганжой и И. Гирей. Такие действия не совсем подтверждают предположение М. С. Грушевского о желании гетмана «смягчить впечатление» о своих победах. Очевидно, здесь следует одновременно учитывать несколько факторов и говорить об умелой, а порой хитрой и продуманной политике предводителя восставших крестьянско-казацких масс, хотя и не исключать первого.
 128. Большинство советских ученых полагает, что уже на то время у Б. Хмельницкого сложился если и не до конца продуманный, то вполне определенный в своей концептуальной основе план действий. Он был рассчитан прежде всего на: ликвидацию польско-шляхетской власти и администрации в пределах освобожденной украинской территории; создание независимого местного правления (в дальнейшем — национального государства со всеми его феодальными функциями); объединение Украины с Россией. Попытки осуществить эти намерения постепенно выполнялись на практике. Об этом свидетельствуют обращения гетмана к царю с просьбами о военном и политическом союзе (в частности, характерно письмо Б. Хмельницкого от 8 (18) июня 1648 г.), формирование им уже на первом этапе войны нового административно-территориального строя на освобожденных от польских магнатов и шляхты Левобережье и Правобережье, реорганизация крестьянско-казацкого войска, судопроизводства и т. д.
 129. Очевидно, опечатка, так как речь идет о 1649 г. Здесь и далее отдельные события Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. автор опускает.
 130. Такого рода мнение не нашло подтверждения конкретными историческими фактами, а потому в советской историографии рассматривается по-иному.
 131. Реестр сокращался до 20 тыс. человек.
 132. Точнее, с Юрием II Ракоци (1621—1660). С ним Б. Хмельницкий возобновил дипломатические отношения в 1654 г., а в 1656 г. был подписан украинско-трансильванский договор, согласно которому гетман согласился поддержать кандидатуру Ракоци на польский престол и обеспечить его военной помощью.
 133. В состав генеральной старшины, кроме названных, входили также генеральные хорунжий, подскарбий и бунчужный.
 134. Наоборот, факты свидетельствуют, что на то время в городах уже сосредоточилась основная торговля, активно развивалось промышленное производство.
 135. Очевидно, подразумевается прежде всего распространение власти царского правительства на Левобережную Украину и, в частности, создание одного из центральных органов государственного управления — Малороссийского приказа (1662—1722), ведавшего делами региона. Он осуществлял административные, войсковые, судебные функции, санкцио-

- нировал выборы нового гетмана и старшин, контролировал деятельность украинского духовенства и церкви, тем самым часто подменял, а точнее сказать, ущемлял и ограничивал казацкое самоуправление.
136. *Петрик* (Иваненко Петро Иванович) — по некоторым документальным сведениям, происходил из старшинского рода Полтавского полка. В свое время был назначен старшим писарем Генеральной войсковой канцелярии. В 1691 г., убежав в Крым, от имени несуществовавшего «княжества удельного Киевского, Черниговского и Войска Запорожского» подписал незаконное соглашение (1692) о передаче Левобережья султанской Турции. Себя же объявил гетманом. Кроме того, по другим данным, он, преследуя свои личные цели, собрал отряд в несколько сот казаков и, привлекая на свою сторону крымских татар, в 90-х годах XVII в. нападал на малороссийские города, где повсюду встречал решительное сопротивление местного населения. В результате, никем не поддержанный, был убит одним из казаков.
 137. В некоторые наиболее крупные украинские города уже были назначены русские воеводы. Так, в Киеве с 1654 г. эту должность занимали князья Ф. С. Куракин и Ф. Ф. Волконский.
 138. Подобная участь постигла и другие города, население которых осталось верным присяге русскому правительству: Миргород, Лубны, Гадяч, Глухов и др.
 139. Буквально: образ жизни (лат.).
 140. Имеется в виду Андрусовское перемирие, подписанное 9 февраля 1667 г. в с. Андрусов под Смоленском между правительствами России и Польши.
 141. После отобрания гетманства Многогрешный был заключен в иркутскую тюрьму. Затем с 1688 г. находился на военной службе в Иркутске. Последние упоминания о нем датируются 1701 г.
 142. В 1672 г.
 143. Согласно документальным данным — 18 октября.
 144. *Непотизм* — от лат. *peros* — внук. Служебное покровительство своим людям, кумовство.
 145. По другим источникам: 146 тыс. рублей (Сборник грамот и договоров о присоединении царств и областей к государству Российскому в XVII—XIX вв. Пг., 1922. Ч. 1. № 8).
 146. «Летопись Самовидца» так сообщает о происхождении И. С. Мазепы: «...роду шляхетского, повіту Білоцерковського, старожитной шляхти української и у войску значной» (Літопис Самовидця. К., 1971. С. 146). Предполагают, что родился он в с. Мазепенцы, недалеко от Белой Церкви.
 147. Существует предание о том, что оскорбленный супруг, проведая о неверности своей жены, подстерег вместе со слугами Мазепу, схватил его и привязал к спине дикой лошади лицом к хвосту, затем пустил ее галопом в степь. Израненного и измученного всадника обнаружили казаки и спасли от неминуемой смерти.
 148. В советской историографии часто можно встретить тезис о том, что М. С. Грушевский якобы только «восхвалял» внешнюю и внутреннюю политику гетмана Мазепы. Как видим непосредственно из авторского текста, историк не питал каких-либо особых иллюзий по отношению к его деятельности.
 149. Эти и последующие положения М. С. Грушевского о формировании после Освободительной войны 1648—1654 гг. нового казацкого привилегированного сословия и его верхушки — старшины, а также о становлении и развитии украинского помещичьего землевладения имеют принципиальное значение. Нередко ученого обвиняли в том, что он сознательно изображал украинский народ только как извечную «демократическую», исключительно крестьянскую нацию, не имевшую ни класса помещиков, ни собственной буржуазии. Соответствующие части «Очерка», как видим, опровергают подобные обвинения.

150. Менее значительных родов (лат.).
151. Авторское отрицание какого-либо наличия активных действий со стороны народных масс против социального гнета на Украине (и прежде всего Гетманщине) в конце XVII в., по нашему мнению, не имеет достаточных оснований. Исторические факты свидетельствуют о совершенно противоположном. Например, на Левобережье в 1687 г. произошло крупное восстание крестьян, рядовых казаков и мещан в Гадячском, Прилукском, Стародубском, Лубенском, Миргородском и Черниговском полках. В 1688 г. новые крестьянско-казацкие волнения имели место на Лубенщине и других левобережных районах, в 1689 г. — в Гадячском и Полтавском полках, а в 1690 г. — Миргородском. Антистаршинская борьба в 1691—1692 гг. развернулась на Киевщине и Полтавщине. Нельзя также не вспомнить и о восстании казаков 1693 г., вспыхнувшем на Сечи против старшин, поддержавших Петрика в его попытках оторвать Украину от России и передать ее под власть Крымского ханства.
152. Сердюки (наемные пехотные полки) и компанейцы (наемные конные отряды) были созданы в последней четверти XVII в. и использовались главным образом для подавления антифеодальных выступлений народных масс, преследования беглых крестьян, охраны гетмана и т. д. Комплектовались за счет добровольцев из разных районов Украины (кроме Левобережья), а также валахов, сербов и представителей других национальностей.
153. В некоторых дореволюционных и современных исследованиях распространено мнение, что первые поселенцы на Харьковском городище появились в 1652—1653 гг. В 1654 г. тут уже находилась слобода, заселенная выходцами с Правого берега Днепра, и небольшой острог (*Щелков К. П.* Харьков — историко-статистический опыт. Харьков, 1890. С. 4; *Слюсарский А. Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв. Харьков, 1964. С. 95—98).
154. В Италии ирредентисты выступали за присоединение к ней всех находящихся под иноземным гнетом областей.
155. Документальные материалы убедительно свидетельствуют о том, что в своих помыслах и поступках Мазепа никогда не был до конца верен царю Петру и почти всегда преследовал лишь личные корыстные цели, вел двойную, а то и тройную политическую игру с правителями разных стран. Так, имеются данные о тайных отношениях Мазепы с польскими магнатами в самом начале его гетманства. Они усилились в начале XVIII в. Свои планы Мазепа в 1705 г. обсуждал с княгиней Дольской (по первому браку Вишневецкой).
156. В октябре 1707 г. он все же открылся в своих намерениях генеральному писарю Ф. Орлику.
157. Блаженной памяти его императорское величество.
158. Здесь: как великий барин (фр.).
159. В 70-х годах XVIII в. население Запорожья составляло предположительно около 100 тыс. человек.
160. Гайдамацкое народно-освободительное движение против феодально-крепостнического и национально-религиозного гнета возникло в начале XVIII в. сперва на Волыни и в западных районах Подолии, а во второй четверти столетия основные очаги его сосредоточились на территории Киевского и Брацлавского воеводств. Первое документально зафиксированное упоминание о гайдамаках на Правобережье относится к 1715 г. В их отряды вступали не только крестьяне, но и казацкая голытьба Запорожья, бежавшие из царской армии солдаты, городские низы, реже — старшины. Действия гайдамацких ватаг имели место также на Левобережной и Слободской Украине.
161. В советской историографии опрышки рассматриваются как подлинно

народные мстители, герои освободительной борьбы в Галиции, Буковине, на Закарпатье против засилья польской и украинской шляхты в XVI — первой половине XIX в. (см.: *Стеблій Ф. І.* Боротьба селян Східної Галичини проти феодального гніту в першій половині XIX ст. К., 1961; *Грабовацький В. В.* Антифеодальна боротьба карпатського опришківства XVI—XIX ст. Львів, 1966).

162. Толпа, чернь (лат.).

163. Понизье в IX — первой половине XIV в. представляло собой историко-географическую область между Южным Бугом и Днестром (ныне эта территория входит в состав Винницкой и Хмельницкой областей). В XIII в. находилось под властью галицко-волинского князя. После захвата в 1241 г. монголо-татарами Понизье в источниках не упоминается. Со второй половины XIV в. за ним постепенно утверждается новое название — Подолия.

164. Как нам кажется, здесь нельзя ограничиваться лишь однозначной оценкой такого сложного вопроса. По этому поводу целесообразно сравнить авторскую концепцию с мнениями, например, современных польских и украинских ученых (*Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* История государства и права Польши. М., 1980; *Смолий В. А.* Возз'єднання Правобережної України з Росією. К., 1978).

165. Здесь необходимо сделать уточнение, так как из поля зрения М. С. Грушевского выпал период правления Иосифа II совместно с Марией Терезией (1765—1780), когда именно и произошел первый раздел Польши.

166. В советской исторической науке существует иная концепция относительно акта воссоединения Правобережной Украины с украинскими землями в составе Российского государства в конце XVIII в. Главные положения сводятся к следующему: несмотря на жестокую реакционную политику царского самодержавия, включение Правобережья в состав Российского государства имело прогрессивное значение для развития местных производительных сил, укрепления связей между отдельными районами края; в целом оно положительно повлияло и на формирование украинской нации. В дальнейшем же уровни жизни населения этого и других украинских регионов в составе единого государственного объединения фактически сравнялись (см.: *Коваленко Л. А.* Про предання Правобережжя до Росії // *Наук. зап. Житомир. пед. ін-ту.* 1950. Т. 1; *Смолий В. А.* Возз'єднання Правобережної України з Росією; *Гуржій О. І.* До питання про утворення національної території України (XVIII ст.) // *Народна творчість та етнографія.* 1988. № 1).

167. До сих пор современная отечественная историография рассматривала вопрос о развитии культуры на воссоединенной территории Украины с русскими землями после Освободительной войны 1648—1654 гг. преимущественно в положительном аспекте (за исключением отдельных отрицательных моментов). Как понимаем, такое освещение, естественно, не могло и не может претендовать на полную объективность. Но в данном случае, как нам кажется, М. С. Грушевский впадает в другую крайность, изображая главным образом только отрицательные стороны этого процесса и практически отождествляя состояние (а также разные исторические условия) духовной жизни жителей Левобережья, Правобережья и западноукраинских земель во второй половине XVII в. При всей неоднозначности и наличии существенных негативных факторов (о чем и пишет автор) следует признать: вследствие воссоединения Украины с Россией образование, литература и искусство «восточного» региона оказались в безусловно более выгодном положении. Для сравнения приведем конкретные факты. Так, относительно Правобережья, оставшегося под властью магнатов и шляхты Польши весьма длительное время (с 1667 по 1793 г.), сейм 1696 г. принял специальное постановление: окончательно заменить в судах и делопроизводстве укра-

инский язык на польский; в Галиции и Подолии в основном применялось чужеродное латинское письмо. На Левобережье же, а также на Слобожанщине процесс «обрусения» (по выражению М. С. Грушевского) долго не принимал законодательных форм со стороны царского правительства (официально запрет украинской культуры и языка последовал в 60-х годах XIX в.). Кроме того, один из наиболее важных вопросов того времени — религиозный — католической церковью в первом случае решался предельно однозначно: насильственным приведением всех «схизматиков» к «истинной» вере. Очевидно, такое положение дел прежде всего сказалось и на том, что, к примеру, Львовский университет, основанный в 1661 г. и превращенный шляхетским правительством в орудие полонизации, так и не смог в отличие от Киевского коллегиума играть ведущую роль общеукраинского высшего учебного заведения. И как бы то ни было, но именно царская грамота 1701 г., учитывая большие заслуги в деле образования, официально признала Киевский коллегиум высшей школой академического типа (подробнее об этом см.: *Хижняк З. И. Киево-Могилянская академия. К., 1988*).

168. С такой односторонней характеристикой деятельности Киевской академии и ее роли в общественной и научной жизни трудно согласиться. Действительно, в ней продолжали применяться схоластические методы обучения, но они не являлись господствующими. Во второй половине XVII—XVIII в. уже систематически проводились диспуты преподавателей и студентов с попытками последних аргументированно отстаивать собственные воззрения. Это убедительно свидетельствовало о наличии творческих элементов во всей системе преподавания. Кроме того, постепенно вводилась прогрессивная методика по опыту Московского университета, медицинских учебных заведений, Петербургской учительской семинарии и т. д. Периодическое пребывание киевских ректоров и большинства профессоров в зарубежных университетах (Краковском, Пражском, Лейпцигском и др.) также не могло не повлиять положительно на общий уровень науки и мастерства преподавания в академии. Все это и многое другое позволило советским специалистам-обществоведам прийти к общему заключению: Киевская академия представляла собой один из центров просвещения не только восточных славян, но и всей Европы и пользовалась при этом заслуженной славой передового учебного заведения.
169. Тем не менее в XVIII в. происходило формирование украинского литературного языка на народно-разговорной основе. В конце столетия в целом завершился переход от старого украинского литературного языка к единому новому. Ярким примером этого, как известно, стало появление знаменитого произведения И. П. Котляревского «Энеида».
170. Это положение не нашло исторического подтверждения и полностью опровергается советскими учеными (см., напр.: *Білецький П. О. Українське мистецтво другої половини XVII—XVIII століть. К., 1981; Жолтовський П. М. Художнє життя на Україні в XVI—XVIII ст. К., 1983; Логвин Г. Українське мистецтво X—XVIII вв. К., 1963 и др.*).
171. По нашему мнению, оценка М. С. Грушевским творчества Г. С. Сковороды не является объективной. Сковорода одним из первых выступил против школьной схоластики в философии и литературе, резко критиковал существующий строй, особенно «знатных особ» светского и духовного звания, купцов и ростовщиков. Он хорошо знал историческое прошлое Украины, быт и культуру ее народа. Родным языком его был украинский, популяризации которого он придавал большое значение, о чем могут, в частности, свидетельствовать сделанные им переводы на украинский книжный язык Цицерона и Плутарха. Вместе с тем серьезным препятствием на пути к художественной утонченности произведений Сковороды (особенно при характеристике абстрактных философских

понятий) было несовершенство тогдашнего украинского литературного языка. Но необходимо учитывать тот факт, что предшественников у Сковороды практически не было, и ему приходилось использовать в своих художественных и философских трудах некую смесь церковнославянских, русских и украинских элементов. Несмотря на это творчество Сковороды создало прочные предпосылки для становления новой украинской литературы.

172. Семена Климовского считают также автором нескольких книг, в том числе «О правде и великодушии благодетелей» (рукописный вариант 1724 г.).
173. Дед И. П. Котляревского был дьяконом в полтавской соборной церкви, отец — мелким служащим в судебном ведомстве. Сам же будущий писатель окончил полтавскую (а не переяславскую) семинарию (см.: Иван Котляревский у документів і спогадах, дослідженнях. К., 1969).
174. Опубликован в 1841 г.
175. Редактором журнала «Основа», выходившего в Петербурге в 1861—1862 гг. на украинском и частично русском языках, был общественный деятель, журналист, ученый и педагог В. М. Белозерский (1825—1899).
176. Известно, что В. Г. Белинский позволил себе резкие оскорбительные выражения в адрес Т. Г. Шевченко, а в одной из своих работ высказал мнение, что творчество поэта, с его ярко выраженной критикой самодержавия, якобы провоцирует царское правительство на еще большее ужесточение мер по отношению к населению.
177. См. прим. 175.
178. И. Могильницкий (1777—1831) составил «Граматику языка словеноруського» в 1829 г.; в последний раз издавалась в 1910 г.
179. М. М. Лучкай (наст. фамилия Поп; 1789—1843) родился в с. Большие Лучки (ныне Мукачевский р-н Закарпатской обл.). В 1830 г. опубликовал в Будапеште на латинском языке «Граматику славяноукраинскую».
180. «Головна рада» (точнее — «Головна руська рада»; 1848—1851) представляла собой политическую организацию украинской буржуазной интеллигенции и униатского духовенства Галиции проавстрийского направления. «Зоря Галицька» — первая в Галиции украинская газета, выходила во Львове с 1848 г.
181. По другим, уточненным, данным Я. Ф. Головацкий (1814—1888) стал профессором кафедры украинского языка и литературы в 1848 г., а в 1849 г. — ректором Львовского университета.
182. Имеется в виду Третьеиюньский государственный переворот и постановление правительства о роспуске II Государственной думы (1907 г.).

В. М. РЫЧКА,
А. И. ГУРЖИЙ,
кандидаты исторических наук

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ М. С. ГРУШЕВСКИМ *

А. Л. Запоздалая ревность Запорожья к своему имени // Киевская старина. 1889. № 3. С. 740—741.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: В 5 т. СПб., 1851—1853.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: В 15 т. СПб., 1863—1892.

Антонович В. Б. Волынская тревога 1789 года. К., 1902.

Антонович В. Б. Исследование о гайдамачестве: По актам 1700—1768 гг. (Предисловие к т. III ч. III Архива Юго-Западной России). К., 1876.

Антонович В. Б. Исследования о крестьянах Юго-Западной России: По актам 1700—1768 гг. (Предисловие к т. II ч. VI Архива Юго-Западной России). К., 1870.

Антонович В. Б. Очерк состояния православной церкви в Юго-Западной России: По актам 1650—1798 гг. К., 1871.

Антонович В. Б. Последние времена казачества на правой стороне Днепра: По актам с 1672 по 1716 г. (Предисловие к т. II ч. III Архива Юго-Западной России). К., 1868.

Анучин Д. Н. Малоросы: краткий антропологический очерк // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон: В 82 т. СПб., 1896. Т. 36. С. 484—485.

Багалец Д. И. Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.

Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России: В 3 ч. М., 1830. Ч. 3. От избрания Мазепы до уничтожения гетманства.

Бантыш-Каменский Д. Н. Источники малороссийской истории / Собр. Д. Н. Бантыш-Каменский и изд. О. Бодянский: В 2 ч. М., 1858—1859.

Барвинский В. А. Крестьяне в Левобережной Украине в XVII—XVIII вв. Харьков, 1909.

Васильчиков А. И. Семейство Разумовских. СПб., 1880.

Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII столетия (Новые данные, относящиеся к истории этой Академии за указанное время). К., 1903.

Волк-Карачевский В. В. Борьба Польши с казачеством во второй половине XVII и начале XVIII в. Б. м., 1899.

Востоков А. Из прошлого города Киева // Киевская старина. 1889. № 10. С. 185—190.

Востоков А. К истории первого крымского похода // Киевская старина. 1886. № 2. С. 267—278.

* Некоторые авторские ссылки на источники и литературу, к сожалению, расшифровать не удалось.

Востоков А. Нежинская рада 1663 г. // Киевская старина. 1888. № 5. С. 125—139.

Востоков А. Посольство Шакловитого к Мазепе в 1688 г. // Киевская старина. 1890. № 5. С. 199—226.

Востоков А. Суд и казнь Григория Самойловича // Киевская старина. 1889. № 1. С. 41—63.

Востоков А. Судьба Выговских и Ивана Нечая // Киевская старина. 1890. № 1. С. 85—44.

Герасимчук В. Виговський і Юрій Хмельницький: Історичні студії // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1904. Т. 59. С. 1—40.

Грушевський О. Глухів і Лебедин // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1909. Т. 92. С. 21—65.

Грушевський О. З сорокових років // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1908—1909. Т. 83. С. 158—168; Т. 85. С. 81—105; Т. 89. С. 91—110.

Грушевський О. По катастрофі 1708 року // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1907. Т. 75. С. 85—95; Т. 78. С. 5—25; Т. 80. С. 19—35.

Грушевський М. С. Історія України-Руси: В 9 т. Київ; Львів, 1898—1928.

Грушевський М. На українські теми: Видавнича криза // Літературно-науковий вісник. 1909. Рік XII. Т. X/VIII. Кн. X. С. 108—117.

Грушевський М. На українські теми: Два роки галицької політики // Літературно-науковий вісник. 1909. Рік XII. Т. X/VII. Кн. VIII. С. 340—355.

Грушевський М. На українські теми: На новий рік // Літературно-науковий вісник. 1909. Рік XII. Т. X/V. Кн. I. С. 115—126.

Грушевський М. Наші вимоги // Український вестник. 1906. № 5. С. 267—273.

Грушевський М. С. Наші вимоги // Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 86—92.

Грушевський М. С. Освобождение России и украинский вопрос: Статьи и заметки. СПб., 1907.

Грушевський М. Реальна політика на галицькій ґрунті // Літературно-науковий вісник. 1909. Рік XII. Т. X/VII. Кн. IX. С. 555—565.

Грушевський М. С. Украинство в России, его запросы и нужды // Очерк истории украинского народа. СПб., 1906.

Грушевський М. Хмельницький і Хмельниччина // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1904. Т. 57. С. 1—24.

Грушевський М. С. Шведсько-український союз 1708 р. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1909. Т. 92. С. 7—20.

Грушенко С. Матеріал до історії Коліївщини: Кілька документів про участь ченців київських монастирів в гайдамацьких рухах XVIII ст. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1904. Т. 59. С. 1—16.

Джиджора І. Економічна політика російського правительства супроти України в 1710—1730 рр. Львів, 1911.

Джиджора І. Нові причинки до історії відносин російського правительства до України в 1720-х і 1730-х рр. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1904. Т. 61. С. 1—40.

Доманицький В. Піонер української етнографії // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1905. Т. 65. С. 1—43.

Дулишкович И. Исторические черты угро-русских. Унгвар, 1874.

Е. С. Гетманство Брюховецкого // Киевская старина. 1885. № 8. С. 545—596.

Ефименко А. Я. Малорусское дворянство и его судьба // Южная Русь: Очерки, исследования и заметки. СПб., 1905. Т. I.

Ефименко А. Я. Турбаевская катастрофа // Южная Русь: Очерки, исследования и заметки. СПб., 1905. Т. II.

Ефименко П. С. Калнишевский, последний кошевой Запорожской Сечи // Русская старина. 1875. Т. XIV. С. 227—420.

Енсен А. Орлик у Швеції // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1909. Т. 92. С. 93—169.

Енсен А. Родина Войнаровських в Швеції // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1909. Т. 92. С. 170—193.

Житецкий П. Г. Мысли о народных малорусских думках. К., 1893.

Житецкий П. Г. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в. К., 1883.

Житецкий П. Г. «Энеида» Котляревского и древнейший список ее в связи с обзором малорусской литературы XVIII в. СПб., 1900.

Исторические песни малорусского народа / С объяснениями В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова. К., 1874—1875. Т. 1—2.

К характеристике эпохи уничтожения казачества // Киевская старина. 1882. № 11. С. 382—389.

Кондратович Ф. Задунайская Сечь (по местным воспоминаниям и рассказам) // Киевская старина. 1883. № 1. С. 27—66; № 2. С. 269—300; № 4. С. 728—773.

Коренець Д. Зносини гетьмана Івана Виговського з Польщею в році 1657—1658 // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1900. Т. 38. С. 1—20.

Короленко П. П. Азовцы // Киевская старина. 1891. № 7. С. 53—74; № 8. С. 171—194.

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий: Историческая монография. СПб., 1884. Т. 1—3.

Костомаров Н. И. Гетманство Юрия Хмельницкого // Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. XII.

Костомаров Н. И. Мазепа и мазеповцы // Исторические монографии и исследования. СПб., 1885. Т. XVI.

Костомаров Н. И. Павел Полуботок // Исторические монографии и исследования. СПб., 1881. Т. XIV.

Костомаров Н. И. Руина // Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6. Т. 15—16.

Котляревський І. П. Енеїда. Харків, 1842.

Крижановський А. Матеріали до історії Коліївщини: Василянські записки й листи про Коліївщину // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1904. Т. 57. С. 1—24.

Л. Ч. Україна після 1654 р.: Історичний начерк // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1899. Т. 29. С. 2—13; Т. 30. С. 14—67.

Лазаревский А. М. Заметки о Мазепе (По поводу книги Ф. Уманца «Гетман Мазепа») // Киевская старина. 1898. № 3. С. 457—458; № 4. С. 131—167; № 6. С. 395—411.

Лазаревский А. М. Запорожье в конце XVIII века: Современная записка // Киевская старина. 1896. Кн. 12. С. 628—637.

Лазаревский А. М. Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783 гг.) // Записки Черниговского губернского статистического комитета. Чернигов, 1866. Кн. 1. С. 1—151.

Лазаревский А. М. Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783 гг.): Историко-юридический очерк по архивным источникам. К., 1908.

Лазаревский А. П. Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления: В 3 т. К., 1888—1903.

Лазаревский А. М. Очерки Малороссии в XVIII в.: Сотники // Русский архив. 1873. Кн. I. С. 342—387.

Лазаревский А. М. Павел Полуботок // Русский архив. 1880. Кн. I. С. 137—209.

Лазаревский А. М. По поводу ста лет от смерти графа П. А. Румянцева // Киевская старина. 1896. № 12. С. 374—394.

Лазаревский А. М. Суды старой Малороссии (С приложением трех документов) // Киевская старина. 1898. № 7—8. С. 75—115.

Левченко М. Потомки запорожцев на острове Лети // Киевская старина. 1882. № 5. С. 344—345.

Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904.

Летопись по Лаврентьевскому списку / Издание Археографической комиссии. СПб., 1872.

Летопись Нестора со включением Поучения Владимира Мономаха. СПб., 1893.

Максимович М. А. Малороссийские песни. М., 1827.

Максимович М. А. Украинские народные песни. М., 1834.

Маркевич Н. А. История Малороссии: В 5 т. М., 1842—1843.

Миллер Д. П. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Превращение казачьей старшины в дворянство // Киевская старина. 1897. № 1. С. 1—31; № 2. С. 188—220; № 3. С. 351—374; № 4. С. 1—47.

Миллер Д. П. Очерки из истории юридического быта старой Малороссии. Суды земские, городские и подкоморские в XVIII в. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1896. Т. 8. С. 63—243.

Михальчук К. Что такое малорусская (южно-русская) речь? // Киевская старина, 1899. № 8. С. 135—195; № 9. С. 111—112.

Модзалевский В. Л. Очерки по истории Лохвицкой, Сенчанской, Куренской и Варвинской сотен, вошедших в состав Лохвицкого уезда. К., 1906.

Мякотин В. Л. Прикрепление крестьянства Левобережной Малороссии в XVIII в. // Русское богатство. 1894. № 2, 3, 4.

Надхин Г. П. Память о Запорожье и о последних днях Запорожской Сечи // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. СПб., 1876. Кн. III. С. 125—193.

Оглоблин Н. Розыск 1666 г. о злоупотреблениях московских ратных людей Малороссии // Киевская старина. 1895. № 12. С. 271—306.

Огоновський О. М. Історія літератури руської: В 6 ч. Львів, 1887—1894.

Павловский И. Ф. Донесение Пирятинского нижнего земского суда князю Куракину // Киевская старина. 1904. № 1. С. 3.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом и Ногайскою ордами и с Турцией // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 41.

Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом: СПб., 1862. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия.

Петров Н. И. Киевская академия во второй половине XVII в. К., 1895.

Петров Н. И. Один из предшественников Ив. Петр. Котляревского в украинской литературе XVIII века Афанасий Кириллович Лобысевич // Статьи по славяноведению. СПб., 1904. Вып. 1. С. 57—63.

Петров Н. И. Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII вв. преимущественно драматической. К., 1911.

Петров Н. И. Очерки украинской литературы XIX столетия. К., 1884.

Петров А. Л. Материалы для истории Угорской Руси. СПб., 1905—1922. Вып. 1—8.

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910.

Права, по которым судится малороссийский народ / Изд. под ред. и с приложением исследования о сем Своде и о законах, действовавших в Малороссии, А. Ф. Кистяковского: В 3 кн. К., 1879.

Радакова Е. Українські козаки на Ладозьким каналі // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1896. Т. 12. С. 1—20.

Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II (1792—1796). Вильно, 1903.

Сборник Русского исторического общества: В 148 т. СПб., 1867—1916. Т. 55, 108, 117.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1883.

Скальковский А. Дунайцы // Киевская старина. 1885. № 1. С. 117—132.

Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского: В 3 ч. Одесса, 1884—1886.

Слабченко М. Е. Малорусский полк в административном отношении: Историко-юридический очерк. Одесса, 1909.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 29 т. М., 1851—1879.

Стешенко І. Українські шестидесятники // Записки Українського наукового товариства в Києві. К., 1908. Т. II. С. 39—83.

Стороженко Н. В. Полуботок или Свечка? (Эпизод из истории малороссийского землевладения второй половины XVII в.) // Киевская старина. 1890. № 12. С. 434—447.

Студії з поля суспільних наук і статистики. Львів, 1909—1928. Т. I—IV.

Твердохлебов А. Эпизод из предсмертной борьбы Запорожья за целостность своих владений // Киевская старина. 1886. № 12. С. 749—756.

Теличенко И. Сословные нужды и желания малороссиян в эпоху Ека-терининской комиссии // Киевская старина. 1890. № 8. С. 161—191; № 9. С. 390—419; № 10. С. 94—122; № 11. С. 251—272; № 12. С. 471—493; 1891. № 1—2. С. 73—97, 232—254.

Терлецький О. Галицько-руське письменство 1848—1865 рр. на тлі тогочасних суспільно-політичних змагань галицько-руської інтелігенції. Львів, 1903.

Томашівський С. Из записок каролинців про 1708/9 р. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1909. Т. 92. С. 66—92.

Томашівський С. Київська козачина 1855 р. // Літературно-наукова бібліотека видавничої спілки. 1902. Кн. 55.

Томашівський С. Листи Петра Великого до Адама Сінявського // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1909. Т. 92. С. 194—238.

Томашівський С. Народні рухи в Галицькій Русі 1648 р. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1898. Т. 24. С. 1—138.

Томашівський С. Угорські русини в світлі урядової угорської статистики // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1903. Т. 56. С. 1—46.

Українсько-руський архів: В 15 т. Львів, 1906—1925.

Уманець Ф. М. Гетман Мазепа. СПб., 1897.

Федотов-Чеховской А. А. Инструкция гетмана Даниила Апостола малороссийским судам // Киевская старина. 1887. № 1. с. 139—154.

Франко І. Я. Нарис історії української літератури до 1890 р. Львів, 1910.

Франко І. Я. Молода Україна. Львів, 1910.

Целевич Ю. Опришки // Руська історична бібліотека. Львів, 1897. Т. XIX. Розвідки про народні рухи на Україні-Русі в XVIII ст.

Целевич О. Причинки до зносин Петра Дорошенка з Польщею в 1670—2 р. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1898. Т. 25. С. 1—26.

Шиманов А. Л. Главнейшие моменты в истории землевладения Харьковской губернии (Материалы по вопросу о старозаимочном землевладении) // Киевская старина. 1882. № 11. С. 191—228; № 12. С. 401—419; 1883. № 1. С. 67—88; № 3. С. 555—594; № 6. С. 249—267.

Шульгин Я. Очерк Колявщини по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов // Киевская старина. 1890. № 2. С. 185—220; № 3. С. 381—418; № 4. С. 22—52; № 5. С. 268—306; № 6. С. 409—426; № 7. С. 1—21; № 8. С. 192—223.

Эварницкий Д. И. История запорожских казаков: В 3 т. СПб., 1895. Т. 2.

Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских казаков: В 2 т. Владимир, 1903.

Эйнгорн В. Очерки из истории Малороссии в XVII в.: Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899.

Ярошевич А. Малороссы по переписи 1897 г.//Киевская старина. № 6. С. 411—423.

Kubala L. Szkice historyczne. Seria 1—2. Warszawa, 1901.

Zrodla do dziejow drugiego i trzeciego rozbioru Polski. Lwow, 1902.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абазин А. 273—275
 Август II 278
 Август III 278
 Аквинский Фома 299
 Александр Казимирович 95, 112, 113, 175
 Александр Кориатович 95
 Алексей Михайлович 192
 Андрей Юрьевич 62, 75, 372
 Андрияшев А. М. 351
 Андыбер Ганжа 202
 Анна 257, 265, 278
 Антонович В. Б. 331, 332, 346, 349, 351, 355
 Апостол Д. П. 255—257, 260, 261, 263, 298
 Аристотель 299
 Артамонов М. И. 368
 Аскольд 50, 56
 Асохик 56
- Багaley Д. И. 351
 Байрон 230
 Балабан Геден 148
 Бандтке 327
 Бантыш-Каменский 305, 351
 Барабаш Иван 204
 Баранович Лазарь 217
 Бардах Ю. 381
 Барятинский В. М. 383
 Бату 63—64
 Бачинский Андрей 296
 Безбородько А. А. 261
 Белецкий П. А. 382
 Белинский В. Г. 319, 383
 Белозерский В. М. 383
 Белоконь С. И. 349
 Беспалый 210
 Боболинский Л. 300
 Богданович М. А. 305
 Боговитины 125
- Богомолец А. А. 350
 Бодянский О. М. 327
 Болеслав 54
 Бондаренко И. 280
 Борецкий Иов 168, 376
 Бородавка Я. 160
 Бравлин 43, 50
 Броневский Мартин 376
 Бронский Х. 147, 149
 Брюховецкий И. М. 202, 204, 212, 214—216, 363
 Булавин К. О. 246
 Бурундай 74, 372
 Бут Павло (Павлюк) 175, 176
- Вагилевич Иван 322, 323
 Валуев 319
 Варда Фока 55
 Варлаам 373
 Василий 147
 Василий (император) 55
 Василько Романович 70, 72—75
 Величко С. В. 300
 Вельяминов С. Л. 251—253
 Вениамин из Туделы 36
 Верлан 278
 Вернадский В. И. 350
 Вийтенко 202
 Винницкий Иннокентий 285
 Виргилий 309
 Витень 95, 96
 Витовт 95, 101, 102, 104, 106—108, 110, 124, 156, 374
 Витте С. Ю. 341
 Вишневецкие 124, 196
 Вишневецкий 116, 163
 Владимир Василькович 75
 Владимир Мономах 24, 55, 59—61, 77
 Владимир Ольгердович 95, 96, 100, 109

Владимир Святославич Великий (Святой) 26, 27, 42, 52—60, 66, 70, 71, 77—79, 91, 167, 370
 Владимир Ярославич 59
 Владислав 129
 Владислав Опольский 99, 103
 Владислав Сигизмундович 173—175, 178, 182
 Владислав Ягайлович 95
 Войшелк 94
 Волконский Ф. Ф. 379
 Володарь 71, 72
 Володимирко Володаревич 71, 72, 372
 Вольга (Олег) 51
 Воронежские 124
 Всеволод Ольгович 61
 Всеволод Юрьевич 62, 63
 Всеволод Ярославич 59—61
 Выговский И. 191, 194, 204—208, 210—213, 240, 245, 363
 Высоцкий С. А. 370
 Вышенский Иван 149, 286

Гавватович Якуб 307
 Галятовский Иоанникий 299
 Ганжа И. 378
 Гантаев Н. М. 373
 Гаштовт М. И. 109, 375
 Гедимин 95, 96, 106, 124, 374
 Гедиминовичи 107, 375
 Гендриков И. С. 259
 Георгий Амастридский 44
 Герасимчук В. 347
 Гердер 312
 Геродот 369
 Герцберг 271
 Гизель Иннокентий 299
 Гиря И. 378
 Гладкий Осип 270
 Глинские 112
 Глинский Михаил 112
 Глушко С. 349
 Глядкивский А. 349
 Гоголь Н. В. 313
 Голийчук Ф. 347
 Голицын В. В. 228—231
 Головатый А. А. 314
 Головацкий Я. Ф. 322, 383
 Головин (Головин) А. В. 320
 Голубовский П. В. 351
 Голуховский 326
 Гольшанский А. И. 110
 Гомонай 280
 Гонта Иван 280
 Гордиенко Кость 248, 250, 267
 Горленко Л. 245

Горский А. А. 368, 373
 Грабовецкий В. В. 381
 Грабянка Григорий 300
 Греков Б. Д. 353
 Гулак-Артемовский П. П. 315
 Гуляницкий Г. 207
 Гуня Д. Т. 177
 Гусак Иван 233
 Гуслистый К. Г. 375

Давидовичи 371
 Давид Святославич 59
 Даль-Луганский 327
 Даниил (монгольский хан) 63
 Данило (Даниил) Романович Галицкий 65, 72, 75, 372, 374, 376
 Дашкевич Я. Р. 349, 351
 Дашкович (Дашкевич) Евстафий 156, 376
 Дедько Дмитро 98
 Джебе 371
 Джиджора И. 347
 Дзинковский Иван 242
 Димитрий Ольгердович 106
 Димитрий Корибут 106
 Дир 50
 Длугош Ян 109, 110, 375
 Довбуш Олекса 280
 Довгалецкий Митрофан 307
 Довгополенко Гаврило 202
 Довнар-Запольский М. В. 351
 Дольская (Вишневецкая) 380
 Домажирич Лазарь 373
 Дондуков-Корсаков 333
 Дорошенко М. 171, 172, 183, 215
 Дорошенко П. С. 9, 171, 209, 215—225, 230, 272, 363
 Драгоманов М. П. 331, 332, 335, 349
 Дрозд 214
 Дубровицкие 124
 Дяченко В. Д. 367

Екатерина II 242, 264, 265, 267, 268, 279, 280, 303, 305
 Елизавета 239, 259, 271
 Ефименко А. Я. 240, 355

Жеславские 124
 Житецкий П. И. 331, 332
 Жмайло М. 170, 171
 Жолкевский Л. 175
 Жолкевский С. 164, 165, 168, 376, 377
 Жолтовский П. М. 382

Зализняк Максим 279, 280
Заславский Доминик 182
Загоровские 125
Затонский 350
Збаражские 124
Абу-Зейда Гасан 44
Значко-Яворский Мельхиседек 279
Золотаренко И. Н. 202, 211—213, 240

Ибн-Фадлан 27—29
Ибн-Хордадбег 37, 38
Ибн-Якуб 37
Иван III 375
Иваненко Петр (Петрик) 201, 232, 233, 240, 241, 379, 380
Игоревичи 71, 72
Игорь 40, 46, 48, 51—53, 57, 152
Игорь Ольгович 80
Игорь Ярославич 70
Изяслав Владимирович 59
Изяслав Мстиславич 59, 61, 63, 70
Изяслав Ярославич 59, 60
Иларион 57, 91
Иннокентий IV 372
Иоаким 298
Иоанн-Альбрехт 95
Иоанн Цимисхий 53
Иоанн Эфесский 20
Иосиф II 293, 295, 381
Иордан 20
Искра Захар 273
Ислам-гирей 18

Казимир III Великий 98, 99, 138
Казимир IV Ягайлович (Ягеллончик) 95, 102, 103, 105, 109—111, 115, 138, 374—375
Калиновский 181, 186
Калнышевский П. И. 268, 269
Калокир 53
Кантемир А. Д. 304
Капнист В. В. 271, 305
Караджич 312
Карамзин Н. М. 352
Карл X Густав 191, 192, 206
Карл XII 246, 249, 363, 364
Карачкивский М. 349
Квитка-Основьяненко Г. Ф. 315
Кейстут Гедиминович 95, 101, 107
Кий 40, 41
Кирдеи 125
Кирилл 91, 92
Кистяковский О. Ф. 331
Климов Семен 308
Климовский С. 308, 383
Ключевский В. О. 352
Кмит Ю. 347

Княгиницкий Иов 286
Коваленко Л. А. 381
Козицкий Г. В. 305
Колесов В. В. 368, 373
Кондратьев Герасим 243
Конещпольский С. 170—173
Конисский А. Я. 330, 332
Конисский Георгий (Григорий) 299, 301, 307, 309, 310
Кононович С. 176
Константин Багрянородный (Порфирородный) 21, 35, 39, 40, 47, 48, 54, 55, 368
Константин Кориатович 95
Копинский Исайя 174
Копитар Б. 322, 323
Копыстенский Захария 149, 151, 168
Кордуба М. 347
Коренец Д. 347
Корецкие 124
Кориат Гедиминович 95, 97
Кормильчик Володислав 372
Корчак-Чепурковский А. В. 350
Косинский Криштоф 163, 170, 360, 376
Костомаров Н. И. 315—317, 346, 349, 351, 355
Котляр Н. Ф. 372, 373
Котляревский И. П. 309, 314, 315, 382, 383
Котян 63
Коубек 327
Кохановский Ян 300
Кревецкий И. 347
Кременецкий Г. 304
Кривонос Максим 378
Крипякевич И. П. 347, 362, 372
Крупещкой 288
Кузеля З. 347
Кулиш П. А. 316, 317, 329, 330, 335, 346, 349
Кунцевич Иосафат 149, 170
Куракин Ф. С. 379

Лавревский 321
Лазаревский А. М. 351, 355
Лев Данилович 75
Лев Диакон 52
Лев Юрьевич 75, 372
Левицкий Б. 323
Левицкий И. 322
Левицкий О. И. 351
Леснодарский Б. 381
Лещинский С. 246, 257, 278
Лизогуб Я. Е. 257, 258, 300
Лобода Григорий 163

Лобысевич А. 309, 310
 Ловмянский Х. 368
 Логвин Г. Н. 382
 Лозинский Иосиф 322, 323
 Лукомский С. В. 300
 Лучкай М. М. 322, 383
 Лысенко Н. В. 332
 Любавский М. К. 375
 Любарт Гедиминович 76, 94, 95, 98—100, 106
 Любомирский 278
 Людовик Анжуйский 98, 100, 287
 Людовик Благочестивый 44
 Ляцкоронский Предислав 156
 Ляскоронский 301
 Ляскоронский В. Г. 351

Маврикий 33
 Мавродин В. В. 353
 Мазалевский Н. 308
 Мазепа И. С. 194, 226, 229—233, 238, 240, 244—249, 251, 256, 274—276, 298, 363, 364, 379, 380
 Максимович М. А. 312, 313, 346
 Максимович-Амбодик Н. А. 305
 Макферсон 312
 Мальборо 245
 Мамоници 147
 Маркевич Н. А. 351
 Марко Вовчок 318, 329
 Мария-Терезия 71, 381
 Масуди 36, 50, 51
 Махмет 170, 171
 Мацеевский 327
 Менгли-гирей 113, 153
 Меньшиков А. Д. 247, 255
 Метлинский А. Л. 315, 346
 Микошинский 163
 Милюков П. Н. 352
 Миндовг 94, 96, 374
 Миславский Самуил 302
 Михаил 44
 Михаил Олелькович 95, 109, 110
 Михальчук 331
 Мицкевич А. 327
 Мишко Д. И. 375
 Многогрешный Д. Г. 217—219, 226, 228, 379
 Могила Петр 174
 Могильницкий И. 321, 383
 Модзалевский В. Л. 355
 Можайский Семен 111
 Молибожич Ивор 373
 Молчановский Н. В. 351
 Мольер 310
 Монтовты 125

Моця А. П. 369, 372
 Мстислав 63
 Мстислав Владимирович 59—62, 66, 67, 370
 Мстислав Данилович 75
 Мстислав Изяславич 61—63, 371
 Мякотин В. А. 355

Назаренко А. В. 372
 Наливайко Северин 163, 165, 167, 360
 Нарышкина Е. 260
 Наулко В. И. 367
 Наумов 255
 Неживый Семен 280
 Некрашевич Иван 308
 Немирич Юрий 208
 Нестор 21, 40, 369
 Нечуй-Левицкий И. С. 330, 332
 Низами 52
 Никифор Фока 53, 55
 Новицкий В. 349

Огодай 64
 Олег 45, 46, 50—52, 167
 Олег Святославич 59, 69
 Олельковичи 124
 Олелько Владимирович 95, 109
 Олийничук С. 293
 Ольга 45, 52, 370
 Ольгерд Гедиминович 95—98, 100, 374
 Ольгердовичи 106
 Ольговичи 69, 371
 Омельченко 275
 Опара 216
 Орендаренко 173
 Орлик Ф. 245, 249, 250, 257, 276, 380
 Острожские 124, 147, 163, 182
 Острожский Константин 148, 376
 Острожский Януш 163
 Остринин Яков (Яцко) 177, 242
 Оттон I 52, 370

Павел I 271, 272, 293
 Павловский А. П. 304, 314, 315
 Палий Семен 273—275, 364
 Палладин А. В. 350
 Панас Мирный 332
 Парпура С. 314
 Пашкевич Г. А. 368
 Пашуто В. Т. 372
 Перси 312
 Петр I 230, 231, 244—255, 257, 259, 275, 276, 301, 303, 304, 308, 380

Петр II 254, 256, 301
Петражицкий-Кулага И. 172, 174
Петровский М. Н. 378
Пиетрчак 381
Плавт 310
Плетенецкий Е. М. 151, 168
Плутарх 382
Погодин М. П. 8, 326, 352
Покровский М. Н. 350
Полуботок П. Л. 241, 248, 252, 256,
260, 261, 263
Порайко В. И. 350
Порицкие 124
Потемкин Г. А. 268, 269, 271
Потий 148, 167
Потоцкий 176, 177
Потоцкий Н. 180—182
Потоцкий С. 181
Прозоровский С. 268
Прокопий 20, 27—29, 33
Прокопович Феофан 299
Приходнюк О. М. 367
Путувер 95
Пушкарь Мартин 204, 205, 212
Пушкин А. С. 230

Разумовский А. К. 259
Разумовский К. Г. 259, 262—265, 271,
303, 310
Раковецкий 327
Ракоци Юрий 186, 191, 378
Рогатинец Ю. 376
Роман 72, 75
Роман Мстиславич 63, 372
Романовичи 74, 96
Ромодановский Г. Г. 210, 216, 217,
222—224
Ростислав 73
Ростислав Владимирович 59
Ростислав Мстиславич 59, 61
Ростиславичи 70
Рубан В. Г. 305
Рубач М. А. 377
Рудницкий С. 347
Рудченко 331
Румянцев 253
Румянцев П. А. 265, 266, 305
Рыбаков Б. А. 353, 367—370
Рюрик 72
Рюриковичи 372, 375

Сагайдачный П. К. 167, 168
Саманиды 38
Самовидец 178, 300

Самойлович Григорий 229
Самойлович И. С. 219, 221—233, 239,
272, 273
Самойлович Яков 229
Самусь Самуил Иванович 273, 275
Сангушки 124
Санин Г. А. 362
Сасаниды 37
Сафонович Феодосий 300
Свенельд 48, 49, 52
Свитригайло (Свидригайло) 95, 102,
104—106, 108, 109, 112, 124, 126,
374
Святополк Изяславич 59, 60
Святополк-Четвертинский Гедеон 227
Святослав Игоревич 38, 46, 48, 51—
54, 59, 370
Святослав Ярославич 59—61, 68, 69
Святославичи 69
Седов В. В. 367, 368
Семен Олелькович 95, 109
Семашки 125
Сенявский А. 275
Сергеевич В. И. 190
Сигизмунд 126
Сигизмунд Казимирович 95
Сигизмунд Кейстутович 95, 102, 104,
105, 108, 109, 112, 113, 115, 374
Сигизмунд II Август 95, 113, 114, 156
Сигизмунд III Ваза 173, 174
Сирко И. Д. 207—209, 223, 225, 267,
363
Скабаланович Н. 376
Скальковский А. А. 346
Сковорода Г. С. 305, 382, 383
Скоропадский И. И. 248, 250—252,
259, 265, 276
Слабченко М. Е. 355
Словацкий Юлиуш 230
Слюсарский А. Г. 380
Смолятич Климент 91
Смотрицкий Г. 147
Смотрицкий М. 149, 150
Собеский 221
Собесский Ян 273, 285
Соловьев С. М. 227
Сомко Аким 202, 211—213, 240
Софья Алексеевна 228
Сохацкий 305
Срезневский И. И. 312, 315
Стадион 323
Старицкий М. П. 332
Стеблій Ф. И. 381
Стефан Баторий 157, 158, 162
Субедей 371
Судыч Доброслав 373
Сулима И. М. 175

Сурожский Стефан 369
Сушко А. 347

Табаристан 44
Танский А. М. 275, 310
Тацит 367
Текели 268
Темуджин 63, 371
Теплов Г. Н. 264, 301
Терлецкий Е. 347
Терлецкий Мефодий 148
Тетеря Павел 212, 214
Тимошук Б. А. 368
Ткаченко Н. М. 349
Толочко А. П. 373
Толочко П. П. 353, 369—371
Толстой П. А. 250, 253, 255
Томашиевский С. 347
Томиленко В. 175, 176
Трубачев О. Н. 368
Трубецкой А. Н. 206, 207, 209, 210
Тугай-бей 180
Тукальский 285
Туманский Ф. О. 305
Туптало Димитрий 299

Фаларис 165, 376
Федор 96, 374
Федор Кориатович 95, 106, 287
Федор Любартович 95, 106
Федоров Иван 376
Федорович Тарас (Трясило) 172, 173, 183
Феодосий 90, 373
Феофан 167
Феофил 44
Феофилакт 20
Филоненко 177
Фотий 45
Франко И. Я. 335, 350, 364

Хаджи-гирей 113
Ханенко М. С. 208
Ханенко Н. Д. 220—222, 234
Хижняк З. И. 382
Хмельницкий Богдан (Зиновий) 9, 157, 160, 178—194, 199, 201—206, 211—215, 217, 225, 232, 234, 235, 240, 242, 245, 252, 256, 263, 264, 266, 267, 282, 300, 301, 306, 361, 362, 377, 378
Хмельницкий Михаил 377
Хмельницкий Н. И. 305
Хмельницкий Юрий 203, 204, 208—212, 224, 225

Ходаковский 312
Ходкевичи 147
Ходыка Федор 170
Хорив 40
Христина 191
Христофор Филалет 376

Целевич О. 347
Цертелев Н. А. 312, 313, 315
Цицерон 382
Цыцюра 208, 210, 211

Чайкивский О. 347
Чарнецкий Стефан 214
Чарныш 251
Чацкий Ф. 297
Черепнин Л. В. 370, 373
Черный Г. С. 172
Чертков 333
Черторыйские 124
Четвертинские 124
Чингизхан 371
Чиха 56
Чубинский П. П. 331
Чуйкевич Ф. 263

Шабульдо Ф. М. 374, 375
Шагин-гирей 170, 171
Шамрай С. 349
Шаскольский И. П. 369
Шаула Матвей 163
Шаховской 257, 258
Шашкевич Маркиан 322, 323
Шварно Даниилович 94
Швачка Я. 280
Шевченко Т. Г. 316, 317, 319, 328, 330, 334, 338, 344, 347, 383
Шемберг Я. 181
Шемячич Василий 111
Шептицкий Варлаам 285
Шереметьев 210
Шульгин Я. Н. 355
Шумлянский Афанасий 286
Шумлянский Иосиф 285, 286
Шумлянский Кирилл 286

Щек 40
Щелков К. П. 380

Юзефович 170
Юзефович М. В. 332
Юрий 63

Юрий II (Болеслав Тройденевич) 75,
76, 94, 96, 97, 372
Юрий Владимирович 59, 61, 62
Юрий Кориатович 95
Юрий Львович 75
Юркевич В. 349

Яворницкий Д. И. 355
Ягайло 95, 99—102, 104, 106, 107, 115,
120, 126, 129, 144
Ядвига 99, 100

Ян Вышатич 48
Ян-Казимир 183
Яременко П. К. 376
Ярополк Владимирович 61
Ярополк Святославич 53, 54
Ярослав 26
Ярослав (волынский князь) 70, 71
Ярослав Владимирович 58—60
Ярослав Изяславич 371
Ярослав Мудрый 91, 347
Ясинский М. А. 352
Яхия Александр 170

СОДЕРЖАНИЕ

I. Современная украинская колонизация и ее исторические изменения; географические условия; украинский этнический тип	5
II. Общие черты украинской истории. Расселение украинских племен	15
III. Культура и быт	25
IV. Торговые сношения; начало государственной организации; летописная традиция о начале Киевского государства	34
V. Киевское государство в IX и X вв.— процесс созидания	45
VI. Киевское государство в XI и XII вв.— процесс разложения	58
VII. Княжества-земли XI—XIII вв. Галицко-Волынское государство XIII—XIV вв.	66
VIII. Политическое и общественное устройство, право и культура XI—XIII вв.	76
IX. Переход украинских земель под власть Великого княжества Литовского и Польши (XIV—XV вв.)	94
X. Украинские земли в XV—XVI вв.; собрание украинских земель Польшею	105
XI. Общественная и культурная эволюция. Привилегированные сословия	119
XII. Крестьянство	132
XIII. Города. Религиозно-национальное и культурное движение XVI—XVII вв.	142
XIV. Казачество — его происхождение и развитие	152
XV. Казачество и казацкие войны до 1648 г.	162
XVI. Хмельниччина	178
XVII. Строй и отношения, созданные Хмельниччиной	193
XVIII. События по смерти Хмельницкого (1657—1663)	203
XIX. Смуты 1660—1680 гг.	214
XX. Отношения конца XVII в.	225
XXI. Социально-экономический процесс в Восточной Украине XVII—XVIII вв.	233
XXII. Восстание Мазепы и первая отмена гетманства	244

XXIII. Последние гетманы	254
XXIV. Ликвидация старого строя Гетманщины	264
XXV. Правобережная Украина	272
XXVI. Западная Украина	281
XXVII. Падение национальной и культурной жизни в Восточной Украине	297
XXVIII. Украинское возрождение в России	306
XXIX. Украинское возрождение в Австро-Венгрии	320
XXX. Последние десятилетия	331

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. С. Грушевский: краткий очерк жизни и научной деятельности (Ф. П. Шевченко, В. А. Смольи)	345
Примечания (В. М. Рычка, А. И. Гуржий)	366
Список источников, использованных М. С. Грушевским	384
Именной указатель	390

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ УКРАИНЫ
Грушевский Михаил Сергеевич
ОЧЕРК ИСТОРИИ УКРАИНСКОГО НАРОДА

Зав. редакцией С. В. Головки
Оформление художника Ю. В. Бойченко
Художественный редактор А. Г. Григор
Технический редактор Е. Г. Рублев
Корректоры А. В. Дрожжина, М. Г. Ехлакова,
Л. Ф. Иванова

ИБ № 14582

Сдано в набор 23.04.90. Подп. в печать 28.08.90. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 2. Гарн. Тип Таймс. Выс. печать. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 25,97. Тираж 40 000 экз. Изд. № 2964-к. Зак. № 0—1496. Цена 9 р.

Издательство «Лыбидь» при Киевском государственном университете, 252001 Киев, Крещатик, 10

Главное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», 252057 Киев, ул. Довженко, 3

Грушевский М. С.

- Г91** Очерк истории украинского народа / Сост. и ист.-биогр. очерк **Ф. П. Шевченко, В. А. Смолия; Примеч. В. М. Рычки, А. И. Гуржия.**— К.: Лыбидь, 1990.— 400 с. («Памятники исторической мысли Украины») ISBN 5-11-001669-0.

В книге известного украинского историка **М. С. Грушевского (1866—1934)** в очерковой форме излагается история украинского народа со времен Киевского государства до начала XX в. Предлагаются оригинальные трактовки важнейших исторических событий, характеристики видных деятелей национальной истории. Текст памятника сопровождается обширным научно-справочным аппаратом.

Для преподавателей-обществоведов, научных работников, студентов, всех интересующихся отечественной историей.

Г 0503020902-116 11-91
M224(04)-90

ББК 63,3(2Ук) + 63.3(2)

9 р.

М.С. ГРУШЕВСКИЙ

